Р.З.Б.
ОТД.
N 54
1945 г.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
STACKS

Per. 62/
162

РЫБИНСКАЯ
ЗЕМСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЖИЛОЕ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Г. Б. Х.
1876 г.

050
3.32/8

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 8 АВГУСТЪ

Рязанское
ЗЕМСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

33667

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СТРАН.

I. — СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. (Замѣтки присяжнаго засѣдателя). **В. Никитина** . . . 279
II. — БРОДЯЧАЯ РУСЬ. Скрытники и христолюбцы. (*Окончаніе*). **С. Максимова**. 321
III. — ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ. **Петра Вейнберга** 375
IV. — КАРТИНКИ И НАБЛЮДЕНІЯ. **А—вой** 383
V. — ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СМЕРТИ. **Н. Курочкина** . . 411
VI — СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО ОПТИМИСТА. **Е. Ананьева** 413
VII. — СТИХОТВОРЕНІЕ. **Н. Курочкина** 494
VIII. — ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА. Часть вторая. Гл. XII.—Поселеніе въ Курганѣ 495
IX. — ВЫМОРОЧНЫЙ. **Н. Щедрина**. 521
X. — ЖАКЪ. Современные нравы. **Альфонса Додэ**. (*Окончаніе*). **А. П.** 559

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XI. — СОВРЕМЕННАЯ МАНІЯ КЪ ПУТЕШЕСТВІЯМЪ. 147
XII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Попытка произведенія министерскаго кризиса по поводу законопроекта о муниципальной организаціи.—Интересы орлеанистовъ и бонапартистовъ въ произведеніи такого кризиса. Жеромъ Давидъ и Жолибуà.—Ультиматумъ маршала.—Смерть Казиміра Перье.—Продѣлка на экзаменахъ въ политехнической школѣ и запросъ Гамбетты.—«Гниль» и «навозъ».—Маркý и государственный переворотъ 1851 года.—Фарсъ Митчеля: «Ихъ семдесятъ пять?»—«Les droits de l'homme» и декретъ 1852 г.—Дюфоръ, побѣжденный Мадьѐ-де-Монжо.—Палата и печать.—Скандалъ съ депутатомъ Рувьѐ.—II. Выборъ Пейрюсса и новая выходка Кассаньяка противъ республики.—Министерское заявленіе 7-го іюля.—Мак-Магонъ неотдѣляемъ отъ республики.—Протестъ Келлера противъ союза правыхъ.—От-

(*См. страницу 3-ю*).

057
ОТ
1876
no.8

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Замѣтки присяжнаго засѣдателя).

«Правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Указъ сенату 20 ноября 1864 г. и надпись на зданіи судебныхъ мѣстъ.

Въ текущемъ маѣ мѣсяцѣ исполнилось 10 лѣтъ со времени введенія въ Петербургѣ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ члены всѣхъ слоевъ столичнаго общества призываются, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, воцарять «правду и милость въ судахъ». Теперь сессіи продолжаются по 20 дней, а не по мѣсяцу, какъ прежде; но, считая въ мѣсяцъ вмѣсто полагающихся по 36 (за неявкою нѣкоторыхъ по болѣзни, отсутствію и разнымъ другимъ уважительнымъ причинамъ), лишь по 30 человѣкъ на каждое изъ двухъ уголовныхъ отдѣленій, оказывается, что засѣдательствовали: въ годъ — до 720, а въ 10 лѣтъ — до 7,210 человѣкъ. Еслибъ хоть одинъ изъ ста этихъ бывшихъ засѣдателей дѣлился съ публикою своими мыслями, неизбѣжно рождающимися во время засѣдательства, и то бы мы пріобрѣли ужь богатый матеріалъ для оцѣнки достоинствъ уголовнаго суда, и въ особенности для цѣлесообразнаго измѣненія уложенія о наказаніяхъ, страдающаго весьма осязательными для всѣхъ недостатками. Но странное дѣло; изъ помянутой массы людей никто, кажется, *печатно* не выражалъ своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ практики, а многіе и изустно даже стѣсняются разсказывать: что̀ они видѣли, слышали, перечувствовали въ судѣ... Между тѣмъ, молчаливость эта безусловно вредна: то, что̀ создаютъ присяжные—неожидаемые оправдательные вердикты — ставятъ въ вину коронному суду, а то, въ чемъ слѣдуетъ упрекать устарѣвшій законъ, да обвинительную камеру — привлекающіе къ суду за дѣянія, противорѣчащія «правдѣ и милости» — истолковываютъ несостоятельностью ин-

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
0 198 8 П-209/34

ститута присяжныхъ; люди же, которымъ противны судебныя реформы, пользуются указаннымъ заблужденіемъ, чтобы ополчаться противъ суда присяжныхъ — этой, безспорно, лучшей гарантіи правосудія: присяжные, свободные отъ педантизма, быстро прививающагося къ большинству нашихъ криминалистовъ, руководствуясь, главнымъ образомъ, принципомъ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ», рѣшаютъ участь подсудимыхъ сообразно *свободному* убѣжденію ихъ общественной совѣсти. Я говорю все это по личному опыту: ровно 5 лѣтъ тому назадъ, я пробылъ мѣсяцъ присяжнымъ засѣдателемъ, при чемъ результаты своихъ наблюденій помѣстилъ: сперва въ «Отечественныхъ Запискахъ», а потомъ въ изданной мною, въ 1872 г., книгѣ «Общественныя и законодательныя погрѣшности». Миновали годы, судъ присяжныхъ безпрерывно работалъ; но въ печати, повторяю, мнѣ не пришлось встрѣчать ровно ничего *отъ имени засѣдателей* [1]. Обстоятельство это вызываетъ во мнѣ тѣмъ бо̀льшее желаніе побесѣдовать съ читателями о судѣ присяжныхъ, благо я только-что кончилъ вторичное свое засѣдательство.

I.

Однажды, вечеромъ, городовой принесъ мнѣ повѣстку, приглашавшую меня въ присяжные засѣдатели, но никакихъ уже внушеній: не забыть день, не опоздать къ 10½ часамъ утра, чтобы не подвергнуться за это взысканію — онъ мнѣ не дѣлалъ, какъ это усердно дѣлалъ въ 1871 году. Необходимость прибыть въ судъ къ сроку настолько ужь, въ 5 лѣтъ, значитъ, привилась, рѣшилъ я, что предупрежденія сдѣлались ненужными, что̀ составляетъ своего рода прогрессъ. Въ означенный въ повѣсткѣ день я отправился, утромъ, въ судъ самолично убѣдиться: под-

[1] О судѣ присяжныхъ вообще появилось въ печати съ 1871 года: «Очеркъ происхожденія и историческаго развитія суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ», г. Кенигсона; «Судъ присяжныхъ по русскимъ законамъ», г. Квачевскаго; «О дѣятельности предсѣдателя суда присяжныхъ», г. Миклашевскаго; но всѣ эти книги—такая отвлеченная, сухая матерія, одолѣть которую очень трудно простому смертному, такъ что вниманія достойна лишь помѣщенная въ № 7 и 8 «Молвы» 1876 г., статья «Неестественный дуализмъ». Скрывшійся подъ буквами M. N. авторъ этой статьи справедливо доказываетъ, что за время существованія суда присяжныхъ народное сознаніе переросло наше уложеніе о наказаніяхъ, множество статей котораго представляются засѣдателямъ анахронизмомъ, и потому они, по своему разумѣнію, опредѣляютъ вердиктами: что̀ именно преступно и достойно кары, а что̀ не должно возбуждать уголовнаго преслѣдованія, естественно вызываетъ оправданіе.

винулся ли судъ присяжныхъ впередъ, отодвинулся ли онъ назадъ, или всѣ 5 лѣтъ пребывалъ неподвижно? Отвѣты на эти вопросы читатели найдутъ ниже, въ своихъ мѣстахъ.

— Вы въ присяжные? озадачилъ меня неожиданно вопросомъ часовой—сторожъ, возлѣ главныхъ воротъ окружнаго суда.

— Да, въ присяжные, но почему ты это отгадалъ и для чего спрашиваешь?

— Отгадалъ потому, какъ въ началѣ 11-го однихъ только присяжныхъ и зовутъ въ первый день ихъ очереди въ судъ, знакомиться промежъ собой до засѣданіевъ, чтобы потомъ не опростоволосились въ дѣлахъ, а остановилъ я васъ гля того, чтобы указать вамъ дорогу съ Шпалерной: собственно гля присяжныхъ тамъ особый входъ устроенъ, чтобы не мѣшались со всякимъ сбродомъ. Пожалуйте за уголъ—подъѣздъ и будетъ вашъ, засѣдательскій. Почетъ эдакій засѣдателямъ за то, что они—«судьи праведные», кончилъ словоохотливый сторожъ, съ ироническимъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

Особый подъѣздъ этотъ—тоже прогрессъ за 5 лѣтъ, но, какъ тамъ хранится верхнее платье «праведныхъ судей», то тамъ же раздѣваются и иные коронные судьи, «любящіе почетъ». Въ двухъ комнатахъ для совѣщаній засѣдателей каждаго изъ двухъ уголовныхъ отдѣленій суда висятъ св. иконы (предъ ними теплятся лампады) и большіе портреты Государя; топятся камины, на окнахъ гардины, занавѣсы; есть по три стола: одинъ—длинный для совѣщаній, покрытъ сукномъ, окруженъ большими 12 стульями; на этомъ столѣ чернильницы, песочницы и перья, но ни бумаги, ни книгъ нѣтъ; далѣе, передъ двумя широкими диванами, также обставленными мѐньшими креслами и стульями, по круглому столу; на нихъ, покрытыхъ салфетками, есть пепельницы, подносы, графины, стаканы. Мебель вся мягкая, очень удобная для отдыха. Для ночлега чистыя, безукоризненныя постельныя принадлежности; въ залахъ засѣданій, передъ каждымъ изъ 12 присяжныхъ засѣдателей — подъемные столики, для записыванія на память свѣдѣній.—Вообще, обстановка описанныхъ комнатъ прекрасная, тогда какъ 5 лѣтъ тому назадъ онѣ выглядѣли буквально нищенскими обиталищами! Въ первомъ отдѣленіи, кромѣ того, на стѣнахъ крупными, печатными, золотыми буквами написаны: на одной—присяга, а на двухъ—статьи уст. угол. судопр. о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей, чего нѣтъ, къ сожалѣнію, во второмъ отдѣленіи, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ загонѣ противъ перваго.

Въ комнатѣ, назначенной для сбора и совѣщанія засѣдателей, я засталъ человѣкъ 10 изъ разныхъ сферъ общества; всѣ они

выглядѣли смѣлыми, спокойными, такъ что робость, озабоченность, какія господствовали до перваго засѣданія 5 лѣтъ тому назадъ—совершенно улетучились. Засѣдателей постепенно увеличивалось, почти всѣ были сообщительны, держались ровно, безъ всякаго гонора и стѣсненія; оттого разговоръ между ними постепенно оживлялся.

— Вы ужь засѣдательствовали? спрашивали другъ друга.

— Дà, дважды бывалъ.

— А я такъ четвертый разъ сподобился.

— Я—тоже обстрѣленный: второй разъ; первый былъ въ первомъ отдѣленіи и въ зòновскомъ дѣлѣ участвовалъ (въ чемоданѣ-то въ Москву отослали, помните, чай?); прелюбопытное, доложу вамъ, засѣдательство это было.

— Намъ Бабаева, князя-то Гокчайскаго, судить привелось—тоже весьма интересныя каверзы продѣлывалъ онъ.

— По моему, засѣдательствовать и полезно: невольно узнаёшь судебные порядки, да и такія еще случаются оказіи, о какихъ и въ голову никогда не прійдетъ.

— Но это же засѣдательство—отмѣнная, по вашему, какъ бы школа—съ панталыку сбиваетъ легкомысленныхъ людей: одинъ, вонъ, мой знакомый степенный, дѣловитый былъ купецъ, прозасѣдательствовалъ мѣсяцъ, и такъ это ему все понравилось, что съ тѣхъ поръ онъ ни одного важнаго дѣла не пропущаетъ: чуть свѣтъ поднимается—и сюда; а тутъ по полсуткамъ, не ѣвши, не пивши, просиживаетъ, чтобы мѣсто, значитъ, не прозѣвать. Окромя того, цѣлый ворохъ книгъ накупилъ и все читаетъ, вслухъ, знаете ли, домашнихъ начитываетъ, спокою никому изъ нихъ не даетъ; хлѣбомъ не корми его, только про засѣдательство потолкуй съ нимъ. Такъ засѣдателемъ и прозвали его, вмѣсто фамиліи, и дома, и въ рынкѣ; кликнутъ его: «эй ты, засѣдатель», и онъ съ важностью всякому отзывается. Сдружился со всѣми засѣдательствовавшими съ нимъ и по 20% скидки дѣлаетъ имъ со всѣхъ своихъ товаровъ, а ихъ много имѣетъ разныхъ. «Въ жисть свою такъ пріятно время не провелъ, какъ въ засѣдательствѣ», твердитъ онъ и потому засѣдателю уступку дѣлаю съ полнымъ удовольствемъ...

— А мой родственникъ сряду 3 года по мѣсяцу прозасѣдательствовалъ, да потомъ адвокатствомъ съ засѣдательства занялся.

— Шалыганы ваши знакомые и родственники—вотъ я что̀ вамъ скажу, возразилъ купчина.—Засѣдательствовать занятымъ людямъ я думаю и довольно, вѣдь, убыточно.

— Противъ убыточности спорить, разумѣется, нѐчего—прав-

да, да ничего, вѣдь, не подѣлаешь: законъ, служба общественная.

— Эта обчественная служба вамъ, господамъ чиновникамъ, точно подходящая: заперъ себѣ дѣла̀ въ шкапъ, да и маршъ въ судъ, а въ министеріи хоть трава, какъ въ полѣ, не рости, все время засѣдательства; а нашему брату, купцу, кажинный день—убытокъ; иному же, мелкому, тотъ законъ камнемъ на шеѣ ложится. Спросите, вотъ, примѣрно его: откуда онъ плетется сюда?

Взоры всѣхъ устремились на колониста.

— Гдѣ вы, скажите пожалуйста, живете?

— Въ колоніи, на 14-й верстѣ отъ Петербурга. Я сегодня всталъ въ 4 часа утра, въ 5 пустился въ дорогу съ попутчиками, а къ 10-ти прибылъ въ судъ. Я ужь въ позапрошломъ году засѣдательствовалъ и добирался сюда къ 10-ти утра, а отсюда, ежели выступалъ въ 5, домой попадалъ къ 10 вечера. Очень ужь устатокъ одолѣваетъ: дома почти не бываешь, да и работа останавливается.

— Надъ воротами суда золотыми буквами написано «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». И вы, за стѣсненія, какія выносите, можете гордиться тѣмъ, что вы, въ числѣ другихъ, водворяете въ судѣ «правду и милость», а это—великая заслуга обществу.

— Это самое и пасторъ говорилъ мнѣ—служить присяжнымъ пользительно людямъ и угодно Богу.

Тѣмъ не менѣе, всѣ пожалѣли колониста и сѣтовали: зачѣмъ призываютъ людей изъ-за города, когда въ городскихъ обывателяхъ избытокъ? Не мало также засѣдатели подивились и тому, что призванный засѣдательствовать воспитатель пажескаго корпуса, англичанинъ, *ничего не понималъ по-русски*, несмотря на безъвыѣздное его здѣсь пребываніе больше 20 лѣтъ. Англичанинъ оправдывался тѣмъ, что онъ занимается въ корпусѣ разговоромъ съ воспитанниками *исключительно по-англійски* и, чтобы не портить, будто бы, произношенія роднаго нарѣчія—онъ нарочно и не учился по-русски, хотя по-французски и говоритъ.

Около 11 часовъ, посѣтилъ насъ единственный посредникъ между судомъ и присяжными—судебный приставъ со спискомъ засѣдателей; изъ списка этого мы узнали, что изъ призванныхъ на нашу сессію засѣдательствовать на лицо было: 8 чиновниковъ; 13 купцовъ; 6 ремесленниковъ и 3 крестьянина—30 человѣкъ; впослѣдствіи же за увольненіемъ судомъ кого за бо-

лѣзнію, англичанина [1] за непониманіе по-русски, и тому под., осталось только 24 человѣка. Списокъ этотъ всѣ засѣдатели внимательно разсматривали и особенно останавливались на крупныхъ чинахъ, придворныхъ званіяхъ.

— Тужить, братцы, нѐчего: въ старшины выборъ порядочный: хоть отбавляй, весело заявилъ купецъ группѣ товарищей, по прочтеніи списка.—И кàкъ, знаете ли, это ловко подходитъ: чтò ни баринъ, то и засѣдательствовалъ разъ, другой; стало-быть, смѣло въ старшины его валяй—потому маху не дастъ.

— Собственно объ старшинахъ мы, братъ, тужить и не думали: «дà, виновенъ», «нѣтъ, не виновенъ», али стòитъ снисходительности мы и сами нацарапать съумѣемъ, не хуже твоихъ баръ, самоувѣренно замѣтилъ пожилой купецъ.—Былое это дѣло.

— Все-жь отдать почтенье господамъ слѣдуетъ: они смышленѣе насъ съ вами; къ тому же, и поклониться, голова, чай, не отвалится.

— Тàкъ-то оно такъ, уступить обходительному барину мы, конешно—не прочь, а гоняться за старостствомъ и не стòитъ: кàкъ придется на юру читать ряшенье—всѣ на тебя, яко бы на палача, смотрятъ, а предступникъ, коли его засуждаешь—проглотить тебя готовъ; ну, въ глазахъ и рябитъ, даже знобитъ отъ робости. Все это удовольствіе мы въ прошломъ году разъ испытали и больше оно намъ и за сто раковъ не желательно.

— Не трусу ли, откровенно сознайся, празднуешь? Понимаемъ-съ... проговорилъ почитатель барства и отошелъ въ сторону.

— Наша обязанность—отвѣчать: совершилось ли извѣстное преступленіе, или нѣтъ, толковалъ чиновный засѣдатель въ другой группѣ. Ясно мы, поэтому, не вправѣ никого оправдывать, коль скоро сознаніе или улики безспорны. Въ этомъ смыслѣ есть и разъясненія сената.

— Самъ же сенатъ возбраняетъ давать намъ въ руки законъ, возразилъ другой чиновникъ:—тѣмъ менѣе, слѣдовательно, намъ основанія руководствоваться сенатскими *разъясненіями*, которыя *для насъ*, какъ *присяжныхъ*, вовсе и *не писаны*: нашъ единственный принципъ—«правда и милость», а, исходя изъ этого принципа, мы должны стремиться лишь къ осуществленію его по совѣсти; оттого можемъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, отверг-

---

[1] Англичанинъ просидѣлъ, впрочемъ, въ судѣ весь первый день и потомъ съ гордостью передавалъ, что, такъ какъ судъ присяжныхъ перешелъ во всѣ государства изъ Англіи, то онъ радуется, что судъ этотъ скоро и хорошо привился въ Россіи.

нуть и улики, и сознаніе, коль скоро совѣсть подскажетъ намъ, что предусмотрѣнное *буквою* закона преступленіе идетъ въ разрѣзъ съ «правдою и милостью», не говоря ужь идеальною, а хотя бъ и общежитейскою правдою, часто не вмѣщающеюся въ тѣсную рамку закона.

— Совершенно справедливо, подхватилъ третій.—Не даромъ же въ 10-ти-лѣтнее существованіе суда присяжныхъ оправдана не одна сотня людей, признававшихся виновными по формѣ, которая заѣдаетъ насъ—вотъ въ чемъ бѣда. Я говорю бѣда, потому что устарѣвшая форма во многомъ расходится съ современнымъ состояніемъ общества, съ его міросозерцаніемъ...

— Есть, господа, пословица: «когда рожь, тогда и мѣра», перебилъ говорившаго ремесленникъ.—И мы, какъ почнемъ судить, тогда и будемъ рѣшать такъ, какъ Богъ на душу намъ положитъ, а покуда запомните, сдѣлайте милость, что теперь великій постъ—время покаянія, молитвы, и жестокостей чтобы мы не творили: преступники тоже, вѣдь—люди, а иные и жалости достойны. Я, по своему, можетъ, глупому разуму, такъ сужу—потому извините меня, простака.

— Ишъ зубы-то кàкъ заговариваетъ! ну, да ладно, подхватило нѣсколько голосовъ.

— Судъ проситъ васъ, господа, въ зало, произнесъ вошедшій судебный приставъ.

Все смолкло. Засѣдатели оправились и цугомъ послѣдовали по приглашенію.

II.

Ввели подсудимаго, довольно пожилаго мѣщанина, физіономія котораго положительно ничего не выражала. Послѣ обычныхъ формальностей, выбора 12 присяжныхъ засѣдателей и 2 запасныхъ и присяги, предсѣдательствовавшій предложилъ намъ отправиться въ совѣщательную комнату для избранія изъ своей среды старшины, а какъ изъ прежде намѣченныхъ въ составъ попали трое, то предпочтеніе было, единогласно, отдано старшему въ чинѣ. Мы вернулись въ зало, старшина отрекомендовался предсѣдателю, который произнесъ намъ краткую и, прибавляю, совершенно безцвѣтную рѣчь о нашихъ правахъ и обязанностяхъ.

По окончаніи всей описанной процедуры, началось обвиненіе мѣщанина «въ покушеніи на кражу изъ запертой дворницкой самовара и поддёвки», съ каковыми вещами его остановили на дворѣ того же дома, гдѣ онъ хотѣлъ разжиться на чу-

жой счетъ. Онъ притворился пьянымъ, но его, все-таки, отправили въ полицію, составили тамъ о случившемся протоколъ, а потомъ отправили въ слѣдственную тюрьму. Мѣщанинъ этотъ въ 1869 г. уже былъ наказанъ за покушеніе же на похищеніе шубы изъ трактира, отчего онъ, напрактиковавшись, всячески, естественно, усиливался и на судебномъ слѣдствіи извернуться. Онъ заявилъ, наприм., будто бы дворникъ, знакомый ему человѣкъ, самъ поручилъ ему продать плохенькій самоваръ, какъ лицу, торговавшему въ литовскомъ рынкѣ мѣдью и желѣзомъ; дворникъ же, напротивъ, категорически отказался отъ всякаго съ нимъ знакомства; тогда, въ подмогу ему, выступила его жена, которая на заданный ей экспромтомъ засѣдателемъ вопросъ: гдѣ и чѣмъ именно торговалъ ея мужъ, отвѣтила: «въ толкучемъ, александровскомъ, рынкѣ старымъ платьемъ на рукахъ».

Прокуроръ всталъ и чрезвычайно вяло произнесъ: «Вы, гг. присяжные засѣдатели, слышали обвинительный актъ, показанія свидѣтелей, перепутанныя показанія подсудимаго и его жены; слышали также, что онъ однажды былъ уже осужденъ за то же преступленіе, за которое теперь судится, и потому, надѣюсь, безусловно его обвините».

Поднявшійся защитникъ также лѣниво проговорилъ: «Я, по совѣсти, ничего не могу возражать ни противъ свидѣтельскихъ показаній, ни противъ самаго обвиненія подсудимаго, а если сочтете удобнымъ—не ставьте ему въ вину прежнюю его судимость: вѣдь и послѣ наказанія можно сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, что̀ необходимо подсудимому, человѣку семейному. Не откажите ему въ вашемъ снисхожденіи».

Выслушавъ такое же сжатое резюмѐ предсѣдательствовавшаго, мы пошли совѣщаться.

— Что̀жь это, господа, нынче, рѣчи-то короче утинаго носа? нетерпѣливо спросилъ одинъ изъ засѣдателей. — Прежде бывали рѣчи обстоятельныя, пріятныя, а нынче... Удив-вительно!

— Не удивляйтесь напрасно: и прокуроры, и адвокаты, въ 10-ти-лѣтнюю ихъ практику, ужь устали, имъ и надоѣло, понятно, говорить обстоятельныя рѣчи.

— Если имъ лѣнь хорошенько обвинять, оправдывать, такъ нѐзачѣмъ и сидѣть тутъ: то, что̀ они промямлили, мы и безъ нихъ слышали, и безъ нихъ порѣшили бы.

— Законъ повелѣваетъ имъ сидѣть, они и исполняютъ законъ. Вотъ и все. Къ тому же, изъ этого вздорнаго дѣла ни «славы соблазнительной», ни презрѣннаго металла не извлечешь—слѣдовательно, ораторствовать по пустому не сто̀итъ.

— Но, вѣдь, при такихъ, позвольте замѣтить, рѣчахъ, какія мы слышали, право уснешь: ни на умъ, ни на сердце онѣ ни на волосъ не дѣйствуютъ, а напротивъ скуку нагоняютъ...

— А чтобы разогнать эту скуку, рѣшимте лучше скорѣе: виновенъ ли, или нѣтъ, потому что предстоитъ еще дѣло, а теперь ужь 2 часа.

— Дѣло ясно, какъ день; очевидно, виновенъ.

— По моему, тоже виновенъ.

— Виновенъ.

— Всѣ, значитъ, да̀?

— Разумѣется.

— А позвольте, господа, вотъ вамъ что̀ доложить. Воспользоваться дрянью ему не удалось; былъ онъ, по словамъ дворника, выпивши, а по показанію городоваго, и совсѣмъ пьянъ...

— Пьянства извинять нельзя: пропоицъ нынче не оберешься; стало-быть, ихъ надо строже наказывать, чтобъ перестали пьянствовать, а, ошалѣвши отъ винища, воровствомъ промышлять. Дурака, игрока прощу, а пьяницу никогда!

— Ну хорошо, хорошо: пьянство отбрасываю въ сторону, а обратите вы, праведные судьи, вниманіе на то, что самоваръ и поддёвку, стоющіе вмѣстѣ 3—4 руб., отобрали отъ него; просидѣлъ онъ ужь въ тюрьмѣ 3 мѣсяца; спѣться съ женою, ка̀къ и что̀ показывать, ему неудалось, и она его выдала съ головой; каковъ онъ ни есть человѣкъ, а все-жь за его спиной жена и двое ребятишекъ; наконецъ, судится онъ вторично, и за это, а также за проклятый взломъ, наказаніе ему значительно усилятъ, арестанскихъ ротъ года на полтора, на два онъ не минуетъ...

— Какая ждетъ его судьба—предсѣдатель говорилъ, помните, не наше дѣло: намъ наказано рѣшить только: «да̀, виновенъ», или «нѣтъ, не виновенъ».

— Это-то «да̀» или «нѣтъ» и составляютъ *все*: если скажемъ да̀—суду останется опредѣлить: куда и на какой срокъ послать его, а «нѣтъ»—объявить его свободнымъ; оттого наше «да̀» или «нѣтъ» должно заставить насъ тщательно сообразить: какія послѣдствія вытекутъ изъ «да̀» или «нѣтъ»; если же мы не будемъ вникать въ роковыя послѣдствія, мы погрѣшимъ противъ «правды и милости, да царствуютъ въ судахъ».

— Это, дѣйствительно, резонно, подхватило нѣсколько голосовъ.

— Итакъ, господа, во вниманіе ко всему, что̀ я говорилъ, и къ тому, что арестантскія роты, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, вовсе не исправляютъ людей, туда осужденныхъ, я и увѣренъ,

что соблаговолите ему, хоть ради великаго поста, снисхожденье.

— И, по моему—пусть, Богъ съ нимъ, утѣшится снисхожденіемъ и не думаетъ, что мы безчувственны къ чужой бѣдѣ... Иногда, при несчастьи, и маленькая пріятность, вѣдь, отрадна, ободряетъ? Можетъ, снисхожденье и его сколько-нибудь да образумитъ.

— Н-да, снисхожденьемъ слѣдуетъ его наградить.

— Всѣ, господа, согласны?

— Разумѣется, согласны. Пишите снисхожденье.

— Я, господа, все слушалъ и думалъ, думалъ и слушалъ, а теперь радуюсь, скажу вамъ, за ваши разсужденія: вы, какъ есть—праведные судьи. Не похерите ли, поэтому, ужь и взломъ? Ни испорченнаго замка, ни ключа, какимъ онъ отперъ замокъ, намъ не показывали; значитъ, точно ли отпиралъ ли онъ дверь, или она была незаперта—я сказать не рѣшусь...

— Ну, нѣтъ, это—ужь слишкомъ... «Изъ запертой дворницкой» должно остаться, а съ него и снисхожденія довольно: испытавъ, въ 1869 году, неудачу въ кражѣ шубы и наказаніе, онъ не долженъ былъ, черезъ 5 лѣтъ, вторично пытаться красть, да еще у дворника-нищаго суму.

— Я тоже полагаю, что онъ покусился на кражу не «изъ запертой дворницкой», и потому прошу рѣшить этотъ вопросъ по голосамъ: самъ судъ поставилъ вопросъ глухо «изъ запертой дворницкой», а не прямо: «виновенъ ли въ кражѣ, *для чего отперъ* дворницкую *подобраннымъ ключемъ*, отмычкой» и т. п.

— И я присоединяюсь къ голосованію, чтобы на первомъ же дѣлѣ доказать суду, что мы—не неучи, какъ сквозило въ рѣчи предсѣдателя, и дѣйствуемъ не по его указкѣ, а вполнѣ независимо, сознательно, съ пониманіемъ дѣла.

Завязался продолжительный споръ, причемъ мнѣніе «изъ запертой дворницкой» восторжествовало числомъ голосовъ.

По прочтеніи вердикта, присяжные, дѣйствовавшіе и не дѣйствовавшіе, смѣшались и всѣ находили, что обвинили мѣщанина правильно, но, когда судъ объявилъ ему приговоръ въ арестантскую роту на 2 года — наказаніе это показалось всѣмъ слишкомъ суровымъ въ сравненіи съ виною, и потому всѣ пожалѣли осужденнаго.

Вторымъ подсудимымъ предсталъ симпатичный 20-ти-лѣтній крестьянинъ, выросшій у дальняго родственника, очень богатаго коммерсанта, у котораго онъ, съ 16-ти-лѣтняго возраста, занимался сборомъ съ кредиторовъ денегъ, всегда приносилъ ихъ управляющему въ цѣлости, но вдругъ получилъ съ разныхъ

лицъ 1,640 р., пропалъ съ ними, а спустя нѣкоторое время, прислалъ съ родины своему покровителю письмо, которымъ сознавался, что случайно встрѣтился съ товарищемъ, подгулялъ съ нимъ, увлекся, часть денегъ промоталъ, а часть потерялъ, будучи впервые пьянымъ; потомъ, отрезвившись, почувствовалъ угрызеніе совѣсти, явиться безъ денегъ ему было стыдно, и онъ, въ отчаяніи, уѣхалъ на родину, сознался во всемъ матери, согласившейся продать домъ на пополненіе растраты; поэтому, возвращая сохранившіеся у него вексель въ 400 руб. и наличныхъ 100 р., онъ умолялъ родственника простить его проступокъ и извѣстить его: угодно ли ему, чтобы мать продала домъ на означенный предметъ? Письмо это попало къ управляющему коммерсанта, который, ревнуя о хозяйскихъ интересахъ, заявилъ о случившемся судебному слѣдователю; обвиняемаго вытребовали сюда по этапу, заключили подъ стражу и отдали подъ судъ. Коммерсантъ отозвался на судѣ о поведеніи подсудимаго съ большою похвалой, объяснилъ, что жалѣетъ не денегъ, которыхъ не ищетъ, а молодаго человѣка, испортившаго себѣ карьеру; что, еслибы онъ растратилъ и 10,000 р., да явился съ повинною, онъ, коммерсантъ, пожурилъ бы, да и простилъ его; что, еслибы онъ, коммерсантъ, заблаговременно зналъ, что дѣло затѣется, онъ не допустилъ бы привлеченія къ суду родственника, у котораго на родинѣ мать и жена.

Прокуроръ въ нѣсколькихъ словахъ настаивалъ на обвиненіи подсудимаго въ растратѣ «по легкомыслію»; этого же самаго желалъ и защитникъ, давнишній присяжный повѣренный.

— Прокуроръ домогается обвиненія по легкомыслію, а защитникъ тоже вторитъ ему, когда его обязанность идти дальше прокурора, т. е. хлопотать объ оправданіи, заявилъ засѣдатель, когда мы очутились въ совѣщательной комнатѣ.—Защитникъ съ прокуроромъ заодно. Какъ это досадно, да на что же это похоже?

— На то, что онъ защищаетъ даромъ, по наряду; ничего иного и предположить нельзя отъ адвоката опытнаго, но равнодушнаго къ судьбѣ ближняго.

— А мы, господа, тоже остановимся лишь на «легкомысліи» и тѣмъ самымъ удовлетворимъ прокуратуру и адвокатуру, или же...

— Угождать никому изъ нихъ не стоитъ, а прямо оправдать.

— Да вѣдь подсудимый самъ сознался въ растратѣ—какъ же можно его оправдать?

— Очень просто: настоящій смыслъ словъ «виновенъ ли въ

растратѣ», есть вопросъ: заслуживаетъ ли онъ уголовнаго наказанія за растраченную сумму? потому и отвѣчаю: нѣтъ, наказывать его не слѣдуетъ.

— Это оригинальное толкованіе ваше едва ли примѣнимо: это—софизмъ, а софизмы годятся не для насъ, а для тѣхъ же прокуроровъ и адвокатовъ.

— Не взирая ни на какихъ прокуроровъ, адвокатовъ и прочихъ, я рѣшительно за оправданіе.

— Оправдать его значитъ дать повадку всѣмъ приказчикамъ: они не преминутъ растрачивать хозяйскіе капиталы и потомъ ждать за это оправданія, а тогда нашему брату, купцамъ, бѣда...

— Будутъ ли всѣ приказчики растрачивать хозяйскіе капиталы, или нѣтъ, постигнетъ ли васъ, купцовъ, бѣда, или нѣтъ—это Богъ вѣсть, а я вамъ одно скажу: страхъ наказанія никого не удерживаетъ отъ совершенія преступленій.

— Одначе, шалыганъ этотъ промоталъ же хозяйскія деньги и за это не слѣдъ его прощать!

— Полно тебѣ спорить, гордыбачить ни къ селу, ни къ городу. Экъ заладилъ: не слѣдъ, да не слѣдъ прощать, точно никогда не слыхалъ, что самъ Христосъ проповѣдывалъ о прощеніи грѣшниковъ.

— И вправду сказать: наше ли дѣло—хлопотать о сбереженіи чьихъ бы то ни было денегъ, коли ими не интересуется тотъ, чьи они были? Извѣстно, нѣтъ!

— Не упускайте, однакожь, господа, изъ виду вотъ чего: растрата возбранена закономъ и преслѣдуется помимо воли претерпѣвшаго.

— Но ежелибъ управляющій претерпѣвшаго не заявилъ, что деньги его хозяина растрачены, вѣдь, не было бы преслѣдованія, растратившій не судился бы? Законъ, помните, никого не обязываетъ доносить о томъ, что другой растратилъ его деньги.

— Вашъ способъ избѣжать уголовнаго суда, положимъ, удобенъ, возможенъ; но законъ, преслѣдуя за растрату, стремится ограждать общественную нравственность отъ развращенія, стремится къ совершенствованію общества, а вы, низводя растрату на степень гражданской сдѣлки, тѣмъ самымъ противодѣйствуете прекрасной идеѣ закона.

— На это я вамъ отвѣчу, что достигнуть совершенства общества посредствомъ однихъ строгихъ *печатныхъ законовъ* немыслимо; затѣмъ, переходя къ предмету нашего спора, мы видимъ, что подсудимый, нравственно-хорошій человѣкъ, по молодости, увлекся, споткнулся, и мы обязаны оправданіемъ поднять

его, ради его старухи-матери, молодой жены, ради того, чтобы самъ онъ сдѣлался, попрежнему, порядочнымъ человѣкомъ, тогда какъ обвиненіемъ мы столкнемъ его въ пропасть-тюрьму, откуда онъ выйдетъ, навѣрное, мазурикомъ, и жизнь трехъ человѣкъ въ дребезги разлетится во имя только неуловимой, воздушной идеи.

— Превосходно сказано; удачнѣе ничего скоро и не придумаешь; такъ и быть должно, подхватили голоса.

Подсудимый былъ единогласно оправданъ; къ оправданію отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ всѣ и неучаствовавшіе въ рѣшеніи засѣдатели.

Засѣданіе кончилось, и засѣдатели гурьбой отправились во свояси.

— Вы такіе задавали ловкіе вопросы, что попадали ими прямо въ цѣль, молвилъ ремесленникъ, обращаясь дорогою къ двумъ засѣдателямъ, требовавшимъ различныхъ поясненій. — Скажите, пожалуйста, могу и я озадачивать судъ вопросами?

— Сколько угодно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше; докажете, что относитесь къ дѣламъ добросовѣстно, внимательно.

— Отлично. Завтра же пущусь ихъ ошарашивать, а то, давеча, глядя на васъ, языкъ у меня такъ и чесался, насилу удерживался и, жаль, напрасно остерегался.

— За то разсердите, кажется, окончательно прокуроровъ и судей, вставилъ другой:—я давеча замѣтилъ на лицахъ прокурора и молоденькаго члена суда очень кислыя гримасы отъ вашихъ вопросовъ, которые имъ видимо не нравились: раскапывали недостатки, промахи слѣдствій, да и затягивали засѣданіе, когда судьи торопились домой. Будьте лучше воздержнѣй.

— Э, пустяки. Мы пришли въ судъ не для того, чтобы кому-нибудь понравиться, а исключительно для отправленія правосудія, которое дороже всякихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Впродолженіи втораго засѣданія засѣдатели окончательно освоились какъ съ дѣлами, такъ и между собою, отчего взгляды ихъ установились почти одинаковые: ни жестокихъ, ни мягкихъ не было, а всѣ держались солидарно и, когда удавалось оправдать—иные радовались.

— Я сегодня, слава Богу, спокойно усну: добро сдѣлалъ — оправдалъ человѣка, толковалъ старикъ:—а какъ заладится «виновенъ», да «виновенъ», такъ ночью осужденный такъ и мерещится мнѣ; сомнѣнье: не осудилъ ли безвиннаго, ужасно одолѣваетъ меня.

— Да, тяжело, братцы; ахъ, какъ тяжело судействовать, ко-

ли въ тебя жалость да мнительность заберутся, поддерживалъ другой.—Можно ума ряхнуться изъ-за чужой бѣды. У «скорбящихъ» ужь и есть, слышалъ я, такіе больные, что̀ отъ нынѣшняго судействованія, да отъ засѣдательства помѣшались.

— Ну, Богъ милостивъ будетъ, ежели по совѣсти, а не зря станемъ продолжать рѣшать, успокоивалъ третій. — Меня тоже все смущаетъ, но, знаете ли, что̀? предварительныя слѣдствія: въ нихъ, какъ въ бурныхъ волнахъ, ничего не видно.

— Н-да, плохи, очень плохи эти предварительныя слѣдствія, хотя онѣ и проходятъ чрезъ много рукъ, заключилъ четвертый.—У семи нянекъ, не даромъ говорятъ, дитя безъ глазу.

III.

И дѣйствительно, множество прослушанныхъ мною дѣлъ убѣждаютъ, что въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій, въ теченіи протекшихъ 5-ти лѣтъ, *никакого прогресса не послѣдовало*; какъ тогда, такъ и теперь эта самая важная часть правосудія сильно хромаетъ. Дабы слова̀ мои не показались голословными, остановлю вниманіе читателей на нижеслѣдующихъ, къ предварительнымъ слѣдствіямъ относящихся обстоятельствахъ, которыя краснорѣчиво поддержатъ мое мнѣніе.

На основаніи 252—255 ст. уст. угол. судопр., «полиція, когда *нѣтъ на мѣстѣ* судебнаго слѣдователя», производитъ о совершившихся преступленіяхъ «дознанія», каковыя передаетъ потомъ слѣдователямъ, а они «вправѣ провѣрять и дополнять эти дознанія (260, 269 и проч. ст. уст. угол. судопр.)». Далѣе, уголовн. кассац. рѣш. 1872 г., № 1,326-й, въ разъясненіе 269-й ст. гласитъ: «законъ даетъ слѣдователю только право, а отнюдь не обязываетъ его повѣрять дѣйствія полиціи, что̀ не всегда возможно, а во многихъ случаяхъ, когда не представляется повода къ сомнѣнію, было бы и безполезно». Отсюда вытекаетъ, что, во-первыхъ, такъ какъ на мѣстахъ совершающихся преступленій, въ первое же послѣ открытія сихъ преступленій время, никогда не бываетъ слѣдователей, то первоначальныя дознанія по всѣмъ безъ исключенія уголовнымъ дѣламъ производятся полиціею, а во-вторыхъ, слѣдователи, не будучи «обязанными» провѣрять полицейскія дознанія, кромѣ рѣдкихъ, чрезвычайныхъ случаевъ, этого и не дѣлаютъ, изъ естественнаго нежеланія увеличивать свой трудъ во имя отвлеченной идеи справедливости, ради тончайшаго уясненія себѣ степени преступности какихъ-нибудь Ивановъ, Степановъ, ни на волосъ

къ тому же еще не понимающихъ юриспруденціи и ея аттрибутовъ, отчего они никогда обыкновенно и не претендуютъ на слѣдственный порядокъ, каковъ бы онъ не былъ, подъ какую бы кару ни подводили ихъ дѣянія поверхностное отношеніе слѣдователей къ ихъ дѣламъ.

Между тѣмъ, установленныя 252—255-й ст. уст. угол. судопр. первоначальныя дознанія, акты осмотровъ, напримѣръ, взломовъ, протоколы составляютъ не сами полицейскіе приставà, либо ихъ помощники, а попрежнему околоточные надзиратели, нетолько не обладающіе элементарными свѣдѣніями въ судопроизводствѣ, но зачастую положительно не умѣющіе изложить нѣсколько строкъ граматно: большинство ихъ—изъ отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ отмѣненной системы воинской повинности. Тѣмъ не менѣе, произведенія этихъ первоначальныхъ представителей правосудія принимаются на вѣру, и по нимъ люди привлекаются къ слѣдствію и уголовной отвѣтственности, чтò нельзя не признать анахронизмомъ.

Переходя, за симъ, къ самымъ предварительнымъ слѣдствіямъ, укажу, на выдержку, нѣсколько дѣлъ, наглядно характеризующихъ осязательные недостатки, присущіе, въ бòльшей или мѐньшей степени, почти всѣмъ дѣламъ.

Два человѣка сидѣли въ трактирѣ, за чаемъ, причемъ одинъ изъ нихъ предложилъ половому купить бѣлье, находившееся въ корзинкѣ, стоявшей подъ столомъ, и показалъ ему рубашку, которую онъ, по ошибкѣ, призналъ-было своею, отданною въ мытье прачкѣ. Половой, обознавъ рубашку и заподозривъ пившихъ чай въ кражѣ бѣлья, незамѣтнымъ для нихъ манеромъ сообщилъ объ этомъ хозяину, тотъ полиціи; обоихъ заарестовали; нѣсколько сутокъ розъискивали, чье бѣлье; наконецъ, нашли домъ, съ запертаго чердака котораго пропало бѣлье, но точно ли чердакъ былъ запертъ, чѣмъ и кàкъ—обстоятельно не выяснилось. Изъ обвиняемыхъ: рецидивистъ, не имѣвшій ни мѣста жительства, ни паспорта, нигдѣ никакого занятія, объяснялъ, что, бродя по трактиру, наткнулся на товарища, поговорилъ съ нимъ о своей нищетѣ; тотъ пожалѣлъ его и пригласилъ попить чай съ нимъ съ условіемъ, чтобы помогъ ему продать собственное его бѣлье, ненужное ему, по слу́чаю отъѣзда на родину, на чтò онъ и согласился; судившійся же впервые, простоватый парень, занимавшійся поденщиною и обладавшій и квартирою, и паспортомъ, напротивъ, показалъ, что близъ трактира встрѣтилъ сообвиняемаго, который попросилъ его пособить внести въ трактиръ корзину, обѣщалъ за это «попоштовать» его, чтò за оказанную ему услугу и исполнилъ; узналъ же онъ, что

въ корзинѣ именно бѣлье тогда лишь, когда рецидивистъ сталъ продавать рубашку половому, подтвердившему ссылку на него. Спрашивается: кто же воръ? Дабы намѣтить засѣдателямъ хоть лишь тропинку къ разрѣшенію этого вопроса, слѣдователю надлежало, очевидно, дознаться, по крайней мѣрѣ: какого поведенія былъ парень, гдѣ, съ кѣмъ и кàкъ провелъ онъ весь роковой день посредствомъ опроса квартирнаго его хозяина, сожителей, хозяина, у котораго онъ работалъ; а изъ всѣхъ подробныхъ показаній пріобрѣлся бы нравственный критеріумъ, въ состояніи ли былъ парень участвовать въ преступленіи, или единолично совершить кражу? Ничего этого сдѣлано не было, и оба предстали предъ присяжными съ голословными сваливаніями вины другъ на друга. Раскидывая умомъ туда и сюда, засѣдатели долго не знали чтò отвѣчать. Наконецъ, разсудили: коль скоро одинъ—рецидивистъ, а другой—новичекъ въ уголовщинѣ, да еще простофиля, то стащилъ бѣлье, по теоріи вѣроятности, рецидивистъ и потому да будетъ онъ «виновенъ», а чтобы, въ случаѣ невинности, не особенно роптал на людскую несправедливость, то «заслуживаетъ полнаго снисхожденія»; парень же, еще не бывавшій въ рабочемъ домѣ, гдѣ можетъ испортиться, пусть будетъ «нѣтъ, невиновенъ».

— А какъ парень одинъ стащилъ бѣлье? раздался внезапно голосъ:—или оба вмѣстѣ—тогда, вѣдь, рецидивистъ за то только, что имѣлъ несчастіе разъ проштрафиться, понесетъ совсѣмъ безвинно или за пол-вины цѣлое наказаніе, и тогда грѣшимъ противъ присяги, совѣсти?

— Быть можетъ, и грѣшимъ; но грѣхъ этотъ падаетъ на слѣдователя, прокурора и, главное, на судебную палату: она могла заставить дополнить слѣдствіе, но этого не сдѣлала.

— Именно такъ. Мы, вѣдь—не пророки, не Соломоны; это палатѣ хорошо извѣстно. И коли невинный осужденъ, онъ долженъ упрекать палату, а не насъ. Наконецъ, «повадился кувшинъ по-воду ходить, тамъ ему и голову сломить», есть пословица. И парень, коли пустился въ воровство, увѣряю васъ, безпремѣнно опять попадется, а тогда его заодно ужь и упрячутъ.

Рабочій обвинялся въ томъ, что, будучи во хмѣлю, вытащилъ изъ хозяйскаго сундука (былъ ли онъ запертъ, или нѣтъ—этого вопроса никто не касался) три паспорта товарищей и заложилъ ихъ кабачнику за рубль. Имѣли ли эти паспорты юридическую силу видовъ на жительство, или они были просроченные, замѣненные новыми и потому потерявшіе всякое значеніе документовъ — все это осталось не разслѣдованнымъ, да и са-

мыхъ паспортовъ въ дѣлѣ суда не оказалось. Тѣмъ не менѣе, обвинительный актъ подводилъ преступленіе рабочаго подъ 1,657-ю ст. улож. о наказ., а статья эта, за «похищеніе крѣпостей, межевыхъ плановъ, актовъ, документовъ, бумагъ, съ намѣреніемъ доставить себѣ противозаконную выгоду», угрожала подсудимому водвореніемъ его «въ рабочемъ домѣ, отъ 8-ми мѣсяцевъ до года и 4-хъ мѣсяцевъ, въ исправительной арестантской ротѣ отъ $1^1/_2$ года до $2^1/_2$ лѣтъ, и даже ссылкою въ Сибирь на поселеніе!»...

По поводу этого дѣла не могу воздержаться отъ сообщенія читателямъ нижеслѣдующаго, чрезвычайно комическаго эпизода. Въ корридорѣ суда вывѣшиваются, согласно 587-й ст. уст. уг. суд., списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ теченіи извѣстныхъ дней. Утромъ, до открытія засѣданія, присяжные всегда внимательно освѣдомлялись изъ этого списка о томъ, кого и за что̀ предстоитъ имъ судить въ этотъ день. Такъ поступили они и предъ сужденіемъ изложеннаго дѣла; но, какъ противъ фамиліи подсудимаго было указано только, что онъ обвиняется по вышеупомянутой статьѣ, то нѣкоторые присяжные, для разрѣшенія своего недоумѣнія: въ чемъ именно заключается преступленіе? прочитали 1,657-ю статью по уложенію, лежавшему въ залѣ на судейскомъ столѣ, и нетерпѣливо ждали: «вѣроятно, очень интересный процессъ», дурной исходъ котораго полагалъ столь суровое наказаніе. Любопытство присяжныхъ дошло до апогея, когда на обвинительной скамьѣ появился огромнаго роста, широкоплечій, всклокоченный, 30-ти-лѣтній дѣтина, въ крестьянскихъ лохмотьяхъ (онъ оставался на свободѣ). Затѣмъ, съ постепеннымъ ознакомленіемъ съ сутью дѣла, присяжные все болѣе и болѣе разочаровывались, а когда вошли въ совѣщательную комнату, всѣ смотрѣли, минуты двѣ, другъ на друга вопросительно и, наконецъ, расхохотались.

— Какіе же, думалъ я, могъ украсть межевые книги, планы, акты, документы этотъ лохматый, безтолковый мужикъ? заговорилъ одинъ.—Анъ паспорты, да еще, можетъ, и негодные! Вотъ такъ сюрпризъ, вотъ такъ одурачился. Ха-ха-ха!

— Громъ, значитъ, не всегда гремитъ изъ тучи, а иногда, извините за мое простецкое слово, и изъ навозной кучи, подхватилъ другой.

— Да̀, ужь подразнили насъ интересомъ, нѐчего сказать!.. Благодарю, не ожидалъ.

— Шутки, господа, въ сторону, а наказаніе-то за закладъ трехъ паспортовъ за рубль какое страшное? Меня даже знобитъ отъ тяжести наказанія за такое ничтожное преступленіе.

— Это все господа прокуроры, на досугѣ, подводятъ подъ такія наказанія, благо въ уложеніи ихъ множество, и выбирай любое. Неужели же мы, господа, въ самомъ дѣлѣ, обвинимъ его?

— Да мы, покамѣсть, слава Богу, не рехнулись еще, чтобы изъ-за такого вздора погубить человѣка. Назначай ему арестъ въ полиціи на недѣлю, ну, на двѣ—я смѣло отвѣчу: «да̀, виновенъ», безъ всякаго снисхожденія, а въ рабочій домъ, въ арестантскую роту на года̀ и даже на поселеніе въ Сибирь—«нѣтъ, не виновенъ», тысячу разъ твержу я вамъ: «нѣтъ» и «нѣтъ»...

— Такъ ка̀къ господа?

— Конечно, «нѣтъ, невиновенъ», единогласно нѣтъ.

Ученикъ плотничнаго ремесла судился за похищеніе въ церкви изъ кру̀жки 269 р. 30 к., не записанныхъ на приходъ въ церковную кассу, и, собственно поэтому, преступленіе его не составляло, по 229-й ст. улож., святотатства. Ко всему апатичный, 17-тилѣтній, замореный, на взглядъ почти ребёнокъ, былъ задержанъ съ долотомъ; но ка̀къ попалъ онъ въ церковь, что̀ побудило его на преступленіе, не участвовалъ ли кто съ нимъ изъ зрѣлыхъ людей, есть ли у него родители—всѣ эти, интересовавшіе присяжныхъ вопросы, для разгаданія истиннаго смысла его дѣянія, не обрѣли себѣ, по слѣдствію, никакихъ отвѣтовъ.

Два подростка явились судиться, безъ всякихъ въ дѣлѣ свѣдѣній о томъ, поскольку имъ отъ роду лѣтъ? Согласно 759 ст. уст. угол. судопр., относительно подсудимыхъ менѣе 17 лѣтъ, судъ обязанъ предлагать присяжнымъ отдѣльный вопросъ: «дѣйствовали ли подсудимые съ полнымъ разумѣніемъ», ибо, при отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ—наказаніе значительно смягчается. Оттого судъ нашелся вынужденнымъ отложить дѣло разсмотрѣніемъ до собранія справокъ о лѣтахъ подсудимыхъ, которыхъ возвратилъ подъ стражу, до исправленія сдѣланнаго слѣдователемъ упущенія.

Въ мелочной лавочкѣ служилъ хлѣбопёкомъ крестьянинъ, котораго хозяинъ замѣнилъ другимъ, вскорѣ тоже прогнаннымъ. Вдругъ, однажды, рано утромъ, послѣ посѣщенія лавки хозяйкою, приказчикомъ и рабочимъ, хватились, что изъ взломанной выручки пропали деньги. Претерпѣвшій отъ преступленія взвелъ обвиненіе это на перваго изъ пекарей потому, что а) наканунѣ, подъ вечеръ, его видѣли на дворѣ дома, въ которомъ помѣщалась лавка и, главное, б) въ лавкѣ нашли сапоги, оставленные, будто бы, въ торопяхъ преступникомъ и признанные 14-ти-лѣтнею дѣвочкою, находившеюся въ нянькахъ у лавочника, что они,

будто бы, были на ногахъ пекаря во время служенія его въ лавкѣ. Сапоги эти послужили слѣдователю неотразимою уликою противъ пекаря, который изъ-за нихъ попалъ подъ судъ. На судебномъ слѣдствіи пекарь категорически отперся отъ того, чтобы сохранившіеся и предъявленные сапоги когда-нибудь ему принадлежали. Чтобы легально разрубить гордіевъ узелъ, подсудимому приказали *надѣть сапоги*. Каково же было всеобщее удивленіе, когда, при энергическомъ содѣйствіи сторожа суда, *сапоги ни на портянку, ни на босую ногу ему не влѣзли, даже въ нижней къ подъему части голенищахъ*... Иллюзія вся разсѣялась, и товарищъ прокурора, готовившійся сразить подсудимаго, «нашелъ оправданіе его уважительнымъ», что̀ и «заявилъ суду по совѣсти», т. е. отказался поддерживать обвиненіе (740 ст. уст. угол. судопр.). Почему же слѣдователь не примѣнилъ этого простѣйшаго способа надѣть подсудимому сапоги тотчасъ по приводѣ его къ первому же допросу? Да *отъ недогадливости*!—Между тѣмъ, эта недогадливость породила дѣло, а оно разсматривалось прокурорами суда и палаты, самою палатою, приготовлялось судомъ къ обсужденію, изучалось обвинителемъ, защитникомъ, слушалось присяжными; нѣсколько разъ допрашивались 5 свидѣтелей. Благодаря этой же недогадливости, подсудимый, въ продолженіе 3-хъ-мѣсячнаго его заточенія, сто̀илъ казнѣ не меньше 30 р., а сколько перенесъ онъ моральныхъ страданій «про то знаютъ только грудь, да подоплека моя», съ горечью отвѣтилъ онъ, удаляясь изъ суда.

Не могу, впрочемъ, не отмѣтить и отраднаго явленія, заключающагося въ томъ, что слѣдователи перестали запрятывать «въ домъ предварительнаго заключенія» многихъ обвиняемыхъ, напримѣръ, а) въ нарушеніи устава о паспортахъ, б) въ растратѣ чужаго имущества; в) въ нанесеніи ранъ; г) въ оставленіи на произволъ судьбы новорожденныхъ младенцевъ; д) въ маловажныхъ обманахъ, подлогахъ и т. д.—словомъ, оставляютъ на волѣ цѣлую серію людей, относительно которыхъ заблаговременно прозрѣваютъ оправданіе обвиняемыхъ. Въ этомъ смыслѣ, въ теченіи протекшихъ 5 лѣтъ, произошелъ значительный, слава Богу, прогрессъ, которому, при нашей скромности желаній, нельзя не радоваться. Прогрессъ же вижу я и въ томъ, что отъ начатія слѣдствія до дня судимости проходитъ теперь, среднимъ числомъ, не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, тогда какъ 5 лѣтъ тому назадъ, самое пустое дѣло не доходило до судебнаго разсмотрѣнія ранѣе, какъ черезъ 6 мѣсяцевъ.

Сопоставляя быстроту производства слѣдствій и утвержденія обвинительныхъ актовъ съ вышеозначенными осязательными не-

достатками слѣдственнаго процеса, невольно вспоминается пословица: «скоро не бываетъ споро». Радикальное улучшеніе слѣдственной части—настоятельная, повторяю, потребность, а достигнуть ея можно, полагаю, тѣмъ, чтобы слѣдователи были настоящіе, а не исправляющіе должность, которые, по неимѣнію твердой подъ собою почвы иногда вынуждены бываютъ дѣлать упущенія, чтобы къ слѣдственному процесу допускались защитники, которые во многомъ пособятъ слѣдователямъ, нерѣдко затрудняющимся сгрупировать причины преступности даже малолѣтнихъ, бродячихъ дѣтей. Наконецъ, чтобы обвинительная камера стала значительно скупѣе на утвержденіе обвинительныхъ актовъ.

IV.

Въ уст. угол. судопр. есть 1 п. 543, 544, 547, 594 ст., регламентирующія весь порядокъ приготовленія вступившихъ въ окружный судъ дѣлъ для рѣшенія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, т. е. кому, когда, о чемъ сообщать, кого, зачѣмъ, куда, къ какимъ срокамъ вызывать и проч. и проч.» Окружный судъ по всякому дѣлу, вступившему на его разсмотрѣніе, обязанъ прежде всего, по докладу одного изъ членовъ, обсудить въ распорядительномъ засѣданіи: «не требуетъ-ли дѣло какихъ-либо *особенныхъ распоряженій*, и опредѣлить порядокъ дальнѣйшаго его производства», гласитъ 574 ст. Очевидно, слѣдовательно, что въ дѣлахъ, напримѣръ, несовершеннолѣтнихъ, суду нельзя не замѣтить отсутствія свѣдѣнія о лѣтахъ подсудимыхъ (это, какъ читатели помнятъ, имѣетъ важное вліяніе на мѣру ихъ наказанія), при чемъ пробѣлъ этотъ судъ своевременно долженъ пополнить тѣми изъ «особенныхъ распоряженій», какія ждетъ отъ суда 547 ст. Потомъ, повѣстки разсылаются свидѣтелямъ чрезъ полицію, которая часто заблаговременно возвращаетъ суду повѣстки съ объясненіемъ о выбытіи свидѣтелей изъ столицы, а какъ безъ иныхъ свидѣтелей нельзя открывать засѣданій, то суду незачѣмъ и включать такихъ дѣлъ въ число предстоящихъ къ разбору въ извѣстные дни, до отысканія «особенными распоряженіями» нужныхъ свидѣтелей. Та же полиція, и по врученіи, по принадлежности повѣстокъ, нерѣдко доноситъ суду, что свидѣтели, подсудимые по болѣзни не могутъ явиться въ назначенный день и часъ, отчего нѣтъ никакого также основанія утруждать остальныхъ причастныхъ, тѣмъ болѣе, что, «когда по дѣлу, назначенному къ слушанію, встрѣтится препятствіе къ открытію засѣданія въ опредѣленный срокъ, за болѣзнію подсуди-

маго, свидѣтелей, показаніе коихъ имѣетъ существенное въ дѣлѣ значеніе, или же по *инымъ* причинамъ, то предсѣдатель суда, отложивъ засѣданіе по этому дѣлу, даетъ о томъ *немедленно* знать лицамъ, вызываемымъ въ судъ, и возвѣщаетъ объ этомъ посредствомъ объявленія, прибиваемаго у дверей суда» (590 ст. уст. угол. суд.).

Совершенно противуположныя явленія обнаруживаетъ практика: то по отсутствію въ дѣлѣ свѣдѣній о лѣтахъ подсудимыхъ, они изъ судебнаго засѣданія возвращались въ тюрьму до затребованія и полученія отъ кого слѣдуетъ справки; то въ публичныхъ уже засѣданіяхъ секретари докладывали суду о неявкѣ: подсудимыхъ за болѣзнію, удостовѣренною медицинскимъ свидѣтельствомъ; свидѣтелей за отсутствіемъ ихъ изъ столицы, почему судъ опредѣлялъ дѣла разсмотрѣніемъ отложить, а явившихся, по вызову претерпѣвшихъ, свидѣтелей, экспертовъ распустить, даже самыя засѣданія закрыть на тотъ день, по неимѣнію чѣмъ заняться. Все это убѣждало, что а) или докладовъ членовъ въ распорядительномъ засѣданіи, можетъ статься, вовсе не было, или если они и происходили, то отличались небрежностью; б) что тѣ «особенныя распоряженія», къ осуществленію коихъ судъ призванъ, или не совершались, или совершались безполезно, номинально; в) что предсѣдатели далеко не прилагали къ дѣламъ тѣхъ мѣръ, на какія законъ ихъ уполномочивалъ—короче говоря, все шло въ разрѣзъ съ закономъ и съ моральными, и матеріальными интересами подсудимыхъ, претерпѣвшихъ и свидѣтелей.

Далѣе, вслѣдствіе составленія опредѣленій объ отсрочкѣ разсмотрѣнія дѣлъ въ судебныхъ, а не распорядительныхъ засѣданіяхъ, въ теченіи нашей 20-ти дневной засѣдательской сессіи, было отложено 6 дѣлъ, а, полагая по два дѣла въ день, три дня пропали даромъ. Мало того: въ 20-ти дневную сессію мы работали лишь 8 засѣданій: на среды и субботы засѣданій вообще не назначается; въ четверкъ былъ, напримѣръ, табельный день, а судъ прихватилъ и пятницу, такъ что отъ вторника до понедѣльника всѣ гуляли, гуляли спокойно, несмотря на то, что въ слѣдственной тюрьмѣ томилось, въ ожиданіи роковыхъ: «да, виновенъ или нѣтъ, не виновенъ», регулярно болѣе 400 человѣкъ. Милостивымъ судьямъ необходимъ, правда, и отдыхъ; имъ неизбѣжны распорядительныя засѣданія, изученіе въ тиши дѣлъ, составленіе приговоровъ въ окончательной формѣ и проч., а на все это требуется немало времени; тѣмъ не менѣе, думаю, что, вмѣсто восьми, можно было бы имѣть хоть 12 засѣданій безъ отягощенія; прибавивъ же 4 засѣданія на сессію, въ 12,

положимъ, годовыхъ сессій было бы болѣе 48 засѣданіями, а, рѣшивъ въ каждомъ изъ сихъ засѣданій въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій суда по два дѣла, судъ оказалъ бы милость 192 заключеннымъ сокращеніемъ имъ пребыванія подъ стражею, допустимъ меньшее—по двѣ недѣли, впродолженіи которыхъ и казна сохранила бы на ихъ содержаніе (считая стоимость тюремнаго персонала, содержаніе зданія и проч.) навѣрно по рублю въ сутки—2,688 руб. Найдутся, пожалуй, люди, которые замѣтятъ, что я придираюсь къ мелочамъ: просидитъ ли человѣкъ двумя недѣлями больше или меньше, издержитъ ли казна 2—3,000 руб. въ годъ больше или меньше — все это, вѣдь, скажутъ безразлично. Такимъ господамъ возражу, что вся жизнь слагается изъ мелочей, поэтому онѣ важны вообще и въ особенности для заключенныхъ—людей, оторванныхъ отъ семьи, общества и пребывающихъ въ тоскливой праздности, этой матери пороковъ.

Положеніе обвиняемыхъ, находящихся на свободѣ, несравненно выгоднѣе заключенныхъ, между прочимъ и тѣмъ, что добровольнымъ посѣщеніемъ судебныхъ засѣданій они *напередъ* въ состояніи убѣдиться во очію въ томъ, что̀ ихъ ожидаетъ. И въ нашу сессію мы неоднократно замѣчали въ публикѣ двоихъ, которые не разъ заговаривали внѣ засѣданій съ нѣкоторыми засѣдателями по поводу ихъ вердиктовъ, а потомъ одинъ изъ нихъ вдругъ появился на обвительной скамьѣ, а другой заболѣлъ, въ надеждѣ, говорили, дождаться болѣе милостивыхъ присяжныхъ. Сужденіе одного дѣла не состоялось за внезапною болѣзнію, постигшею обвинителя, тоже опасавшагося проиграть дѣло при нашемъ составѣ.

Погрѣшности предварительныхъ слѣдствій сглаживаются, пополняются обыкновенно судебными слѣдствіями; оттого послѣднія справедливо считаются самыми важными событіями для всѣхъ, въ дѣлахъ заинтересованныхъ. Публичные допросы подсудимыхъ, претерпѣвшихъ отъ ихъ преступленій и свидѣтелей, какъ зеркало, отчетливо отражаютъ умственныя и нравственныя качества причастныхъ къ дѣламъ. Такимъ образомъ, судебнымъ слѣдствіемъ надлежитъ, понятно, чрезвычайно дорожить, тѣмъ болѣе, что показанія, данныя на судебномъ слѣдствіи, считаются несравненно дѣйствительнѣе отобранныхъ при первоначальномъ слѣдствіи. Между тѣмъ, коль скоро подсудимый сознàется во взводимомъ на него обвиненіи, судъ спѣшитъ обыкновенно спросомъ сторонъ: не считаютъ ли онѣ возможнымъ обойтись безъ производства судебнаго слѣдствія (681 ст. устав. угол. судопр.)? Обвинители и защитники, при заурядности дѣлъ, когда не въ чемъ или нѐ для чего выказать своихъ талантовъ, дѣлаются солидар-

ными съ судомъ въ игнорированіи слѣдствіемъ, ибо тоже торопятся. Присяжные засѣдатели, по 682 ст., правда, въ правѣ требовать судебнаго слѣдствія, несмотря на отказъ отъ него обвинителя и защитника, но къ нимъ обращаются съ этимъ вопросомъ какъ бы мимоходомъ, такимъ еще манеромъ, что они не успѣваютъ иногда и подумать объ отвѣтѣ, какъ уже слышатъ опредѣленіе о переходѣ къ заключительнымъ преніямъ; если же присяжные заявляютъ о желаніи допросить кого-либо, то на физіономіяхъ иныхъ милостивыхъ судей появляются признаки досады, неудовольствія. Для обстоятельнаго рѣшенія, нужно ли, или нѣтъ судебное слѣдствіе, было бы полезно удалять присяжныхъ въ совѣщательную ихъ комнату, примѣняясь къ 806 ст. устава уголовнаго судопроизводства: большинство стѣсняется противорѣчить суду въ самомъ засѣданіи, отчего быстрый или молчаливый отвѣтъ ихъ граничитъ нерѣдко съ вынужденнымъ, во избѣжаніе косыхъ взглядовъ, обращаемыхъ на нихъ за домогательство судебныхъ слѣдствій.

Во время этихъ слѣдствій присяжные засѣдатели въ правѣ предлагать чрезъ предсѣдателя всякаго рода вопросы подсудимымъ, претерпѣвшимъ отъ преступленій и свидѣтелямъ (684, 724 ст. уст. угол. судопр.). Отъ этого права большинство засѣдателей также отступается, какъ отъ непривычки говорить въ судѣ, такъ и изъ опасенія какъ бы не сконфузиться при подборѣ выраженій для вопроса. Впрочемъ, въ числѣ засѣдателей нашей сессіи были и такіе, которые неотступно задавали различные вопросы, расшатывавшіе обвиненія, указывавшіе на капитальные промахи предварительныхъ слѣдствій, устанавливавшіе и обвиненіе; въ засѣдателяхъ этихъ живо прозрѣли способность анализировать факты, пониманіе юриспруденціи, и значеніе между товарищами за ихъ смѣлое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, и, вмѣсто того, чтобы быть довольными ими, обвинители и одинъ изъ судей серьёзно не взлюбили ихъ. Мало того: судья, очень молодой еще человѣкъ, при всякомъ со стороны ретивыхъ засѣдателей вопросѣ, замѣчаніи, такъ презрительно улыбался, пожималъ съ удивленіемъ плечами, корчился, безцеремонно перебивалъ спрашивавшаго, пародировалъ его вопросы, чѣмъ возстановилъ противъ себя всѣхъ засѣдателей. Все это, вмѣстѣ взятое, заставило засѣдателей слѣдить за судьею съ напряженнымъ вниманіемъ, а неугомонные нарочно усиливали свои вопросы. Засѣдатель спросилъ, напримѣръ, свидѣтеля-хозяина трехкопеечныхъ ночлежныхъ квартиръ: зналъ ли онъ сапоги ночлежниковъ?

— Вы не знали, конечно, чьи, какіе именно сапоги, произ-

несъ судья, съ одной стороны, въ видѣ вопроса свидѣтелю, а съ другой—въ видѣ внушенія засѣдателю, чтобъ не совался съ глупыми вопросами. — При 12-ти ночлежникахъ замѣчать ихъ сапоги, вѣдь, невозможно!

Свидѣтель замялся, молчалъ.

— Въ Петербургѣ есть такія и для 30-ти ночлежниковъ квартиры, въ которыхъ, чтобы ночью не пропали сапоги, они берегутся содержателями на сохраненіи до утра, а тогда раздаются по нумерамъ, но замѣткамъ каждому свои, стрѣльнулъ засѣдатель въ судью за его невѣдѣніе.—Не таковъ ли порядокъ и у васъ? прибавилъ онъ свидѣтелю.

Свидѣтель отозвался, что этого, дѣйствительно, существующаго порядка собственно онъ не всегда держался. Засѣдатели торжествовали побѣду товарища надъ судьею.

По другому дѣлу засѣдатель спросилъ: почему никто изъ сторожей, осматривавшихъ внутренность церкви послѣ каждой службы днемъ и вечеромъ, впродолженіи 4 сутокъ не замѣтилъ тамъ подсудимаго? Свидѣтель не нашелся, что̀ отвѣтить.

— Могъ ли случиться такой случай, чтобы человѣкъ попалъ въ церковь, какъ въ настоящемъ случаѣ? рѣзко переспросилъ судья, ошибочно полагая, что свидѣтель его непремѣнно пойметъ.

— Не извѣстенъ ли вамъ такой случай, чтобы человѣкъ 4 сутокъ случайно прожилъ въ церкви не ѣвши, какъ это случилось въ настоящемъ случаѣ, съ удареніемъ на «*случай*» иронически повторилъ засѣдатель, въ пику судьѣ.

Свидѣтель отвѣтилъ отрицательно, а засѣдатели, выслушавъ результатъ пикировки собрата съ судьею, остались довольны товарищемъ.

Борьба была, тѣмъ не менѣе, неровная: съ третьяго же засѣданія, обвинители, опираясь на 656 ст. уст. угол. судопр. — по чьей иниціативѣ — утверждать не берусь, но безцеремонно, почти вслухъ стали отводить неугомонныхъ засѣдателей отъ участія во всѣхъ рѣшительно дѣлахъ. Обстоятельство это, въ первый же день, не скрылось отъ вниманія засѣдателей, цѣнившихъ качества своихъ товарищей и нуждавшихся въ ихъ содѣйствіи. Въ слѣдующемъ засѣданіи, безпричинный отводъ этотъ окончательно возстановилъ засѣдателей противъ обвинителя, и, когда они вынесли оправдательный вердиктъ подсудимой, подвергшіеся остракизму засѣдатели замѣтили товарищамъ, что они поступили опрометчиво.

— Напротивъ, мы сдѣлали это нарочно, чтобы прокуроръ понялъ, что нельзя несправедливо отводить васъ, когда съ вами

всѣ дѣла̀ гораздо лучше разбираются, отвѣтили дѣйствовавшіе засѣдатели.

Прокуроръ не понялъ, что̀ творилъ, и продолжалъ отводить черезчуръ усердныхъ засѣдателей. Просидѣвъ напрасно еще засѣданіе, одинъ изъ опальныхъ, по окончаніи засѣданія, попросилъ аудіенцію у предсѣдательствовавшаго, который былъ настолько деликатенъ, что принялъ засѣдателя не въ своемъ кабинетѣ, даже не въ канцеляріи, а *въ корридорѣ*, а, выслушавъ его претензію за отводы, шокировавшіе нестолько его, сколько обвинителя, выразилъ ему, что судъ къ отводамъ непричастенъ, такъ какъ ни рекомендовать, ни браковать засѣдателей не призванъ; когда же засѣдатель продолжалъ открывать внутренній смыслъ ничѣмъ неоправдывавшихся отводовъ, предсѣдательствовавшій обѣщалъ переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ. На слѣдующее утро, до засѣданія, другой опальный засѣдатель обратился къ тому же предсѣдательствовавшему съ тою же претензіею, только въ формѣ просьбы объ освобожденіи его отъ явки въ судъ, въ виду систематическаго отвода его отъ участія во всѣхъ дѣлахъ. Предсѣдательствовавшій въ освобожденіи отказалъ ему, но зато, съ того же засѣданія, оба наказанные за стараніе стали попадать на всѣ дѣла̀, чѣмъ засѣдатели примирились съ обвинителями, ибо защитники, къ чести ихъ сказать, во всю сессію *никого ни разу* не отводили.

Перехожу къ сущности судебныхъ слѣдствій, при которыхъ предварительныя слѣдствія иногда теряютъ смыслъ, значеніе, правдоподобіе. Человѣкъ обвинялся въ святотатствѣ. Предварительное слѣдствіе указывало свидѣтелями сторожей, а на судебномъ слѣдствіи обнаружилось, что настоящими свидѣтелями должны были бы быть священники; предварительному слѣдствію представлялся одинъ обвиняемый, а по судебному слѣдствію пріобрѣлось понятіе, что обвиняемыхъ было двое, но изъ нихъ одинъ скрывшійся оставилъ въ церкви уликою противъ себя свою шапку. Толкователемъ плана церкви явился не архитекторъ, не священникъ, люди свѣдущіе, а старшій сторожъ, отставной солдатъ; самый планъ набросалъ слѣдователь, а не спеціалистъ; наконецъ, сдѣлать модель церкви по примѣру кокоревской мельницы никому и на умъ ни пришло, хотя подсудимому такъ же угрожала каторга, какъ Овсянникову и его сподвижникамъ. Всѣ эти упущенія объяснялись, разумѣется, лишь тѣмъ, что судился за святотатство не богачъ, а бѣднякъ, нищій, за котораго нѐкому было заступиться.

По другому дѣлу все обвиненіе вертѣлось на показаніи 65-тилѣтней тайной совѣтницы, подтвердившей на предварительномъ

слѣдствіи, что она, дѣйствительно, должна была 1,000 руб. по исчезнувшему потомъ векселю, съ которымъ къ ней являлись, и она по немъ разновременно уплатила 300 руб.; но на судебномъ слѣдствіи она категорически отрекалась отъ своего показанія *«отъ перваго до послѣдняго слова»*, причемъ энергически излагала, что слѣдователь все показаніе вынудилъ у нея, никогда небывавшей въ судахъ, чрезвычайно сконфузившейся самымъ призывомъ ея къ слѣдователю и подписавшей то, что онъ написалъ ради только того, чтобы онъ отъ нея отвязался. Чтобы она отреклась отъ первоначальнаго своего показанія съ цѣлью отжилить 700 руб. какъ-то не вѣрилось, ибо а) ей, престарѣлой, одинокой, богатой женщинѣ 700 руб.—мелочь, изъ-за которой непозволительно и срамиться; б) еслибъ она и нуждалась въ кредитѣ, она, по своему положенію, легко могла бы его пріобрѣсть въ любомъ банкѣ, а не унижаться займомъ 1,000 руб. у древняго старика-сторожа, который, по удостовѣренію другого свидѣтеля, долго не могъ, притомъ же по безденежью, собраться купить себѣ билетъ внутренняго займа. Отреченіе старухи отъ показанія послужило суду основаніемъ къ возбужденію вопроса о дѣйствіяхъ самого слѣдователя.

Общая характеристика свидѣтелей, попрежнему, такова, что цивилизованные люди твердо знаютъ, что говорятъ, и не стѣсняются, а простолюдины, преимущественно дворники, городовые, солидарные между собою, постоянно путаются, отмалчиваются такъ, что изъ нихъ приходится вытягивать слова силой: они жалостливы къ подсудимымъ. Претерпѣвшіе отъ преступленій простолюдины, неимовѣрно озлобленные противъ обвиняемыхъ, съ злорадствомъ ихъ топятъ, а привилегированные, хоть и сдержанны, но тоже непріязненно смотрятъ на воспользовавшихся ихъ добромъ. Сами, наконецъ, подсудимые распадаются на три категоріи: благородные силятся вывертываться всякими средствами, какія попадутся; простолюдины—рецидивисты притворяются судьбою гонимыми, сиротками, а новички пугливо озираются и отвѣчаютъ такъ, какъ Богъ на душу положитъ.

V.

Большинство обвинителей, добиваясь непремѣнно осужденія обвиняемыхъ, часто заходятъ далеко за предѣлы круга ихъ дѣятельности и тѣмъ самымъ, т. е. пересаливаніемъ, сами подрываютъ довѣріе къ себѣ присяжныхъ, иногда даже и при вполнѣ логическихъ съ ихъ стороны доводахъ. Въ подкрѣпленіе этой мысли вотъ факты.

Банкъ выдалъ, по подложному документу, 31,000 руб. Обвиняемые въ этомъ преступленіи два чиновника и жена одного изъ нихъ растратили тысячи три; остальной же капиталъ отъ нихъ своевременно отобрали. Въ этомъ-то процессѣ обвинитель, чтобы сильнѣе поразить подсудимую — 18-ти-лѣтнюю мелкую чиновницу — энергически внушалъ присяжнымъ, что отличительная черта молодости — стремленіе къ честной дѣятельности; что молодость живетъ возвышенными идеалами, чувствами, вслѣдствіе чистоты молодыхъ натуръ, питающихъ отвращеніе къ преступности. Въ силу этихъ соображеній, и подсудимая обязывалась не только сама отказаться наотрѣзъ отъ всякаго участія въ преступленіи, но настойчиво воздержать отъ преступленія и 35-ти-лѣтняго своего мужа; но, какъ она нетолько ничего этого не сдѣлала, а напротивъ, добровольно сопровождала товарища мужа изъ банка къ себѣ въ квартиру съ добытыми деньгами, которыя сперва спрятала къ себѣ въ комодъ, а потомъ изъ нихъ употребила 90 руб. на ротонду, на шляпку, то она дѣйствовала во всемъ активно, сознательно, поощряла мужа на преступленіе; а отсюда она, ясно, пережила свою молодость, своего рода выродокъ, достойный сугубой кары правосудія. Присяжные же убѣдились изъ различныхъ источниковъ, что подсудимая—легкомысленнѣйшая дамочка, только годъ прожила замужемъ, любила мужа, была ему безпредѣльно предана, отчего онъ, человѣкъ практическій, зрѣлый, опытный, вліялъ на нее столько, сколько и какъ хотѣлъ; что никто не посвятилъ ея въ сущность того, что̀ случилось, а сама она не располагала ни малѣйшимъ понятіемъ о подлогахъ и юридическихъ ихъ результатахъ; что подаркомъ на ротонду и шляпку подкупили ее, вскружили юную ея голову, отуманенную мечтами о нарядахъ; присяжные оправдали естественно эту «кисейную барышню», наперекоръ талантливой, но дышавшей фальшью рѣчи обвинителя.

Другой обвинитель, предполагая въ присяжныхъ, вѣроятно, наивныхъ дѣтей, съ апломбомъ трактовалъ имъ, что, коль скоро они запомнили обстоятельства дѣла, то «признаютъ подсудимаго виновнымъ, такъ какъ оправданіемъ его, юношу, они, присяжные, принесутъ ему больше вреда, чѣмъ пользы». Проще говоря, что подъ стражею въ тюрьмѣ, онъ, дескать, исправится, а на волѣ, среди соблазновъ житейскихъ, наоборотъ, вдосталь нравственно испортится, точно обвинителю неизвѣстно то прискорбное моральное воздѣйствіе, какое выносится изъ тюремъ вообще и несовершеннолѣтними въ особенности.

Другой обвинитель отличился не меньшимъ невѣдѣніемъ пред-

мета, также непосредственно соприкасающагося съ дѣятельностію прокуратуры. С.-Петербургскій тюремный комитетъ, стремясь къ уменьшенію числа рецидивистовъ, послѣ многихъ усилій, учредилъ «убѣжище, для лицъ, освобожденныхъ изъ тюремнаго заключенія». На основаніи утвержденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ 8-го апрѣля 1875 г. устава убѣжища, призрѣнники имѣютъ въ убѣжищѣ до 4-хъ мѣсяцевъ пріютъ, пропитаніе, одежду и проч., за что̀ обязываются работать по хозяйству и въ мастерскихъ убѣжища. Объ убѣжищѣ, открывшемся 10-го октября 1875 г., многократно печаталось во всѣхъ столичныхъ газетахъ. Изъ квартиры начальника этого «убѣжища» двое призрѣнниковъ совершили, однажды, ночью, кражу со взломомъ, за что̀ ихъ предали суду. Тэма для обвинительной рѣчи была, казалось бы, прекрасная. И что̀ же? Обвинитель, рѣшительно незнавшій, что̀ за учрежденіе убѣжище, называлъ его пріютомъ, а претерпѣвшаго отъ преступленія бывшихъ призрѣнниковъ начальника—собственникомъ пріюта, благодѣтелемъ людей, нуждающихся въ пристанищѣ; короче, по его словамъ, выходило, будто бы пріютъ этотъ частный, и въ немъ только ночуютъ нуждающіеся въ кровѣ, какъ въ ночлежныхъ пріютахъ [1].

Приказчикъ растратилъ хозяйскихъ 462 руб., главный приказчикъ, чрезъ полицію, привлекъ растратившаго къ суду безъ вѣдома хозяина, который на судѣ заявилъ, что, ежелибъ въ моментъ признанія растраты былъ налицо—онъ не позволилъ бы затѣвать уголовщины; что обвиняемый разсчитался съ нимъ деньгами и вещами.

— Да сто̀ятъ ли полученныя вами отъ подсудимаго вещи растраченной имъ суммы? дознавался обвинитель.

— По нашему, сто̀ятъ, а ка̀къ другіе ихъ оцѣнятъ—не знаю.

— Какія же именно эти вещи?

— Сюртукъ, дамская шубка—онъ женѣ ее было купилъ—ну и другія. Словомъ, мы вполнѣ удовлетворены.

Обвинитель неудовольствовался, однако, и категорическими отвѣтами хозяина, что онъ матеріально вполнѣ удовлетворенъ подсудимымъ, а въ обвинительной рѣчи своей говорилъ: «я, *пожалуй*, *допускаю*, что хозяинъ удовлетворенъ, но поступокъ под-

---

[1] Ни защитникъ, ни судьи также не имѣли никакого понятія объ убѣжищѣ; одинъ изъ засѣдателей разсказалъ товарищамъ и адвокатамъ о цѣли и средствахъ убѣжища, а оправданнаго юношу отправилъ туда; все это настолько разгласилось, что товарищъ предсѣдателя суда, г. Цухановъ, посѣтилъ въ маску убѣжище, нашелъ его въ хорошемъ состояніи и внесъ на его поддержку свою лепту—25 руб.

судимаго, все-таки, безнравственный». Такимъ образомъ, погоня за обвиненіемъ, довела обвинителя до сомнѣнія въ правдивости показанія хозяина, интересы котораго онъ брался защищать гораздо шире, чѣмъ желалъ самъ хозяинъ, предполагавшійся претерпѣвшимъ отъ преступленія подсудимаго, а это ужь ни съ чѣмъ, понятно, несообразно!

Приказчикъ же растратилъ 326 руб. Онъ и свидѣтель, его товарищъ, увѣряли, что оба были въ домѣ терпимости, гдѣ прогуляли 45 руб., а остальные, украли у него ночью въ притонѣ, какъ они утромъ дознались. Содержательница притона, осипшая, разжирѣвшая акула, изъ самосохраненія, разумѣется, отозвалась, что подсудимый въ ея притонѣ былъ трезвый, истратилъ только 5 руб. и преблагополучно удалился. И, несмотря на то, что а) самъ претерпѣвшій свидѣтельствовалъ, что бывшій его приказчикъ, обвиняемый, 3 года сряду велъ себя безукоризненно, растрату же произвелъ, вѣроятно, вслѣдствіе означенной оказіи; б) товарищъ подсудимаго представлялся порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, сомнѣваться въ правильности разсказа котораго не представлялось никакого повода—обвинитель, для достиженія обвиненія, предпочелъ показаніе акулы и, твердо опираясь на этомъ, для всѣхъ, безспорно ложномъ показаніи, требовалъ осужденія, тѣмъ болѣе, что «изъ васъ, напиралъ онъ, многіе—сами купцы, торгуете и, если станете оправдывать обвиняемыхъ приказчиковъ, они и васъ станутъ, безнаказанно, обирать».

Прерываю групировку фактовъ, подобныхъ изложеннымъ, потому что убѣдилъ, надѣюсь, читателей въ основательности мысли, что обвинители, во-первыхъ, совершенно напрасно настаиваютъ на осужденіи людей, въ дѣяніяхъ которыхъ ходячая общественная совѣсть—присяжные засѣдатели—не находятъ преступленій, а, во-вторыхъ, что обвинительныя рѣчи, построенныя на различныхъ софизмахъ, нетолько умаляютъ, но и дискредитируютъ, въ глазахъ присяжныхъ, авторитетъ обвинителей, въ ущербъ правосудію: оно нуждается въ обвинительныхъ приговорахъ *не по простому числу*, а *по внутреннему качеству дѣлъ*; оцѣнка же достоинствъ обвинителей по мертвымъ цифрамъ добытыхъ ими обвиненій—крайнее заблужденіе, которое давно ужь пора устранить изъ практики.

За обвиненіемъ слѣдуетъ защита, къ которой и перейду. Начну съ того, что, въ продолженіи сессіи, въ обоихъ уголовныхъ отдѣленіяхъ изъ множества извѣстныхъ талантами, знаніями и прочими качествами присяжныхъ повѣренныхъ, защищали только четверо и то лишь въ важныхъ, по суммѣ, дѣлахъ; по со-

глашенію ли, за вознагражденіе или по наряду суда, даромъ— я дознаться не могъ; по всѣмъ же остальнымъ многочисленнымъ процессамъ фигурировали, преимущественно, такіе люди, которымъ надо бы серьёзно поучиться правильно говорить по-русски, а то, слушая ихъ, многимъ присяжнымъ такъ и мерещилось, будто бы защита происходитъ не въ русской столицѣ, а наприм. въ Варшавѣ, Ригѣ, Владикавказѣ и Бобруйскѣ. Впрочемъ, казуистическое толкованіе фактовъ, хитроумная ловля на словѣ, тщательное выпытываніе отъ свидѣтелей односторонне полезныхъ показаній—во всемъ этомъ иноплеменные защитники были очень солидарны между собою. Наприм., обвиненіе заключалось въ похищеніи изъ запертаго комода денегъ.

— Вы говорите, что, по возвращеніи изъ театра, не нашли денегъ. Въ которомъ часу вы въ тотъ день обѣдали?

— Какъ всегда, въ 5-мъ часу, по возвращеніи мужа изъ должности, отвѣтила претерпѣвшая, съ недоумѣніемъ.

— Пообѣдавши, вамъ предстояло переодѣться, кое-чѣмъ распорядиться и затѣмъ поспѣть къ началу спектакля, да̀?

— Разумѣется.

— Времени у васъ оставалось всего часа полтора, два—съ Песковъ до маріинскаго театра далеко—слѣдовательно, вы, не правда ли, торопились?

— Ну, конечно, торопилась.

— А въ торопяхъ можно, вѣдь, согласитесь, иногда забыть и нужную вещь, наприм. бинокль?

— Со мной это и случилось разъ въ прошломъ году.

— Если вы, въ торопяхъ, могли забыть необходимый въ театрѣ бинокль, то тѣмъ скорѣе вы, въ торопяхъ, забыли, вѣроятно, запереть комодъ?

— Н-да... нѣ-нѣтъ... мнѣ помнится, заперла... совершенно ужь сконфужено лепетала дама.

— Свидѣтельницѣ *«помнится»*, что она заперла комодъ, но положительно она этого не утверждаетъ. Обратите, гг. присяжные, особенное ваше вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ, по моему мнѣнію, комодъ былъ отпертъ, торжественно провозгласилъ защитникъ.

Далѣе, къ самымъ насущнымъ интересамъ кліентовъ нѣкоторые защитники относились совершенно равнодушно: дѣла̀ пробѣгали они лишь передъ открытіемъ засѣданій, совѣщались съ подсудимыми впервые въ самомъ судѣ, около рѣшетки. Домогались они снисхожденія, мимоходомъ, къ слову, такъ сказать. Выше я указывалъ, что на обвиненіи «по легкомыслію» защитникъ совершенно помирился съ обвинителемъ, когда долженъ

былъ просить оправданія, а здѣсь прибавлю, что, хотя по одному дѣлу положительно было доказано, что подсудимый совершилъ кражу со взломомъ «съ голоду», тѣмъ не менѣе, сытому защитнику и на умъ не пришло ходатайствовать о признаніи его кліента дѣйствовавшимъ «по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію»; потомъ, въ спорномъ о лѣтахъ подсудимаго случаѣ—защитникъ и не заикнулся о постановкѣ дополнительнаго вопроса о томъ: «дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ?». Системы защиты иные держались довольно странной.

— Мой кліентъ судится впервые, значитъ—онъ правъ, ораторствовалъ одинъ: — сообвиняемый же — рецидивистъ, слѣдовательно—онъ и укралъ.

— Мой кліентъ—рецидивистъ, это правда; но онъ, извѣдавъ всю горечь наказанія, не осмѣлился красть, оберегая себя, протестовалъ другой:—товарищъ же его, предполагая, что въ тюрьмѣ легко дышется—одинъ и совершилъ преступленіе.

Игра въ сваливаніе другъ на друга неоднократно повторялась между защитниками, весьма щедрыми на замысловатыя выраженія, въ родѣ «альтернативы», «инсинуація», «пассивная», «ригоризмъ», «фантасмогорія» и т. д.; одинъ даже называлъ вора «авторомъ преступленія».

— Что̀, скажите пожалуйста, значитъ слово «авторъ», спросилъ меня однажды засѣдатель, купецъ.

— Сочинитель книгъ.

— Такъ и воры нынѣ въ сочинители попали? Не ожидалъ. Это для меня, торговца—новость, а для васъ, сочинителей, право преобидно, потому между сочинителями и ворами общаго ничего, кажется, нѣтъ.

Главный упрёкъ, какой слѣдуетъ сдѣлать суду, и въ особенности предсѣдательствующимъ, руководителямъ засѣданіями, это—въ чрезвычайной *торопливости*, съ какою разбираются дѣла̀, влекущія за собою болѣе или менѣе тяжкія кары подсудимыхъ. Человѣку безъ быстраго соображенія, твердой памяти, на̀выка очень трудно усвоить себѣ содержаніе дѣлъ, производящихся, выражаясь тривіально, просто на почтовыхъ: физіономіи свидѣтелей, живо смѣняющихъ одна другую, только мелькаютъ въ глазахъ, а въ ушахъ стоитъ какой-то безсвязный гулъ различныхъ ихъ голосовъ. Акты, первоначальные осмотры, напр., взломовъ хранилищъ, эти фундаменты дѣлъ, игнорируются; если чтеніе ихъ—лишнее для обвинителей и защитниковъ, заранѣе знакомящихся съ содержаніемъ этихъ актовъ, то это, отнюдь, не исключаетъ нетолько полезности, но нерѣдко и необходимости

для присяжныхъ знать: что̀ именно заключается въ актахъ? Вещественныя доказательства уликъ предъявляются присяжнымъ также не по всѣмъ дѣламъ, тогда какъ замки̇, напр., считавшіеся сломанными обвиняемыми, иногда преисправно запирались и отпирались на судѣ. А между тѣмъ, присяжные, не слыша того, что̀ нужно, не видя того, что̀ составляетъ основу дѣла, вынуждены бываютъ рѣшать о виновности подсудимыхъ гадательно, по теоріи вѣроятности, что̀ парализируетъ справедливость.

Предсѣдательствовавшіе, резюмируя дѣла̀, много разъ менторскимъ тономъ заявляли намъ, засѣдателямъ, что «вы не знаете и не должны знать, какое за преступленіе полагается, по закону, наказаніе», тогда какъ, на основаніи 62 ст. основн. закон. I ч. I т. «невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться», а ради того, чтобы всѣ вѣдали законы, они «обнародываются во всеобщее извѣстіе» (57 ст. I ч. I т.) Такимъ образомъ, припомнивъ, что Уложеніе о наказаніяхъ—законъ, «обнародованный во всеобщее извѣстіе», отчего «невѣдѣніемъ, какое за что̀ полагается наказаніе, отговариваться нельзя», разсужденія предсѣдателей юридически неправильны. Потомъ, среди присяжныхъ засѣдателей сплошь да рядомъ бываютъ и такіе люди, которые знакомы съ уголовнымъ судопроизводствомъ и Уложеніемъ о наказаніяхъ не хуже многихъ изъ праведныхъ судей: слѣдовательно, третировать всѣхъ профанами, да еще съ предсѣдательскаго кресла, въ гласномъ судѣ, по мѐньшей мѣрѣ, неумѣстно, не соотвѣтствуетъ достоинству суда. Далѣе: присяжные, по крайней-мѣрѣ, Петербурга—вовсе не такіе смирненькіе, близорукіе люди, которые безусловно повинуются всему, что̀ велятъ, т. е., чтобы они, услышавъ: «вы не знаете и не должны знать, какое за что̀ полагается наказаніе», вдругъ рѣшительно забыли, на 20 дней, все, что̀ объ этомъ знаютъ. Наконецъ, анормальность указанныхъ заявленій предсѣдателей иногда шокируетъ и самихъ представителей суда, какъ это подкрѣпляетъ вотъ какой фактъ. Человѣкъ судился за то, что забрался въ церковь, съ цѣлію воспользоваться какимъ-либо предметомъ, храму принадлежащимъ. Обвинитель дважды называлъ его поступокъ простымъ «покушеніемъ на кражу», а предсѣдательствовавшій, въ своемъ резюмѐ, напротивъ, говорилъ, что это—*«святотатство»*, подчеркнувъ даже это слово, для вящшаго вразумленія засѣдателей.

— Намъ толкуютъ, что мы «не знаемъ, да и знать не должны законовъ», молвилъ засѣдатель товарищамъ, въ совѣщательной ихъ комнатѣ:—по дѣлу же, прокуроръ обвинялъ въ «покушеніи на заурядную кражу», а предсѣдатель отчеканивалъ, что

это, «святотатство»; кто-же изъ нихъ-то, нашихъ наставниковъ, не знаетъ закона, который каждодневно держатъ въ рукахъ?

— По моему, прокуроръ правъ: за святотатство наказываютъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ нетолько за «покушеніе», но даже за самую «кражу со взломомъ»; прокуроръ всегда обвиняетъ по сильнѣйшей статьѣ; потому никоимъ образомъ не помирволилъ бы подсудимому, ежелибъ считалъ возможнымъ назвать его святотатцемъ.

— А я думаю, что предсѣдатель правъ: по какой-бы статьѣ прокуроръ ни обвинялъ, судъ, все-таки, рѣшаетъ дѣло по своему, не взирая ни на какіе резоны прокурора.

— Но, вѣдь, прокурорамъ поручается только обвинять; стало-быть, они свою одну часть знаютъ, лучше другихъ, напр. и предсѣдателей.

— Не изъ предсѣдателей же назначаютъ въ прокуроры, а, наоборотъ — прокуроровъ въ награду, повышаютъ въ предсѣдатели; значитъ, предсѣдатели заслуживаютъ несравненно больше вѣры.

— Знаете, господа, что̀? Рѣшимте лучше «святотатство» ли, или нѣтъ—голосами?

— Давайте, давайте: посмотримъ, чей останется верхъ.

И предсѣдательское мнѣніе пересилило прокурорское только двумя голосами.

VI.

Въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда разбросаны факты серьёзнаго, здраваго и критическаго отношенія присяжныхъ къ представителямъ суда, къ закону и къ дѣламъ, насколько судъ и законъ вліяли на содержаніе дѣлъ. Часто слышатся упрёки присяжнымъ за ихъ оправдательные вердикты; оттого, въ дополненіе къ разсказанному, разъясню незатронутыя еще причины оправданія, для того чтобы читатели могли всесторонне судить какъ о степени несостоятельности сѣтованій на присяжныхъ засѣдателей, такъ и о томъ, преступаютъ ли послѣдніе законъ совѣсти, на основаніи котораго они являются оцѣнщиками тѣхъ или другихъ прегрѣшеній людскихъ.

16-ти-лѣтній юноша «взялъ» изъ сундука товарища серебряные часы, сто̀ившіе 8 р., зашилъ ихъ въ свой кафтанъ, проносилъ 5 сутокъ; когда-же товарищъ хватился часовъ, ихъ вынули изъ кафтана и въ цѣлости возвратили по принадлежности. Фактъ похищенія предосудителенъ—это правда; но за эту, какъ казалось засѣдателямъ, «шалость» юноша просидѣлъ до суда

подъ стражею 3 мѣсяца, каковое наказаніе представлялось имъ, судьямъ по совѣсти, совершенно достаточнымъ за «шалость», и потому они, не обинуясь, отвѣтили «нѣтъ, не виновенъ». Это-же «нѣтъ, не виновна» услышала старуха, судившаяся три раза все за кражу куръ, потому что присяжные сочли ее не зловредною воровкою, а одержимою маніею къ похищенію именно куръ; больную же засѣдатели остереглись обвинить, вслѣдствіе того, что состояніе ея граничило съ невмѣняемостью. Точно также оправдали они: а) 18-ти-лѣтнюю чиновницу, которую вовлёкъ въ преступленіе любимый ею мужъ, воспротивиться которому у нея, по молодости, не хватило силы воли, тѣмъ болѣе, что ее ослѣпилъ подарокъ—ротонда въ 90 р.; б) пекаря, главная улика противъ котораго были сапоги, которые ему на ноги не влѣзли.

Латышъ, напримѣръ, нанялся въ лакеи къ фабриканту, прожилъ у него двѣ недѣли, поѣхалъ съ нимъ за-границу; тамъ, по миновеніи въ немъ надобности, фабрикантъ разсчиталъ его и отослалъ назадъ съ вещами, которыя онъ въ цѣлости сдалъ здѣсь управляющему фабриканта, переночевалъ, будучи запертъ снаружи, въ передней пустой барской квартиры; на утро его отперли, выпустили; онъ объявилъ, что въ квартирѣ холодно, отчего больше не желаетъ пользоваться даровымъ ночлегомъ, забралъ свои пожитки, удалился и больше не возвращался. Спустя нѣкоторое время, вернулся фабрикантъ, убѣдился, что изъ стоявшей въ его кабинетѣ шифоньерки похищено, посредствомъ подборнаго ключа, пачка *ничего нестоившихъ* акцій, платье и еще кое-что̀, заявилъ объ этомъ полиціи, которой доставили найденныя (въ корридорѣ дома, чрезъ 10 улицъ) именныя фабриканта ничтожныя акціи. Подозрѣніе пало на бывшаго лакея потому, что остальные люди служили у фабриканта десятки лѣтъ, а онъ, отставной лакей, заходилъ, однажды, въ указанный домъ къ отсутствовавшему и нѣсколько знакомому ему кучеру освѣдомиться, не можетъ ли онъ рекомендовать его на мѣсто? Подозрѣніе, все-таки—не обвиненіе и оно строилось на слѣдующей, очевидно, рыхлой почвѣ. За границею фабрикантъ жилъ въ гостинницѣ, когда уходилъ, ключъ отъ № бралъ съ собой, но тамъ водился двойной комплектъ ключей, отчего лакей *могъ* отпереть нумеръ другимъ ключемъ, *могъ* подобрать ключъ къ комоду, *могъ* достать изъ него связку ключей, въ томъ числѣ, и отъ шифоньерки, *могъ* отправиться съ ними къ слесарю, *могъ* заказать послѣднему такіе же ключи, *могъ* аккуратно, незамѣтно, положить настоящіе ключи, по порядку, на свои мѣста къ приходу фабриканта (онъ тщательно берегъ ихъ денно и ночно) потомъ, пріѣхавши въ Петербургъ, *могъ* подобрать еще ключъ къ двери кабинета и, въ концѣ кон-

цовъ, *могъ* совершить преступленіе. Выслушавши все это, присяжные приняли во вниманіе, что: во-1-хъ повѣрялъ ли фабрикантъ имущество, находившееся въ шифоньеркѣ, предъ своимъ отъѣздомъ заграницу—осталось не разъясненнымъ; во-2-хъ, не забрался ли кто изъ многочисленныхъ служащихъ фабриканта въ его пустую квартиру, въ бытность его заграницею, и не похитилъ ли съ подобраннымъ ключемъ вещей — этого также разслѣдовано не было; въ 3-хъ, если лакею заграницею и удалось, можетъ статься, добыть поддѣльные ключи, онъ, явившись въ петербургскую квартиру фабриканта, не имѣлъ хранившагося у управляющаго ключа отъ двери кабинета; въ 4-хъ, пріобрѣсть къ кабинету поддѣльный ключъ ему ни время, ни его положеніе не позволило: впущенный въ переднюю квартиры, онъ до утра оставался въ ней запертымъ снаружи; въ 5-хъ, на слѣдующее утро, при выпускѣ его изъ квартиры, какъ ее, такъ и лакея осмотрѣли, но ничего дурнаго не замѣтили; наконецъ, въ 6-хъ, еслибъ онъ задался мыслью непремѣнно воспользоваться чужимъ добромъ, то вмѣсто того, чтобы предпринимать столь сложныя рискованныя мѣры, онъ совершенно *безопасно могъ*, заграницею же, скрыться съ довѣреннымъ ему фабрикантомъ цѣннымъ имуществомъ. Рядъ этихъ соображеній привелъ засѣдателей къ оправданію подсудимаго.

Еще случай. Жилъ-былъ одинокій старикъ, по смерти котораго называвшійся его племянникомъ молодой человѣкъ взвелъ обвиненіе на супруговъ сосѣдей покойнаго по квартирѣ въ расхищеніи оставшагося послѣ него наслѣдственнаго имущества, и главнымъ образомъ векселя въ 1,000 р. Свидѣтели показали: одни — что видѣли у обвиняемыхъ, кто у мужа вексель, кто у жены, перстень, по ея, будто бы, словамъ, подаренный ей покойнымъ за уходъ за нимъ, больнымъ (продолжительный уходъ и попеченіе супруговъ о старикѣ всѣ подтвердили); другіе—что старикъ былъ, какъ сказано выше, настолько недостаточный человѣкъ, что никакъ не могъ собраться купить себѣ билетъ внутренняго съ выигрышами займа; при жизни старика, вещи переносились во время пожара зря, и часть ихъ сгорѣла; хоронили старика супруги же; наконецъ, предполагавшаяся векселедательницею категорически отреклась нетолько отъ займа у старика 1,000 р., но даже и отъ того, чтобы когда нибудь хоть видѣла его въ лицо. Искатель наслѣдства, въ судѣ, на заданные ему вопросы отвѣтилъ: какія именно вещи были у дяди—перечислить не въ состояніи; видывался и со здоровымъ дядею рѣдко, а во время его 4-хъ мѣсячной болѣзни ни разу его не навѣстилъ; на дядиныхъ похоронахъ не присутствовалъ,

все по недосугу; почему дядя не отказалъ ему ничего по духовному завѣщанію—объяснить не можетъ.

Все шло обычнымъ чередомъ, но, когда предсѣдатель, резюмировалъ сущность дѣла, изъ корридора вдругъ донесся пронзительный, дѣтскій плачъ [1], и всѣ встрепенулись. Засѣданіе прервалось. Командированный дознаться, что̀ за плачь, судебный приставъ громогласно доложилъ, что это плачутъ *трое малолѣтнихъ* дѣтей подсудимыхъ супруговъ. Присяжные вопросительно переглянулись между собою, предсѣдатель посовѣтовалъ имъ рѣшительно игнорировать дѣтскій плачъ, какъ явленіе, отъ процесса совершенно постороннее, довершилъ свое дѣло, и засѣдатели очутились въ своей совѣщательной комнатѣ.

— Уфъ, какъ тошно! нарушилось подавленное, грустное молчаніе засѣдателей.

— Забудьте о себѣ, а думайте ка̀къ лучше: возвратить ли дѣтямъ мать, отца, или погубить и ихъ, въ угоду охотнику до наслѣдства?

— Нѣтъ, вы забудьте, какъ предсѣдатель велѣлъ, дѣтей: объ нихъ у насъ не можетъ быть и помину.

— Ну, ужь ошиб-бетесь; пусть меня хоть оштрафуютъ, хоть пожалуй и арестуютъ, а я за дѣтей горой постою: они, маленькія, ангельскія души, не должны пострадать!..

— Позвольте мнѣ, пожалуйста, попробовать, не касаясь дѣтей, разобрать собственно дѣло какъ оно есть, безпристрастно. Право на наслѣдство есть право законное, право присвоенное родственникамъ, это—безспорно. Но утвержденъ претендентъ судомъ въ правахъ на наслѣдствіе? Нѣтъ...

— Телятъ по осени считаютъ—стало быть, о чемъ же онъ-то хлопочетъ?

— О томъ, чтобы отыскать наслѣдство, къ которому онъ потомъ и утвердится въ правахъ; покуда же наслѣдство только въ умѣ, ему, разумѣется, и тратиться на утвержденіе—не резонъ. Онъ—человѣкъ со смекалкой.

— Но, вѣдь, ежели такъ разсуждать и я, узнавши, что вы попользовались наслѣдствомъ, могу назваться наслѣдникомъ и усадить васъ на обвинительную скамью.

— Если узнаете, что я *противузаконно* воспользовался *чужимъ* наслѣдствомъ—вы вправѣ, и не называясь наслѣдникомъ заявить объ этомъ прокурору и меня потянутъ къ отвѣту: присвоеніе имущества умершихъ преслѣдуется и безъ жалобы ихъ наслѣдниковъ, потому что, до явки наслѣдниковъ, оно,

---

[1] Быть можетъ, это было и нарочно устроено.

по закону, подлежитъ охраненію чрезъ судебныхъ приставовъ, мировыхъ судей, установленнымъ порядкомъ...

— Меня перебили, и я сдѣлаю, извините, то же самое, чтобы поставить заданный намъ вопросъ о виновности подсудимыхъ, что̀ называется, ребромъ. Итакъ, запомните, что по сію минуту племянникъ—еще не наслѣдникъ. Теперь посмотримъ, каковъ же онъ *племянникъ*, претендующій на наслѣдство? Дядя 4 мѣсяца хвораетъ, и сосѣди, люди бѣдные, обремененные, прибавлю мимоходомъ, малыми ребятами, все это время переносятъ его съ кровати на стулъ, со стула на кровать, покупаютъ, подаютъ ему лекарство, варятъ ему пищу, собственноручно поятъ, кормятъ его, караулятъ, а гдѣ же, что̀ же дѣлаетъ племянникъ? Онъ живетъ здѣсь же, но не трудится даже и освѣдомиться, ка̀къ живется дядюшкѣ; ему въ тягость удѣлить хоть часъ дядюшкѣ, утѣшить его хоть ласковымъ словомъ, потому что ему, видители, *нѐкогда*. Истаявшій старикъ умираетъ, и сосѣди обмываютъ его, снаряжаютъ въ лоно Авраамово, распоряжаются служить по немъ панихиды, погребеніемъ его трупа, а гдѣ же, что̀ же дѣлаетъ племянникъ? Онъ не жалуетъ ни помолиться праху, ни проститься съ дядюшкой, ни проводить его на кладбище, чтобъ бросить въ могилу горсть земли—опять-таки потому, что ему *нѐкогда!* Гробъ съ дядиными останками въ землѣ, она засыпана, слѣдъ существованія дяди изчезъ навсегда, и вотъ племянникъ вспоминаетъ, что имѣлъ дядю, а дядя имѣлъ имущество; у этого племянника оказывается досугъ разузнавать, что имуществомъ дяди воспользовались сосѣди; это его поражаетъ, и онъ бѣгаетъ, хлопочетъ, заявляетъ, что онъ—племянникъ!!! Подайте, подайте мнѣ наслѣдство, зак-конное мое наслѣдство, вопіетъ онъ къ явной, къ тайной, сыскной полиціи, къ судебному слѣдователю, прокурору, судебной палатѣ, къ суду и къ намъ, судьямъ *«по совѣсти»*... Всѣмъ, временно и постоянно власть имущимъ, указываетъ онъ сосѣдей, этихъ грабителей, отъ всѣхъ требуетъ онъ казни этихъ преступныхъ сосѣдей, которые были для дяди и прислугою, и друзьями, людьми, вѣроятно, вдесятеро дороже этого плям-мянника!.. Я кончилъ. Карайте же, смѣло, господа, кар-райте этихъ преступниковъ, если у кого изъ васъ языкъ повернется сказать: «да̀, виновны»...

Воцарилась глубокая тишина. Слышно было, какъ въ топившемся каминѣ угли ворочались отъ жару.

— Само собой, такъ я себѣ думаю, что наслѣдникомъ тутъ надо быть не тому, кто, единственно по бумагамъ, можно сказать, наслѣдникомъ считается, а безпремѣнно тому, кто кого холилъ, ублажалъ, да кто кому по душѣ христіанской былъ милъ...

— Браво, молод-децъ.

— Ну, и что̀ же?

— Вѣстимо: не виноваты. Пусть Богъ ихъ судитъ коли ежели *тово*...

— И я «нѣтъ». Слава Богу, дѣти не осиротѣли—вотъ что̀ важнѣе всего.

Оправданіе супруговъ состоялось мгновенное, единогласное.

VII.

Никто, конечно, не станетъ оспоривать старой истины, что законы вообще, и уголовные въ особенности, должны вытекать изъ самой жизни и принаравливаться къ потребностямъ общества, для огражденія интересовъ котораго создаются. Надежною въ этомъ смыслѣ опорою служитъ и 50 ст. основн. закон. 1 ч. 1 т. Но какъ до изданія тѣхъ или другихъ законовъ часто трудно предугадать степень ихъ практичности, цѣлесообразности, то, «при полученіи въ губерніяхъ новаго общеобнародованнаго закона, начальники губерніи созываютъ палаты, правленія, и буде новый законъ усмотрится въ чемъ либо, по мѣстнымъ обстоятельствамъ неудобнымъ, дозволяется представлять объ этомъ сенату, который, если существующій законъ сопряженъ съ неудобствами въ исполненіи, можетъ представлять о томъ императорскому величеству» (74 и 75 ст: основн. закон.). Далѣе, согласно 136 ст. учр. суд. уст., прокуроръ окружнаго суда, если обнаружитъ неполноту закона и признаетъ необходимымъ возбудить законодательный вопросъ, доноситъ о томъ прокурору судебной палаты, отъ коего зависитъ представить возбужденный вопросъ на усмотрѣніе министра юстиціи. Наконецъ, «право возбуждать законодательные вопросы не относится къ судебнымъ установленіямъ, а принадлежитъ только прокурорскому надзору» (гр. кассац. рѣш. сената 1866 г. № 32).

Такимъ образомъ, властямъ предержащимъ предоставленъ широкій просторъ къ улучшенію законовъ, несоотвѣтствующихъ современному моральному и умственному міросозерцанію общества, обязаннаго подчиняться существующимъ законамъ, и, еслибъ прокуроры въ теченіи протекшихъ 10 лѣтъ, внимательно слѣдили за образомъ дѣйствій присяжныхъ засѣдателей и внутреннимъ смысломъ оправдательныхъ ихъ приговоровъ, да настойчиво возбуждали законодательные вопросы; теперь, легко можетъ статься, присяжнымъ не пришлось бы ужь рѣшать цѣлой группы преступленій, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ,

напримѣръ а) о всѣхъ родахъ нарушеній паспортной системы; б) о совершонныхъ, но пополненныхъ растратахъ чужого имущества; в) о кражахъ со взломомъ на сумму, по меньшей мѣрѣ, до 100 руб. вообще и содѣянныхъ по крайности, неимѣнію средствъ къ пропитанію—въ особенности; г) о малолѣтнихъ вообще и о малолѣтнихъ рецидивистахъ въ частности; д) о дѣвицахъ-матеряхъ, со стыда и страха покидающихъ на произволъ судьбы новорожденныхъ дѣтей и оттого умирающихъ; е) обвиняемыхъ, совершившихъ преступленія нечаянно, безъ корыстной цѣли; ж) когда обвиняемый слабоуменъ, родственникъ претерпѣвшаго или состоялъ къ нему въ особенно-близкихъ отношеніяхъ; з) по отсутствію предосудительныхъ мотивовъ преступленія и одобрительному прошлому обвиняемаго и вслѣдствіе суровости кары за кажущуюся засѣдателямъ неважность преступленія и т. д.

Переходя отъ этого общаго къ частнымъ вопросамъ о различныхъ недостаткахъ, усматривающихся въ уст. угол. судопр., приходится отмѣтить, что въ этомъ отношеніи, въ теченіи минувшихъ 5-ти лѣтъ, никакого прогресса не послѣдовало: то, что̀ я тогда писалъ по поводу нѣкоторыхъ ст. уст. уголовн. судпр., теперь приходится почти повторить, что̀ и дѣлаю въ общихъ лишь чертахъ.

1) Ни одна изъ 81, 84, 87, 98 и проч. ст. учр. суд. уст., ни 500 и др. ст. уст. угол. судопр. не требуютъ означенія въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей ихъ «званій, чиновъ». 55 и 659 ст. уст. угол. судопр., напротивъ, требуютъ означенія только «*именъ*» засѣдателей. Между тѣмъ, судъ, въ печатныхъ спискахъ присяжныхъ засѣдателей, постоянно вставляетъ ихъ «чины» и «почетныя званія», почему мѣщанинъ, купецъ, даже чиновникъ не рискуютъ входить въ препирательства съ «генераломъ», съ «камергеромъ», а это нерѣдко дурно отражается на правосудіи.

2) Чины и званія служатъ обвинителямъ и защитникамъ на глядным критеріумомъ къ отводамъ засѣдателей отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ: если подсудимый ловко, напр., смошенничалъ, обвинитель отводитъ купцовъ, мѣщанъ, полагая, что они не поймутъ тонкой плутни и оправдаютъ; если преступленіе, напр., такого рода, что практикуется въ торговлѣ, защитникъ отводитъ чиновниковъ, разсчитывая, что купцы, по пословицѣ: «воронъ ворону глазъ не клюетъ», оправдаютъ подсудимаго, причемъ оба, надо сознаться, нерѣдко достигаютъ желаемой цѣли въ ущербъ правосудію.

3) Право обвинителей и защитниковъ отводить, «*безъ объяс-*

ненія причинъ», изъ общаго состава засѣдателей, каждый до 6 чел. (655 и 656 ст.), есть право, служащее вообще къ умаленію значенія правосудія, ибо это *безотчетное* право превращаетъ дѣло въ лотерейную игру, при подборѣ нужнаго сторонамъ совершенно противоположнаго состава: одному—свѣдущихъ и суровыхъ, а другому—профановъ и мягкосердечныхъ. Это же право, какъ читатели помнятъ, возстановляетъ засѣдателей и влечетъ за собой иногда и оправданіе виновныхъ, потому лишь, что обвинителю не нравятся засѣдатели, старающіеся тщательно изучить предметъ, предлагаемыми вопросами, на что̀ законъ предоставляетъ имъ полное право, отнимаемое у нихъ косвеннымъ путемъ—отводомъ ихъ отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ.

4) «Для составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей предсѣдатель суда опускаетъ билеты съ именами въ ящикъ, перемѣшиваетъ ихъ, и потомъ вынимаетъ по одному, провозглашая каждое вынутое имя». (659 ст. уст. угол. судопр.). Ежедневно присутствуя въ засѣданіяхъ, предсѣдатель несравненно лучше обвинителей и защитниковъ знаетъ, по опыту, взгляды всѣхъ групъ засѣдателей. Ящикъ съ билетами, стоящій предъ нимъ—съ трехъ сторонъ глухой и довольно высокій, такъ, что ни обвинители, ни защитники, ни сидящіе и нерѣдко что̀-нибудь пишущіе члены суда не видятъ надписей на вынимаемыхъ имъ билетикахъ. Такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ ему выкликнуть, смотря по его желанію, совершенно не то имя, которое написано на вынутомъ имъ билетикѣ, и подобрать составъ присяжныхъ еще и по собственному, третьему по счету, усмотрѣнію. Такіе случаи, дѣйствительно, говорятъ, бывали, а чтобы устранить ихъ, надлежитъ вынимать билеты и провозглашать фамиліи засѣдателей не самому предсѣдателю со своего возвышеннаго мѣста, а постороннему въ дѣлѣ правосудія, напр., судебному приставу, съ *средины залы*, на глазахъ всѣхъ, какъ это дѣлается при лотерейныхъ розыгрышахъ. Такой порядокъ исключитъ всякое подозрѣніе насчетъ вліянія суда на выборъ засѣдателей, на что̀ иногда слышатся претензіи.

5) «По составленіи присутствія присяжныхъ, предсѣдатель распоряжается о приводѣ ихъ къ присягѣ», гласитъ 664 ст. уст. угол. судопр. Руководствуясь дословнымъ содержаніемъ этой статьи, присяжные засѣдатели присягаютъ: въ день 2—3 раза, а въ сессію многіе разъ 50. Столь частое присяганіе неимовѣрно утомляетъ всѣхъ, причемъ самая сила святости обряда, по мнѣнію однихъ—невольно умаляется, а по словамъ другихъ—превращается въ формальность. Почему именно предъ начатіемъ каждаго дѣла слѣдуетъ присягать—объ этомъ ни въ коммента-

ріяхъ государственной канцеляріи, ни въ уголовныхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, относящихся къ этому предмету, не имѣется, къ сожалѣнію, никакихъ объясненій. Между тѣмъ, разсуждая по здравому смыслу, неизбѣжно приходишь къ заключенію, что честный человѣкъ, рѣшая участь другаго, даже и вовсе безъ присяги, никогда не помыслитъ покривить душою, сознавая всю важность своего призванія; безчестнаго же человѣка никакая присяга не остановитъ совершить зло ближнему, какъ это и случается, напр., со свидѣтелями. Относительно лицъ, «не пріемлющихъ присяги», 669 ст. ограничивается «отобраніемъ отъ нихъ торжественнаго обѣщанія», соотвѣтствующаго присягѣ; поэтому можно бы избавить и засѣдателей изъ православныхъ, лютеранъ, католиковъ и проч. отъ слишкомъ частаго присяганія. Отъ замѣны принятаго предлагаемымъ порядкомъ, во-первыхъ, самый актъ присяги не будетъ низводиться на степень простой формальности, а во-вторыхъ, получится выигрышъ времени: часто приходится ждать священника, который цѣлый день ходитъ изъ одного отдѣленія въ другое, едва успѣвая приводить къ присягѣ.

6) То же самое отмѣчу и о 671 ст., которая предписываетъ предсѣдателю суда «предъ каждымъ дѣломъ объяснять присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права, обязанности и отвѣтственность». Если предсѣдатель 2—3 раза, вначалѣ сессіи, произнесетъ засѣдателямъ дѣльную, прочувствованную рѣчь, то этого совершенно довольно какъ для правосудія, такъ и для самихъ засѣдателей.

7) Статьею 814 уст. угол. судопр. присяжнымъ засѣдателямъ присвоивается право къ обвинительному отвѣту прибавлять: «подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія»; при этомъ судъ, согласно 828 ст., «обязанъ понизить полагающееся осужденному, по закону, наказаніе на одну или на двѣ степени, *по своему усмотрѣнію*». Присяжные, признавая нѣкоторыхъ подсудимыхъ достойными *особеннаго* сожалѣнія, пишутъ въ вердиктахъ, что они заслуживаютъ «*полнаго* снисхожденія», въ надеждѣ, что «*полное*» непремѣнно ослабитъ кару на двѣ степени, въ чемъ часто, однако, ошибаются: судъ ни во что не ставитъ «полное», а потому засѣдатели, видя, что ихъ желаніе не осуществляется, иногда совершенно отрицаютъ виновность за человѣкомъ, имъ симпатичнымъ, котораго обвинили бы, еслибъ судъ не игнорировалъ ихъ «*полнаго* снисхожденія». Антагонизмъ этотъ между судомъ и присяжными побуждаетъ желать измѣненія 828 ст. въ томъ смыслѣ, чтобы «*полное* снисхожденіе» непремѣнно сокращало наказаніе на двѣ степени.

8) Присяжные, въ совѣщательной ихъ комнатѣ, «не должны имѣть при себѣ *никакихъ книгъ*, хотя-бъ и законовъ», разъясняетъ угол. кассац. рѣш. 1869 г., № 959, ст. 674 уст. угол. судопр., потому, что «для рѣшенія вопроса о виновности по совѣсти засѣдателямъ вовсе не могутъ быть нужны книги, а напротивъ, при составѣ присяжныхъ изъ граматныхъ и неграматныхъ, книги могутъ быть причиною вліянія первыхъ на послѣднихъ, вопреки стремленію закона, чтобы мнѣнія присяжныхъ исходили единственно изъ внутренняго убѣжденія каждаго изъ нихъ». Насколько мнѣніе это несостоятельно, доказывается тѣмъ, что свѣдущіе въ законахъ присяжные, какъ читатели помнятъ изъ различныхъ главъ настоящихъ замѣтокъ, считаютъ себя нравственно *обязанными* пояснять остальнымъ: какая именно кàра ждетъ, при обвиненіи, подсудимыхъ; какіе способы употребляютъ присяжные для узнанія степени наказанія. Оттого запрещеніе «имѣть книги» ведетъ, на практикѣ, только къ нѣкоторымъ стѣсненіямъ, ухищреніямъ, да къ продолжительнымъ спорамъ при неясности предлагаемыхъ засѣдателямъ вопросовъ; ибо на голословное убѣжденіе, наприм., купцовъ-засѣдателей о томъ, какая разница между грабежемъ и разбоемъ, между кражею со взломомъ и съ подобраннымъ ключомъ, уходитъ довольно много времени. Опасенія сената, такимъ образомъ, съ одной стороны, по указаннымъ причинамъ, напрасны, а съ другой стороны—даже и неумѣстны: коль скоро законъ *смѣло* отдаетъ въ *безконтрольное* распоряженіе присяжныхъ участь подсудимыхъ, ихъ семействъ, то нѣтъ никакого основанія не довѣрять имъ имѣть книгу закона, который можетъ служить твердымъ руководствомъ къ правильному разрѣшенію предлагаемыхъ имъ вопросовъ. Словомъ, въ интересахъ правосудія, присяжнымъ необходимо разрѣшить имѣть «Уст. угол. судопр.» и «Улож. о нак.», для справокъ, какъ судьямъ *«по совѣсти»*.

9) Для того, чтобы присяжные засѣдатели и въ первые дни ихъ дѣятельности не дѣлали промаховъ, по новизнѣ дѣла, было бы очень полезно призывать ихъ въ судъ на два засѣданія раньше, чѣмъ наступитъ ихъ сессія, чтобы они успѣли прислушаться, присмотрѣться къ тому, кàкъ поступали ихъ предшественники.

В. Никитинъ.

БРОДЯЧАЯ РУСЬ.

СКРЫТНИКИ И ХРИСТОЛЮБЦЫ.

(Посвящается Ивану Никитичу Андрееву).

VII.

«Каргопольскіе предѣлы Обонежья», дѣйствительно—одна изъ тѣхъ лѣсныхъ мѣстностей сѣверной Россіи, гдѣ новгородскихъ насельниковъ можно считать очень давними и ранними, которые удачно воспользовались благопріятными природными условіями, направившись сюда въ доисторическія времена несомнѣнно съ Бѣлаго Озера. Подобно Бѣлозерску, по примѣрамъ и образцамъ однородныхъ съ нимъ древнѣйшихъ сѣверныхъ лѣсныхъ городовъ, упомянутыхъ первыми въ нашихъ лѣтописяхъ, каковы: Псковъ, Новгородъ, Ладога, Лукомль, Ростовъ, Галичъ и другіе, Каргополь устроился вблизи озера, на истокѣ большой рѣки и, какъ большинство этихъ городовъ, принялъ чужое, не русское имя. И также, какъ чужакъ въ заселенной уже странѣ, выстроился огороженнымъ острогомъ на рѣкѣ Онегѣ, осторожно устранясь отъ приозерскихъ береговъ, занятыхъ ранѣе пришедшими инородцами чудскихъ родовъ, въ 3-хъ верстахъ отъ озера Лача, какъ расположился древній Бѣлозерскъ въ 17-ти верстахъ отъ Бѣлоозера, Новгородъ въ 7-ми—отъ Ильменя, Псковъ въ 18-ти—отъ Чудскаго, Старая Ладога въ 30-ти—отъ озера своего имени и т. д. По старорусскому новгородскому обычаю, всталъ этотъ городокъ на своемъ мѣстѣ съ завѣтнымъ Спасомъ, сохранявшимъ поселенцевъ отъ голода, потопленія и другихъ невзгодъ тяжолыхъ переселеній, посвятивъ Спасителю первую церковь, воздвигнутую на берегу. Затѣмъ, когда славянская сила взяла верхъ, отсидѣвшись и получивъ вліяніе въ окрестностяхъ, русское населеніе выдвинулось къ озерамъ, оставивъ на старыхъ пепелищахъ рвы, валы и курганы подъ именемъ и видомъ городищъ,

староселья. Такъ сталось и съ Каргополемъ, когда онъ сдѣлался срединнымъ и сильнымъ пунктомъ, къ которому *тянули* окрестные жители *по землѣ и водѣ*, т. е. сносили матеріальные избытки въ видѣ подати и предметовъ для обмѣна и торга и подчинились нравственному вліянію, какъ мѣсту общественныхъ сходовъ и думъ. Каргополь сдѣлался великъ, богатъ и славенъ, и извѣстіе объ немъ, черезъ дальныя окольности лѣсовъ и болотъ, сквозь толстыя монастырскія стѣны, успѣло проникнуть въ темную келью отрѣшившагося отъ міра книжнаго отшельника, еще въ XIII столѣтіи нашей исторіи. Городъ записали въ лѣтопись подъ его страннымъ именемъ, происшедшимъ ли отъ слова карги, принятаго отъ инородцевъ въ значеніи каменистаго отлогаго берега (что̀ очень похоже) или названнаго такъ по другимъ неизвѣстнымъ причинамъ (что̀ также можетъ быть вѣроятно), потому что существуютъ еще на сѣверѣ два озера именемъ Каргозера. Какъ укрѣпленный охранительный постъ, онъ всталъ въ затулѣ дальнѣйшихъ выселенцовъ вглубь сѣвера и востока, обезпечивъ имъ путь по Онегѣ и открывъ возможность заселенія корельскаго и поморскаго береговъ Бѣлаго Моря тѣмъ же людямъ новгородскаго облика, рѣчи и обычая. Какъ срединное, хорошо пристроившееся на пути и при дорогѣ мѣсто, Каргополь сталъ торговымъ городомъ, передаточнымъ и складочнымъ, между богатою Пермью и торговымъ Новгородомъ съ пригородами. Какъ богачъ, онъ разстроился въ ширь и обстроился каменными церквами въ количествѣ не одного десятка.

Пока жилось Новгороду и не стягивалась и не окрѣпла Москва, Каргополь не утрачивалъ своего нравственнаго значенія, хотя и заброшенный въ самую глушь. Но стоило лишь укрѣпиться Москвѣ, задавить Псковъ и Новгородъ и пріобрѣсти потомъ новыя богатства Сибирью, открывъ въ нее новый путь, Каргополь захудалъ, вдругъ оказался заброшеннымъ городомъ въ самую глушь и даль и, къ тому же, отдаленнымъ отъ Москвы невылазными болотами и непролазными дремучими лѣсами. Уже Борисъ Годуновъ смотрѣлъ на эту мѣстность, какъ нестоющую хлопотъ и попеченій, выселивъ отсюда не одну сотню людей въ Сибирь на пашню (т. е. для заселенія и развитія земледѣлія), и какъ на страну, настолько далекую и глухую, что показалась она надежною для высылки всѣхъ годуновскихъ недоброхотовъ: Андрея Шуйскаго (который и былъ лишонъ жизни въ самомъ городѣ) и инокиню Марѳу Ивановну, мать будущаго царя Михаила Ѳедоровича. Въ Каргополѣ же утопили и самозванца Болотникова съ атаманомъ Ѳедоромъ Нагибой и другими сосланными сюда мятежниками. Сюда же ссылали потомъ и всѣхъ недоволь-

ныхъ московскими порядками, тѣми порядками, которые вообще были не понутру и не посердцу всей новгородчинѣ, жившей на своей волѣ. Затѣмъ, когда невдолгѣ, при царѣ Алексѣѣ, задумала Москва исправленіе богослужебныхъ книгъ и неразсчетливо и неожиданно вызвала тѣмъ массы недовольныхъ, назвавшихъ эту исправу новой вѣрой, обонежскіе предѣлы оказались въ наилучшемъ и выгоднѣйшемъ положеніи по отношенію къ старой вѣрѣ, старымъ церковнымъ и бытовымъ порядкамъ: здѣсь цѣлостнѣе убереглись древніе прадѣдовскіе обычаи, на которые за отдаленностью и бездорожьемъ не могла имѣть вліянія укрѣпившаяся, самоувѣренная и сильная Москва. Соловецкій монастырь новыхъ книгъ не принялъ и заперся на-глухо передъ царскими войсками; Палеостровскій до-тла сгорѣлъ въ виду ихъ, сожженный засѣвшими старовѣрами въ осадѣ и не пощадившими своей жизни отъ самосожженія. Когда Соловецкій былъ взятъ и убѣжавшіе отъ казней успѣли перебраться на берегъ, въ онежскихъ лѣсахъ они нашли себѣ надежный пріютъ и на рѣкахъ Выгѣ и Лексѣ могли на долгое время соорудить надежный притонъ и религіозный центръ, прославившійся потомъ, какъ главное и основное гнѣздо безпоповщины. Здѣсь перестали молиться за московскаго царя, здѣсь всякую преслѣдующую власть признали антихристовымъ порожденіемъ и повѣрили нарожденію на свѣтъ самаго антихриста, воцарившагося въ мірѣ. Вотъ почему въ такомъ глубокомъ убѣжденіи здѣсь допускали для себя всѣ способы самоубійствъ въ разсчетѣ на наслѣдованіе мученическаго вѣнца и успѣли показать самую простодушную довѣрчивость ко всевозможнымъ религіознымъ измышленіямъ. Вѣра эта доведена даже была до крайнихъ предѣловъ самообольщенія, и обнаружилось самое глубокое невѣжество, напомнившее времена первобытныхъ дикихъ народовъ и проклявшее все святое въ дѣйствующемъ и живущемъ мірѣ. Отъ бѣглаго изъ Шунги дьячка (Данилы) до князей захудалаго рода (Мышецкихъ-Денисовыхъ) всѣ прониклись противоборствомъ московскимъ порядкамъ и энергіей дѣйствій въ упорномъ держаніи старой вѣры безъ попа, толкуя ее на разные образцы и способы. Толкованія эти довели народъ до поморскаго толка, признавшаго необходимость и святость брака, до ѳедосѣевщины, наоборотъ восхваляющей дѣвственную, безбрачную жизнь, по силѣ изреченія «тайно содѣянное, тайно и судится», и совѣтующей женщинѣ «хоть семерыхъ родить, только замужъ не ходить», и, наконецъ, до филиповщины, несогласившейся съ первыми и отдѣлившейся отъ вторыхъ, на толкованіяхъ о молитвѣ за царя и подчине-

ніи власти, въ виду несомнѣннаго водворенія на землѣ антихристова царства.

Воцарилась эта мрачная филиповская вѣра, среди тяжелаго гонительнаго времени, въ каргопольскихъ странахъ одновременно со всѣмъ Обонежьемъ, при содѣйствіи и участіи тѣхъ же благопріятныхъ причинъ.

Тяжелымъ гнетомъ налегаетъ на сѣвернаго лѣснаго жителя его трудовая обыденная жизнь, хотя Прионежье, значительная часть нынѣшняго Каргопольскаго Уѣзда, считается мѣстностью наиболѣе хлѣбородною и удобною для земледѣлія (она прославилась ячменемъ, и ей годами удается даже продавать излишки сосѣдямъ). Но мучительныя заботы объ удобреніи отравлены и задержаны падежами отъ сибирской язвы почти повсемѣстными и каждогодными особенно вблизи системы каналовъ. Когда, вслѣдствіе того, истинно-каторжная работа съ лѣсными новинами успѣла обратить каргопольскія окрестности въ настоящую безлѣсную степь; послѣ того какъ Озерецковскій, въ 1785 году, видѣлъ городъ Каргополь окруженнымъ лѣсами, жизнь отравлена и безпощадно усложненъ трудъ этого исконнаго и неизмѣннаго земледѣльца, болѣе тысячи лѣтъ назадъ поселившагося въ этихъ безхлѣбныхъ странахъ. Подъ обухомъ раннихъ весеннихъ морозовъ и продолжительныхъ засухъ, безсильною пылью на поляхъ кажется кое-гдѣ нацарапанный наземъ и гнилой щепой—деревянная борона и игрушечная соха, на которыхъ ѣздитъ мѣстное сельское хозяйство, не додумавшееся здѣсь даже еще и до благодарной косули. А въ землѣ лежитъ не сортированное, отобранное на глазъ сѣмя, и земля эта обработана передъ самымъ сѣвомъ весною и только два мѣсяца успѣваетъ пролежать подъ паромъ для озимаго посѣва въ концѣ августа. Примѣра же обработки полей раннею осенью для весенняго сѣва, какъ того требуетъ суглинистая почва, до сихъ поръ еще никто не показалъ. Всѣ руководятся тѣми же образцами, какіе завѣщаны досельными предками, и еще никто не смекнулъ, что эти самыя миріады голубей и галокъ, въ докучливомъ множествѣ наводняющихъ чердаки деревень и селъ, доброхотно несутъ то добро, которое могло бы подспорить дѣлу на истощенной теперь, но нѣкогда богатой производительностью почвѣ. Въ Архангельской Волости, напримѣръ, изъ 2500 десятинъ пахотной земли 500 десятинъ лежатъ въ облогахъ именно за недостаткомъ удобренія. На огородахъ высѣваютъ только брюкву, лукъ и рѣдьку и такъ мало капусты, что о томъ и говорить не стоитъ, и храни Богъ—посѣять антихристово зелье, картофель, которое, къ тому же, сдѣлалось извѣстно только въ

1843 году. Въ цѣлой волости (напримѣръ, въ той же наиболѣе плодородной Архангельской) посѣяно въ 1872 году картофелю только 16 четвертей.

При такой проголоди, прямой выходъ на сторону, въ отхожій промыселъ, чтобы еще больше обездолились домашнія силы и чтобы еще крѣпче запустовала пашня и задичала земля. Но куда идти изъ такой дали и какъ разойтись въ ближнихъ мѣстахъ, не утруждаясь дорогой и не обманываясь надеждами? Прадѣды указали на дремучіе лѣса для охоты, на прямоѣзжія дороги для извозу и на текучія рѣки для сплавовъ: вотъ тѣ три кита, на которыхъ каргопольская страна можетъ опереться и отъ антихриста въ видѣ недорода спастись и укрыться. Не набѣгаетъ ли при этомъ на его слугъ и пособниковъ?—а вотъ посмотримъ.

Ходя въ лѣсу, глядя на сучья, глупаго чухаря увидишь: сидитъ, повертывая головой, и любуется на собаку, какъ та изъ стороны въ сторону прыгаетъ, а самъ ея не боится: на такого дурака и на слетѣ, а тѣмъ паче на сучкѣ заряду жалко. Годится зарядъ на звѣря съ пушной шерстью, на бѣлку, которой прыгаетъ много, а противъ птицы всякой—глухарей, рябчиковъ и бѣлыхъ куропатокъ довольно и сильевъ, слопцовъ и пастей; всего того, что стариками выдумано, а теперь не одобряютъ и запрещаютъ. На михайловъ день, на архангельскомъ торжкѣ, прозженый плутъ эту птицу сбираетъ и покупаетъ: какъ ты съ нимъ ни борись, за всю свою охоту больше десяти рублей никогда не получишь. За то въ волости больше 15 охотниковъ не наберется.

Бѣлка—барышный звѣрь—отъ еловыхъ шишекъ не наживаетъ въ каргопольскихъ лѣсахъ добротнаго цвѣта шерсти и теряется передъ тою, которая живетъ дальше къ Сибири и питается кедровыми орѣхами: за ту даютъ по 30 коп., за свою и ближную, за *чистую*, безъ красной осенней шерсти—отъ 6 1/2 до 13 и даже до 14 коп.; за *зелень* съ зеленымъ, т. е. обрамленнымъ красной шерстью брюшкомъ (черевомъ)—только 3, 4 и 5, коп., за «заростель», съ красной лѣтней шерстью на хребтѣ—отъ 1 до 4 коп., а за «красную», не дороже копѣйки. Да еще при этомъ мастеръ съ подмастерьемъ выходятъ за товаромъ изъ хозяйскаго дома словно на войну со врагомъ и супостатомъ. Чтобы больше нажить и сильнѣе оплесть и барышниковъ, и охотниковъ, безъ того и не выходятъ, чтобы не продѣлать на счастье такой колдовской штуки. Къ дверямъ подъѣзда въ дому привозятъ на чункахъ (ручныхъ санкахъ безъ задка и боковъ) нѣсколько охапокъ дровъ. Попрощавшись съ дорожными, всѣ домашніе и мастера по полѣну перетаскиваютъ дрова въ самую лучшую комна-

ту и складываютъ ихъ за двери подъ столъ. А чтобы не попалъ на дрова недобрый глазъ, прикрываютъ салфеткой: у иныхъ до возвращенія дорожныхъ, у другихъ до третьяго дня, когда дрова складываютъ въ печь и сжигаютъ.

Оттого купщины и на торгу побойчѣе и посмѣлѣе ходятъ, и всѣмъ они въ примѣту, и всѣмъ они не даютъ спуску.

А вотъ и другой: мелкимъ бѣсомъ повертываясь боками и потряхивая бородкой (которая кстати и выростаетъ тамъ такъ жидко, какъ полагается бѣсу), предлагаетъ знакомый молодецъ работу впередъ и деньги сейчасъ въ задатокъ. А на дворѣ самое проклятое время—конецъ зимы: хлѣбъ весь пріѣденъ, коровёнка сведена на базаръ, и антихристъ, въ видѣ сборщика податей, показывалъ ужь одинъ рогъ и постращалъ забодать, не соображая того, что придти бы ему осенью, послѣ уборки полей—вѣрнѣе бы было. Съ этимъ грубіяномъ опаснѣе, съ новымъ и льстивымъ пріятнѣе дѣло вести, именно съ этимъ послѣднимъ, который зовется десятникомъ. Указываетъ онъ опять на рѣчной сплавъ, въ лѣсную; рядитъ понедѣльно; даетъ въ недѣлю полтора рубля—да мало. Прикидываешь умомъ—не выходитъ; споришь съ нимъ. Сулитъ онъ впередъ 16 руб., а надо 20; опять споры и торгъ: соглашается онъ и на 20, если спустить понедѣльную плату.

— Ужь и выжиги! Всего-то они мужика насквозь знаютъ. И гдѣ у него заплата-то прорвалась—и то видятъ, и то успѣлъ онъ глазомъ обвести кругомъ. Двадцать такъ двадцать: это все едино, значитъ—по гашникъ въ снѣгу, отъ Благовѣщенія до вскрытія рѣкъ и чтобы топоръ на сучьяхъ не звенѣлъ. А избы такой, гдѣ бы согрѣться нѣтъ, а шалашъ вымерзаетъ и продуваетъ его насквозь, а ѣды только и есть, что̀ дадутъ. Идти до мѣста надо на своихъ харчахъ: вотъ почему хорошо 20, что изъ нихъ можно подати заплатить, для дому сольцы да дегтецу прикупить и про себя на путь-дорогу рубля 2—3 приберечь. Съ Богомъ, порукамъ!

Десятникъ полную артель подобралъ, ходя изъ избы въ избу, человѣкъ 60—и до ста. Называетъ ихъ всѣхъ артелью, но артель эта такова только по имени да по тому еще, что горемычныхъ людей этотъ бѣсъ на круговую поруку согласилъ: неустойка какая—всѣмъ отвѣчать. Заболѣлъ одинъ и уроковъ не исполняетъ—его часть всѣмъ другимъ очищать, за него работать.

Побрели ребята на мѣсто сплава, гдѣ идетъ заготовка лѣсовъ и гдѣ самого лѣшаго-хозяина можно живьемъ видѣть, самого антихриста: нанималъ и привелъ слуга его и тутъ же всю артель продалъ за калёныя денежки: самъ посулилъ 2 рубля съ

гривной, закабалилъ за пять. Лѣсной хозяинъ такъ и принялъ гуртомъ, какъ баранье стадо. Впрочемъ, самаго хозяина рукой не достанешь, остается по старому прямымъ хозяиномъ десятникъ; передъ нимъ за все въ отвѣтѣ, и его одного только и знаешь.

Вскрылась рѣка, очистилась и одну лишь принесла радость: работа пришла новая; на первыхъ порахъ какъ будто и повеселѣе думать объ ней, сидя передъ теплинкой—а на самомъ дѣлѣ?

— Прежде по поясъ въ снѣгу, а теперь по самую шею въ водѣ, да такой холодной, что отъ нея даже ко всему привычные костяные зубы ноютъ. По жердочкамъ около плотовъ не пройдешь, потому что за всякое бревно отвѣчай, какъ нянька за малаго ребёнка: оторвалось, захлеснулось, полѣзай въ воду, промокай и дрогни насквозь. А когда очень ужь зазнобился—на плоту шалашикъ изъ хвороста къ услугамъ, и соломка настлана; можно прилечь, можно, пожалуй, и костеръ разложить на берегу, на открытомъ мѣстѣ. Вдругъ голова заболитъ и затяжелѣетъ, по всѣмъ суставамъ ломота пойдетъ, подкатитъ къ горлу, перехватитъ его и весь загоришь въ адскомъ антихристовомъ пламени. Такого хозяевамъ не надо; такого и товарищи попихиваютъ и обругиваютъ. Въ баню бы! А вмѣсто нея—тотъ же шалашъ; ребята грязи въ него натаскали, хуже улицы; лежи пока до жилого мѣста не доплывутъ, гдѣ бы свалить можно. А тамъ гляди спросятъ: не ѳедосѣевецъ ли? Да поглядятъ, какъ крестъ надѣлъ: не подъ рубашку ли? Хорошо, если, по грѣховности тѣлесной, носишь его поверхъ рубахи... А тамъ смотри и смерть придетъ: десятникъ того въ условіе не поставилъ, чтобы назадъ ему самому оглядываться и подбирать отсталыхъ: онъ впередъ смотритъ.

Вотъ у него на глазахъ, на мелкомъ мѣстѣ ребята не уснаровились, и навалило лѣсъ грудой: надо разворачивать, потеря времени, отъ лѣсного хозяина озорная брань. Начнетъ десятникъ рваться и суетиться, докричится и дотолкается въ спины до того, что всѣ налягутъ и общей силой сдвинутъ груду съ мѣста; тронется лѣсъ разомъ, всей своей кучей—смотришь: того мужика, который поретивѣй хлопоталъ и по бревнамъ попрыгивалъ, свернуло подъ одно бревно, покрыло горбылями и затолкало такъ, что не знаешь, подъ тѣмъ ли онъ бревномъ, которое вздымается и вздрагиваетъ, послѣднюю онъ силушку пробуетъ, или зашибло его тѣмъ бревномъ, которое въ воду ныряло. И опять смерть, нерѣдкая на каждомъ сплавѣ, хоть и называется она не маятной, а одночасной. Неудивительна послѣдняя, не-

мудрена и первая, когда въ тяжелыхъ работахъ приводится проводить въ одномъ году восемь мѣсяцевъ.

Уцѣлѣвшіе на сплавахъ приносятъ домой безпардонное отчужденіе отъ семейной жизни, страсть къ кутежамъ и заработокъ въ 30—40 рублей, настолько недостаточный, что каждый успѣлъ попасть и завязнуть въ новой ловушкѣ, раскинутой десятникомъ: петля эта—заборъ денегъ впередъ для кабалы, чтобы, при новомъ наймѣ и вербовкѣ, съ нимъ уже долго и круто и не разговаривать, а соглашаться на то, сколько положатъ. Отъ десятника и его кабалы мудрено отбиться, а если удастся такъ сдѣлать, то на охотника предлагается другой хваленой промыселъ, тоже стариковскій, тоже сулитъ онъ заработокъ тому, у кого во дворѣ стоитъ лошадь: это—извозъ.

Въ той сторонѣ, куда побѣжала и гдѣ кончилась порожистая, не совсѣмъ удобная для сплавовъ рѣка Онега, въ 350 верстахъ отъ ея истока, разлилось большое море: въ немъ ловятъ рыбу, бьютъ звѣря для сала, рыбу и сало продаютъ, требуютъ возчиковъ подъ разную рыбу (больше подъ треску и семгу); даютъ кладь и въ городѣ Онегѣ, и въ другомъ концѣ на восходъ солнца, въ селеніи Сельцѣ сосѣдняго (Холмогорскаго) уѣзда, верстахъ въ двухстахъ съ половиной. Рыбину складываютъ въ бочки пудовъ въ 25—27 вѣсу (рѣдко въ 30 пудовъ). Каргопольской лошадкѣ больше одной бочки не свезти, да съ пуда отъ Сельца до Каргополя даютъ лѣтомъ 25—30 коп., осенью поднимаютъ цѣну съ 30 до 50, зимой даютъ меньше (15—20 коп.), да зато ко времени весенней распутицы (въ мартѣ) опять доводятъ цѣну до 25 и 30 коп. Отъ Онеги за то, что подальше, и времени, и корма въ дорогѣ изводится больше, разговоръ о цѣнѣ ниже, какъ два двугривенныхъ и полтина съ пуда и не начинается. Затѣмъ, такой разсчетъ, свой домашній, напримѣръ, на Сельцо:

— Ѣхать въ дорогу—запасъ брать на четырнадцать дней по осенней распутицѣ: на лошадь овса 5 пудовъ, сѣна 10 пудовъ; на себя печенаго хлѣба 2 пуда да денегъ надо для изводу на постоялыхъ дворахъ рубля 2 по малой мѣрѣ, да лагунку съ дегтемъ на 30 коп. Своихъ денегъ на дорогу пойдетъ 2 рубля три гривны, а коли лошадь свезетъ бочку въ 30 пудовъ, барыша будетъ 12 руб. 7 гривенъ. Чего лучше: два рубля на коня, тринадцать въ карманъ. Просидѣть дома эти дни и въ дорогу не ходить всѣ четырнадцать, и по полтинѣ на рабочій день съ лошадью сосѣдъ дастъ, станетъ только семь рублей, а не тринадцать.

— Полно, такъ ли это? Почемъ овесъ-отъ за пудъ продать можно?

— Да вѣдь свой онъ, некупленой: посѣялъ его—онъ и выросъ.

— Некупленой да продажный: на базаръ свезти—деньги дадутъ: дадутъ, по малой мѣрѣ, шесть гривенъ—3 рубля, да за сѣно по 20 коп.—2 р.,—всего пять. Изъ тринадцати 8 руб. стало. Да за печеной хлѣбъ...

— Опять таки не покупной. Развѣ за печеной хлѣбъ деньги даютъ? Да ѣшь сдѣлай милость—сколько хочешь. Ишь, за хлѣбъ деньги класть, Бога гнѣвить. Хлѣбъ-отъ этотъ и дома бы съѣлъ, развѣ что на ходу-то въ дорогѣ больше пережуешь.

— Дадутъ за хлѣбъ по 60 гривенъ за пудъ—отдашь, и баба охотно печь станетъ, если много понадобится его на заводъ или на артель какую.. И еще рубль восемь гривенъ съ костей клади.

— Не клади, сдѣлай милость! ни овесъ, ни сѣно, ни хлѣбъ не куплены: Богъ далъ. Это—не Питеръ.

— Значитъ, чтобы не работать вблизи дома, а въ дальную дорогу идти, надо выручить всего лишь двугривенный. Да надо принять и то въ разсчетъ, что конь—отъ на ходу съ возомъ въ дорогѣ больше съѣстъ, чѣмъ дома въ стойлѣ: что̀ въ дорогѣ съѣлъ, то осталось бы въ закромѣ. А попробуемъ-ко въ извозъ сходить лѣтнимъ путемъ, когда даютъ 30 коп. съ пуда или зимнимъ, когда получаешь 20—что̀ выйдетъ? Дадутъ лѣтомъ 9 руб., а израсходуешь 12 р. 60 коп., а зимой выплатятъ 6 руб., а прохарчишь 8 р. 70 коп. Убытокъ виденъ; хоть и счетовъ не бери въ руки.

— Мнѣ смѣшно это; да и кому ни скажи—всякъ засмѣется: стану я самому себѣ овесъ за деньги продавать; начну я свою-то краюшку ѣсть да думать: вотъ, молъ, я грошъ глодаю, а можетъ-де, и цѣлой пятакъ. Отстань, сдѣлай милость.

На основаніи такихъ убѣжденій, которыхъ и оспорить нѣтъ никакой возможности, въ одной волости (напримѣръ, той же Архангельской) занимаются извозомъ 60 человѣкъ, распознавшихъ слугъ антихристовыхъ, чувственно воцарившихся на мѣстахъ сплавовъ и не домекнувшихъ того, что и «горой» (по сухому пути) ходитъ онъ самъ Антихристъ за мужикомъ и возомъ, давно уже духовно господствуя.

Бѣгаютъ еще темные каргопольскіе люди по третьей дорогѣ, проторенной съ тѣхъ поръ, какъ въ восьми стахъ верстахъ стали строить каменный, изъ кирпича, городъ Питеръ. Подъ именемъ обжигалъ, порядовщиковъ, сушниковъ, земляниковъ, оче-

лошниковъ и обрѣзниковъ, живутъ они по Невѣ на кирпичныхъ заводахъ, но уходятъ сюда только счастливые, собственно тѣ, которымъ достается отъ полевой работы свободное время и кабала отъ десятниковъ и другихъ міроѣдовъ не виситъ путами на рукакъ и ногахъ. Только этимъ однимъ хорошо и не обидно: лучше всѣхъ тому, который называется порядовщикомъ и выдѣлываетъ кирпичъ изъ готоваго хозяйскаго матеріала (отъ 2 р. 50 к. до 5 р., съ тысячи, на 75 до 100 руб. въ одно лѣто), прибавляя еще по 200 кирпичей къ каждой тысячѣ даромъ, въ пользу хозяина, за квартиру и баню. Отъ 40 до 50 р. перепадаетъ тому, который зовется сушникомъ, т. е. вывозитъ кирпичъ отъ порядовщика и укладываетъ въ печи; отъ 35 до 40 получаетъ земляникъ за то, что вывозитъ землю къ машинѣ, гдѣ приготовляется глина, и до 25 руб. приходится за топку печей очелошнику. При томъ, что всѣ живутъ харчевой артелью, полагая расходы на нее поровну (а не соразмѣрно жалованью), съ неизмѣнной нанятой стряпухой «маткой»—промыселъ «по кирпичному дѣлу» полагается недурнымъ, и изъ одной архангельской волости пускается на него больше 50 человѣкъ.

Не хорошо въ этомъ дѣлѣ то, что хозяйскія работы на горячее время всѣ ложатся на женщинъ, и бабамъ приходится совсѣмъ круто. Не желая говорить о выговоренномъ и доказанномъ, остановимся на самыхъ счастливыхъ — и именно на такихъ, которымъ удалось заручиться подморнымъ трудомъ, за каковой даютъ наличныя ходячія деньги. Счастливицы эти—только подгородныя каргопольскія женщины. Всѣмъ остальнымъ женщинамъ прабабушкины обычаи и примѣты указываютъ, опять-таки, только нà лѣсъ, гдѣ, на холодныхъ утренникахъ исходнымъ лѣтомъ и на росѣ бабьяго лѣта, пробиваютъ сквозь полусгнившую листву и пожолклую траву сочные бѣлые грибы и, въ особенности, налитые кровью боровые рыжики. Этотъ грибъ даже прославилъ городъ Каргополь и видимо держится въ этихъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ лѣсными и бѣличьимъ промыслами съ самыхъ древнихъ временъ поселенія здѣсь русскихъ людей; теперь — какъ остатокъ прежняго торговаго и промысловаго благоденствія края. Однако, сколь ни мудрена случайность странныхъ и неожиданныхъ обогащеній торговлею, тайнобрачное, соленое и сушеное растеніе—не такой товаръ, который бы въ продажѣ не обманывалъ. На него бываетъ недородъ, когда и продавать нèчего и переродъ, когда приходится отдавать въ перебой за безцѣнокъ. Вотъ почему эти же самыя грибовницы, подъ самымъ городомъ Каргополемъ, тащатся въ городъ и молятъ о помощи, еще, слава Богу, не по подоконьямъ, а у дверей, и опершись

о притолки мастерскихъ избъ. Сюда ходить уже давно они повадились, и все до мелкихъ подробностей каждой изъ нихъ знакомо.

Кислый запахъ чуть не съ ногъ валитъ уже въ самыхъ сѣняхъ. Оконъ въ избѣ много, а свѣту все какъ-то мало; однако, у дверей, въ углу, печь видно, подъ матицей жердь и на ней правленые мѣха висятъ. Въ другомъ углу иконы висятъ, да только никакихъ ликовъ не распознаешь, хоть впристаль гляди: всѣ оперхли и тараканомъ проточены, и толстымъ слоемъ пыли залѣплены. Вотъ и бочка середь самой мастерской, двудонная изъ-подъ смолы бочка, на которую кладутъ правильныя доски и правятъ мѣха, и вмѣсто стола обѣдаютъ, и сгорбленный самоваръ съ расколотыми и безъ ручекъ чашками ставятъ. Вотъ и корзины съ бѣлкой и мастера передъ ними на лавкахъ сидятъ: кто подбираетъ хребтовые мѣха—это аристократы; кто правитъ черева — это низкая чернь, десятилѣтніе мальчишки; кто *распускаетъ* бѣлку, т. е. отрѣзываетъ черева отъ хребта и т. д. Вотъ между ними и самъ мастеръ--командиръ избы и главный воротило всего скорняжьяго дѣла. Ради его милости, ласковаго взгляда и добраго слова, брела баба пѣшкомъ изъ своей деревни за 12—14 верстъ, часовъ шесть сидѣла по ту сторону рѣки, на берегу, дожидалась сбора другихъ швей и бабъ, чтобы перевезли въ городъ, подъ монастырь. Въ этой избѣ она уже въ третьей или пятой; во всѣхъ остальныхъ отказали: черевьихъ мѣховъ нѣту.—Да хоть черевецъ?—нѣту. Хоть зеленовыхъ (зеленыхъ черевъ)?—нѣту: и не надоѣдай, убирайся къ чорту. Въ одной избѣ только опросили: откуль, да какъ тебя зовутъ, да чья, да и опять «убирайся вонъ—нѣту». Въ третьей мастерской только выслушала, какъ скверно подборщики ругаются, какія скверныя пѣсни знаютъ кроильщики и какъ всѣмъ не жаль бѣдной трудящейся, пришедшей молить о работѣ работницы.

И въ этой избѣ мастера, оскаливъ зубы и наведя на лица улыбки, готовы поднять на смѣхъ, хоть и чествовала всѣмъ обычнымъ робкимъ и ласковымъ привѣтомъ: «живите здоровы вси крещоны!» И здѣсь никто не отвѣтилъ, и здѣсь самъ мастеръ томилъ и не оглядывался, да вдругъ воззрилъ и спросилъ, и не урчалъ по медвѣжьи, и работу посулилъ дать, велѣлъ подождать. Нашлись у него и черева, и черевьи мѣха, и пласточекъ попросила (т. е. хребтовыхъ мѣховъ)—и пласточекъ прикинулъ: «Уміешь ли только?»—«Всяко умію». И нитокъ отсчиталъ, да и обсчиталъ: за этимъ ужь и не гонялась: понятное, обычное дѣло, своими дошивать придется. Другія бабы пла-

чутся, не отставая: «прибавь да прибавь!» Да это дѣлаютъ уже самыя пустыя, и то на очистку совѣсти.

Въ деревнѣ работа шьется, черезъ недѣлю идти надо сдавать; опять получать, и шить, и сдавать. Дойдетъ дѣло и до расчету. Работала не одну недѣлю, приходится получить три рубля: пожалуй-ко! А пьяница-мастеръ эти деньги пропилъ, и отдать ему нечѣмъ. Пожаловаться пойти — никакой новой работы нигдѣ не получишь. Приходится взвыть, да про того же антихриста вспомнить: онъ людей на обиду сомущаетъ—несчастную бабу ограбить, ручьи слёзъ изъ глазъ выжать. А баба — извѣстно сколько слезлива, столько и стыдлива, и застѣнчива она, и боязлива; къ тому же, всѣмъ бита, и о печку бита, и только-что развѣ самой-то печкой не бита. Нѣтъ больше горя, какъ у шальскихъ, павловскихъ и саунинскихъ бабъ изъ-подъ самаго Каргополя.

Не оттого ли, не по завѣщанію ли бабокъ и прабабокъ, искусившихся въ ломкѣ житейской и настрадавшихся на пинкахъ и подзатыльникахъ отъ разныхъ житейскихъ случайныхъ (и все враждебныхъ) обстоятельствъ, придержалось правило хранить вновь нарождающагося бѣдовика отъ недобраго взгляда антихристовыхъ слугъ хоть на короткое время девяти мѣсяцевъ? Въ каргопольской странѣ всякая беременная женщина свято и старательно хлопочетъ скрыть свою беременность и скрываетъ ее нетолько отъ сосѣдей, но и отъ семейныхъ: кто увидитъ, за всякаго должна мучиться. Прячется она по хлѣвамъ, а въ лѣтнее время непрочь пожить и въ конюшнѣ, если не удалось заручиться на все время «сноса» гдѣ-нибуть въ укромномъ, уединенномъ и невидномъ мѣстѣ, да хоть бы и въ самое холодное и морозное время, да хоть бы и грозила ей отъ того самая смерть. Чѣмъ меньше знаютъ и видятъ — тѣмъ лучше, а при дѣвкахъ, напримѣръ, никакъ ужь и не разродиться.

Этому вѣря, и всему другому повѣришь, когда напускные и суевѣрные страхи ходятъ за каждой бабой по пятамъ, а въ особенности за беременной. Напугиваютъ такъ, что на всю жизнь остаются бабы трусливы и робки насквозь до раскатистаго дикаго смѣха и до неудержимой икоты. И вѣрится многому тому, надъ чѣмъ другіе смѣются. Какъ, напримѣръ, не вѣрить тому, что внизъ по Онегѣ, въ Кеми, все живутъ колдуны?

Шелъ оттуда на Каргополь, года тому два назадъ, по самому берегу рѣки Онеги, мужикъ тамошній, поморскій. Ищетъ онъ семь волковъ-оборотней: надо-де ихъ повернуть ему на людей. И знаетъ онъ, что люди старой вѣры, за это самое, волковъ въ тѣхъ мѣстахъ совсѣмъ не бьютъ, а толкуютъ, что, когда одинъ изъ нихъ забилъ волка, да сталъ сдирать съ него шкуру, то

подъ шкурой-то армякъ нашелъ. Другой, когда разрывалъ зародъ сѣна, то увидѣлъ въ тряпкѣ младенца, а подлѣ стоитъ волчица и кланяется; когда взялъ онъ младенца на руки и понесъ домой, волчица пошла за нимъ и подлѣ избы опять начала просить, кланяться. Когда шелъ по этимъ деревнямъ мужикъ съ низу и искалъ оборотней — его всѣ встрѣчали съ великимъ почетомъ и всякимъ уваженіемъ и, крѣпко побаиваясь, радостно принимали: у одного мужика, самаго трусливаго, прожилъ онъ полторы недѣли, объѣлъ и опилъ, насилу тотъ его выжилъ.

По этой же самой дорогѣ, изъ-за Кеми, изъ давнихъ скрытницкихъ гнѣздъ на Топозерѣ, назадъ тому двадцать лѣтъ, прошелъ другой, смѣлый и ловкій, въ бѣгахъ омужичившійся солдатъ Савва Александровъ и разсказывалъ, что антихристъ воцарился не чувственно, а духовно, что надо бѣжать изъ міра въ лѣсъ и тамъ отъ людей скрываться—ему также повѣрили, и не однѣ бабы, но и мужики, и не одни филиповцы, но и изъ православныхъ кое-кто. Въ одномъ селѣ напалъ онъ на праздникъ, про который онъ и не слыхивалъ: праздновали «Стѣнамъ и Ободверинамъ» [1], а оказалось, что чествовали день освященія своей мѣстной приходской церкви («Троицкіе именины» называли ему такой же праздникъ въ другомъ мѣстѣ). Савву Александрова это привлекло и остановило тутъ. Въ другомъ селѣ онъ натолкнулся на праздникъ «Баранье воскресенье»—первое послѣ петрова дня, и видѣлъ, ка̀къ къ церкви согнали барановъ, рѣзали ихъ и варили: часть жаренаго мяса выдѣляли церковному старостѣ, остальное съѣдали тутъ же сами; большую и общую трапезу устраивали, пили, ѣли и до-зѣла напивались. Савва Александровъ и тутъ потиралъ руки, лукаво и радостно улыбаясь, и изъ этого мѣста не спѣшилъ, а останавливался, оставался и уловлялъ. Дошелъ и до «Коровьяго Бога» къ макарьевой пустынѣ, близь ошевенскаго монастыря. Здѣсь уже били и ѣли, сверхъ барановъ, всякій другой скотъ.

Здѣсь между обоими монастырями залегъ по рѣкѣ Пормѣ густой лѣсъ и вблизи по опушкамъ засѣли тёмные лѣсные люди. Эти мѣста Савва больше прежняго полюбилъ и отсюда уже не выходилъ довольно долгое время.

Отъ границъ Архангельской Губерніи началось распространеніе скрытницкой вѣры, и первые признаки ея удалось замѣтить въ Устьволгскомъ Приходѣ. Вѣра шла по рѣкѣ Онегѣ, вверхъ, сворачивая въ прибрежные лѣса и въ нихъ прятаясь: сначала по рѣчкѣ Большой Пормѣ, потомъ въ приходѣ Ольхов-

---

[1] Ободверина—дверь и дверные косяки, а также и церковная паперть.

ца и Волосова. Въ 20 лѣтъ новая вѣра успѣла утвердиться въ волостяхъ Каргопольскаго Уѣзда: Архангельской, Быковской, Усачевской, Панфиловской (собственно въ приходѣ Печниковскомъ), въ Мошковской Волости (въ приходѣ Луговскомъ или въ Лугахъ) и въ Нифантовской (въ Рѣчно-Георгіевскомъ и Ошевенскомъ приходахъ). Не пошла эта вѣра къ Двинѣ и на Сію: за Лугами — деревушкой, близь Архангельскаго Погоста, нѣтъ уже ни одного скрытника, точно такъ же, какъ и въ г. Каргополѣ ихъ очень мало. Зато въ 6 верстахъ отъ села Архангела къ Устьвельской Станціи петербургскаго тракта, у деревни Кладовца, получила громкую извѣстность гора. Она заключаетъ въ себѣ подземные ходы, которые и полагались вырытыми руками скрытниковъ для жилья. Начальство подземелья эти распорядилось засыпать, однако, напрасно: гроты были—прихоть природы, а ходы оказались результатами подземныхъ ключей, въ обильномъ количествѣ прорывающихъ мистическую и подозрительную гору. Изъ разцвѣтшаго, искусно насажденнаго Евфиміемъ въ пошехонскихъ лѣсахъ «терновнаго сада», вычищеннаго отъ валежника и зарослей Никитой Семеновымъ, переброшенныя вѣтромъ сѣмена въ лѣса каргопольскіе возросли, дали поросль и отрасли, которыя тщательно доглядывалъ ученикъ Никитинъ, Савва. За нею теперь ухаживаетъ и поливаетъ ее изъ бѣглыхъ ратниковъ Никоноръ — крестьянинъ Каргопольскаго Уѣзда съ товарищами: Иваномъ Дмитричемъ изъ дер. Печникова и Владиміромъ изъ бѣглыхъ солдатъ (самъ Савва Александровъ ушелъ отсюда на новыя скитанья подъ Кинешму, Костромской Губерніи).

Имѣются, впрочемъ, уже подсохшіе и отвалившіеся сучья, выбитые и вынесенные попутнымъ благопріятнымъ вѣтромъ изъ лѣсной чащи на открытое поле, по перелѣсью, на міръ. Такихъ немного; завалившихся въ трещахъ гораздо больше.

Вѣрнаго и близкаго къ правдѣ количества бѣгающихъ «въ безвѣстной отлучкѣ» дознаться нельзя: затѣмъ и скрываются, чтобы избѣжать учота и сбить со счетовъ. Придетъ неизвѣстный, чужой изъ дальнихъ мѣстъ и приселится къ тѣмъ, которые ушли изъ ближнихъ селеній — кто̀ его узна̀етъ. Иная выпросилась на богомолье въ Соловки и тамъ могла потонуть, потеряться; другой выпросилъ изъ правленія паспортъ на дальніе заработки; третій исчезъ, безъ всякаго спроса, можетъ быть, подъ свалившимся деревомъ въ лѣсу, можетъ быть подъ зашалившимся на сплавѣ бревномъ. Медвѣдь въ лѣсу ломаетъ, волки ѣдятъ и лѣшій заводитъ въ трещу на лихую и голодную смерть. Усчитать по билетамъ и паспортамъ нельзя, потому что нетолько не возвращены они съ надписью о смерти, но и со-

всѣмъ уничтожены. Усчитать можно только тѣхъ, кто сказался ушедшимъ, да не вернулся, и тѣхъ, кто ушолъ и долго сосѣдями не досчитывается, да и то—всѣ ли такіе прекратили сношенія съ міромъ по своей доброй волѣ?

По семейнымъ спискамъ, напримѣръ, Архангельской Волости, числится въ филиповской сектѣ 40 мужчинъ и 60 женщинъ, а на самомъ дѣлѣ и по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, ихъ 773 мужч. и 883 женщ. Или за 7 послѣднихъ лѣтъ, по 1873 годъ, считается въ «безъизвѣстномъ сходѣ» 21 человѣкъ: 7 мужчинъ и 14 женщинъ (по одному на годъ, три бабы въ 1869, четверо мужчинъ и сразу семь бабъ въ 1872 году: полагать надо, всѣ одиннадцать ушли прямо въ лѣсъ и въ подземелья). По приходскимъ же спискамъ, бѣгуновъ по той волости насчитывается всего 9, и такъ, что мужчинъ стало больше, а женщинъ меньше (5 мужчинъ, 4 женщины). Да и всего-то, по всѣмъ 11-ти приходамъ Каргопольскаго Уѣзда, петрозаводская консисторія числила 51-го (28 мужчинъ 23 женщины), всего больше въ троицкомъ приходѣ (15 чел.: 11 мужчинъ 4 женщины), всего меньше въ плескомъ (1 мужч. и 1 женщ.), и ни одного въ 4-хъ приходахъ, хотя, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ (бережне-дубровскомъ, ибо есть еще заднедубровскій приходъ) для кого-то полагаются и показаны въ таблицѣ бѣгуновъ два пристанодержателя (христолюбца).

Послѣднихъ, по тѣмъ же приходамъ, показано за тотъ же 1869 годъ всего 41 мужч. и ни одной и ни въ одномъ приходѣ сердобольной и христолюбивой женщины. Нѣкоторыхъ приходскіе списки осчастливили больше и надавали кучу благодѣтелей: напримѣръ, на 9 скрытниковъ записали 10 христолюбцевъ, на 12 волосовскаго прихода 11 благодѣтелей; на 4 бѣгуновъ луговскаго 9 христолюбцевъ, на 15 троицкаго—8; на 5 ошевенскаго—4; на 4 кенерѣцкаго—2; за то на 2 скрытыхъ плескаго прихода не указали ни одного христолюбца и т. д.

На этомъ можно и кончить: ничего больше и лучше не скажешь, и, если все это выговорилось, то это потому лишь, что привелось къ слову: написано то, что̀ вздумалось или что̀ велѣно. Между тѣмъ, въ скрытники уходятъ разомъ человѣкъ по 10 на годъ.

VII.

Тѣмъ временемъ, охотникъ на лѣсъ вышелъ. Видитъ: въ лѣсу много дичи и звѣря, и лѣсъ подходящій—и стиглому, и обѣглому проходы есть, только удалу молодцу проѣзду нѣтъ. Это и надо. Облаву можно сдѣлать удачную, только надо подобрать и подъискать загонщиковъ. А на такое дѣло, всѣ говорятъ, хороша баба: и голосъ звонокъ, и волосъ тонокъ и длиненъ, и на нее, что̀ волкъ на болтливаго и визгливаго поросенка, идетъ всякой красной и пушной звѣрь. И отецъ Евфимій, и Никита Семенычъ такъ дѣлали и съ того начинали, а съ Никитой Семенычемъ Савва Александровъ жилъ за роднаго брата и очень помогалъ ему въ Вологодскомъ Уѣздѣ (въ 1857 году). Довольно достать одну такую бабу, которая была бы поумнѣй и посудачливѣй, и побойчѣй, и несчастнѣе прочихъ, чтобы подъискалась другая подходящая, а съ двумя и базаръ, и облаву сдѣлать можно.

Савва Александровъ, какъ пришелъ, такъ и подсмотрѣлъ одну такую, какъ разъ подходящую: въ гурьевскомъ обществѣ, въ Быловской Волости, изъ деревни Устья Пормы, дѣвку Татьяну Свѣтлякову съ матерью. Объявился онъ и показалъ себя ей: не на косолапаго косаго медвѣдя, а больше на шуструю охотничью собачку смахиваетъ. Умѣетъ подластиться, умѣетъ хвостомъ повертѣть, и все это у него не такъ, какъ у дворовой домашней собачонки. Есть на что̀ взглянуть и къ чему присмотрѣться слабымъ бабьимъ дѣломъ и обычаемъ.

Савва въ городахъ жилъ, въ казармахъ обтерся: видывалъ, ка̀къ писаря и господа офицеры, да и свой братъ на ту же охоту хаживали, краснаго звѣря притравливали и совѣтовали:

— Ты слова̀ такія спознай, коихъ промежъ себя не выговариваешь—ничего, если какое и изломаное попадется (бываетъ, что это-то слово и нравится больше). Подсмотри подходъ и вывертъ, да посмѣлѣе, да понахальнѣй, приступомъ — по военному: это бабамъ всего слаще. А тамъ ужь онѣ сами въ тебѣ увидятъ то, чего нѣтъ у тебя и показать не можешь; онѣ сами найдутъ и оцѣнятъ. Ты, вѣдь, солдатъ—одно слово, и слово то сильное и великое. Солдатомъ ты только покажись деревенской темной бабѣ и погляди, что̀ изъ этого выйдетъ, а что̀ выходитъ—про то вся мать наша Россія знаетъ.

Показался, поглядѣлъ и увидѣлъ:

— Несчастненькой ты человѣкъ, и беретъ меня жалость за

самое сердечушко: ни зашить тебѣ, ни обмыть тебя нѐкому; гдѣ что̀ забылъ—тутъ и оставилъ; занесло тебя вѣтромъ, да и колышетъ имъ, словно былиночку. А дорогого сто̀ишь! Все-то видѣлъ, про многое слышалъ и все такъ складно разсказываешь. Не то я—слабая дѣвка, не то ты—сильный человѣкъ, и смотри, сколько ты этого горя вытерпѣлъ, ка̀къ живъ остался. И теперь тебѣ головушки приклонить негдѣ: сквозь лѣса прошелъ, и опять въ лѣсъ хочешь. Съѣдятъ тебя сѣрые волки. Очень мы благодарны тѣмъ, что изо всѣхъ дѣвокъ ты взоръ свой на насъ бросилъ и насъ удостоилъ. Какой дѣвкѣ о вѣрѣ толковать любо, когда ей козловъ хочется ставить—плясать, да веселыя пѣсни пѣть, а я, вотъ, не такая; я, сколько хочешь, могу сидѣть и слушать, и люблю это даже, и сама кое-что̀ домекнула, и еще того пуще впередъ хочется. Очень благодарны, что насъ-то вотъ ты, экой человѣкъ, и посѣтилъ, и удостоилъ. Пущай-ко другія-то отъ зависти рвутся, кому тоже этого требовалось, пущай метутся!

И по-деревенскому, и по-русски «пожалѣла», т. е. полюбила: сама пошла съ Саввой въ лѣсъ и мать свою увела; въ лѣсу Татьяна прижила сына Исаака (и когда потребовалось Саввѣ идти назадъ въ лѣса пошехонскіе—поплелась за нимъ и сына за пазухой потащила). За Татьяной повалились и другія бабы, какъ рыжики въ кузовъ, потому что прошли слухи и сказывали и доказывали саввины бабы, что учитель ихъ чудеса творитъ: вотъ прознало про него начальство, вездѣ его ищутъ, но ни его, ни сына, ни бабъ поймать не могутъ: всѣ это знаютъ и видятъ. А отчего не изловятъ?

— У него така рубаха бумажна есть, что надѣнетъ онъ ее на себя и бываетъ невидимъ.

Ка̀къ этому не повѣрить? Не вѣрила только Марфа Полетаева изъ деревни Морозовой и то, говорятъ, потому, что давно уже обольщена была Саввою и подаяніями подкуплена: держала про него притонъ и числилась въ скрытницкой вѣрѣ. Зато, когда эту Марѳу исправникъ Ларіоновъ строго допытывалъ о Саввѣ и грозилъ, и мучалъ, баба упорно закрывала слѣды и не выдавала, такъ что удобно выбрался Савва въ пошехонскіе, а потомъ къ учителямъ своимъ въ вологодскіе лѣса. Когда дошелъ туда до него слухъ о томъ, что покинутая на бабьей слабости и разумѣ вѣра стала колебаться и грозить полнымъ паденіемъ, а къ тому же и кстати изъ Вологды послали искать его и ловить, Савва вернулся назадъ въ Каргопольскій Уѣздъ. На этотъ разъ онъ показалъ и другой способъ спасенія и укрытія, спрятавшись не въ лѣсу по р. Пормѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ

болотами, и не въ подземной кельѣ, построенной благодѣтелями (въ 15 верстахъ отъ устьвельскаго погоста), а въ жиломъ мѣстѣ.

Крестьянинъ троицкаго прихода, деревни Дилева Алексѣй Ивановъ Друганинъ, 70-ти-лѣтній старикъ и рьяный проповѣдникъ филиповскаго ученія (состоявшій подъ надзоромъ полиціи), принялъ къ себѣ наставника и вступилъ съ нимъ въ споръ съ вострымъ зубомъ и сердитымъ косымъ взглядомъ.

— Мы ли не перекриваемся, мы ли отъ мірскихъ не отчуровываемся, вкупѣ съ ними Богу не молимся, и кто изъ церковниковъ къ намъ приходитъ—совершенно крестимъ, чего ради и насъ-то вы еретиками прозываете и третье крещеніе ты мнѣ предлагаешь?

— И вотъ именно для этого, понеже находитесь христіанской вѣрѣ отступники.

— А почему ваша вѣра христіанская и почему мы—отступники?

На словахъ былъ наставникъ искусенъ; въ книгахъ дорылся до того, что и говорить иначе не могъ, какъ по книжному, по печатному: не то онъ по книгѣ читаетъ, не то свои слова̀ говоритъ:

— А по сему и отступники, когда, тысяща седмь сотъ двадесять второго года, ваши обязаны были сказками; тако же 1744 и 1745 гг. тоже обязаны были сказками, даже до ссущаго младенца, и они подписались только самимъ доживать, а впредь раскольнической прелести не распространять, и никого къ тому не учить, не точію постороннихъ, но и живущихъ въ одномъ дому̀. Учителей потайныхъ раскольниковъ въ домъ не примать, но сыскивать и имать—тоже подписались. Подписались—книгъ и печатныхъ, и письменныхъ въ домахъ у себя не держать отнюдь. А гдѣ про то прознавали, то объявляли духовному правленію. Постой-ка я дочитаю!

И вынулъ изъ мѣшка, изъ вороха книгъ, цвѣтничекъ: безъ мѣшка учитель на проповѣдь не ходилъ и другимъ не совѣтовалъ, такъ что теперь и у какой-нибудь старухи-скрытницы въ крашенинномъ мѣшечкѣ на боку лежитъ какая-нибудь богодухновенная книга, вмѣстѣ съ ней непремѣнно свой складной мѣдный образокъ, складная чашечка и непремѣнно складная ложечка всегда со свисткомъ, которымъ всякій скрытникъ пользуется, въ видахъ остереженія товарищей. Начетчикъ же всегда таскается съ цѣлымъ ворохомъ книгъ, на поляхъ которыхъ приклеены маленькіе лоскуточки краснаго цвѣта, обозначающіе тѣ мѣста книги, какія наиболѣе надобятся и требуются. Всякой

лоскуточекъ на опытномъ, присмотрѣвшемся глазѣ безошибочно вскрываетъ желаемую страницу, какъ и на этотъ разъ:

— Дѣтей крестить правовѣрнымъ іереемъ, и седмилѣтіе пришедшихъ представлять въ церковь къ исповѣди и святыхъ таинъ причащенію. Смотри: при царѣ Петрѣ ваши первыми подписались; въ вашихъ странахъ для свободнаго и миролюбиваго житія первыми наругались надъ христіанскою православною вѣрою и за раскольничью прелесть согласились признать. У земнаго-то царя воеводы и воины, когда чести и награды заслуживаютъ? Не во время ли самыхъ приступовъ даже до смерти ополчаются. А тѣмъ-то что̀ бываетъ, что̀ для своего спасенія царевымъ врагамъ покоряются? А кольми паче у царя небеснаго, которые за его святую вѣру до крови постраждутъ, то и вѣнцы получатъ, а которые отступятъ, то всѣ отъ него будутъ изгнаны. Это, вѣдь, и по святому евангелію такъ выходитъ. Могутъ ли такіе-то христіане явѣ другимъ благодать преподать? Вотъ чего ради крещеніе и покаяніе ваше не вмѣняется. Хочешь, отъ божественнаго писанія покажу?

Это-то и надо было.

— Да показывай ты, только по моей книгѣ; въ вашихъ-то чего-чего не нагорожено! Толкуй и спорь безъ обману.

Понадобился Номоканонъ, Кормчая, Евангеліе поучительное, Евангеліе благовѣстное, Кирилова книга, Соборникъ большой, книга Ефрема Сирина—не Богъ знаетъ что̀: у всякаго начетчика найти можно, а у такого, какъ Алексѣй Ивановъ — и подавно.

По Номоканону вышло, что всякаго бѣлорусца, хоть и попъ крестилъ, да молится этотъ попъ за папу—перекрещивать надо съизнова: и еретическое отрицаніе ему говорить, и молитвы всѣ говорить, и младенческое отрицаніе, какъ еретику.

По Кормчей вышло, что если, кто принудитъ своихъ рабовъ вмѣсто себя послужить идоламъ, то обязанъ совращенный рабъ одинъ годъ каяться, а совратившій его три года.

По Толковому Евангелію выходило такъ, что слова̀: «Неубойтеся отъ убивающихъ дѣло, душу же не могущихъ убити, се убо азъ посылаю васъ, яко овца посредѣ волковъ» относятся къ дѣлателямъ беззаконія, между которыми первые суть тѣ, которые отметаютъ вѣру и отвергаются Христа во время гоненія, какъ сдѣлалось при Петрѣ и его преемникахъ.

Всего лучше открылось въ книгѣ Кирилла Іерусалимскаго:

«Будетъ бѣда великая вскорѣ, какой не было отъ сотворенія міра и потомъ не будетъ, и это время, когда послѣдній антихристъ начнетъ вездѣ утруждать и мучить православныхъ хри-

стіанъ. «Послѣдній князь міра сего» привлечетъ подъ власть свою людей всѣхъ странъ и начнетъ воевать сначала съ греками, а потомъ и съ другими, и начнетъ прельщать всѣхъ христіанъ и всѣхъ народовъ, чтобы ему, какъ Богу, поклонились: «различными коварствы, любовію, дарованіемъ, обѣщаніемъ, прошеніемъ, грозою, казнію, войною, посольствомъ». Тѣмъ только и будетъ спасеніе, кто убѣжитъ въ горы. Кто чувствуетъ въ себѣ силы, тотъ пусть съ сатаною борется; пугливые же пусть убѣгаютъ, ибо будетъ тогда скорбь великая».

Прихватился еще лоскуточекъ съ боку Кириловой книги, открылся 84 листъ съ такимъ листомъ: «О, пустыне, иже Духа Святаго вмѣщаеши, блаженна еси, ибо ученицы Христовы въ тебѣ свое естество познаваютъ и дьявольскія злохитрства презираютъ. По апостольскому словеси глаголемъ: изыдите, братіе, отъ міра, изыдите! И нечистотѣ его не прикасайтеся. Возлюбите безмолвіе, да познаете Бога и откровеннымъ умомъ славу его узрите, что всуе мятемся въ жизни сей» и т. д.

Недурно открылось по слову Ипполита папы римскаго объ антихристѣ, который, когда придетъ и начнетъ знаменовать всѣхъ своею печатію, тогда одни подвигнутся на мучителя и погибнутъ, другіе покорятся ему; многіе же прелести его избѣгнутъ, и именно тѣ, которые скроются въ горахъ и вертепахъ и слезами и сокрушеніемъ сердца молятся Человѣколюбивому Богу, и онъ спасетъ ихъ отъ соблазновъ и невидимо покроетъ рукою своею.

Филиповцу ипполитово слово хоть и не читай дальше—самъ твердо знаетъ; да только мѣсто-то это прежде проходилось мимо.

— Да и Ефремъ Сиринъ тоже подтверждаетъ: «и спасутся крыющіеся въ пропастѣхъ и вертепѣхъ, ненавидяще антихристова знаменія и страха»; всѣмъ такимъ ясно и понятно будетъ пришествіе мучителя, а тѣмъ, которые останутся въ мірѣ, «любящимъ земная, неразумно се будетъ, привязаны бо суть въ вещѣхъ житейскихъ, аще и услышатъ слово, то не имутъ вѣры».

И въ «Катихизисъ Большой» Савва указывалъ, и въ книгу «Зерцало» заглянули, и въ Минеѣ Четьѣ обѣщалъ указать сильное мѣсто, вездѣ промелькнуло много и выразилось подобное (какъ въ Зерцалѣ): «слышите, что къ вамъ глаголетъ Господь вашъ: изыдите отъ сего темнаго вавилона, людіе мои, изыдите отъ прелестныя любодѣйцы и не причаститеся грѣхомъ ея».

«Да елицы мученія мукъ терпѣти не можаху бѣгствомъ спасеніе получаху, оставляющіе домы и села (это—Минея)».

— Тутъ противъ тебя, учитель, у меня слово есть: сила въ немъ большая—сказывать ли? О терпѣніяхъ въ мученіяхъ.

— Затѣмъ, сошлись, старче!

— Ну, да ладно, въ другой разъ, а теперь ступай — знай впередъ со своимъ. Я эдакаго-то еще отродясь не слыхивалъ и на умъ не всходило. Очень прошу продолжать.

«Гонимые за вѣру и отъ градовъ бѣгающіе, и расхищеніе имѣнія пріемлютъ, да безъ отверженія въ себѣ имя Господне соблюдутъ, подавайте убо таковымъ, яже на потребу» (это—Кириллова книга).

— И можно ли спорить и прекословить, когда и такое великое слово сказано? «Егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій; аминь глаголю вамъ: не имати скончати грады Израилевы, дондеже пріидетъ Сынъ человѣческій». Кириллъ Іерусалимскій такъ и толкуетъ: «того ради достоитъ маитися убѣгати, не имутъ скончатися грады Израилевы».

— Вотъ, надо бы тутъ противу тебя изъ Евангелія же поставить и отъ писаній очень многое. Ну, да ладно: всякому свое любо и мило. Указывай въ твоихъ книгахъ мѣста тіи, что тебѣ самому нужны.

Свѣрялъ и переглядывалъ Алексѣй Ивановъ тексты въ своихъ книгахъ: подвоху не нашолъ. Ходилъ и въ Минею-Четью, и вчитывался въ тѣ мѣста, на которыя Савва указывалъ, и рѣшилъ тѣмъ, что Савва крѣпко вѣруетъ, знаетъ и отъ божественнаго писанія вѣрно являетъ, гдѣ христіане будутъ при послѣднемъ антихристѣ проживать.

— Вѣрно сказываетъ онъ: будутъ въ гоненіи и въ скорбяхъ. И въ Кириловой книгѣ явственно написано.

— При антихристѣ, христіанамъ (бесѣдуетъ Савва) два пути: сильнымъ бороться, а страшливымъ—бѣжать, а какой третій путь? (Спрашиваетъ).

— А третьяго пути во всемъ божественномъ писаніи не предвидится, отвѣчаетъ начетчикъ.

— И нигдѣ не написано (толкуетъ Савва), чтобы при послѣднемъ антихристѣ могли христіане жить явѣ на лицѣ земли.

— Не написано; я нигдѣ не читалъ.

— То смотрите и вы о старообрядахъ, что ихни житіе со всѣмъ божественнымъ писаніемъ не согласно. Какую они несутъ скорбь, даже и въ Москвѣ, и въ Питерѣ, и въ прочихъ городахъ?

— Никакой не несутъ: въ городахъ купечество есть, а въ Поморской странѣ самые богатые и именитые люди. Какъ московскіе и питерскіе купцы, такъ и они вездѣ торговлю имѣютъ.

— Даже и въ прочихъ земляхъ (прибавлялъ Савва): живутъ во своихъ домахъ съ женами и съ дѣтьми, и никто ихъ не шевелитъ. И это ихно житіе всему писанію противно.

— Ну, да, вѣдь, они и по сіе время вѣру хранятъ!—замѣтилъ было Алексѣй Иванычъ.

— Такъ, неужели въ божественномъ-то писаніи ложь написана? Писано бо есть: небо и земля прейдутъ, а словеса моя—не прейдутъ. Чего ради обрѣли они себѣ свободное житіе? Явно, что отступленіемъ отъ вѣры. Дома, за своими печками, имъ хорошо называться христіанами, и тутъ имъ тепло говорить, что антихристъ царствуетъ, и архіереевъ и поповъ звать еретиками. А сказываютъ ли это лично предъ властію, какъ предъ градской, такъ и предъ духовной? И не смѣютъ ихнаго невѣрія обличить, и по святому Евангелію не смѣютъ вѣру исповѣдати устнами, и раскольническое имя на себѣ носить, и дѣтей своихъ отдаваютъ крестить еретикамъ. Какъ святые то мученики, по Минеѣ, отвѣчали предъ властями?

— Максимъ-исповѣдникъ хорошо властямъ сказалъ: «молчаніе—вѣры отметаніе».

— А первомученикъ-то Ѳедоръ? Вѣдь разсмѣялся епарху-то, когда этотъ совѣтовалъ ему причаститься. Ты-де, причастись только съ нами, только причастись, а я, молъ, тебя отпущу потомъ, куда хочешь. Что Ѳедоръ-отъ отвѣчалъ епарху? А вотъ что: «подобнѣ глаголеши Господи, епарше, когда бы кто кого просилъ, говоря: ничто же отъ тебѣ прошу, но только едину главу твою, и потомъ идеши, амо же хощеши». Гляди-ко, какъ они властямъ-то отвѣтили! Вотъ отчего мы со старообрядцами не сообщаемся въ богослуженіи, и въ яденіи.

— И вся сосвѣтная слава, и честь, и богатство здѣсь съ нами, а утрѣ разрушается и оставается. И не утрѣ, но даже и въ единую минуту все разсыпается, а небесная то въ безконечные вѣки пребываетъ.

— Аминь!

— Ну да, какъ не аминь! подумалось наставнику. Знаю тебя, старче, и подсмотрѣлъ за тобой, и прислушался. Ты, вотъ, со всѣми своими-то все переболталъ, слушать стало нечего. Да и самъ добрался до всей подноготной: надоѣла она тебѣ и толковать объ ней стало противно, да и другіе, которые поумнѣе, стали головами, глядя на тебя, покачивать и выговорили страшное слово: «сталъ старикъ изъ ума выживать». А ты услыхалъ—разсердился: вотъ у тебя и кипитъ ключемъ сердце, уйму нѣтъ, и срывать его хочется. Конечно, одно теперь утѣшеніе—побраниться, уличить, оспорить. Ты, вотъ, день-то ходишь да ворчишь,

все ищешь съ кѣмъ бы въ споръ вступить. Тебѣ и киселя не надо, по цѣлымъ днямъ, а положи на зубъ (а зубы-то, на бѣду твою, всѣ цѣлы), положи теперь какой-нибудь стишокъ отъ писанія, чтобы рожномъ приходился онъ прямо противъ филиповцевъ; возрадуешься въ тотъ день и возликуешь собачьимъ обычаемъ. Пересобачился ты съ ними такъ, что живаго мѣста не осталось: все обличилъ. А такъ какъ тѣ же самыя правила надо было прилаживать къ житію своему, и намерзѣли они тебѣ, старче, такъ, что хоть со свѣту бѣги. Да и пора: годà теперь подъ седьмой десятокъ идутъ; всѣ такіе совопросники въ твои годà въ древнія времена схиму принимали. Ты этого и самъ захотѣлъ по старости и усталости, да признаться въ томъ стыдно. Все хочется другихъ вести и самому впередъ идти, а старость не въ радость. А у тебя все готово: и разговоръ-отъ о вѣрѣ затѣялъ въ томъ смыслѣ, который тебя давилъ и мучалъ. Онъ одинъ только и засѣлъ. Еретическая раскольничья скверна лежала вся на ладони, да вотъ стало обидно: кàкъ-де столько лѣтъ вѣрилъ, наставникомъ былъ, почитали, а вишь, еретикомъ оказался? нечистъ-де: находятся люди, что и съ тобой общенія имѣть не хотятъ. Можетъ ли это быть, почему? Вотъ и пришелъ только съ этимъ и допросы затѣялъ затѣмъ лишь, чтобы не сказали, что не самъ-де своей охотой изъ міру вышелъ, а соблазнили-де лихіе враги и супостаты. Возьмешь грѣхъ на себя: такого звѣря затравить тѣмъ полезно и любопытно, что, все-таки, наставникъ, да вдобавокъ, бывалъ когда-то горячимъ проповѣдникомъ. За переднимъ легче другимъ идти, потому что видно, кàкъ онъ пятой-то по новой тропѣ твердое мѣсто намѣтилъ, такъ что и ногу можно проставить.

Затѣмъ, собственно съ почтеннаго старика и начинать приводилось, что за саввинымъ отсутствіемъ, велъ онъ постоянные и ожесточенные споры съ его оставленными учениками, да и увлекся ими. Савва думалъ, что навредилъ, и въ попыхахъ прибѣжалъ на выручку къ своимъ, а между тѣмъ, препиратель самъ налетѣлъ и только вотъ поджидалъ теперь ласковаго слова, вниманія и почтенія. Преподнесли то и другое, и третье—онъ и сдался: — вотъ и спасибо, вотъ теперь, пожалуй, и я съ вами, и ты оставайся при мнѣ!

Друганинъ тотчасъ же подобралъ два-три топора, велѣлъ ставить новыя дворовыя службы, чтобы этимъ отвести опасные глаза, а тѣмъ же временемъ, по ночамъ, тайничекъ тутъ рыли, какъ пожелалъ и указалъ почтенный учитель и дорогой гость, который здѣсь и поселился. Сталъ Друганинъ христолюбцемъ, очутился на прямой тропѣ въ лѣсъ, по которой онъ вскорѣ и

не замедлилъ уйти изъ міра: унесъ съ собой всѣ наличныя скопленныя деньги, въ количествѣ 400 руб. сер. Не имѣя возможности распродать сполна всю движимость и недвижимость, какъ того требуетъ переходъ въ странники, онъ оставилъ въ дому своего пріемыша.

Съ водвореніемъ Саввы и съ переходомъ въ секту такого козыря, какъ Алексѣй Ивановичъ, проявились скрытники и въ троицкомъ приходѣ, выработались и объявились новые ловцы въ человѣцѣхъ, сильные начетчики и большіе мастера, въ родѣ Никонора Дмитріева Попова съ товарищами: Иваномъ Митричемъ и Владиміромъ. Савва умѣлъ вести дѣло:

Права вѣра въ скрытникахъ! энергически и съ твердой увѣренностью отвѣчала дѣвушка отцу, взятая имъ изъ лѣсу, затосковавшая въ избѣ и опять пожелавшая вырваться изъ дому и деревни (хоть отецъ ее и припугивалъ, но дѣвушку эту, все-таки, увезли; однако, опять возвратили отцу).

Крестьянинъ, Антонъ Детятевъ, у котораго мать (бывшая въ православіи Елена, превратившаяся у скрытниковъ въ Меланію), и сестра Настасья (переименованная въ Марью) до сихъ поръ живутъ въ скрытницахъ, а двоюродный братъ, Осипъ Васильевъ, отпустивъ отца своего, Флора, въ лѣсъ, на сараѣ устроилъ для скрытниковъ келейку, съ маленькими окошками, этотъ-то Антонъ Детятевъ пишетъ о Саввѣ: [1]

«Гдѣ Савва ни являлся, съ кѣмъ бы знакомства онъ ни имѣлъ и у кого бы ни жилъ, самъ или его ученицы, всѣ тѣ стали богаты, ибо Савва мастеръ бяше работать фальшивыя деньги. Кто въ лѣсахъ жить не хотѣлъ, того онъ отпускалъ въ міръ, гдѣ бы скрывали себя въ подпольяхъ по домамъ содержателей, коихъ онъ ужь награждалъ заблаговременно. Симъ-то самымъ пріобрѣлъ себѣ послѣдователей своей ереси, какъ древній Магометъ. Что̀ посѣяно, а не было потоптано, то стало проростать, и корень Саввинъ въ выспрь прозябать. Удаленная отъ міра, саввина посадка стала размножаться».

При немъ состоялъ помощникомъ наставникъ Миронъ Васильевъ, который, слѣдуя по стопамъ учителя и руководясь основнымъ его правиломъ (не поддѣлкою денегъ, что̀ едва ли

---

[1] Въ лѣсу, дядя Детятева, Флоръ, переименованъ былъ Онисифоромъ; на міру осталась жена его, Агаѳья, также придерживаясь скрытницкой вѣры. Другой дядя—Трофимъ (или Іона), за то же самое былъ сосланъ въ Сибирь, а дочь его, Настасья, осталась дома, приверженницей новой вѣры. Вращаясь въ такой средѣ, Антонъ Детятевъ могъ сдѣлаться если не судьей, то добрымъ пособникомъ для изученія секты, о которой онъ написалъ тетрадку, доставшуюся въ черновомъ подлинникѣ намъ въ руки.

вѣроятно), склонилъ волосовскихъ, изъ деревни Занаволочья, крестьянъ «богачей братьевъ Кузнецовыхъ» и увелъ ихъ въ лѣсъ въ архангельской дачѣ, близь рѣчки Лейбушки. Пожитки и деньги были взяты съ собою, и кассиромъ къ нимъ приставленъ племянникъ Кузнецовыхъ, Петръ Васильевъ Купарихинъ. Противъ осташевскихъ сѣнъ, къ востоку, на два съ половиною поприща, построена была лѣсная пустынь. Купарихинъ былъ не промахъ: книги и деньги схитилъ и убѣжалъ во-свояси. За нимъ гнались, но догнали у самой избы, а потому и не могли «свершить намѣренія удушить его». «Пустынножительна изба», гдѣ спасались и скрылись Кузнецовы, нынѣ употреблена на сѣнокосный станокъ (пріютъ для косцовъ) и находится на пожнѣ по той же рѣчкѣ Лейбушки, на дачѣ, зовомой «Жуварковы сѣна»; избушка и теперь на келью похожа съ прагомъ, куда трапезная доска вкладывалась. «А ежели вправо на полверсты отъ сего станка путешествовать по тропѣ, вверхъ по теченію Лейбушки, пройдя не болѣе, какъ съ двѣ или три версты, виднѣется площадочно пространство, гдѣ стояла сія пустынь и, вѣроятно, тутъ погребались умершіе скрытники, на могилахъ коихъ, не по православному—крестовъ нѣтъ, а елушки, у коихъ, когда хоронятъ мертвеца, подкапывая коренье, сворачиваютъ всю цѣльну. Выкопавши яму, кладутъ туда тѣло умершаго безъ гроба, кажденія и безъ всякаго поминовенія, поставя елушку на мѣсто, яко будьто вѣкъ ничего тутъ не бывало».

Въ этой пустынѣ жило около 30 человѣкъ скрытниковъ и обратныхъ выходцевъ было мало: «гибли несчастные, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра. Будто бы при этомъ помощникѣ Саввы, Миронѣ, отъ его огненнаго крещенія, зной на садъ его разлился и погибло 15 душъ мужескихъ и женскихъ, что̀ въ зимницахъ въ станкѣ по рѣчкѣ Чучексѣ сгорѣли. О семъ было наѣздомъ временное отдѣленіе, но открытія губителя было невозможно, ибо все были держатели руки скрытничества. Даже самые оставшіеся семейники погибшихъ по днесь придерживаются содержанію скрытниковъ».

Привелъ этого Мирона Савва изъ Ярославской Губерніи, а приставалъ онъ самъ, Миронъ, и жилъ въ дер. Варварской, между р. Кеной и троицкимъ приходомъ, у одного раскольника-старообрядца. Проявилъ онъ себя здѣсь больше стараніемъ уловлять бабъ, до которыхъ былъ большой охотникъ, и несовсѣмъ удачно дѣйствовалъ на дѣвицъ; зато изъ старухъ выбирай любую, если только предвидится въ ней прокъ. Разсчеты тутъ основаны на той впечатлительности и воспріимчивости, какими вообще отличается женская природа, легко и скоро поддающая-

ся постороннему вліянію. Успѣхъ его тѣмъ вѣрнѣе, конечно, чѣмъ наибольшею таинственностью и очевиднымъ запрещеніемъ обставлены и личность проповѣдника, и житейская обстановка вѣроученія. При замкнутой жизни, когда и свѣту видно столько, сколько есть его въ деревенскомъ окнѣ, темной бабѣ легко поддаваться на вѣру и принимать всякій обманъ за сущую правду, а размышлять онѣ не привыкли. Такова на бо́льшую часть деревенская молодежь женской половины населенія.

Деревенскія старухи всѣ на одинъ покрой: труды и невзгоды житейскія за цѣлую жизнь такъ переполняютъ грудь охами и вздохами, что на склонѣ дней почти только ими и говорить приходится, и желается одного лишь утѣшенія и успокоенія наболѣвшему и настрадавшемуся сердцу. Конечно, всѣ эти испытанія за великіе грѣхи послалъ Господь: чѣмъ же его, батюшку, умилостивить? Да только на одну молитву и указываютъ всѣ: «молись, больше молись!» А такъ какъ не всякая молитва до него доходитъ, то и надо передъ тѣмъ очищаться, передъ молитвой и въ молитвѣ такіе обряды соблюдать, которые Богу угодны и молитву усиливаютъ. Совѣтуютъ понедѣльничать: сверхъ середы и пятницы, еще одинъ день въ недѣлю поститься; совѣтуютъ крестъ на разные лады складывать и поклоны считать по ремешкамъ и узелкамъ; очень, говорятъ, угодно пріемлется молитва, когда отъ любимой пищи отказываются; перестаютъ ѣсть мясо; отстаютъ отъ жидкой или отъ горячей пищи, да и мало ли выдумали путей ко спасенію въ старости и безсиліи. Изъ правилъ этихъ для деревенскихъ и городскихъ старыхъ женщинъ подбирается, сверхъ общихъ церковныхъ православныхъ, большая куча такихъ, что можетъ составиться новая вѣра, цѣлая секта. Про старообрядокъ и говорить уже нечего: старухами этими всѣ многоразличные толки вчинались; отъ нихъ распадались на вѣтви, когда ими же вносилась смута въ виду разныхъ сомнѣній; ими же, когда уже кончались ссоры и драки, и налаживался готовый толкъ, твердо держались старые оплоты и основы: старушечьи плечи показывали тутъ иногда чудеса силы и терпѣливости. Такія старухи въ скрытницкой вѣрѣ хороши и удобоуловимы изъ тѣхъ, которыя успѣли уже наложить на себя много запрещеній и придумываютъ, и выслушиваютъ, и подсматриваютъ: нѣтъ ли еще гдѣ чего нибудь новаго и неслыханнаго, а угоднаго и спасительнаго.

Наставникъ Миронъ, впрочемъ, такимъ бабамъ не придавалъ большой цѣны: бесѣду затѣвалъ и душу свою обнажалъ только передъ тѣми изъ женскаго пола, которыя не были и не казались перестарками, а по возможности были въ соку и порѣ. И еще

лучше того, если у такой гладкой и сытой бабы была дочка-дѣвица: тутъ можно ужь изо-всѣхъ силъ потрудиться и постараться, не одними днями, но и цѣлыми недѣлями. Вотъ отчего и уходятъ въ скрытницы всегда подвое: баба и дѣвка, мать и дочь, тетка и племянница—только бы жили онѣ подъ одной кровлей и потянуло бы изъ-подъ нея старшую бабу, на волю и на лѣсъ, и на пролетный вѣтеръ.

Не такъ легко сдвинуть съ мѣста мужиковъ, особенно тѣхъ, которые успѣли прикрѣпиться къ пахотной землѣ и цѣпляются за всякій подходящій и подручной промыселъ, а тянетъ ихъ въ лѣсъ не на житье, а на дѣло. Тутъ надо большое искуство и особенная приглядка и къ тѣмъ, которымъ на лѣсу посчастливитъ и умѣютъ они изъ-подъ топора изъ бревна выщерблять не щепу, а ходячія размѣнныя деньги, и къ тѣмъ, для которыхъ и лѣсъ, и рѣка, и поле—злыя мачихи. Изъ первыхъ идутъ въ благодѣтели, изъ нихъ иногда выбираются покровители-христолюбцы; изъ вторыхъ можно только выхватить въ скрытники, соблазнить на готовые харчи, и въ особенности тѣхъ, которымъ совсѣмъ не повезла удача въ жизни. На счастье тутъ уловляются оба сорта: и такіе, что̀ неохотливы къ работѣ и полагаютъ праздникомъ тотъ день, когда отъ нея можно отлынуть, и работа въ рукахъ не спорится, и изживаютъ они дни, потягиваясь и позѣвывая, сидя спятъ и лежа работаютъ. Годятся въ лѣсъ и изъ втораго сорта, гдѣ безталанная неудача не устаетъ ходить по пятамъ и часто начинаетъ всходить на умъ всякое недоброе, при помощи отчаяннаго, безшабашнаго пьянства.

Лѣнивъ и ненаходчивъ былъ на такихъ наставникъ Миронъ—бабій воинъ и дѣвичій ратникъ—храбръ и силенъ Никоноръ Поповъ, ставшій вторымъ по немъ наставникомъ по времени, первымъ по дѣлу. Ныряя по домамъ и скрываясь по подпольямъ, онъ любилъ высматривать и прицѣливаться именно въ такихъ, которыхъ работа отъ себя отвадила, а счастье не попало въ руки.

Еще не обсохшій отъ промочки на гонкахъ въ рѣчномъ сплавѣ и еще вдостоль не наругавшійся надъ плутомъ-десятникомъ, горемыка, обсчитанный въ платѣ и крупно обиженный, съ расходившимся и неперекипѣвшимъ сердцемъ, попробовалъ сходить въ извозъ съ рыбной кладью: обледѣнѣлъ, перезябъ, наломалъ плечи и ноги. Сталъ считать барыши: та же дира въ горсти; ни обсушиться, ни обогрѣться. Ломаетъ онъ свои руки въ отчаяніи и мѣста себѣ нигдѣ не найдетъ; подумываться стало на бичевку и петлю, на подволоку и задворья, а того лучше — коровій хлѣвъ, гдѣ мать голымъ на свѣтъ выпустила, гдѣ полу-

обнаженнымъ и оборваннымъ можно съ нимъ распроститься такъ, что и баба не увидитъ.

Смотрятъ на него два зоркіе, умные и смѣлые глаза изъ-подъ избицы, не смигивая и не прошибаясь мимо и на сторону. Пока срывается съ сердца брань и еще круто заламываются руки бѣдняка, Никоноръ все глядитъ и не шевелится, чутко прислушиваясь и не сводя со лба глубокихъ думчивыхъ морщинъ. Начнетъ горемыка-парень стихать, перестанетъ ругаться и на глубокіе вздохи пойдетъ; Никоноръ до полтуловища изъ подполья приподнялся и высталъ, а ястребиныхъ глазъ не спускаетъ; и начнетъ расправлять свои щепкіе когти. А когда впалъ бѣдовикъ въ раздумье, опустилъ головушку и время отъ времени началъ безъ нужды схватываться съ мѣста да вздрагивать, да короткими порывами взламывать руки и хрустѣть суставами, Никоноръ изъ-подъ подполья весь вылѣзъ.

Куда дѣвался хищный ястребиный глазъ: подернуло эти глаза масломъ; на лицо выступило ласковое благодушное взглядье и когтей не видать, спряталъ. Изъ устъ текутъ медовыя рѣчи, и слова̀ такія онъ говоритъ, что прямо въ твои мысли попадаютъ, и хорошо учатъ, и словно какъ будто обогрѣваютъ. Тепло отъ нихъ становится сначала и весело потомъ. А ка̀къ принесъ книгу, да сталъ читать, а чего не смекнешь—протолковывать въ полное твое разумѣніе: слушалъ бы его не наслушался. Обогрѣть обѣщаетъ, пособить посулилъ и изъ бѣдъ и напастей вывести совсѣмъ: только ты, говоритъ, меня послушайся.

— Да сдѣлай милость, умный и добрый человѣкъ, выучи: изведи изъ темницы душу мою, куда хочешь, хоть и впрямъ прямо на лѣсъ.

— Не будетъ (говоритъ) антихриста чувственнаго, а ужь есть-де въ міру духовный...

— То вѣрно: я какъ будто и видалъ его—не его самаго, можетъ быть, а похожихъ видалъ и сейчасъ царапины на тѣлѣ отъ когтей слугъ его чувствую.

— Царствуетъ антихристъ со временъ Никона патріарха, смѣнившаго вѣру и убавившаго восемь лѣтъ пасхальнаго счисленія. Малоросцы уже отпали въ католичество, а россіанцы въ Никоніанство, съ 1666 года...

— Пущай такъ. Это тебѣ лучше знать. Мы тебѣ вѣримъ.

— Въ три перста молиться нельзя: это—щепоть...

— Похоже и есть: видывалъ на попа̀хъ нашихъ, чѣмъ молятся, тѣмъ и нюхаютъ. Я давно двумя перстами молюсь.

— Треперстное—печать антихристова.

— Это знаемъ, слыхивали.

— Надо изъ міру уйти, отчураться отъ него... Кто въ ревизію записанъ, тому нѣтъ крещенія и покаянія.

— Нѐчего и думать про то: кàкъ не уйти, коли самъ міръ прочь отъ себя гонитъ, да такой, притомъ, плетью, что по всему она хлещетъ и вездѣ достаетъ.

— Надо, чтобы изъ сказокъ мірскихъ выписали: кто тамъ записанъ, имена тѣхъ значатся въ адскихъ книгахъ, въ Титинѣ, у самаго сатаны на колѣняхъ. Изъ міру надо вонъ.

— Да чтò лучше этого: на міру власти только и знаютъ, что деньги требуютъ и все такихъ, которыхъ у тебя нѣту.

— Пачпортовъ (совѣтуетъ) и въ руки не брать: на нихъ подлинная печать антихристова.

— Ну, дà какъ не антихристова?! Она самая. Передержалъ я ихъ въ рукахъ много. Затѣмъ тебѣ его и даютъ, чтобъ хозяинъ отобралъ. А отберетъ онъ его и спрячетъ, обидѣть и обсчитать тебя ему теперь свободно; а попробуй-ка уйти безъ пачпорту: меня за это въ волости вотъ какъ выстегали! Куда ни покажешься съ нимъ—вездѣ отъ него обида: ну, его!..

— А ты, постой: не торопись-словомъ-то! Бываетъ, что антихристова печать и на доброе дѣло пригодна бываетъ: ты, когда къ намъ соберешься изъ міра выходить, возьми ее въ послѣдній разъ, осквернись—куда ни шло! Крещеніемъ новымъ мы тебя оправимъ и молитвы на такой случай сказываемъ. Бабамъ совѣтуемъ выправлять эти бѣсовскія бумаги на Соловецкой для богомолья. Мужики берутъ на дальній отхожій промыселъ, а въ срокъ не явится, пусть записываютъ его «въ безъизвѣстной отлучкѣ».

— А ты кàкъ оправишь меня?

— Слѣдуетъ, говорю, вновь окреститься: поповское крещеніе—оскверненіе; безъ вторичнаго нѣсть спасенія.

— Не постою и затѣмъ; да, можетъ, я еще и не крещенъ вовсе: гляди, либо мать заупрямилась со своей вѣрой противъ батькиной, либо бабка забыла. Знаю я самъ: въ нашихъ мѣстахъ не одинъ такой случай. Креститься согласенъ. Только сдѣлай милость, чтобы въ прорубь не лѣзть: я—зяблой.

— Имя надо перемѣнить.

— Да кàкъ ни зови, только хлѣбомъ корми.

— Все, чѣмъ на міру владѣлъ, продать надо: деньги пойдутъ на все наше общество. Забирай пожитки, хлѣбъ выноси. Постарайся сдѣлать все это ночью, а я тебѣ и убѣжище отведу: сначала въ пустынѣ, а современемъ и на дому у христолюбца.

— Вотъ тутъ баба: ее спрашивать надо. Ну, да, вѣдь, и то говорить: не сладко и ей; подошли дѣлà и у бабы со мной вмѣ-

стѣ такъ, что и упираться долго не станетъ. Моя пойдетъ. Ладно, значитъ, домъ продамъ и съ бабой приду. Домъ-отъ, какой ужь домъ! Кто за него и денегъ-то дастъ; а вотъ баба — ничего, еще здоровая; баба моя круто возитъ: побожусь. Какъ божиться-то теперь слѣдуетъ, по какому велишь?

— На божбу идутъ у насъ только два слова, на которыя самъ Спаситель указалъ. Стрѣлья да болячекъ въ бокъ мы никому не сулимъ, считаемъ это за великое прегрѣшеніе. А вотъ какъ подобаетъ молиться по нашему, этому—надо тебя научить.

Скрытницкій поклонъ оказался во всю спину, не сгибая ея, съ немедленнымъ паденіемъ прямо на колѣна, руки, при этомъ, складываются вмѣстѣ на животѣ. Такимъ глубокимъ троекратнымъ поклономъ чествуются всѣ, находящіеся въ избѣ, поочередно. При входѣ во всякій домъ, такіе поклоны совершаются, прежде всего, съ произнесеніемъ словъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». Въ большой уголъ, гдѣ стоятъ хозяйскія иконы, скрытникъ не молится, полагая мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ; равно не покупаютъ, не держатъ и не молятся тѣмъ образамъ, которые сдѣланы не скрытницкими руками, ни тѣмъ крестамъ, которые стоятъ при путяхъ, чтобы не быть въ общеніи съ православными, и въ этомъ случаѣ ссылаются на примѣръ св. Андрея Христа-ради юродиваго и указываютъ въ своихъ цвѣтничкахъ то мѣсто изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится, что въ царствованіе антихриста поставятся на мѣстѣ святѣ кумиры антихристовы. Поэтому, воздавъ чествованіе живому лику Божію въ человѣкѣ или, какъ они говорятъ «пройдя по собору», вынимаютъ изъ-за пазухи свой мѣдный образокъ, изготовленный въ Сопѣлкахъ и, поставивъ его гдѣ-нибудь на полочку, начинаютъ молиться спѣшно, скоро и всѣ вдругъ поклонами короткими, шейными, а не поясными, съ какими-то урывками и покачиваньями [1]. Садясь за столъ обѣдать, эти же иконки кладутъ на заблюдникъ черезъ столъ противъ себя, чтобы и въ этомъ отличаться отъ православныхъ.

— Молитва у насъ усердная и частая: молитовки мы творимъ и кланяемся своему Богу четырежды въ сутки; иные проходятъ по 60 лѣстовокъ въ день (т. е. шесть тысячъ поклоновъ). Постимся часто; проклятаго табаку не употребляемъ; вина не пьемъ, чаемъ и кофеемъ пренебрегаемъ. Вотъ тебѣ теперь этотъ постъ въ испытаніе на шесть недѣль; выдержишь его—больше ни о чемъ не думай: христолюбцы и благодѣтели

---

[1] У скрытниковъ, какъ извѣстно, имѣются свои иконные чеканщики и иконописцы.

все дадутъ. Работой никакой не обязываемъ, хоть вѣкъ скрывайся, сложа руки; все тебѣ принесутъ и приготовятъ: голова моя въ томъ тебѣ порукой!

Къ новоставленику назначенъ былъ невѣдомый и незримый для него опытный наблюдатель, который и остался при новикѣ и послѣ крещенія, въ качествѣ руководителя, такъ какъ искусъ крещеніемъ не кончается, а продолжается отъ 6-ти мѣсяцовъ до полутора года.

IX.

Новоприбылыхъ, послѣ шестинедѣльнаго поста, перекрестили. Алексѣю Иванычу, какъ начетчику, показали въ цвѣтникахъ тѣ мѣста, гдѣ святыми отцами указано разрѣшеніе перекрещивать раскольниковъ и простолюдинамъ. Горемыкѣ-парню и бабамъ велѣли снять съ себя домашные кресты на все шестинедѣльное время испытанія и бросить потомъ, по крещеніи, а въ замѣнъ ихъ выдали свои большіе четырехконечные изъ вересоваго (можжевелаго) дерева, и велѣли зашить, а не вѣшать. Савва крестовъ этихъ на досугѣ много нарѣзалъ.

— Крестъ этотъ (иногда въ жестяной или оловянной оправѣ)—духовный паспортъ, подписанный царемъ царей, прописанный въ полиціи полной, во градѣ вышнемъ Іерусалимѣ, скрѣпленный множествомъ рукъ св. отецъ.

Купали въ рѣкѣ, но уставныхъ и водосвятныхъ молитвъ не читали, а пѣли, заводя въ носъ по-старовѣрски, тропари и кондаки тѣмъ святымъ, которые находятся въ наибольшемъ у нихъ уваженіи. Эктеней не сказывали, постриженія и миропомазанія не чинили.

Алексѣй Иванычъ въ несвященой водѣ усумнился и, одѣвшись въ синій кафтанъ съ мѣдными въ два ряда пуговицами, шитый христолюбцами, посовѣтовалъ:

— Въ священой бы лучше, а то словно въ колодецъ спускали: могъ бы и самъ я такъ-то сдѣлать—чего это стоитъ? Не искупаться бы въ облаченіи духа нечистаго и темнаго!

— Порядокъ не указанъ. Не святимъ воды, чтобы тропаря «Спаси Господи» не пѣть, а пѣніемъ-то, все-таки, гнѣздящихся въ ней изженяемъ. За нонѣшняго батюшку Царя Бога молимъ.

Совопросникъ понялъ и удовлетворился.

Имена всѣмъ, однако, перемѣнили, но выбрали не съ подходящихъ буквъ прежнихъ именъ, а по святымъ, указаннымъ въ святцахъ на тотъ день, когда прилучилось крещеніе. Новокре-

щенымъ оправдали этотъ обычай желаніемъ духовно не соединяться и во всемъ расходиться съ обычаями, существующими и дѣйствующими въ мірѣ, и въ особенности у церковниковъ. Впрочемъ, новое имя—не особой цѣны и значенія. На вопросы: кто ты такой? одинъ отвѣтъ: христовъ рабъ, христовъ сынъ. Откуда?—отъ Христа. Куда?—ко Христу. Для женщинъ вышло указаніе на одежду чернаго цвѣта, какъ вполнѣ подходящую, и въ особенности на черные платки для головъ и на обыкновенные темныхъ цвѣтовъ старовѣрскіе сарафаны съ пуговками. Для мужчинъ выбритое на темени гуменцо стало также обязательнымъ въ прямомъ разсчетѣ, чтобы благодать вѣрнѣе проходила сквозь голову во всего человѣка.

Попробовалъ-было Алексѣй Иванычъ попечалиться на то, что при молитвахъ, вмѣсто деревяннаго масла, пускаютъ въ оборотъ топленое коровье (чадитъ и смраду много пускаетъ, что̀ въ тѣсной избѣ довольно противно)—отвѣчали:

— Изъ чужихъ некрещеныхъ земель то масло идетъ, да и къ тому же, чтобы и въ этомъ мірскимъ не уподобиться. Затѣмъ, и за восковыми свѣчами великое опасеніе имѣемъ, дабы не попались таковыя отъ церквей, почему и сучимъ сами.

Затосковалъ-было Алексѣй Иванычъ и о томъ, что запаху ладона не слышитъ, и курильницъ съ ручкой не видитъ, и иконъ ими не окуриваютъ, да и про ладонъ услышалъ тотъ же отвѣтъ. На очистку совѣсти поспорилъ немножко по привычкѣ, чтобы себя показать, но не настаивалъ.

— Въ день рожденія Превѣчнаго Младенца персидскіе князи приносили и злато, и ливанъ, и смирну изъ своей земли, значитъ, изъ невѣрной. Однако, даръ ихъ Богородицей Матерью Божьею принятъ, а не отвергнутъ. Не попирается ли вами исконь-вѣчное жертвоприношеніе?

И затѣмъ успокоился. Успокоился онъ больше потому, что уже до него не зря, но толково придумано и твердо исполняется.

Потекла его жизнь вмѣстѣ съ другими въ темной и смрадной избушкѣ, срубленной въ глухомъ лѣсу, на сухомъ островочкѣ, обложенномъ кругомъ топкими болотами, подъ соснами и елками, въ собесѣдованіяхъ и молитвахъ, съ опасливыми выходами на лѣтнее время, въ сосредоточенномъ уединеніи на осенную распутицу и бездорожицу. Сквозь глухую трещу, заваленную колодами, оплетенную и обвѣшанную мохомъ безъ проводника не пройти. По болотнымъ трясинамъ, оберегаясь отъ тѣхъ, гдѣ жижа заросла тонкимъ слоемъ, и попадая, мимо оконъ, на мшину и кочкарники, можетъ пролѣзать только твердая нога,

руководимая приглядѣвшимъ глазомъ. Иной разъ и вышелъ бы на полянку на чужой дымокъ поглядѣть и къ деревенскому принюхаться, а не осмѣливаешься именно потому, чтобы не засосало въ ржавыхъ зыбунахъ между окнами и не обошолъ бы востроголовый лѣшій въ тѣхъ колкахъ, гдѣ только въ небо дыра, и что̀ ни дерево—то всѣ какъ одинъ, и никакъ не распознаешь, гдѣ мѣту клалъ, гдѣ ее глазомъ вымѣрялъ и на память записалъ. Такія тропы, что̀ по водѣ нитку, тянутъ самые толковые, и мудрятъ на ней, и знаки кладутъ, кругомъ озираясь и на небо взглядывая, только немногіе опытные и всѣ вмѣстѣ: одинъ-два изъ обительскихъ, одинъ-два изъ живущихъ на міру христолюбцевъ. Сами наставники знаютъ это не хуже другихъ (для нихъ это важно); остальные всѣ хоть и не вглядывайся вовсе; живи себѣ, какъ и впрямь сказано: у Христа за пазушкой.

Христолюбцы за тѣмъ и на міру остались, чтобы помнить о пустынникахъ и не забывать дорогъ къ нимъ: они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, но за то насчетъ ѣды заходятъ до самыхъ большихъ слабостей. Мяснаго ни за что̀ ѣсть не станутъ; вина ни подъ какимъ соблазномъ не выпьютъ, но за то ужь если одну рыбу приводится ѣсть, то давай не треску съ палтасомъ, отъ которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ набивается оскомина, а давай-не давай семгу печорскую, либо жирную и вкусную рыбку пеледь, а того лучше, осетринки, севрюженки—икорки черненькой съ Волги отъ ярославскихъ и московскихъ благодѣтелей. За подаяніями этими ѣздятъ христолюбцы изъ-подъ Каргополя, доставляютъ таковые и сами благодѣтели изъ-подъ Ярославля. Раза три въ году одинъ какой-то пріѣзжаетъ взыскать онежскихъ деньгами и оставляетъ достаточныя суммы [1]. Разъ выѣзжаетъ отсюда самъ олонецкій наставникъ (или посылаетъ помощника Ив. Дмитріева) съ отчетами, за совѣтами, указаніями и наставленіями къ почтенному и опытному старцу, главному наставнику Никитѣ Семенычу, сколь глубоко по Порьмѣ и Онегѣ чтимому. Здѣсь нетолько не вѣрятъ, но и слышать не хотятъ о томъ, чтобы этотъ свѣтильникъ когда-нибудь огасалъ и дымилъ, т. е. измѣнялъ страннической вѣрѣ во время гоненій и заточенія: принималъ православіе и пріобщался въ церкви.

Когда оскудѣваютъ избытки, истощаются запасы и шаловливая рука иного слабаго христолюбца задержитъ часть приноси-

---

[1] Одна ярославская христолюбивая купчиха пожертвовала 12 тыс. руб. (въ 1866 г.), такъ что, въ то время, пришлось на каждаго скрытника по 40 рублей.

маго для пустынныхъ скитальцевъ и употребитъ продажные припасы и деньги въ свою пользу—другіе искренно преданные вѣрѣ христолюбцы изъ ближнихъ «жильцевъ» сбираютъ по сосѣднимъ деревнямъ мучки, маслица, яицъ и рыбку. Все это доставляютъ они отшельникамъ, бѣгая зимою на лыжахъ, балансируя лѣтомъ съ шестомъ въ рукахъ и ношей за плечами по болотнымъ кочкамъ, по тонкимъ жердочкамъ и колодинамъ. И здѣсь не все попадаетъ на братію: поданія перепадаютъ, на имя затворниковъ и страдальцевъ, въ большомъ количествѣ, возбуждая въ передатчикахъ соблазнъ и разжигая корысть: изъ остатковъ наживаются они въ такомъ размѣрѣ, что объ нихъ начинаютъ говорить, какъ о денежныхъ людяхъ, а кое-кто, не стѣсняясь, и открыто заводитъ торговлю хотя бы и той же архангельской рыбой, каргопольскимъ грибомъ, заячьими шкурами и бѣлкой. Кантонистъ изъ Куткиной деревни, Иванъ Ершовъ, бывшій прежде очень бѣднымъ, выстроилъ себѣ новый домъ и, занимаясь охраненіемъ живыхъ, обязался въ то же время похоронами умершихъ, вывозя ихъ на какую-то поляну. У Ѳедора Бѣлолапова домъ сгорѣлъ, а вскорѣ всталъ новый еще лучше: «Богъ-де намъ послалъ за то, что скрытыхъ призрѣваемъ и заповѣданія ихъ почитаемъ». Если же очень обездолятъ и обсчитаютъ скрытниковъ благодѣтели и ляжетъ кованая зимняя открытая дорога по болотнымъ кочкарникамъ, мимо наледей, прямо черезъ лѣсъ на деревни—пустынникамъ разрѣшается выходъ на жилыя мѣста. Здѣсь у христолюбцевъ найдется про нихъ укромное и бережоное мѣсто, какая-нибудь хоронушка въ подъизбицѣ. Въ деревнѣ Залѣсьѣ у брата ушедшаго въ скрытники Григорья Леппина всѣ знали подъ избой келью, окнами выходившую въ огородъ, гдѣ, въ широкой межѣ, между грядами, обросшей дерномъ, хоронились умершіе такъ скрытно, вровень съ землей, что и признать могильнаго мѣста никакъ невозможно. Сюда и на соборы собирались и пасхальную службу пѣвали, разставивъ кругомъ надежную стражу—махальныхъ.

За мірскими даяніями, при достаточномъ обезпеченіи одеждой и пищей, живется и въ лѣсу хорошо, и гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ жилыхъ мѣстахъ. Праздныхъ любопытныхъ къ себѣ не пускаютъ, а вынужденные уступить одному, всѣми уважаемому, привезли его съ завязанными глазами. Старосты, старшины и сотскіе, обязываемые преслѣдованіями, сплошь и рядомъ оказываются пристанодержателями. Содержатель обывательскихъ лошадей, перевозящихъ полицію, былъ на откупу и давалъ знать объ наѣздѣ всякихъ чиновниковъ; перевозчикъ черезъ Онегу купленъ. Явятся въ домъ христолюбца: видятъ лампадку, кни-

ги забытыя, и ладономъ пахнетъ какъ-будто—и свято то мѣсто, и горячъ самый слѣдъ. Ищи теперь въ полѣ вѣтеръ—сейчасъ тутъ были и скрылись, а въ прятки играть лучше ихъ никто не умѣетъ: вѣдь, тѣмъ только всю свою жизнь и занимаются. Въ лѣсъ, конечно, и не ходи лучше: въ лѣсу имъ рай. Но и въ лѣсахъ враги водятся, и первый изъ нихъ—скука. Для граматныхъ людей заносятся книги разнаго содержанія; для неграматныхъ предлагаются собесѣдованія съ начетчиками, слушаніе ихъ поученій хотя бы и для того только, чтобы повздыхать, памятуя суету мірскую и всякія житейскія невзгоды, ставшія теперь воспоминаніями. Ихъ въ лѣсной затулѣ пріятно теперь сообразить и собрать, или, чтобы на хорошій конецъ, и заснуть: вѣдь и сонъ, умѣючи и постаравшись, можно превратить въ простую и легкую привычку. И притомъ, мало бездѣльниковъ, которые бы ничего не дѣлали, когда всѣ работаютъ, и не стали бы подражать имъ—и хоть бы лапотки плесть для себя, крестики рѣзать, бураки гнуть изъ бересты на продажу, при содѣйствіи страннопріимцовъ-благодѣтелей.

Этому и самъ наставникъ Савва примѣръ показывалъ, не гнушаясь бабьимъ дѣломъ—вязаньемъ шерстяныхъ чулковъ, и при этомъ успѣлъ даже отличиться особеннымъ, поразительнымъ для скрытницъ, искуствомъ вязать ихъ разомъ, вмѣстѣ съ пяткой. Онъ и сапоги, и башмаки шилъ искусно, и, конечно, не на косую, а на прямую колодку (косая колодка—антихристово произведеніе не у однихъ скрытниковъ, но и у всѣхъ старовѣровъ). Чулки и носки, по легкости работы и по привычкѣ, вязались скоро; кожаные сапоги, при казарменной подготовкѣ и практикѣ, шились крѣпко: первые на досугѣ, вторые по заказу; и, при помощи христолюбцовъ, продавались въ тѣхъ мѣстахъ, по недостатку рукъ и мастеровъ, очень выгодно. Вырученныя деньги безразлично поступали на всю артель скрывшихся, умудряя прочихъ примѣромъ и поспѣвая выручкой, какъ разъ въ то время, когда изсякали запасы и приближалось время ворчливаго ропота недовольныхъ и неудержимаго шатанья ихъ изъ деревни въ деревню, темными ночами, околычками и закоулочками, промежъ домовъ христолюбивыхъ міротворцевъ.

Опытная рука сдерживала отшельниковъ въ кучѣ отъ соблазновъ и прелестей міра всякими способами, когда отвалилъ уже сонъ и не беретъ больше, а время ѣды еще не сблизилось, и не слышится жалобъ, что «скетъ на животѣ» у братіи. Сколь ни душеполезно пересчитываніе узелковъ и ремешковъ на лѣстовицахъ ради молитвы, сколь ни умилительны житія святыхъ отшельниковъ и разнаго рода поученія, сколь ни любопытны

Кириллъ Іерусалимскій, Ипполитъ—папа римскій, Ефремъ Сиринъ, Максимъ Грекъ, сколь ни необходимы для скрывшихся отъ міра «Альфа и Омега» и «Цвѣтникъ» Евфимія, однако, однимъ вызывающимъ на думы и размышленія не продовольствуешься. Пѣніе псалмовъ и стиховъ въ такихъ случаяхъ много помогаетъ (свѣтскія или мірскія пѣсни строго воспрещаются). Все это еще обоими свѣтильниками предусмотрѣно и Евфиміемъ, и Никитою. Евфимій обогатилъ братію назидательнымъ чтеніемъ и оставилъ и допустилъ, воспользовавшись готовымъ, но по самомъ тщательномъ и строгомъ выборѣ, тѣ старинные стихи, которыми руководятся всѣ истые старовѣры, и особенно стихи, прославляющіе пустынное житіе и бѣгство отъ прелестей міра: «Стихъ душевнаго умиленія», «Стихъ Іосафа Царевича въ пустыню идуща» (Боже Отче всемогуще, «Боже Сыне присносуще» и проч.); «О прекрасная пустыня, пріими мя во свою частыню»; «Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче, како жизнь проходитъ, а смерть не далече»; стихъ объ Антихристѣ («По грѣхамъ нашимъ на нашу страну напусти Господь такову бѣду»); о второмъ пришествіи («Господь грядетъ въ полунощи, женихъ идетъ со славою»); стихъ о Господнихъ страстѣхъ и т. д. Никита Семеновъ въ особенности по этой части постарался, будучи одаренъ несомнѣнно поэтическою натурою, при большомъ умѣ и поразительной начитанности. Къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ не съумѣлъ совладать съ формой стиха и выучиться выражать свои мысли въ художественныхъ образахъ, хотя и достигъ того, что и въ намекахъ и въ недомолвкахъ, стѣсненный стихотворнымъ размѣромъ мыслей, умѣлъ выразить то, что чувствовалось его послѣдователями и договаривалось понимающими основной смыслъ. Тѣмъ не менѣе, изъ восьми завѣщанныхъ имъ своего издѣлія стиховъ два стали любимыми и народными и чествуются наравнѣ съ молитвенными псалмами. Только въ нихъ однихъ ему удалось отчасти попасть въ размѣръ, но зато оба стиха эти записаны даже въ «Началѣ, како подобаетъ поклоны класти на всякой день отъ сна возставши и на сонъ грядущи и на всякое благое дѣло». Послѣ обычныхъ молитвъ (Боже милостивъ, Достойно есть, и проч.), послѣ шести малыхъ и двухъ великихъ поклоновъ, указано пѣть эти оба стиха непремѣнно [1].

---

[1] Въ виду такой вѣрности (въ 9 имѣющихся у насъ сборникахъ эти стихи повторяются въ каждомъ), мы приводимъ ихъ, какъ откровенную исповѣдь строгихъ отшельниковъ, дословно, имѣя возможность, изъ многихъ копій, выбрать самые точные варіанты. Остальные стихи Никиты Семенова носятъ слѣдующія названія: Поэма стихами во утѣшеніе скорбныхъ постиженій; поэма страдавшаго и освобожденнаго судьбою всевышняго промысла; стихъ о пу-

I.

Среди самыхъ юныхъ лѣтъ
Вяну аки нѣжный цвѣтъ
Господи помилуй! [1]
Отъ младенческихъ пеленъ
Былъ я Богомъ просвѣщенъ.
Ты разбойникамъ прощаешь,
Рай блудницамъ отверзаешь,
Но твоя ко мнѣ любовь
Пролила за мя и кровь.
Съ вѣрой днесь къ тебѣ взываю
И любовію пылаю.
Мы отъ міра удалились,
Жизни скорбной посвятились:
И отъ самыхъ юныхъ лѣтъ
Ищемъ твой благій совѣтъ.
Наше ты услышь моленье,
Помози намъ жить въ терпѣньи:
Чтобъ самимъ себя спасти
Дай намъ силы крестъ нести.
Мы, оставя всѣхъ родныхъ,
Заключась въ стѣнахъ святыхъ,
Зри невинности сердецъ,
Покровитель нашъ отецъ!
Здѣсь утѣхъ намъ больше нѣтъ:
Одинъ гробъ намъ во предметъ.
Мы проводимъ дни въ слезахъ,
Намъ будетъ радость въ небесахъ.
Сиры мы всѣ и убоги,
Но твои щедроты многи.
Ниспошли намъ благодать,
Чтобъ безропотно страдать.
Боже, жизнь нашу устрой,
Отъ пути злаго укрой!
Подай намъ благій конецъ
Получить златый вѣнецъ,
Въ безконечныхъ временахъ
Намъ и радость въ небесахъ.

II.

Что за чудная превратность
Я премѣну зрю въ глазахъ!
Прощай міра вся пріятность:
Не хощу я зрѣть на васъ!

стынножителяхъ; про младыя лѣта; о потопѣ праведнаго Ноя; о послѣднемъ времени; стихи узника-невольника; о умоленіи матерью своего чада. Напѣвъ подчиненъ 8-ми гласамъ октоиха въ порядкѣ нашего перечисленія.

[1] Этотъ припѣвъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, повторяется.

Утѣхъ вашихъ удаляюсь,
Во пустыни хощу жить;
Моимъ духомъ восхищаюсь
Хощу вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и славы;
Зрю я въ темныя лѣса;
Поминутно, вмѣсто сласти,
Умъ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсенъ
Меня птички веселятъ,
Міра суетнаго славу
Забывати мнѣ велятъ.
Гдѣ кукушка воскукуетъ
На пустынныхъ древесахъ,
Она духъ мой возбуждаетъ
Помнить Бога въ небесахъ.
По пустыни текутъ рѣки
Повелѣніемъ Творца,
По предѣлу ихъ, на-вѣки
До всего міра конца.
И журчаньемъ водъ текущихъ
Утѣшаюсь я всегда,
Мірскихъ прелестей влекущихъ,
Чтобъ не помнить никогда.
Поля злачны и долины
Здѣсь блистаютъ красотой,
Всѣ пріятны мнѣ и милы,
Но считаю все мечтой.
Міръ мнѣ суетный не зрится,
Нѣсть и прелести въ глазахъ,
Но лишь духъ мой веселится
Умъ летаетъ въ небесахъ.
Хотя часто онъ меня тревожитъ,
Но считаю все мечтой,
И о томъ мнѣ Богъ поможетъ,
Что всегда онъ есть со мной,
Что я міру поругался,
Но и прелесть всю попралъ,
И подъ власть Отцу отдался,
Жизнь небесную избралъ.
И блаженъ теперь наричусь (sic),
Что мой духъ достигъ покой:
Повсечасто утѣшаюсь,
Я при радости такой.
Хвали сердце мое въ вышнихъ,
Хвали Бога въ небесахъ,
Воспой пѣснь ему приличну,
Самъ ходяй по древесахъ!
Воспой гласомъ, воспой духомъ,
Воспой милость всю его!
Ударь въ гусли тонкимъ звукомъ
Прославь Бога своего,

Что извелъ тя изъ напасти
И житейскія мечты,
Удалилъ тя есть отъ страсти
И мірскія суеты.
И привелъ тя во ограду,
Гдѣ пасетъ своихъ овецъ.
Съ ними дай же мнѣ отраду
Ты прещедрый нашъ отецъ!
За сія его щедроты
Прославляй, душе моя,
Что у Бога милость многа,
Невозможно изрещи.
Онъ и гнѣвъ свой утоляетъ,
И лишаетъ вредныхъ мѣстъ,
И грѣхи онъ всѣ прощаетъ,
И возводитъ выше звѣздъ.

Одни поютъ, другіе прислушиваются, запоминаютъ, чтобы и самимъ потомъ приставать было можно. И хотя всѣми усвоена привычка охать и ахать съ глубокими вздохами во время бесѣдъ, молитвъ и объясненій (при чемъ никто не позволитъ себѣ улыбнуться), тѣмъ не менѣе, при пѣніи псалмовъ и пѣсенъ вздохи и оханье чаще и глубже. Поется все больше подходящее къ жизни и умилительное для души, и чувствительное для сердца.

Одинъ стихъ поетъ:

«Кто бы мнѣ построилъ предивную безмолвную пустыню? Кто бы мнѣ ее поставилъ не на жительномъ тихомъ мѣстѣ, чтобы мнѣ не видѣть прелестнаго сего міра, чтобы мнѣ не слышать человѣческаго гласа, дабы мнѣ не зрѣти суету—прелесть міра сего».

И вотъ передъ глазами эта пустынная келья съ сѣнцами, крытая на одинъ скатъ, съ двумя шестистекольчатыми окнами, которыя кажутъ и пустыню, и освѣщаютъ тихое безмятежное житіе. «Одинъ въ пустыни бѣгаю, во дни—въ нощи работаю. Дивенъ въ ней прекрасенъ садъ: древа, цвѣты кудрявые и листвіе зеленое. О, прекрасная пустыня, отъ всѣхъ суетныхъ изми мя!»

И другая пѣсня, между прочимъ, научаетъ:

«Бѣжи изъ града во пустыню, въ любезну всѣмъ святымъ пустыню! Святые грады оставляли—въ пустынѣ лучше жить желали; чертоги царски презирали, все богатство повергали; охотно въ дебри уходили, и въ мѣстахъ непроходимыхъ жили; въ слезахъ и плачѣ жизнь кончали, за то небесный рай пріяли».

А Никита Семенычъ велитъ пѣть еще проще и прямо въ мысль попадаетъ, говоря про юность, «когда борютъ многи страсти: плоть-та моя хощетъ больше согрѣшати, а душа желаетъ

царство получити. Юность, моя юность—молодое время, быстро ты стрекаешь, грѣхи собираешь! Очи много видятъ, уши много слышатъ; руки много грабятъ, ноги много ходятъ: гдѣ бы и не надо—вездѣ поспѣшаютъ, на все понуждаютъ. Сижу на тебѣ, юность, какъ на борзомъ конѣ и той не обузданъ, по горамъ и холмамъ прямо конь стрекаетъ, меня разбиваетъ, умъ мой погубляетъ; внѣ ума бываю, творю что не знаю. Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити; въ рукахъ возжей нѣту. Какъ я тебѣ буду, младой, угождати: тебѣ угожденье душѣ на погибель, въ томъ бы не постигла смертная кончина. Юность моя, юность—безбожное время! Къ Богу ты лѣнива, ко грѣху радлива: Вижу я погибель, страхомъ весь объятый. Когда конь смирится и мнѣ покорится? Возьму въ руки возжи, буду направляти по пути смиренья и души спасенья. Боже ты мой, Боже, творецъ мой небесный! Сошелъ еси съ неба грѣшныя спасти! Пріими мя, Боже, заблужденнаго сына, отъ наемникъ худша, всякой твари гнуше! Во твоемъ эдемѣ, въ послѣднемъ мѣстѣ, на тебя взирая, радость получаю».

И, затѣмъ—опять новые десятки пѣсенъ, указывающія на прелесть пустыни и на душевную пользу пустыннаго житія, съ такими стихами, что вызываютъ и слезы, и вздохи. Послушать ихъ не прочь придти посторонніе: охотливы филиповцы, а особенно православные. Вотъ почему нельзя отказать стихамъ этимъ въ большей силѣ вліянія ихъ на новопосвящаемыхъ. Со стиховъ собственно и начинается подыгрываніе и смущеніе новиковъ намѣченныхъ въ секту скрытныхъ, которыхъ (поетъ одна ихъ же пѣсня) «молитвы и слезы теплыя Богъ послушаетъ и подастъ для ихъ прощеніе грѣхамъ». Пѣсни же бываютъ разныя: есть и для старцевъ, и на молодыхъ дѣвицъ разсчитанъ стишокъ, обѣщающій имъ, въ видѣ пустыни, «рай пресвѣтлый на востокѣ, вѣчной радости страну», что «незамѣченнымъ въ порокѣ дѣвамъ будетъ отдана:»

Лучше царскихъ тамъ палаты,
Вертограды и сады.
Терема, чертоги златы
Въ садахъ дивные плоды.
Поля устланы цвѣтами
Росы запахъ издаютъ,
Рощи съ чудными древами,
Всегда ангелы поютъ.
Плавно катятся тамъ рѣки,
Чище слезъ воды струя.
Ты вселишься тамъ на-вѣки
Дочь любимая моя!

говоритъ, завидуя, мать дочери при прощаньи съ нею, уходящею изъ міра въ безмолвную пустыню, гдѣ, какъ увѣряетъ Никита Семеновъ въ другой пѣснѣ, «кто не живалъ, тотъ и нужды не видалъ».

Стихамъ этимъ указано мѣсто и при разныхъ праздникахъ и обрядахъ. При увѣщаніяхъ поютъ стихи «О лѣнивомъ» и «Человѣкъ на землѣ»; въ великомъ постѣ «Со страхомъ мы, братіе» (о страстяхъ господнихъ); на Христовъ день «Се нынѣ радость духовная»; на 21-е декабря стихъ Іосафа Царевича (на день его памяти) и т. д.

На стариковъ и старицъ разсчитаны стихи посильнѣе, съ мрачнымъ оттѣнкомъ; они и припугиваютъ, и подаютъ утѣшеніе: если не бѣжишь отъ суетныя чести міра сего—«престрашный гласъ Господь къ тебѣ речетъ, во адскую дебрь жить вѣчно тя пошлетъ; тамъ мурины престрашны вси живутъ, и муки грознымъ шумомъ вси ревутъ. Въ тѣхъ мукахъ ты не можеши истлѣть, но вѣчно будешь въ пламени горѣть; великимъ воплемъ будеши вопить, чтобъ пламени геенскаго избыть; отъ горести власы начнешь терзать, и часъ рожденья будешь проклинать. Хошь вѣчно скорбь тамъ будеши имѣть, уже Христа во вѣки не узрѣть, но токмо будешь ты въ смолѣ кипѣть и въ пламени геенскомъ тамъ горѣть. Увы, коль люто будешь тамъ страдать, но мукамъ тѣмъ отрады не видать» [1].

«Человѣкъ нѣкій пріиде во врачебницу (читаютъ скрытники-старцы въ одномъ изъ великаго множества цвѣтниковъ, которыми они преимущественно передъ всѣми заручаются) и вопрошаше врача: есть ли таковое быліе, врачующее грѣхи? Врачъ же отвѣщавъ: есть. Пріидѣ и возьми корены послушанія и листвія терпѣнія, цвѣтъ чистоты, плодъ добрыхъ дѣлъ; изотри въ котлѣ безмолвія, просѣй въ рѣшетѣ разсужденія, всыпли

---

[1] Вообще слѣдуетъ замѣтить, что скрытницкая литература въ этомъ отношеніи довольно разнообразна, какъ и въ другихъ сектахъ, представляющихъ отклоненіе и отрасль отъ какой-либо основной (какъ малаканство отъ духоборства, скакуны отъ малаканъ и проч.), и между скрытниками съ филиповцами проявилась полемика. Насмѣшки другъ надъ другомъ и злобныя обличенія вызвали и сатирическіе стихи, и полемическую прозу. Мы имѣемъ въ рукахъ и тѣ, и другіе, и, между прочими, очень длинныя, безтолковыя и скучныя вирши, своеобразно озаглавленныя: «На брачныхъ странниковъ четырехстрочная поэма». Вызвана она расколомъ, занесеннымъ къ каргопольскимъ странникамъ изъ Сопѣлокъ при содѣйствіи двухъ наставниковъ (Касаткина и Мирона), старавшихся установить обрядъ брака и, конечно, въ томъ не успѣвшихъ. Гдѣ тутъ затѣвать браки (какъ наивно, но совершенно справедливо говорятъ вирши), «когда не кому сводить, когда въ бѣгствѣ надо жить, такъ что негдѣ ночевать и дѣлать браки безъ домовъ».

*

въ гарнецъ смиренія, прилей воды и слезъ молитвенныхъ; подпали огнемъ божественныя любви, покрый крышкою милостыни и, егда огонь учредится, простуди и посоли братолюбіемъ и вкушай лжицею покаянія, и тако сотвориши—будеши совершенно здравъ». А велики грѣхи у скрытницкихъ старцевъ, и самой большой изо всѣхъ—баба: ради ея многіе старцы уходятъ въ пустыню и подбираются изъ нихъ тѣ именно, у которыхъ не угомонились страсти и хочется погулять на послѣднее. Скрытницкая вѣра никогда не полагала завѣта цѣломудрія, и столь прославленный «свальный грѣхъ» въ ихъ-то средѣ и получилъ самое широкое и беззавѣтное примѣненіе. Въ строгомъ смыслѣ, тѣсно соединившихся паръ нѣтъ; женидьба у нихъ положительно возбраняется: предложеніе брачной жизни при согласіи двухъ лицъ, обязавшихся взаимною вѣрностію, въ качествѣ новаго догмата, не имѣло никакого успѣха и даже встрѣчено злою насмѣшкою, породившею длинные стихи цѣлой поэмы. Подтруниваетъ стихотворецъ, повѣствуетъ и другой авторъ-прозаикъ все одно и то же, на одинаковую тэму.

Одинъ, между прочимъ, пишетъ: «сколь прельщаются тѣ люди—учатъ дѣвства не хранить; заставляютъ здравыхъ тѣломъ во вся слабости концы, погубляютъ самымъ дѣломъ дѣвства славу и вѣнцы», и проч. Другой свидѣтельствуетъ: «новые ученики Никиты Семенова возносятъ себя паче всѣхъ человѣковъ, а сами толкуютъ писаніе на свой разумъ, какъ имъ любо, только бы жить богато, да были бы дѣвки при себѣ», и еще: «отъ его же непреподобнаго ученія и прочіе согласія люди навыкоша при себѣ водить дѣвокъ и бабъ, и что̀ съ ними дѣлаютъ—про то сами они знаютъ». Знаемъ мы, что самъ Никита Семеновъ былъ судимъ судомъ странническимъ за блудъ; другой наставникъ говорилъ: «гораздо меньше грѣха въ блудѣ и незаконномъ прижитіи дѣтей съ принадлежащими къ сектѣ, чѣмъ въ бракѣ, вѣнчанномъ въ церкви». Съ третьимъ наставникомъ случилась такая бѣда, что онъ изувѣчилъ, изъ ревности, жившую съ нимъ наложницею замужнюю женщину, а эта на него пожаловалась; одна странница поймана съ незаконнорожденнымъ ребенкомъ, да всего и не перечтешь.

На міру (гдѣ, вообще, скрытниковъ ненавидятъ, хотя и не преслѣдуютъ, готовы поспорить и подраться, но ни за что̀ не укажутъ на притоны ненавистныхъ людей) толкуютъ, что подпольные родители, по бродячей жизни, на бѣгломъ положеніи, дѣтей считаютъ тягостью, что, когда отца не сыщешь и вся обуза ложится на мать—въ ходу вытравленіе плода казачьимъ можжевельникомъ (juniperus sabina), янтаремъ и шафраномъ.

Толкуютъ, что родившихся дѣтей убиваютъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, дѣти эти поступаютъ на воспитаніе къ христолюбцамъ, которые и усыновляютъ ребятъ, говоря любопытнымъ, что получили ребенка отъ проходившей въ Соловки богомолки, которая шла съ этой крикливой ношей, притомилась и заболѣла; говоритъ: «Мнѣ дѣвать теперь нѐкуда, возьми дитя, Христа ради!»

Вообще, случаи рожденія дѣтей въ скрытничествѣ очень рѣдки. Къ тому же, подбираются все больше старички изъ охотниковъ, въ родѣ Алексѣя Иваныча Друганина. Идетъ дѣло больше на развлеченіе отъ скуки въ замкнутомъ одиночествѣ, когда бо̀льшую часть времени приводится тратить на шатанье отъ одного христолюбца къ другому, да на споры съ филиповцами. И пища не Богъ знаетъ какая: ни мяса, ни водки не полагается, и посты очень строгіе, бываетъ даже и такъ, что по нѣскольку дней не ѣдятъ. Кто видалъ скрытниковъ-подпольниковъ, тому не забыть этихъ мрачнаго вида людей, съ блѣдными, изможденными лицами, съ синевой подъ глазами, обезкровленныхъ и съ отвычкой отъ чужихъ людей и дневнаго свѣта. Здѣсь тунеядство, конечно—главное дѣло, и отсутствіе всякаго труда, врачующаго и оживляющаго, стоитъ на первомъ планѣ, сколько бы при этомъ ни ѣлось и ни пилось. Сиди и выдумывай, ка̀къ убить время, если не пособитъ заботливый наставникъ, если не подвернется удачливый и веселый случай.

Вотъ сходилъ наставникъ изъ лѣсной кельи на міръ; надѣвалъ для того хорошую енотовую шубу, чтобы походить на купца и не зацѣпиться полой за полицейскіе крючки; ждали его долго, прислушиваясь и высматривая. Пришелъ онъ свѣтелъ и радостенъ: еще завязилъ въ раскинутыхъ тенетахъ неосторожную овцу на прибыль стада. И еще сходилъ — и опять привелъ.

Явился крестьянинъ Ѳедоръ Рыковъ, судившійся (въ 1871 году) за растрату чужой собственности и приговоренный въ тюрьму на 4 мѣсяца и бросившій на міру жену съ малолѣтними дѣтьми. Притащился крестьянинъ Савва Богдановъ, осужденный судебной палатой въ арестантскія роты на два года и 8 мѣсяцевъ; вскорѣ за нимъ (въ 1872 году) прибрела и жена его, Катерина, съ двумя дѣтьми: мальчикомъ 11-ти лѣтъ и дѣвочкой 12-ти.

Всѣмъ, обычнымъ дѣломъ, положено испытаніе подъ руководствомъ наставниковъ и всѣмъ, послѣ строгаго поста, посвященіе въ стадо вѣрныхъ, на радость и развлеченіе скучающихъ отшельниковъ. Долго ждали—и дождались: усѣлись всѣ въ большой избѣ съ голыми стѣнами и новоставленныхъ призвали. На-

ставникъ уже и книги на столъ выложилъ, и свою икону поставилъ, помолился ей и «прошелъ по собору», т. е. всѣмъ поклонился по три раза въ землю и, какъ былъ въ дублёномъ полушубкѣ, сѣлъ передъ столомъ.

Прибылой, по обычной молитвѣ Іисусовой, долженъ говорить по заученому (кто не приладился, тому даютъ отсрочку), обращаясь къ лицу наставника:

— Рабе Божій, благослови мя начало положити, во избѣжаніе нечестія и во отреченіе отъ всякія ереси обрѣтающихся въ законѣ зловѣрія никоніанскаго и въ прочихъ раздорахъ, отвергшихся православнаго вѣроисповѣданія.

— Богъ благословитъ тя къ сему доброму начинанію! отвѣчалъ наставникъ по обычномъ поклонѣ новика до земли. Поклоны во всю спину, съ паденіемъ прямо на колѣни, слѣдовали затѣмъ всякому «лицу вѣрныхъ», и опять молитва Іисусова, и опять, по «аминѣ», рѣчь къ предсѣдателю:

— Рабе Божій! благослови мя начало положить во еже пригласитися истинно ко единой святой соборной и апостольской церкви, и состоятися въ чину оглашенныхъ христіанъ, готовящихся къ воспріятію святаго крещенія.

И опять поклонъ наставнику и по три каждому изъ собора, и опять, когда въ третій разъ прошелъ по собору, послѣднее слово:

— Рабе Божій! благослови мя на предлежащій оглашеннымъ подвигъ молитвы и поста.

— Богъ тя благословитъ на сіи душеполезная труды! [1].

Труды состоять будутъ въ томъ, чтобы пять дней въ недѣлю ѣсть хлѣбъ съ водою, а въ субботу и воскресенье — варево, но безъ масла. Послѣ того уже—и крещеніе, и нареченіе новымъ именемъ, и опять праздничная радость и веселое развлеченіе.

Разъ наставникъ опять уходилъ изъ лѣсу въ жилья къ благодѣтелямъ, и опять въ енотовой шубѣ; опять ждали долго, а онъ на этотъ разъ уже не вернулся: пошли слухи, что попался и пойманъ. Вздрогнули всѣ и крѣпко перепугались: шло время гоненій, а Никаноръ успѣлъ ужь властямъ насолить, когда, будучи въ первый разъ пойманъ и приведенъ къ увѣщенію, жестоко всѣмъ нагрубилъ, а когда перевозили въ Петрозаводскъ (изъ Каргополя), на дорогѣ сбѣжалъ. И вотъ опять, во второй разъ, пойманъ въ троицкомъ приходѣ и посаженъ въ волостномъ правленіи.

---

[1] Или: «Богъ тя благословитъ присоединитися къ лику оглашенныхъ имущаго произволеніе», свидѣтельствуетъ записка, имѣющаяся у насъ въ рукахъ и записанная со словъ вышедшаго на міръ скрытника.

— Скоро повезутъ въ становую квартиру въ кандалахъ, сообщалъ отшельникамъ первый забредшій къ нимъ отшельникъ съ непріятнымъ извѣстіемъ и предостереженіемъ.

— Да, вѣдь, не смутятъ его, не поддастся, гдѣ не возьметъ силой—съумѣетъ и православнымъ прикинуться: вѣдь, вонъ надули же Горевскіе миссіонера олонецкаго. Такъ умѣетъ притвориться, что и не признаютъ того, увѣренно думали за любимаго наставника своего Никанора.

— Повезли его изъ волости въ становую квартиру, разсказывалъ вскорѣ другой пришедшій въ скитокъ благодѣтель:—прискакалъ къ намъ оттуда гонецъ, сказываетъ, что пять-де конвойныхъ дали—сила, что̀ сдѣлаешь? Однако, подумали. Оба Горевскихъ: и Андрей, и Тимоѳей, одиннадцать человѣкъ подговорили, засѣли въ устрѣту солдатамъ на дорогѣ, стали ждать. Ѣдутъ. Лошадь палками по ногамъ. Тѣми же палками конвой стали бить. Самъ-отъ схватился за березку, закричалъ: «спасайте, православные». Одинъ, однако, такъ его разъ вдоль спины угораздилъ, что безъ всякихъ чувствъ въ лѣсъ-отъ утащили. Отбили. Да, вотъ, постойте, вскорѣ придетъ и самъ, все разскажетъ лучше меня.

Вотъ и самъ онъ—глава и воротило дѣлъ, которыя безъ него никто рѣшать и предпринимать не смѣетъ (сильнѣе его только Никита Семенычъ)—со внушительнымъ располагающимъ видомъ и симпатичнымъ взглядомъ, съ знакомою всѣмъ обычною книжною рѣчью, уснащенною изреченіями изъ писаній, какъ у всѣхъ, для кого эти упражненія часты и составляютъ на бездѣльи затворничества, вмѣстѣ съ перепискою и составленіемъ цвѣтничковъ, любимое и обыкновенное занятіе. Та же привычка ко вздохамъ и ахамъ, и то же строгое лицо, разучившееся освѣщаться и оживляться улыбкой: онъ самъ, здѣшній главный наставникъ Никаноръ Поповъ, чудесно спасенный во второй разъ и уцѣлѣвшій въ сотый разъ отъ гибели и заточенія [1]. Онъ также стоекъ и неизмѣненъ и въ тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя проповѣдуетъ всѣмъ и всегда: онъ также на вопросъ одного изъ своихъ, пожалѣвшаго этапныхъ солдатъ разбитаго конвоя, обреченнаго теперь на строгій отвѣтъ и тяжкое наказаніе, хладнокровно отвѣтилъ:

---

[1] Собственно «наставникъ», въ строгомъ смыслѣ—одинъ Никита Семенычъ, живущій въ пошехонскихъ лѣсахъ. Этотъ и соборы собираетъ, и на нихъ рѣшаетъ, кому и куда идти проповѣдывать изъ числа его помощниковъ. Въ числѣ послѣднихъ для каргопольскихъ скрытниковъ Никитою назначенъ Никаноръ. Однако, Никаноръ самъ пересталъ ѣздить въ Сопѣлки, а посылаетъ за себя, въ свою очередь, помощника своего Ивана Дмитрича.

— Не жаль еретиковъ. Погибель ихъ не вмѣняется во грѣхъ, засчитывается въ оправданіе и души спасеніе.

И припомнилъ и разсказалъ при этомъ случай, когда въ другомъ мѣстѣ отъ учениковъ его зависѣло оправданіе невинно-обвиненнаго въ ссылку и для того требовалось только разсказать о томъ, какъ было дѣло по сущей правдѣ:

— За то, что Зеленцовъ былъ еретикъ (православный), изъ свидѣтелей дѣла на судъ никто не пошелъ и оправлять его наши христолюбцы не захотѣли: еретикъ!

При Никанорѣ прибылъ и любимый ученикъ его и помощникъ, уроженецъ деревни Хотенева, Иванъ Дмитріевичъ, котораго онъ посылывалъ за себя и въ Сопѣлки къ Никитѣ Семенычу. Дмитричъ—человѣкъ съ остриженной маковкой, чернобородый, съ просѣдью и съ блѣднымъ лицомъ, тоже начетчикъ, со своимъ цвѣтничкомъ, но говорить не мастеръ, на отвѣты не находчивый и очень сердитый. Любилъ его Никаноръ за искуство подговоровъ въ пустыню и за сердитыя, непримиримыя рѣчи о томъ, что «священство—волцы, хищники и наемники, какъ при чувственномъ антихристѣ быть обѣщано писаньми», что «православная церковь—овощное хранилище, а единовѣрческая—ловушка», что не надо причастія, «ибо нѣсть приношенія въ нынѣшнія послѣднія времена», что трехперстная щепоть—печать антихристова. И на доказательства тому былъ смѣлъ и неразборчивъ, занося въ цвѣтнички все въ перетолкованномъ и искаженномъ видѣ. Выходя походомъ на православныхъ, онъ умѣлъ имъ ловко указывать на примѣръ мѣстно-чтимыхъ святыхъ, которые также искали себѣ спасенія въ тѣхъ же олонецкихъ и каргопольскихъ лѣсахъ: одинъ, Александръ—на Свири, другой Александръ—на Ошвѣ. И житія Александровъ, свирскаго и ошвенскаго, носилъ при себѣ и прочитывалъ по требованію. Купца съ семействомъ изъ города Мезени залучилъ: таковъ ловецъ въ человѣкахъ.

При Никанорѣ же и другой его ученикъ изъ деревни Филатовой, Дмитрій Кузьминъ Бѣляевъ, хотя и неграматный, но сильный врагъ православія, задорный, крикливый и драчливый въ спорахъ, «строптивый на разговорахъ, хоть и не отъ писанія, но чтобы было по немъ». Этотъ полезенъ и дорогъ былъ Никанору-наставнику тѣмъ, что увлекъ въ скрытничество всѣхъ своихъ дѣтей и брата Никиту съ женой и, шатаясь на міру, усердно и удачно проповѣдуетъ. Въ проповѣдяхъ у него любимое и наговоренное мѣсто о томъ, что не надо творить милостыни нищимъ, живущимъ въ міру, а подавать ее только скрытникамъ, яко стаду Христову. Умѣлъ онъ также внушить, что

кто уйдетъ въ ихъ стадо, то изъ семейства такого человѣка, впредъ до 9-ти родовъ, получатъ отъ Христа спасеніе.

— Доказать (говоритъ) отъ писанія не могу, а душею то чую и вѣрно знаю, что покойная мать моя уже спаслась за то, что была съ нами.

Не одобрялъ Никаноръ въ Бѣляевѣ лишь то, что, гдѣ бы онъ въ бесѣду ни вступилъ и ни замѣшался, вездѣ умѣлъ разговоръ, тихо начатый, повернуть на споръ и ссору: и начнутъ плевать другъ другу въ лица, и обѣщаться взаимно щипать бороды и царапать глаза.

Вотъ почему ближе и дороже былъ для Никанора смирный Владиміръ, изъ бѣглыхъ солдатиковъ, обладавшій большимъ умѣньемъ выгодно распродавать имущества обращенныхъ и далеко припрятывать и хорошо хоронить на черный день и тѣ деньги, которыя отъ того были выручены, и тѣ, которыя давно лежали у обращенныхъ въ запасахъ и хоронушкахъ. Когда этотъ Владиміръ состоялъ приставникомъ и руководителемъ при Друганинѣ для искуса и согласилъ старика отдать капиталъ, нажитый имъ тяжелымъ трудомъ, при участіи пріемыша, Владиміръ этотъ капиталъ прибралъ и припряталъ, а самъ бѣжалъ отъ Друганина. Когда же старикъ разочаровался въ ученіи скрытниковъ и пожелалъ выйти на міръ, пріемышъ его обратно принять въ домъ не соглашался иначе, какъ подъ условіемъ возврата вмѣстѣ нажитыхъ денегъ, но буквально брошенныхъ на лѣсъ, и семидесятилѣтній Алексѣй Ивановичъ, напуганный, сверхъ того, возможностью преслѣдованій со стороны правительства за скрытничество, принужденъ былъ противъ воли совсѣмъ остаться въ странникахъ.

X.

Оставшись на лѣсу противъ воли, загрустилъ Алексѣй Ивановичъ о томъ, что жить теперь не при чемъ стало, когда подобрались сомнѣнія и разочарованія. Когда сталъ меньше слушать, больше самъ думать—не то выходитъ, и какъ бы даже скверное и очень лживое. Когда наставникъ увѣрялъ, что живемъ-де, какъ и впрямъ, со Христомъ апостолы, первая истинная соборная церковь—казалось какъ будто и такъ: и имѣніе роздали, и себя отверглись, и въ горы забѣжали, живемъ съобща, и тому подобное; задумается обо всемъ этомъ и станетъ какъ будто совсѣмъ похоже: и духъ окрилится, и себя упрекнешь—какъ-де это раньше не надумано и тебѣ не указано. И съ гор-

достью на покинутый міръ глядишь: во тмѣ, молъ, ходитъ, антихристову волю творитъ и насъ, вѣрныхъ, гонитъ и мучитъ такъ точно, какъ сказано на послѣдніе дни міра. И возгнушаешься, и возмнишь.

А тутъ вотъ поглядишь: и хотеневскій Иванъ Дмитріевъ таскается съ книгой «Альфой и Омегой», тычетъ въ страницы пальцемъ, а на тѣ мѣста, которыя надо, не всегда попадаетъ: «вотъ, вотъ, видишь», говоритъ ко всякому слову, словно пѣтухъ куръ скликаетъ. Про Владиміра, который деньги подобралъ себѣ и про себя спряталъ—и говорить не приводится: это, можетъ быть—и въ самомъ дѣлѣ Іуда Искаріотскій, который, сбирая на другихъ, про себя оставлялъ; это, можетъ быть, такъ и надо: чтобы совсѣмъ похоже было.

И это, пожалуй, ничего, что когда соберутся книжники и начетчики, нѣтъ любы между ними, какъ велѣно; когда же сойдутся граматѣи: мужикъ да баба—и любы есть, и согласіе, и переписка бываетъ: «свѣту-пресвѣту—тайному совѣту». Такъ и у филиповскихъ бываетъ, и во всемъ мірѣ такъ. Худа большаго не видно: спорить искони вѣковъ не умѣемъ; слушать другаго не хотимъ, а норовимъ, ка̀къ бы ухватить его за широкое горло и, чѣмъ толковѣе сказываетъ, тѣмъ скорѣе перегрызть горло хочется. Большое худо—неправильныя толкованія, да когда на кривотолки идутъ, да начнутъ поддѣлывать и перевирать какъ самимъ хочется, раздоры вводить, новшества предлагать.

Сталъ Алексѣй Иванычъ сомнѣваться и разочаровываться съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ не полюбилось ему ученіе о милостынѣ Бѣляева, воспрещающее подавать ее мірскимъ, вопреки христовой заповѣди, обѣщающей блаженство тѣмъ, кто творитъ ее безъ разбора. И совсѣмъ былъ смущенъ толкованіемъ о крестномъ знаменіи, и примириться не нашелъ въ себѣ силъ съ враньемъ въ цвѣтникѣ о папѣ Формозѣ.

Толковалъ наставникъ:

— Печать антихристова заключается въ трехперстной щепоти.

И мѣсто въ цвѣтникѣ указалъ.

— У папы Формоза, по умертвіи его, бысть отрублены три перста правой руки и, когда бросили ихъ на̀-земь, земля, разверзшись, поглотила ихъ. А когда и самый трупъ Формозовъ бысть брошенъ въ Тиберъ-рѣку, тогда вода претворилась въ кровь, и рыбы изомроша.

— Можетъ, и такъ, и похоже, а сѣмъ-ко спрошу у единовѣрческаго дьякона: самъ онъ бывалъ мужикомъ, къ истиннѣ-то

тоже изъ-за хлѣва заходилъ въ тѣхъ же лыковыхъ лаптяхъ. Вотъ чуть про него, что и въ Сопѣлкахъ живалъ, и разные виды видывалъ. Пошлю-ка вѣрнаго человѣка дойти до него и вопросить.

Сказывалъ дьяконъ и на кирилову книгу ссылался, и въ ней то мѣсто указывалъ о еретичествѣ папиномъ, гдѣ прямо говорится, что отрублены персты у Формозы не за то, что крестился и благословлялъ ими, какъ дѣлаютъ это никоніане, а за то, что подписалъ согласіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына этими самыми тремя перстами.

Съ этихъ самыхъ поръ сталъ Алексѣй Иванычъ еще чаще оглядываться и больше всматриваться, и чѣмъ дальше, тѣмъ стало хуже: перевертывается все вверхъ ногами, словно другіе глаза стали. На церковные потиры хулу возносятъ: а кто указалъ творить это въ его воспоминаніе, дондеже пріидетъ?

Ссылаются на апостола, велѣвшаго исповѣдовать согрѣшенія другъ другу: но откуда вы взяли разрѣшеніе связывать на землѣ и разрѣшать на землѣ?

— И впрямь, предреченія-то въ писаніяхъ не про насъ ли? Съ нами ли, полно, Христосъ-отъ? Ой, грѣхи мои тяжкіе! стало думаться Алексѣю Ивановичу.

И про паспорты на умъ ему тутъ пришло:

— Перемѣняются прежнія имена, не велятъ сказывать фамиліи, гдѣ родился, гдѣ отечество, а я-де—пустынный воспитанникъ, христіанинъ есмь; а развѣ родившагося въ Виѳлеемѣ Христа не записали въ кесареву перепись? а развѣ утаивалъ онъ себя передъ народомъ и учениками своими, кто онъ и откуда есть? а при распятіи на крестѣ что̀ было написано надъ главою его? Господь самъ намъ изрекъ: все мимо идетъ, небеса и земля мимо идутъ, а словеса его никогда не прейдутъ. А мы, вотъ, и подати избѣгаемъ платить, учимъ и другихъ не воздавать кесарево кесареви, а Божія Богови. Вотъ-де наша церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ; да про насъ ли писалъ апостолъ-отъ: «вы есте церковь»? Не повопленый ли мы гробъ — погляжу я—наполненный смердящими костями?

— А промахнется кто, спрашивалъ ученикъ у наставника:— попадетъ въ недобрыя руки и въ ежовыя руки—что̀ дѣлать?

— Разрѣшаемъ тѣмъ склоняться на обращеніе къ церкви, въ чемъ и первые наставники такіе примѣры являли. Да объ этомъ на ушко и по большому секрету, какъ вѣрному и надежному старцу.

И еще больше у Алексѣя Иваныча защемило сердце: дальше въ лѣсъ—больше дровъ.

— Такъ ли апостолы-то? спросилъ и заскорбѣлъ.

— Вотъ хвастались, долго думалъ онъ потомъ:—и всѣ тому сильно вѣровали, что наставникъ—чудотворецъ: онъ такой имѣетъ быстрый ходъ въ ногахъ, что, ежели чуть на шагъ отступитъ отъ никоніанина—его ужь и нѣтъ: а у конвойщика-то, по дорогѣ въ городъ Петрозаводскъ, оставилъ въ рукахъ лепетокъ рубахи. Гдѣ чудо и гдѣ благодѣтельство? Положилъ ли онъ тутъ душу за други, какъ Спаситель указалъ, хотящій не жертвы, а милости? Не тать ли и разбойникъ наставникъ нашъ, не входящій дверьми и не внемлющій гласу?

Сталъ Алексѣй Иванычъ осматривать повапленый гробъ свой и разглядывать смердящія кости: увидалъ ли что̀ самъ, услыхалъ ли отъ другихъ—все повѣрялъ и вновь примѣрялъ и оглядывалъ.

Слышалъ Алексѣй Иванычъ и ужаснулся.

— До чего дошли! Одного дурака довели до такого умоизступленія вѣрой своей, что онъ взялъ да на страстной недѣлѣ около Волосова, въ зародѣ сѣна и сжегся [1].

Видѣлъ: Григорій Летихинъ, изъ дер. Залѣсья, переходитъ изъ подполья въ подполье, ныряетъ по домамъ, ища душевнаго спасенія, и все на слѣдахъ красивой дѣвки, которую замѣтилъ онъ въ скрытницахъ, куда она—туда и онъ, отстать не можетъ. Выскочилъ онъ изъ міра для нея; она же его и теперь все за собой водитъ. Больше ему ничего и не надобно.

Видѣлъ: ходитъ Яковъ Логиновъ, изъ Куткиной, и тоже все душевнаго спасенія ищетъ: въ 40 христолюбивыхъ домахъ пережилъ, молодую жену свою бросилъ, весь свой капиталъ съ собой унесъ и при себѣ таскалъ, однако, наставнику въ руки не отдалъ. Былъ онъ за то у наставника въ большомъ пренебреженіи, не пользовался въ его «садѣ» никакимъ почетомъ; за что̀ разсердился и ушелъ во-свояси къ женѣ, у которой и хранились всѣ его деньги.

Слышалъ потомъ Алексѣй Иванычъ, что, когда Логиновъ вернулся домой, то жены своей не нашелъ: и она ушла изъ міру и скрывалась въ Лугахъ, въ подъизбицѣ христолюбца, который Логинову былъ долженъ. Пришелъ Логиновъ къ должнику, спрашиваетъ:

— А что̀, рабъ Божій, есть у тя моя жена?

---

[1] Этотъ фактъ самосожженія случился нынче, и едва ли нельзя его считать послѣднимъ. Не слыхать было подобныхъ фанатическихъ выходокъ самоубійцъ лѣтъ пятнадцать, когда дѣйствительно сожглось рядомъ тридцать человѣкъ, подъ вліяніемъ одного изъ скрытническихъ наставниковъ, преступность котораго, однако, не была обнаружена и доказана.

Тотъ началъ ратиться и клясться:

— Нѣтъ, и не вѣдаю гдѣ.

Когда же Логиновъ шепнулъ ему, что онъ въ дольку ему прощаетъ.

— Только скажи, гдѣ моя жена?

Этотъ хозяинъ кивнулъ головой на то хранилище, гдѣ была баба. «Тогда Логиновъ тихими стопами подшелъ къ дверямъ затворнаго прируба, толкнулся и увидѣлъ жену въ охабкѣ скрытника изъ деревни Залѣсья, Ѳедора Косухина, который тоже бѣжалъ отъ тюремнаго заключенія за долги».

Зналъ Алексѣй Иванычъ слѣпую женщину Устинью, которая тоже жила въ ихъ садѣ въ скрытницахъ, но, по бѣдности, не принесла сюда ничего. Видѣлъ онъ, кàкъ старицы и старцы морили ее за то голодомъ и накладывали на нее такое число лѣстовокъ, что слѣпая едва въ цѣлый день управлялась съ ними. Сами ѣли вдосталь и рыбно, и крупивчато, и медовое, насбиранное со всѣхъ странъ, а слѣпой Устиньѣ давали только сухаго хлѣба, и то не помногу. Разъ стали дѣлить насбиранное избранными сборщиками: большое и крупное поступило на руки наставникамъ, перепало и на долю Устиньи рубля полтора. Стала слѣпая съ деньгами этими скучать, еще больше жаловаться, проситься на міръ, не умолкая, да такъ усердно, долго и много, что деньги у нея отобрали, а ее почти въ одной рубашкѣ и рубищномъ суровомъ сарафанѣ вытащили изъ пустыни на міръ. И пригрозили, и клятву съ нея взяли никому не говорить объ убѣжищѣ, а не то пообѣщали удушить или утопить въ рѣкѣ. Да съ Устиньи теперь хоть и не бери клятвы: вышла она изъ затвора совсѣмъ зачумленая; сидитъ въ углу и молчитъ цѣлыми днями. Когда пристаютъ съ вопросами, вздрагиваетъ и творитъ только молитвы, а отвѣтовъ толковыхъ никто добиться не можетъ. Ходитъ она, понуривъ голову и пугливо оглядываясь. Когда и о простыхъ житейскихъ и невинныхъ дѣлахъ идутъ разспросы отъ знакомыхъ бабъ, Устинья вступаетъ свѣтлыми минутами въ разговоръ не иначе, какъ предварительно оглянувшись вопросительнымъ взглядомъ на ту большуху, которая ее по нищенскому положенію пріютила и прикормила, и какъ будто испрашивая на то ея разрѣшенія и благословенія. Совсѣмъ извелась баба. Да и молодыя дѣвки передѣлываются въ затворахъ на ту же стать: иная и ѣсть не станетъ, пока не дадутъ и не напомнятъ, и на всякій приказъ и требованіе готовы, безотвѣтны, на большое подобіе безсловеснымъ домашнимъ животнымъ.

Устинья, все-таки, добилась своего, и счастье ея еще пуще

укрѣпляло зависть и досаду Алексѣя Иваныча: кàкъ быть и куда идти, когда, по дряхлости лѣтъ, и пріемышъ его отъ него, безденежнаго и скорбнаго человѣка, по сущей справедливости, совсѣмъ отказался? Вотъ теперь сиди и гляди въ эту неперелазную стѣну, что̀ встала промежь лѣсной избушкой и вольнымъ свѣтлымъ міромъ. Закладывали и складывали эту стѣну другіе, а додѣлывалъ самъ же своей рукой въ простотѣ и наивности сердца. Сидитъ за этой стѣной не онъ одинъ, Алексѣй Иванычъ; сидятъ и другіе въ томъ же темномъ невѣдѣніи, что на всякія высокія стѣны придуманы лѣстницы, а въ нынѣшнія времена можно, дескать, прямо пробивать умѣючи широкіе и проходные лазы Да кàкъ повѣрить этому, а не повѣрить наставникамъ и ихъ великимъ клятвамъ, что за стѣной невылазная яма, называемая Сибирью, что, если и участили на міру разговоры о пріостановкѣ преслѣдованій и объ ослабленіи въ послѣднее время мученій и казней, то это—одинъ лишь обманъ и ловушка? И изъ «Исторіи о Выговской пустыни Ивана Филипова» то видно и изъ «Сказаній» филиповцевъ слышно: нельзя вполнѣ довѣряться: не пощадятъ.

«Кàкъ, напримѣръ, выдти на міръ Павлу Александрову (въ скрытникахъ Ивану, бывшему крестьянину Повѣнецкаго Уѣзда, деревни Морской Масельги)? А онъ ли не былъ ярымъ скрытникомъ и злымъ врагомъ и ненавистникомъ грѣховнаго и проклятаго міра? Да полюбилъ бабу; сманила она его на міръ, и скрывался онъ у ней въ Каргопольскомъ Уѣздѣ, и за нее онъ радъ душу заложить, и выкупать душу эту не станетъ. Въ скрытницы ее сманивалъ онъ, и слышать баба о томъ не хотѣла. Кàкъ быть? надо выбираться на міръ: ничего лучше не сдѣлаешь, кàкъ ни придумывалъ. Заразился онъ этой скверной болѣзнью — тоской по вольномъ свѣтѣ, а лекарствъ въ лѣсныхъ избушкахъ кто не знаетъ, а кто, и зная, нарочно не сказываетъ. Опять-таки, кàкъ тутъ быть? А для милой бабы нетолько бы вышелъ, а даже бы и выбѣжалъ. Кàкъ выбраться? Въ Масельгѣ, на родинѣ, Александровъ записанъ безъ вѣсти пропавшимъ; отправятъ туда по этапамъ; за этапъ платить надо, а чѣмъ? Платежъ разложатъ на міръ, а въ Масельгѣ откажутся, не примутъ: сгинь-де ты и пропадай: намъ и такъ-то тебя не надо было и не жаль, а тутъ вонъ за тебя еще выкупъ весь міръ плати. Вотъ опять и этотъ странникъ гляди въ упоръ въ неперелазную стѣну.

«Хорошо глядѣть въ стѣну, кому надо прятаться за ней отъ неоплаченнаго долгу, отъ уворованныхъ денегъ, когда платить ихъ нѐчѣмъ и приговорили за то въ тюрьму».

— А того легче сидѣть за сторожами отъ христолюбцевъ тѣмъ, у кого и совсѣмъ хвостъ замаранъ и забѣжалъ онъ въ скиты: вонъ откуда—изъ самой Сибири, и что̀ про нее ни разсказываетъ! Единовѣрческій дьяконъ въ Сопѣлкахъ бывалъ и одну такую пошехонскую заутреню слушалъ: все-де бѣглые солдаты пѣли, а кое у кого и шрамы на щекахъ видалъ. Назяблись они, да наголодались: въ теплѣ, да на готовой пищѣ — то ли дѣло! Поприслушаться къ тѣмъ стихамъ, которые распѣваютъ наши, не мудрено найти и такіе, что прямо изъ тюремъ попали и про сибирскую неволю поютъ: «выдаетъ воровъ рѣчь». Этимъ богомоламъ гдѣ сытѣй, да свободнѣй, тамъ и лучше; имъ что̀ ни попъ, то и батька.

И самый лѣнивый, сидя за непролазной стѣной, тоскуетъ о томъ, что совсѣмъ дѣлать нѐчего и приводится все пузыри на глазахъ насыпать вмѣсто того, чтобы заниматься съ измалѣтства привычной работой и святымъ трудомъ радовать себя и покоить. И самому ретивому въ вѣрѣ тошно сидѣть въ заперти и видно, и понятно ему, что и большой наставникъ выходитъ изъ лѣсовъ пошататься для развлеченія по жилымъ мѣстамъ, а разъ въ году услаждаетъ себя даже дальней поѣздкой до самаго Ярославля и Сопѣлокъ. И самые трусливые за содѣянные на міру грѣхи рвутъ и мечутъ при затянутыхъ пѣсняхъ о Іосафѣ царевичѣ и пустынѣ, и схватываются зубъ за зубъ съ наставниками, толкующими о спасеніи души въ безмолвіи и уединеніи.

«Нищъ и убогъ хощу быти, да съ тобою могу жити; съ града гряду во пустыню, любя въ ней зѣло густыню», разводятъ гнусливые голоса въ тѣсной и душной избушкѣ.

Взмываетъ сердце этотъ второй Іосафовъ плачъ, а тоска приступаетъ все круче и щемитъ больнѣе.

«Сладки чаши оставляю, токовъ твоихъ водъ желаю, да возмогу отъ тѣхъ пити, токи слёзъ отъ очей точити, грѣхи моя омывая», разводятъ спѣвшіеся, но до тошноты надоскучившіе голоса.

«Хлопнулъ бы дверью, да и вонъ выбѣжалъ, но и въ самомъ дѣлѣ: «кому повѣмъ печаль мою, кого призову къ рыданію?» какъ затянули голоса.

— Остановить пѣніе не смѣю и жаль: всякъ либо тоску нагоняетъ по охотѣ своей, либо разбить ее тоже хочетъ и ведетъ однимъ голосомъ, чтобы забыться, а на душу старается не принимать прискорбныя стиховныя слова̀ плачекъ. Одинъ выходъ— отдаться думамъ и посмотрѣть, куда не выведутъ ли?

Одинъ изъ такихъ скорбныхъ людей думалъ, думалъ и до-

шелъ до того, что рѣшился досконально узнать, въ чемъ тутъ вся суть и дѣло. «Хоть и немилостивно строги (подумалъ) законы, а бываетъ, что ихъ и обходятъ на кривыхъ оглобляхъ, а бываетъ, что и даютъ уступку и, не въ примѣръ другимъ, искренно раскаявшемуся снисхожденіе, а бываетъ — да и чего на свѣтѣ не бываетъ?»

«Вонъ, напримѣръ, сказать: всѣ говорятъ, есть и такой человѣкъ, что закономъ правитъ въ мѣстахъ нашихъ и ладитъ этотъ законъ въ правду и силу, и никого тѣмъ съ ногъ не валитъ, а чинитъ судъ и правду и по казенному, и по Божьему закону заразъ. Всѣ его почитаютъ, всѣ его такъ хвалятъ, что лучше-де его мало бываетъ людей на свѣтѣ, хоть и чиновникъ, и церковникъ, да святъ человѣкъ, и меня, къ тому же, когда-то знавалъ, можетъ, и теперь вспомнитъ обо мнѣ».

Надумалъ Егоръ, да и опять заробѣлъ.

«Кàкъ приметъ? Не прямѣй ли къ попу идти и ему сказаться: этому заступиться сподручнѣй, ихъ почитаютъ и имъ вѣрятъ. Прямое въ томъ ихъ дѣло».

Подумалъ, подумалъ, но не рѣшился: вспомнился ему разсказъ товарища, который ходилъ уже разъ по этой дорожкѣ. Евангельскаго слова ждалъ, братское и отеческое наставленіе надѣялся слышать: вотъ-де пришелъ кающійся и раскаянный, а онъ и говорить не сталъ, а посмотрѣлъ, какъ на свинью какую. Только и словъ было: «ты-де—язычникъ, и я тебя ненавижу и разговоръ мнѣ съ тобой въ обиду и оскверненіе».

Къ попу Егоръ не пошелъ, а о праведномъ и добромъ судьѣ опять вспомнилъ. Подъ колѣнками жилки дрожатъ и уши горятъ, и во рту сохнетъ, однако, пошелъ и дошелъ. Сначала въ кухнѣ совѣтовался, потомъ и попросилъ сказать про себя: чтò-то скажетъ?

Позвать велѣлъ.

— Да не ослышалась ли? Кàкъ взгляну на него? Чтò скажу и чѣмъ оправдаюсь? Вѣдь, когда приговорилъ онъ меня за долгъ въ тюрьму, я ему написалъ ругательство: «хоша ты меня и осудилъ, а не видать тебѣ меня, какъ свиньѣ неба».

Опять залило сердце кровью и загорѣлись уши, а не назадъ же идти: коли раздѣлся совсѣмъ—бросайся въ воду; не теперь же щупать рукой, сколь вода холодна. Была не была! И предсталъ.

Стоятъ старые знакомые одинъ на одинъ. Судья смотритъ кротко и спрашиваетъ тихо, не кидается. Скрытникъ, бывшій красавецъ, теперь неузнаваемый: съ болѣзненнымъ, истомлен-

нымъ лицомъ и потупленнымъ въ землю взоромъ, едва держится на ногахъ и слова вымолвить не можетъ.

— Ты ли это, Егоръ? Четыре года мы съ тобой не видались, однако, уходили тебя!

Поднялъ отъ половицъ глаза, вскинулъ ихъ на судью и зарыдалъ, какъ ребенокъ, и рыдалъ такъ, что надо было успокоивать, воды пить давать, долго ожидать рѣчи.

Опомнившись, взглянулъ онъ опять въ лицо судьи и снова упалъ въ ноги, и опять зарыдалъ. И едва вымолвилъ:

— Ангелъ ли вы, или что̀? За что̀ меня прощаете?

Вполнѣ согласившись на предложеніе судьи для прощенія съ міромъ — отсидѣть четыре мѣсяца по прежнему приговору за растрату чужихъ денегъ, скрытникъ просилъ отпустить часа на два. Отпущенный на вѣру съумѣлъ оцѣнить довѣріе и вернулся, но затѣмъ, чтобъ попросить объ отсрочкѣ ареста дня на два. Дома не даромъ сидѣлъ и дожидался его отецъ, явный христолюбецъ и ярый скрытникъ. Ясно было, что Егоръ колебался, и, когда отправленъ былъ съ разсыльнымъ, на дорогѣ отъ него покушался бѣжать.

Сидя въ тюрьмѣ, Егоръ тосковалъ о лѣсѣ и не ѣлъ ничего, по его словамъ, цѣлыхъ пять дней, такъ что возбудилъ подозрѣніе, что хочетъ уморить себя голодомъ. Затѣмъ, обтерпѣлся и совсѣмъ успокоился, когда за скрытничество, послѣ городской тюрьмы, присудили его только какъ за самовольную отлучку — на выборъ: или къ маленькому штрафу, или къ легкому аресту. Отсидѣвшись во второй разъ, Егоръ вернулся домой и зажилъ чудесно: сталъ хорошимъ работникомъ, добрымъ отцемъ и отъявленнымъ врагомъ подпольниковъ. Когда они напустились за все это на отца-христолюбца, старикъ также съ ними перессорился и, въ свою очередь, сдѣлался явнымъ противникомъ скрытниковъ.

Насколько удачнѣе можно вліять на тѣхъ, которымъ удалось выдвинуться на жилья, настолько мудренѣе доставать тѣхъ, которые засѣли въ лѣсахъ. Среди ихъ Алексѣй Ивановичъ такъ и остался глядѣть, ка̀къ однихъ ловятъ на бабу, а другіе сами бѣгутъ за нею, ка̀къ другіе скрываются отъ людскихъ напастей и мірскихъ бѣдъ, словно въ хоронушку или богадельню, ка̀къ третьи ищутъ спасенія и защиты отъ строгаго взысканія по военнымъ законамъ или по уставу о ссыльныхъ, а иные лѣзутъ, какъ бабочки на огонь, просто глупо-шальными, чтобъ опалиться и погибнуть.

Тунеядецъ и сластолюбецъ, глупый и суевѣръ, бродяга и бѣглый—всѣ въ равной степени, по человѣческому прямому закону,

нагуливаютъ привычку. Какъ бы ни хорошо жилось имъ у христолюбцевъ (когда теперь лѣтъ уже пять не надо и подъизбицъ пристроивать, а жить въ избѣ и знать лишь въ виду бѣды окно съ лѣсенкой или дыру въ хлѣвъ изъ стѣны), а, все-таки, по лѣснымъ островамъ съ теплыми избушками сильно тоскуется. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Хоть, по пословицѣ, на привычку и бываетъ отвычка и на обыкъ перевыкъ, да въ такомъ дѣлѣ жди еще, когда это случится и надъ простыми, темными, суевѣрными и довѣрчивыми людьми сбудется. А они пока свое говорятъ: не все вѣрою, ино и мѣрою, да и не та вѣра правѣе, которая мучаетъ, а та, которую мучатъ.

Богъ хоть и не красенъ, да здоровъ, а набѣгался до истощенія силъ и изнеможенія, найдется въ томъ же сыромъ бору красная елочка, отыщется подъ окнами той же подъизбицы въ огородной грядѣ ямка. Сюда братцы-товарищи постараются совсѣмъ спрятать игравшаго съ міромъ въ прятки до конца жизни и безсилія. Скроютъ они, какъ подобаетъ, такого человѣка такъ, что никто уже совсѣмъ не найдетъ его. Зароютъ товарищи въ землю безъ гроба прямо въ сырую яму и въ той одеждѣ, въ которой странствовалъ: въ полушубкѣ или армякѣ съ подпояской, въ той же шапкѣ, сапогахъ или лапоткахъ и съ палочкой, чтобы быть, когда придетъ антихристъ, въ маломъ стадѣ избранныхъ совсѣмъ на готовѣ.

«И буду лежать, гласа ожидать. Какъ въ трубу вострубятъ, всѣхъ мертвыхъ возбудятъ, и азъ пробужуся, съ землею разлучуся. Пойду на судъ Божій, я буду стояти, отвѣтъ помышляти, себя укорять, самъ плакать, рыдать», плаксиво и гнусливо вспоминаютъ отшедшаго сожители стихомъ: «На воспоминаніе грозныя смерти», который онъ такъ недавно охотливо распѣвалъ вмѣстѣ съ ними.

Въ образѣ для міра мертваго, страннаго отжилъ живой человѣкъ на землѣ въ одѣяніи умершаго странника и въ землю отшелъ не въ родную, а, по силѣ ученія, въ чужую.

С. Максимовъ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

I.

Поклонъ.

(Изъ Гейбеля).

Печально я бродилъ по берегу;
Вдругъ подошла весна неслышною стопою
И прошептала мнѣ: «Другъ, молодость твоя
Тебѣ поклонъ сегодня шлетъ со мною».

—

И тихо на меня повѣяла она,
И сквозь кору моихъ тревогъ, скорбей, сомнѣній
Внезапно прорвалась и хлынула волна
Такихъ мучительно-блаженныхъ ощущеній,

—

Что, какъ ребенокъ, я заплакалъ. Все во мнѣ,
Какъ будто окрылѣвъ, рвалось къ небесной дали,
И точно сотни арфъ въ душевной глубинѣ
Подъ чьею-то рукой таинственно звучали.

—

О сердце! Сбрось же все, что̀ на тебя легло
Тяжелымъ бременемъ, и для сомнѣнья злого
Закройся: если вновь заплакать ты могло,
То и цвѣсти, и пѣть ты можешь снова.

*

II.

О, другъ, не закидывай въ пропасть...

(Изъ Гамерлинга).

О, другъ, не закидывай въ пропасть до дна осушенный бокалъ,
Въ которомъ тебѣ на усладу блаженный напитокъ сверкалъ.
Да будетъ на-вѣки завѣтной, на-вѣки святой для тебя
Та грудь, на которой о раѣ ты грезилъ, впервые любя.

—

Часы опьяненья проходятъ, на-вѣки проходятъ. Но ты
Въ ключахъ, что̀ тебя освѣжали, мутить не дерзай чистоты;
Листочки завянувшей розы разносятся вѣтромъ—пускай!
Но тотъ, кто въ грязи ихъ затопчетъ—бездушный и злой негодяй.

—

За каплю послѣднюю счастья будь также обязанъ судьбѣ,
Какъ былъ благодаренъ за первый глотокъ, поднесенный тебѣ.
Вѣнчай съ умиленіемъ теплымъ цвѣтами сердца—рудники,
Гдѣ черпалъ ты золото дружбы въ минуты грызущей тоски.

—

Пусть все, чѣмъ успѣлъ насладиться, что̀ звалъ въ сновидѣніяхъ ты,
Исчезнетъ, погибнетъ въ холодномъ потокѣ людской суеты,
Но, другъ, не закидывай въ пропасть до дна осушенный бокалъ,
Въ которомъ тебѣ на усладу блаженный напитокъ сверкалъ.

III.

Ночная картинка.

(Изъ Ады Кристенъ).

Темно̀ на убогомъ кладбищѣ.
Въ угрюмой и душной сторожкѣ
Испуганно-трепетнымъ свѣтомъ
Мерцаетъ лампадка. Хрипливо
Тащится на блокѣ калитка,
Стоящая бдительнымъ стражемъ
Межъ смертью и жизнью. Калитку
Я твердой рукой отворила,

Но въ ту же минуту забылась
Какъ будто во снѣ, и по старымъ,
Унылымъ тропинкамъ иду я
Въ тоскѣ безотчетно-тяжелой...
Все тихо, все мертво. Лишь вѣтеръ
То жалобно стонетъ и воетъ
Въ печально-склонившихся ивахъ,
То шепчетъ съ больными цвѣтами,
Рожденными прахомъ и тлѣньемъ;
То, словно ребёнокъ капризный,
Вертитъ флюгерами на башнѣ;
То вдругъ постучится въ сторожку
Такъ сильно, что стекла оконца
Тревожно звенятъ и лампадка
Еще боязливѣй трепещетъ.
Въ таинственномъ этомъ дрожаньи
Я вижу манящее что̀-то...
На призрачный зовъ безотчетно
Иду я — и вотъ очутилась
Въ угрюмой и душной сторожкѣ,
Одна — съ мертвецомъ...
На погостѣ
Изъ голыхъ досокъ, безобразный
И старый, лежитъ онъ, обернутъ
Негоднымъ тряпьемъ. Въ изголовьѣ
Мерцаетъ все та же лампадка,
И тускло-багровое пламя
Какой-то зловѣщей улыбкой
Скользитъ по чертамъ неподвижнымъ,
Застывшимъ въ объятіяхъ смерти.
Его мускулистыя руки
Изъ набожной братіи кто-то
Крестомъ уложить попытался,
Какъ руки сходящихъ въ могилу
Съ молитвой въ душѣ...
На погостѣ
Изъ голыхъ досокъ почиваетъ
Мертвецъ одинокій, забытый.
Сномъ крѣпкимъ, глухимъ, непробуднымъ
Онъ спитъ — и никто ужь на свѣтѣ
Не въ силахъ его потревожить...
Заснулъ... А не дальше, какъ утромъ,
Сегоднишнимъ утромъ, холодность

И злоба, и грубость, и сытость
Сурово несчастнаго гнали
Отъ двери до двери... Какъ пьяный,
Шатался онъ къ вечеру. Слёзы,
Тяжелаго голода слёзы,
Лежали въ глазахъ раскалённыхъ;
Но губы дрожали сердито,
Когда ребятишки сбѣгались
Глазѣть на чудовище это,
Которое велѣно было
Травить отовсюду, какъ звѣря.
«Бродяга!» съ пронзительнымъ смѣхомъ
Визжала ватага мальчишекъ;
«Бродяга!» съ язвительной злобой
Ворчали солидные люди;
«Бродяга!» кричали торговки;
И съ ѣдко-болѣзненнымъ стономъ
Онъ самъ повторяетъ: «Бродяга!»
. . . . . .
Уже городскіе ворота
Остались за нимъ. Постепенно
Вдали замираютъ и крики,
И смѣхъ добродѣтельной стаи,
Теперь натравившейся вволю
И мирно ушедшей на отдыхъ
Подъ теплой домашнею кровлей.
А онъ, истомленный, разбитый,
Безсильною массой на землю
Упалъ и лицемъ распаленнымъ
Прижался къ холодному камню...

Глубокая ночь опустилась
На лоно земли. Опустилась
Она и на тёмную душу
Проклятаго Богомъ и міромъ.
Усталость, отчаянье, злоба,
Какъ черная сѣть паутины,
Лежатъ на лицѣ измозженномъ;
Глаза устремились безмолвно
Къ звѣздѣ одинокой и тусклой,
Смотрящей на эти страданья
Съ далекаго чернаго неба...
И вдругъ мускулистыя руки

Къ далёкому черному небу
Онъ поднялъ съ нѣмою угрозой,
Съ нѣмымъ богохульнымъ проклятьемъ,
И, точно кого вызывая
На дикую звѣрскую битву,
Глаза засверкали...
Мгновенье —
И грозно воздѣтыя руки
Безсильно упали на камень,
И взоровъ зловѣщее пламя
Безсильно погасло... А съ неба,
Далёкаго чернаго неба,
Звѣзда одинокая съ трескомъ
Скатилась на землю, и вѣтеръ,
Промчась, шевельнулъ волосами
Бездушнаго трупа...
. . . . . .
Какъ ястребъ
Чутьемъ налетаетъ на падаль,
Источникъ его пропитанья —
Былъ найденъ и ты человѣкомъ,
Котораго тоже питаютъ
Покойники только. Могильщикъ
Наткнулся на грѣшное тѣло,
Взвалилъ на привычныя плечи
И снесъ его нà-ночь въ сторожку,
Куда выставляются трупы
Умершихъ въ степи, какъ собаки,
Отверженцевъ Бога и міра.
А завтра тебя онъ зароетъ
На этомъ убогомъ кладбищѣ,
Зароетъ такимъ одинокимъ,
Какимъ подобралъ на дорогѣ,
И грошъ, отъ казны полученный,
Пропьетъ въ кабакѣ безучастно...
Но все же несчастный страдалецъ,
Ты былъ хоть однажды на отдыхъ
Снесенъ на рукахъ человѣка,
И сердце твое хоть однажды
Лежало у сердца людскаго...
Жестокая жалость: въ могилѣ
Еще надъ тобой издѣваясь,

Судьба мертвецу посылаетъ
Чего не давала живому—
И кровлю, и отдыхъ, и руки,
Его не толкнувшія грубо...

Темно на убогомъ кладбищѣ.
Въ угрюмой и душной сторожкѣ
По прежнему трепетно брезжетъ
Меня приманившая лампа,
И, точно прикована чѣмъ-то,
Стою я, все также забывшись,
Одна — съ мертвецомъ...

Петръ Вейнбергъ.

КАРТИНКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

Около стола, въ деревенской гостиной, сидятъ, трое лицъ: мой мужъ, я и сосѣдка. Мужъ и сосѣдка разговариваютъ, а я укладываю необходимыя вещи въ мой дорожный несесеръ.

— Слѣдовательно, рѣшено? говоритъ моя сосѣдка.

— Рѣшено, отвѣчаю я.

— Ѣдете завтра?.. Непремѣнно?

— Непремѣнно.

— И скоро вернетесь?

— Не знаю; все зависитъ отъ дѣлъ; но, во всякомъ случаѣ, не раньше пяти, шести недѣль.

— Это какъ же?

— Да разсчитайте: одна дорога возьметъ цѣлую недѣлю, трое сутокъ до Петербурга, трое назадъ; ну, а тамъ — то, другое... раньше не обернешься...

— Да и рада же моя супруга, говоритъ мой мужъ: — сбѣжать изъ дому, ей ѣсть не давайте, а позвольте только удрать!.. не сидится на мѣстѣ...

— Но знаете ли? Мнѣ кажется, что вамъ, все-таки, будетъ скучно такъ долго пробыть безъ семьи, безъ своихъ... Вѣдь, у васъ никого нѣтъ изъ близкихъ въ Петербургѣ? Вѣрно поразъѣхались?

— Нашли что̀ сказать! Да у нея сейчасъ будутъ близкіе, дайте только срокъ... Дайте доѣхать до мѣста—столько друзей наберется, со всѣми перезнакомится!.. Мало того, узна̀етъ всю подноготную: что̀ думаетъ человѣкъ, чего не думаетъ и что̀ у него есть, и чего нѣтъ; узнаетъ: кто его папенька и кто маменька, даже какую полушечку бабушка любитъ класть себѣ подъ бокъ!.. Что̀? Неправда? Нѐчего на меня такъ таращить глаза!

— Конечно, неправда... Пожалуйста, не вѣрьте ему: онъ вѣчно прибавляетъ... Конечно, я...

— Страхъ, кàкъ люблю заниматься чужими дѣлами, перебиваетъ мужъ:—и выворачивать чужую душу на изнанку...

— Вотъ вздоръ! У тебя страсть—клепать на меня!

— Я клеплю?

— Клеплешь!

— Ай! ай! ай! Вотъ-то срамница! И гдѣ у тебя правда?

— Ну, такъ что̀-жь! Если и люблю—тебѣ что̀ за дѣло? Чужія дѣлà интереснѣе своихъ!.. свои, вѣдь, всегда успѣешь узнать...

— По крайней мѣрѣ, логика—и то хорошо! Мила моя супруга? Не правда ли?

— Но, ma chère, вы меня извините, а я, все-таки, скажу правду: съ вашимъ характеромъ и вашей любознательностью, вы легко можете попасть въ какую-нибудь передрягу... вспомните меня! И, кàкъ хотите, я рѣшительно не понимаю вашей страсти знакомиться со всѣми. Кто они такіе, откуда, что̀ такое? Никто этого не знаетъ, а вы съ ними разговариваете!

— А главное, разговоръ-то сейчасъ по душѣ заведетъ.

— Что̀ же? И отлично! говорю я.

— Отлично до поры, до времени, покуда не нарвётесь на исторію, говоритъ сосѣдка.

— Никогда никакой исторіи со мною не было, никогда и не будетъ...

— Ну, это—еще не доказательство!.. А если будетъ? Кто же можетъ за это поручиться.

— А если будетъ, тѣмъ лучше — все что̀-нибудь да новенькое...

— Вотъ изволите видѣть? и разговаривайте съ нею послѣ этого!.. точно ей пятнадцать лѣтъ, а не цѣлыхъ тридцать пять!.. Знаете ли, даже досадно!... Это меня иногда просто сердитъ... Такое легкомысліе! Рѣшительно не могу привыкнуть, а сколько лѣтъ живемъ вмѣстѣ...

— Сердиться тутъ нѐчего, если ужь такой характеръ! Что̀ же вы съ нимъ подѣлаете?.. Нужна только осторожность, нужно быть нѣсколько осмотрительнѣе—вотъ и все.

— Помилуйте! Что̀ же я-то ей всегда говорю? Говорю тоже самое! Ну, ужь если такая охота, разговаривай съ людьми своего общества—меньше рискуешь!.. Такъ нѣтъ, ей все равно, съ разными, съ какими хотите; она на это не смотритъ, ей все равно... Мнѣ кажется, она и съ мошенникомъ способна дружбу завести, лишь бы узнать что̀-нибудь новенькое! И его языкомъ станетъ съ нимъ говорить...

— Ну, ужь и вы тоже скажете!

— Конечно, вы ея не знаете! Она со всѣми разговариваетъ по душѣ: съ жидовкой толкуетъ и принимаетъ участіе въ ея дѣлахъ; у лавочницы чай пьетъ и бранитъ земство; съ монахиней о воздержаніи говоритъ; съ нашей губернаторшей отчаявается, что мораль у мужчинъ падаетъ, что браки стали рѣдки и молодёжь не танцуетъ, а на-дняхъ съ французомъ-учителемъ революцію завести хотѣла... Ужь я говорю имъ: помилуйте, господа, подождите, дайте хоть намъ-то умереть!..

Я смѣюсь, но мнѣ несовсѣмъ по себѣ.

— Но, главное, вотъ что̀ досадно, продолжаетъ мужъ:—женщина, кажется, и умная, и добросовѣстная, и на все имѣетъ установившійся взглядъ, а послушайте только, что̀ она разговариваетъ!.. тошно станетъ, ей-Богу!.. Съ каждымъ-то она говоритъ ка̀къ ему нужно, его языкомъ — чортъ знаетъ, откуда что̀ берется!.. Первое время я въ отчаяніе приходилъ, увѣряю васъ; положительно считалъ ее двоедушной; ну, думаю, дѣло неладно!.. А потомъ присмотрѣлся—просто брешетъ барыня... манера такая у нея заведена, кокетство, что̀ ли? Нравиться всѣмъ хочетъ, а къ тому же, и выдержки нѣтъ: обидѣть-то человѣка не хочется, не сказать же: «брешешь, другъ сердечный!»—ну, и вторитъ.

— Совсѣмъ ты не такъ понимаешь мой характеръ, говорю я, нѣсколько раздосадованная такою характеристикой.—Это просто... отзывчивость!

— Ну, рада, что слово подъискала! Вотъ и объясненіе!

— Что̀ это значитъ—отзывчивость?.. спрашиваетъ сосѣдка.

— Это то, что̀ теперь у адвокатовъ нашли.

— Ахъ, да̀! Вѣдь, это бываетъ у людей талантливыхъ—значитъ, у вашей жены талантъ! Чего же вамъ еще?

— Ну, талантъ! просто шарманка! Тронешь одинъ винтъ—и пошло славить Бога и Русь святую; тронешь другой — заговоритъ другое! Очень ужь приспособились, а тутъ и объясненіе готово!

На другой день послѣ нашего разговора, я сидѣла въ вагонѣ второго класса и ѣхала по направленію къ Петербургу. Наше маленькое отдѣленіе для некурящихъ было полно: ѣхали три барина и три барыни.

Двѣ дамы, очевидно знакомыя другъ другу, сидѣли поодаль отъ меня; онѣ дружно, наперерывъ, осуждали кого-то; слышалось:

— Но она—интриганка, это вѣрно!

— Мало того, она брови подводитъ!

— Быть не можетъ?

— Дà, дà, это я вамъ говорю!

— Ужасъ!

— И ее находятъ красивой!

— Непостижимо! у мужчинъ, дѣйствительно, странный вкусъ!

— Положительно, странный!

Два старичка, невдалекѣ отъ меня, также о чемъ-то жарко говорили. Наискось противъ меня, на большомъ диванѣ, въ углу, сидѣла барыня подъ густой вуалью, съ польскимъ молитвенникомъ въ рукѣ и съ постоянно опущенными длинными рѣсницами, а прямо, напротивъ, господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ модномъ пальто, въ родѣ халата или ливреи съ кушачкомъ, и въ шапкѣ какого-то иностраннаго покроя. Баки его тоже были иностраннаго фасона, но, по виду, по круглому носу и по выраженію лица, въ немъ безошибочно можно было признать русскаго барина, бывшаго помѣщика средней руки. Ихъ кàкъ-то легко отличить отъ всякаго другаго.

У меня въ рукахъ была книга.

Кстати, отчего большинство дамъ, если онѣ ѣдутъ съ книгой и если это—не французскій романъ, то непремѣнно книга научнаго содержанія, съ труднымъ заглавіемъ? Но моя книга была не научнаго содержанія: это были «Confessions», Руссо.

Мой vis-a-vis долго и пристально разсматривалъ меня.

— Mesdames, m'autorisez vous de fumer? сказалъ онъ намъ обѣимъ.

Дама подъ вуалью молча наклонила голову въ знакъ согласія.

— Пожалуйста, сказала я.

— Васъ не будетъ безпокоить дымъ?

— Нѣтъ, нисколько, я привыкла.

— Вы, можетъ быть, сами курите?

— Нѣтъ, я не курю.

— Въ настоящее время, это—большая рѣдкость: почти всѣ дамы курятъ.

Видимо, мой сосѣдъ желалъ разговориться со мной. Чтò же? тѣмъ лучше: молча скучно ѣхать. И мы разговорились. Баринъ оказался изъ огорченныхъ, которыхъ обездолило нынѣшнее положеніе вещей. Онъ оплакивалъ, чрезвычайно краснорѣчиво, старый порядокъ, приходилъ въ негодованіе при мысли о паденіи значенія дворянства и, въ азартѣ, такъ размахивалъ при этомъ кулаками, что я невольно отодвинулась; увѣрялъ, что правительство должно, мало того должно—нравственно обязано поддерживать дворянство и старые роды, во имя порядка, здраваго смысла и своихъ собственныхъ выгодъ.

— Къ чему мы идемъ, спрашиваю я васъ, къ чему?

— Да̀, къ чему мы идемъ! отвѣчаю я, нѣсколько испуганная его паѳосомъ.

— И никто не знаетъ! И я не знаю, и вы не знаете, и никто, никто! Но будетъ худо—это вы увидите... Истинное понятіе о благородствѣ, наше традиціонное понятіе о чести, объ обязанностяхъ, vous savez noblesse oblige... все это падаетъ; всюду втерлись разные parvenus и принесли съ собой свой собственный букетъ... quelque-chose съ заднихъ дворовъ; si c'est possible, madame, de s'exprimer ainsi — букетъ особый... Положимъ, можетъ, онъ гдѣ и пригоденъ, этотъ букетъ—я не спорю, я—профанъ; но для меня это—выше моихъ понятій... это—выше меня!.. Ка̀къ хотите, во всемъ этомъ лежитъ разложеніе! Je remarque partout la décadence, madame! partout. И, чѣмъ далѣе я смотрю, тѣмъ болѣе предвижу, чѣмъ все это можетъ кончиться! Грустно, сударыня, жить, если серьёзно обо всемъ подумать.

— Да̀, вѣдь, это правда! Теперь все совсѣмъ другое, говорю я нерѣшительно.

— А главное, сударыня, вся эта буржуазія голову высоко несетъ, все это въ люди лѣзетъ, обобрали насъ и лѣзутъ!.. Это—чортъ знаетъ, что̀ такое! Вотъ, теперь мы съ вами во второмъ классѣ должны ѣхать, а посмотрите только, кѣмъ набитъ первый! Какой-нибудь Помилуймябожинскій; теперь онъ—тузъ и ѣдетъ, а батька его гдѣ-нибудь аминь поётъ, а онъ въ первомъ классѣ, иначе не можетъ! ка̀кже?.. по чину!.. Или опять сынъ Мошки или Лейбы!.. весь его родъ мы за пейсы драли, въ морду подлецамъ плевали, а онъ теперь барина корчитъ! Поди, небось, съ какой-нибудь Армансой ѣдетъ изъ Парижа, самъ вывезъ или отъ какого свѣтлѣйшаго отбилъ... Тьфу!.. Даже противно говорить...

Я молчала, но улыбалась сочувственно.

— Tenez, madame, c'est quelque chose d'atroce! И сами будутъ каяться, да поздно! Мы... мы исполнили, по крайней мѣрѣ, свою историческую миссію, исполнили и исполняемъ еще въ другихъ странахъ... Взгляните на англійскую аристократію!.. А если насъ хотятъ насильно вытѣснить—что̀ же? Тѣмъ лучше! значитъ—нашли это нужнымъ; мы ничего не имѣемъ противъ... Только посмотримъ, что̀-то они сдѣлаютъ, что̀ они внесутъ въ нашу цивилизацію, вѣками установленную, надъ которой мы поработали не мало, въ наши понятія о прекрасномъ, о чистомъ, о святомъ! Tenez, madame, ка̀къ они смотрятъ теперь на женщину, эту владычицу міра, передъ которой мы преклонялись, которую чтили, мало того—боготворили?.. Это было въ нашихъ

понятіяхъ что̀-то, что̀-то... и онъ закатилъ глаза, представивъ на лицѣ экстазъ.

— Динь, динь, динь. Станція Казатинъ!

— Что̀-то неземное! договариваетъ мой спутникъ.

— Стойтъ двадцать минутъ! кричитъ кондукторъ.

— Madame ne sort pas? прерываетъ самъ себя мой сосѣдъ:— le dîner est mangeable, avec un peu de bonne volonté.

— Non, merci.

— Значитъ, остаетесь?

— Да̀.

Баринъ ушелъ неторопливо, съ чувствомъ собственнаго достоинства, корпусомъ впередъ.

Его разговоръ сталъ мнѣ надоѣдать: все это я слышала много разъ, съ разными варіаціями и дополненіями, такъ что ожидать чего-нибудь новаго и интереснаго было трудно. Съ меня было довольно. Я усѣлась попокойнѣе и принялась читать.

Мой vis-à-vis воротился передъ третьимъ звонкомъ; я не поднимала глазъ отъ книги.

— Ecoutez, cessez de lire, вдругъ сказалъ онъ мнѣ развязнымъ тономъ, нагнувшись очень близко.

Я вопросительно посмотрѣла ему въ глаза.

Видъ у него былъ совсѣмъ другой: довольный, бравый; онъ улыбался, щурился и ка̀къ-то особенно значительно смотрѣлъ на меня.

Я ничего не отвѣчала и продолжала читать.

— Eh bien, madame, finirez vous votre lecture?

— Non monsieur! и удивленный вопросъ слышится въ моемъ отвѣтѣ.

— Вамъ не идетъ дѣлать такое строгое лицо, ce n'est pas votre genre!.. Улыбнитесь, не казните меня!

Я продолжаю дѣлать серьёзное лицо; но, въ тотъ самый моментъ, когда я рѣшаю въ умѣ, что онъ—наглецъ, что нужно отъ него подальше, я не могу удержаться и чуть-чуть замѣтная улыбка скользитъ у меня по губамъ. Мнѣ дѣлается забавно. Мнѣ вдругъ хочется знать, что̀ будетъ, что̀ онъ скажетъ? тѣмъ болѣе, что я нисколько не боюсь послѣдствій, такъ какъ все это въ моихъ рукахъ: я могу разбить врага, когда мнѣ это покажется нужнымъ, или скромно ретироваться подъ чужую защиту. Но оставить такъ дѣло и ничего не узнать? Нѣтъ, этого я не могу! Это очень трудно!

— Madame est trop piquante: l'air serieux et le livre ne font pas son affaire!

— Monsieur! говорю я ему.

— Madame? отвѣчаетъ онъ мнѣ.

Я дѣлаю строгое лицо и продолжаю читать.

Но сосѣдъ, должно быть, не особенно-то вѣритъ этой строгости, ѣдущей во 2-мъ классѣ.

— Mais, madame, c'est assez de faire la méchante... Впрочемъ, у меня есть способъ заставить васъ заговорить со мной! Капризная!

Что̀-то заслонило мнѣ свѣтъ, и на листкахъ моей книги очутилась пятидесятирублевая бумажка.

Я вскочила, какъ ужаленная, книга и деньги полетѣли на полъ.

— Mais vous êtes fou! impertinent! говорю я, задыхаясь отъ гнѣва, вся покрытая румянцемъ стыда и оскорбленія.

— Alors, madame est plus chère? говорилъ онъ, хладнокровно поднимая деньги.—Je m'en doutais!.. Но... при нынѣшней бѣдности финансовъ!.. И онъ внимательно и нагло смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Madame préfère peut être le храброе воинство, les gardes à chevaux?

— Можно къ вамъ сѣсть? говорю я старичку. Насъ раздѣлялъ всего только проходъ между скамейками. Его спутникъ ушелъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сударыня.

Покуда я перекладывала свои вещи, мой сосѣдъ продолжалъ говорить, обращаясь частью ко мнѣ, частью къ дамѣ подъ вуалью, а бо̀льшею частью, должно быть, для своего собственнаго утѣшенія.

— De la pruderie!.. Больше ничего, какъ ломанье или трусость! Это, пожалуй, будетъ вѣрнѣе! Будто есть женщина, которую нельзя взять и которая, главное, не хочетъ, чтобы ее взяли? Вздоръ! Кто этому повѣритъ, кто ихъ знаетъ хоть чуточку!.. Натурально, только способы должны быть различны: что̀ можно съ дѣвочкой, того нельзя съ барыней!.. а впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ, что̀ съ кѣмъ можно!.. Странныя бываютъ вещи!

— Вы ошибаетесь, вы не имѣете понятія о добродѣтельныхъ женщинахъ, сказала дама подъ вуалью, сверкнувъ глазами.

— О добродѣтельныхъ? Distinguons, madame; обыкновенно, добродѣтель бываетъ сама по себѣ, а женщина сама по себѣ!.. Добродѣтель, вѣдь, не съѣстъ же женщину—женщина женщиной и останется!.. А если вы говорите про такихъ, которыя не носили на себѣ «сладкихъ цѣпей любви»... свободной, ça va sans dire, не разрѣшенной цѣлымъ свѣтомъ публично, то значитъ имъ не выпадало еще случая—и только!.. или ужъ такъ онѣ

страшны, что пугаютъ!.. Ну, такія, пожалуй, и добродѣтельны, по вашему... Да вотъ еще глупыя—съ тѣми трудно! Онѣ, вотъ, какъ дерево, онъ постучалъ въ перегородку:—кàкъ ни стучи—все гулко!.. Ну, добродѣтель тамъ и процвѣтаетъ! А впрочемъ, и на нихъ бываютъ охотники и умѣютъ ладить!

— Вѣдь, это—ужасъ! Это—такая наглость!.. говорю я старичку.

— Свой взглядъ, сударыня, на вещи...

— И кàкъ онъ смѣетъ? Вѣдь, это ни на чтò ни похоже!

— Alors, madame est novice? снова начинаетъ мой бывшій сосѣдъ:—странно въ ея годы, а жалко! Большая ошибка!.. вотъ чтò значитъ неразвитіе! Да нѣтъ, пустяки—не повѣрю! Мало, что-ли? Ou je ne suis pas son numéro? бормочетъ онъ:—а вѣрнѣе всего—не такъ взялся... оплошалъ! Ну, чтò же дѣлать? Гдѣ наша не пропадала!..

Я смотрю умоляющими глазами на старичка.

Онъ вступился за меня и посовѣтовалъ моему бывшему сосѣду оставить меня въ покоѣ.

— Ah! Si c'est un parti pris—madame n'a que dire... я ретируюсь! сказалъ онъ совершенно хладнокровно и подсѣлъ къ дамѣ съ молитвенникомъ.

Несмотря на нѣкоторый страхъ передъ грубыми словами и на неловкость положенія, мое приключеніе уже потеряло для меня, въ эту минуту, свой настоящій характеръ, а мнѣ просто сдѣлалось забавно, кàкъ это человѣку можетъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, придти въ голову такая нелѣпая мысль и выразиться въ такой пошлой формѣ? И все потому, вѣроятно, что я улыбнулась.

— Но какое у него понятіе о морали, о нравственности! вдругъ говорю я съ негодованіемъ старичку.—Развѣ можно такъ думать?

— О морали? Ну, это—вещь растяжимая въ наши дни, условная...

— Мораль—вещь растяжимая? условная? говорю я.

— А развѣ вы этого не замѣчали? не обращали на это вниманія? Приглядитесь.

— Помилуйте! Вы говорите ересь! Да развѣ это можетъ быть? Мораль, и вдругъ растяжима... условна... Да, вѣдь, это—регуляторъ нашей жизни, нашихъ отношеній съ людьми, она должна стоять твердо, быть всегда неизмѣнной...

На меня вдругъ напала смертная охота наивничать, захотѣлось почему-то—вслѣдствіе ли предшествовавшей исторіи, или вслѣдствіе нѣсколько докторальнаго тона старичка—представиться идеалисткою, невинною и наивною въ житейскихъ дѣлахъ.

— А я вамъ вотъ что̀ скажу, сударыня: что̀ ни сословіе, что̀ ни кружо̀къ людей, что̀ ни обстановка, то—все своя особенная мораль, кому что̀ нужно, кому ка̀къ выгодно... насколько ему не мѣшаетъ въ его житейскихъ дѣлишкахъ, ну, и характеру тамъ, и темпераменту... Вотъ она теперь мораль-то—подите-ка согласите все это!

— Вы преувеличиваете, вы...

— Нѣтъ, сударыня, не преувеличиваю! Неугодно ли я передамъ вамъ разговоръ, который сейчасъ былъ у насъ съ бариномъ, вотъ онъ тутъ сидѣлъ, замѣтили вы его, въ Казатинѣ вышелъ?

— Замѣтила,

— Ну, вотъ-съ, у насъ съ нимъ былъ одинъ общій знакомый, положимъ, назовемъ его Петровскій. Ну, этотъ Петровскій, лѣтъ семь или восемь тому назадъ, обворовалъ своего тестя, да и тягу; т. е., собственно говоря, не тестя, а кассу, которою завѣдывалъ старикъ—онъ былъ кассиромъ; и обворовалъ на сто тысячъ, сумма кругленькая! Ну и, какъ водится, бѣжалъ, и жену бросилъ, а женаты они были только годъ, и свадьба по любви; ну, и пропалъ, и слуху объ немъ нѣтъ. Старикъ, конечно, поплатился, мѣсто потерялъ; судили его, судили, да взять нѐчего, уликъ-же противъ него никакихъ, ну, и отпустили. Натурально, старикъ бѣдствуетъ, въ нищетѣ; положеніе ужасное: вѣдь, все-таки въ подозрѣніи, и никто мѣста не даетъ! А жена Петровскаго поскучала, поскучала, да года черезъ три и сошлась съ какимъ-то купцомъ; извѣстное дѣло, голодъ—не тётка, о мужѣ—ни слуху ни духу, думала, что умеръ—ну, бабёнка молодая, жить тоже хотѣлось!.. ну, и ребёнка прижила. А теперь вдругъ письмо черезъ банкирскую контору: отыскиваютъ старика! Списались; а это—зять, только подъ другой фамиліей, зоветъ ихъ къ себѣ на югъ Франціи, обѣщаетъ все заплатить, денегъ прислалъ на дорогу. Поѣхали. Онъ честно разсчитался: и сто тысячъ отдалъ, и все жалованье, котораго старикъ былъ лишенъ, съ процентами, и наградныя, все до чиста высчиталъ и какъ слѣдуетъ разсчитался! Жену хотѣлъ при себѣ оставить, очень она его любила; но какъ узналъ все—нѣтъ-баста: жить съ ней не захотѣлъ, и хоть простить—простилъ, а ужь она ему—не жена, нѣтъ. Ребёнка на глаза не пускалъ; но все ей давалъ, что нужно, барыней жила, за родственницу выдавалъ. Только она невыдержала—не осталась долго, въ особенности, когда онъ сталъ пріискивать себѣ «честную, вѣрную жену», которая не обманула бы его, за деньги не отдалась бы! Ну, она и ушла къ отцу!.. Такъ, вотъ-съ, у насъ по поводу этого и былъ разговоръ. Знакомый

мой увѣряетъ, что этотъ Петровскій—честнѣйшій человѣкъ, поступилъ со всѣми какъ слѣдуетъ и вполнѣ искупилъ свою вину; а я говорю другое, а вы скажете, можетъ, третье!.. Вѣдь, вопросъ-то—чисто нравственности, а его разбираетъ всякій по своему!.. ну, такъ кàкъ-же? Какая же мѣрка-то?..

Наконецъ, и старичокъ вышелъ; потомъ вышелъ мой бывшій vis-a-vis съ дамой. Они, кажется, поладили: по крайней мѣрѣ, молитвенникъ давно лежалъ въ сторонѣ, и разъ мнѣ послышалось въ сумеркахъ чтò-то похожее на звукъ поцалуя.

Вагонъ наполнился новыми лицами, и сцена измѣнилась.

Въ углу спала какая-то барыня; около нея сидѣла очень молоденькая, миловидная дѣвушка въ мѣховой шапочкѣ. Я не могла порѣшить: къ какой именно категоріи принадлежала эта дѣвушка? Была ли это горничная, пансіонерка, или просто деревенская барышня. Съ нею чрезвычайно старательно разговаривалъ какой-то господинъ и чтò-то настоятельно толковалъ ей о Петербургѣ, о центрѣ просвѣщенія, куда все тянетъ, объ администраціи и т. п.

Дѣвушка словно металась: видимо разговоръ былъ не по ней. Наконецъ, она вдругъ кàкъ вскинется на него! И даже всполошилась.

— Да отстанете ли вы отъ меня съ своей администраціей, почти закричала она на него, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ:—къ чорту мнѣ ваша администрація! очень мнѣ нужно!.. Смерть спать хочется, а онъ все со своими непонятными словами лѣзетъ. Вотъ, погодите—проснется Александра Никандровна, задастъ она вамъ съ вашей администраціей, надоѣли, право!.. Говорите съ тѣми, кто васъ слушаетъ... рѣдька!..

Господинъ совсѣмъ смѣшался, кàкъ-то неловко заморгалъ глазами, странно посмотрѣлъ на меня и замолчалъ.

Но Александра Никандровна должно быть спала только однимъ глазомъ; она быстро приподнялась и, какъ насѣдка, напала на господина.

— Да чтò это въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь, вы покою не даете? Чего вы пристали, чего лѣзете? Спрашивали васъ?..

— Помилуйте, сударыня, говорилъ растерянно господинъ:—да я только насчетъ...

— Администраціи-то вашей?.. знаемъ мы вашу администрацію! Не вы первый!.. всѣ сначала начинаютъ сладко пѣть, а тамъ подико-сь—сейчасъ шуры-муры!.. Она — дѣвушка благородная, приставать къ ней нѐчего, кукишъ получите!.. вотъ чтò! Администрація!.. туда же, скажите на милость?

Господинъ молчалъ, плотно укутавшись въ пальто; наконецъ, успокоилась и барыня—и все замолчало. Стало скучно и томительно; наконецъ, показался Петербургъ. Я ему обрадовалась, какъ старому другу. Я очень люблю Петербургъ; мнѣ нигдѣ такъ хорошо не живется въ Россіи, какъ въ Петербургѣ.

Я остановилась въ chambres garnies, по рекомендаціи моей деревенской сосѣдки. Мнѣ чрезвычайно хвалили ихъ, говорили, что онѣ совершенно приличныя, пользуются порядочной репутаціей. Тамъ всегда останавливаются семейные люди, и на доскѣ всегда написано нѣсколько фамилій титулованныхъ лицъ, что̀ вамъ непремѣнно поставятъ на видъ, когда вы будете брать комнату.

Хозяинъ этихъ chambres garnies, русскій купчикъ, принялъ меня чрезвычайно любезно. Онъ самымъ обязательнымъ манеромъ обѣщалъ мнѣ все, о чемъ я его просила: и вымыть шторы и окна, и перемѣнить на столахъ засаленныя салфетки, дать другое зеркало, починить мёбель, главное, кресла, потому что изъ восьми два только стояли крѣпко на своихъ ногахъ, остальныя ходили ходуномъ и даже просто оказались на трехъ ножкахъ. За всѣ эти обѣщанія и за комнату съ альковомъ и прихожей онъ взялъ съ меня впередъ пятьдесятъ рублей и затѣмъ успокоился на этомъ совершенно. Первые дни я протестовала: я требовала исполненія его обѣщаній, но, видя его неизмѣнную улыбку и слыша все тѣ же обѣщанія, тоже, наконецъ, стала покойнѣе и... покорилась.

Вообще, надо сказать правду, мы—чрезвычайно покладистый народъ; мы рѣдко сами себѣ дѣлаемъ положеніе: бо̀льшею частію, намъ дѣлаютъ его, а мы только его беремъ и приспособляемся—и ничего; а потомъ даже совсѣмъ входимъ въ назначенную намъ роль. Только не надо съ нами очень круто поступать, а то мы можемъ разсердиться. ну, и во гнѣвѣ—почемъ знать?.. можемъ поступить рѣшительно. Но потихоньку, полегче, помягче—дѣло совсѣмъ другое: можно все заставить насъ сдѣлать, все претерпѣть. Издай кто хочетъ, кто имѣетъ на вершокъ власти—будь это хоть хозяинъ дома, гдѣ вы живете, или даже старшій дворникъ—какія угодно правила и постановленія и введи ихъ полегче, незамѣтно въ кружо̀къ своихъ временно-обязанныхъ и покорятся, непремѣнно. Нѣкоторые, конечно, будутъ сначала фрондировать, слегка ворчать, либеральничать, но мало по малу все исполнятъ. Къ тому же, мы какъ-то—по лѣности, по распущенности, что̀ ли—очень довѣрчивы: намъ скажутъ одно и заставятъ дѣлать другое; мы же, увѣровавъ въ слово, не осо-

бенно вникнемъ въ дѣло и идемъ, куда насъ поведутъ, въ надеждѣ, что исполнятъ же, наконецъ, данныя обѣщанія.

Вообще, мы молча, пассивно признаемъ всякую силу, которая вдругъ явится и разстелетъ надъ нами свою сѣнь или сѣть—какъ хотите.

Вотъ теперь: эти повсемѣстныя исторіи съ chambres garnies!- Развѣ содержатели ихъ—не сила? Кто же можетъ противиться имъ и не признавать ихъ власти? Хозяинъ взялъ впередъ деньги, далъ вамъ взамѣнъ ихъ множество обѣщаній, но, какъ господинъ положенія, можетъ ничего не исполнить; мало того, захочетъ—можетъ взять отъ васъ половину вашей мёбели, не дать дровъ, посуды, самовара и т. п. или давать все это не во-время. Кто ему указъ? На чемъ основаны его обязательства? Если вы не довольны всѣмъ и хотите уѣхать, онъ не возвратитъ вамъ денегъ, даже если вы нашли случай передать вашу комнату кому-нибудь другому. Если же вы хотите съѣхать во что-бы то ни стало, то деньги за вашу комнату, которую вы кому-нибудь сдали, онъ возьметъ себѣ, потому что у него такое правило, которое предполагается вамъ извѣстнымъ—и законъ на его сторонѣ. Захочетъ онъ шумѣть цѣлый день у дверей вашей комнаты—и это въ его волѣ; захочетъ... да мало ли что онъ можетъ сдѣлать, о чемъ никакъ и не догадаешься впередъ!.. Не пойдете же вы судиться изъ-за 20—30 рублей—и стерпите... такъ и я покорилась: ломаныя кресла поставила къ стѣнкѣ и всѣхъ, кто ко мнѣ приходилъ, предупреждала, чтобы на нихъ не садились: шторы отдала вымыть, купила новую салфетку и понемногу устроилась.

Съ однимъ только не могла я дольше всего помириться, это—съ недостаткомъ прислуги; но и то переварила, въ концѣ концовъ. Трепаная, ошеломленная, несуразая горничная летала, тяжело стуча пятками, по корридору. «Т-а-а-тьяна!» слышалось здѣсь; «Татьяна!» слышалось тамъ. «Татьяна, подай самоваръ», «Татьяна, вычисти сапоги». И Татьяна всюду бросалась, и у самой двери вашей слышалось: «чтобъ тебѣ лопнуть, окаянный! ишь разорался!» Но она никуда не поспѣвала и ничего дѣльнаго не дѣлала; она только огрызалась, бѣгала, какъ угорѣлая, отъ одного жильца къ другому, и все съ однимъ и тѣмъ же самоваромъ.

Звонковъ въ домѣ не было, и всѣ, кому нужна была прислуга, кричали сколько у кого хватало силъ.

Первые дни я долго просиживала въ своей комнатѣ, тщетно протестуя противъ заведенныхъ порядковъ, тщетно ожидая горничную, но потомъ, видя, что ничего не подѣлаешь, я начала

понемногу приспособляться и дѣлать кое-что̀ сама. Первое время я была очень этимъ недовольна и искренно чувствовала себя жертвой хозяйской эксплуатаціи; но вдругъ, однажды, разговаривая съ кѣмъ-то о моемъ положеніи, меня внезапно осѣнила мысль, что въ этой физической работѣ именно и есть вся суть дѣла. Мнѣ вдругъ представилось, что я дѣлаю дѣло, если обхожусь безъ прислуги и работаю сама.

Я стала, сначала нѣсколько робко, а потомъ какъ компетентный судья, говорить о физическомъ трудѣ и о необходимости его; я вдругъ прониклась сознаніемъ, что такъ именно и нужно поступать, какъ я поступаю; я даже стала пропагандировать: «Помилуйте, говорила я, физическій трудъ! Да это—необходимѣйшая вещь въ жизни, въ воспитаніи; человѣкъ дѣлается самостоятельнѣе!.. Онъ долженъ себя такъ поставить, чтобы не нуждаться въ помощи другихъ, онъ долженъ умѣть самъ себѣ помочь всегда и во всемъ. Вотъ теперь, я—я могу все сдѣлать: я убираю себѣ комнату, ставлю самоваръ, могу и печку истопить (и все—потому, что два раза вытопила печку, надымивъ, впрочемъ, на цѣлый корридоръ), я все могу сдѣлать сама, все... и дѣлаю, не нуждаюсь въ посторонней помощи! И увѣряю васъ, что это отлично... Это положительно вѣрно, что человѣкъ ка̀къ-то чувствуетъ себя энергичнѣе, бодрѣе!.. И, наконецъ, время такое: человѣкъ долженъ быть ко всему приготовленъ, рѣшительно ко всему... помилуйте!»

И чѣмъ болѣе я объ этомъ говорила, тѣмъ болѣе я сама проникалась своимъ значеніемъ въ дѣлѣ, которое пропагандировала. А меня слушали, мнѣ вѣрили, и многіе проникались моимъ значеніемъ, а я, слушая ихъ мнѣнія о себѣ, еще болѣе увѣрялась, что я—именно такая, ка̀къ говорятъ обо мнѣ.

Въ своей новой роли, я уже забыла первоначальный источникъ, откуда это все пошло, ка̀къ и кто сдѣлалъ мнѣ положеніе и поставилъ на эту дорогу. Я забыла и о хозяинѣ, и о трёпаной Татьянѣ, которую, впрочемъ, въ самый жаръ моей пропаганды о физическомъ трудѣ, я пробовала совратить съ пути и хотѣла подкупить ее служить мнѣ преимущественно предъ другими жильцами. Правда, въ этомъ дѣлѣ я претерпѣла фіаско: взять-то деньги Татьяна взяла, но, все-таки, ничего не дѣлала. Она продолжала, запыхавшись, летать всюду, стуча своими пятками, заглядывала часто ко мнѣ, жаловалась на свою участь—и только. Мнѣ кажется, она, отчасти, нарочно принимала и усиливала этотъ несчастный и страдальческій видъ и нарочно жаловалась на положительную невозможность всюду поспѣвать; это была ея позиція, и она ею выигрывала. Въ самомъ дѣлѣ,

не у всякаго станетъ духу лишній разъ требовать услугу отъ такого несчастнаго, загнаннаго и забитаго созданія!

Въ нижнемъ корридорѣ дѣло обходилось нѣсколько иначе, спокойнѣе, потому, вѣроятно, что тамъ была нѣмка, привычная, послѣдовательнѣе тянущая, изо-дня въ день, свою лямку, съ полнымъ сознаніемъ, что такъ нужно.

Мои утреннія занятія, въ родѣ выливанія воды изъ таза, скоро пріобрѣли для меня особенное значеніе: я увидала въ нихъ новый способъ развлекать себя. Я нарочно разъ пять ходила въ корридоръ къ крану, чтобы имѣть удовольствіе встрѣчать здѣсь за тѣмъ-же занятіемъ всю публику, жившую въ chambres garnies.

Здѣсь у крана завязывались у насъ разговоры, знакомства; я стала называть это: «свиданіемъ у фонтана».

Тамъ встрѣтила я старичка-полковника, милѣйшаго, красивѣйшаго старичка, старожила этихъ комнатъ; онъ освоился съ ними совсѣмъ и жилъ, какъ дома. Онъ зналъ всѣхъ жильцовъ и постоянныхъ, и пріѣзжихъ; тѣхъ, кто стоялъ въ табели о рангахъ повыше, онъ называлъ по имени и отчеству, но разговаривалъ со всѣми. Онъ былъ единственный мужчина въ нашемъ корридорѣ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! говоритъ ему, слегка сконфузившись, старенькая баронесса въ атласномъ, стеганомъ шушунчикѣ и въ короткой юпкѣ, но въ шиньонѣ: —извините меня, пожалуйста... вы видите, опять!.. и она указывала на тазъ, который выливала:—только на меня, пожалуйста, не смотрите; нельзя, вѣдь, одѣться, покуда не устроишь всего! Все это она говоритъ ему въ сотый разъ.

— Ваше превосходительство, матушка баронесса! Вы-то меня извольте простить! И онъ ставилъ бережно свое ведро, сзади себя, чтобы его не видала баронесса, запахивалъ халатъ, одной рукой придерживалъ себя за горло, другою — за животъ, низко кланялся и просилъ не взыскать, что онъ въ халатѣ, да еще при такомъ занятіи, хотя его рѣдко кто видалъ въ иномъ костюмѣ и при другихъ занятіяхъ.

Петра Петровича всѣ любятъ, къ нему всѣ ходятъ за разъясненіемъ разныхъ недоразумѣній; но онъ, бо̀льшею частью, совѣтуетъ покоряться. Онъ со всѣми милъ, но исключительныя его симпатіи на сторонѣ баронессы. Онъ говоритъ про нее: «Король, а не барыня! Гдѣ вы возьмете другую такую барыню, въ ея лѣта, при ея чинѣ и, такъ сказать, при высокомъ ея титулѣ? Заграничной отдѣлки барыня—вотъ что̀-съ, а русская кровь! У насъ на Руси продукты хорошіе, здоровенные, ну, а на-счетъ отдѣлки пасуютъ!.. А ихъ превосходительство — рус-

скихъ родителей дочь и всегда за-границей, три-четыре мѣсяца на году бываютъ только въ Петербургѣ: изволятъ пріѣзжать любоваться на своихъ дѣтокъ!»

Баронесса, дѣйствительно—милая старушка, чрезвычайно удобная для общежитія. Сухая, энергичная, дѣятельная, она очень похожа на парижанку: также щеголеватъ и моложавъ ея видъ, когда она одѣнется, также щеголеватъ и моложавъ ея туалетъ; у нея нѣтъ предразсудковъ; она практично смотритъ на вещи и часто выражается дѣловымъ слогомъ. Она составляетъ положительный контрастъ со своею дочерью, помѣщицей степныхъ губерній, которая каждый годъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ на свиданіе съ матерью. Это—высокая, полная, бѣлая барыня съ добрымъ лицемъ; самое ея общественное положеніе, такъ сказать—быть доброй и добродѣтельной, у нея и видъ такой: большое доброе лицо безъ бровей; большіе нѣсколько удивленные глаза и губы толстымъ сердечкомъ.

Я, конечно, прежде всего, познакомилась съ семействомъ баронессы.

— Я думаю, вамъ неудобно здѣсь, говорила мнѣ съ участіемъ и сочувственнымъ голосомъ молодая помѣщица, нѣсколько нараспѣвъ.—Теперь здѣсь совсѣмъ нехорошо, при этомъ хозяинѣ... совсѣмъ. Я бы ни за что̀ здѣсь не остановилась, но для маменьки... Маменька привыкла къ этимъ комнатамъ, ея не уговоришь переселиться въ болѣе приличное мѣсто.

— Чѣмъ же тутъ неприлично? говорю я:—вотъ, развѣ одно, что самимъ приходится много дѣлать... Ну, да это ничего... И я улыбаюсь; я знаю, что здѣсь мнѣ нельзя говорить серьёзно и увлекательно о необходимости физическаго труда.

— И это одно уже много значитъ—ка̀къ хотите; но я не про то говорю: маменька—ка̀къ тамъ хочетъ, пускай дѣлаетъ сама все, а я—нѣтъ! Я лежу и жду Татьяну, и дождусь... и она приходитъ и дѣлаетъ все, что̀ мнѣ нужно. Мнѣ нѐчего торопиться, мнѣ, вѣдь, не къ спѣху... Все мое, вѣдь, здѣсь! и она поцаловала руку у баронесы.

— Объ чемъ же вы говорите?

— Объ обществѣ, которое здѣсь! Здѣсь, вѣдь, ужасное общество: это—не то, что̀ было прежде!.. Эти chambres garnies потеряли свой семейный характеръ; совсѣмъ уже не то стало.

— Общество? Какое же здѣсь общество?

— Des personnes très peu comme il faut попали въ нашъ корридоръ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да̀! около m-me Багрянецъ какая-то беременная... on ne

sait pas qui est ça! Что-то очень загадочное, по виду—горничная, не горничная, а что-то въ родѣ, только ужь никакъ не барыня... Ну, теперь въ 22-мъ номерѣ—фигурантки! Конечно, мнѣ это—все равно; но я не думаю, чтобы отъ этого просперировали дѣла нашего хозяина — tout ce qu'il y a de plus comme il faut уѣзжаетъ! Вотъ, изъ 16-го номера уѣхала барыня и очень порядочная; потомъ Скиндеръ уѣхали... Я думаю, и m-me Багрянецъ не особенно довольна своимъ сосѣдствомъ, а я, конечно, тутъ болѣе всего недовольна, потому что я ей рекомендовала эти комнаты, увѣряла, что это—самыя порядочныя. Что то она обо мнѣ подумаетъ...

— Пустяки, милушка, не объ чемъ тутъ безпокоиться—вѣдь, это—нѣчто въ родѣ hôtel'я, а гдѣ же это видано, чтобы въ hôtel'ѣ подбирали публику?.. вотъ посмотрите за-границей!..

— Ахъ, maman, за-границей одно дѣло, здѣсь—другое! Кому охота за свои собственныя деньги Богъ знаетъ съ кѣмъ встрѣчаться? Конечно, я, напримѣръ, лично ничего не имѣю противъ этихъ барышень, но...

— Какія же это барышни? спрашиваю я баронессу.

— Фигурантки изъ цирка; я не знаю, что имѣютъ противъ нихъ? По моему, это—прелесть что такое: C'est honnête, c'est moral comme tout! И, несмотря на то, что онѣ прехорошенькія... ни-ни! живутъ-себѣ скромно, тихо, прилично; цѣлый день дома, хозяйничаютъ, сами все дѣлаютъ и цѣлый день поютъ—знаете ли, божественное или вообще что-нибудь невинное, однимъ словомъ, нѣмецкое—никогда этихъ Angot, Timbale d'argent не услышите. Ужь одно это говоритъ въ ихъ пользу... И видъ-то ихъ такой—сейчасъ видно, что у нихъ совѣсть чиста! Это—мои пріятельницы; я всегда съ ними разговариваю: Gut Morgen, schön spazieren—я только это и знаю по-нѣмецки, а онѣ сейчасъ такъ много, такъ много наболтаютъ по своему. Я, конечно, ничего не понимаю, но дѣлаю пріятное лицо, а у нихъ видъ дѣлается такой благодарный и довольный: видно сейчасъ, что онѣ чувствуютъ и цѣнятъ ласку! Это опять говоритъ въ ихъ пользу...

— Конечно, maman, вы, такая добрая!

— Но, вѣдь, онѣ совсѣмъ, совсѣмъ честныя! Ни у одной изъ нихъ нѣтъ, знаете... душеньки; это сейчасъ было бы видно... нѣтъ! c'est tout à fait honnête! tout à fait moral. У нихъ и родители въ Гамбургѣ, и все, что онѣ здѣсь заработаютъ, онѣ все посылаютъ домой себѣ на приданое. У одной изъ нихъ даже женихъ есть дома; я хорошенько не поняла, что-то она

говорила про актуара или про рата, вообще какой-то ихній чиновникъ.

— Вѣдь, ихъ три, maman?

— Да, третья ихъ шапронируетъ, она—имъ не сестра, она старше ихъ, ей лѣтъ тридцать. Видите ли? Даже les apparences sont gardés!..

— А беременная кто?

— Ну, этого я ужь не знаю!

— Какъ же не знаете, maman! Помните, у m-me Багрянецъ, что̀ Софья Степановна говорила... que ce n'est pas grande chose, что за ея комнату платитъ какой-то баринъ и что на паспортѣ она—незамужняя.

— Ну, да мало ли что̀ говорятъ!

— Конечно, намъ дѣла нѣтъ; но я разсказываю m-me A., какъ слухъ...

— Конечно, намъ дѣла нѣтъ, вторю я: — но, все-таки, интересно знать, кто около васъ живетъ...

— Bonjour, mesdames!

— Bonjour, chère madame Багрянецъ, сказала баронесса.

— Bonjour, mon ange, ma douce amie, сказала съ скорбью въ голосѣ ея дочь, и на лицѣ ея выразилось большое сочувствіе.

Вошла въ комнату высокая, красивая женщина, лѣтъ сорока, нарядно и изящно одѣтая; глаза ея были удивительно красивы, но смотрѣли грустно, и вообще видъ ея былъ не особенно радостенъ.

Насъ представили другъ другу.

— Вы откуда или куда? спрашивала ее баронесса. — Quelle toilette! И какая хорошенькая шляпка!

— Шляпка отъ Andrieux, а я отъ князя. Мнѣ сказали, что нужно нарядиться, представляясь ему. Voyez, quel chic! и она улыбалась какъ-то принужденно, показывая свой шлейфъ и свое кружево.

— Chère! Chère! Кто это вамъ сказалъ? И вы были такъ у князя? говорила съ ужасомъ помѣщица: — кто же это васъ надоумилъ? Просительница и такъ одѣлась!.. Христосъ съ вами! Ну, можно ли? Подумали ли вы, что̀ вы дѣлали? Вамъ нужно было бы совсѣмъ бѣдненько одѣться, во все старое... милости не такъ просятъ...

— Но мнѣ положительно сказали, что такъ нужно, нерѣшительно сказала m-me Багрянецъ: — люди, которые это знаютъ, увѣряли, что такъ больше обратятъ вниманіе.

— Не вѣрьте имъ, ma chère, ахъ, не вѣрьте!.. А, впрочемъ, можетъ быть, такъ и нужно, сказала она внезапно, перемѣняя

тонъ. — Да, дѣйствительно, пожалуй, такъ и нужно, почемъ знать! Вы только не огорчайтесь, mon ange!

— Я совсѣмъ и не огорчаюсь!

— Madame Багрянецъ пріѣхала просить за своего сына, сказала мнѣ жалобно помѣщица. — Сынъ замѣшанъ въ какія-то исторіи: знаете, нынѣшнія какія-то книжки читалъ, зналъ что-то, какого-то своего дурацкаго пріятеля скрывалъ... Знаете, теперь эти хохлатые-то вездѣ завелись? Ну, и попался! А жалко, прекрасный былъ молодой человѣкъ, большія надежды подавалъ...

— Какъ же васъ принялъ князь? спросила баронесса.

— Очень любезно, отвѣчала m-me Багрянецъ: — онъ очень милъ; онъ одинъ человѣкъ изъ цѣлой этой фаланги людей—обѣщалъ хлопотать! Но остальная вся эта громада въ пуговицахъ на меня навела страхъ: какіе-то... и она качала головой:—видъ у нихъ нечеловѣческій, все какъ будто разные томы на ножкахъ, разныя постановленія и узаконенія бѣгаютъ. Пробовала заговорить съ однимъ, такъ онъ меня напугалъ: судя по его словамъ, моему бѣдному мальчику и висѣлицы мало... Слеза блеснула у ней на рѣсницѣ.

— Но васъ, конечно, князь обнадежилъ?

— Да, мнѣ обѣщали, сказала грустно бѣдная женщина. — Однако, мнѣ пора. Adieu, mesdames! Раздѣнусь и лягу въ растяжку... я совершенно разбита.

— Бѣдная женщина! сказала помѣщица съ глубокимъ вздохомъ, когда m-me Багрянецъ вышла:—всѣ ея хлопоты напрасны—сына не простятъ!.. Даромъ себя безпокоитъ ложной надеждой, даромъ тратится—мнѣ ее отъ души жаль!..

— Что такое сдѣлалъ сынъ?

— Глупый мальчишка, безъ сердца, мать убиваетъ изъ-за пустяковъ! Вы знаете, что они всѣ теперь болѣе или менѣе помѣшаны на человѣческой несправедливости—мало ли на чемъ? Это теперь въ воздухѣ!.. Каковы нынче дѣтки? какова мораль? Матерью жертвуютъ, мать мѣняютъ Богъ знаетъ на кого, губятъ свою будущность, и изъ чего?.. Я всегда говорила, что изъ него не выйдетъ проку, онъ и съ мала-то былъ такой. Такъ и вышло!

— Но, можетъ быть, его простятъ, говорю я.

— Какое простятъ! Я справлялась, я еще прошлый годъ справлялась; у насъ, вѣдь, есть знакомые, и знакомые вліятельные—ничего нельзя! Злонамѣренное упрямство!

— Мать этого не знаетъ?

— Конечно, не знаетъ... Я—женщина добрая, я не въ состоя-

ніи сказать ей правду; воля ваша, но это ужасно нанести ей такой ударъ! Ну и поддерживаешь въ ней надежду, что сына простятъ и отдадутъ ей на поруки, а иначе — вы знаете, она способна бросить все и ѣхать къ нему туда! Une femme d'un certain âge, une femme comme il faut!

— Но можетъ быть ей было бы лучше, если бы вы ей сказали правду?

— Не знаю... не думаю, нѣтъ! Но, кромѣ того, вѣдь, это—дѣло рискованное. Хоть мнѣ и жаль ея, что она напрасно тратится—вотъ и сюда пріѣхала, и жизнь здѣсь... вѣдь, они очень небогаты... Но какъ взять на свою отвѣтственность отсовѣтывать ей? Напротивъ, я прямо сказала — поѣзжайте, когда меня спросили. Ну, а вдругъ съ нею что-нибудь случится, если я ей скажу правду, скажу, что нѐ для чего ѣхать? Скажутъ потомъ: я виновата, я ее убила... Нѣтъ, слуга покорная: нужно и объ себѣ подумать!

— Это, пожалуй, и правда, говорю я.

— Но, кромѣ того, а это главное! Я не могу видѣть страданій. Какъ хотите, а это ужасно тяжело! Какъ, вдругъ огорчить ее? Это выше меня, Какъ, такъ-таки, прямо сказать — не надѣйтесь! Нѣтъ, нѣтъ, я этого не могу!.. У меня, вѣдь, глупо-доброе сердце, вы себѣ и представить не можете: я плачу, положительно плачу, когда у другого горе. Меня дома оберегаютъ, и что случится, мнѣ не говорятъ. Мужъ у меня—чудесный человѣкъ; онъ до меня ничего не допускаетъ. И представьте, maman, все это съ тѣхъ поръ, какъ меня перепугали съ прачкой: наша прачка обожгла себѣ ногу—какія были страданія! Я не могла слышать ея стоновъ и ушла, и ужь изъ другого дома присылала ей лекарство и помогла! А прислуга такъ глупа, вѣчно все перевираетъ. Я ужь потомъ къ ней Машеньку послала.

— У m-me Багрянецъ нѣтъ протекцій?

— Нѣтъ никого; они какъ-то совсѣмъ одиноко стоятъ...

— Но, можетъ быть, его и такъ простятъ?

— Да нѣтъ же! Я справлялась, говорятъ вамъ: cousin моей belle soeur—помощникъ князя.

— И вы его просили?

— Какъ же можно просить въ такихъ дѣлахъ? Что вы? И справляться-то даже рискованно: тутъ дѣло серьёзное, на это серьёзно смотрятъ! Кто же рѣшится компрометировать себя подобной просьбой и для другихъ? c'est trop risquer, chère madame! А потомъ всякій для себя свою протекцію бережетъ—протекціей нельзя злоупотреблять! Ну, а если мнѣ что будетъ нужно са-

мой, кого же я-то буду тогда просить? Нѣтъ, протекцію каждый самъ для себя приберегаетъ, не такъ ли?

— Это конечно.

— Ныньче хорошая протекція—все равно, что̀ капиталъ, даже лучше, даже вѣрнѣе... Вонъ капиталы-то какъ въ ба̀нкахъ лопаются! У насъ чуть-чуть десять тысячъ не пропало въ Москвѣ, да спасибо во̀-время узнали и взяли. А все вамъ и тутъ опять протекція, безъ нея плохо было бы...

— Это дѣйствительно, говорю я.

Вечеромъ того же дня, я познакомилась съ двумя «этими барышнями». Онѣ шли въ циркъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ были очень красивы, въ особенности одна — положительно типъ Мадонны. Обѣ бѣлокурыя, нѣжныя, стройныя, съ самымъ дѣтски-невиннымъ лицомъ и простодушнымъ взглядомъ; онѣ звонко смѣялись и показывали здоровые зубы. Туалетъ ихъ былъ безупречноизящный и по послѣдней модѣ; на рукахъ толстые браслеты, въ ушахъ брильянты. Онѣ, дѣйствительно, съ большой признательностью и, такъ сказать, съ благодарностью относились къ баронессѣ на ея Gut Morgen, schön spazieren. Манеры ихъ были скромныя, приличныя, и я вполнѣ согласилась съ баронессой, когда та сказала про нихъ: «прелесть, а не дѣвочки».

На другой день, проходя мимо нумера этихъ барышень, я увидѣла на порогѣ отворенной двери одну изъ нихъ.

— Gut Morgen Fräulein, сказала я ей.

— Gut Morgen, мадамъ, сказала она, прискакнувъ на мѣстѣ.

— Вы всегда такъ веселы, такъ звонко смѣетесь, поете... Я всегда съ удовольствіемъ слушаю васъ.

— Это моя сестра больше поётъ: Sie hat eine schöne Stimme; я меньше пою—у меня не такъ хорошъ голосъ!

— Нѣтъ, отчего же, и вы не дурно поете!.. васъ только двѣ?

— Нѣтъ, съ нами живетъ нашъ другъ, unsere gute Freundin.

— Вы довольны вашей квартирой?

— О да̀! Мы совсѣмъ довольны!

— У васъ много комнатъ?

— О, нѣтъ! всего одна; но намъ больше не нужно... Wollen Sie herein—сдѣлайте одолженіе, войдите: Bitte! И она отворила дверь.

— Я вошла.

Комната была маленькая въ одно окно, заставленная такъ, что только по срединѣ оставалось крошечное свободное пространство; но въ эту минуту и оно было занято гладильной доской. На окнѣ стояла керосиновая кухня, кострюли, банки и провизія, а на бумагѣ лежалъ кусочекъ полуразплывшагося масла.

Надъ единственной кроватью висѣла цѣлая гора крахмальныхъ юбокъ, по стѣнамъ висѣли платья. На комодѣ симетрично разложены были длинныя бѣлокурыя косы съ цѣлымъ ворохомъ кудрей и локоновъ; на полкѣ батарея косметиковъ, все больше домашняго приготовленія. Въ открытомъ ящикѣ комода виднѣлись другія хозяйственныя принадлежности: въ сѣрыхъ фунтикахъ горохъ, бобы, картофель, разныя крупы и сушеныя яблоки. Отъ варившихся на окнѣ Linsen mit Speck (чечевица съ остатками жира отъ ветчины) стоялъ въ комнатѣ чадъ. Между окномъ и комодомъ стоялъ столъ, накрытый желтою скатертью и установленный мелочами, вовсе не идущими къ дѣлу, безъ которыхъ, однако, нѣмка обойтись не можетъ: тутъ была и клѣточка съ восковой птичкой, и свистулечка, и дѣвочка въ ванночкѣ, и всякая дрянь—дешевенькая, некрасивая и запыленная. Между всѣмъ этимъ красовался большой портретъ въ великолѣпной рамкѣ матовой бронзы съ баронской короной наверху: шары на коронѣ были громадные, больше наперстка. На портретѣ виднѣлся молодой нѣмецъ въ позѣ Байрона, но съ удивительно глупымъ выраженіемъ лица. У нѣмца, должно быть, для большаго сходства съ Байрономъ, и воротъ былъ открытъ, и шея голая, и на плечѣ пледъ, накинутый на манеръ байроновскаго плаща, а самъ нѣмецъ былъ курьёзно растрепанъ.

— Das ist mein Bräutigam, сказала мнѣ съ гордостью барышня.

Между шкапомъ и печкой за задернутой ситцевой занавѣской спрятано было корыто и еще много чего-то изъ домашняго скарба. Кромѣ постели, въ комнатѣ стоялъ диванъ, но такой крошечный, что на немъ могъ улечься только пятилѣтній ребёнокъ. Несмотря на то, что было около двухъ часовъ, всѣ три барышни были не одѣты, въ короткихъ нижнихъ юбкахъ темнаго цвѣта, изъ-подъ которыхъ виднѣлись большія плоскія нѣмецкія ноги, въ пестрыхъ чулкахъ и въ безобразныхъ туфляхъ, тѣхъ туфляхъ, которыя шьются изъ остатковъ солдатскаго сукна и продаются по дворамъ. Всѣ три были въ бумазейныхъ ночныхъ кофтахъ, совсѣмъ грязныхъ, сами нечесаны, съ трепанными, висячими, какъ лыко, волосами. «Gute Freundin» была нѣсколько опрятнѣе одѣта, какъ будто аккуратнѣе, и за дѣломъ—она гладила воротнички и мѣшала ложечкой Linsen mit Speck, но обѣ красавицы не дѣлали ничего и производили довольно непріятное впечатлѣніе своимъ засаленнымъ видомъ. Самая красивая изъ нихъ спала, завалившись просто на кровать, даже безъ подушки; путанные волоса совсѣмъ закрывали ей лицо, и одна

рука, красная и запухшая, свѣсилась внизъ. При моемъ приходѣ, ее разбудили.

— Ach du, Faulpelz, говорила ей gute Freundin, дружески стукая ее по спинѣ, однако такъ, что гулы разнеслись по комнатѣ:—ей бы только спать цѣлый день! Sehen Sie, мадамъ, наша schöne Альбертина: она совсѣмъ не любитъ работать и не хочетъ привыкать къ ней; она говоритъ, что это ей не нужно, что она будетъ eine grosse russische Dame, и у нея будутъ лакей и дѣвушки... Это ей только говорила гадальщица... Nicht wahr, Альбертина? И онѣ всѣ три звучно и весело захохотали, и я вмѣстѣ съ ними.—Вотъ, Анжелина—не то: Анжелина будетъ такъ же grosse Dame, но только наша, нѣмецкая — она не хочетъ измѣнить своей національности. Ну, и она хозяйственнѣе, она умѣетъ варить супъ безъ соли. Опять смѣхъ.

— Что̀ же, mesdames, весело вамъ въ циркѣ?

— О, да̀! въ три голоса закричали онѣ:—очень весело!

— Вы скачете на лошадяхъ?

— О, да̀! А Альбертина танцуетъ.

— И вы не боитесь упасть?

— О, нѣтъ!.. Насъ родители пріучали къ этому съ раннихъ лѣтъ...

— Ваши родители также служатъ въ циркѣ?

— О, нѣтъ! Папа̀ у насъ образованный.

— Онъ былъ въ университетѣ?

— О, нѣтъ! папа̀ нашъ былъ банкиръ въ Гамбургѣ. Онъ сначала былъ очень богатъ. Теперь онъ совсѣмъ старый.

— Но знаете ли? Er führte erst ein sehr unregelmässiges Leben—отъ того и раззорился.

— Сестра мамаши его обобрала; она была также въ циркѣ, у насъ въ Гамбургѣ—наѣздница...

— Она была вѣтренная, leichtsinnig... она потомъ уѣхала въ Парижъ.

— Но это ей въ прокъ не пошло; она не умѣла сберегать, sie wusste nicht zusparen.

— Она все сама прокутила.

— У нея, какъ вода изъ рукъ, ушли всѣ деньги; она очень много получала: ей разъ подарили домъ!.. А потомъ она стала бѣдная.

— А папаша тогда женился на ея сестрицѣ, на нашей мамашѣ: она хозяйничала у Tante.

— Папаша сказалъ, что хоть часть того, что̀ онъ далъ Tante, возвратилось ему съ мамашей: мамаша управляла ея дѣлами;

Tante все бросала — такая нерадивая, а мамаша сберегала что̀ могла—ну и имѣла!

— Папаша былъ очень доволенъ, когда мамаша возвратила ему кольцо съ волосами Шиллера, которое онъ далъ Tante, а она его бросила. Вѣдь, это—рѣдкость!

— Онъ очень тронулся поступкомъ мамаши.

— И это рѣшило ихъ судьбу.

— Отчего же васъ они вздумали подготовлять къ цирку?

— Мамаша думаетъ, что это—самое выгодное ремесло.

— Ихній папаша говоритъ, сказала gute Freundin:—что, чѣмъ ушибся, тѣмъ нужно и лечиться: его богатство ушло на циркъ, и циркъ долженъ сдѣлать богатымъ его и его дѣтей!

— Natürlich! нужно быть только аккуратнѣе и умѣть сберегать что̀ получишь, сказала барышня, похожая на мадонну.

— О, конечно!

— А потомъ это ремесло—такое, опять заговорила gute Freundin:—на виду у всѣхъ! Посмотрите, ка̀къ за ними ухаживаютъ!

— А за вами многіе ухаживаютъ?

Сестры сдѣлали утвердительный жестъ, мило и дѣтски улыбаясь.

— За которой же больше?

— Ровно! сказали обѣ съ гордостью.

— Вамъ, вѣроятно, преподносятъ множество букетовъ?

— О, нѣтъ, сказали онѣ обѣ въ одинъ голосъ:—мы этого не любимъ; мы всегда говоримъ, что пусть лучше намъ даютъ вещи—это гораздо практичнѣе.

— Мы никогда не принимаемъ букетовъ...

— Вотъ ка̀къ! И вамъ даютъ вещи?

— О, да̀! еще какія! говоритъ съ важностью gute Freundin.

— Мамаша намъ говорила, что лучше всего, когда даютъ золотыя вещи, даже самыя маленькія — это гораздо лучше, чѣмъ всѣ эти пустяки!..

— Золото всегда въ цѣнѣ, говоритъ совершенно спокойно Анжелина, свѣтло и ясно глядя на меня своими прелестными глазами, въ которыхъ виднѣлось полнѣйшая увѣренность, что она сказала самую святую истину въ мірѣ.

— У насъ, у каждой, есть уже по три пары часовъ, въ Гамбургѣ, у мамаши.

— И здѣсь мы получили по двѣ пары...

— Вотъ ка̀къ!

— А одни часы у Анжелины удивительныя: брильянтами написано: «красавица—люблю». Это русскій прислалъ.

— Покажите мнѣ ихъ!

— Теперь нельзя—они въ той комнатѣ...

— Развѣ у васъ есть другая комната? Вы говорили, что одна.

— Одна комната для насъ: это — наша жилая комната. А развѣ можно принимать здѣсь гостей? И опять всѣ дружно захохотали.

— Конечно, у насъ есть комната для гостей, внизу — очень красивая комната, большая: и тамъ всѣ наши драгоцѣнности...

— И одна изъ васъ тамъ спитъ?

Опять дружный хохотъ.

— О, нѣтъ! кàкъ же это можно тамъ спать? Тамъ мы принимаемъ, das ist bei uns ganz anständig... совсѣмъ прилично... тамъ у насъ графъ былъ.

— А вотъ ключъ, показала мнѣ Альбертина, для вящаго доказательства, и улыбнулась.

— А вы много получаете въ вашемъ циркѣ?

— Я сто семдесятъ пять, а Анжелика—сто двадцать.

— Въ мѣсяцъ?

— Въ мѣсяцъ.

— Ого! да, вѣдь, это много!

— О, нѣтъ! вѣдь, мы на своемъ туалетѣ! хорошо, что намъ все изъ Гамбурга присылаютъ, а то было бы невыгодно.

— И вы все это жалованье проживаете?

Всѣ три опять расхохотались.

— Кàкъ же это можно? Мы родителямъ посылаемъ; они намъ копятъ. Кто же намъ приданое сдѣлаетъ? Вотъ, у Анжелины денегъ гораздо больше, чѣмъ у меня: ей князь одинъ далъ три тысячи... Папаша на нихъ проценты получаетъ, ну, и половину процентовъ Анжелина ему позволяетъ брать для себя...

— Вѣдь, мы всѣмъ обязаны родителямъ: за насъ платили двѣнадцать талеровъ въ мѣсяцъ, чтобы мы выучились танцовать.

— Мы должны помогать родителямъ.

— Мы всѣ наши платья посылаемъ мамашѣ.

— Она можетъ ихъ продать.

— Я послала мамашѣ брошку, а папашѣ перстень—мнѣ одинъ купецъ подарилъ.

— Какой это былъ князь, который вамъ далъ три тысячи? спросила я.

— Изъ Египта! говоритъ дѣтски-плутовато, но гордо улыбаясь, дѣвушка.—О, это—настоящій князь! совсѣмъ настоящій!

— Онъ далъ еще свой великолѣпный портретъ, большой, въ вызолоченной рамѣ.

— Но мамаша оставила его себѣ—онъ висѣлъ у насъ въ гостиной, въ Гамбургѣ.

— Какъ же это онъ вамъ далъ?

— Что?

— Деньги?

— Да просто.

— Но однако?

— Aber wie sind Sie drollig, мадамъ. Ну, написалъ записку, что она очень понравилась, чтобы пріѣхала... Ну, она и поѣхала съ мамашей; мамаша ихъ никогда и никуда однѣхъ не пускаетъ, не довѣряетъ, сказала gute Freundin.

— Нынче свѣтъ такой дурной сталъ, сказала наивно дѣвушка:—никому нельзя довѣрять...

— И онъ вамъ такъ далъ эти три тысячи?.. говорю я, нѣсколько сконфуженная моимъ вопросомъ—такъ просто... здорово живешь...

— О, нѣтъ! сказала gute Freundin, нѣсколько нагло улыбаясь:—развѣ такъ можно? Кто же теперь будетъ давать даромъ деньги... Онъ ее цаловалъ, конечно, эту милочку...

Вообще, эта gute Freundin нѣсколько отличалась отъ своихъ пріятельницъ: въ ней виднѣлся нѣкоторый цинизмъ и наглость, но опять и этотъ цинизмъ, и эта наглость были какіе-то простые, какіе-то натуральные: казалось, будто передъ вами стоитъ экземпляръ особой породы людей—породы, которой или вовсе никогда не была извѣстна цѣлая область человѣческихъ ощущеній, или таковая утратилась вслѣдствіе долгой выработки и тщательнаго подбора.

— И онъ васъ цаловалъ при мамашѣ? спрашиваю я.

— Ach, Gott! закричали онѣ всѣ три, надрываясь отъ смѣху. Gute Freundin схватилась даже за бока.—Да развѣ это можно? Мамаша осталась въ передней; съ нею остался адъютантъ, говорили онѣ, не переставая смѣяться.

— Да еслибъ она посмѣла цаловаться при мамашѣ, то получила бы славную пощечину!.. Цаловаться при мамашѣ!.. И опять смѣхъ.

— Нѣтъ, у насъ не такъ, какъ здѣсь! говоритъ, успокоившись нѣсколько, gute Freundin.—О, у насъ мать оберегаетъ свою дочь, наблюдаетъ за нею... она за нею слѣдомъ... Конечно, это бываетъ только въ anständige Familien... И у насъ, конечно, бываютъ всякія, какъ и вездѣ... Но умная мать у насъ не допуститъ до глупости—она строго смотритъ...

— Насъ потому только мамаша отпустила сюда однѣхъ, что

она въ насъ увѣрена... И потомъ, всѣ наши знаютъ, что мы живемъ съ gute Freundin.

— У насъ недавно былъ одинъ купецъ изъ Гамбурга.

Я ушла, но меня интересовали эти барышни: эта хозяйственная нѣмецкая мораль мнѣ не давалась; я такихъ еще не видывала, и мнѣ непремѣнно хотѣлось добиться толку.

Дня черезъ два, я еще разъ зашла къ нимъ, часовъ въ пять вечера. Онѣ опять были все въ тѣхъ же костюмахъ; только лица ихъ были вымазаны чѣмъ-то жирнымъ и лоснились, вообще видъ былъ не особенно привлекателенъ, на лбу висѣли бумажныя папильотки. На кровати и диванѣ разложены были чистыя юпки, прелестныя платья и все, что̀ нужно для изящнаго туалета. Онѣ сидѣли около стола, съ засученными рукавами. Gute Freundin гадала, а онѣ смѣялись звонко и весело.

— Чего это вы такъ смѣетесь, mesdames?

— По картамъ вышло, что Анжелина надуетъ своего Schatz'а, возьметъ другаго.

— Этому измѣнитъ? и я показала на портретъ.

— Да̀, сказала дѣвушка, это—мой Schatz... Но это неправда, что я могу ему измѣнить, она шутитъ...

— Вѣдь, онъ—благородный! er ist edel!

— Баронъ! сказала Анжелина.

— Вы говорите, что онъ—вашъ женихъ; отчего же вы не выходите за него замужъ?

— Надо подождать... Когда умретъ его мамаша... ему теперь не позволяютъ... А я покуда куплю себѣ приданное.

— А у васъ есть Schatz? спросила я другую сестру.

— Еще бы! Чтобы у Альбертины не было Shatz'а, сказала съ гордостью gute Freundin:—у такой милочки чтобы не было? Альбертинхенъ, покажи твой альбомъ!

Альбертина пошла въ комодъ, ящикомъ ниже того, гдѣ хранился картофель и крупа, и вынула завернутый сначала въ старую кофту, а потомъ въ бумагу, красивый парный альбомъ. Въ альбомѣ, на первыхъ восемнадцати страницахъ стояла Альбертина въ разныхъ по̀захъ и въ разныхъ костюмахъ, рядомъ съ разными Shatz'ами, начиная съ солдатской формы и костюма гимнаста и кончая генеральскимъ мундиромъ. «Этотъ подарилъ мнѣ брошку, этотъ—серьги, тотъ далъ то-то, а этотъ другое, а одинъ просто кролика съ серебрянымъ бубенчикомъ на голубой ленточкѣ и стихи на ажурной бумажкѣ».

Я пришла въ нѣкоторое удивленіе относительно множества Shatz'овъ, тѣмъ болѣе, что барышня говорила, что ей всего только восемнадцать лѣтъ.

— А это—мой альбомъ, говоритъ Анжелина.

— Также вмѣстѣ съ Shatz'ами?

— Дà.

— Такъ значитъ и у васъ есть Shatz'ы, несмотря на то, что у васъ есть женихъ?

— О, нѣтъ! мнѣ теперь ихъ не нужно, я уже пріобрѣла себѣ одного—настоящаго! Это—все прежніе или которые мнѣ дарятъ...

— Посмотрите, какой у нея есть хорошенькій гусаръ—я просто укусила бы его, говоритъ gute Freundin:—вотъ бы никогда съ нимъ не разсталась!

— Дà, но онъ былъ очень бѣденъ!

Я просмотрѣла и этотъ альбомъ и опять увидѣла цѣлый рядъ всевозможныхъ Shatz'овъ: и старыхъ, и молодыхъ, и уродливыхъ, и красивыхъ, и опять услышала цѣлый перечень подарковъ.

Въ недоумѣніи смотрѣла я на дѣвушекъ, на ихъ невинныя, почти дѣтскія лица, и одинъ вопросъ такъ и просился у меня на языкъ.

— И все это—ваши Shatz'ы?.. Кàкъ же вы?.. Мнѣ было совѣстно сказать, но, наконецъ, любопытство одолѣло, и я нàскоро спросила:

— У васъ не было дѣтей?

Онѣ обидѣлись.

— Дѣтей! Aber was meinen Sie von uns, мадамъ! Мы—честныя дѣвушки, мы не такъ, какъ русскіе!.. русскіе, всѣ такъ думаютъ... Мы—совсѣмъ не то...

Я нѣсколько опѣшила.

— Но кàкъ же это? твержу я.

— Здѣсь совсѣмъ eine andere Moral, чѣмъ у насъ, говоритъ нѣсколько разсерженная gute Freundin:—здѣсь мужчины ужасны, ни одного маленькаго подарка—сейчасъ предлагаютъ was Niederträchtiges! Они ни во чтò не ставятъ честь дѣвушки: разъ подарилъ и ужь предлагаютъ... фуй, Schweine!..

— Здѣсь ужинать даромъ не дадутъ; сейчасъ разговоры такіе... ужасно! Русскіе въ этомъ отношеніи — sind schreklich! Да я лучше буду сухой хлѣбъ ѣсть, лучше буду голодать, но останусь честной—это мое лучшее приданое!

— Но кàкъ же? Неужели вы никого изъ этихъ вашихъ Schatz'овъ не любили? Вотъ, вы сейчасъ цаловали карточку...

— Ну, такъ чтòже? Любила! Это только русскія дѣвушки не могутъ себя сберегать, сказала Альбертина презрительно.

— Насъ тогда никто изъ anständige Herrn замужъ не возьметъ,

если мы не будемъ цѣломудренны...Невинность—это самое первое украшеніе дѣвушки!..

— И потомъ, вѣдь, глупо жертвовать собою для Schatz'a... Schatz'ы непрочны: это—не мужъ... мужъ на всю жизнь!

— И хорошій семьянинъ никогда не возьметъ подобную дѣвушку!

— Богатый и anständiger человѣкъ можетъ всегда выбрать себѣ жену и хорошенькую, и честную; онъ не возьметъ такую.. Зачѣмъ ему?

— А еслибы вы полюбили бѣднаго?

— Нѣтъ, это невозможно! Очень нужно любить бѣднаго, когда можно полюбить богатаго и устроиться какъ слѣдуетъ... У насъ большой выборъ.

— Папаша говоритъ, что это будетъ самое послѣднее дѣло! И не для этого мы такъ работали и старались выйти на дорогу. Родители для насъ всѣмъ жертвовали—сначала насъ содержали, а чего это стòило? а ученье?

— Ну, а если вы ошибетесь и примете богатаго за бѣднаго, да и полюбите?

— Нѣтъ—мы справляемся! Вотъ, у насъ и сестра вышла за богатаго—теперь vornehme Dame, въ Вѣнѣ живетъ. Ай, ай, ай. скоро шесть! Пора одѣваться.

Мы разошлись.

— А какой здѣсь сейчасъ скандалъ былъ! встрѣтила меня помѣщица, когда я проходила мимо ея комнаты:—зайдите-ка сюда. Гдѣ это вы были? Слышали?

— Нѣтъ, ничего не слыхала, я была у нѣмокъ.

— Не правда ли—милочки? Но здѣсь чтò было! Это... Это—ужасъ! Представьте себѣ, оказалось все правда: эта барыня въ почтенномъ положеніи—ужасная дрянь! А главное—не стыдится этого и, такъ-таки, всѣмъ и бросила въ глаза, чтò она такое. Баринъ, который за нее платитъ, пришелъ ее провѣдать—должно быть ему донесли, что она больна; а она его выгнала, безъ всякой церемоніи выгнала, да еще накричала на цѣлый корридоръ, нисколько не щадя себя, и все разсказала! Вотъ-то беззастѣнчивость! Вы только послушайте...

А—ва.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СМЕРТИ.

... съ дѣтскихъ дней
За тобой пойду я всюду.
Ты умрешь — я плакать буду
Надъ могилою твоей.

В. Курочкинъ.

Ясно уму: человѣкъ —
Прахъ и удѣлъ его—тлѣнье!
Смерть разбиваетъ на-вѣкъ
Съ формою вмѣстѣ явленья.
Но кто терялъ дорогихъ,
Скорбною болью тотъ знаетъ:
Выводовъ сердце такихъ
Въ немъ никогда не признаетъ!

Образъ любимый—ярчѣй
Призрака—въ мысли приходитъ,
Отъ огорченныхъ очей
Онъ по часамъ не отходитъ!..
Сномъ наше чувство зоветъ
Смерть, и подъ крышкой гробовой,
Кажется сердцу, живетъ
Милый намъ жизнію новой...

Уничтоженье для насъ
Просто звучитъ непонятно...
Братъ отстрадавшій! угасъ
Ты навсегда, безвозвратно...
Умеръ ты... въ землю зарытъ...
Слышалъ я это... и знаю,
Плачу не даромъ навзрыдъ
Я, о тебѣ вспоминая...

Но столько въ прошломъ легло
Яркихъ минутъ между нами,
Мысли твоей такъ свѣтло
Было горѣвшее пламя,
Что горькой вѣстью смущенъ,
Ужасомъ правды осиленъ,
Вѣрить могу я въ твой сонъ,
Въ уничтоженье—безсиленъ!

Пусть это—только обманъ!
Горько я радъ и обману,
Какъ дорогой талисманъ,
Я сберегать его стану.
Умъ въ этотъ разъ на корню
Мнѣ не подрѣжетъ химеру,
Я... отъ ума схороню
Эту послѣднюю вѣру!

Стану я въ мысли считать
Смерти обличье за дрёму,
Мертвому брату желать
Добраго сна, какъ живому...
Чтобы свободы, весны
Грёзы надъ нимъ проносились,
Чтобъ ему свѣтлые сны
Въ темной могилѣ приснились!..

Н. Курочкинъ.

СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО ОПТИМИСТА.

Бѣдность и трудъ
Вмѣстѣ живутъ
Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
Слава святому труду!

Съ вашего позволенія, читатель, мы теперь отправимся къ цыганамъ...

Впрочемъ, чтобъ не возбуждать напрасныхъ опасеній или неосновательныхъ надеждъ, смотря по личному вкусу читателя, оговоримся: хоть рѣчь наша и пойдетъ, дѣйствительно, о бродячемъ цыганскомъ людѣ, однако, ничего фантастическаго, ничего страшнаго или трущобнаго въ нашемъ разсказѣ не будетъ; мы не отправимся ни въ таборы, ни въ вертепы. Напротивъ того, мы выберемъ для нашихъ наблюденій очень свѣтленькій, очень открытый домикъ съ зелеными ставнями, съ горшками гераніума на окнахъ...

О, да читатель, безъ сомнѣнія, хорошо знаетъ эти всѣмъ знакомые, патріархальные домики, низенькіе, деревянные, частію вросшіе въ землю, изъ которыхъ на улицу долетаетъ дѣтскій крикъ, перебранка взрослыхъ, шипѣнье сковороды, трещанье мельницы. Ему, конечно, не хуже, чѣмъ намъ, знакомы и обитатели этихъ домиковъ: старый, небритый чиновникъ въ отрепанномъ халатѣ, въ туфляхъ безъ задковъ; его супруга, облеченная въ капотъ того оригинальнаго фасона, который только свойственен капотамъ петербургскихъ чиновницъ; ихъ потомство многочисленно, какъ песокъ морской; ихъ жилецъ—студентъ, и жилецъ ихъ жильца—художникъ.

Не правда ли, читатель, что домики эти, несмотря на безобразіе своей постройки, на всю бѣдность своихъ обитателей, не лишены извѣстной доли прелести.

Посмотрите на любой изъ нихъ въ тихій весенній вечеръ, когда шумъ уличный затихъ, синева неба сгустилась, а косой лучъ заходящаго солнца, мягко скользнувъ по домику, разсы-

пался золотымъ снопомъ и затопилъ свѣтомъ его крошечныя комнатки. Старинные веревочные часы явственно отчеканиваютъ свое «тикъ-такъ»; сѣрый котъ усѣлся между цвѣточными горшками, повернулъ къ свѣту свою флегматичную морду и дремлетъ лѣниво; зайчикъ отъ отвореннаго окна, задѣвъ дверь, перебѣжалъ въ кухню и дрожитъ тамъ на темной стѣнѣ; а по немъ, легкой тѣнью, скользятъ клубы пара, слышенъ звонъ чашекъ и говоръ, и смѣхъ.

Или темнымъ осеннимъ вечеромъ, когда вѣтеръ шумитъ и срываетъ съ деревъ помертвѣвшіе листья, стонетъ на чердакахъ, стучитъ въ окна, гонитъ холодныя сѣрыя тучи, остановитесь на мигъ предъ этимъ домикомъ, какъ бы съёжившимся отъ стужи, загляните въ широкія щели его ставень: какъ тамъ уютно въ этой коморкѣ! Вонъ, въ темномъ уголку, подъ мигающей лампадкой, дѣти примостили гладильную доску, хохочутъ и катаются съ горъ; а напротивъ, у дивана съ выпуклой спинкой, усѣлись взрослые за карты: хозяинъ затянулся трубочкой и, съ лукавымъ видомъ, подмигиваетъ партнерамъ, такимъ же сѣденькимъ старичкамъ, какъ и онъ; а жена его глубокомысленно устремилась на свои карты и, въ меланхолическомъ раздумьѣ, барабанитъ рукой по столу; старушка въ массивныхъ черепаховыхъ очкахъ, присосѣдившаяся было поближе къ лампѣ, забыла свой чулокъ, наклонилась и вся ушла въ созерцаніе картъ своей сосѣдки; тутъ же, за спинами старшихъ, столпилась молодежь, остритъ, шушукаетъ и смѣется.

Да, жизнь вездѣ одинакова, и въ палатахъ, и въ лачужкахъ; радость всюду смѣняется печалью и печаль радостью; каждому изъ насъ выпадаетъ своя доля горя и своя доля счастія; вся разница—въ различіи нашихъ взглядовъ и нашихъ стремленій, заставляющая видѣть одного непроницаемую тьму тамъ, гдѣ для другого сіяютъ всѣ цвѣта радуги, и наоборотъ.

Обитатели патріархальныхъ деревянныхъ домиковъ не дѣлаютъ исключенія изъ общаго правила, несмотря на всю свою бѣдность; они также умѣютъ и плакать, и смѣяться. Конечно, ихъ смѣхъ и плачъ не похожи на смѣхъ и плачъ богатыхъ людей; ихъ жизнь идетъ особою колеей и потому слагается на свой собственный ладъ... Впрочемъ, мы отнюдь не намѣреваемся проводить параллель далѣе и развивать свои собственныя на этотъ счетъ сужденія: мы просто хотимъ какъ можно ближе къ правдѣ описать жизнь и приключенія обитателей одного изъ деревянныхъ домиковъ и потому, прерывая себя, переходимъ къ разъ предначертанной цѣли.

Домикъ нашъ, какъ ужь сказано выше, имѣетъ видъ болѣе

или менѣе присущій всей категоріи небольшихъ деревянныхъ домиковъ Петербурга; стоитъ онъ, слегка накренившись, между двумя заборами, въ уединенной улицѣ, гдѣ и зимой, и лѣтомъ царствуетъ та особая тишина, свойственная только однимъ окраинамъ большого города, въ которой необычайно ясно и громко раздаются и шаги прохожаго, и дребезжанье дрожекъ, и разговоръ двухъ сосѣдокъ, одновременно высунувшихся изъ окна.

Нижній этажъ нашего домика, должно быть, порядкомъ вросъ въ землю; по крайней мѣрѣ, окна его такъ низки, что въ лѣтніе дни дѣти, бродя по улицѣ, садятся отдыхать на ихъ подоконники; а мы, желающіе заглянуть въ его нижнюю квартиру, только нагнувшись, можемъ сквозь вѣтви гераніума, китайской розы и олеандра разсмотрѣть угольную комнату. Она очень невелика, тѣмъ болѣе, что цѣлая четверть ея отгорожена подъ спальню широкимъ шкапомъ и зеленой драпировкой: пара стульевъ, клеенчатый диванъ съ вальками, низенькій и просиженный; пузатый комодъ, на немъ шкатулка, два мѣдныхъ шандала, нѣсколько фотографическихъ картъ въ рамкахъ и собачка съ письмомъ въ зубахъ. Въ простѣнкѣ, подъ небольшимъ зеркальцомъ, обвитымъ плющемъ, ломберный столъ съ № «Сына Отечества» и раскрытыми очками; налѣво, въ углу, между окномъ и дверью, старое кожаное кресло; потемнѣвшая икона, теплящаяся лампадка, а подъ нею большое фарфоровое яйцо.

Комната эта, отъ густо разросшихся цвѣтовъ и закоптѣвшихъ кисейныхъ занавѣсокъ, кажетъ довольно темна; кромѣ того, она и обращена на сѣверъ; но чрезъ отворенную половинку двери, находящейся напротивъ насъ, изъ сосѣдней комнаты врывается лучъ яркаго свѣта, долетаетъ чириканье птицъ и шелестъ деревьевъ. Должно быть, тамъ, направо, у самаго окна, разросся кустъ; вѣтеръ колеблетъ его, и вотъ тѣнь, ярко отпечатлѣвшись на освѣщенномъ полу, киваетъ и вздрагиваетъ, и бьется.

Имѣя возможность окинуть взглядомъ полкомнаты, мы только и видимъ, что край стола, нѣкогда бывшаго съ полами, стулъ съ просиженнымъ сидѣньемъ, да край кушетки, подпертой полѣномъ.

Читатель, можетъ быть, думаетъ, что, стоитъ намъ только изъ сосѣдней свѣтлой горенки проскользнуть въ смежную съ нею кухню, и мы тотчасъ же наткнемся тамъ на всѣхъ обитателей этой квартиры и перезнакомимся съ ними безъ дальнихъ хлопотъ и церемоній; но въ этомъ отношеніи онъ сильно ошибается: во-первыхъ, если мы пожелаемъ увидѣть ихъ тотчасъ же, т. е. въ тотъ самый лѣтній день, въ который мы такъ нескромно заглянули къ нимъ, то намъ придется разбрестись по раз-

нымъ угламъ и закоулкамъ и долго блуждать по жарѣ изъ одного края города въ другой, такъ какъ всѣ многочисленные члены этой семьи, за исключеніемъ самой хозяйки, да старушки-бабушки, въ разбродѣ. Во-вторыхъ, въ сосѣднемъ переулкѣ раздаются громкіе и поспѣшные шаги, и къ намъ быстро приближается тотъ самый человѣкъ, судьба котораго составитъ предметъ нашего повѣствованія.

Двадцать лѣтъ! Цѣлая вереница дней пасмурныхъ и солнечныхъ, веселыхъ и грустныхъ; цѣлый рой думъ, желаній, надеждъ, стремленій... ну какъ, кажется, не набраться длиннаго разсказа за такое время, а между тѣмъ, несмотря на то, что жизнь нашего героя уже зашла за этотъ періодъ, мы можемъ, изъ его прошлаго, сообщить очень немногое.

У нашего героя... впрочемъ, какой же онъ въ сущности герой? Чтобъ не прибѣгать къ такому неподходящему эпитету, лучше теперь же отрекомендуемъ его читателю по имени, отчеству и фамиліи; и такъ, честь имѣемъ представить: Ракитинъ, Алексѣй Николаевичъ... У Ракитина, говоримъ мы, воспоминанія о дѣтствѣ дѣлились на двѣ половины: одна сбивчивая, отрывистая, походила на длинную полосу самой темной тѣни, изрѣдка только прерываемую яркими, нѣсколько фантастическими, пятнами; это—воспоминанія о самомъ раннемъ періодѣ его жизни; затѣмъ вторая, ровная, гладкая, какъ зеркальный прудъ, въ которомъ до малѣйшей подробности, до мелочи вѣрно отражается все окружающее.

Глаза его матери сомкнулись вѣчнымъ сномъ еще тогда, когда онъ былъ шестилѣтнимъ ребёнкомъ. Первое горе совершилось ранѣе, чѣмъ идея о горѣ созрѣла въ его мозгу. Онъ смѣялся тогда, когда сердце, вмѣщавшее самую святую, самую глубокую любовь къ нему, переставало биться, и безпечно игралъ на могилѣ, сокрывшей въ себѣ его добраго ангела. Но если сознаніе несчастія не рано развивается въ насъ, то все же горе и въ дѣтствѣ, порѣ невѣдѣнія, умѣетъ найти путь къ нашему сердцу. Оно крадется тихой, неслышной стопою и застаетъ насъ врасплохъ.

Маленькій Лёша встрѣтилъ перемѣну въ своей жизни, появленіе новой матери, съ радостью и ликованіемъ; его занимала новизна, и онъ радовался ей; но скоро жизнь вошла въ обычную колею, и тогда, мало по малу, самъ того не замѣчая, онъ очутился лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то новымъ, подавляющимъ—съ дѣтскимъ горемъ, которое, въ одно и то же время, и легче, и тяжелѣе горя взрослаго человѣка, такъ какъ, не равняясь съ нимъ въ глубинѣ, оно превосходитъ его своей полной безпомощностью.

Когда вдовецъ вводитъ въ свой домъ новую хозяйку, она этимъ самымъ создаетъ себѣ новый очагъ и новую семью. Онъ можетъ быть снова очень счастливъ и даже счастливѣе, чѣмъ былъ прежде; но дѣти его, отъ перваго брака, почти всегда, при этой замѣнѣ, лишаются дома въ настоящемъ значеніи слова; ихъ теплое гнѣздышко раззоряется, и понесенная ими потеря съ каждымъ годомъ все ярче и ярче выступаетъ въ ихъ сознаніи. Отецъ Ракитина былъ человѣкъ неглупый и незлой, но крайне безхарактерный и безпечный. Онъ подчинился молодой женѣ до смѣшнаго и совсѣмъ бросилъ Лёшу на произволъ судьбы. Воспитаніе Лёши шло страшно безпорядочно. Смотря по финансовымъ соображеніямъ отца, его то отдавали въ дорогой фэшёнэбельный пансіонъ, то оставляли на побѣгушкахъ дома; то помѣщали въ гимназію, то приготовляли въ спеціальное какое-нибудь заведеніе. Правда, что Лёша учился всюду хорошо; но все же подобные скачки ни къ чему доброму привести не могли, и, когда восемнадцатилѣтній Ракитинъ, наконецъ, лишился отца, въ итогѣ его знаній оказался одинъ грустный нуль.

Повинуясь обстоятельствамъ и вѣря въ свои молодыя силы, Ракитинъ радостно распростился съ постылымъ отцовскимъ домомъ и... обратился въ цыгана.

Ну, въ самомъ дѣлѣ, читатель, какъ иначе назвать человѣка, въ безпечной жизни котораго все случайно, все невѣрно? Ни хлѣба кусокъ, ни уголъ—ничто хоть сколько-нибудь не обезпечено за нимъ. Сегодня онъ сытъ, сибаритствуетъ на диванѣ, куритъ табакъ, подчуетъ товарищей и ссужаетъ ихъ деньгами; завтра бѣгаетъ по бульварамъ или парку, съ пустымъ желудкомъ, съ замерзшими членами, не зная, гдѣ преклонить голову. Заработанъ ли грошъ—скорѣй его по боку; пришла ли нужда—тащи все, закладывай за жидовскіе проценты, продавай за грошъ то, что стоило рубль, и потомъ скорѣй, скорѣй, на радостяхъ, ставь ребромъ послѣднюю натянутую копейку, пей, веселись, гуляй! Что за дѣло, что завтра нечѣмъ платить за булку, что послѣзавтра сгонятъ съ квартиры — молодая кровь кипитъ, сердце дышетъ отвагой, и весь міръ кажется открытымъ для смѣлыхъ подвиговъ, для борьбы и побѣды.

Ракитинъ зажилъ именно такою жизнью. Отъ отца своего онъ могъ уже унаслѣдовать безпечность самаго беззавѣтнаго свойства; но кромѣ того, онъ вступилъ въ жизнь со своими восемьнадцатью годами, пустымъ кошелькомъ и непреодолимою страстью къ художеству. Когда же, при такихъ обстоятельствахъ, человѣкъ становился предусмотрительнымъ и осторожнымъ?

Прежде всего, разумѣется, онъ позаботился не о кускѣ хлѣба,

а о своемъ любимомъ искуствѣ; но, къ несчастію, тривіальные разсчеты тотчасъ же дали себя знать и заставили его на время отложить мечты о славѣ и проч. и всю свою энергію напречь на то, чтобы просуществовать.

Оказалось, что счастливая звѣзда покровительствуетъ ему; онъ скоро нашелъ кой-какія занятія, давшія ему возможность нанять себѣ уголъ и цѣлыхъ полмѣсяца быть совсѣмъ сытымъ. Ободренный такимъ началомъ, онъ тотчасъ же обратился къ своему любимому искуству, не жалѣя силъ и труда, подготовилъ себя и, когда читатель встрѣчаетъ его въ извѣстной намъ захолустной улицѣ, онъ является уже ученикомъ академіи и притомъ, въ награду за быстрые успѣхи, стипендіатомъ одного поощрительнаго общества. Хотя взятая честно, съ бою, стипендія и не превышаетъ въ мѣсяцъ пятнадцати рублей; но, беря во вниманіе то цыганское царство, въ которомъ онъ вращается, сумма, получаемая имъ, обращается въ очень и очень солидную поддержку.

Есть много вѣроятія на то, что быстро идущій молодой человѣкъ, въ теченіи этого разсказа о прошломъ Ракитина, нетолько успѣетъ выйти изъ переулка, но пройти всю улицу и совершенно исчезнуть у насъ изъ виду; но, такъ какъ мы, благодаря Бога, не печемся на солнцѣ и не ждемъ Ракитина на пыльной улицѣ, а слѣдимъ за нимъ только умственнымъ окомъ изъ нашего покойнаго кабинета, то мы успѣваемъ кончить разсказъ именно къ тому времени, когда онъ выходитъ изъ сосѣдняго переулка и подходитъ къ нашему домику.

Сказать по правдѣ, въ Ракитинѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго: онъ ни высокъ, ни низокъ, ни худъ, ни толстъ; довольно смуглый, съ длиннымъ, тонкимъ носомъ и маленькими черными глазами; волосы у него свѣтлые и вьющіеся; идетъ онъ, слегка разваливаясь, но быстрой и твердой походкой; одѣтъ бѣдно и небрежно.

Подойдя къ нашему домику онъ окидываетъ его глазами и, замѣтивъ билетъ, пробѣгаетъ его и входитъ во дворъ. Старый Арапка, развалившійся въ тѣни, лѣниво поднимаетъ голову и, поворчавъ, начинаетъ неохотно лаять. Затѣмъ снова опускаетъ голову и умолкаетъ, рѣшивъ, вѣроятно, что вполнѣ честно выполнилъ свой собачій долгъ.

Ракитинъ оглядывается и, завидѣвъ у дверей другого домика стоящую въ глубинѣ двора женщину въ платкѣ, кричитъ ей.

— Послушайте! Скажите пожалуйста, гдѣ здѣсь отдается комната?

— Вишь, нашолъ, грозно отвѣчаетъ она:—вотъ, ужотко, барыня узнаетъ, какихъ стрекулистовъ пускаютъ сюда, такъ небойсь...

Но, въ эту самую минуту, изъ деревянной галереи передняго домика выглядываетъ полная женщина съ краснымъ вспотѣвшимъ лицомъ, въ капотѣ съ разстегнутымъ воротомъ и, перебивая, кричитъ:

— А ты лучше помолчи! Не суйся не въ свое дѣло! Да! Вѣрно ужь господа лучше тебя знаютъ, что дѣлать!

Затѣмъ, мѣняя тонъ, она обращается къ Ракитину и сладко, хотя не безъ достоинства, произноситъ:

— Пожалуйте, пожалуйте сюда-съ!

И ведетъ его, чрезъ сѣни и кухню, въ маленькую коморочку, выходящую не то на дворъ, не то въ садъ. У окна стоитъ инвалидный столъ, въ углу такая же кушетка; но за окномъ растетъ кустъ сирени, врывается въ комнату своими душистыми вѣтвями и наполняетъ ее чѣмъ-то радостнымъ, чѣмъ-то свѣтлымъ.

Ракитинъ молчитъ и разсѣянно оглядывается по сторонамъ.

Дама въ разстегнутомъ капотѣ, квартирная хозяйка, Екатерина Николаевна Рукина, пристально слѣдитъ за нимъ. Что бы, впрочемъ, ни шевелилось въ глубинѣ ея души, наружно она хранитъ спокойную и горделивую позу. Вообще, опытный глазъ тотчасъ же узнаётъ въ ней типъ тѣхъ нашихъ петербургскихъ чиновницъ, «бѣдныхъ, но благородныхъ», которыя весь свой вѣкъ живутъ двойственной жизнью: одной—домашней, безцеремонной, даже неряшливой, находящей себѣ полное выраженіе въ грязномъ, растегнутомъ капотѣ и нечесаной головѣ; другой—оффиціальной, подтянутой, подскобленной, соединенной съ надѣваньемъ крахмальныхъ чепцовъ, скрипучихъ башмаковъ и шерстянаго платья съ отдѣлкой.

Сохранивъ молчаніе такъ долго, какъ того требовало чувство собственнаго достоинства, Рукина, наконецъ, подходитъ къ окну, отталкиваетъ захлопнувшуюся-было половинку, указываетъ рукой на небольшое пространство земли, поросшее травой, кой-гдѣ притоптанной, и обсаженное акаціями и сиренью, и непринужденно говоритъ:

— Вотъ, у насъ тутъ и садикъ есть. Конечно, не великъ... есть и большой, да тамъ хозяева... а я, знаете, хоть и просятъ, не люблю всюду соваться... Свое хвалить не приходится, но не могу не сказать, что у насъ здѣсь прездоровая мѣстность! Налѣво, вонъ гдѣ березы-то черезъ заборъ перевѣсились, хозяйскій садъ, съ цвѣтами, съ фруктовыми деревьями... ароматъ удиви-

тельный! Направо—улица, прямо—огороды... Отлично-преотлично! Домъ спокойный... Жильцовъ какихъ ни попало не держутъ... Безпорядка или грязи здѣсь и за деньги не увидите... Ужь нѐчего сказать... Ну, и я тоже ужасно кàкъ люблю порядокъ, право!

— Такъ, такъ! отвѣчаетъ, наконецъ, Ракитинъ.—Ну, а цѣна какая?

— Замѣтьте, что ходъ особый, продолжаетъ хозяйка:—и ѐкна въ садъ! Ужь меньше шести она никогда не ходила.

Ракитинъ быстро соображаетъ: «шесть, еще шесть, еще три, да пять на прочее...» и, затѣмъ, вѣроятно, пришедши къ благопріятному результату, произноситъ вслухъ: «Ну, хорошо, такъ я сегодня же; приготовьте, пожалуйста!»

— Ужь будьте спокойны! съ достоинствомъ возражаетъ Екатерина Николаевна:—я, вѣдь—не то, чтò другія... и, сама не зная для чего, бѣжитъ за Ракитинымъ до самой калитки и долго смотритъ ему вслѣдъ.

Весь день затѣмъ она проводитъ въ тревогѣ. Открываетъ и закрываетъ окно отданной внаймы комнаты, перестанавливаетъ мѐбель, опахиваетъ передникомъ кушетку, прибираетъ кухню, подбѣгаетъ къ окну и заходитъ къ старушкѣ-бабушкѣ, живущей у нея въ тѐмненькомъ чуланчикѣ, между прихожей и комнатой на улицу.

— Бабушка, слышали вы? говоритъ она, возвышая голосъ:—вѣдь жилецъ-то нашелся.

— Ась? переспрашиваетъ старушка, оставляя свои тряпочки, въ которыхъ она вѣчно возится, и гдѣ, по мнѣнію Рукиныхъ, у ней непремѣнно зашиты деньги:—плохо слышу нонѣ, родная, ужь куда плохо!

Рукина опускается на сундукъ, отираетъ вспотѣвшее лицо, и повторяетъ извѣстіе.

— Ну, дай Богъ, дай Богъ! Все, вѣдь, отъ него, Милостивца! А кàкъ же ты, матушка, съ хозяйкой-то сдѣлала? Вѣдь, она, чай, мужскаго-то пола не очень позволитъ.

— И то ужь давеча ихъ Ѳедосья разоралась, да чтò же на нихъ глядѣть-то! Конечно, одна только бѣдность и заставляетъ подражать ихъ невѣжеству. Ну, натурально, *она* изъ купцовъ, чтò съ *нея* и стребуешь! Я ужь думала, признаться, думала; ничего иного не сдѣлаешь, какъ только выдать его за племянника, помните, Ганю-то! Ну, ужь тамъ во чтò Богъ ни поставитъ... и, не окончивъ рѣчи, Рукина снова идетъ въ комнату жильца, ставитъ столъ къ стѣнѣ, а кушетку изъ одного угла

въ другой, подходитъ къ окну, смотритъ на одну, на другую сторону, захлопываетъ его и возвращается къ бабушкѣ.

Когда, къ вечеру, стали одинъ за другимъ собираться члены семейства: зять, мужъ, дочери—Екатерина Николаевна встрѣчала каждаго новостью.

— Ахъ, Господи, говорила она:—да это—ты, а мнѣ послышался жилецъ. Вѣдь, у насъ жилецъ!

Всѣ новостью оставались крайне довольны; квартира черезъ жильца становилась наполовину дешевле.

Когда солнце опустилось за горизонтъ, чай отпили и молодёжь стала одѣваться, чтобы идти гулять, Екатерина Николаевна съ озабоченнымъ видомъ усѣлась въ угловой комнатѣ у окна. «Не ѣдетъ, не ѣдетъ», шептала она изрѣдка. Вдругъ по мостовой задребезжали дрожки. Екатерина Николаевна кинулась къ воротамъ, радостно крича: «ѣдетъ, ѣдетъ!», а дочери повскакали къ окнамъ.

— Я тебѣ говорила, что брюнетъ, съ азартомъ заговорила младшая изъ сестеръ, Зиночка, когда Ракитинъ, соскочивъ съ дрожекъ, вошелъ во дворъ, волоча за собой свой художническій багажъ:—я отлично, отлично вижу въ даль!

— Ахъ, Господи! съ немѐньшимъ азартомъ возразила старшая, Дарья Сергѣевна, пуская клубы дыма:—когда же у брюнета бываютъ свѣтлые волосы?

— Ну, ладно же, посмотри, когда придетъ... Говорю тебѣ: весь черный!

— Ну-да̀, зачернѣло у тебя въ глазахъ! Слава Богу, получше тебя знаю толкъ!

Затѣмъ, обѣ сестры, заслышавъ шаги жильца въ его комнатѣ, точно сговорившись, выбѣжали проворно въ садъ и стали ходить, заглядывая въ окно къ Ракитину.

— Не въ моемъ вкусѣ! замѣтила, поморщившись, Зиночка.

— Ну, это и лучше, что нехорошъ, а то бы хозяйка съ ума сошла.

Чувствуя потребность познакомиться съ жильцомъ, Дарья Сергѣевна подошла къ окну и дѣловымъ тономъ заговорила:

— Пили ли вы чай? Можно сейчасъ самоварчикъ поставить.

— Нѣтъ, благодарю, пилъ.

— Вы бы въ садикъ вышли, комнату-то за день напекло—душно. Вотъ здѣсь, у забора, и скамеечка есть. Право, погуляли бы вмѣстѣ!

Немного озадаченный, Ракитинъ посмотрѣлъ на свои вещи.

Какъ бы отвѣчая на его мысли, Дарья Сергѣевна продолжала:

— Ничего, ничего, мы вамъ поможемъ разобраться; да и какая уборка-то у васъ. Право, лучше отдохните!

Повинуясь такому настоятельному приглашенію, Ракитинъ вышелъ въ садъ и усѣлся на скамеечкѣ, рядомъ съ барышнями.

Разговоръ ихъ шелъ, разумѣется, какъ идутъ всѣ подобные разговоры: толковали о погодѣ сегодняшней, вчерашней, третьягоднишней и проч. Жаловались на жару. Спорили, которая купальня ближе. Дарья Сергѣевна, по привычкѣ, вплела два-три интересныхъ разсказа о знакомыхъ: о Даниловой, очень занятой собой, глупой дѣвчонкѣ, ходящей всегда въ розовой шляпкѣ, хотя она рыжая; объ Ивановой, гуляющей по вечерамъ съ офицеромъ, и проч., и проч.

Ракитинъ, атакованный съ двухъ сторонъ, предался своей участи и выжидалъ съ нетерпѣніемъ той минуты, когда ему можно будетъ откланяться, какъ вдругъ необычайно-торопливой походкой влетѣла въ садъ Екатерина Николаевна. Сверхъ ея ситцеваго, грязнаго капота красовалась шерстяная кофточка. Она тяжело дышала и прямо, не церемонясь съ жильцомъ, накинулась на старшую дочь.

— Ужь прекрасно! Ужь наболтала! Пойдутъ теперь непріятности чрезъ твой поганый языкъ! Ахъ, Господи, что̀ это за наказаніе съ тобой!

— Да чего это вы разъахались такъ? грубо перебила ее дочь.—Скажите-ка лучше, въ чемъ дѣло; потомъ сосчитаться-то успѣемъ!

— Часа не прошло, что въѣхалъ жилецъ, а ты и разблаговѣстила! Лучше бы на воротахъ объявленіе напечатала!

— Да съ ума вы сошли, что̀ ли? Я благовѣстила... Меня и дома-то не было. Не сами ли вы это разнесли всюду?

— Молчать! грозно крикнула Екатерина Николаевна, выпрямляясь и подбочениваясь: — ты помни, дура, что я—тебѣ мать!

Не выжидая дальнѣйшихъ объясненій, Ракитинъ, подъ шумокъ, всталъ и направился къ калиткѣ; но оттуда внезапно вылетѣла незнакомая ему особа (замужняя дочь Рукиной), съ сильно раскраснѣвшимся лицомъ, схватила его за руку и потащила въ тотъ уголъ сада, въ которомъ возвышался хозяйскій ледникъ, образующій довольно большую горку.

— Вотъ, сюда, сюда, сдерживая голосъ, твердила она.—Сама идетъ! выразительно прошептала она, махая рукой матери. Не

успѣлъ Ракитинъ оглянуться, какъ его втолкнули въ проходъ между заборомъ и ледникомъ и заслонили собой выходъ.

Екатерина Николаевна, уловившая знаки дочери, оправила свою кофточку, провела рукой по прическѣ и, принявъ солидную и непринужденную позу, проговорила съ чувствомъ: «чудесная, чудесная погода!»

Дарья Сергѣевна, затоптавъ свою папиросу, тоже приняла приличную позу и отвѣтила съ паѳосомъ: «благодать!»

Въ это самое время, въ калиткѣ показалась дама, одѣтая вся въ черное, повязанная черной косынкой и, недовольно хмуря брови, подозрительно оглядываясь во всѣ стороны, мелкими, торопливыми шагами направилась къ Екатеринѣ Николаевнѣ.

Мать и дочь почтительно и любезно поздоровались съ нею. Она сѣла и, обращаясь къ Екатеринѣ Николаевнѣ, начала недовольнымъ тономъ:

— Что̀ это, правду ли говорятъ-то, будто вы молодаго жильца взяли? Право, не знаю, вѣрить ли? Вѣдь, вы просили жиличку?

— Именно такъ, именно такъ! отвѣчала Екатерина Николаевна, немного краснѣя и волнуясь. — Я хотѣла непремѣнно жиличку—вы знаете, у меня у самой дочери—да, вотъ, Богъ другое судилъ. Вѣрите ли, какая мнѣ радость? Вѣдь, Господь, на старости лѣтъ, послалъ мнѣ племянника—того самаго, что̀ пропадалъ-то! Вѣдь, это онъ и есть у меня жильцомъ. Ка̀къ же! Вѣдь, все же таки—свой, кровный; да и не надолго онъ; всего на двѣ, на три недѣли. Ужь сдѣлайте такую милость, окажите благодѣяніе, пока онъ здѣсь. Вѣдь, вы всегда были нашей помощницей. Богъ наградитъ васъ за это! Я такъ ему молюсь, такъ молюсь за васъ, добрѣйшая Анна Андреевна! и Екатерина Николаевна провела рукой по глазамъ, какъ бы отирая слёзы.

Анна Андреевна, сидѣвшая все время молча, смотря въ землю, при перечисленіи ея добродѣтелей, сжала губы, глянула какъ-то въ сторону и довольно нерѣшительно произнесла:

— Ну, если племянникъ... и на время... такъ... Только, Христомъ Богомъ, чтобы въ садъ не ходилъ! Ахъ, грѣхъ какой, ахъ, грѣхъ какой! Вотъ, вѣдь, вы—какая!

Дотронувшись щекой до щеки Екатерины Николаевны, вмѣсто поцалуя, Анна Андреевна такими же торопливыми и мелкими шагами вышла изъ сада, какими входила; она смотрѣла въ землю и думала про себя: «ахъ, грѣхъ какой, грѣхъ какой!»

Лишь только хлопнула за ней калитка и проходъ освободился, Ракитинъ, весь раскраснѣвшійся, съ пылающими глазами,

выскочилъ изъ засады и бѣгомъ кинулся къ Екатеринѣ Николаевнѣ.

— Что̀ же вы это со мной дѣлаете! За кого вы меня принимаете? Это—чортъ знаетъ что̀! Да это курамъ на смѣхъ! Да я минуты здѣсь не останусь! Извольте думать, какой-то очарованный зàмокъ, хранимый дракономъ въ юбкѣ! Да я-то чего здѣсь не видалъ? Мнѣ-то что̀? Я-то чѣмъ виноватъ? Нѣтъ, ужь слуга покорный! Нѣтъ, ужь больше не поймаете! Двадцать тысячъ чертей и одинъ въ придачу!—Разгорячаясь все болѣе и болѣе, Ракитинъ зашагалъ поспѣшно взадъ и впередъ по саду, махая руками во всѣ стороны.—Да я за этакую глупую исторію весь домъ, и со всѣми людишками-то, вверхъ дномъ поставлю — пускай созерцаютъ вселенную съ другой точки зрѣнія. Ахъ, черти проклятые, за погребъ... я—племянникъ... да я всѣхъ ихъ въ бутылку упрячу и съ дѣдушками-то! Вотъ—примѣрная безсовѣстность, вотъ—чертовщина! Да я на всѣхъ заборахъ, на всѣхъ трубахъ, на всѣхъ камняхъ, на всѣхъ окошкахъ, на всѣхъ древесныхъ листьяхъ намалюю ей двадцать тысячъ гусаръ, вотъ съ этакими усищами; двадцать тысячъ уланъ съ такими глазищами (Ракитинъ показывалъ руками огромность размѣровъ глазъ и усовъ); двадцать тысячъ чертей съ непомѣрными просто рожищами... Нѣтъ, сударыня, вдругъ перемѣняя тонъ, сказалъ онъ:— я говорю серьёзно, и онъ поднялъ глаза на то мѣсто, гдѣ сидѣла Екатерина Николаевна: но, къ его величайшему удивленію, ея уже тамъ не было.

— Куда же она дѣлась? совсѣмъ опѣшивъ, произнесъ онъ громко; но потомъ, вѣроятно сообразивъ, кинулся въ погоню за ней и крикнулъ въ кухонное окно: «сударыня!»

Отвѣта не было.

Онъ заглянулъ, кухня была пуста.

— Нѐчего дѣлать, ворчалъ онъ: — надо тащиться въ комнату.

Вошедши въ тёмную прихожую, Ракитинъ, не видя порядочно передъ собою, да и не зная хода, поневолѣ остановился. Онъ постучалъ ногами и прокашлялся.

— Ты, что̀ ли, Ѳедосьюшка? послышался изъ мрака старческій голосъ.—Барыня-то ушла.

— Кàкъ ушла? повторилъ Ракитинъ:—да, вѣдь, она сейчасъ была тутъ.

Старушка не дослышала.

— Ахти, батюшки! Никакъ чужой! съ испугомъ проговорила она и торопливо вышла на порогъ прихожей.

Ракитинъ увидѣлъ передъ собой маленькую, сгорбленную, но

еще бодрую старушку, въ косынкѣ на головѣ, изъ-подъ которой выбивались пряди изжелта-бѣлыхъ волосъ. Лицо старушки было все въ морщинахъ.

— Ахъ, отецъ мой, да кто ты? Что̀ тебѣ нужно?

— Я—жилецъ! крикнулъ Ракитинъ:—мнѣ надо хозяйку!

— Слышу, слышу, не глуха! обидѣвшись, отвѣчала старуха.— Хозяйку надо, да гдѣ ее взять-то, хозяйку. Говорю — нѣтъ дома!

— Да, ка̀къ же, бабушка, нѣтъ дома, коли она, минутъ десять тому назадъ, вмѣстѣ со мной въ саду сидѣла... Мнѣ очень ее нужно!

— Вишь, ты какой! Ну, вотъ, въ саду сидѣла, да такъ изъ саду-то вмѣстѣ съ дочками и прошла... Ко мнѣ Дашенька забѣгала... Тутъ—недалече знакомые, такъ онѣ къ нимъ.

— Ахъ, Господи, ну, что̀ же мнѣ теперь дѣлать? совсѣмъ растерявшись, проговорилъ Ракитинъ. Затѣмъ, подумавъ, онъ прибавилъ:—а, вѣдь, это онѣ отъ меня удрали, и, представивъ себѣ свою недавнюю горячку и вѣроятную картину ихъ бѣгства, закатился веселымъ, громкимъ хохотомъ.

Старушка, не понимая причины такого внезапнаго веселья, посмотрѣла на него съ неудовольствіемъ.

— Вишь, ржетъ, ка̀къ лошадь, прости Господи! проворчала она.

Похохотавъ, Ракитинъ нагнулся къ самому лицу старухи, дружески похлопалъ по плечу и заговорилъ самымъ ласковымъ тономъ:

— Ахъ, голубушка ты моя, бабушка, вотъ такъ штука, я тебѣ скажу! Да ты сядь, старушка, сядь! И я посижу съ тобой. Вѣдь, ужь не мало тебѣ, поди, годковъ-то! Екатерину помнишь?

— Ка̀къ не помнить, батюшка! видимо смягчаясь, заговорила старушка:—когда ее, матушку, хоронили, я, вѣдь, ужь подросткомъ по седьмому году была. Тятенька, царство ему небесное, меня въ лавку, въ Милліонной, къ знакомому лавочнику посадилъ. Наставили тутъ солдатовъ-то—страсть! И все—этакіе верзилы; я-то сижу, смотрю, только одни сапожища-то ихъ и видно! Озябла я, и-и, Боже мой! Ка̀къ пришла домой, маменька вмѣстѣ съ чулками такъ шкуру-то съ ногъ и сняла; ужь больно я ихъ зазнобила. Да, вотъ, въ старину-то все, батюшка, иначе было: и морозы-то—не чета теперешнимъ...

— Что̀ же дѣлать, бабушка, на одномъ деревѣ листья ростутъ—и то одинъ листокъ отъ другаго отличаетъ... Все идетъ своимъ порядкомъ... Сегодня почка, завтра—листъ, послѣ зав-

тра—цвѣтъ, а тамъ и яблочки... Такъ-то, бабушка, видно тому такъ и быть!

— Охъ, родимый, куда ужь. Все за грѣхи это наши, все за грѣхи!

— Вотъ что̀, бабушка, хотѣлъ я у тебя спросить: что̀ это, хозяйка-то ваша, никакъ она сумасшедшая?

— Христосъ съ тобой! Да самъ-то ты не спятилъ ли? Съ чего, батюшка, выдумалъ?

— Ка̀къ же, помилуй, бабушка, да я собственными глазами видѣлъ и собственными ушами слышалъ сегодня такія вещи, которыя мнѣ отродясь не приходилось встрѣчать.

— Что̀ же ты слышать могъ? Дама она благочестивая, въ церковь ходитъ каждый день, бѣдныхъ не забываетъ; дочь въ страхѣ божіемъ воспитываетъ...

— Ахъ, у нея дочь! Молоденькая, хорошенькая?

— Ну, нѣтъ, чтобы хорошенькая—не очень... Этакая блѣдненькая—ужь очень блѣдненькая, да слабенькая. Ну, а годковъ ей, этакъ, двадцать, что̀-ли. А только скромная, все книжками священными занимается.

Ракитинъ поморщился. Попалъ же я, подумалъ онъ: и мать, и дочь, поди, обѣ станутъ, чуть покажусь, обкуривать ладономъ да крестить, чтобъ я сквозь землю провалился.

— Она изъ купечества, продолжала старушка:—а мужъ-то, покойникъ, царство ему небесное, изъ благородныхъ былъ. Тихій, да несмѣлый такой... Ну, капиталецъ оставилъ; небольшой чтобы такъ, а все-же хлѣбъ. Послѣ смерти мужа она больше и набожностью-то этой занялась. Живали и весело, въ прежніе-то годы! А съ молоду такъ и-и какая была!

Поболтавъ со старушкой и не дождавшись хозяйки, Ракитинъ, гнѣвъ котораго улегся совершенно, всталъ, наконецъ, и пошелъ къ себѣ, весело посвистывая. Когда, черезъ полчаса, Екатерина Николаевна съ дѣтьми и домочадцами возвратилась, изъ комнаты жильца доносился богатырскій храпъ.

Утро въ маленькихъ деревянныхъ домикахъ начинается не очень поэтично. Разные члены семьи встаютъ разновременно, и потому утреннее чаепитіе совершается безъ всякой торжественности и порядка. На столъ не накрываютъ, вмѣстѣ не сбираются; кто пьетъ, кто бродитъ. Дѣвицы, въ коротенькихъ бумазейныхъ юбкахъ и ночныхъ чепцахъ, прерывая рѣчь зѣвками, болтаютъ о томъ, о семъ; хозяйки толкутся по кухнѣ; дворники, хлопая дверями и стуча сапожищами, таскаютъ дрова и воду. Вездѣ неприбранныя постели, разбросанное платье; щетки по-

среди недометеннаго пола, окурки въ чашкахъ и табачный дымъ въ еще непровѣтренномъ воздухѣ.

Точно такая-же картина царствовала и въ нашемъ маленькомъ домикѣ, когда, на другой день послѣ переѣзда Ракитина, семейство Рукиныхъ подымалось, мало по малу, съ ночныхъ одровъ своихъ.

— Ну, что̀? осторожнымъ шопотомъ спрашивала Дарья Сергѣевна свою мать, сидя въ кухнѣ у открытаго окна и доканчивая третью чашечку кофе.—Видѣли вы его?

Мать возилась около печки и, такъ какъ у нея что̀-то дѣло несовсѣмъ ладилось, отвѣтила очень громко и сердито:

— Очень мнѣ нужно видѣть! Этакихъ мало-ли! Поживутъ, поживутъ, раскапризятся, денегъ не заплатятъ, да и вонъ! Ужь бѣдному всегда только одно горе да убытки. Ему же хотѣла угодить, навлекла на себя непріятности съ хозяйкой, а онъ же и нагрубилъ мнѣ, я же и виновата!

Дочь немного конфузилась предъ Ракитинымъ, вѣдь, все же онъ—молодой человѣкъ (хотя, мимоходомъ сказать, она-то не очень ужь молодая дѣвица); желая поправить дѣло, она сказала успокоительно:

— Ну, что̀-жь... нельзя же силой! Вѣдь, есть много и другихъ жильцовъ...

— Ахъ, Господи, совсѣмъ выходя изъ терпѣнья, крикнула мать:—да я, что̀ ли, держу его! Провались онъ совсѣмъ... Обидно то, что перессорилъ съ хозяйкой, единственной моей помощницей, перебилъ другаго, вѣрнаго жильца, наплевалъ въ глаза, да и бросилъ! Охъ, Боже милостивый, бьешься, какъ пёсъ окаянный, а все одна благодарность! и она съ остервенѣніемъ швырнула ухватъ о̀-земь.

Ходьба, говоръ и стукъ давно разбудили Ракитина; онъ сидѣлъ у окна, чертилъ машинально каррикатуру и вдыхалъ въ себя чистый утренній воздухъ; потому каждое слово разговора между матерью и дочерью долетало до него.

Сначала онъ взбѣсился; вскочилъ со стула, чтобъ въ послѣдній разъ объясниться съ хозяйкой и на-вѣки разстаться съ негостепріимнымъ маленькимъ домикомъ: но послѣдующія слова̀ привели его въ раздумье, онъ остановился и слушалъ; когда же, наконецъ, ухватъ брякнулъ и, затѣмъ, воцарилась мертвая тишина, Ракитинъ снова усѣлся на стулъ и подумалъ:

— Ахъ, чортъ возьми, какой я дуракъ! Неужто мнѣ нужно жить до сѣдыхъ волосъ для того, чтобъ замѣтить, что обидчица моя—бѣдная-пребѣдная женщина, не знающая ка̀къ накормить всѣ рты, протягивающіеся къ ней за пищей! Не ясно ли

это съ перваго шага сюда! И угораздило меня съ дуру перебить у нея вѣрнаго жильца! Гм, натурально, накинула противъ него лишній рублишко... Да, въ самомъ дѣлѣ, что-жь и случилось-то между нами? Ахъ, какъ можно такъ спрашивать! Помилуйте, самаго падишаха отъ царства дураковъ, ему же имя легіонъ, вздумали засадить, изъ боязни сумасшедшей бабы, за погребъ съ телятиной. Добро бы съ порохомъ! Тогда его свѣтлость изволила бы всю жизнь носиться съ такимъ необычайно-красивымъ происшествіемъ: жизнь свою-де, неоцѣнимую подвергалъ! а то—телятина! Чортъ-бы дралъ! Били тебя, свинья ты этакая, да мало! И въ страшной на себя досадѣ, онъ поднялъ крѣпко сжатый кулакъ и ударилъ имъ себя нѣсколько разъ въ голову, приговаривая: вотъ, вотъ, ѣшь, тебѣ здорово! Потомъ онъ вынулъ изъ ящика въ столѣ деньги и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился къ хозяйкѣ.

Екатерина Николаевна сидѣла въ угловой комнатѣ на диванѣ и штопала чулки. Завидѣвъ Ракитина, она тотчасъ же приняла холодный и гордый видъ и отвернулась. Тогда и Ракитинъ, уколотый такимъ пріемомъ, тоже принялъ мрачный и сдержанный видъ.

— Вотъ, сказалъ онъ сухо:—деньги вамъ за комнату.

На лицѣ Екатерины Николаевны промелькнула неудержимая радость, смѣшанная съ удивленіемъ.

— Я... начала она и остановилась спохватившись, на языкѣ у нея было: «я не ожидала этого».

Ракитинъ сурово, изъ подъ бровей поглядѣлъ на нее, сунулъ руки въ карманы и повернулся... потомъ, вдругъ, уступая неодолимому внутреннему влеченію, воротился назадъ, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза прямодушнымъ, ласковымъ взглядомъ, протянулъ руку и проговорилъ:

— Я былъ вчера виноватъ. Простите меня. Я—очень горячій человѣкъ и въ горячкѣ похожъ на дурака. Я все это заглажу.

Екатерина Николаевна, никогда не встрѣчавшая такихъ мудреныхъ жильцовъ, только покачала съ улыбкой головой. Вполнѣ успокоившійся Ракитинъ весело кивнулъ ей и отправился къ себѣ, распѣвая. Цѣлый день потомъ изъ комнаты доносились свистъ и пѣсни, и стукъ, и шумъ передвигаемой мебели.

Ракитинъ, кромѣ своей стипендіи, имѣлъ кой-какую работу, не особенно выгодную, но все же позволявшую ему, при его скромныхъ спартанскихъ привычкахъ, жить безбѣдно. Конечно, онъ не умѣлъ, да и не желалъ копить на черный день; но онъ любилъ дѣлать все скачками и потому предпочиталъ ежедневному, умѣренному труду безмѣрное прилежаніе одной, много

двухъ недѣль въ мѣсяцъ; затѣмъ, наработавъ денежки, онъ любилъ упокоиться на лаврахъ, пожить на свободѣ, побѣгать, погулять. Очень часто, впрочемъ, онъ ухалъ разомъ весь свой заработокъ на какой-нибудь эстампъ, иллюстрированное изданіе, картину, статуэтку или на какую-нибудь изящную бездѣлку, до которыхъ былъ страстный охотникъ.

Свою періодическую лѣность онъ обыкновенно извинялъ словами: что̀ дѣлать, вдохновенія нѣтъ! И вдохновеніе это нужно ему было нетолько для картинъ, но и для чищенія сапогъ, для вытиранія пыли, словомъ—для всего, что̀ ужь рѣшительно ничего общаго съ вдохновеніемъ не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Передъ самымъ тѣмъ, какъ переѣхать къ Рукинымъ, онъ только-что окончилъ очень выгодную работу, уступленную ему однимъ, болѣе состоятельнымъ товарищемъ, отозваннымъ неожиданно въ провинцію. За нее ему уплатили почти двѣсти рублей. Понятно, что, получивъ такую сумму, какой ему по сіе время и въ рукахъ-то не приходилось держать, онъ тотчасъ почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе полѣниться, переѣхать на квартирку съ садикомъ, отдаться сладкому far niente и т. п. Буду гулять по окрестностямъ, думалъ онъ съ восторгомъ, куплю себѣ тотъ альбомъ, что̀ видѣлъ у Беггрова, стану рисовать *свое*, отдаваясь собственной фантазіи... и т. д.

Все утро послѣ переѣздки къ Рукинымъ онъ возился, разставляя и убирая комнату—вдохновеніе на это иногда являлось въ сильной степени—но на закатѣ солнца, довольный результатами, онъ захотѣлъ подышать вечерней прохладой и, съ папиросой въ зубахъ, направился къ садику.

Вдругъ у калитки послышался неистовый звонокъ, и чей-то мужской, повелительный голосъ крикнулъ на весь дворъ торопливо бѣжавшей Ѳедосьи.

— Эй! Гдѣ здѣсь живетъ Анна Андреевна Кузнецова? Вишь, трущоба какая... и людей-то нѣтъ!

— Ну, чаво тебѣ? грозно прикрикнула Ѳедосья.—Анна Андреевна, чай, здѣсь—хозяйка! Что̀ ты за командиръ проявился!

— Звони, звони, отвѣчалъ тотъ-же мужской голосъ, не столь сурово, но зато съ еще бо̀льшей важностью:—нѐкогда тутъ съ тобой, вишь—депеша!

Депеша, депеша, депеша! таинственнымъ шопотомъ пронеслось по всѣмъ закоулкамъ, гдѣ слово это, непривычное для слуха, вносило съ собой мысль о чемъ-то грозномъ, полномъ бѣды и горя.

Богатые люди телеграфируютъ о ходѣ партіи виста, побѣднѣе—о болѣзни и смерти; а разсѣянные по всему лицу земли

потомки одного изъ первыхъ крестоносцевъ, Вальтера Голяка, все совершаютъ молча, даже и умираютъ.

Ракитинъ тоже не былъ пріученъ къ такому роду корреспонденціи и, вслѣдъ за всѣми, почуялъ что̀ то недоброе; потому онъ остался ждать и, когда Ѳедосья, послѣ довольно долгаго промежутка, вывела, наконецъ, зловѣщаго вѣстника, онъ, наравнѣ съ другими, подошелъ къ ней. Со вздохами и воззваніями стала она разсказывать, что депеша содержала извѣстіе о болѣзни тетки Кузнецовой, живущей въ Москвѣ, богатой и пожилой купчихи. Предчувствуя смерть и желая повидаться съ любимой племянницей, она, немедля, вызываетъ Кузнецову въ Москву.

— Ахъ ты, Господи! Барыня-то это мечется, руки дрожатъ, не понимаетъ ничего... Ни кульера не отпускаетъ, ни депешу-то не даетъ. И не знамо ка̀къ быть! Я-то кричу: барышня, барышня; а та, сердечная, что̀ полотно, пуще матери перепугалась и нейдетъ! Насплушки-то мы съ Александрой Петровной все уладили! Ахъ, Господи! Вотъ дѣло-то! И сама то я, до сихъ поръ, какъ листъ дрожу!

За этой тревогой послѣдовала другая: нужно было послать теткѣ отвѣтную телеграмму. Ну, какъ тутъ быть! А вдругъ не то напишешь, не примутъ, не дойдетъ! Страсти, страсти господни!

По необычайности происшествія, Екатерина Николаевна, накинувъ свою парадную кофточку, сочла долгомъ сбѣгать къ хозяйкѣ.

— Нельзя же, разсуждала она:—этакій случай, ка̀къ же она тамъ одна!

Посидѣвъ и посочувствовавъ Аннѣ Андреевнѣ, она первая нашлась и присовѣтовала поручить дѣло своему жильцу.

— Онъ—изъ ученыхъ, преважно объявила она—на него ужасно какъ много потратили: я, вѣдь, знаю. Онъ все исполнитъ! Гдѣже вамъ! И поздно-то, да и дѣло-то женское... Право, позовите!

Впрочемъ, переговоры о томъ, гдѣ лучше писать Ракитину, затянулись надолго.

— Ну, а какъ да что̀-нибудь нужно:—что̀ у васъ-то тамъ есть? Да и много-ли тамъ мѣста... Гдѣ ужь... разсуждала Анна Андреевна. Нѣтъ, какая ужь ваша квартира... А, опять-таки, и здѣсь, въ этакую поздень (было восемь часовъ)—ну, прилично-ли!

Неизвѣстно, ка̀къ долго протолковали-бы обѣ дамы, еслибъ Ѳедосья не догадалась отъ имени Анны Андреевны просто сбѣгать къ жильцу и позвать его къ ней въ домъ.

Обстановка Анны Андреевны не имѣла ничего общаго съ обстановкой Рукиныхъ. Она жила въ маленькомъ надворномъ фли-

телѣ, упиравшемся въ густой, тѣнистый садъ, полный розовыхъ кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Мёбель старинная, массивная, изъ краснаго дерева, разомъ напоминала о старосвѣтскомъ хозяйствѣ, прочно покоящемся на небольшомъ, но дающемъ «хлѣбъ» капиталѣ. Натертые воскомъ полы были покрыты половиками и дорожками. Предъ диванами чинно стояли столы, накрытые вязанными салфетками. Вытянутые въ струнку стулья говорили о респектабельности своихъ хозяевъ и ихъ гостей. Часы, въ деревянномъ футлярѣ, тикали спокойно и торжественно. Множество иконъ самыхъ крупныхъ размѣровъ, съ неугасимыми лампадами, сверкали золотомъ, серебромъ и каменьями.

Ракитинъ, очутившись въ этой непривычной для него обстановкѣ, смутился. Онъ поспѣшно застегнулъ свой худенькій сюртучекъ на всѣ пуговицы и сталъ неловко раскланиваться съ Анной Андреевной, кисло на него смотрѣвшей.

— Да, вотъ, заговорила она, вышелъ-же такой грѣхъ... Ужь не знаю кàкъ и просить... не знаю, чтò и говорить-то... Совсѣмъ перемѣшалась...

— Да чтò вы, право, Анна Андреевна, вмѣшалась Рукина, не вытерпѣвъ:—о чемъ тутъ думать-то? Сядьте-ка, Алексѣй Николаевичъ, да напишите къ ихъ тёгенькѣ отвѣтъ. Вы это дѣло лучше знаете!

Ракитинъ сѣлъ къ столу, написалъ требуемый отвѣтъ и прочелъ вслухъ.

— Ну, вотъ, и отлично! воскликнула Екатерина Николаевна.

Анна Андреевна посмотрѣла на нее изъ-подлобья недовольнымъ взглядомъ и потомъ нерѣшительно произнесла:

— Гм... дà... кàкъ это, однако... выѣзжаю завтра на первомъ поѣздѣ... будто чего-то нехватаетъ... Или—такъ надо? Я, ужь, право, не знаю... и она заморгала глазами.

— Ну, конечно, такъ надо! важно отвѣтила Екатерина Николаевна.—Телеграммы всегда такъ пишутся!

— Ужь, право, не знаю... еще нерѣшительнѣе произнесла Анна Андреевна:—кàкъ-то не то...

— Вамъ чтò-же собственно желательно перемѣнить? спросилъ Ракитинъ.

— Да я ничего перемѣнить не хочу... оно хорошо... только кàкъ-же такъ просто?

Ракитинъ, сидѣвшій недалеко отъ двери, ведущей, вѣроятно, въ глубь дома, къ саду, уловилъ уже давно какой-то непонятный, легкій шумъ, въ которомъ то слышался скрипъ половицы, то шопотъ, то сдержанный смѣхъ. Продолжая писать, онъ, въ то же время, все вслушивался и вслушивался, надѣясь, наконецъ,

конять. И, въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣкоторое время, онъ ясно сталъ различать, кàкъ осторожной стопой кто-то тихо, тихо подкрадывался къ двери, замиралъ точно, а потомъ, уже не такъ легко, но, зато, очень быстро, отскакивалъ въ глубину комнаты, и, начиналъ неудержимо, но почти беззвучно хохотать, хохотать. Ракитину казалось даже, будто онъ слышитъ два разныхъ смѣха. Спутанный и безъ того нерѣшительностью Анны Андреевны и, пришедшій къ убѣжденію, что за нимъ подсматриваютъ и надъ нимъ смѣются, онъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Наконецъ, терпѣніе его истощилось; онъ быстро перебѣлилъ первую написанную имъ телеграмму и сказалъ рѣшительно:

— Лучше этого, сударыня, я написать не умѣю. Угодно, я сейчасъ же отвезу на телеграфъ; нѣтъ — пишите сами, и онъ всталъ съ мѣста.

— Ахъ, боже мой, чтò это вы... да я чтò-же такое... я всѣмъ довольна... заговорила Анна Андреевна, сильно мигая:—мнѣ только очень совѣстно, что вы-то безпокоитесь... я, вѣдь, ничего не знаю!

Ракитинъ стоялъ, не подымая глазъ; онъ былъ мрачнѣе тучи.

— Такъ кàкъ же прикажете? спросилъ онъ сурово.

— Да вотъ я... подумаю... я ужь вотъ съ Екатериной Николаевной пришлю сказать... право, грѣхъ какой... извините, пожалуйста... покорно благодарю...

Ракитинъ, не дослушавъ, поклонился молча и торопливо вышелъ.

Часа черезъ полтора, къ его окну подбѣжала Ѳедосья.

— Анна Андреевна говоритъ, что ужь вы тамъ сами лучше знаете кàкъ писать, сказала она.—Вы, ужь, пожалуйста, напишите. Она васъ ожидаетъ къ себѣ.

— Я сплю, съ досадой крикнулъ Ракитинъ и захлопнулъ окно.

Минутъ черезъ пять, въ его дверь постучали, и Екатерина Николаевна самымъ сладкимъ голосомъ начала:

— На минутку... пожалуйста...

Ракитинъ не отвѣчалъ.

— Алексѣй Николаевичъ! чтò-же вы, ради Бога, на одну секундочку! Такъ какъ Екатерина Николаевна стучала довольно громко въ дверь, то Ракитинъ, наконецъ, вышелъ изъ себя.

— Скажите ей, пожалуйста, закричалъ онъ:—чтобъ она убиралась къ чорту. Чтò я ей за шутъ достался!

— Ну, вотъ, какой вы! Послушайте меня только. Вѣдь, она не васъ станетъ винить, а меня. Я—бѣдная женщина, у меня этакая семья—ну чтò, если откажетъ отъ квартиры! Куда я дѣ-

нусь! Она, вѣдь, мнѣ помогаетъ и деньгами, и вещами. Пожалѣйте меня!

Ракитинъ поднялся со стула, толкнулъ его съ досады ногой, такъ что онъ полетѣлъ, стукнулъ кулакомъ по столу, надѣлъ фуражку и вышелъ.

— Ну, ладно-же, я ей отвезу телеграмму—чортъ ее дери! Только ужь новой ни за что̀, ни за что̀ писать не буду и не просите лучше! Дайте ту, что̀ я написалъ.

Екатерина Николаевна съ радости кинулась бѣжать со всѣхъ ногъ и воротилась тотчасъ же вмѣстѣ съ Ѳедосьей и ворохомъ бумаги, исписанной Ракитинымъ.

— Ну, вотъ спасибо, твердили обѣ женщины:—ужь Богъ наградитъ васъ за это!

Послѣ отъѣзда Анны Андреевны, жизнь въ обоихъ маленькихъ домикахъ измѣнилась; видно было, что и жильцы, и хозяева, и прислуга—всѣ почувствовали себя на свободѣ. Анна Андреевна, нерѣшительная и робкая предъ старшими своими родственниками, дома была немного деспотична и любила, чтобъ всѣ плясали по ея дудкѣ.

Заповѣдный хозяйскій садъ съ кустами розъ, съ фруктовыми своими деревьями, несмотря на высокій заборъ, точно будто слился съ садомъ для жильцовъ, и хорошенькій, новенькій домикъ въ саду какъ бы побратался съ своимъ кривобокимъ сосѣдомъ.

Запахъ плохихъ папиросъ Дарьи Сергѣевны несся изъ-за цвѣточныхъ клумбъ, и пронзительный дискантъ ея младшей сестры раздавался поминутно въ хозяйской квартирѣ.

Строгая Ѳедосья то и дѣло торчала у калитки и балагурила съ неизвѣстно откуда взявшимся деньщикомъ.

А два свѣтлыхъ платьица, до сихъ поръ незнакомыхъ Ракитину дѣвушекъ, мелькали по сотнѣ разъ близь его окошекъ.

Та изъ нихъ, которая была не молода, въ высокой, вычурной прическѣ, съ неимовѣрно затянутой таліей и въ узкихъ башмакахъ, была незамужняя родственница покойнаго Кузнецова, Александра Петровна. Въ домѣ Анны Андреевны она жила съ очень давнихъ поръ и служила какъ бы компаньйонкой ея дочери, хотя, имѣя крошечный доходецъ, и считала себя вполнѣ отъ всѣхъ независимой.

Другая, молоденькая, съ красивой миніатюрной фигурой, нѣсколько пугливымъ взглядомъ и нѣжнымъ, блѣднымъ личикомъ, была дочь Анны Андреевны, Глафира Егоровна.

Обѣ онѣ поминутно являлись то въ саду подъ окномъ Ракитина, то на дворѣ. Ходили онѣ обнявшись, безпрестанно зака-

тываясь громкимъ, неудержимымъ хохотомъ. Ракитинъ, помня ихъ подсматриванье и ихъ насмѣшливое хихиканье, нарочно заставилъ окно папкой и притаился, не подавая признаковъ жизни; но скоро такое добровольное заключеніе надоѣло ему, и онъ, принявъ самый равнодушный и спокойный видъ, вышелъ въ садъ и усѣлся на скамейку. Завидѣвъ его, обѣ дѣвушки приняли серьёзный, сдержанный видъ. Гулять онѣ, однако, не перестали и, точно нарочно, все ходили по дорожкѣ прямо противъ Ракитина.

Наконецъ, старшая изъ нихъ, Александра Петровна, остановилась и, понизивъ голосъ, стала какъ будто на что̀-то уговаривать Глафиру Егоровну. Та заспорила.

— Да вы просто смѣшите, Граничка, вдругъ съ раздраженіемъ въ голосѣ проговорила Александра Петровна. — Что̀-жь васъ укусятъ, что̀ ли?

И съ недовольнымъ видомъ она направилась къ единственной скамьѣ, на которой сидѣлъ и Ракитинъ. Глафира Егоровна, какъ бы противъ воли, послѣдовала за нею.

Смущенный Ракитинъ отодвинулся на самый край. Воцарилось молчаніе.

— Какая сегодня великолѣпная погода, неожиданно заговорила Александра Петровна, обращаясь къ Ракитину.

— Да̀, великолѣпная! отвѣчалъ онъ.

— Вы, вѣроятно, очень любите природу, продолжала она: — вы, вѣдь—художникъ.

Онъ засмѣялся.

— Ну, говоря отровенно, я многое бы измѣнилъ въ ней— будь на то моя воля!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— По моему мнѣнію, продолжалъ Ракитинъ:—природа слишкомъ однообразна. Хороша погода—солнце свѣтитъ; худа—идетъ дождь, снѣгъ или градъ, смотря по времени года. Которой твари данъ голосъ для пѣнія, та и поётъ; которой дано жужжанье, та и жужжитъ и т. д., все въ этомъ родѣ. То ли же бы дѣло, еслибъ все вокругъ насъ было полно сюрпризовъ. Солнце восходило то съ запада, то съ востока, то вовсе не восходило бы. Вечеръ путался съ утромъ, а полночь съ полуднемъ.

— Да зачѣмъ же вамъ все это?

— А ка̀къ же! подумайте только: сколько несчастныхъ получило бы отъ этого облегченье. Ну, вотъ, сходятся вмѣстѣ любезные кавалеры и дамы и начинается разговоръ: ахъ, какая погода! говоритъ онъ. Ахъ, какая! отвѣчаетъ она. Ка̀къ поютъ птички!! продолжаетъ онъ. Да̀, ка̀къ поютъ!! поддакиваетъ она.

Ну, что̀ же, ради всего святаго, можетъ выйти изъ подобной болтовни? Ровно ничего! Представьте же себѣ, еслибъ онъ, смотря въ одну сторону, томно проговорилъ ей: ахъ, ка̀къ сіяетъ солнце! а она, глядя въ другую, съ живостью возразила бы: что̀ съ вами? солнца никакого нѣтъ, а вотъ задумчивая луна такъ просто очаровательна на этомъ синемъ небосклонѣ! Ну, по крайней мѣрѣ, вы согласитесь, продолжалъ бы онъ, что птицы щебечутъ восхитительно! Птицы хрюкаютъ, а никакъ не щебечутъ, настаивала бы она:—наша же корова, согласна, выводитъ восхитительныя фіоритуры! Я убѣжденъ, что такого рода разговоръ удивительно пробуждалъ бы умъ, и ка̀къ знать, можетъ, всегда кончался бы счастливѣйшимъ союзомъ.

Александра Петровна покатывалась со смѣху. Глафира Егоровна, смотрѣвшая на Ракитина съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, замѣтила:

— Плохого же вы мнѣнія о людяхъ! Развѣ всѣ только и говорятъ, что̀ о погодѣ?

— Сохрани Богъ! съ живостью подхватилъ Ракитинъ. — Я имѣлъ счастіе знавать молодыхъ людей и молодыхъ барышень, тотчасъ же, послѣ перваго «здравствуй», начинавшихъ трактатъ о политической экономіи; но, вѣдь, именно съ ихъ-то разговоровъ я и заимствовалъ мою теорію о прелести столпотворенія.

— Вы берете крайности.

— Крайности? Вы живете въ такомъ домѣ, гдѣ постное въ большомъ ходу, потому лучше меня знаете, что̀ думать о такомъ обѣдѣ, въ которомъ первое блюдо—рыба холодная, второе—рыба жидкая, третье—рыба подъ соусомъ, четвертое—рыба жареная. Конечно, одно называется заливнымъ, другое—ухой, третье—майонезомъ, четвертое—котлетками à la чортъ побери; но развѣ это—не дѣти одной матери? Развѣ въ названьи дѣло?

— Значитъ, по вашему—повторять общія мѣста о погодѣ и излагать свои мысли о серьёзномъ предметѣ одно и то же?

— Объ *изложеніи* мыслей я ни слова не говорилъ.

Наступила пауза.

— Странное нынче молодое поколѣніе, заговорила Александра Петровна:—совсѣмъ въ нихъ нѣтъ ничего молодаго. Всѣ—такіе умные!

Ракитинъ захохоталъ.

— Да̀, вы правы: глупость веселѣе ума; но будьте безпристрастны: во всѣхъ поколѣніяхъ, начиная съ Адама, дураковъ всегда больше, чѣмъ умныхъ!

— Да̀, ка̀къ бы не такъ! Всѣ нынче дуются и всѣ только и говорятъ, что̀ ученыя вещи.

— Кàкъ же быть-то! На насъ на всѣхъ разными обстоятельствами: средой, воспитаніемъ и проч. навѣшено много погремушекъ. Кàкъ намъ не брякать ими! Мы много дѣлаемъ промаховъ; но въ насъ есть молодость, то-есть, энергическая, горячая любовь къ свѣту и правдѣ. Тотъ, кто стоитъ дальше всѣхъ, тотъ едва ли видитъ лучше. За чтò винить насъ? мы повинуемся историческому и естественному закону, стремясь впередъ, а не назадъ. То же дѣлаютъ, вѣдь, и молодые побѣги!

— Желала бы знать, рѣзко, желчно вмѣшалась Глафира Егоровна: — чтò сдѣлали бы нынѣшніе умники на моемъ мѣстѣ? Акаѳисты, кропленіе святой водой, отчитыванья, назидательныя бесѣды о геенне огненной, юродивые, странницы, попы и монахи...

— Есть очень назидательный анекдотъ, перебилъ Ракитинъ:— о томъ, кàкъ въ болото ввалился нѣкто; кричалъ онъ, кричалъ— никто не являлся на помощь. Тогда этотъ нѣкто ухватилъ себя за волосы и вытащилъ.

— Анекдотъ и останется анекдотомъ.

— Надобно серьёзно захотѣть!

— Отъ хотѣнья невозможное не сдѣлается возможнымъ.

— Ахъ, не говорите вы мнѣ этого вздору! съ жаромъ воскликнулъ Ракитинъ.—Человѣкъ можетъ сдѣлать все—нужна ему только твердая, неуклонная воля и вѣра въ самого себя. Святая это истина, что вѣра горы сдвигаетъ. Я самъ былъ безпомощенъ, бѣденъ, глупъ, слѣпъ. Я бился, какъ рыба объ лёдъ. И вотъ, не пожалѣвъ силъ и труда, я, наконецъ, вышелъ на берегъ.

— Вы—мужчина.

— И вы будете мужчиной, если захотите! Слòва нѣтъ: намъ больше дорòгъ, такъ какъ у насъ пока и больше знанія. Вотъ *этотъ* рычагъ, *этотъ* путеводитель вамъ нуженъ (я разумѣю знаніе). Всякій честный человѣкъ долженъ напречь свои силы на то, чтобъ вамъ облегчить путь къ нему; но затѣмъ, по моему глубокому, внутреннему убѣжденію, вамъ никто ни въ чемъ не долженъ помогать или, сохрани Богъ, работать за васъ. Пойдемъ каждый своимъ путемъ. А вы извольте-ка сами карабкаться, сами вылѣзать, сами работать... Оно, знаете, тяжеленько, да зато ужь прочно. Иначе все выходитъ нелѣпый романъ съ бракомъ на концѣ. Если и вы ждете помощи извнѣ — плюньте на всѣ ваши мечты и планы!

Глафира Егоровна недовольно отвернулась, вмѣсто отвѣта. Ракитинъ вспыхнулъ.

— О, такъ вотъ вы кàкъ ненавидите смрадное болото! Вамъ

палецъ о палецъ жалко ударить для того, чтобъ распроститься съ нимъ навсегда! Вы ждете *его* въ сиреневой жилеткѣ, съ pince-nez на носу, чтобъ онъ нѣжными ручками въ желтыхъ перчаткахъ, осторожно, какъ безэ какое, вынулъ васъ изъ вонючей ямы и прямо посадилъ въ банку розовой воды. Стыдитесь, сударыня, это—не серьёзное желаніе свободы, а просто жалкое причитаніе о Лазарѣ!

Глафира Егоровна, вся раскраснѣвшаяся, встала; въ глазахъ ея блистали слёзы досады.

— Избавляю васъ отъ общества такой жалкой, отсталой особы! рѣзко сказала она и вышла.

— Ну вотъ, злобно произнесла Александра Петровна: — что̀ вы теперь надѣлали! Она захвораетъ, а я возись, и, сердито шумя юбками, удалилась вслѣдъ за Глафирой Егоровной.

Ракитинъ остался одинъ и задумался.

«Чортъ знаетъ, что̀ такое! И съ чего это я такъ накинулся, какъ собака! Нужно же было разстроить и безъ того разстроенную и больную дѣвочку! Удивительный у меня языкъ: какъ залапочетъ, какъ залапочетъ, точно на чухонской таратайкѣ по булыжной мостовой скачетъ. Тьфу ты мерзость! Что̀ же мнѣ теперь? Идти извиниться? Еще мерзѣе, да и некстати. Лучше всего пойду пройдусь; это всегда на ходу проходитъ!»

Когда Ракитинъ воротился, было уже поздно, и вся маленькая квартирка Рукиныхъ представляла нѣчто въ родѣ лагеря: въ кухнѣ, въ чистыхъ комнатахъ, на полу, на диванахъ, вездѣ, завернувшись въ пальто и одѣяла, лежали сонныя фигуры.

Что̀ дѣлать, читатель? квартиры дороги, и чѣмъ больше напихать въ одну изъ нихъ народу, тѣмъ легче карману.

На другое утро, къ удивленію Ракитина, Екатерина Николаевна, до сихъ поръ необнаружившая никакихъ признаковъ даже самой слабой любви къ порядку, вдругъ явилась въ его комнату ранёхонько со щеткой и вѣникомъ и стала очень шумно мести, скрести и чистить.

— Что̀ это съ вами? недовольнымъ тономъ спросила она его:— насорили, какъ въ помойной ямѣ. Я терпѣть не могу неряшливости!

— Извините меня, пожалуйста, кротко отвѣтилъ Ракитинъ:— но я, кажется, ничего особеннаго не дѣлалъ.

Екатерина Николаевна съ остервенѣніемъ махнула щеткой подъ столомъ и задѣла ноги Ракитина.

— Знаете, наставительно произнесла она:—какъ живешь въ чужомъ домѣ, такъ ужь надо сообразоваться съ людьми во всемъ, во всемъ...

«Эге-ге, подумалъ Ракитинъ:—да это за вчерашнее!» И, не желая продолжать такой непріятный діалогъ, онъ взялъ фуражку и поспѣшно вышелъ.

Когда онъ проходилъ черезъ кухню, Дарья Сергѣевна отвернулась отъ него, а Зиночка, бѣжавшая по сѣнямъ, хоть и окинула его быстрымъ, любопытнымъ взоромъ, но тотчасъ же скрылась въ боковую дверь.

«Рѣшительно, я не въ милости», подумалъ Ракитинъ и, желая дать страстямъ успокоиться, отправился бродить, куда глядятъ глаза.

Вернувшись, онъ не нашелъ хозяевъ дома. Потому онъ пробрался къ бабушкѣ.

— Бабушка, а гдѣ же всѣ-то? спросилъ онъ.

— Да тебѣ кого?

— Если говорить по совѣсти, такъ мнѣ тебя одну только и нужно. Молодость, знаешь, къ молодости и тянетъ.

— Ахъ, ты, озорникъ этакій! Видно, били тебя, да мало.

— Ну вотъ. Я, вѣдь, съ тѣмъ и пришелъ, чтобъ на тебѣ жениться. Готова ты, что̀ ли, или опять обманешь меня? Екатерина Николаевна не за каретой ли побѣжала?

— Ка̀къ не за каретой! Самъ-то ты что̀ накутилъ—вотъ что̀ лучше скажи!

— Христосъ съ тобой, бабушка! Да я съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь живу, все только на кутью смотрю.

— То-то на кутью! Вчера Александра Петровна забѣгала сюда, разсказывала твои куралесы! Вѣдь, выдумалъ же, прости Господи, этакую штуку сказать!

— Да какую же, бабушка? Провалиться на семъ мѣстѣ—ничего не знаю.

— Отпирайся, не отпирайся—все дѣла̀-то не Богъ вѣсть твои какія. Ты послушайся меня, старуху: въ друго-рядь языкъ-то за зубами прячь. И то, вѣдь, Екатерина Николавна съ трудомъ тебя держитъ. Ну, знамо дѣло, дѣвушка не хороша, да, вѣдь, ка̀къ же такъ ей въ глаза и брякнулъ: ты, молъ, за мужчинами, а мужчины отъ тебя.

Ракитинъ даже руками всплеснулъ.

— Милая ты моя бабуся, да, вѣдь, это—Богъ знаетъ что̀... Это все Александрѣ Петровнѣ приснилось! Развѣ я говорилъ что̀-нибудь подобное. Ну, каюсь, навралъ чего не слѣдуетъ, но всячески... Ахъ, ты, Господи! вотъ, вѣдь, дуры-то набитыя! Ну, сажай ты меня въ смолу, согласенъ, да всячески съ толкомъ, порядкомъ за то, что̀ слѣдуетъ; а тутъ... ахъ, ты Господи!

«Однако, думалъ Ракитинъ про себя: — ужь и мазня же эта

дѣвчонка! Чихнешь при ней, сейчасъ и въ обморокъ! Терпѣть, терпѣть не могу этакихъ! Ужь я, матушка, проучу тебя; ты отъ меня не уйдешь, нѣтъ; мы еще потолкуемъ!»

Хозяйскій садъ былъ довольно великъ; съ двухъ сторонъ онъ упирался въ сосѣднія владѣнія, однимъ уголкомъ касался сада для жильцовъ, а широкимъ фасомъ, противоположнымъ домику, выходилъ на пустырь, принадлежавшій собственно къ слѣдующей параллельной ему улицѣ. Ракитинъ слышалъ объ этомъ отъ хозяевъ и, горя нетерпѣніемъ снова помѣряться силами со врагомъ и осмотрѣть его позицію, рѣшился подъ вечеръ сдѣлать маленькую рекогносцировку съ этой стороны. Онъ благополучно добрался до забора, нашелъ удобный обсерваціонный пунктъ въ видѣ мусорной кучи и заглянулъ въ садъ. Къ его совершенному удовольствію, врагъ его, то-есть, Глафира Егоровна, сидѣла у забора на скамеечкѣ одна одинёшенка и прилежно работала.

Ракитинъ, въ видѣ предисловія, слегка закашлялся.

Глафира Егоровна вздрогнула, обернулась, взглянула на него, но такъ быстро, что Ракитинъ не успѣлъ уловить ея взгляда.

— Здравствуйте, сказалъ онъ.

— Здравствуйте! отвѣчала она, ниже наклоняясь къ своей работѣ.

— Однако, продолжалъ Ракитинъ:—какое вы странное созданіе. Чуть сказалъ вамъ человѣкъ слово правды, вы ужь и раскисли.

Глафира Егоровна молчала.

— Можетъ быть, это оттого, впрочемъ, что я нечаянно дотронулся до потайной пружинки, имѣющейся у каждой *барышни*, за которой всегда хранится благоговѣйное почитаніе къ какому-нибудь кумиру, и нетолько къ нему, но даже къ его штрипкамъ. Признайтесь: вы—маленькое оранжерейное растеньице, возращенное на пару, томящееся своей неволей *только потому*, что вашъ идеалъ, лазоревый мотылекъ, порхаетъ далеко отъ васъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Васъ тянетъ за нимъ, и вотъ, не щадя правды, вы сердитесь на все окружающее, на небо и адъ...

Вдругъ Глафира Егоровна нервно швырнула свою работу, выпрямилась во весь ростъ, повернула къ Ракитину блѣдное, гнѣвное лицо съ сверкающими глазами и не сразу, какъ бы не умѣя совладать съ охватившимъ ее волненіемъ, наконецъ, крикнула, и въ крикѣ ея слышался и гнѣвъ, и что-то тоскливое, надорванное:

— Кончите же... Развѣ безъ васъ не довольно еще мучаютъ меня, о, Боже!

Ракитинъ съ минуту глядѣлъ на нее, точно пораженный громомъ; затѣмъ, не отдавая себѣ хорошенько отчета въ томъ, что̀ онъ дѣлаетъ, перескочилъ черезъ заборъ, кинулся къ Глафирѣ Егоровнѣ, схватилъ ее порывисто за руки и заговорилъ, путаясь, волнуясь, съ неописаннымъ жаромъ:

— Ахъ, Боже мой, Боже!.. Что̀ же это такое... Да я... Убейте, убейте меня, ради всего святаго... Я—пошлое, злое, глупое животное! Ну, убейте же меня, ради Бога! Бѣдное, крошечное, безпомощное созданьице... Ахъ, я ядовитая, мерзкая гадина! О, Боже, есть ли оселъ глупѣе меня, есть ли свинья пошлѣе, грязнѣе, гнуснѣе...

Кидаясь изъ стороны въ сторону, Ракитинъ, какъ въ тискахъ, жалъ маленькія руки Глафиры Егоровны и своимъ разстроеннымъ, потеряннымъ взглядомъ все старался поймать ея взоръ.

Глафира Егоровна стояла смущенная, блѣдная и по щекѣ ея медленно катилась слеза.

— Простите меня, снова началъ онъ:—простите же меня! Да я—самый мерзкій, самый пошлый человѣчишко во всей вселенной; а вы—самое крошечное, самое безпомощное созданьице, которое когда-либо существовало! Ну, посмотрите на меня! Посмотрите только хоть однимъ глазкомъ, хоть на секунду... я тутъ, я—передъ вами... отнынѣ я—вашъ... вашъ слуга, вашъ сѣрый волкъ... Вотъ, и онъ бережно, точно нянька, привлекъ ее къ скамейкѣ и усадилъ:—отдохните, мой голубчикъ, отдохните, поподумайте, прикажите... Что̀ мнѣ сдѣлать? Что̀ вамъ нужно? Бѣжать мнѣ куда-нибудь? Въ огонь, въ воду? Ну, крошечка, скажите слово, одно слово. Ну, только прикажите мнѣ что̀-нибудь! Понимаете, я никакъ, никакъ не могу иначе! Сдѣлайте же что̀-нибудь со мной, крошечка, умница, сдѣлайте! Ну, ударьте хоть разокъ, ну, пните меня, ну, хоть только толкните! Ну, хоть, наконецъ, просто назовите дуракомъ!

Глафира Егоровна засмѣялась сквозь слезы и невольно проговорила: ахъ, какой вы!

— Да̀, да̀, вдругъ весь оживившись затарантилъ Ракитинъ, именно, именно такъ... Я ужасно... какой... И всегда, знаете, былъ такой, и съ малолѣтства... я—чудно̀й, съ придурью немножко... это такъ! Ну, вотъ, прикажите-же мнѣ что̀-нибудь теперь! Пожалуйста! Ради Бога! Ахъ, какъ посмотришь на васъ вблизи—какой вы ребёнокъ! И руки-то, и ноги-то, крошечныя, крошечныя, точно у котёнка, никакъ не больше. И лицо-то у васъ совсѣмъ, совсѣмъ дѣтское! И глазки-то такіе пугливые, такіе... Господи, и на такое-то существо... въ отчаяніи Ракитинъ не договорилъ, а только всплеснулъ руками.—Слава Богу, что все

это кончено, потому что теперь все это кончено... навсегда... Теперь я—вашъ слуга, ваша нянька... Садитесь на меня и... поѣзжайте!

— А какъ вы думаете, угожу я мамашѣ своимъ выборомъ няни?

— О, это все пустяки, совершенные, совершенные пустяки. Это—все вздоръ, т. е., яйца выѣденнаго не стòитъ! Вы, пожалуйста объ этомъ не заботьтесь, и даже совсѣмъ не думайте. Я это все улажу, въ одну минуту!

— Ну, едвали! Хоть вы и вѣрите въ чудеса; но все же есть кой-чтò и для нихъ невозможное.

— Ну вотъ, вы опять! Ахъ поймите же, я пойду для васъ въ огонь и воду... это вѣрно, на меня положиться можно; я—надежный другъ; но, видите ли, теоріи моей о чудесахъ человѣческой воли я и вамъ не уступлю! Нѣтъ, пытайте меня, жгите на медленномъ огнѣ—я все буду твердить свое: жалкій, слѣпой, безсильный человѣкъ своей внутренней силой, своимъ мощнымъ духомъ можетъ дубы вырывать съ корнемъ, можетъ зажечь вселенную, можетъ перевернуть весь свѣтъ... Я бодръ душой, я не усталъ отъ неудачъ! Мнѣ чтò бѣдность—во мнѣ цѣлый міръ, и я не отдамъ его за царства! Эхъ, право, дайте только вашу маленькую лапку, и я выплыву съ вами съ самаго дна морскаго, я вытащу васъ на плечахъ изъ какой угодно бездны.

— Я охотно вѣрю, что молодость богата силой и отвагой. Кому жилось счастливо...

— Ну, не скажите... Знаете, счастьице-то мое еще давнымъ давно судьба подточила въ корнѣ. Я спалъ себѣ, какъ спятъ всѣ дѣти, вдругъ пришла старая колдунья и чикъ—перерѣзала мое счастье. Знаете ли вы, чтò значитъ брошеный, забытый, нелюбимый ребёнокъ?

— Кажется, знаю. Я сама нелюбима.

— Ну, тутъ—все же другое. Положимъ, ваша мать промѣняла свое первенство на чечевичную похлебку, т. е. отдала почетную, святую роль матери на жалкую роль приживалки и салопницы ханжества; но все же она одной крови съ вами. Тутъ уже дѣйствуетъ инстинктъ.

— Въ такомъ случаѣ, онъ—очень невысокая вещь, такъ какъ привязанность, порождаемая имъ, не даетъ и искры счастья.

Ракитинъ пристально поглядѣлъ на Глафиру Егоровну и задумался. «А я-то расхвастался, подумалъ онъ, здоровый, ломовой битюгъ, въ которомъ силы понапихано до тошноты! Нѐчего сказать, приравнялъ же къ себѣ съ успѣхомъ эту крошечную птичку, для которой и лепестокъ тяжелъ! Тьфу ты, однако, какъ я безобразно созданъ; точно мнѣ дьяволъ палки въ ноги бро-

саетъ; чуть выступлю съ своимъ «горделивымъ умомъ»—плюхъ носомъ въ землю!»

— Можетъ быть, продолжала Глафира Егоровна:—препятствія, неудачи и проч. дѣйствуютъ благотворно на сильные характеры, но, когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ помнишь одно вялое, сѣрое прозябаніе, когда нѐкого ни оплакивать, ни ненавидѣть, тогда кàкъ-то всякая энергія умираетъ въ зародышѣ, и только съ ужасомъ думаешь: да гдѣ-жь конецъ?

— Н-да, медленно произнесъ Ракитинъ и такъ глубоко задумался, что не замѣтилъ, кàкъ изъ-за кустовъ вдругъ вышла Александра Петровна и, пораженная удивленіемъ, остановилась предъ Ракитинымъ. Глафира Егоровна давно оправилась; а онъ все сидѣлъ, безцѣльно устремивъ глаза вдаль и провожая умственнымъ взоромъ одинъ рой мыслей за другимъ.

— Да кàкъ-же вы сюда попали? вскричала, наконецъ, Александра Петровна.

Ракитинъ совершенно спокойно поднялъ голову, посмотрѣлъ на нее разсѣяннымъ взглядомъ и, вмѣсто отвѣта, сказалъ:

— А знаете, чтò я вамъ вчера про разнообразіе-то природы говорилъ—вѣдь все такъ и случилось! Сижу я здѣсь уже сколько времени и слушаю, кàкъ мой сапогъ преважно бесѣдуетъ съ Глафирой Егоровной. И надо же вамъ сказать какую удивительную ерунду можетъ пороть эта жалкая тварь! Разумѣется, онъ и созданъ для того, чтобы ходить на головѣ и упиваться ваксой, но все же поразительно, до чего онъ можетъ дойти въ своихъ философствованіяхъ. Вообще, продолжалъ Ракитинъ, обхватывая свое колѣно руками и начиная качаться:—милѣйшая Александра Петровна, я могу по секрету сообщить вамъ, что на свѣтѣ платье говоритъ за человѣка гораздо чаще, чѣмъ мы это думаемъ. Повѣрите ли: я съ закрытыми глазами сразу отличу, кто говоритъ: капотъ ли многоуважаемой Екатерины Николаевны, или ея парадное платье? Первый такъ явственно бормочетъ: «ахъ батюшки, дыра на дырѣ, заплата на заплатѣ; не дай Богъ, вдругъ еще дворникъ придетъ за деньгами—кàкъ тутъ вывернешься? А второе такъ важно и плавно выговариваетъ: конечно, мы бѣдны, но все же благороднаго званія; вы не знаете, до чего всѣ эти мужики грубы и безстыдны». Халатъ ея супруга кàкъ-то этакъ особенно посмѣивается: хе-хе-хе, хе-хе-хе, вотъ бы рюмочку! а виц-мундиръ его поражаетъ благоговѣйнымъ молчаніемъ и только трепетно позваниваетъ своими пуговицами, точно его превосходительство приближается. Чтò же касается до ихъ дочерей, такъ даже удивительно: переодѣваются онѣ безпрестанно, и отъ этого такой гамъ подымается въ ихъ комна-

тѣ, что и не сообразить: «охъ, кàкъ злилась, охъ, кàкъ злилась! такъ и жужжатъ ихъ неглижэ; сама-то свой новый балахонъ въ масляной краскѣ отмазала, да и глядѣть на мои фалборочки не можетъ, лопаетъ съ зависти. Ахъ, да зайдите-же, душечка, визжатъ ихъ парадныя платья:—ну, право, такъ давно не видались! Чтò за миленькая обновка у васъ».

Александра Петровна, считавшая Ракитина не совсѣмъ въ своемъ умѣ, очень недовѣрчиво выслушала начало его рѣчи; но, когда дѣло дошло до Рукиныхъ, она не вытерпѣла и прыснула отъ хохота. Затѣмъ, успокоенная, она сѣла рядомъ съ Глафирой Егоровной.

— Дà, заключилъ свою рѣчь Ракитинъ и всталъ:—все идетъ на свѣтѣ отлично и безъ моихъ поправокъ. Мнѣ, видно, ничего другого не остается дѣлать, какъ идти на боковую. Потому, господа, прощайте! Онъ приподнялъ на ходу свою фуражку и быстро зашагалъ къ выходу; но спать, однако, не пошелъ, а, углубившись въ думы, побрелъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ и, наконецъ, далеко, далеко оставилъ за собой два маленькихъ домика, въ которыхъ обитали его враги и друзья.

Странная вещь — человѣческое сердце, читатель! Только нѣсколько часовъ тому назадъ, этотъ самый человѣкъ крался по пустырю, въ ребяческомъ задорѣ, и слагалъ въ умѣ убійственныя рѣчи для того, чтобы разгромить слабую и больную дѣвушку, въ сущности ему незнакомую, а вотъ теперь, весь ушедшій въ свои думы, шагаетъ онъ, подобно лунатику, и все создаетъ себѣ картины, имѣющія прямое отношеніе къ ней, недавнему врагу—къ этой жалкой, безсильной птичкѣ, какъ называетъ онъ ее теперь.

Онъ инстинктивно рисуетъ себѣ, опираясь на свои воспоминанія, ея нерадостное дѣтство, когда одна въ старосвѣтскихъ лощенныхъ комнатахъ, между мрачныхъ ликовъ, взирающихъ на нее сурово, ходитъ она, точно связанная, вздрагивая отъ шума собственныхъ шаговъ, отъ звука собственнаго голоса. Вокругъ нея ведутся темныя бесѣды, снуютъ темныя платья, темные люди. Она растетъ не шаловливымъ розовымъ ребёнкомъ, а тихой, блѣдной монашенкой, подходящей подъ благословеніе и не вкушающей ничего по средамъ и пятницамъ до самаго полудня. Радостный солнечный лучъ врывается въ ея спальню, брилліантовыя пылинки цѣлымъ столбомъ пляшутъ и кружатся въ немъ; а она, крошка, сидитъ задумчиво надъ толстой книгой и не ощущаетъ въ своемъ сердцѣ радости отъ этого благодатнаго свѣта; «все грѣхъ, и солнце—грѣхъ», думаетъ она.

А вотъ въ эту жалкую, безрадостную жизнь вдругъ врывается посторонняя волна пустого и свѣтскаго воспитанія.

Изъ чиновной гордости, несмотря на грѣхъ такого поступка, отдаютъ ее въ модный пансіонъ и въ головку ея вливаютъ цѣлую бочку историческихъ анекдотовъ и французско-русскихъ діалоговъ, со всѣми завлекательностями модныхъ туалетовъ и проч. Все это пересыпается разнообразіемъ жизни свѣтски-образованныхъ барышень, ихъ тайнами, ихъ стремленіями и т. д.

Историческіе анекдоты входятъ въ одно ухо и выходятъ въ другое, но мелкое, вздорное тщеславіе, но желаніе первенствовать и т. п. крѣпко прикрѣпляются къ юному сердечку. На нихъ слой за слоемъ ложится бездна разныхъ предразсудковъ, разныхъ смѣшныхъ и жалкихъ понятій.

И этотъ баластъ ворочается черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ нею, въ родительскій домъ, и борьба предразсвѣтныхъ сумерекъ и сумерекъ ночныхъ начинается.

Но вмѣстѣ съ баластомъ ворочается, вѣдь, и умѣнье читать и свѣтскія книги. Недоученная, измученная на всякій манеръ головка пріѣзжаетъ уже тронутая тѣмъ грознымъ, могучимъ и благодѣтельнымъ духомъ, который люди называютъ *знаніемъ*, къ вздорнымъ требованіямъ примѣшиваются и законныя, правдивыя стремленія, и изъ ежедневнаго, ежечаснаго антагонизма стараго гнѣзда и молодаго птенчика рождается нѣчто трагическое.

Краска стыда выступаетъ на ея щеки при видѣ окружающаго ее тупаго невѣжества; ей до безумія хочется разорвать связующія ее путы, выбраться на свѣтъ, на волю... но умѣнья и силы въ ней нѣтъ. Краснѣя за мать, раздражаясь на нее, она, въ то же время, внутренно истекаетъ кровью; сердце ея дрожитъ и злобой, и любовью.

Да̀, все это ясно представляетъ себѣ Ракитинъ, и его правдивое, привязчивое сердце разрывается на части отъ сожалѣнія и горя.

— Непремѣнно, непремѣнно надобно что̀-нибудь сдѣлать для этой слабой, глубоко-несчастной дѣвочки, говоритъ онъ себѣ. Будто только и можно жертвовать собой изъ-за плотояднаго желанія выудить себѣ изъ мутной воды хорошенькую сожительницу: «будь пай—я тебѣ дамъ медовую сосульку!» Будто нельзя честно, безкорыстно проникнуться чужимъ горемъ и отдать собственную силу взаймы безсильному существу. Можетъ быть я и влюблюсь въ нее современемъ—кому чортъ не пакоститъ! но теперь, видитъ Богъ, я смотрю на нее чисто и честно, какъ на ребёнка, порученнаго моимъ попеченіямъ!

Съ такими думами въ головѣ, брелъ, какъ мы сказали, Раки-

тинъ изъ улицы въ улицу, все удаляясь и удаляясь отъ дому. Шумъ уличный стихалъ; прохожіе становились рѣже и рѣже, и безсумеречная, свѣтлая лѣтняя ночь тихо сходила на усталую землю.

Ракитинъ остановился.

Прямо передъ нимъ катилась Нева, за нею чернѣлъ широкій абрисъ крѣпости, виднѣлась зелень парка, бѣлѣла биржа. Заря, раскинувшись золотистой лентой по горизонту, играла, тамъ и сямъ задѣвая шпиль и отражаясь въ зеркальныхъ ѐкнахъ домовъ набережной.

Точно проснувшись, Ракитинъ оглядѣлся по сторонамъ, облокотился на перила и широко, всей грудью сталъ впивать въ себя прохладный воздухъ ночи.

Часы заиграли въ торжественной тишинѣ и пробили два.

Вдругъ на плечо Ракитина легла чья-то рука:

— Позвольте, господинъ, чтò же вы тутъ дѣлаете? въ эту пору? весьма солидно и учтиво спросилъ его сторожъ общественнаго покоя.

— Да я, видѣте ли, немножко усталъ.

— Такъ вы бы домой изволили идти! Здѣсь, знаете, не годится.

— Ахъ, вы вѣроятно думаете, что я насчетъ этого? и Ракитинъ сдѣлалъ жестъ, представляющій паденіе кувыркомъ. Нѣтъ, будьте благонадежны:—я стою на самой лучшей дорогѣ. Притомъ я страстный любитель природы и табаку, и, пока не перевелось на свѣтѣ ни то, ни другое, я добровольно въ вѣчность не скакну. Совѣтую вамъ выкурить вотъ эту папиросочку: это разгонитъ ваши мизантропическіе взгляды на жизнь и людей!

Затѣмъ, снявъ фуражку, чтобъ воздухъ свободнѣе обвѣвалъ его голову, Ракитинъ, уже совершенно веселый, напѣвая и насвистывая, быстрымъ шагомъ отправился домой, окольной дорогой, находя, что, послѣ такой душевной сумятицы, какую ему пришлось испытать въ этотъ день, лучше всего освѣжиться «маленькой» прогулкой.

Подъ утро онъ благополучно добрался до дому; по дорогѣ выкупался, напился чайку и явился добрымъ и свѣжимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ разъ къ тому времени, когда хозяйка его, по своему обычаю, дала уйти самовару и съ ворчаньемъ вытирала залитый кипяткомъ полъ.

Завидѣвъ ее, Ракитинъ такъ весело, такъ радостно крикнулъ ей: «съ добрымъ утромъ», что она, удивленная, подняла голову, посмотрѣла на него, улыбнулась и сказала: чудакъ, право!

Наконецъ, солнце поднялось высоко, и въ маленькомъ надвор-

номъ флигелѣ все зашевелилось. Ракитинъ, сгарая нетерпѣніемъ, бродилъ, какъ воръ, около забора, поджидая удобнаго случая проскользнуть скорѣе къ своей бѣдной, слабенькой крошкѣ. Чу, раздались голоса по ту сторону, это—она.

— Тукъ, тукъ, тукъ, закричалъ Ракитинъ, подражая дѣтской игрѣ. Самъ себя вопрошая и отвѣчая себѣ, онъ мѣнялъ голосъ.

— Кто тамъ?

— Трубочистъ.

— За чѣмъ пришолъ?

— За краской.

— За какой?

— За поднебесной.

— Ну, ступай по дорожкѣ за заборомъ: тамъ все, если не небомъ пахнетъ, такъ въ небо метитъ!

Глафира Егоровна и Александра Петровна, стоявшія по ту сторону, засмѣялись.

— Видите, сударыня, сказалъ Ракитинъ, самымъ вкрадчивымъ голосомъ:—я не виноватъ! Это судьба изрекла такой приговоръ!

— Такъ повинуйтесь же ей, идите, идите! крикнули онѣ.

Въ два прыжка онъ былъ тамъ. Подбѣжалъ къ дѣвицамъ, пожималъ имъ руки, расшаркивался и хохоталъ.

— Ну, вотъ и отлично, вотъ и отлично, твердилъ онъ.—Теперь мы всѣ вмѣстѣ, и намъ будетъ превесело.

Александра Петровна засмѣялась. — Да отчего же, спросила она:—что̀ мы для этого станемъ дѣлать?

Ракитинъ удивленно посмотрѣлъ на нее:

— Ка̀къ что̀? Да все. Здѣсь такъ прелестно, уголокъ такой уютный. Солнце такъ горячо освѣтило кусты розъ, и надъ ними такъ мелодично жужжатъ мухи, такъ хлопотливо снуютъ стрекозки и бабочки; а этотъ кустъ, какимъ бархатнымъ пятномъ тѣни легъ онъ! О, мы тутъ можемъ отлично лѣниться, думать и болтать.

Александра Петровна даже обидѣлась.

— Да за кого же вы насъ принимаете? Развѣ не тысячу разъ видали мы все это? Покорно благодарю! Мы и такъ здѣсь, изъ году въ годъ, въ этомъ раю, умираемъ отъ скуки. Вы говорите, какъ влюбленный или какъ...

— Дуракъ! Ну, значитъ я не туда попалъ. Дѣло въ томъ, что я самъ, по сіе время, совершенно незнакомъ со скукой и радуюсь часто такъ себѣ, не зная чему, какъ ребёнокъ. Забудемте же мои идиллическія наклонности; подумать хорошенько, такъ онѣ и въ самомъ дѣлѣ чертовски глупы. Хотите, я сбѣгаю въ библіотеку, натащу книгъ и стану вамъ читать вслухъ.

— Вотъ отлично! съ восторгомъ проговорила Глафира Егоровна.

— Ну, такъ, значитъ, дѣло въ шляпѣ!

— А только и читать все—тоже надоѣстъ, поспѣшила прибавить Александра Петровна.

— Э, у насъ за развлеченіями дѣло не станетъ. Мы будемъ пѣть, плясать, гулять; я достану отъ товарища лодочку и стану катать васъ на взморьѣ, любоваться закатомъ солнца. Отъ другого знакомаго человѣка займу шарабанъ и повезу васъ далеко, далеко, гдѣ поля и сосновый лѣсъ. Ахъ, вѣрьте, все будетъ восхитительно! Человѣкъ можетъ жить отлично... и, не договоривъ своей фразы, онъ весело мотнулъ головой и полетѣлъ въ библіотеку.

Анна Андреевна загостилась въ Москвѣ. Въ своихъ письмахъ она неизмѣнно извѣщала одно и то же: «Я, слава Богу, жива и здорова; вамъ, Александра Петровна, шлю поклонъ, а тебѣ, Гранюшка, мое родительское благословеніе. Тетушка слаба, очень слаба, ужь не знаю доживетъ ли эту недѣлю; а впрочемъ, сподобилась причаститься и пособороваться, и теперь Господь послалъ облегченіе. Ты, Гранюшка, молись Царицѣ небесной. Не забывай каждый день читать ту книжку, что̀ я тебѣ оставила. Напишите, Александра Петровна, уѣхалъ ли жилецъ Екатерины Николаевны и не бѣгаетъ ли Ѳедосья къ кумѣ, не оставляетъ ли, сохрани Богъ, домъ безъ призора» и проч. и проч.

Отвѣты писались самые успокоительные: жилецъ куда-то пропалъ, хотя вещи его еще здѣсь, Ѳедосья сидитъ сиднемъ дома; а онѣ читаютъ все, что̀ слѣдуетъ.

А между тѣмъ, пропавшій безъ вѣсти Ракитинъ вертѣлся тутъ, каждый день, въ богоспасаемомъ домѣ; пѣлъ мірскія пѣсни, подбиралъ на фортепьяно, по слуху, грѣховные мотивы, скакалъ, болталъ, хохоталъ самъ и смѣшилъ другихъ; возилъ дѣвицъ на взморье, каталъ по полямъ и лѣсамъ, читалъ имъ, разсказывалъ, рисовалъ. Привыкъ къ нимъ такъ, что часу не могъ провести вдали, и такъ пріучилъ къ себѣ, что и онѣ безъ него томились отъ скуки.

Часто, глядя на блѣдное, миніатюрное созданьице, довѣрчиво опирающееся на его руку, онъ ощущалъ въ сердцѣ смѣсь гордости и чего-то новаго, еще неиспытаннаго, сладкаго и томящаго. Все существо его проникалось этимъ чувствомъ, и онъ, точно въ экстазѣ, повторялъ про себя по сотнѣ разъ: дорогая, бѣдная, милая, милая, милая, останавливаясь на какой-то туманной полумысли, не имѣя ни силъ, ни желанія додумывать ее до конца.

Обращеніе его съ Глафирой Егоровной потеряло нѣсколько товарищескій характеръ, преобладавшій вначалѣ. Онъ то робѣлъ, то конфузился ея. Впрочемъ, другой какой-либо, болѣе рѣзкой перемѣны, не было. Если страсть начинала шевелиться, то только очень слабо и робко, и вся поглощалась постоянно живой, ласковой, покровительственной нѣжностью.

Гуляя, читая, отдыхая на свободѣ, молодые люди, по свойственной юности безпечности, совершенно забыли о бѣдѣ, грозившей ежечасно свалиться на ихъ беззаботныя головы.

Какъ ни сильна была московская тетушка, человѣкъ стараго времени, когда, говорятъ, не было ни вредныхъ страстей, ни ослабляющихъ умствованій, все же и ея долгому вѣку былъ положенъ предѣлъ. Продержавъ около смертнаго одра своего племянницу почти два мѣсяца, она почила, исполнивъ христіанскій долгъ и отказавъ на церковь большія суммы. Анна Андреевна возвращалась домой.

Былъ теплый, влажный іюльскій вечеръ, и такой тихій, что ни одинъ листъ не шелохнулъ. Тьма сгустилась на небесахъ, разлилась по землѣ и покрыла непроницаемой мглой маленькій садикъ; кусты и деревья, широко протянувъ темныя вѣтви, стояли недвижно; цвѣточки тихо дышали своимъ ароматнымъ дыханьемъ; и воздухъ, и растенія, и люди, всѣ смолкли и замерли въ сладостномъ покоѣ.

Около домика однако былъ свѣтъ; тамъ на низенькой, деревянной тераскѣ, окруженной сиреневыми кустами, за дымящимся самоваромъ сидѣли наши друзья: Глафира Егоровна, Александра Петровна и Ракитинъ. Лампочка съ абажуромъ ярко озаряла групу и легкимъ полусвѣтомъ скользила по ближнимъ вѣтвямъ; въ ея лучахъ, трепеща крылышками, вился мотылёкъ, ударяясь по временамъ о стекло. Ракитинъ курилъ, медленно прихлебывалъ чай, заглядывая въ открытую книгу. Леталъ тихій ангелъ.

Вдругъ послышался топотъ лошадей, стукъ колесъ и, чрезъ нѣсколько времени, громкій, рѣзкій, повелительный звонокъ раздался у калитки.

Это—она! проговорили всѣ разомъ и, точно по командѣ, вскочили.

Ѳедосья, видимо заспанная, быстро высунулась въ балконную дверь, кивнула многозначительно Ракитину и исчезла отворять ворота своей госпожѣ.

Александра Петровна схватила книгу; кинулась къ двери, опять воротилась, опять побѣжала и наконецъ скрылась.

Ракитинъ и Глафира Егоровна остались одни; ея руки были въ его рукахъ, его лицо почти касалось ея.

И вотъ, въ этотъ теплый, душистый вечеръ, на маленькой садовой тераскѣ, въ послѣдній свободный мигъ, сердце Ракитина неожиданно вздрогнуло подъ наплывомъ новаго, сильнаго, страстнаго чувства, до сихъ поръ тлѣвшаго непримѣтно и разомъ вдругъ его объявшаго. Кровь безумно заклокотала въ немъ, виски и пульсы застучали, въ глазахъ заиграли огненные круги. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на Глафиру Егоровну восторженнымъ взоромъ и не узнавалъ ея, или, лучше, ему казалось, что только въ этотъ именно моментъ и узналъ онъ ее впервые. Какъ прелестно ея нѣжное личико! Какъ улыбка ясна и нѣжна! Что̀ за глаза! Не вѣетъ ли отъ всей ея фигуры чѣмъ-то особенно томящимъ и жгучимъ. Точно приросъ онъ къ полу. Точно забылъ онъ все. Въ одно и то же время, ему казалось будто онъ нашелъ что̀-то такое, чему нѣтъ названія, невыразимое, подавляющее счастье, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучительно сознавалъ, что случилось горе, разбивающее всю прелесть его существованія, подъ гнётомъ чего онъ долженъ пасть, умереть.

Шаги и шорохъ въ домѣ стали яснѣе. Ужь въ полутёмной залѣ, озаренной одной предъиконной лампадой, обрисовался силуэтъ торопливо крестящейся на образъ Анны Андреевны, уже слышался ея голосъ, а Ракитинъ все еще стоялъ и жалъ маленькія ручки Грани.

— Что̀ мы дѣлаемъ! съ ужасомъ произнесла она и поспѣшно задула лампу.

Ракитинъ весь задрожалъ, нагнулся и съ тихимъ, страстнымъ стономъ прильнулъ губами къ ея рукѣ.

— Да гдѣ же Гранюшка? крикнула сердито Анна Андреевна. Крикъ этотъ разбудилъ молодыхъ людей.

Ракитинъ поднялъ голову, а Глафира Егоровна выдернула свою руку и скрылась въ дверяхъ.

— Ахъ, Господи! произнесъ почти вслухъ Ракитинъ, выливая въ этомъ возгласѣ все томящее и волнующее его.

— Вы еще тутъ! помертвѣвъ отъ испуга, шепнула Александра Петровна, вышедшая крадучись на балконъ, чтобъ исправить немного царствующій тамъ безпорядокъ.—Бѣгите же скорѣй, какой вы безтолковый! и она стала толкать Ракитина въ грудь.

— Когда же я увижу ее? тоскливо отвѣчалъ ей Ракитинъ, машинально отступая подъ ея толчками.

— Ужь я тамъ скажу! Идите, идите, идите!

— Вы устроите... нѣтъ, серьёзно? Вы не обманете?

— Устрою, устрою, только идите скорѣй.

— Даете слово?

— Ахъ, съ вами всякое терпѣніе потеряешь! Я, наконецъ, закричу, и васъ вытолкаютъ.

Вспыльчивый всегда Ракитинъ и не разслышалъ угрозы.

— Берегите ее, умаливалъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, Александра Петровна сильнѣе прежняго толкнула его, такъ что онъ очутился за калиткой.

— Ну, слава Богу! произнесла она съ облегченіемъ, быстро накладывая засовъ.—Прощайте! и она осторожно пошла къ дому.

Еще нѣсколько времени простоялъ Ракитинъ у дорогаго ему садика въ сладостномъ забытьѣ, но скоро воспоминанія о совершившейся перемѣнѣ побороли его восторженное состояніе, и онъ проснулся отъ золотаго сна къ скверной дѣйствительности.

— Что̀ мнѣ теперь дѣлать, что̀-жь мнѣ теперь дѣлать? съ отчаяніемъ подумалъ онъ, машинально направляясь въ свою коморочку. Тамъ онъ, какъ вошелъ, кинулся на колѣни предъ кроватью, обѣими руками стиснулъ голову, уткнулъ лицо въ подушки и зарыдалъ, какъ ребёнокъ. Вся его энергія, всѣ его радужныя мечты и надежды разомъ ка̀къ-то рухнули, и онъ, кромѣ щемящей, безнадежной тоски, кромѣ тупаго отчаянія ничего не ощущалъ.

Когда первый, самый сильный приступъ горя миновалъ, Ракитинъ, съ мокрыми еще глазами, тихохонько, какъ воръ, вылѣзъ изъ окна, осторожно прокрался въ садъ, въ заповѣдный уголокъ, гдѣ столько разъ онъ сиживалъ съ ней, и кинулся на скамейку.

— Ахъ, я слѣпецъ, слѣпецъ, думалось ему, и снова слёзы накипали на сердцѣ;—на что̀ я убилъ невозвратное время! Что̀ я надѣлалъ! Мнѣ нужно было, вмѣсто того, чтобъ читать досужія измышленія чужаго ума, излить предъ ней всю мою душу, сказать ей люблю, вымолить на колѣнахъ себѣ прощенье, какъ нищему выклянчить доброе слово! Нужно было энергически напасть на то смрадное болото, въ которомъ сидитъ она, и звать ее на свѣтъ, на волю. Нужно было сказать, что у меня хватитъ энергіи, силы, умѣнья, чтобъ свить ей теплое, уютное гнѣздо. Нужно было растолковать, что честный и добрый трудъ съ любимымъ человѣкомъ вылечитъ ее отъ всѣхъ золъ и болѣзней, освѣжитъ ее, переродитъ ее... О милая, простишь ли ты мнѣ, безумцу, мою неумѣлость? О дорогая, поймешь ли меня, несмотря на мою добровольную нѣмоту? Чистое, чудное, беззащитное созданье... И, вспоминая любимую дѣвушку, рисуя мысленно ея

образъ, ея взглядъ, ея фигуру, припоминая улыбку, голосъ, онъ вдругъ воспрянулъ всѣмъ своимъ молодымъ сердцемъ.

— Ничего еще не потеряно! ликуя подумалъ онъ. Это—дѣло поправимое! Вся моя печаль—одно пустое малодушіе! Ну, братъ, за дѣло, за дѣло! А, ты хвасталъ, что въ тебѣ сидитъ внутренняя сила, ты болталъ чудеса о своей энергіи, мечталъ нивѣсть что̀ о себѣ! Ну, развернись же теперь, покажи-ка свою удаль на дѣлѣ! А то, чортъ ты проклятый, ничего не видя, ужь и раскисъ! За дѣло, за дѣло, за дѣло! Да... но за какое? Что̀ мнѣ придумать? Какой планъ начертить? Что мнѣ собственно нужно?.. Ха, ха, ха—это-то я знаю! Конечно, мнѣ нужно ее, мою крошку, мою радость, мою жизнь. Но ка̀къ достать-то ее? Выкрасть, что̀ ли? Ну, что̀-жь, вотъ такъ, безъ дальнихъ церемоній прокрадусь сюда, уговорю ее, умолю... Ахъ, ка̀къ славно мы бы зажили! Впрочемъ... чѣмъ же бы мы жить стали... Э, чортъ возьми, вотъ гдѣ гвоздь! Чѣмъ жить, о Господи, чѣмъ жить! Я бѣденъ, бѣденъ, бѣденъ, какъ мышь, какъ свинья, какъ чортъ! О, проклятая, проклятая бѣдность... Въ нѣмомъ отчаяніи, онъ опустился на сырую траву и закрылъ лицо руками.—Нищій, думалъ онъ—нищій, и туда же, возмечталъ о счастьи! Вѣдь она—слабое, больное, нѣжное существо, дунь на нее вѣтеръ—и все пропало! А тутъ: кругомъ грязь, сырость, невольный постъ, зимой—невыносимый холодъ, лѣтомъ—невыносимый зной; и затѣмъ, вѣчно, вѣчно, днемъ и ночью, во вьюгу и грозу, въ холодъ и жаръ, въ дождь и вёдро, въ душѣ неотвязная, грызущая, томящая, ноющая забота о грядущемъ днѣ, жалкая, боязливая, унижающая тоска размѣнявшагося на гроши полуголоднаго человѣка, въ которомъ каждая фибра изнуреннаго желудка, каждая по̀рочка изможженнаго тѣла кричитъ о помощи, о снисхожденіи, о милостыни... Тьфу, мерзость, низость, подлость! Въ сердцѣ безумная страсть, поклоненіе идеалу, собраніе въ одно всѣхъ лучшихъ, святыхъ чувствъ человѣка: преданности, любви, чести; а съ другой стороны—стоптанный, порыжѣвшій сапогъ, изъ зіяющихъ прорѣхъ котораго мечетъ въ глаза пошлое кривлянье душой, ради мѣднаго пятака, попраніе всякаго достоинства, всякой гордости, всего чисто-духовнаго. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—тысячу разъ нѣтъ, хотя бы околѣть мнѣ отъ любви и страсти! Я не дамъ нищетѣ попрать всѣ мои мечты! Я не дамъ опошлить ей моего кумира и меня самого! Я стану бороться, бороться, какъ еще никто не боролся, и поборю все! Да̀, міръ открытъ предо мной: я ринусь и вырву у него ту долю, которой *она* достойна. Чего же я задумался дуракъ, чего же я сталъ, какъ пень! Работать мнѣ нужно, много, долго, какъ каторжному, чтобъ зарабо-

тать себѣ ее и свѣтлое будущее. Въ путь, въ путь, я готовъ! Онъ вскочилъ и восторженно протянулъ на мигъ обѣ руки къ небу.—Да, я готовъ! Трудъ, трудъ, мнѣ нуженъ трудъ, я жажду его! Онъ даетъ довольство, а мнѣ нужно оно; мнѣ нужно богатство, чтобъ исхитить ее изъ мертвящаго болота и окружить счастьемъ! О любимая, родная, работать ради тебя, это ли—не блаженство! Мучить себя, собирая по соломинкѣ теплое гнѣздо для тебя, моя жизнь, для *нашей* семьи... о, Господи, есть ли что̀ слаще этого!

Долго ходилъ Ракитинъ по саду, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ востокъ заалѣлъ и ему стало страшно, что его замѣтятъ. Лишь бы увидѣться съ ней, твердилъ онъ, лишь бы увидѣться съ ней и передать ей обо всемъ поскорѣе...

Терзаясь нетерпѣніемъ, кидался онъ:—безъ сна на своей постели, какъ въ жару, выжидая пробужденія людей. Впрочемъ, онъ сознавалъ, что наступленіе дня не сможетъ принести ему никакого существеннаго облегченія, такъ какъ теперь, на долгое время, ему придется прятаться и разыгрывать мертваго, ради опасливой Анны Андреевны; но его возбужденнымъ нервамъ и лихорадочно-бившемуся сердцу просто невыносимо становилось безмолвіе и одиночество.

Александра Петровна, со своей стороны, видѣвшая Ракитина въ такомъ возбужденномъ состояніи духа, не была вполнѣ покойна; она все ждала что, вотъ-вотъ, выкинетъ онъ какую-нибудь безумную штуку и выдастъ Аннѣ Андреевнѣ всю слабость ея, Александры Петровны, надзора за молодежью. Потому, какъ только Анна Андреевна, вмѣстѣ съ Глафирой Егоровной, выѣхали въ церковь, чтобъ возблагодарить Бога за счастливое возвращеніе, она поспѣшила къ его окну.

— Алексѣй Николаевичъ! тихонько окликнула она его.

Алексѣй Николаевичъ въ одинъ мигъ былъ у нея, до боли сжималъ ей руку и твердилъ:

— Ну, что̀ она? Здорова? Увижу я ее? Гдѣ? Не сердится она? Придетъ она? Вы позволите?

Александра Петровна даже засмѣялась.

— Ахъ, Господи, сказала она:—да, вѣдь, у меня одинъ языкъ! Я ужасно, впрочемъ, боюсь... Непремѣнно вы что̀-нибудь сдѣлаете такое, что̀ и мнѣ, и вамъ, и Гранѣ будетъ худо.

— Что̀ вы, что̀ вы? испуганно прервалъ ее Ракитинъ:—чтобъ я навлекъ на нее... храни меня Богъ! Я еще съ ума не сошелъ! Мнѣ, видите ли, до зарѣзу нужно повидаться съ ней, только разъ, хоть на часокъ, на полчасика, ну хоть на нѣсколько ми-

нутъ; мнѣ нужно ей сказать... Да̀, да̀, непремѣнно нужно, слышите, *непремѣнно*.

— Ну, ну, я вѣдь обѣщала! Только будьте умникомъ. Я сегодня же, вечеромъ, устрою такъ, чтобы Граня вышла въ садъ, когда стемнѣетъ. Послѣ чаю, Анна Андреевна всегда запирается у себя, молится и читаетъ, и намъ свободно. Теперь темно, вы проскользнете незамѣтно, только будьте благоразумны: не кричите, не оставайтесь слишкомъ долго... Я стану караулить и чуть только подамъ знакъ, вы должны сейчасъ же оставить садъ. Иначе Граня на васъ разсердится, и вы никогда не увидите ея болѣе.

Ракитинъ поглядѣлъ на Александру Петровну испуганнымъ и покорнымъ взглядомъ.

— Знаете, сказалъ онъ, подумавъ:—влюбленный человѣкъ, вѣдь, въ сущности—не человѣкъ, а тѣнь; потому съ нимъ всегда можно справиться.

— То̀-то же, такъ будьте умной тѣнью и старайтесь слушаться тѣхъ, кто желаетъ вамъ добра. Затѣмъ, она кивнула головой Ракитину и ушла.

Чтобъ обмануть хозяевъ, Ракитинъ, вскорѣ послѣ обѣда, объявилъ Екатеринѣ Николаевнѣ, что уходитъ къ товарищу на весь вечеръ.

— Самоваръ не нуженъ и двери заприте, сказалъ онъ:—если, въ случаѣ, ворочусь домой ночью, такъ влѣзу въ окно.

— Вишь, и товарищи вдругъ проявились! недовольно проворчала Екатерина Николаевна, боявшаяся, что Ракитинъ съ возвращеніемъ Анны Андреевны выѣдетъ. Хоть она, конечно, и знала, что онъ сошелся съ Глафирой Егоровной; но принимала его отношенія къ ней за невинное ухаживанье, скуки ради. Глафира Егоровна въ ея глазахъ была такъ непривлекательна, что она не могла предположить въ ея жизни даже тѣни романа.

Между тѣмъ, взволнованный и влюбленный Ракитинъ шелъ, сочиняя горячую, убѣдительную рѣчь, въ которой онъ выливалъ и му̀ки своего сердца, и свои радужныя надежды, порывистой, невѣрной походкой, не примѣчая дороги, инстинктивно не отдаляясь отъ дому и не смѣя еще пробраться къ пустырю. Долго терзался онъ; наконецъ, пали легкія сумерки, и онъ рѣшился осторожно перелѣзть черезъ заборъ и спрятаться въ кусты.

— Боже мой! Боже мой, думалъ онъ въ лихорадочномъ нетерпѣніи:—скоро ли... Увижу ли я, наконецъ! О Господи, пошли скорѣй желанную минуту!

Онъ наблюдалъ тревожно, какъ тѣни на небѣ медленнно, медленно, точно нехотя, сгущались, какъ окружающіе кусты и дорожки, мало-по-малу, стали окутываться флёромъ, какъ зажглись огни въ домикѣ и замелькали то тамъ, то сямъ. Чу, дверь на балконѣ скрыпнула и медленно отворилась... захрустѣлъ песокъ, и тихое шуршанье платья послышалось за сосѣдними кустами.

— Прогуляйтесь, Граничка, громко и явственно произнесла Александра Петровна, успокоивая домашнихъ и подавая знакъ Ракитину.

Тотъ схватился за кусты; сердце въ немъ замерло, ноги подгибались. Еще минута, и миніатюрная фигура Глафиры Егоровны нерѣшительно приблизилась къ кустамъ.

— Милая! страстнымъ, прерывистымъ шопотомъ произнесъ онъ и опустился къ ея ногамъ. Вся его заранѣе заготовленная рѣчь вылетѣла изъ головы; онъ забылъ всѣ свои намѣренія, всѣ свои планы и убѣжденія; онъ помнилъ или, лучше, онъ ощущалъ, что она тутъ, возлѣ него, что онъ любитъ ее и что онъ умретъ чрезъ минуту отъ блаженства и муки.

Оставшись наединѣ съ нимъ, Глафира Егоровна смутилась задрожала и откинулась въ сторону. Ракитинъ вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Бога ради, мнѣ нужно васъ, нужно для дѣла... одна минута... я... я испугалъ васъ, простите, простите; но я такъ... О, дорогая моя Граня, я люблю тебя, безъ ума люблю! и, въ страстномъ обожаніи, онъ опять опустился на колѣна и простеръ къ ней руки.

Она молчала.

Ракитинъ вскочилъ.

— Ты... вы... я... Онъ охватилъ ее за талію, привлекъ къ себѣ и, стараясь въ темнотѣ прочесть отвѣтъ на ея лицѣ, спросилъ, наконецъ, едва внятнымъ шопотомъ:—моя любовь, что-жь она—нужна вамъ? Не получая отвѣта, онъ еще ниже наклонился къ ней. Глаза Глафиры Егоровны были закрыты. Она лежала смирно въ его объятіяхъ, крѣпко охвативъ его руку. Дыханіе ея касалось его лица. Не помня себя, онъ прижалъ ее страстно къ своему сердцу и еще страстнѣе прильнулъ къ ея губамъ. Она не отворачивалась.

— Такъ ты—моя... ты любишь... прошепталъ онъ и жадно, жадно ждалъ отвѣта. Отвѣта опять не было. Только блѣдное личико нѣжнѣе прежняго прижалось къ его плечу, и маленькія руки еще крѣпче сжали его руку.

— О Боже! произнесъ въ упоеніи Ракитинъ и сталъ, весь дрожа, цаловать ея губы.

Александрѣ Петровнѣ время показалось долго; она тихо прокашлялась и сдѣлала шага два.

— Пора! испуганно прошептала Граня, раскрывая глаза и отталкивая Ракитина.

— Одно слово! вдругъ, точно пробудившись, проговорилъ Ракитинъ.—Теперь ты—моя *жена*. Я отдалъ тебѣ тѣло и душу. Съ сей минуты, я началъ новую жизнь, посвященную исключительно одной цѣли: свить себѣ гнѣздо, которое было бы достойно принять тебя. Помни это!

Онъ страстно привлекъ ее къ себѣ, поцаловалъ долгимъ, долгимъ поцалуемъ и потомъ быстро исчезъ въ темнотѣ.

Послѣ этого свиданія, въ душѣ его воцарилось какое-то спокойное, торжественное чувство. Дà, думалъ онъ, теперь мы—мужъ и жена. Моя святая обязанность—работать для нея, слѣдить за нею, бодрствовать надъ ней. Любовь моя должна быть чиста и цѣломудренна; бракъ не есть жалкій дебошъ тѣла, а честное единеніе плоти и духа. Сердце мое должно быть твердо и сильно—на мнѣ лежитъ долгъ; умъ мой долженъ быть прозорливъ и изворотливъ—поступки мои отразятся прямо на ней.

Положивъ себѣ нравственныя правила, которыя, по его мнѣнію, прямо вытекали изъ совершившагося между нимъ и Глафирой Егоровной объясненія, онъ сталъ упорно думать о средствѣ пріобрѣсть скорѣе требуемую степень благосостоянія. Кàкъ ни кидался онъ, однако, на разные проекты и соображенія—все же къ желанному результату онъ не приходилъ; задуманное и одобренное съ вечера казалось смѣшнымъ и глупымъ къ утру. Планъ сегодняшній никуда не годился завтра и т. д. Его завѣтные двѣсти рублей то обращались скорёхонько чуть не въ мильйоны, то приводили въ ужасъ своей мизерностью.

Вѣрный своей привычкѣ думать на ходу, онъ бродилъ цѣлыми днями, разсѣянный, разстроенный, не видя дороги, натыкаясь на домà и людей.

Разъ, въ дождливый, невеселый день, когда его сердце особенно щемило, онъ вдругъ, въ своей прогулкѣ, наткнулся на знакомаго.

— Ба, Ракитинъ! крикнулъ кто-то и загородилъ ему дорогу. Ракитинъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ невысокаго роста, бѣлобрысенькій человѣчекъ съ смазливенькимъ личикомъ и насмѣшливо улыбался.

— А, Темляновъ! медленно произнесъ Ракитинъ и протянулъ руку.

— Чтò же вы это, съ ироніей въ голосѣ спросилъ Темляновъ:—стихи сочиняете, чтò ли?

— Стихи? Да̀, почти что... даже, если хотите, просто волшебныя сказки!

— О, однако, это становится интереснымъ... Вамъ въ которую сторону?

— Да, собственно, во всѣ.

— Ну, такъ пойдемте со мной, я тороплюсь, батенька. Знаете, я—человѣкъ дѣловой.

— Гм... А что̀ же за дѣла̀ у васъ?

— Да дѣло-то, собственно... Вотъ, не хотите ли купить у меня переплетную; вы знаете, я этимъ занимаюсь ужь давно...

— Слышалъ.

— Такъ вотъ... А что̀ же ваши сказки?

— Что̀ мои сказки? Совсѣмъ не клеятся.

— Да вы о чемъ собственно?

— Хочу разбогатѣть.

Темляновъ свиснулъ, вмѣсто отвѣта.

— Да̀, хочу, и даже *непремѣнно* разбогатѣю! заговорилъ лихорадочно Ракитинъ, весь краснѣя:—пусть сказки сказками, а это-таки все же правда, что твердая воля все превозмогаетъ. Не хочу подчиняться обстоятельствамъ—и не подчинюсь; хочу разбогатѣть—и разбогатѣю!

Темляновъ не спускалъ съ Ракитина глазъ; казалось, онъ хотѣлъ просмотрѣть его насквозь.

— Н-да, проговорилъ онъ, когда Ракитинъ умолкъ.—Какой же вы такой трудъ открыли, который бы давалъ богатства? Знаете, нынче люди пришли къ тому убѣжденію, что отъ этого не разбогатѣешь, какъ дашь съ себя шкуру содрать; а вотъ, какъ съ другихъ сдерешь—тогда дѣло десятое.

Ракитинъ вдругъ остановился.

— Шкуру содрать, а, вѣдь, это вѣрно! Чортъ возьми, и ка̀къ мнѣ это въ голову раньше не приходило!

Темляновъ усмѣхнулся.

— Однако, я вижу... вы—того... не совсѣмъ въ порядкѣ... Ну, вотъ и мой домъ, зайдемте-ка выпьемъ: это ужасно проясняетъ мысли.

Ракитинъ, послѣ довольно большихъ тёмныхъ сѣней, вошелъ въ просторную, свѣтлую комнату и остановился въ удивленіи. Всѣ стѣны съ о̀кнами были уставлены верстаками; такіе же верстаки выходили на средину комнаты; тамъ и сямъ виднѣлись разные инструменты и табуретки, и всюду, гдѣ только было мѣсто стать ногою, были нагорожены цѣлыя кипы печатной бумаги. Мальчикъ, въ замаранной клейстеромъ блузѣ и съ не-

менѣе выпачканной чѣмъ-то чернымъ физіономіей, вскочилъ при приходѣ хозяина и что̀-то быстро заговорилъ.

Темляновъ мрачно поглядѣлъ на него, и мальчикъ исчезъ.

— Ну, что̀? спросилъ Темляновъ послѣ минутнаго молчанія.—Ка̀къ вамъ нравится?

— Отлично, отлично! произнесъ задумчиво Ракитинъ.—Такъ вотъ вы ка̀къ! Ну, это—получше волшебныхъ сказокъ.

Лицо Темлянова озарилось насмѣшливой улыбкой.

— Что̀ и говорить! сказалъ онъ. — А между тѣмъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ—сейчасъ бы свалилъ этотъ хламъ, лишь бы взяли.

Ракитинъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Я не шучу, продолжалъ Темляновъ: — всѣ столы пусты, видите? А сегодня—не праздникъ. Плохой знакъ!

— Отчего же это?

— Эхъ, батенька, длинная исторія! Понакинулись мы сгоряча на все это, знаете, мечты этакія были! Ну, натурально, все и оказалось вздоромъ. Практика любитъ людей, которые ради денегъ бьются, а не ради разныхъ фанаберій.

Ракитинъ вдругъ вспыхнулъ, заходилъ и задумался. Потомъ остановился передъ Темляновымъ и, не глядя на него, спросилъ отрывисто: «А сколько вы хотите за нее?»

— Гм! Я вижу, вы ужасно возбуждены! Знаете, пойдемте ко мнѣ въ комнату; тамъ пропустимъ по рюмочкѣ, закусимъ, ну, и поговоримъ о дѣлѣ. Я васъ обманывать не хочу, дѣло совсѣмъ—швахъ. Конечно, энергія и деньги... Я-то, если не продамъ, принужденъ буду закрыть и даромъ.

— И я не богатъ, говорилъ Ракитинъ, сидя за письменнымъ столомъ Темлянова, гдѣ послѣдній, сбросивъ безъ дальнихъ церемоній нѣсколько книжекъ на полъ, уставилъ закуску:—у меня чертовски мало для начала; но, если вамъ круто, то, можетъ быть, и сговоримся.

— Главное дѣло, я хотѣлъ бы удержать васъ отъ покупки. Я запутался и, думаю, что и вы запутаетесь.

— Пустое, пустое! Вы говорите, какъ честный человѣкъ: мнѣ нельзя будетъ, даже въ самую гадкую минуту, упрекнуть васъ; но... валяйте скорѣе ваши условія. Впрочемъ, вы держите карты на столѣ, и я сдѣлаю такъ же. Мой капиталъ, кромѣ стипендіи, которая отымется отъ меня, лишь только я запущу свое искуство, а это... возможно.

На минуту Ракитинъ замолкъ, какъ бы побѣжденный своимъ горемъ. Потомъ, однако, встрепенулся и продолжалъ:

— Да̀, такъ капиталъ мой, если я продамъ весь мой скарбъ—

у меня все дрянь, кромѣ кой какихъ гравюръ—не превзойдетъ ужь никакъ трехсотъ рублей.

Темляновъ промычалъ что-то неодобрительное и сталъ съ остервенѣніемъ гладить и кусать свою бороду.

— Я ихъ всѣ ухну—чортъ съ ними, мнѣ не жаль; только вотъ—хватитъ ли? Какъ съ вами-то?

— Н-да, кабы не нужда... я бы, конечно... Кромѣ того, видите, у меня теперь кой-что другое плыветъ въ руки... Хотите такъ: вы дадите мнѣ сто рублей, теперь же, чистоганомъ; остальное я разсрочиваю. Всего-на-всего, я хотѣлъ бы получить триста; все же тутъ работишки рублей на четыреста есть. Я срокъ могу дать долгій. Тамъ ужь уговоримся.

— Идетъ! восторженно крикнулъ Ракитинъ, сильно ударяя въ руку Темлянова:—идетъ, и спасибо вамъ!

— Ну, не пеняйте. Не *я* хотѣлъ... Оно, собственно, ужь не такъ дурно; работишка, какъ видите, водится, да, прахъ его возьми, совсѣмъ оборотный-то капиталъ исчезъ! Вамъ нужно о немъ подумать. Въ нашемъ дѣлѣ безъ него—ни встать, ни сѣсть. Намъ должаютъ всѣ, а кредита никто не открываетъ.

— Вотъ, вашей опытности я попрошу ужь малую толику. Это—мое условіе. Вы должны научить меня всему: отъ альфы до омеги.

— Натурально, натурально.

Не желая ничего откладывать въ долгій ящикъ, Ракитинъ стрѣлой понесся домой. Объяснилъ Екатеринѣ Николаевнѣ, что онъ, пополамъ съ товарищемъ, получилъ выгодную работу и потому станетъ приходить домой только на ночь. Собралъ свои гравюры и вещи поцѣннѣе, и опять стрѣлой понесся къ Темлянову. Послѣдній согласился остаться на нѣкоторое время жильцомъ Ракитина, такъ какъ тотъ, разсчитывая, что Темляновъ станетъ руководить имъ, уступалъ ему его прежнюю комнату очень дешево. Деньги были уплачены, и условіе изложено письменно.

Взявъ на себя переплетную, Ракитинъ зажилъ чисто лихорадочной жизнью. Онъ, въ одно и то же время, и учился переплетать, и исполнялъ разныя мелкія работы, и бѣгалъ по заказчикамъ, и покупалъ матеріалъ. Онъ вникалъ во всѣ мелочи, слѣдилъ за всѣмъ, каждый день придумывалъ разныя улучшенія и удешевленія, словомъ—выбивался изъ силъ, стараясь поставить свою мастерскую на твердую почву. Сверхъ всего этого, онъ, каждый вечеръ, распустивъ мастеровыхъ, запиралъ свою переплетную и шелъ въ захолустную улицу, въ свою комнатку,

гдѣ онъ могъ собирать свѣдѣнія о Гранѣ, невидимо слѣдить за нею и писать ей длинныя, страстныя письма.

Нужды нѣтъ, что весь день онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, проситъ, молитъ, кланяется, живетъ впроголодь, иногда, весь дрожа внутренно, какъ воръ, крадется на улицу, чтобы подмастерье не потребовалъ у него бездѣлицу въ счетъ заработанныхъ денегъ, чтобы извозчикъ, привезшій новую работу, не попросилъ у него на чай; что всѣ гравюры его, излюбленныя, дорогія его сердцу гравюры, проданы вмѣстѣ со статуэтками, книгами, картинами, что, наконецъ, кромѣ носильнаго, худенькаго платья, даже вся рухлядь обращена имъ въ деньги и кинута въ бездонную бочку. Что̀ за дѣло до всего этого, коль скоро за труднымъ днемъ наступаетъ благословенная минута свиданія, когда онъ, подъ покровомъ темноты, пробирается къ ней, прижимаетъ ее къ своему сердцу и шепчетъ ей слова любви и надежды! О, сладкія мгновенія, кто съумѣетъ описать васъ!

Но скоро, скоро и послѣднія радости исчезаютъ изъ его жизни. Задулъ пронзительный осенній вѣтеръ, потянулись мрачные, унылые дни. Холодный дождь то и дѣло стучитъ въ о̀кна. Вотъ, и первый снѣгъ перепалъ... Люди законопатились въ своихъ домикахъ, повставляли двойныя рамы, позаперли сады.

Ракитинъ пересталъ на ночь ходить къ Екатеринѣ Николаевнѣ и задолжалъ ей. Мастерская его, отъ недостатка денегъ, шла все хуже и хуже, хирѣла, какъ опасно больной человѣкъ, и, видимо, клонилась къ концу. Глядя на ея унылыя, голыя стѣны, на запачканнаго мальчика, весь день торчащаго безъ дѣла, на брошенные инструменты, такъ и казалось: вотъ-вотъ стукнетъ въ послѣдній разъ молотокъ по пустому верстаку, въ послѣдній разъ брякнутъ никому ненужные тиски, и жизнь испорченнаго механизма остановится, какъ незаведенные часы. Что̀ будетъ съ Ракитинымъ? Не побѣжитъ ли онъ, злобный, потерянный, прямо въ рѣку, не покончитъ ли разомъ со своимъ больнымъ сердцемъ и неудавшимся предпріятіемъ.

Ка̀къ знать? можетъ быть, именно *это* думалъ Ракитинъ, когда разъ, въ тёмный, ненастный вечеръ, сидѣлъ онъ въ пустой мастерской и, положивъ голову на руки, глядѣлъ безцѣльно на оплывшую, едва мерцавшую свѣчу, воткнутую въ пивную бутылку.

Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Ракитинъ вздрогнулъ, а мальчикъ, выскочивъ изъ-подъ верстака, гдѣ спалъ на своемъ тулупчикѣ, полетѣлъ отворять дверь.

Вошелъ Темляновъ, въ послѣднее время получившій выгодное занятіе и переѣхавшій на болѣе приличную квартиру.

— Ну, началъ онъ весело: — а я къ вамъ съ хорошею вѣстью.

Ракитинъ измѣнился въ лицѣ, вспыхнулъ и впился глазами въ гостя.

— Я, батенька мой, компаньйона вамъ добылъ, ей-Богу! Отличная штука, я вамъ скажу! Знаете, съ деньгами, ну, и... жаждетъ дѣла изъ принципа... Темляновъ насмѣшливо захохоталъ.

— Да вы объяснили ли ему?

— Т. е., знаете, я объяснилъ, дà... Скажу вамъ прямо: дѣло это несовсѣмъ, чтобы того.. но вамъ выбора *нѣтъ*. Вы сидите тутъ въ нетопленной комнатѣ, съ пустымъ желудкомъ, безъ работы—у васъ ее подъ носомъ перебиваютъ... Вспомните, сколько одинъ Березинъ перехапалъ... несмотря на то, что вамъ давали слово, что работа будетъ вся у васъ.

— Дà, по истиннѣ, намъ приходится вести дѣлà съ неособенно честнымъ людомъ.

— По-просту сказать, съ мошенниками. Всѣ эти книжники и фарисеи душу продадутъ за пятакъ. Вамъ ѣсть нѐчего, а книжники тамъ какіе-нибудь преспокойно должаютъ вамъ сорокъ, пятьдесятъ рублей, т. е. плевое дѣло для нихъ. Да остальные-то, издающіе только честныя книги, только съ честнымъ направленіемъ и т. д.—развѣ они лучше? Дай Богъ, чтобы не хуже первыхъ оказались. Чтò же, умирать вамъ, чтò ли? Вѣдь, ужь сами видите—онъ обвелъ рукою вокругъ себя:—здѣсь капутъ, неминуемый капутъ. Будь у васъ сотняжки три-четыре, тогда пойдетъ иная пѣсня. Можно перетащить работу отца Петра. Нѣтъ, по моему, тутъ уступать—просто невыгодно. Вѣдь, въ сущности, ничего и подлаго въ этомъ нѣтъ; такъ, просто—предразсудокъ. Соберитесь-ка съ духомъ, да обѣими ногами и скачите черезъ него.

Ракитинъ горько засмѣялся.

— Нѣтъ, право, сказалъ Темляновъ:—согласитесь сами; дѣло пойдетъ, вы расплатитесь честно. Нѣтъ—не ваша вина, да вы и имѣете дѣло съ достаточнымъ человѣкомъ.

Ракитинъ глубоко задумался.

— Съ одной стороны, омутъ, разсуждалъ онъ:—съ другой—грязь. Спасать ли себя, топя другаго, тонуть ли съ чистымъ сердцемъ. Тонуть... а она? О, нѣтъ, нѣтъ, даже и думать-то о ней мнѣ теперь не слѣдуетъ! Пусть все падетъ на меня одного; пусть я одинъ здѣсь, въ этой мерзости! Ей—свѣтъ и честь, мнѣ—трудъ и грязь.

— Думайте, думайте, поощрялъ его Темляновъ.—Вы знаете меня: подлаго я вамъ не посовѣтую. Я говорю: дѣло шатко, вы

занимаете безъ увѣренности отдать сполна; но... подлаго, опять, повторяю, тутъ нѣтъ...

— Конечно, съ внезапной, дикой рѣшимостью почти крикнулъ Ракитинъ, блѣдный, какъ смерть. — Волка бояться—въ лѣсъ не ходить! Что̀ я за боецъ, коли испугался первой галки. Нѣтъ, чортъ возьми, я на это шелъ... Я готовъ! Я *хочу* этого!

Темляновъ изъ подлобья поглядѣлъ на него и едва замѣтно качнулъ головой.

— Разумѣется, поддакнулъ онъ:—будучи честнымъ человѣкомъ, вы все это исправите. Ну, будь что̀ будетъ, выбора вамъ нѣтъ! Такъ поѣдемте же.

— Куда же?

— Да... къ компаньйону.

— Теперь? Такъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову? Въ девятомъ часу вечера?

— Э, батенька, куй желѣзо, пока горячо! Одѣвайтесь и маршъ. У меня тутъ и извозчикъ ждетъ.

Когда Ракитинъ вышелъ на улицу, снѣгъ, смѣшанный съ дождемъ, ослѣпилъ его; вѣтеръ свистѣлъ между обнаженныхъ деревъ и стучалъ ихъ скелетообразными вѣтвями.

— Вотъ именно въ такую пору и продаютъ душу дьяволу! съ горькой усмѣшкой произнесъ онъ.

Темляновъ промолчалъ.

Когда уже они взбирались по ярко-освѣщенной газомъ лѣстницѣ одного изъ домовъ центра города, Темляновъ вдругъ остановился.

— Э-э, послушайте, протянулъ онъ небрежно, но далеко неспокойнымъ голосомъ:—я... кажется, забылъ объяснить, что мы ѣдемъ къ... словомъ, что компаньйонъ вашъ... женщина. И даже молоденькая и хорошенькая, прибавилъ онъ дѣланно-развязнымъ тономъ.

Ракитинъ на минуту остановился какъ вкопанный; лицо его вспыхнуло, и, казалось, онъ готовъ осыпать Темлянова самой бѣшеной бранью, но еще мигъ—и онъ сдвинулъ брови, махнулъ рукой и зашагалъ скорѣе прежняго.

Дѣйствительно, будущій компаньйонъ Ракитина, г-жа Дамалтова, оказалась молоденькой и хорошенькой дѣвушкой, съ граціозными, вполнѣ женственными манерами, съ густой, темной косой, обрамлявшей очень эффектно ея серьёзное, умненькое личико.

Приняла она Ракитина и Темлянова въ обширной гостиной,

уютной, просто, со вкусомъ меблированной и явно свидѣтельствовавшей о достаточности своихъ хозяевъ.

— Мнѣ сказали, начала она, прямо приступая къ дѣлу, серьёзнымъ и спокойнымъ тономъ:—что вы согласны принять меня въ долю.

Ракитинъ молча поклонился.

— Мои условія, продолжала она:—слѣдующія: я вношу вамъ свою часть, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы сами назначите; кромѣ этой суммы, вы не имѣете права въ близкомъ будущемъ требовать отъ меня ни копейки. Исключеніе допускается, если окажутся нужными какія-нибудь радикальныя улучшенія; въ такомъ случаѣ, мы дѣлимъ издержки пополамъ. Затѣмъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мастерская наполовину станетъ моей, въ ней работаютъ исключительно женщины.

— Виноватъ, перебилъ Ракитинъ: — этотъ пунктъ вашихъ условій невыполнимъ.

— Это отчего? немного разгорячившись воскликнула она.

— Оттого, что переплетное дѣло распадается на четыре части: собственно переплетную, брошюровочную, футлярную и коробочную. Три послѣднія требуютъ очень много аккуратности и вниманія; но первая, кромѣ того, требуетъ и физической силы. Женщина не можетъ, работать свободно молотомъ, вѣсящимъ 7—8 фунтовъ, и не можетъ завинчивать тиски, съ тою силою, отъ которой зависитъ чистота работы. Въ другихъ же развѣтвленіяхъ переплетнаго мастерства, и безъ того, женщины и дѣти работаютъ предпочтительно предъ мужчинами.

Дамалтова задумалась. Потомъ она улыбнулась, поглядѣла на Ракитина и сказала, какъ бы извиняясь:

— Ну я, вѣдь, какъ въ лѣсу. Оттого-то я и рада, и благодарна такъ Темлянову, что онъ постарался достать мнѣ знающаго помощника. Я вамъ скажу откровенно: покойные родители намъ съ братомъ оставили состояніе, вполнѣ обезпечивающее насъ. Онъ женатъ и занятъ; а я—не у дѣлъ. Я хочу быть полезной тѣмъ, чѣмъ могу; но не ради фразъ или моды, а такъ, по просту, отъ всей души. Конечно, будучи женщиной, я и стою за женщинъ. Мнѣ Темляновъ говорилъ о васъ, какъ о человѣкѣ знающемъ, честномъ...

Темляновъ поспѣшилъ прервать:

— Вы—мечтательница: это извѣстно всѣмъ. Пожалуйста, ужь не открывайте вашихъ душевныхъ ранъ этому неумолимому практику. Онъ сухъ, какъ таблица умноженія. Я объяснилъ, онъ все знаетъ и... къ вашимъ услугамъ.

Дамалтова улыбнулась.

— Ну, быть такъ! сказала она. - Сколько же, М-г Ракитинъ, должна я внести?

— Часть, приблизительно равную его долѣ, опять быстро вмѣшался Темляновъ.—Вы знаете: мнѣ онъ заплатилъ пятьсотъ, да столько же ухнулъ на разныя улучшенія. У меня, вѣдь, шло чортъ знаетъ кàкъ... пришлось все передѣлывать... приводить въ порядокъ... Если вы дадите семьсотъ, по моему, вы сдѣлаете выгодную аферу.

— Нѣтъ, кàкъ можно! горячо возразила Дамалтова:—надо поступать по совѣсти. Вѣдь, мы идемъ на половину, стало быть—половину и вносить. Онъ тысячу—я тысячу.

Ракитинъ сдѣлалъ отчаянный жестъ, хотѣлъ что̀-то сказать, но махнулъ рукою и промолчалъ.

— Я завтра же продамъ билеты и выплачу все. Ахъ, только бы дѣло наше пошло, а денегъ этихъ мнѣ ничуть, ничуть не жаль.

«Подлецъ я буду, подумалъ мрачно Ракитинъ:—если я не вывезу тебя на своихъ плечахъ и не верну твоихъ денежекъ всѣми правдами и неправдами».

— Ну, ты спасенъ, дружище! проговорилъ Темляновъ, когда они вышли отъ Дамалтовой. Отъ полноты сердечной онъ даже прибѣгъ къ непривычному «ты».

— Да, спасенъ и... тобою. Спасибо тебѣ, спасибо! Только знаешь, Темляновъ, ступай, братъ, своей дорогой, а я съ тобой не пойду.

— Это отчего?

— Да, ахъ Боже мой! Ну спасибо, спасибо тебѣ... Только если мы останемся съ глазу на глазъ, я отколочу тебя, право!

Темляновъ усмѣхнулся, махнулъ рукой и повернулъ налѣво. Ракитинъ пошелъ вправо.

Получивъ деньги, Ракитинъ тотчасъ же нанялъ квартиру въ центрѣ города; выхлопоталъ дозволеніе повѣсить вывѣску, далъ нѣсколько взятокъ и оживилъ разомъ всю умиравшую мастерскую. Да и само счастье внезапно повернулось къ нему. Отецъ Петръ, довѣренный отъ дальняго, но богатаго монастыря, много и роскошно издающаго, по рекомендаціи одного типографа, поручилъ Ракитину на первый разъ небольшу́ю, но выгодную работу. Ракитинъ занялся ею съ удивительнымъ тщаніемъ; онъ самъ наблюдалъ за всѣмъ, самъ все прилаживалъ, самъ повѣрялъ и даже самъ паковалъ и отвозилъ. Монахъ остался такъ доволенъ, что разомъ перевелъ къ нему всѣ свои остальныя изданія.

Кàкъ ни хороша монастырская работа, а ею одной не про-

существуешь. Нужно какъ можно больше источниковъ полученія, чтобъ круглый годъ, какъ заведенная машина, вертѣлась мастерская, кредитуя тамъ, получая отсюда, сдавая одно, принимая другое.

Разъ перескочивъ чрезъ предразсудокъ, Ракитинъ, вложившій въ мастерскую всю свою душу, до болѣзненности заботившійся о ея благосостояніи, то и дѣло скакалъ, да скакалъ.

Спекулируя на чужой трудъ, онъ сталъ набирать мальчиковъ, какъ самыхъ дешевыхъ работниковъ, строго слѣдилъ за ними и выигранную такимъ образомъ разницу клалъ въ карманъ.

Спекулируя на легкость подкупа, знакомился съ разными типографами средней руки, бо̀льшею частію еврейскаго происхожденія и, въ видѣ взятки, почти задаромъ, справлялъ ихъ собственныя убогія изданьица, за что̀ типографы, разумѣется, передавали ему чужую работу, оплачиваемую втрое.

Спекулируя, наконецъ, на людскую алчность, бралъ дешевую работу, приносящую барышъ только возможностью сбыть часть ея, подъ сурдинкой, на толкучку...

Словомъ, Ракитинъ пошелъ той дорогой, какой идетъ бо̀льшая часть, и финансовыя дѣла̀ его процвѣли; процвѣли такъ, какъ онъ того и не ожидалъ.

Мастерская его была завалена книгами новой работы, никогда не изсякающей. Тутъ стояла сшитая брошюрка, тамъ тиски съ новопереплетенными книгами. Подмастерья, засучивъ рукава, уколачивали, поднимали, обрѣзали книги. Вальцовщицы сидѣли за заваленными верстаками, вертѣли огромными листами или махали длинными нитками. Мальчики сновали съ клеемъ и угольями, съ пачками и связками. Бумага шуршала, молотокъ стучалъ, работницы пѣли. Новые часы съ боемъ отзванивали одинъ часъ за другимъ. Зажигались и лампы, и тускнѣли онѣ; а пѣсни, говоръ, стукъ не утихалъ въ переплетной. Работы было такъ много, что работывали и за полночь, и всю ночь на пролетъ.

Дамалтова каждый день приходила въ мастерскую. Сначала она задалась идеей такъ, шутя, просвѣтить рабочихъ. Но Ракитинъ посовѣтывалъ ей сперва присмотрѣться къ рабочимъ и ознакомиться съ ихъ обстановкой и дѣломъ; она послушалась его и скоро бросила свою идею.

Вообще говоря, Ракитинъ долженъ былъ сознаться, что компаньйонка его—дѣвушка умная и серьёзная. Немножко *«книга»*, говорилъ онъ; но кромѣ этого невольнаго недостатка, общаго, можетъ быть, очень многимъ представительницамъ молодого по-

колѣнія, ее обвинять было рѣшительно нѐ въ чемъ. Вела она себя съ большимъ тактомъ и производила отрадное впечатлѣніе.

И такъ все обстояло какъ нельзя лучше.

Однако, Ракитинъ не былъ доволенъ ничѣмъ.

Отчего бы ему, нѣкогда веселому и беззаботному, ходить теперь мрачнымъ и угрюмымъ? Отчего бы не спать ночей тѣмъ богатырскимъ сномъ, отъ котораго прежде дрожали стекла въ ѐкнахъ? Отчего бы не глядѣть на міръ божій своимъ всегдашнимъ смѣлымъ, открытымъ взглядомъ?

Дà, время перемѣнило его. Онъ сталъ нервенъ, раздражителенъ, молчаливъ. Шутки его желчны и злы. Веселье его болѣзненно или искуственно. Карандашъ не слушаетъ его болѣе. Вдохновеніе отлетѣло. Солнечный свѣтъ рѣжетъ ему глаза, а страстно любимая природа нѣма для него. Онъ ходитъ съ опущенной головой, съ плотно стиснутыми губами.

Чтò-жь, ужь не случилось ли чего съ его Граней? Жива ли, здорова ли, любитъ ли его по-прежнему?

Дà, она все та же. Каждый вечеръ бродитъ онъ неслышными шагами по мягкому снѣгу подъ его окномъ и каждый разъ она просовываетъ въ форточку свое веселое, хорошенькое личико, улыбается ему нѣжною улыбкой, протягиваетъ ему свою ручку, обмѣнивается длиннымъ, длиннымъ письмомъ и на минуту отгоняетъ мрачнаго духа, владѣющаго его душой. Но милое видѣніе исчезаетъ, длинное письмо прочитывается, и снова коршунъ-совѣсть безжалостно рветъ его сердце на части и терзаетъ, терзаетъ, терзаетъ его.

Ахъ, у него болѣзнь старая, какъ міръ, и безжалостная, какъ мýки ада! И никто, никто не поможетъ ему, до тѣхъ поръ, пока онъ самъ этого не сдѣлаетъ.

День за днемъ, день за днемъ незамѣтно летитъ въ вѣчность, и вотъ изъ прожитыхъ мгновеній набираются недѣли, мѣсяцы и годы.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, читатель, какъ мы заглядывали чрезъ окошко маленькаго домика и любовались солнечнымъ лучемъ, освѣщавшимъ ту комнатку, въ которой жилъ нашъ Ракитинъ, гдѣ онъ позналъ первыя мýки и сладость любви. Домикъ нашъ измѣнился.

Онъ не клонится, какъ прежде, къ землѣ, а стойтъ бодро и прямо, на высокомъ каменномъ фундаментѣ. Стѣны его выкрашены яркой краской, ѐкна прикрыты маркизами; на дверяхъ рѣзная дощечка и блестящій колокольчикъ. Самая улица пріубралась, подчистилась, познакомилась съ тротуарами.

Рукины не живутъ тутъ, конечно. Неслышно перебранки Ека-

терины Николаевны съ Ѳедосьей; не бродитъ, шурша мягкими туфлями, безмолвный супругъ ея; не перебираетъ своихъ тряпочекъ старушка-бабушка. Кто̀ знаетъ, можетъ быть, за эти четыре года неумолимое время ужь успѣло скосить кого-нибудь изъ нихъ или, наоборотъ, можетъ быть пріумножило ихъ многочисленное семейство еще новымъ, крошечнымъ членомъ. Ка̀къ бы то ни было, отсутствіе ихъ безспорно.

Намъ не нужно заглядывать въ о̀кна, да оно и невозможно при настоящей ихъ высотѣ, для того, чтобы познакомиться съ новыми жильцами. Судя по лакею, лѣниво разсѣвшемуся съ папиросой на крыльцѣ, по брошенной имъ щеткѣ на открытой парадной лѣстницѣ, по фескѣ и трубкѣ, забытыхъ на окнѣ, наконецъ, по оружію, развѣшенному по ковру, виднѣющемуся чуть-чуть изъ-за окна, тутъ обитаетъ достаточный пожилой холостякъ. Намъ кажется, даже, по какому-то внутреннему инстинкту, что холостякъ этотъ принадлежитъ къ знакомому типу тѣхъ полныхъ, не очень высокихъ брюнетовъ, съ масляными глазами, съ порядочной лысиной и нафабренными усами, завитыми злодѣйскими кольцами, которые держатъ себя молодцовато, немного на военный, манеръ и таютъ при видѣ каждой молоденькой дѣвушки.

Что̀-жь бы это значило? Ужь полно, та ли Анна Андреевна, которую знавали мы нѣкогда, владѣетъ теперь этимъ домикомъ? Не случилось ли чего съ нею? живы ли всѣ наши прежніе знакомцы и нѣтъ ли въ нихъ недочета?

Увы, читатель, если время и щадитъ иногда нашу жизнь, то ужь, во всякомъ случаѣ, оно всегда измѣняетъ или нашъ нравъ, или нашу обстановку, или наши привычки. Ка̀къ ни была набожна и осторожна Анна Андреевна, но все же, получивъ значительное наслѣдство отъ тетушки, она, какъ камень, подтачиваемый водою, мало-по-малу, уступила настоянію родственниковъ и поддалась искушенію улучшить и увеличить будущее приданое дочери и свой собственный доходъ. Конечно, измѣняя внѣшній видъ дома, она тѣмъ самымъ отнимала отъ себя возможность выбирать по волѣ жильцовъ, а слѣдовательно, и жить тѣмъ спокойнымъ замкнутымъ существованіемъ, которымъ она жила такъ долго; но судьба съ первыхъ же дней оказалась къ ней очень благосклонной. Въ домикѣ поселилось почтенное семейство, состоящее изъ старушекъ и одного старичка; потомъ, когда, по случаю смерти главы семейства, имъ пришлось перемѣститься въ другой край, явился жилецъ, по рекомендаціи самаго мильйоннаго дядюшки Луки Лукича. Конечно, противъ по-

добныхъ рекомендацій не спорятъ; но Анна Андреевна, такъ видно ужь сотворена она, не вытерпѣла и возразила:

— Холостой? А кàкъ же, дядюшка, Граня...

— Удивительная нѐвидаль—твоя Граня! пробасилъ Лука Лукичъ:—да хотя бы и такъ... Ты пойми, что у него дѣлà со *мной*... Чего же тебѣ еще!

Анна Андреевна боязливо поморгала глазами, но промолчала. Такъ холостой брюнетъ, съ молодцоватою осанкой, Осипъ Ивановичъ Вантосовъ, и поселился у нея.

Очень возможно, что, пользуясь нашимъ присутствіемъ въ захолустной улицѣ, читатель пожелаетъ войти въ новую рѣзную калитку и посмотрѣть поближе на домикъ Анны Андреевны, на садикъ и проч.

Бà, да кàкъ тутъ тоже все измѣнилось! Бывало, хоть садъ со своими розами и яблонями и казался какимъ-то заповѣднымъ раемъ для простоватой Рукиной; но, говоря по совѣсти, въ немъ было больше аромата и тѣни, чѣмъ искуства и красоты. Нынче же онъ вытянулся по ранжиру; прежніе косматые кусты подровнялись; дорожки усыпались кирпичемъ; клумбочки обнеслись корзиночками, на крыльцѣ явились растенія; изъ вьюнковъ образовались шпалеры... наконецъ, по главной алеѣ, около забора, возвелась бесѣдочка въ трактирномъ стилѣ, съ разноцвѣтными ѐкнами.

На дворѣ, вмѣсто прежней безобидной Арапки, сидитъ на цѣпи огромный, хохлатый песъ и съ зловѣщимъ ворчаньемъ скалитъ на проходящихъ зубы.

Ѳедосью, бѣгавшую частенько на босу ногу и говорившую барынѣ «ты» въ откровенныя минуты, замѣнила въ кухнѣ видимо принаряженная, притянутая особа, интересующаяся лакеемъ Вантосова, поющая романсы и передающая барышнямъ разные пересуды людской и гостиной.

Дà, самая даже обстановка Анны Андреевны измѣнилась. Нѣтъ всюду громадныхъ иконъ, ихъ убрали въ образнýю; нѣтъ половиковъ и дорожекъ; стулья не стоятъ чинно по стѣнкамъ; вотъ кресла, въ новомъ вкусѣ, наѣхали на старый диванъ и прижали его; вотъ на столѣ валяется раскрытый романъ, а въ саду раздается веселый говоръ и смѣхъ.

Ужь, безъ всякаго сомнѣнія, Анна Андреевна не участвуетъ въ немъ. Нѣтъ, она сидитъ, попрежнему, за акаѳистомъ и, развлекаясь долетающимъ шумомъ, гнѣвно морщитъ брови и сердито шепчетъ: «вишь, грохочутъ, прости Господи, ахъ, царица небесная, грѣхъ какой, грѣхъ какой!» Но она только одна и

остается стойкимъ обломкомъ прошедшаго; остальное все измѣнилось.

Впрочемъ, что̀ же, говоря откровенно, вѣдь, и она далеко не то, что̀ была нѣкогда. Развѣ согласилась бы она прежде принимать въ домъ постороннихъ мужчинъ, позволила бы козлоглаголить и грохотать, и пустословить.

А между тѣмъ, теперь, въ ту самую минуту, какъ мы проникаемъ въ садъ, тамъ, вмѣстѣ съ Глафирой Егоровной и Александрой Петровной, сидитъ цѣлый рой барышень и даже два кавалера.

Одинъ изъ нихъ, знакомый уже намъ отчасти, Осипъ Ивановичъ Вантосовъ. Такъ, мы не ошиблись, читатель: онъ, дѣйствительно, именно той наружности, какой померещилось намъ; притомъ, какъ бы въ довершеніе всего, онъ носитъ военную фуражку, атласный галстухъ, заколотый брилліантовой булавкой, и такой же перстень. Сюртукъ его сшитъ на военный манеръ, а брюки натянуты совершенно такъ, какъ рейтузы. На ходу онъ часто прищелкиваетъ воображаемыми шпорами.

Глядя на него, намъ не нужно ходить къ гадальщицѣ: онъ непремѣнно—бывшій кавалеристъ, сынъ помѣщика, спустившій отцовское достояніе и кой-что̀ наколотившій впослѣдствіи, когда колетъ замѣнился фракомъ, а гарцовка — барышничествомъ лошадьми или чѣмъ-нибудь инымъ, приведшимъ къ благополучной желѣзнодорожной пристани.

Люди, подобные этому человѣку, умираютъ холостяками. Имѣя нѣжное сердце, они всю жизнь кидаются въ сѣти Гименея и выбрасываются оттуда, помимо ихъ воли, изъ-за какихъ-то фатальныхъ, неожиданныхъ происшествій. То амуры съ горничной будущей супруги, то не во̀-время протестованный вексель—все что̀-нибудь да грянетъ на голову. Не даромъ же и нашъ Вантосовъ, записной любитель женщинъ, дожилъ до сорока̀ съ хвостикомъ, не попавъ подъ женинъ башмакъ: вѣрно же есть такое предопредѣленіе.

Ну, хорошо, мы сразу узнали одного кавалера; но кто же другой? Глядимъ, глядимъ и очамъ не вѣримъ. Вѣдь, это—онъ, это—Ракитинъ. Ка̀къ же, во имя всего святаго, попалъ онъ сюда?

Правда, одѣтъ онъ безукоризненно, опытной рукой; отъ всей его фигуры вѣетъ благосостояніемъ; но ошибиться въ его личности никакъ нельзя. Свой изящный, дорогой сюртукъ онъ ка̀къ-то накинулъ, а не надѣлъ; голова его все та же кудрявая, непокорная гребню; взглядъ его все тотъ же простодушный и разсѣянный, а плебейскія манеры рѣзки и неловки.

Да̀, читатель, въ этомъ саду, съ обновленной обстановкой и обновленнымъ персоналомъ, дѣйствительно находится нашъ Ракитинъ.

Въ эти года̀ онъ прошелъ, какъ читатель знаетъ, трудную школу. Онъ страдалъ, работалъ, копилъ, жилъ одною мыслью и для одного только человѣка. Что̀ бы ни шептало ему сердце, что̀ бы ни шевелилось въ глубинѣ его души, разъ ставъ на одну дорогу, онъ шелъ по ней, не оглядываясь, не колеблясь, напрягая всю свою волю для достиженія цѣли. И цѣль, наконецъ, стала рядомъ съ нимъ.

Жертвы его не пропали даромъ. Благосостояніе его выросло и окрѣпло; по его мнѣнію, гнѣздо, достойное принять его дорогую крошку, оказывалось свито прочно. Мастерская была завалена работой; не Ракитинъ искалъ заказчиковъ, а они его. Никакихъ низкихъ уловокъ или сомнительныхъ спекуляцій болѣе не требовалось; репутація переплетной была сдѣлана и, кромѣ добросовѣстности выполненія, кромѣ чистоты работы, ей нѐ о чемъ было заботиться. Но Граня на бракъ не рѣшалась. Ка̀къ ни упрашивалъ Ракитинъ, ка̀къ ни умаливалъ ее — она ссылалась на то, что внезапное рѣшеніе ея убьетъ мать, и упорно склоняла его ждать и ждать. Онъ ждалъ.

Сходясь по долгу занятій съ разными людьми, онъ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ увидѣлъ себя въ отличныхъ отношеніяхъ съ однимъ духовнымъ авторитетомъ Анны Андреевны. Не упуская случая, онъ поспѣшилъ проскользнуть къ ней въ домъ и... вотъ, мы застаемъ его тамъ, въ веселой компаніи.

Впрочемъ, ка̀къ же это сдѣлалось возможнымъ? Кто же передѣлалъ настолько Анну Андреевну, что доступъ къ ней открылся для постороннихъ и что въ ея садикѣ сталъ возможенъ и говоръ, и смѣхъ?

Да кто же, читатель, какъ не время. Оно могучей рукой понадавило на дядюшку Луку Лукича, такъ что тотъ изъ своей лавки вдругъ попалъ въ кредитное общество, затѣмъ въ директорское кресло и изъ безхитростной сибирки сталъ почетнымъ коммерсантомъ и денежнымъ дѣльцомъ. Тогда Лука Лукичъ, въ свою очередь, понадавилъ на свою ближайшую и, если не считать узъ съ лѣвой стороны, единственную родственницу. Надо же, объевропеившись самому, объевропеить и свою обстановку. Такъ и пошло оно.

Глафира Егоровна за описанное время очень измѣнилась, едва ли не больше всѣхъ. По началу, какъ замѣтилъ читатель, весь характеръ ея, вся особенность выливалась въ одинъ эпитетъ влюбленнаго Ракитина, не очень, впрочемъ, лестный для

разумнаго человѣческаго существа: «беззащитной, слабой крошки». Но теперь, по перемѣнѣ декорацій, въ этой беззащитной крошкѣ сталъ вырабатываться, мало-по малу, свой характеръ и вылился, наконецъ, въ особый типикъ. Нѐчего говорить, что Ракитинъ носился съ этой перемѣной, какъ курица съ яйцомъ, и твердилъ встрѣчному и поперечному о томъ, какой славный, честный характеръ созрѣлъ въ его дорогой Гранѣ и кàкъ умъ ея удивительно развернулся и выросъ въ тиши.

И такъ, читатель, въ саду Анны Андреевны смѣхъ и говоръ: на длинной шведской качалкѣ сидятъ розовыя, голубыя и сиреневыя барышни и жужжатъ, какъ пчёлки. Александра Петровна, навостривъ уши, съ упоеніемъ слушаетъ всѣхъ и повременамъ закатывается неудержимымъ смѣхомъ. Больше всѣхъ удовольствія доставляетъ ей, видимо, самая розовая изъ всѣхъ розовыхъ барышень. Э-ге-ге, да, вѣдь, это—младшая дочь Екатерины Николаевны — такъ вы живы, сударыня? Еще бы, что̀-жь бы сталось въ противномъ случаѣ съ хроникой всего околотка! А матушка ваша? Конечно, у Анны Андреевны: тамъ надо перемыть столько стакановъ и чашекъ, взбить яица для пирожнаго, посмотрѣть за разиней Ѳеклой, ужь навѣрно перепекшей кулебяку, словомъ—очень, очень много чего сдѣлать.

По дорожкѣ, мимо бесѣдки съ разноцвѣтными стеклами, прогуливаются Вантосовъ и Ракитинъ, а между ними Глафира Егоровна.

Сѣренькій августовскій день, теплый и тихій, съ незримымъ солнышкомъ смотритъ на всѣхъ присутствующихъ и едва колышетъ листочки деревъ.

— Такъ вотъ-съ, сударыня, говоритъ Вантосовъ, продолжая давно начатый разсказъ:—я и распорядился такъ: двѣ лихихъ тройки за околицей, а съ нимъ вдвоемъ, въ плащахъ и широкополыхъ шляпахъ, тутъ, въ этихъ самыхъ черешняхъ-то... О, l'amour! дрожащимъ голосомъ пропѣлъ онъ неожиданно и, наклонившись къ Глафирѣ Егоровнѣ, блеснулъ на нее своими масляными глазами; потомъ выпрямился, брякнулъ воображаемыми шпорами и продолжалъ:—только это стоймъ мы... а ночь, знаете, глазъ выколи, собственной руки не увидишь...

— Вѣрно, отъ такой хаотической темноты и случилось, вдругъ рѣзко и раздраженно вмѣшался Ракитинъ:—что вы, вмѣсто невѣсты прижали къ своему влюбленному сердцу ея дворовую дѣвушку!

Вантосовъ побагровѣлъ, выпрямился, провелъ дрожащей рукой по усамъ, поправилъ фуражку, опять провелъ по усамъ и

промычалъ глухо, сдавленно, что̀-то похожее на «милостивый государь!»

Глафира Егоровна незамѣтно и ловко налеглась на руку Ракитина и быстро, какъ-то скоса, точно мимоходомъ, заглянула ему нѣжно въ глаза.

— Ахъ вы, медвѣдь мой, медвѣдь, сказала она шутливо и вмѣстѣ ласково:—когда я только приручу васъ и придамъ вамъ человѣческій образъ? Потомъ она ужасно расхохоталась и, глядя на Вантосова страннымъ какимъ-то взглядомъ, какъ бы слегка жмурясь, продолжала, едва выговаривая слова отъ хохота:—видите ли это что̀, вчера... я ему... разсказывала... анекдотъ, случившійся.. съ однимъ... моимъ родственникомъ... Начало очень... похоже на ваше, и вотъ этотъ (смѣхъ ея усилился) медвѣдь, со своей медвѣжьей ловкостью и догадливостью, и брякнулъ остроту...

Наэлектризированный взглядомъ ея и вообще очень ужь простоватый, Вантосовъ разразился и самъ громкимъ, довольнымъ хохотомъ; онъ весь трясся, подымалъ плечи, выпячивалъ грудь и побрякивалъ отсутствующими шпорами.

Такъ какъ плечо Глафиры Егоровны все еще покоилось на рукѣ Ракитина и глаза ея по временамъ съ выраженіемъ любви скользили по его лицу, то онъ тоже пришелъ въ веселое расположеніе и, забывъ ревность, началъ вторить старому ловеласу.

— Однако! едва переводя духъ, сказалъ наконецъ Вантосовъ, принимаясь крутить свои усы.—Хватили же вы, батенька, шиломъ патоки! А я, признаться, въ тупикъ всталъ, даже растерялся.

— Что̀ дѣлать? шутливо возразилъ Ракитинъ:—знаете ли, мы, штафирки несчастные, въ такихъ передѣлкахъ—ни-ни, Боже мой, никогда не бывали; натурально ни ходу, ни выходу и не знаемъ.

— Что̀ говорить, что̀ говорить! Человѣкъ на конѣ... это... это... центавръ какой-то! Тутъ знаете и передряги всякія, и...

— Ужь подлинно центавръ, повторилъ Ракитинъ, лукаво подмигивая Глафирѣ Егоровнѣ:—не разберешь даже, гдѣ начинается конь и гдѣ кончается человѣкъ.

— Вотъ, вотъ, отлично сказано! съ восторгомъ подхватилъ Вантосовъ.—Да̀, отлично! Именно такъ: не знаешь, гдѣ начинается человѣкъ и гдѣ... Превосходно! У васъ, я замѣтилъ, есть очень меткія выраженія.

— Ну ужь, вмѣшалась Глафира Егоровна, вѣроятно не совсѣмъ еще увѣренная въ Ракитинѣ:—куда ему! Весь-то онъ уродился такимъ медвѣжёнкомъ, что даже скучно! Вотъ теперь, напримѣръ, мнѣ очень бы хотѣлось послать его за моей кофточ-

кой, и она передернула плечами какъ-будто содрагаясь отъ холода:—а я увѣрена...

Вантосовъ заволновался. — Нѣтъ ужь, нѣтъ, заговорилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ, только чрезъ мой трупъ... Служить вамъ.. Я... даже не договоривъ, онъ кинулся къ дому и исчезъ скоро за дверью. Именно въ этотъ мигъ, Глафирѣ Егоровнѣ понадобилось сорвать цвѣтокъ, растущій по ту сторону бесѣдки, гдѣ не было докучныхъ свидѣтелей, и она потащила туда Ракитина.

— Милый мой, прошептала она, ластясь къ нему:—зачѣмъ ты обижаешь меня своимъ недовѣріемъ? Развѣ я—не твоя, совсѣмъ твоя, маленькая, глупая жена.

Ракитинъ весь вздрогнулъ, вспыхнулъ и молча сжалъ ея руку. О, Господи, подумалъ онъ, кàкъ я въ самомъ дѣлѣ пошлъ и глупъ!

— Милый, продолжала Глафира Егоровна, смотря ему любовно въ глаза:—прости меня!

У Ракитина навернулись слёзы отъ упрековъ совѣсти и восторга.

— Я не умѣю выказать, до чего я обожаю тебя, моего умнаго, любимаго, дорогаго мужа!

Ракитинъ былъ на седьмомъ небѣ.

Въ этотъ самый мигъ, балконная дверь брякнула, заслышалась тяжелая походка Вантосова и за нимъ торопливые шаги вездѣсущей Екатерины Николаевны.

— Ахъ, Боже мой, суетливо болтала она:—да куда же запропастилась эта кофта? надо сбѣгать, спросить... И что̀ же это ей вдругъ въ такую теплынь...

— Дà, дà, глубокомысленно подтвердилъ Вантосовъ:—и я даже говорилъ... Ненатурально, какъ хотите! Вѣроятно лихорадочка!

— Типунъ вамъ на языкъ! безцеремонно крикнула Екатерина Николаевна.

Глафира Егоровна, между тѣмъ, хладнокровно сорвала георгинъ, провела имъ по губамъ и передала его Ракитину, со взглядомъ невыразимой нѣжности; медленно, неохотно повернулась лицомъ къ дому и заговорила тономъ капризнаго ребенка.

— Ахъ, Вантосовъ, какой вы скучный! ну, чего вы тамъ всѣхъ переполошили! Это была одна минута, теперь все прошло!

Екатерина Николаевна остановилась, посмотрѣла на нее съ укоризной, но не сказала ни слова. Вантосовъ, съ нѣкоторыхъ поръ, сталъ ея отъявленнымъ фаворитомъ.

— Помилуйте, помилуйте, весь краснѣя, отвѣчалъ онъ, спѣ-

ша на встрѣчу Глафирѣ Егоровнѣ:—да можно ли хладнокровно... коль скоро... я перепугался...

— Хорошо, хорошо, все тѣмъ же тономъ перебила его Глафира Егоровна, шепнувъ Ракитину на лету: «надоѣдный!»—идите ужь сюда, мы соскучились безъ васъ; онъ такой молчаливый, и она ударила Ракитина по плечу, на минуту задержавъ тамъ свою руку:—безъ васъ ни гу-гу. Я—тоже... Займите насъ.

Весь растаявшій отъ тона Глафиры Егоровны, отъ ея кокетливыхъ взглядовъ, Вантосовъ, тяжело дыша, краснѣлъ все болѣе и болѣе. Глаза его окончательно потонули въ маслѣ.

— Удивительный ребёнокъ, удивительный ребёнокъ! совсѣмъ задыхаясь произнесъ онъ, почти шепотомъ.

Ракитинъ пристально посмотрѣлъ на него и подумалъ. Глупъ ты, да ужь и простоватъ же! Этакъ втюрился и не видитъ, что она смѣется. Нѣтъ, надо удерживать ее, жаль простака!

— Ну, Осипъ Ивановичъ, сказалъ онъ мягко:—мы всѣ, кажется, трое устали. Сядемте-ка. Побалуйте насъ, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь исторійкой изъ вашего бурнаго прошлаго... Вы—такой мастеръ.

Польщенный Осипъ Ивановичъ поспѣшно вытащилъ свой толстый серебряный порт-сигаръ и протянулъ его Ракитину.—Отмѣнныя, произнесъ онъ:—настоящія гаванна! выражая этимъ свою благодарность, и тяжело опустился на скамейку.

Однако ему не пришлось и теперь докончить своей исторіи; снова появилась въ дверяхъ Екатерина Николаевна, на сей разъ въ праздничномъ рогатомъ чепцѣ, и попросила все общество кушать.

Кушали Кузнецовы, несмотря на директорство дядюшки Луки Лукича, все также, по-старинному. Столъ накрывали въ залѣ и украшали двумя графинами съ высокой стеклянной пробкой, въ видѣ сіянія, какихъ уже нынче не дѣлаютъ. Супъ подавали на синихъ фарфоровыхъ тарелкахъ и обѣдъ начинали кулебякой. Гостей, разумѣется, садили по чинамъ, мужчинъ отдѣльно отъ женщинъ. Во время ѣды разговоры осуждались, и только самые почтенные гости перекидывались дѣловыми замѣчаніями; молодежь же молчала или перешептывалась.

Конечно, при такомъ стеченіи публики, какое было въ это воскресенье, безмолвіе становилось невозможнымъ. Дѣвицы, сидѣвшія кучкой на нижнемъ концѣ стола, оживленно болтали, стараясь только какъ можно болѣе понижать голосъ. Ракитинъ и Вантосовъ, сидя отдѣльно, между хозяйкой и Екатериной Николаевной, какъ бы между двухъ громоотводовъ, чинно ѣли, переглядываясь между собой. Вантосовъ, впрочемъ, для приданія

себѣ контенанса, все покручивалъ усы, блистая бриллiантовымъ перстнемъ, и конфиденцiально перекидывался въ полголоса съ Екатериною Николаевной дѣльными замѣчанiями.

— Ахъ, Граничка, съ затаеннымъ восторгомъ шептала Александра Петровна, наклоняясь къ своей сосѣдкѣ:—знаете ли вы, что̀ говорятъ про Дамалтову?

Дамалтова не давала покою всѣмъ знакомымъ Ракитина, будь сказано мимоходомъ, и про нее сплетничали напропалую.

— Ужь я—не любительница этихъ сплетень! раздражительно отвѣчала Граничка.

— Господи! тотчасъ обидѣвшись, возразила Александра Петровна, гордо и холодно откидываясь на спинку стула.—Кто же любитъ ихъ? Ужь не я ли?

Тогда Граничка, въ сущности пылавшая любопытствомъ выслушать что̀-нибудь новое про антипатичную ей Дамалтову, послѣ минутнаго молчанiя, заговорила небрежно. Что̀ же говорятъ-то?

— Да, вѣдь, вы терпѣть не можете сплетень, язвительно возразила Александра Петровна.

— Вамъ нельзя и слова сказать! Вы сейчасъ и обидитесь, произнесла Граня и, въ свою очередь, откинулась гордо на спинку стула.

— Говорятъ, она бѣгаетъ къ Ракитину по ночамъ, совсѣмъ неожиданно шепнула Александра Петровна, у которой гнѣвъ прошелъ и желанiе высказаться вспыхнуло съ неудержимой силой.

— Что̀ же это она бѣгаетъ, изъ удовольствiя схватить насморкъ, по ночной прохладѣ! уже совершенно раздражившись, произнесла Граня.

Александра Петровна, нѣкогда помогавшая любви Ракитина и Грани, перешла недавно на сторону Вантосова и досаждала прежнему союзнику какъ могла.

— Да ужь тамъ, для чего бы то ни было... Мужчины, вѣдь—всѣ такiе... и она сдѣлала самую презрительную гримасу.

— По мнѣ, все равно! Я давно хотѣла бы отвязаться отъ Ракитина, да въ томъ-то и бѣда, что, вопреки всѣмъ сплетнямъ, онъ точно прикованъ ко мнѣ...

— Ну ужь, это вы—такъ, съ досады. Чѣмъ онъ вамъ—не пара...

— О, вы сами отлично знаете, что у меня есть партiя нетолько гораздо выгоднѣе этой, но вообще такая, за какую другiя ухватились бы обѣими руками.

— Зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, не соглашаетесь выдти

ни за того, ни за другого? Вѣдь, Ракитинъ пристаетъ, пристаетъ...

— Вы забываете мою обстановку.

— Вашу обстановку—это правда; вы всегда мѣняете его на свою постылую обстановку. Ну, а другіе...

— Нельзя ли намъ прекратить этотъ разговоръ? съ притворнымъ спокойствіемъ, сентенціозно произнесла Граня.

Александра Петровна, не сносившая подобнаго тона, вышла изъ себя.—Очень нужно мнѣ все это! По моему, пусть и вы, и вашъ Ракитинъ, провалитесь сквозь землю—мнѣ какое дѣло!

Граня иронически усмѣхнулась.

— Да, замѣтила она, когда виноградъ зеленъ, то всегда стараются надѣлать непріятностей другимъ.

— Я-то чѣмъ виновата, если весь городъ кричитъ о похожденіяхъ вашего героя! Вы-то воображаете, что онъ на васъ молится... Ваши капризы, да ваше кокетство хоть кого изъ себя выведутъ.

Граня схватила графинъ, налила себѣ воды дрожащей рукой и стала медленно прихлёбывать съ видомъ утомленія и нездоровья.

Ракитинъ, примѣтивъ перемѣну въ ея лицѣ, сидѣлъ какъ на иголкахъ. Лишь только кончился обѣдъ, онъ кинулся къ ней и шепнулъ дрожащимъ, испуганнымъ тономъ: «ты больна, тебѣ нехорошо?»

— Съ чего вы это взяли? рѣзко отвѣтила она.—Прошу при людяхъ не вѣшаться мнѣ на шею. Ваша любовь приноситъ мнѣ однѣ непріятности.

Ошеломленный Ракитинъ остался стоять, какъ стоялъ. Правда, что ссоры между нимъ и Граней были неособенно рѣдки, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда ужасно разстраивался отъ нихъ. Теперь же слова̀ Грани показались ему обиднѣе, чѣмъ когда-либо.

Такъ какъ Граня отошла отъ него къ Вантосову, то Ракитинъ не послѣдовалъ за нею.

Вантосовъ, обыкновенно ничего не примѣчавшій, самодовольно покручивалъ усы, брякалъ воображаемыми шпорами и переминался съ ноги на ногу.

— Славный день сегодня, проговорилъ онъ:—въ августѣ я вижу предъ собой весеннія розы.

Граня кокетливо посмотрѣла на него и усмѣхнулась.

— Ахъ, ужь вы, мужчины, всѣ вы одинаковы!

Глаза Вантосова замаслились.—Мы? Чѣмъ мы могли провинить-

ся? Мы—самый безопасный народъ! Вы знаете, и льва побѣдила красота: онъ легъ у ногъ ея и сталъ лизать прахъ...

— Я никому не вѣрю—а вамъ менѣе еще чѣмъ другимъ!

— Прелестное, прелестное созданье! прошепталъ Вантосовъ, тая отъ восторга.—*Мнѣ* меньше всѣхъ? А я—вашъ рабъ!

— Ну, дайте вашу руку и пойдемте въ садъ.

Когда Вантосовъ, необычайно молодцовато округливъ свой локоть, приготовился вести Граню въ садъ, Ракитинъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ нимъ.

— Что̀ это—Парисъ, похищающій Елену? спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Нѣтъ, небрежно отвѣчала Граня:—это—левъ, склоняющійся предъ безсиліемъ! Ну, левъ, идемте же!

Ракитинъ молча, точно тѣнь, послѣдовалъ за ними. Онъ былъ блѣденъ, и углы рта его нервно подергивались.

Граня, примѣтивъ это, испугалась скандала.

— Ахъ, Вантосовъ, какой вы мучительный сегодня! произнесла она.—Васъ всегда приглашаютъ, чтобъ вы развеселили, а вы сами ходите, какъ въ воду опущенный. У меня же, какъ на зло, нервы расходились. И она въ изнеможеніи опустилась на скамью, стоящую vis-à-vis съ шведской качалкой, на которой, по прежнему, сидѣли дѣвицы и болтали.

— Что̀ же это съ вами? хрипло спросилъ Ракитинъ:—больны вы?

— А вы не видите! и въ тонѣ ея слышалось и раздраженіе, и что̀-то тоскливое.

Ракитинъ мгновенно весь преобразился. Онъ вспыхнулъ, руки у него запрыгали, и на лицѣ появилось какое-то растерянное выраженіе.

— Сядьте же, все такъ же нервно продолжала Граня, толкнувъ ногой близь стоящую ножную скамейку, какъ бы выражая этимъ желаніе, чтобъ Ракитинъ помѣстился у ея ногъ. Онъ тотчасъ-же такъ и сдѣлалъ. Вантосовъ, куря свою гаванну и перекинувъ живописно ногу за ногу, остался стоять въ молодцоватой позѣ.

Граня закашлялась и замахала платкомъ.

Вантосовъ быстро кинулъ сигару, покраснѣлъ, какъ ракъ, и затвердилъ безъ конца: виноватъ, виноватъ, виноватъ.

Граня стала передергивать плечами и содрагаться; Ракитинъ, замѣтивъ это, кинулся къ дому, притащилъ шаль и сталъ ее кутать.

— Благодарю, я васъ мучаю, едва слышно прошептала она и, въ утомленіи, закрыла глаза.

Вантосовъ замеръ въ своей неловкой позѣ, а Ракитинъ боялся дохнуть.

— Что̀ же это? вдругъ вскрикнула Граня:—точно въ комнатѣ умирающей—всѣ молчатъ.

Вантосовъ быстро выпрямился и затянулъ:

— Э...э...э... я говорю какъ...э...

Ракитинъ ласково улыбнулся и проговорилъ такимъ мягкимъ тономъ, какимъ говорятъ съ балованнымъ ребёнкомъ:—Что̀-жь бы намъ, въ самомъ дѣлѣ придумать такое, чтобъ развлечь наши непокорные нервочки? Не открыть ли намъ ужь шестую часть свѣта?

— Я хочу, чтобъ вы принесли свою скрипку и сыграли намъ что̀ нибудь, капризно отвѣчала Граня, обращаясь къ Вантосову.

— Я? я... съ удовольствіемъ, но... вѣдь, я такъ плохо...

— Пожалуйста, безъ самоуниженія! Или вамъ пріятно мучить больную? Принесите скорѣй, сядьте тамъ у колодца, въ кустахъ, чтобъ звуки не были слишкомъ рѣзки и успокойте мои нервы!

Вантосовъ поклонился и поспѣшно направился къ своей квартирѣ.

— Что̀ съ тобой? едва внятно прошепталъ Ракитинъ, повертывая къ ней свое разстроенное лицо.

Посмотрѣвъ на него проницательно, она отвѣчала совершенно дѣтскимъ тономъ.—Ну вотъ, я виновата предъ тобой и я... ревную!

— Ревнуешь? съ грустной нѣжностью повторилъ онъ, и въ тонѣ его слышался упрекъ.—Меня? Или я мало любилъ тебя въ эти долгіе годы, въ которые ты такъ упорно сама отказывалась стать моею. Или я подалъ поводъ тебѣ считать меня подлецомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ Лёша, ты лучше всѣхъ людей, ты умнѣе всѣхъ, благороднѣе всѣхъ; но я—такой глупый, слабый ребёнокъ... Мнѣ наговариваютъ на тебя,.. Мнѣ сказала...

— Ну, хорошо! Я не хочу знать, кто говорилъ тебѣ; а не то я стану врагомъ того, кто вооружаетъ тебя противъ меня. Ты скажи только, въ чемъ ты упрекаешь меня?

Граня вспыхнула. Слухъ, переданный Александрой Петровной, былъ до того нелѣпъ, что его невозможно было повторить Ракитину. Она, впрочемъ, и сама не вѣрила ему. Ее раздражало только то, что люди смѣли счесть Ракитина не рабомъ ея.

Въ это самое время, Вантосовъ возвратился со скрипкой и въ вопросительной позѣ остановился. Ракитинъ кивнулъ ему, и тотъ залѣзъ въ кусты и заигралъ.

— Ахъ, надоѣдный! раздражительно проговорила Граня, ко-

гда звуки скрипки раздались.—Все торчитъ здѣсь, не знаешь какъ отдѣлаться отъ него!

— Въ чемъ же, дорогой ребёнокъ, долженъ я оправдываться передъ тобой?

— Да... Граня опять заговорила дѣтскимъ тономъ:—да я... такая глупая... Говорятъ, *она* все съ тобой?

— Кто *она*, дорогая?

— Да... Дамалтова.

Ракитинъ вспыхнулъ и сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ плечами.

— Опять за то же! Сколько разъ повторять мнѣ, что я съ нею не бываю вмѣстѣ почти никогда, что я совсѣмъ, глубоко равнодушенъ къ ней. Помни, что между нами были уже подобныя объясненія, и я говорилъ тебѣ, говорилъ, вынужденный на это тобою: она для меня—ходячій упрекъ совѣсти. Она ворочаетъ мой умъ къ той ужасной эпохѣ, когда я думалъ, что теряю все, теряю тебя и, ради моей безмѣрной любви къ тебѣ, рѣшился... грязно, мерзко воспользоваться ея довѣрчивостью. Ты знаешь, *чего* мнѣ стоило это; ты помнишь, *чѣмъ* не жертвовалъ я потомъ для того, чтобъ вернуть ея деньги... Я дѣлалъ, ужасно вспомнить! тысячу мелкихъ пакостей, грязныхъ мелочей, за которыя и въ Сибирь то не ссылаютъ, а просто въ рожу плюютъ. И не стыдно опять тебѣ, безъ всякой жалости, повертывать ножъ въ моей ранѣ! Бога ради, Бога ради, будь справедлива!

Лицо Грани приняло боязливое выраженіе.

— Вотъ... я всегда такъ ..

И на глазахъ ея заблистали слёзы.

— Милый, милый, прости меня! Вѣдь, вотъ я какая... Помни только, что я, измученный, больной человѣкъ. Вѣдь, ты только и есть у меня одинъ, мой дорогой, добрый, преданный мужъ.

Ракитинъ замигалъ глазами, чтобъ непрошенныя слёзы не навернулись на нихъ.

— Все, все, мое золото, сдѣлаю для тебя! Ну, чего ты хочешь? Чего?

— Ничего, ничего, я всѣмъ довольна и счастлива, обладая такимъ преданнымъ другомъ, какъ ты! Это все—моя болѣзнь. Знаешь, все это такъ ужасно отзывается на моемъ здоровьѣ!

— Такъ, крошка, чѣмъ же помочь?

— Да чѣмъ же? Вѣдь, не выбирать же тебѣ, ради моихъ нервовъ, опять новое ремесло. Конечно, еслибъ это было возможно и тебѣ не приходилось вести съ ней дѣла... Ахъ, прости меня, я—сумасшедшая! и на ея глазахъ снова засверкали слёзы.

— Голубушка, неужто-жь я не смогу... вѣдь, это все и нача-

то ради тебя... Онъ задумался и вздохнулъ.—Твой покой, твое счастіе дороже всего.

— Ахъ, ты, пожалуйста не выдумай въ самомъ дѣлѣ бросить! Господи, что̀ я надѣлала! Я говорю, какъ больная, а ты... Вѣдь, это пройдетъ, пройдетъ. Ну, похандрю, похвораю крошечку, а потомъ и... Конечно, я бы хотѣла, совсѣмъ, впрочемъ, по другой причинѣ, чтобъ ты вступилъ въ компанію съ Темляновымъ, какъ тотъ предлагаетъ тебѣ...

Ракитинъ сдѣлался вдругъ очень грустенъ.

— Лёша, голубчикъ, я заплачу! вдругъ прервала себя Граня, надувъ губки совсѣмъ по-дѣтски.—Я—гадкая, злая, больная... Я мучаю тебя, и голосъ ея задрожалъ.

Ракитинъ опять всполошился.

— Что̀ ты, что̀ ты! Развѣ можешь ты мучить меня, дорогая крошка! Да я самъ хочу... Полно, полно; я подумаю и все сдѣлаю. Ну, прости меня, ну прости! Успокойся.

Граня улыбнулась сквозь слёзы.

Вантосовъ, въ это время, кончилъ свое заунывное пиликанье и посмотрѣлъ изъ кустовъ.

— Нельзя дольше! шепнула Граня. Милый, я—твоя! прибавила она внезапно съ невыразимой нѣжностью въ голосѣ.—Я такъ мучаюсь, потому что люблю тебя безъ мѣры!

— Ну, какой вы скучный! крикнула она Вантосову.—Вы еще хуже тоску нагнали! Идите-ка сюда.

Вантосовъ радостно откинулъ свою скрипку и подбѣжалъ къ Гранѣ. Та раскуталась, бросила шаль Ракитину и проговорила быстро:

— Она надоѣла мнѣ до смерти, отнесите ее, пожалуйста.

— Ужасно съ нимъ скучно, сказала она Вантосову. — Я, впрочемъ, теперь и сама порядочно надоѣла ему... Представьте себѣ: онъ вдругъ, Богъ знаетъ изъ-за какого каприза, кидаетъ свое заведеніе, которое идетъ положительно блестяще.

— Что̀ вы?

— Вотъ... что̀ съ нимъ подѣлаешь.

— Ну, обратилась она къ возвратившемуся Ракитину: — и Вантосовъ говоритъ, что это—безуміе бросать такое предпріятіе, какъ ваше.

— Въ самомъ дѣлѣ, заговорилъ серьёзно и глубокомысленно Вантосовъ:—это въ нашъ вѣкъ можетъ дѣлать только безумецъ. Помилуйте! Да я бы не прочь отъ такой дойной коровы!

Ракитинъ молчалъ; ему горько было, что Граня передала о его планахъ постороннему человѣку.

— Ахъ, тотчасъ же замѣтивъ это, сказала она: — какой вы

скучный... Я опять... васъ огорчила... Что̀ я сдѣлала, Боже, что̀ я сдѣлала!

Ракитинъ стряхнулъ съ себя задумчивость.

— Развѣ вы можете огорчать меня? Все, что̀ вы дѣлаете — прекрасно, и я благословляю васъ за каждый часъ, проведенный съ вами. Видите ли, обратился онъ къ Вантосову:—вѣдь, и отъ хорошаго позволено искать лучшаго.

— У меня что̀-то устала спина... Пройдемтесь!

И Граня поднялась со скамейки и направилась по самой узенькой дорожкѣ, такъ что оба кавалера были принуждены слѣдовать сзади.

— Да̀, такъ я говорила... или я не должна говорить? спросила она дѣтскимъ тономъ Ракитина, озираясь на него испуганно.

Тотъ съ нѣжнымъ укоромъ во взорѣ покачалъ головой.

— Вѣдь, это я оттого, что я такъ... мучаюсь... мнѣ такъ... *Зачѣмъ* вы хотите продать переплетную! продолжала Граня.

— Да̀, въ самомъ дѣлѣ? подхватилъ своимъ громовымъ голосомъ Вантосовъ, разнося невольно новую вѣсть по всему саду:— зачѣмъ хотите вы продать свою переплетную изъ-за пустого каприза?

— Именно такъ, изъ-за пустого каприза—вы правы, подтвердила Граня.—Это все оттого, что онъ, изволите видѣть, терпѣть не можетъ свою компаньйонку, славную, умную дѣвушку...

— Терпѣть не можетъ свою компаньйонку, опять протрубилъ Вантосовъ.—Ну, можно ли такъ! Богъ вамъ судья! Нѣтъ, на вашемъ бы мѣстѣ я, чорта съ два, такъ пріударилъ бы за ней...

— Онъ—всегда такой несправедливый, такой пристрастный! горячо продолжала Граня: — и за что̀ только онъ ненавидитъ ее?

— Мое почтеніе—ненавидитъ. Да вы—какое-то чудовище, порожденіе ада, вы... Богъ знаетъ что̀!

Барышни, со своей качалки все время наблюдавшія за Граней, при возгласѣ Вантосова, перестали болтать, и всѣ превратились въ слухъ.

— Что̀ это значитъ? съ удивленіемъ спрашивала себя Александра Петровна.—Да не сошелъ ли Ракитинъ съума? Или это Граня науськала его?

Не стерпѣвъ, наконецъ, она подозвала Ракитина.

— Что̀ я слышу? Правда ли это? спросила она.

— Вы про что̀?

— Да про переплетную.

Ракитинъ принялъ серьёзный и рѣшительный видъ.

— Это—правда! Я давно хотѣлъ продать мою часть и начать другое занятіе, болѣе ко мнѣ подходящее.

— Ахъ, не опять ли рисовать вздумали?

Ракитинъ слегка поблѣднѣлъ и быстро опустилъ глаза. Волненіе, охватившее его, было такъ сильно, что онъ даже не могъ отвѣчать, а только отрицательно покачалъ головою.

— Ахъ, ну, такъ... фотографію.

— Да я, вѣдь, шутилъ тогда. Впрочемъ, не въ занятіи дѣло.

— Ну, а скажите, это правда, что изъ-за Дамалтовой?

Ракитинъ на минуту задумался, какъ бы колеблясь, потомъ громко и рѣшительно сказалъ?

— До Дамалтовой мнѣ столько же дѣла, сколько до обитателей луны. *Это* — правда: я всегда не терпѣлъ ея, она мнѣ антипатична донельзя; но дѣлà—вещь такого рода, что якшаешься и съ чортомъ. Я мѣняю потому, что нашелъ болѣе выгодное занятіе.

Александра Петровна, при рѣзкихъ словахъ его насчетъ Дамалтовой, какъ-то неловко потупилась и отвернулась отъ него.

Ракитинъ отошелъ. Онъ былъ страшно блѣденъ и грустенъ.

— Пойдемте пѣть, хотите? весело закричала Граня беззаботнымъ тономъ.—Ужь накапризничалась сегодня довольно, пора и отдохнуть! Сыграйте намъ чтò-нибудь, Зинаида Сергѣевна, и спойте. Вантосовъ подтянетъ вамъ.

Барышни тотчасъ же повскакали съ мѣстъ и, весело, шумно болтая, отправились въ залу толпой. Тамъ Зинаида Сергѣевна усѣлась за рояль и запѣла.

Граня сидѣла въ самомъ темномъ уголкѣ; за ея стуломъ стоялъ Ракитинъ съ тоскливымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Милый, шептала ему по временамъ Граня, нѣжно облокачиваясь на его руки:—я люблю тебя! Я—твоя?

Онъ съ любовью улыбался ей въ отвѣтъ, но грызущая тоска не исчезала отъ милыхъ словъ. Онъ очень страдалъ, и Граня видѣла это.

Когда отпили чай, было уже совершенно темно.

Граня и Ракитинъ встрѣтились на балконѣ.

— Я умоляю тебя, прошептала она:—иди домой. Ты не спалъ всю эту ночь, ты измученъ! Ради меня, иди усни!

— Дорогая, да развѣ я чувствую усталость возлѣ тебя!

— Ну, успокой меня! Вѣдь, я—твоя крошечная жена, я имѣю право ухаживать за тобой, дрожать за тебя. Иди, милый! Я приду къ тебѣ во снѣ и стану сладко цаловать тебя.

Только лишь захлопнулась дверь за Ракитинымъ, Граня спустилась въ садъ, отыскала Вантосова, повисла томно у него на

рукѣ и повлекла его въ самую тёмную аллею. Долго потомъ изъ этой аллеи долеталъ тихій, неясный говоръ, кокетливый смѣхъ и задыхающійся, взволнованный шопотъ Вантосова.

Ракитинъ, между тѣмъ, шелъ быстрымъ, порывистымъ шагомъ. Голова его горѣла, виски стучали. Цѣлый рой думъ и сомнѣній кишѣлъ въ его мозгу. Кроткія звѣзды съ тёмнаго неба глядѣли, дивясь тому, что̀ за жалкое существо человѣкъ и что̀ за странное сборище противорѣчій душа его.

«Да̀, думалъ онъ:—она больна и слаба! Это—все тотъ же безпомощный ребёнокъ, какимъ я зазналъ ее. Что̀-жь, мнѣ собственными руками задушить это нѣжное созданьице, молящее меня о помощи! О, глупость человѣческая, ка̀къ безмѣрна ты! Знаютъ ли эти досужіе языки, вливающіе въ ея чистую душу ядъ сомнѣнія, что̀ такое творятъ они? Такими жертвами, такими темными поступками, кровью и по̀томъ добытое положеніе должно рухнуть ради нихъ и уступить мѣсто... да̀, да̀, тяжко, грустно, больно, невыносимо подумать! мѣсто новымъ жертвамъ, новымъ... И эта Дамалтова, честная, прямая натура, способная на одно добро... Господи, это—свыше силъ! Кинуть того, кто протянулъ руку помощи. Отречься, какъ Іуда, отъ спасшаго... Нѣтъ, нѣтъ, если только капля разсудка и чести сохранилась въ моей измученной душѣ—этого не бывать! Я долженъ... Что̀ долженъ? Ну, договаривай! Я долженъ убить существо, дышащее мною, долженъ зарѣзать свое счастье! О, Господи, да, вѣдь, это—кругъ, проклятый кругъ... онъ давитъ, онъ давитъ меня!»

Самъ того не замѣчая, Ракитинъ остановился и облокотился на перила моста.

«Вотъ, сколько лѣтъ тому назадъ, пришлось мнѣ пережить ночь безъ сна, въ ходьбѣ. Господи, ка̀къ я былъ бодръ, ка̀къ свѣжъ, ка̀къ... счастливъ! Да̀!» И онъ, точно захлестнутый волной какихъ-то неясныхъ думъ, на мигъ точно закаменѣлъ. Свѣжій вѣтерокъ потянулъ чуть слышно отъ воды и пробудилъ его. Онъ отскочилъ отъ перилъ и пошелъ еще быстрѣе.

Хотя было уже десять часовъ, но Ракитинъ взбѣжалъ по знакомой ему лѣстницѣ и позвонилъ у квартиры Дамалтовыхъ. Когда колокольчикъ своимъ мѣднымъ языкомъ звякнулъ рѣзко, отрывисто, Ракитинъ вдругъ отдернулъ руку и проговорилъ вслухъ: «что̀ я, что̀ я!»

Но дверь уже отворилась, и торопливое «пожалуйте» отрѣзало возможность отступленія.

Когда Ракитинъ вошелъ къ Дамалтовой, она сидѣла въ своей комнатѣ у маленькаго рабочаго столика, въ мягкомъ креслѣ и вышивала. Высокая просторная комната вся тонула въ тѣни.

Только столикъ и сама она выдавались на темномъ фонѣ яркимъ пятномъ. Часы мягко тикали, коверъ заглушалъ шаги и все было тихо, тихо.

Дамалтова удивленно подняла глаза на вошедшаго и, узнавъ Ракитина, ласково и весело крикнула.

— А! Вотъ это—кто! Отчего же не пораньше?

При тонѣ этого привѣтствія, руки Ракитина похолодѣли, сердце дрогнуло, и голосъ прервался.

— Вѣрно, вы принесли что̀-нибудь новенькое? продолжала она все тѣмъ же тономъ.

Ракитинъ едва собрался съ духомъ и проговорилъ грубо, хриплымъ, нетвердымъ голосомъ:

— Да̀, новенькое!

Руки съ вышивкой опустились на колѣни, удивленное, побѣлѣвшее лицо повернулось къ Ракитину, и серьёзные глаза встрѣтились съ его глазами.

Онъ не вынесъ этого взгляда, простоналъ и кинулся въ кресло.

— Послушайте, чѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше! заговорилъ онъ дрожа и задыхаясь.—Я сразу выскажу все и... баста. Я влюбленъ давно... т. е. все—вздоръ и сюда не относится... Я хочу говорить... хочу сказать, что я совсѣмъ, совсѣмъ не то... что̀ вы думаете... я, знаете, изъ корыстной цѣли взялся за дѣло... ну... и запутался... и все, натурально... къ чорту... и вотъ... Темляновъ нашелъ васъ... Я... слушайте, пожалуйста, со вниманіемъ!.. я сошелся съ вами изъ одной... да̀, изъ одной подлой надежды спасти себя и потопить васъ... я бралъ тысячу... когда мастерская стоила два гроша... нѣтъ, и того не сто̀ила... Короче: я изъ подлости согласился на компаньйонство... я... чтобъ нажиться очень безчестно поступалъ... Ну, и плутовалъ... Ну, и теперь, когда я совершенно, совершенно чрезъ васъ нажился, когда вы мнѣ совсѣмъ ужь не нужны, я хочу... продать мою долю какъ можно дороже... все равно кому... Бросить хочу васъ и все... Ну, я вступаю въ воровскую компанію съ Темляновымъ, потому что мнѣ всего этого мало, мнѣ все равно до средствъ. Я ужасно...

Съ пылающей головой, не поднимая глазъ, сидѣлъ онъ и говорилъ, не переводя духа, не замѣчая, что блѣдное лицо, смотрѣвшее первоначально на него, дѣлается все блѣднѣе и блѣднѣе, пока, наконецъ, достигаетъ какой-то сверхъестественной бѣлизны и постепенно, безъ слёзъ, безъ звука, съ расширенными отъ ужаса глазами склоняется все ниже и ниже и упа-

даетъ, наконецъ, на руки, судорожно уцѣпившіяся за столъ, и остается такъ неподвижно.

— Ужасно... повторилъ еще разъ Ракитинъ и, точно чѣмъ-то пораженный, вдругъ остановился, взглянувъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла Дамалтова...

— Воды, воды, воды! что̀ было силы крикнулъ онъ не своимъ голосомъ, вскочилъ и кинулся, какъ сумасшедшій, безъ шапки, въ дверь, на лѣстницу, на улицу. Когда онъ, наконецъ, остановился отъ своего бѣшенаго бѣга, онъ былъ въ незнакомой ему улицѣ, у глухаго забора; зубы его стучали и члены дрожали. Посмотрѣвъ безъ мысли въ одну сторону, въ другую, онъ машинально опустился на землю, весь какъ-то съёжился и закрылъ глаза.

Занялся день. Разсвѣло. Вотъ закопошились и люди.

А Ракитинъ сидѣлъ и сидѣлъ, не двигаясь, все въ прежнемъ положеніи.

Потянулись мужички. Въ кафтанахъ въ накидку, въ теплыхъ фуражкахъ, бѣлыхъ передникахъ, лапоткахъ шли они торопливымъ шагомъ, то гуторя, то молча, освѣщенные невѣрнымъ бѣлѣсоватымъ свѣтомъ ранняго, безсолнечнаго дня. Никто изъ нихъ на Ракитина и не обратилъ вниманія.

Наконецъ, долго спустя, изъ-за угла показались синяя чуйка и красная рубашка, съ коротенькой трубкой въ зубахъ.

— Эва: сказала чуйка, человѣкъ подъ заборомъ!

— Пьяный, равнодушно процѣдила сквозь зубы рубашка и сплюнула на сторону.

— Ой ли! А словно бы недужный?

Рубашка покачала головой и опять сплюнула.

— Ахти, Господи! послышался женскій голосъ.—Чего-жь ты, Василичъ, смотришь! Вишь—человѣкъ!

— Да, можетъ, пьяный? нерѣшительно возразила чуйка.

— Ну, ужь! По себѣ, надо-ть судишь. Вишь—баринъ. А ты—пьяный!

Чуйка остановилась и принялась дивоваться на барина, не смѣя подойти.

— Да ты то чего бѣльмы пялишь? сердито закричала женщина на красную рубашку.—Вѣдь, не даромъ же ты дворникомъ прозываешься—твое дѣло!

— А ну васъ! злобно отвѣтила рубашка и исчезла за поворотомъ.

— Ахъ, идолы, идолы! кричала женщина.—Нѣтъ и жалости-то въ нихъ! И ты-то тоже хорошъ, нечего сказать, какъ пень...

Небойсь въ трактиръ такъ не надо толкать, безсовѣстные твои глаза, самъ туда безъ памяти прешь!

Заслышавъ перебранку, обитатели сосѣднихъ домовъ повысыпали на улицу.

— Чего-жь это она орётъ?

— Эво-на, человѣкъ!

— Никакъ Зайчиха?

— Глянь-ко, глянь подъ заборомъ-то! и т. д., и т. д.

Высокій молодецъ въ калошахъ на босу ногу и въ бѣломъ передникѣ подошелъ къ Ракитину.

— Господинъ, господинъ! проговорилъ онъ, осторожно трепля его за плечо.

Любопытные сдавили другъ друга, стараясь поближе продраться. Не получая отвѣта, человѣкъ въ калошахъ покачалъ головой.

— Надо бы за полиціей сбѣгать! проговорилъ онъ важно, оглядывая толпу.

— Вишь за полиціей! Была охота! Бѣги самъ! Ближе какъ у моста нѣтъ! посыпались на него восклицанія со всѣхъ сторонъ.

Человѣкъ въ калошахъ опять потолкалъ Ракитина.

— Что̀ огонь, произнесъ онъ:—а духу нѣту! Кажись, тверёзъ!

— Да ты бы ему, Никитушка, головку-то окатилъ! суетливо вмѣшалась женщина, поднявшая тревогу.

— Ай да Зайчиха, молодецъ-баба! Вотъ ужь надоумила — такъ надоумила! Спасибо! проговорилъ Никитушка и пустился бѣгомъ. Черезъ нѣсколько времени, онъ явился опять съ желѣзнымъ ведромъ, изъ какихъ поятъ лошадей, и окатилъ Ракитина.

Тотъ весь вздрогнулъ, открылъ глаза, обвелъ ими безмысленно вокругъ себя и сдѣлалъ усиліе, чтобъ встать.

— Очнулся, очнулся! заговорилъ народъ.

— Ну, баринъ, съ видомъ покровительства проговорилъ Никита, помогая ему:—вамъ однимъ не дойти. Свезти бы васъ.

Ракитинъ не понялъ его. Онъ оттолкнулъ поддерживавшія его руки и ступилъ шагъ. Холодная вода текла съ его волосъ и платья. Онъ началъ ужасно дрожать.

— Вишь, сердечный, утирая глаза, заговорила Зайчиха:—и молодой-то какой! Да не дубанули ли его ночью: тутъ, вѣдь, мѣсто пустое.

Приходя въ себя понемногу, но чувствуя свинцовую тяжесть въ головѣ, невыносимый ознобъ и слабость въ ногахъ, Ракитинъ снова опустился на землю и прошепталъ: усталъ!

— Усталъ, дà, дà видимъ, что усталъ, да кàкъ быть-то! Надо ѣхать домой! резонно повторилъ Никита.

Ракитинъ, какъ будто, уловилъ какую-то мысль.

— Вотъ, слабо произнесъ онъ, указывая на боковой карманъ: — вотъ... деньги, и затѣмъ руки его безпомощно опустились.

— Вишь, чтò сказалъ! Совсѣмъ плохъ! Затѣмъ, подумавъ съ минуту и поглядѣвъ на толпу, Никита разстегнулъ сюртукъ Ракитина, вытащилъ бумажникъ и указалъ на него послѣднему. Тотъ быстро кивнулъ и потомъ, точно успокоенный, закрылъ глаза, впадая въ забытье.

Никита вытащилъ оттуда солидную пачку денегъ и многозначительно поднялъ ее вверхъ. Потомъ сталъ рыться и набралъ цѣлую кучу нумерковъ, адресовъ, записочекъ и счетовъ.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день, проговорилъ онъ, озадаченный.—Гдѣ-жь тутъ поймешь! Э эхъ дѣло!

Въ слабой надеждѣ, онъ сталъ опять толкать Ракитина; но тотъ только на минуту взглянулъ на него мутнымъ взглядомъ и потомъ опять принялъ прежнюю позу.

— Плохо! повторилъ Никита, и руки его опустились; вдругъ, при этомъ движеніи, открылось незамѣченное отдѣленіе бумажника, и на земь брякнуло письмо.

— Ну, слава тебѣ, Создателю! обрадованно вскричалъ Никита! — Ужь вѣрно къ нему. Всячески валяй по этому адресу, и, разобравъ надпись, онъ пихнулъ стоявшаго рядомъ, мальчика:— ну, Сеня, бѣги за извозчикомъ, у насъ тамъ стоитъ одинъ... Ужь на чай будетъ. Не пожалѣютъ!

Мальчикъ пустился стрѣлой. Всѣ стихли и ждали развязки.

Задребезжали дрожки, заколыхался народъ, и Сеня ухорски соскочилъ съ пролётки.

— Мнѣ то, самъ знаешь, недосужно! Ты ужь и поѣзжай! говорилъ Никита, усаживая больного рядомъ съ сіяющимъ Сеней.— Кàкъ пріѣдешь, его оставь на извозчикѣ, а самъ бѣги и звонись. Да гляди, чтобъ на ухабахъ-то не стряхнуло его съ дрожекъ. Ну, а это, торжественно прибавилъ онъ, вручая мальчику бумажникъ:—береги пуще глазу, потому—чужое, а ты—еще щенокъ! Ну, съ богомъ, трогай! крикнулъ онъ извозчику, и Ракитинъ покатилъ домой, едва держась, не помня ничего и ничего не видя. Толпа поглядѣла ему вслѣдъ, поглядѣла и разошлась.

Ракитинъ прохворалъ очень долго. Началось у него нервной горячкой, кончилось воспаленіемъ мозга. Онъ былъ на краю могилы, и много, много дней и недѣль прошло до той поры, когда, наконецъ, здоровая его натура, несмотря на вялость ухода

наемной сидѣлки, наемнаго лакея и равнодушнаго Темлянова, поборола болѣзнь и къ Ракитину, мало-по-малу, возвратился разсудокъ и силы. И какое тяжелое время пришлось ему пережить тогда! Все-то, все вокругъ него была та же пустынная комната, съ опрокинутыми баночками и пузырьками, съ разбросаннымъ въ безпорядкѣ носильнымъ платьемъ, съ опущенной сторой, неуютная, холодная, мрачная. Посѣщавшій его во время опасности Темляновъ исчезъ. День тянулся безконечно уныло, въ полномъ одиночествѣ. И послѣ каждаго такого дня наступала еще болѣе тяжкая, безсонная ночь, полная недавнихъ горячечныхъ видѣній, укоризненныхъ думъ, проклятій и отчаянія. И какъ медленно, крадучись, наступали эти ночи и какъ имъ не было конца!

Вотъ уже темь сгустилась, фигуры на обояхъ приняли фантастическій рисунокъ, вотъ уже вспыхнулъ и уличный фонарь и замигалъ своимъ красноватымъ отблескомъ на сторѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй, иди ночь! Нѣтъ: она только тѣшится надъ нимъ. Сумерки ползутъ, ползутъ, и ихъ движеніе чуть-чуть замѣтно. Какъ тихо стало вездѣ, еще тише чѣмъ утромъ, и какая эта тишина страшная, подавляющая! Лампу, лампу! Скорѣй огня! Но и человѣка нѣтъ по близости; всѣ ушли, всѣ забыли больного. А мракъ все-таки сгущается; уже глаза не различаютъ предметовъ; уже только можно слушать напряженно, болѣзненно... Чу! что-то щелкнуло! Точно осторожной стопой дотронулся кто-то до половицы. Вотъ что-то зашлепало, это—вѣрно, дождь или мокрый снѣгъ на дворѣ! О, какъ невыносимо!

Ракитинъ принимался неистово звонить. Наконецъ, зовъ его долеталъ до кого слѣдуетъ, и огонь зажигали. Что-жь, развѣ легче отъ этой лампы, покрытой низкимъ и толстымъ абажуромъ, съ какимъ-то больничнымъ, вялымъ свѣтомъ? Всѣ тѣни отъ нея только пуще сгустились, а стѣны только яснѣе напомнили ужасы, глядѣвшіе съ нихъ во время бреда.

Впрочемъ, пуще одиночества, тьмы и скуки гнетутъ безотвязныя думы. Передать ихъ трудно. И здоровый человѣкъ въ день чего-чего не передумаетъ, сколько разъ въ головѣ его столкнутся самыя противуположныя мнѣнія, самыя рѣзкія крайности; а у больного-то, мозгъ котораго недавно только освободился изъ подъ гнёта вавилонскаго столпотворенія! Да и сколько разъ изнуренный, безсильный, не додумавъ своей мысли до конца, онъ, теряя ея послѣдній обрывокъ, впадаетъ въ тяжкое забытье, во что-то среднее между сномъ и бдѣніемъ.

Ракитинъ нашъ, однако, съ той самой минуты, какъ пришелъ въ себя, твердо хранитъ неудержимое, болѣзненное чувство от-

вращенія къ своей прошлой жизни. Часто, не помня хорошенько, чего именно рѣшился онъ избѣгать въ будущемъ, онъ твердитъ себѣ горячо: никогда, никогда, никогда! Кромѣ того, у него и забота.

— Что̀, нѣтъ писемъ? спрашиваетъ онъ по сотнѣ разъ у своего человѣка и, получая неизмѣнное «нѣтъ», начинаетъ тревожно метаться, а потомъ, теряя силы, падаетъ неподвижно на подушку и закрываетъ глаза. Одни углы рта продолжаютъ подпрыгивать судорожно.

Да̀, писемъ нѣтъ! Неизвѣстно ему, что̀ дѣлаетъ его дорогая, любимая крошка. Здорова ли, не растревожена ли черезчуръ его болѣзнью, не нуждается ли въ его помощи? Онъ знаетъ, что, еще во время его безпамятства, увѣдомлена она Темляновымъ о его состояніи, а позже о благополучномъ исходѣ и тревожится только мыслью, что она, бѣдная, не знаетъ, ка̀къ о себѣ подать вѣсточку, и, вѣроятно, страдаетъ чрезъ это.

Лишь только силы позволяютъ ему провести нѣсколько минутъ сидя, съ перомъ въ рукахъ, онъ усиленно, въ нѣсколько пріемовъ, чертитъ ей: «Дорогая! Твой ловкій медвѣжонокъ сдѣлалъ фо-па и принужденъ сидѣть въ берлогѣ, сосать лапу и не видѣть тебя! Не бойся, впрочемъ, ему совсѣмъ хорошо и не выходитъ онъ, единственно дорожа твоимъ спокойствіемъ. Кромѣ шутокъ, моя родная, я бодръ и крѣпокъ. Мнѣ очень нужно поговорить съ тобой о дѣлѣ. Знаешь, когда больному западетъ что̀ въ голову, такъ ужь его никакъ не удержишь. Итакъ, дорогая, я кончилъ съ прошедшимъ. Оно недостойно тебя! Я рѣшилъ, что *не могу* считать переплетную своею, а слѣдовательно, остаюсь нагъ и бѣденъ. Тебѣ, конечно, это—все-равно. Я знаю, ты поймешь и оцѣнишь руководящіе мною мотивы. Скоро обо всемъ потолкуемъ подробно. Ты вѣрно не знаешь, ка̀къ писать? Глупенькая, да положись же на геній Екатерины Николаевны. Ужь она ли не вывезетъ за какую-нибудь тряпочку. Цалую безъ ума и жду отвѣта. Рада, что я — молодецъ? Ну, поцалуй же лишній разъ за это! Твой ursus».

Отославъ это письмо, онъ дѣлается терпѣливѣе и чувствуетъ себя добрѣе. Онъ велитъ поднять сторы, переселяется къ окну на кресло и цѣлыми днями глядитъ на небо и думаетъ, думаетъ, думаетъ...

Да̀, теперь, когда даже и остатокъ бреда миновалъ, онъ знаетъ навѣрное, что все его прошлое—ужасный, мерзостный сонъ, отъ котораго у него щемитъ сердце и отъ котораго—страшно вымолвить!—даже въ его безпредѣльную любовь къ ней, къ обожаемой Гранѣ, прокрадывается капля яду. Да̀, да̀, этого не

скрыть: любовь его не та, безпечная, нѣжная, беззавѣтная, какую онъ чувствовалъ нѣкогда. Съ того самаго ужаснаго дня, въ который у него оборвалось что̀-то въ груди или въ головѣ, или, словомъ, гдѣ-то тамъ, внутри, въ его любовь, безпредѣльную по прежнему, прокралась какая-то жгучая искорка: онъ любитъ, и, въ то же время, эта искорка жжетъ ему сердце и прорываетъ въ немъ огненныя борозды. Или это—еще все бредъ? Нѣтъ, что̀-то есть; иначе отчего же такъ сердце щемитъ, отчего онъ не можетъ такъ беззавѣтно сказать, какъ нѣкогда: все—вздоръ! Лишь бы она была счастлива! Боже мой, а что̀ если та, *другая*, думаетъ, что я сторожу свою добычу и торгую съ Темляновымъ моей честью, что, выручивъ деньги, пахнущія моимъ стыдомъ, я, въ воровской конторѣ, прокладываю себѣ путь къ дальнѣйшему благосостоянію, къ дальнѣйшему позору... Позоръ... О, какъ тяжелъ ты, позоръ!

Да̀, теперь Ракитинъ знаетъ, ка̀къ онъ долженъ поступать впредь. Освободившись отъ горячечнаго бреда, онъ, не разъ, накликаетъ его добровольно въ безсонныя страшныя ночи своими терзаніями, своими горькими думами, полными угрызеній и отчаянія. Нѣтъ, отнынѣ онъ отброситъ все несвойственное ему. Счастье, купленное цѣною самоубійства—одинъ миражъ. Счастье—сокрыто въ честномъ отношеніи къ людямъ и самому себѣ. Счастье—только въ трудѣ и мирѣ съ совѣстью. Счастье—только въ правдѣ Онъ вызоветъ забытаго, отогнаннаго духа творчества и посвятитъ себя на новую, честную жизнь, стремясь только въ потѣ лица добыть хлѣбъ свой и своей семьи. О, какія радужныя мечты навѣваютъ думы о такой жизни! Когда мрачное отчаяніе, когда ужасъ упрековъ совѣсти минуетъ—онъ будетъ терпѣливъ и силенъ этими мечтами; онъ снова, но инымъ путемъ завоюетъ себѣ счастье.

Одно рѣшеніе за другимъ возникаетъ въ его головѣ; одинъ планъ зрѣетъ за другимъ. Дрожащими руками хватается онъ за забытый карандашъ, и прежнія, забытыя сладостныя волненія охватываютъ его. О, онъ снова видитъ лучъ солнца и снова слышитъ чириканье птицъ! Природа говоритъ съ нимъ своимъ спокойнымъ, умиротворяющимъ языкомъ, и язвы человѣчества, равно какъ его радости, стремленія и печали, начинаютъ находить въ немъ сочувствіе и отголосокъ. Да, свѣтлая струя жизни вѣетъ на него и будущее опять дается ему въ руки. Подъ этими впечатлѣніями призракъ болѣзни блѣднѣетъ и блѣднѣетъ, а силы возвращаются.

Занятый думами и надеждами, онъ спокойно переноситъ отсутствіе свѣдѣній о своей дорогой Гранѣ, любовь къ которой,

въ близкомъ будущемъ, только окрѣпнетъ, по его мнѣнію, выростетъ и просвѣтится. Однако, молчаніе такъ долго, что терпѣніе истощается и онъ пишетъ снова:

«Дорогая, любимая, обожаемая, что̀ съ тобой? Бога ради—хоть строчку! Хоть только одно слово: здорова! Я съ ума схожу отъ страха неизвѣстности! Заклинаю пиши, *что̀ бы изъ этого ни вышло*; хоть явно—нужды нѣтъ! Иначе я рѣшусь на что̀-нибудь необдуманное и, чего добраго, испугаю тебя. Ахъ, дорогая, вѣришь ли, я ожилъ душой! Я *учусь*, я *живу!* Солнце мое, только тебя одной и не хватаетъ. Вѣдь, ты станешь вмѣстѣ со мной пѣть и смѣяться въ то время, какъ я, въ нашей убогой коморочкѣ, стану честной работой рукъ своихъ добывать пропитаніе тебѣ, себѣ и... *намъ всѣмъ!* Ты и сама теперь видишь, что счастье—не въ деньгахъ, что его нѣтъ и быть не можетъ въ палатахъ, добытыхъ позоромъ! Цалую тебя тысячу разъ, твою очаровательную мордашку и твои божественныя лапки. Пиши, пиши, пиши».

Но и на это письмо отвѣта не было.

Тогда Ракитинъ сдѣлался угрюмъ и раздражителенъ. Не имѣя силы терпѣть долѣе, онъ рѣшился ѣхать къ ней самъ. Она больна, тоскливо твердилъ онъ, ее надо успокоить, надо утѣшить бѣдную, безпомощную крошку! И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, кой-какъ одѣлся, закутался, сѣлъ въ сани и поѣхалъ.

Солнце и свѣжій, слегка морозный воздухъ освѣжили его, но, когда знакомый домикъ, съ знакомой, дорогой обстановкой, предсталъ очамъ его, радость такъ сильно охватила его сердце, что онъ лишился силъ. Впрочемъ, боясь испугать и опечалить Граню, онъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и пошелъ скоро и бодро. Желая напасть на нее врасплохъ, онъ проскользнулъ въ кухню; не встрѣтивъ тамъ никого, сбросилъ шубу, прошелъ въ прихожую, залу и гостиную. Но и тамъ все было пусто. Тогда, съ сильно бьющимся сердцемъ, затаивъ дыханіе, подкрался онъ къ Граниной двери, нажалъ ручку и тихо, тихо, неслышно, распахнулъ ее. И вотъ, видитъ онъ ее, свою «крошечную жену», веселую, здоровую, смѣющуюся, въ кокетливой позѣ ласкающагося котёнка, на колѣняхъ у экс-кавалериста.

Ударъ былъ такъ силенъ, такъ неожиданъ, что весь блѣдный Ракитинъ покачнулся и припалъ на дверь.

Влюбленные вздрогнули и отскочили другъ отъ друга.

Вантосовъ потерялся совершенно. Весь красный, съ ощетинившимися усами и широко вытаращенными глазами, онъ вскочилъ-было, но потомъ опять тяжело упалъ на диванъ и замеръ въ неловкой, натянутой позѣ.

Граня, на минуту точно громомъ пораженная, вдругъ нервно крикнула и разразилась истерическими рыданіями и смѣхомъ. Вантосовъ, сорвавшись съ мѣста, кинулся къ ней съ графиномъ и, незная что̀ дѣлать, бормоталъ что̀-то невнятное.

А Ракитинъ, лишенный силъ, все стоялъ и глядѣлъ, противъ воли, на эту сцену. Наконецъ, онъ кое-какъ овладѣлъ собой, выпрямился и, съ трудомъ передвигая ноги, побрелъ вонъ, вонъ изъ того домика, гдѣ столько лѣтъ сердце его билось любовью и преданностью, куда онъ летѣлъ, едва нѣсколько минутъ тому назадъ, съ затаеннымъ восторгомъ, съ страстнымъ нетерпѣніемъ... Итакъ, все кончено... ему остается въ послѣдній разъ окинуть взоромъ знакомый уголокъ и на-вѣки покинуть его!

Медленно, медленно проползъ онъ по двору, еще медленѣе влѣзъ въ сани... Наконецъ, онъ сѣлъ, спряталъ свое лицо въ шубу, и горькія слёзы, одна за одной, покатились изъ глазъ его. Ни ревности, ни злобы, ничего бурнаго не ощущалъ онъ. Все его сердце охватила одна тихая, щемящая тоска; онъ почувствовалъ себя только совершенно одинокимъ, безпредѣльно несчастнымъ; онъ вдругъ понялъ, что богъ, которому онъ молился столько лѣтъ, которому онъ отдалъ всего себя, рухнулъ въ грязь и, при паденіи, обнажилъ свою внутреннюю пустоту, свою полную ничтожность. Прошлое освѣтилось настоящимъ свѣтомъ, и прежнія недоразумѣнія разрѣшились.

Когда онъ добрался до дому, онъ безсильно опустился въ то самое кресло, гдѣ предавался мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, и, какъ окаменѣлый, сидѣлъ, безцѣльно глядя предъ собою. Онъ не видѣлъ ничего, кромѣ своего внутренняго міра, потрясеннаго во всѣхъ основаніяхъ, кромѣ своего прошлаго, забрызганнаго грязью, кромѣ своей любви, поруганной и осмѣянной.

Часъ уходилъ за часомъ. Настали и прошли сумерки; насталъ и прошелъ вечеръ. Старый знакомый Ракитина, уличный фонарь, поигралъ на стѣнѣ его неосвѣщенной комнаты, отпечатлѣлъ на ней оконную раму и мрачную тѣнь склонившейся на руку головы. Вѣтеръ повылъ, постучалъ въ стекло. Поблистали звѣзды, поблистали и померкли; закружился въ воздухѣ пушистый снѣгъ и покрылъ сонную улицу бѣлой пеленой, а Ракитинъ все сидѣлъ, все думалъ, все страдалъ.

Но когда слабый отблескъ зари озолотилъ прояснившійся небосклонъ, когда веселый, рѣзкій лучъ восходящаго солнца ударилъ въ его комнату и позолотилъ его склоненную голову и руку, онъ вдругъ поднялся, посмотрѣлъ вокругъ, какъ пробудившійся отъ сна человѣкъ, и сталъ слѣдить за свѣтомъ.

«*Это* кончено, подумалъ онъ:—но вотъ... послѣ ночи разсвѣтъ...

Да, болитъ мое сердце... но совладать нельзя только съ возмутившеюся совѣстью. Жалокъ тотъ, которому чувство собственнаго достоинства не поможетъ пережить *этого!*»

И онъ заходилъ медленнымъ, но тихимъ, спокойнымъ шагомъ. Лицо его прояснилось, и на немъ осталась только нѣкоторая серьёзность.

Въ это же самое утро онъ получилъ письмо.

«Голубчикъ Лёша, писала ему Граня:—прости! Вѣдь, я—все та же, все тотъ же глупый, безпомощный ребёнокъ. Я согласна — внѣшность противъ меня; но ты не знаешь, до чего я была несчастна, покинутая тобою! Мнѣ опять наговорили на тебя. Я опять ревновала къ *той*. Прости меня, а не то я умру. Согласись, что и ты тоже виноватъ: зачѣмъ ты меня бросилъ! Я не люблю Вантосова любовью; но я научилась его уважать; онъ—такой добрый, преданный мнѣ. Согласись, что, покинутая всѣми, я была рада встрѣтить такого друга. Оставь всѣ свои бредни; продай поскорѣй переплетную, сложись съ Темляновымъ, и, когда дѣла твои пойдутъ такъ блестяще, какъ ты одинъ умѣешь ставить ихъ—я назову тебя моимъ дорогимъ, милымъ, обожаемымъ мужемъ. Пока приходи скорѣй; я успокою на своей груди твою измученную, глупую голову». Твоя Г.

P. S. Надѣюсь, ты не забылъ, что твоя теорія была всегда такова: «тотъ справедливѣе, кто снисходительнѣе; нельзя стоять за апоѳеозъ бѣглыхъ женъ; но можно ли и судить ихъ за ихъ вынужденное паденіе». Припомни все это и покажи мнѣ, что у тебя слово и дѣло—одно и то же».

Прочитавъ все, до послѣдней строки, Ракитинъ горько улыбнулся.

— Вотъ, сказалъ онъ себѣ, пряча письмо въ бумажникъ:—теперь къ моему роману и иллюстрація прислана. Бѣдное, заблуждающееся созданіе!

Затѣмъ, видимо, что-то обдумывая, онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, подошелъ къ столу, сѣлъ и, немного покраснѣвъ, немного дрожащей рукой сталъ писать слѣдующее:

«Милостивая государыня!

«Менѣе всего, конечно, ждете вы отъ меня извѣстій. Я самъ понимаю, что дѣйствую противъ всѣхъ установленныхъ правилъ; потому прошу *настоятельно* не считать мое письмо за дерзость. Я пишу по долгомъ и спокойномъ размышленіи, руководствуясь непреодолимымъ желаніемъ сказать честному, прямому человѣку, оскорбленному мной: я рожденъ не плутомъ; я палъ вслѣдствіе моей недоразвитости. Я понялъ урокъ, данный жизнью, и всей душой стремлюсь загладить прошлое. Позвольте

же мнѣ передать вамъ мои надежды на лучшее будущее, такъ какъ я уважаю васъ и убѣжденъ, что *каждый* можетъ, если твердо хочетъ, передѣлать себя и завоевать себѣ доброе имя.

«Кромѣ того, я хочу непосредственно снестись съ вами насчетъ моей доли въ мастерской. По словамъ Темлянова, вы оставили это впредь до моего выздоровленія. Продайте мою часть вашей помощницѣ, желавшей пріобрѣсть ее. Цѣну я назначаю въ триста рублей — я самъ заплатилъ именно столько. Вырученныя деньги передайте въ кассу общества взаимнаго вспоможенія переселенниковъ.

«Не думаю, что оскорблю васъ, прибавивъ: вина моя предъ вами безпредѣльна—я это сознаю. Своимъ обновленіемъ я обязанъ отчасти этому чувству. Теперь я обращаюсь къ своему искуству, брошенному мною, въ минуту безумія и тяжко за себя отомстившему. Я возвращаюсь къ прежней бѣдности и труду. Вѣрую твердо, что чрезъ нихъ я возвращусь и къ счастью. Мой романъ дошелъ до словъ «конецъ»; я сбрасываю тяготѣвшее надо мною иго и вступаю въ новую эру существованія, ничего общаго съ моей прошлой жизнью не имѣющую.

Ракитинъ».

Основываясь на этихъ словахъ, и мы отлагаемъ перо.

Е. Ананьевъ.

* *
*

Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй,
Чѣмъ чувство глубже и сильнѣе,
Тѣмъ въ злую темень нашихъ дней
Жить человѣку тяжелѣе.
Повсюднымъ мракомъ умъ смущенъ,
Доводитъ страсть до озлобленья
Сознанья горечь—и ни въ чемъ
Для сердца нѣтъ успокоенья!..

Весь гнетъ ошибокъ вѣковыхъ
И лжи, и тысячелѣтій—бремя
Выноситъ на плечахъ своихъ,
Изнемогая, наше время!
Живучесть лжи, громадность зла
Встаютъ въ сознаньи скорбномъ ясно,
И слышетъ сердце—безъ числа
Лишь стоны гибнущихъ напрасно!

Стремимся силой роковой
Мы въ юности къ борьбѣ тревожной,
И нѣтъ для мысли молодой
На свѣтѣ цѣли невозможной...
Но жизнь съ безстрастіемъ тупымъ
Мечтѣ подрѣзываетъ крылья,
И умираемъ мы—съ однимъ
Сознаньемъ своего безсилья!..

Н. Курочкинъ.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XII.

Поселеніе въ Курганѣ.

Курганъ.—М. А. Назимовъ.—И. Ф. Фохтъ.—В. Н. Лихаревъ.—Ав. В. Коцебу. — Окрестность. — Ярмарки.—Общество.—Масляница.—Новоселье.—Нарышкины. — Н. И. Лореръ. — Поляки. — А. Ф. фон-дер-Бриггенъ.—Минихъ.—Горе и радость. — Раздача земли.—Мусинъ-Пушкинъ.—Земледѣліе. — Хозяйство.—Петерсонъ.—Посѣтители.—Воспитаніе.—Паденіе.—Болѣзнь.—Пріѣздъ Цесаревича.—И. В. Енохинъ.—В. А. Жуковскій.—Свиданіе.—Освобожденіе.—Сборы въ дорогу. — Выѣздъ изъ Сибири.

1832 года, 19 сентября, поутру, пріѣхали мы въ Курганъ. Явившись къ городничему, отставному подполковнику Ф. И. Бурдзинкевичу, узналъ о квартирѣ М. А. Назимова, который самымъ дружескимъ образомъ принялъ насъ въ небольшомъ, опрятномъ домикѣ. Я уже не разъ упоминалъ о Назимовѣ въ предъидущихъ главахъ моихъ; здѣсь скажу только, что онъ своими правилами, дѣйствіями, образомъ жизни приготовилъ для вновь прибывающихъ товарищей самый лучшій пріемъ и самое выгодное мнѣніе со стороны мѣстныхъ жителей. Хотя каждый часъ мой принадлежалъ моему семейству, но всегда утѣшительно было имѣть вблизи и въ виду такого товарища, съ которымъ изгнанникъ, даже одинокій, не можетъ скучать или сказать, что онъ одинъ. Судьба свела меня съ нимъ здѣсь въ первый разъ; зато съ этихъ поръ въ дальнѣйшемъ странствіи нашемъ встрѣчались мы не разъ, о чемъ разскажу ниже. Въ Курганѣ засталъ я еще товарища, И. Ф. Фохта, бывшаго капитана азовскаго полка, уроженца курляндскаго, недавно сюда переселеннаго изъ Березова: онъ держался твердо своихъ правилъ и своихъ мнѣ-

ній, любилъ спорить и противорѣчить, но это не мѣшало ему быть сердобольнымъ къ страждущимъ и больнымъ, исключительно посвящать себя леченію другихъ; онъ завелся аптекою, пользовалъ удачно и доставлялъ себѣ средства къ жизни. — В. Н. Лихаревъ—совершенная противуположность аккуратности Фохта, всегда умный и тонкій въ бесѣдахъ, никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ, жилъ въ обществѣ чиновниковъ, одѣвался щеголевато и все должалъ; всѣ вѣрили ему, всѣ любили его. Онъ былъ недавно перемѣщенъ сюда изъ Кондинска, а во время пріѣзда моего въ Курганъ находился, подъ предлогомъ болѣзни, въ Тобольскѣ, гдѣ имѣлъ больше развлеченія.

Въ день пріѣзда моего, товарищи нашли для меня удобную квартиру, куда мы перебрались черезъ нѣсколько часовъ. Добрая жена моя особенно нуждалась въ отдыхѣ но всѣхъ меньше могла имѣть покой, бывъ вмѣстѣ и кормилицею, и нянькою; за то называла уже отдыхомъ, когда была подъ крышею, и ей не нужно было пересаживаться съ дѣтьми въ экипажъ.

Курганъ получилъ свое наименованіе отъ стариннаго городища, находящагося въ 5 верстахъ отъ города, возлѣ довольно высокаго кургана, на коемъ построенъ былъ острогъ, окопанный рвомъ, для защиты караула отъ набѣговъ киргизскихъ ордъ. Городъ построенъ на лѣвомъ берегу Тобола, имѣетъ три улицы продольныя съ пятью перекрестными переулками; строенія все деревянныя, кромѣ двухъ каменныхъ домовъ: одинъ изъ нихъ красивый, о двухъ жильяхъ, посрединѣ площади, чиновника Розинга. Коцебу, въ своей книгѣ «Достопамятнѣйшій годъ моей жизни», по ошибкѣ, назвалъ этотъ домъ принадлежащимъ Розену; въ этомъ домѣ были всѣ присутственныя мѣста уѣздныя. На углу площади стоялъ другой домъ каменный, купеческій, неоштукатуренный. Все пространство, занимаемое городомъ, имѣетъ склонъ къ Тоболу, отчего улицы и дворы почти всегда были сухи и опрятны; лѣтомъ можно было жаловаться только на пыль: — мало садовъ, мало тѣни и зелени, за городомъ нѣсколько кущей тощихъ березъ—однимъ словомъ, видъ города непривлекателенъ. Всѣ почти уѣздные города въ Сибири походятъ больше на сёла и деревни. Курганъ имѣлъ не больше 2,000 жителей и одну трехпрестольную церковь. Купцы курганскіе бо̀льшею частію торговали на деньги иногородныхъ богатыхъ купцовъ; они имѣли на другомъ берегу Тобола свои заводы: кожевенный, салотопенный, мыловаренный; за городомъ, въ березовой рощѣ стояли кирпичные сараи. Уѣздное училище имѣло до 50 учениковъ и самыхъ старательныхъ учителей. Особенное общее уваженіе заслужилъ тамъ священникъ Стефанъ

Знаменскій. Всѣ чиновники были къ намъ хорошо расположены; мнѣ пріятно припоминать ихъ и выразить имъ искреннюю мою признательность.

Въ Курганѣ показывали мнѣ домикъ, съ красными ставнями, въ коемъ, въ царствованіе императора Павла, жилъ изгнанникомъ извѣстный литераторъ Августъ Коцебу: онъ былъ сосланъ по наговорамъ и доносамъ дипломатовъ и придворныхъ и обязанъ былъ случаю, что черезъ годъ его освободили. Императоръ былъ въ театрѣ, когда представляли пьесу Коцебу—«Лейбъ-кучеръ Петра III». Императору такъ понравилась драма, что онъ приказалъ призвать къ себѣ автора. Когда ему доложили, что онъ въ ссылкѣ, то повелѣлъ тотчасъ воротить его. По возвращеніи, императоръ принялъ его чрезвычайно ласково, осыпалъ его вниманіемъ и поручилъ ему описать новый свой михайловскій дворецъ. Я встрѣчалъ много жителей курганскихъ, которые очень хорошо его помнили и разсказывали мнѣ, какъ онъ каждый день прохаживался скорыми шагами по берегу Тобола, писалъ по нѣскольку часовъ въ день, а по вечерамъ раскладывалъ карты—грандпасьянсъ и все гадалъ о своемъ возвращеніи. Только купецъ Кузнецовъ былъ имъ недоволенъ за то, что Коцебу, въ своемъ описаніи Кургана, упоминая объ отцѣ его, о хозяинѣ квартиры, не нашелъ ничего лучшаго сказать о немъ, какъ только что отъ него постоянно сильно несло лукомъ и чеснокомъ. Меня очень занимала эта книга подъ заглавіемъ: «Достопамятнѣйшій годъ моей жизни». Я нашелъ, что высшее общество въ Курганѣ, по образу жизни, сохранило до моего прибытія въ этотъ городъ всѣ свои привычки и преданія старины во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ; впрочемъ, тридцать три года составляютъ не очень большой промежутокъ времени.

Въ двухъ верстахъ отъ Кургана, по направленію къ городищу, виденъ въ сторонѣ, при большой дорогѣ, домикъ, со вкусомъ выстроенный, комнаты окрашенныя, съ красивою печкою, все такъ пропорціонально и мило: въ немъ прожилъ шесть лѣтъ бывшій мой однополчанинъ въ гвардіи, Сергѣй Калакуцкій, сосланный въ 1818 году за растрату казенныхъ денегъ—онъ ихъ проигралъ въ карты. Въ Курганѣ занималъ онъ должность по откупамъ и выстроился внѣ города.—Когда, при страшномъ наводненіи Петербурга, 7 ноября 1824 г., отличился лейб-гвардіи финляндскій полкъ, то, по просьбѣ офицеровъ и командира, благороднѣйшаго В. Н. Шеншина, былъ Калакуцкій прощенъ и возвращенъ на родину.

Въ бытность нашу въ тюрьмѣ и въ каторжной работѣ, въ Читѣ и Петровскомъ, не ограничивали суммы денегъ, высылае-

мыхъ нашими родными; но на поселеніи, гдѣ каждый самъ могъ располагать своими деньгами и самъ расходовалъ ихъ, дозволено было получать ежегодно холостому не больше тысячи руб. ассигнаціями, по нынѣшнему курсу серебромъ 285 рублей 71½ копейки, а женатому—не больше 571 рубля 43 копеекъ. Эта сумма была очень достаточна въ Курганѣ по дешевизнѣ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ: пудъ муки ржаной, по курсу на серебро—7 коп., пшеничной—12 коп., фунтъ говядины—½ коп., возъ сѣна—25 коп., куль или четверть овса—50 коп., возъ дровъ—15 к., индѣйка—10 к., гусь—7 к., курица—5 коп., десятокъ яицъ — 1½ к. По воскресеньямъ, а послѣ по субботамъ собирались поселяне на базаръ и привозили свои произведенія, такъ что горожанинъ зависѣлъ отъ купца только по части колоніальныхъ и красныхъ товаровъ. Я бывалъ во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ, въ Новой Деревнѣ, въ Смоляной, въ Большой и Малой Чаусовой и другихъ: повсюду встрѣчалъ поселянъ трудолюбивыхъ, которые, по дешевизнѣ своихъ сельскихъ произведеній, не могли быть капиталистами, но почти всѣ жили они въ избыткѣ и въ довольствѣ. На выѣздѣ изъ большихъ деревень замѣтилъ и отдѣльныя избы, составлявшія небольшую улицу: въ ней тѣсно жили вновь прибывшіе поселенцы, безъ денегъ и съ надеждою нажить ихъ. Тамъ можно было встрѣтить въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга бывшихъ обитателей Великой и Малой, и Бѣлой, и Новой Россіи, татарина, цыгана, еврея, армянина. Одинъ шутникъ изъ нихъ назвалъ такой переулокъ Большою Мильйонной. Въ деревняхъ раздавались различные напѣвы, національныя мелодіи, водились различныя пляски отъ присядки до трепака; но покрой одежды былъ общій русскій. Капиталы были въ рукахъ ростовщиковъ, подрядчиковъ, содержателей харчевень и кабаковъ, почтовыхъ станцій и вообще торгашей.

Курганъ оживлялся три раза въ годъ во время ярмарокъ: алексѣевской, 18 марта, дмитріевской, 27 октября и рождественской 20 декабря. Торгъ продолжался каждый разъ по три дня: продавцы и покупатели располагались въ своихъ телегахъ или саняхъ, въ два ряда вокругъ площади и вдоль большой набережной улицы. Пріѣзжіе купцы разставляли товары въ гостиномъ казенномъ дворѣ, въ лавкахъ, или во временныхъ досчатыхъ балаганахъ и холщевыхъ палаткахъ: они пріѣзжали изъ Ирбита, Казани, Тобольска, Шадринска и Тюмени. Съ утра до вечера все было въ движеніи: почти всякій продавецъ былъ вмѣстѣ и покупатель. По сторонамъ и по угламъ стояли шалаши съ самоварами, со сбитнемъ, съ пряниками и закусками; возлѣ

шалашей острили балагуры, мальчики играли на гармоникѣ, разносчики толкались взадъ и впередъ съ коробами, лотками и предлагали сапоги, рукавицы, армяки, шапки, посуду и сбрую. Одинъ изъ нихъ продавалъ кожаные панталоны свѣтло-жолтые, коихъ нѣсколько паръ висѣло у него на плечахъ, но чтобы больше приманить покупщиковъ, каждый разъ надѣвалъ на себя продажную пару лоснящихся панталонъ, шагалъ въ нихъ, подпрыгивалъ, выхвалялъ ихъ доброту и мягкость и преудачно и скоро сбывалъ свой товаръ. Лавки съ красными товарами были осаждаемы женщинами, которыя выбирали ситцы, платки и ленты. Надобно сказать, что и въ Сибири женщины любятъ наряжаться, отказываются охотно отъ многихъ удобствъ жизни, лишь-бы имѣть хорошія обновы; замужнія со вкусомъ итальянокъ умѣютъ подвязывать свои головные платочки красивѣе всякаго чепчика. — Недалеко отъ площади, на берегу Тобола, видите сотни всадниковъ и тысячи лошадей: кони не рослы, но бойки, сильны и не дороги; вы спросите цѣну саврасому коню, вамъ отвѣтятъ:—мѣшокъ или два мѣшка; мѣшкомъ называется 25 р. мѣдной монеты. Въ Сибири мало золотой или серебрянной монеты въ обращеніи, а все бумажки и мѣдныя деньги; мѣдную монету держатъ въ мѣшкахъ, вмѣщающихъ по 25 рублей; счетъ имъ всегда такъ вѣренъ, что смѣло можете принять ихъ безъ повѣрки. Я видѣлъ расторопныхъ и опытныхъ барышниковъ, которые, сами не имѣя ни одной лошади, покупали и тутъ же продавали ихъ съ прибылью отъ 1—5 рублей за каждую, и такимъ образомъ, въ одинъ день выигрывали 300—400 рублей. Крестьянинъ, увѣренный въ безошибочности такого знатока, охотно платитъ ему дороже, и ловкій барышникъ наживаетъ большія деньги на ярмаркахъ въ цѣлой губерніи. Курганскіе кони довольно хороши на видъ, но пашисты, худо держатъ тѣло и гораздо слабосильнѣе сибирскихъ.—Киргизы на видъ не красивѣе бурятъ, но живутъ опрятнѣе; они привозили хорошо выдѣланные войлоки. При закатѣ солнца, запирали лавки, и пріѣзжіе поселяне разъѣзжались по ближнимъ деревнямъ, чтобы на другой день, рано съ зарею, опять воротиться въ городъ; небольшая часть оставалась на бивакахъ за городомъ.—Сходно закупилъ я годовой запасъ для домашняго хозяйства у екатеринбургскаго купца Соколова; мнѣ показалось страннымъ, что онъ съ меня запрашивалъ меньше, чѣмъ съ другихъ покупателей; на другой день онъ объяснилъ на вопросъ мой о причинѣ такого снисхожденія, что сибиряки любятъ торговаться, а съ меня не запрашивалъ, полагая, что цѣны были мнѣ извѣстны.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ Сибири общество чиновниковъ

ограничивается небольшимъ числомъ тринадцати, по вѣдомствамъ административному, почтовому и медицинскому. Это небольшое число, хотя по своимъ должностямъ и семейнымъ отношеніямъ иногда бываетъ раздѣлено на партіи и живетъ въ несогласіи, но отлученіе отъ всякаго другого общества, дальныя разстоянія городовъ, несуществованіе помѣстныхъ дворянъ въ Сибири и необходимость въ обращеніи съ людьми, заставляютъ ихъ забывать обиды и скоро примиряться, и лучшимъ поводомъ къ тому служатъ семейные и годовые главные праздники. Каждый изъ нихъ празднуетъ именины свои и всѣхъ членовъ своего семейства: наканунѣ или за два дня разсылаютъ слѣдующее приглашеніе: NN приказалъ кланяться и проситъ пожаловать въ такой-то день съ супругою на закуску, на обѣдъ и на вечеръ. Поутру начинаются поздравленія и закуска, въ два часа— обѣдъ вкусный и многоблюдный; послѣ обѣда всѣ разъѣзжаются по домамъ на отдыхъ, а вечеромъ, въ шесть часовъ, собираются съ семействами на чай, на танцы и на ужинъ, что̀ продолжается до трехъ или четырехъ часовъ утра; выходитъ, что цѣлый день продолжается пиръ горой, въ родѣ дивнаго пира графа Воронцова-Дашкова, даннаго на масляницѣ 1847 года, на которомъ также, въ одинъ и тотъ же день, былъ завтракъ съ танцами, обѣдъ и балъ съ ужиномъ и три раза перемѣняли туалеты. Въ Курганѣ, во время танцевъ, подаютъ лимонадъ, черносливъ, изюмъ, миндаль, сушеные фрукты, за неимѣніемъ свѣжихъ. Дамы одѣты парадно, и, по близости Урала, украшены разноцвѣтными каменьями и брильянтами; танцуютъ очень хорошо и охотно; оркестръ составляютъ віолончель, двѣ скрипки и кларнетъ, музыканты изъ городскихъ обывателей и ссыльныхъ. Иногда пріѣзжаютъ родственники изъ другихъ городовъ. Нетанцующіе кавалеры играютъ въ вистъ или въ бостонъ. Всѣ чиновники приглашали всѣхъ моихъ товарищей на семейные праздники; я ограничилъ эти посѣщенія только домомъ городничаго; жена моя не выѣзжала изъ дому, бывъ непрестанно занята дѣтьми; несмотря на то, не переставали приглашать насъ на именины до послѣдняго дня нашего пребыванія въ Курганѣ.

Еще было въ году одно общее увеселеніе, публичное—въ послѣдній день масляницы: сколачивали огромныя сани изъ связанныхъ шести дровень, намощенныхъ досками; по четыремъ угламъ скрѣплены четыре столба, съ перекрестными перекладинами, въ срединѣ перекладинъ горизонтально привязано колесо, на колесѣ сидитъ и ломается, и корчится шутъ или скоморохъ, въ ступицу воткнутъ шестъ съ развѣвающимся значкомъ. Подъ такимъ балдахиномъ, на намощенныхъ доскахъ уставлены ска-

мейки для чиновниковъ и музыкантовъ; шестерикъ убранныхъ лошадей съ форрейторомъ возятъ экипажъ. Такимъ образомъ, чиновники разъѣзжаютъ по улицамъ отъ одного сослуживца до другого; хозяйки принимаютъ ихъ съ блинами и съ виномъ, лобызаются со всѣми въ прощальный день предъ наступленіемъ великаго поста. Несмѣтное число троекъ, паръ и одиночекъ городскихъ и деревенскихъ обывателей слѣдуютъ за этою процессіей съ колокольчиками и пѣснями, что̀ продолжается до поздняго вечера.

Въ Курганѣ, вскорѣ узнали мы о кончинѣ роднаго дяди жены моей и нашего благодѣтеля, Павла Ѳедоровича Малиновскаго: онъ проводилъ лѣто на роскошной дачѣ своей, на Бѣлозеркѣ, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Осенью появилась въ тѣхъ мѣстахъ холера, и онъ сдѣлался ея жертвою 9 сентября 1832 года; ни единой не было родственной руки, чтобы закрыть ему глаза; послѣдней услуги этой ожидалъ онъ отъ меня и отъ жены моей, какъ часто мнѣ прежде говаривалъ, но мы были далеко, прочіе родные были въ Украйнѣ. Лучшіе годы жизни своей онъ долженъ былъ посвятить дѣлу самому трудному и неблагодарному—воспитанію единственнаго богатѣйшаго наслѣдника Графа Николая Дм. Шереметева. Въ государственной службѣ, онъ въ молодыхъ лѣтахъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ директоромъ государственнаго банка. Въ то время заболѣлъ графъ, и на болѣзненномъ одрѣ упросилъ онъ П. Ѳ. Малиновскаго не оставить сына отрока до его совершеннолѣтія. Можетъ быть, онъ, какъ попечитель, не имѣлъ всѣхъ необходимыхъ къ тому способностей, можетъ статься препятствовали ему другой попечитель или высшее вліяніе. Воспитатель, послѣ совершеннолѣтія питомца, былъ вознагражденъ богатой пенсіей, а возвратиться на службу государственную было поздно и невозможно. Значительное наслѣдство отъ него досталось брату его, сенатору Алексѣю Ѳед. Малиновскому, и братьямъ жены моей. Духовное завѣщаніе его, которое онъ далъ мнѣ прочесть въ 1825 году, было подписано шестью свидѣтелями изъ важныхъ лицъ; одною статьею завѣщанія онъ отказалъ женѣ моей значительную часть изъ благопріобрѣтеннаго своего имѣнія, но никто не нашелъ этого акта, и нѐкому было отыскивать копію или мѣсто явки. У меня сохранилась благодарность за прежнюю его любовь, за доброе его намѣреніе и за оказанную довѣренность. Краткую біографію родныхъ жены моей напечаталъ я въ первомъ русскомъ изданіи моей книги въ 1870 году.

Декабря 4-го, въ день именинъ моей матери, мы перебрались

изъ наемной квартиры въ собственный домъ, купленный за три тысячи рублей ассигнаціями, по счастливому случаю перемѣщенія окружнаго судьи въ Тобольскъ. Сосѣди наши съ обѣихъ сторонъ прислали намъ хлѣбъ-соль съ изъявленіемъ лучшихъ пожеланій. Домъ небольшой съ мезониномъ былъ теплый, помѣстительный, имѣлъ большой садъ, разведенный на цѣлой десятинѣ, съ крытою аллеей изъ акацій и съ тѣнистыми липами и березами. Сообщество добрыхъ товарищей Назимова и Фохта вскорѣ увеличилось для всѣхъ насъ самымъ неожиданнымъ и пріятнымъ образомъ. Въ концѣ 1832 года, 13 октября, были сбавлены сроки каторжной работы и тюремнаго заключенія всѣмъ моимъ сòузникамъ въ Петровскомъ, по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича. Въ Курганъ назначены были М. М. Нарышкинъ и Н. И. Лореръ; они пріѣхали къ намъ въ мартѣ 1833 года, оживили и украсили наше небольшое общество; вскорѣ возвратился къ намъ и В. Н. Лихаревъ, лечившійся въ Тобольскѣ.

Каждую недѣлю, по пятницамъ, проводилъ я по нѣскольку часовъ въ самой пріятной бесѣдѣ у Нарышкиныхъ. М. М. Нарышкинъ началъ военную службу съ 1813 году, въ полку роднаго брата своего Кириллы; послѣ переведенъ былъ лейб-гвардіи въ московскій полкъ, произведенъ въ полковники лейб-гвардіи въ измайловскій полкъ, откуда, по своему желанію, переведенъ былъ, въ 1824 г., въ тарутинскій пѣхотный полкъ, квартировавшій тогда въ Москвѣ. Получивъ свѣтское и блестящее образованіе, сохранялъ онъ примѣрную скромность, кротость и религіозность; былъ человѣкъ съ любящею душою, а потому все было легко ему переносить. Онъ никогда не жаловался, когда по ночамъ, когда по цѣлымъ суткамъ и по цѣлымъ недѣлямъ облегчалъ страданія любимой имъ жены, но часто хворавшей отъ разстройства нервовъ. Елизавета Петровна, единственная дочь, урожденная Коновницына, обожаемая славнымъ отцемъ-героемъ и нѣжною матерью, получила лучшее образованіе, имѣла сердце доброе, но разстроенное здоровье тяготило ее еще больше отъ разлуки съ матерью, при лишеніи общественныхъ развлеченій и среди единообразія изгнаннической жизни. Особенно худо бывало ей осенью и весною; въ это время я не разъ полагалъ, что она не выдержитъ и не перенесетъ; но вѣра и любовь, быть можетъ, и надежда превозмогли тѣлесныя страданія. Важнымъ днемъ былъ для насъ четверкъ по приходу почты; по пятницамъ мы отдавали наши письма городничему, который отсылалъ ихъ въ канцелярію губернатора, оттуда шли они въ собственную е. в. канцелярію въ III отдѣленіе, а потомъ

были разсылаемы по адресу. Въ пятницу мы сообщали другъ другу вѣсти о родныхъ и новости политическія изъ газетъ. Хотя въ Курганѣ не имѣли средствъ получать журналы на всѣхъ языкахъ, однако, получали важнѣйшія газеты русскія и иностранныя и занимательнѣйшія книги изъ новѣйшихъ сочиненій. Не имѣя никакой общественной должности—всякая служба у частныхъ лицъ, всякое предпріятіе фабричное, промышленное были намъ запрещены—имѣли мы много досужнаго времени, которое каждый изъ насъ старался провести съ пользою. Всѣ по средствамъ своимъ помогали совѣтомъ, дѣломъ и примѣромъ. Въ Сибири мало докторовъ, по одному на цѣлый округъ въ 40,000 жителей, на протяженіи 500 верстъ; но какъ вездѣ довольно больныхъ, то они доставляли много случаевъ дѣятельности. Моя домашняя аптека имѣла всегда запасъ ромашки, бузины, камфоры, уксусу, горчицы. Въ леченіи этими средствами превосходила жена моя всѣхъ другихъ; ея лекарства, предписанія пищи и питья излечивали горячки и труднѣйшія болѣзни. Случалось, что слѣпые и глухіе приходили изъ дальнихъ мѣстъ просить помощи по наслышкѣ о славѣ врачеванія. Всѣхъ насъ прилежнѣе занимался по этой части И. Ф. Фохтъ, который исключительно читалъ только медицинскія книги, имѣлъ лекарства сложныя, сильныя и лечилъ горожанъ и поселянъ. Нарышкинъ разъѣзжалъ по деревнямъ и помогалъ нуждающимся, гдѣ могъ. Назимовъ чертилъ планы для обстроивающихся въ городѣ, для сооруженія церквей въ селахъ, и начертилъ планъ для новой курганской церкви по плану храма въ селѣ Большой Каменкѣ, въ имѣніи жены моей; онъ много читалъ и писалъ. В. Н. Лихаревъ круглый годъ жилъ въ Тобольскѣ по болѣзни; когда вернулся въ нашъ кругъ, то получилъ печальное извѣстіе, что жена его вышла замужъ; та же участь постигла свояка его Іос. Вик. Поджіо; это обстоятельство сокрушило Лихарева до такой степени, что, при своихъ блестящихъ способностяхъ, при большомъ запасѣ познаній, онъ не могъ или не хотѣлъ употребить ихъ съ пользою. Черезъ семь лѣтъ, пули черкесскія положили конецъ его тревожной жизни въ цѣпи застрѣльщиковъ, въ дѣлѣ подъ Валерикомъ на Кавказѣ.—Н. И. Лореръ никогда не унывалъ, онъ былъ весьма пріятный собесѣдникъ: богатый запасъ анекдотовъ, разсказываемыхъ имъ мастерски, съ примѣсью словъ изъ языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, съ особенными оборотами рѣчи, хоть не всегда граматическими, заставляли часто смѣяться отъ всего сердца.—Я старался употребить мои досуги на приготовленіе быть наставникомъ и учителемъ дѣтей моихъ: много читалъ, писалъ, сочинялъ повѣсти

народныя въ подражаніе «Прибауткамъ или поговоркамъ стараго Генриха» или «Мудрости добраго Ричарда»—знаменитаго Франклина; перевелъ «Исторію итальянскихъ республикъ» Сизмонди; сундукъ большой набитъ былъ моими рукописями.

Кромѣ товарищей моихъ, жили въ Курганѣ нѣсколько человѣкъ сосланныхъ поляковъ за возстаніе въ 1830 году: Важинскій, Раевскій, князь Воронецкій; позднѣе прибыли по случаю пойманныхъ эмиссаровъ: Клечковскій съ супругою, Савицкій, Черминскій и еще нѣсколько молодыхъ людей, назначенныхъ въ солдаты въ линейные сибирскіе батальйоны. Они заслуживали участія и сожалѣнія, особенно тѣ изъ нихъ, которые страдали не за возмущеніе, а только по подозрѣнію, за то, что они принимали у себя эмиссаровъ или давали имъ лошадей своихъ для дальнѣйшаго слѣдованія, хотя и не знали лично этихъ людей и не знали тайнаго ихъ намѣренія. Кому позволяло здоровье, тотъ охотился — любимое занятіе поляка. Бѣдный Клечковскій имѣлъ слабое здоровье, былъ разлученъ съ дѣтьми; въ послѣдствіи и жена его лишилась здоровья. Черезъ нѣсколько лѣтъ возвращены были на родину Савицкій, Черминскій и кн. Воронецкій; послѣдній былъ старецъ 80-ти лѣтъ, съ глубокими сабельными ударами на лицѣ и на головѣ, но пользовался завиднымъ здоровьемъ, румянецъ игралъ на щекахъ израненныхъ; каждый день ужинъ его состоялъ изъ десятка круто сваренныхъ яицъ. По безлюднымъ улицамъ Кургана часто слышны были пѣніе и насвистываніе національной польской пѣсни. 3-го мая, собирались они и торжественно праздновали память Костюшки. Польскіе сосланные солдаты прилежно работали по найму, гдѣ случалось: въ саду, въ огородахъ, при постройкахъ.

Въ то же время явились къ намъ солдаты и пожилые военные поселяне, сосланные за возстаніе и бунтъ въ Старой Русѣ. Солдатамъ и поселянамъ было нестерпимо состояніе и порядокъ, введенные Аракчеевымъ и поддерживаемые убійственною строгостью; они возстали въ бѣшенствѣ; неистово, безчеловѣчно поступили съ начальниками: били ихъ, кололи, сажали живыхъ на колъ; однимъ словомъ, звѣрски дышали только местью и злобою. Разсказы стариковъ изъ поселянъ исполняли ужасомъ всякаго слушателя. Событіе это дало поводъ другимъ опомниться и дало урокъ въ предусмотрительности, не для наказанія совершившагося преступленія, но для отвращенія зла на будущее время.

Въ одной съ нами губерніи, немного сѣвернѣе, былъ поселенъ товарищъ нашъ А. Ф. фон-дер-Бриггенъ, въ городѣ Пелымѣ. Одинъ годъ провели мы вмѣстѣ въ читинскомъ острогѣ, откуда

онъ поступилъ на поселеніе; шесть лѣтъ мы не видались, какъ къ общей радости нашей, перевели его въ Курганъ, и онъ оживилъ и украсилъ нашъ кружокъ. Служивъ уже во время войны 1812 года и бывъ полковникомъ лейб-гвардіи измайловскаго полка, онъ вышелъ въ отставку, собрался ѣхать въ чужіе края въ 1825 году, имѣлъ уже паспортъ и кредитивы банкира Ливіо на Гамбургъ въ карманѣ, когда болѣзнь его супруги, рожденной Миклашевской, удержала его еще на зиму, въ теченіи коей онъ лишился своего капитала по неявкѣ въ срокъ своего кредитива и по внезапному банкротству Ливіо; въ эту зиму былъ онъ арестованъ, осужденъ и сосланъ. Онъ былъ отлично образованъ, имѣлъ самыя честныя правила и добрѣйшее сердце. Супруга его не могла за нимъ слѣдовать по малолѣтству сына и двухъ дочерей, а послѣ, кажется, нездоровье препятствовало ей въ этомъ. Иногда бывало ему грустно, но скучно никогда—онъ любилъ занятія ума.

Я сохранилъ нѣсколько занимательныхъ писемъ фон-дер-Бриггена, писанныхъ ко мнѣ изъ Пелыми: въ одномъ изъ нихъ описываетъ онъ жизнь Миниха, томившагося тамъ въ изгнаніи двадцать лѣтъ, въ продолженіе всего царствованія императрицы Елизаветы. Подробности о томъ слышалъ онъ отъ дѣтей очевидцевъ. Минихъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, который, по начерченному имъ самимъ плану, построенъ былъ для Бирона; сей послѣдній черезъ годъ возвращенъ былъ въ Ярославль, на дорогѣ встрѣтилъ Миниха, который занялъ его мѣсто въ Пелымѣ, гдѣ никогда не выходилъ изъ дому, а чтобы подышать воздухомъ, дозволено было ему прохаживаться по плоской кровлѣ дома. Днемъ занимался онъ чертежами, моделями, чтеніемъ; по вечерамъ, игралъ въ бостонъ съ караульнымъ офицеромъ и съ камердинеромъ; никогда не пропускалъ часа возвращенія стада съ пастбища, тогда выходилъ на крышу, любовался имъ и прислушивался къ звонку и бряцанью колокольчиковъ и ботловъ.— Когда, по воцареніи Петра III, онъ былъ вызванъ обратно, облеченъ снова въ санъ фельдмаршала, то, проживъ двадцать лѣтъ въ Пелымѣ, не зная мѣстности, приказалъ ямщику вести себя три раза вокругъ города, а потомъ пустился въ обратный путь. Жизненныя силы его были необыкновенны, какъ и предпріимчивость, сила воли и рѣшимость въ глубокой старости: доказательствомъ тому служитъ совѣтъ, данный имъ Петру III въ минуту опасности. Минихъ, по возвращеніи изъ Сибири, жилъ еще четыре года на свободѣ въ своемъ помѣстьѣ въ Курляндіи, оставивъ по себѣ славную память нетолько великаго полководца,

но и сотрудника Петра Великаго и основателя лучшихъ учебныхъ заведеній того времени.

Въ концѣ 1834 года, донесено было на ссыльныхъ поляковъ, что они въ Сибири замышляютъ новый заговоръ; зачинщикомъ называли Пулавскаго. По этому случаю былъ присланъ свиты его величества генерал-майоръ Мусинъ-Пушкинъ, служившій въ гвардейскомъ гусарскомъ полку, чтобы разслѣдовать это дѣло. Къ счастью, выборъ палъ на мужа благороднаго и правдиваго; заподозрѣны были и нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей, но дѣло вскорѣ объяснилось: обвиненные были оправданы. Всѣхъ больше и невинно пострадалъ гр. Мошинскій: императоръ былъ уже согласенъ на совершенное его прощеніе, съ возвращеніемъ ему всѣхъ правъ состоянія; но доносъ, въ которомъ и онъ былъ предумышленно поименованъ, уничтожилъ обѣщанную милость, и онъ еще на два года остался въ изгнаніи. Въ эти два года одолѣли его высшія семейныя несчастія: онъ безъ памяти любилъ жену свою, а жена вышла замужъ за другого, за гусарскаго ротмистра. Когда онъ возвращенъ былъ для жительства въ Черниговъ, то было ему тѣснѣе, чѣмъ въ Тобольскѣ; дѣтямъ его отъ второго брака не дали правъ дворянства, и онъ, наконецъ, самъ освободился отъ надзора полиціи, съ дѣтьми удалился въ чужіе края, откуда не имѣлъ вѣсти о немъ.—Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ еще именное повелѣніе отъ императора: освѣдомиться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ на пути своемъ встрѣтитъ кого изъ государственныхъ преступниковъ, объ ихъ образѣ жизни, о поведеніи, не терпятъ-ли притѣсненій или не имѣютъ ли какихъ просьбъ? Дорога его вела черезъ Курганъ; онъ собралъ насъ на квартирѣ своей и, при видимомъ душевномъ смущеніи, онъ исполнилъ данное ему порученіе. Когда я объявилъ мою просьбу, то тутъ же дали мнѣ листъ бумаги, чтобы изложить ее письменно. Я просилъ позволенія купить участокъ земли для занятій сельскимъ хозяйствомъ.—Въ томъ-же году пріѣхалъ въ Петербургъ командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, баронъ Гр. Вл. Розенъ и, по дружбѣ къ славному свояку моему, начальнику главнаго штаба этого корпуса, генералу В. Д. Вольховскому, представилъ ту же просьбу мою прямо императору при личномъ свиданіи. Тогда государь замѣтилъ только: «Р. хочетъ жить въ Сибири помѣщикомъ!» — Однако, на вторичное представленіе Мусина-Пушкина воспослѣдовало разрѣшеніе, чтобы близь города отвели каждому изъ насъ по 15 десятинъ пахотной земли, почему и высланъ былъ губернскій землемѣръ и вкопалъ столбы межевые по межѣ городской земли. Участки Назимова, Лорера, Фохта и мой находились въ смежности, а На-

рышкина и Лихарева, подальше отъ города, заключали пастбища и луга, что̀ было очень кстати, потому что Нарышкинъ для конскаго завода имѣлъ отличнаго жеребца орловскаго завода и хорошихъ заводскихъ кобылицъ.

Смежные участки съ моею землею были мнѣ уступлены товарищами на пользованіе. Весною принялся ретиво за работу: 60 десятинъ воздѣланной земли доставляли большое поле для дѣятельности. Съ городской стороны поле мое было окаймлено Бошняковскимъ Озеромъ; берегъ его былъ песчаный и солонцоватый и не произращалъ даже травы: это безплодное мѣсто удобрилъ я огромною кучею золы, выброшенной изъ мыловареннаго завода въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; это удобреніе въ два года оказало пользу. Поле было такъ близко отъ городскаго дома, что пѣшкомъ могъ дойти туда въ четверть часа. Пашни были превосходны по природному свойству своему, почва черноземная—въ бо̀льшей части Курганскаго Округа не было ни единаго камня. Такая почва не терпитъ удобренія, какъ и черноземъ въ Малороссіи, однако, несмотря на то, унавозилъ я нѣсколько десятинъ подъ горохъ, который удался на чудо. Изъ земледѣльческихъ орудій употреблялъ я такъ называемый двуконный сибирскій плугъ, устроенный въ родѣ бельгійскаго, весьма легкій и удобный. Слѣдуя совѣтамъ Теэра, ввелъ я экстирпаторъ, еще катокъ изъ лиственичнаго тяжелаго дерева и особеннаго устройства желѣзныя бороны. Трехпольное хозяйство обратилъ я въ многопольное и плодоперемѣнное. Нѣкоторыя попытки были удачны; только гималайскій ячмень и картофель росли такъ худо, что едва воротилъ сѣмена.—За деньги трудно было достать рабочихъ въ «страдную пору», какъ называютъ время жатвы; населеніе негустое, каждый занятъ на своемъ полѣ. Но стоило объявить по ближнимъ деревнямъ, что приглашаю сто человѣкъ на «по̀мочь» въ назначенный день, то могъ быть увѣренъ, что непремѣнно прибудутъ даже съ излишкомъ. Почему-же эти люди не соглашаются придти за деньги, когда во время жатвы охотно даютъ по рублю и больше на человѣка? Потому, что сибирякъ, обезпечивъ свои крайнія нужды, любитъ веселиться, и по̀мочь для него—тоже, что̀ угощеніе и балъ. Поутру рано пріѣзжаютъ на тройкахъ и па̀рахъ по семействамъ или по сосѣдству, по нѣскольку мужчинъ и женщинъ на каждой телегѣ, держа въ рукахъ косы и серпы, имѣя съ собою узлы съ другою одеждою. Тотчасъ принимаются за работу; въ 9 часовъ подаютъ имъ по чаркѣ водки и кусокъ хлѣба; въ часъ—по другой чаркѣ и квасу, луку, укропу, огурцовъ на окрошку; женщины мало пьютъ вина, а дѣвушки совсѣмъ его не употребля-

ютъ; послѣ обѣда отдыхаютъ часъ, и опять за работу въ ожиданіи ужина и пляски. Между тѣмъ, жена моя дома приказала для нихъ испечь пироги, готовить щи, кашу съ масломъ и сушеныя вишни, сваренныя съ солодомъ. Вишни дикія растутъ во множествѣ въ Курганскомъ Округѣ: онѣ меньше и кислѣе садовыхъ, но все же вишни. На дворѣ накрыты столы въ ожиданіи рабочихъ гостей. Обыкновенно къ 7-ми часамъ вечера, работа была окончена, снопы связаны и снесены въ копны; подъ конецъ работы играли на полѣ музыканты, двѣ скрипки и флейта; тогда запрягали коней и большою процессіей, длинною вереницею ѣхали ко мнѣ въ городъ; впереди музыка смѣнялась пѣснями. Какъ только въѣхали во дворъ, всѣ спѣшатъ къ бочкѣ съ водою, чтобы умыться и переодѣться; дѣвушки надѣвали бѣлые чулочки и башмаки и потомъ поодиночкѣ подходили поклониться хозяйкѣ; тогда садились за столъ, и можно себѣ представить съ какимъ вкусомъ обѣдали люди, работавшіе четырнадцать часовъ. Послѣ трапезы, посреди двора начиналась пляска и продолжалась до разсвѣта. Непонятно, откуда берутся у нихъ силы; во время отдыха музыкантовъ, пѣли хоры мужчинъ и женщинъ попеременно. Пива и вина вволю; но вина пили мало; дѣвушкамъ жена моя раздавала пряники и орѣхи. Такая помощь стоила мнѣ дороже найма, но пріятно было доставить удовольствіе тѣмъ, которые цѣнили его; старожилы веселились, вновь прибывшіе поселенцы мысленно переносились на родину.—Землепашцы бо́льшею частью убираютъ сѣно и хлѣбъ «по́мочами»: работа идетъ дружнѣе и веселѣе, каждый созываетъ на по́мочь по своимъ средствамъ и по величинѣ своего поля и луга.

По дешевизнѣ хлѣба, невозможно было имѣть значительнаго дохода отъ земледѣлія, но неразлучное съ нимъ скотоводство вознаграждало трудъ. Я много сѣялъ гороху, потому что сбытъ его былъ выгоденъ во время постовъ для рабочихъ на заводахъ; кромѣ того, гороховая солома доставляла хорошій кормъ лошадямъ и коровамъ, и легко было молотить его лошадьми. Для молотьбы зерноваго хлѣба выстроилъ небольшой овинъ на срединѣ поля. Въ третій годъ моего хозяйства возросло мое стадо, и было уже двѣнадцать жеребятъ отъ своихъ рабочихъ кобылицъ вятской породы; я держалъ ихъ по-сибирски, зимою подъ навѣсомъ.

Изъ Кургана отправили мы прислугу, слѣдовавшую за женою моею, обратно на родину, потому что мы сами, не видя конца нашему изгнанію, не хотѣли лишить нашихъ слугъ отрады быть въ кругу родномъ. Наемные люди служили намъ отлично-хоро-

шо, усердно и честно: они были изъ числа ссыльныхъ; въ числѣ работниковъ и въ должности кучера былъ у меня Иванъ съ заклейменнымъ лицомъ и велъ себя честно; жалованье получали незначительное: мужчина по 5-ти руб. ассигнаціями, женщина по 3 рубля въ мѣсяцъ; деньги шли у нихъ на одежду; всѣ они любили щеголять по праздникамъ.

Однажды, когда работалъ въ саду и дѣти помогали мнѣ поливать, прибѣжалъ кучеръ въ попыхахъ съ объявленіемъ, что пріѣхалъ и спрашивалъ меня генералъ. Начальникъ пѣхотной дивизіи и Омской Области, генерал-лейтенантъ Петерсонъ осматривалъ свои войска, расположенныя широко и далеко, и по этому случаю завернулъ въ Курганъ. Зная лично отца моего, онъ желалъ видѣть меня. Я и дѣти мои представились ему въ нашемъ рабочемъ нарядѣ, съ лопатой и съ лейками. Мнѣ было пріятно и утѣшительно бесѣдовать съ нимъ; онъ вполнѣ былъ честный и благонамѣренный человѣкъ и, убѣдившись въ невозможности точнаго исполненія своихъ обязанностей по части областнаго гражданскаго управленія, не бывъ въ силахъ уничтожить злоупотребленія, предпочелъ лучше бросить выгодное и почетное мѣсто и оставить службу, чѣмъ быть орудіемъ или виновникомъ несправедливости. Онъ пользовался довѣренностью высшаго начальства; получилъ 20 тысячъ рублей на подъемъ, на дорогу въ Сибирь, но, слѣдуя совѣсти, вышелъ въ отставку.

Впродолженіи года поступило для подписи и рѣшенія областнаго начальника до десяти тысячъ бумагъ, въ томъ числѣ дѣла на цѣлой дести бумаги по искамъ и жалобамъ; такъ что невозможно было все прочесть, а еще менѣе вникнуть въ каждое дѣло во всей подробности. Къ тому же, гдѣ найти все честныхъ и способныхъ помощниковъ, такъ что, если онъ самъ умышленно не дѣлалъ зла, то не могъ уничтожить или устранить злоупотребленія другаго лица. Много было въ ходу различныхъ средствъ, чтобы подкупить его самого: прямыя попытки были невозможны, потому прибѣгали къ хитростямъ: такъ, въ день общаго пріема, выслушавъ всѣ просьбы и жалобы, онъ ушелъ въ свой кабинетъ, гдѣ слуга донесъ, что въ пріемной комнатѣ оставленъ ящикъ, зашитый въ клеенку и запечатанный, на имя генерала. Въ ящикѣ нашли богатѣйшій халатъ и шубу тысячную. Спросили у ординарца и у часоваго: кто вошелъ съ такимъ ящикомъ? Но какъ было различить приносителя въ числѣ сотни просителей, входившихъ и выходившихъ? Полиція тщетно дѣлала розъисканія, послѣ чего на площади, по барабанному бою, эти вещи были проданы въ пользу богоугодныхъ заведеній. Когда убѣдились, что этотъ генералъ взятокъ не беретъ,

то старались склонить къ тому генеральшу: однажды, катаясь въ саняхъ, она замѣтила на мосту стоявшую женщину, съ отличными мѣхами собольими и чернобурыхъ лисицъ, предлагавшую купить ихъ; когда торговка или женщина эта пришла въ генеральскую квартиру, то оставила тамъ мѣха, а сама скрылась безъ слѣдовъ. Разумѣется, что и эти мѣха были проданы съ публичнаго торга, а выручка облегчила участь многихъ бѣдныхъ. Я уже имѣлъ счастье назвать начальниковъ, которые взятокъ не брали и старались выводить это зло; но старанія ихъ остались напрасными: подчиненные ихъ, съ другими правилами, умѣли происками удалить отъ должности такихъ полезныхъ начальниковъ. Много было говорено и писано по этому предмету и, хотя вездѣ найдутся люди корыстолюбивые, однако, не сомнѣваюсь, что гласность непремѣнно уменьшитъ зло и изведетъ его съ корнемъ по очень простой причинѣ—для чего мнѣ подкупать, когда безъ взятокъ и безъ происковъ дѣло рѣшится публично, по правдѣ и по закону. Въ своемъ мѣстѣ я укажу нѣсколько губерній, въ коихъ съ давнихъ поръ уже такія взятки и, вообще, подкупы не существуютъ. Въ Англіи долго наказывали висѣлицею за мошенничество и воровство, и могли выводить или уменьшить ихъ не иначе, какъ только полною гласностью, которая не щадила ни богатаго лорда, ни бѣднаго ремесленника.

Изъ лицъ, посѣтившихъ насъ въ Курганѣ, я долженъ упомянуть еще о почтенной вдовѣ генерал-лейтенанта де-Сент-Лорана съ дочерью. Супругъ ея былъ предмѣстникомъ Петерсона и умеръ отъ болѣзни во время ревизіи области. Вдова, съ дочерью-красавицей, возвращались въ Петербургъ; онѣ чрезвычайно ласково и мило приняли у себя, въ Омскѣ, жену мою, когда она, въ 1830 году, ѣхала ко мнѣ въ Читу. Тогда жена моя познакомилась и съ другою дочерью, вышедшею послѣ замужъ за благороднаго К..., который служилъ въ гвардейской конной артиллеріи: онъ былъ сосланъ въ омскую гарнизонную артиллерію тѣмъ же чиномъ. Тутъ онъ женился, черезъ годъ былъ онъ прощенъ, съ дозволеніемъ возвратиться въ Варшаву.

Товарищъ мой, М. А. Назимовъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть у себя роднаго племянника своего А. Д. Озерскаго, который путешествовалъ съ генераломъ де-Сент-Альдегондомъ по Уралу и Алтаю и отпросился изъ Тобольска на два дня, чтобы навѣстить роднаго дядю въ Курганѣ; этотъ молодой человѣкъ, хорошо образованный и отлично учившійся въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, чрезвычайно мнѣ понравился; все въ немъ предвѣщало полезнаго слугу отечества.

Изъ учоныхъ спеціалистовъ былъ у насъ астрономъ Ѳедоровъ, который во многихъ мѣстахъ Сибири повѣрялъ и опредѣлялъ широту и долготу мѣстъ и дѣлалъ наблюденія; онъ первый встрѣтился мнѣ изъ русскихъ, который, превосходно знавъ русскій языкъ, говорилъ съ нѣмецкимъ произношеніемъ оттого, что много лѣтъ обучался онъ въ дерптскомъ университетѣ; такъ, случилось мнѣ въ Кронштадтѣ встрѣтить стараго моряка, капитана Авинова, говорившаго по-русски, съ англійскимъ произношеніемъ, побывавъ десятокъ лѣтъ въ Лондонѣ для изученія морскаго искуства. Г. Ѳедоровъ имѣлъ богатый запасъ новѣйшихъ астрономическихъ инструментовъ.

Почти ежегодно пріѣзжали то генерал-губернаторъ, то гражданскій: Сулима, кн. Горчаковъ, Муравьевъ и Повало-Швейковскій, также начальники жандармскаго округа, генералы Масловъ и Фалькенбергъ. Всѣ оказывали намъ вниманіе и готовность защищать насъ отъ всякихъ притѣсненій. Мы были такъ счастливы, что никого не обременяли жалобами.

Во время поселенія моего въ Курганѣ увеличилось семейство мое рожденіемъ сына и дочери: двое старшихъ подростали. Воспитаніе и обученіе дѣтей моихъ начинались отъ самой колыбели; примѣрная мать была ихъ кормилицею, нянькою, вторымъ Провидѣніемъ.

Въ 1836 году, 22-го декабря, въ день рожденія жены моей, былъ сильный морозъ; она сама не могла ѣхать къ обѣдни, я пошелъ въ церковь одинъ и, когда обѣдня кончилась, купилъ нѣсколько десятковъ тоненькихъ восковыхъ свѣчей для освѣщенія рождественской ёлки, что̀ у насъ готовилось въ первый день праздника, дабы не нарушить соблюденія поста въ сочельникъ. Возвращаясь домой, пошелъ въ обходъ къ заднему крыльцу, отъ коего вокругъ двора настланы были въ два ряда планки, чтобы въ ненастное время можно было сухо пройти въ баню, въ прачешную, въ амбаръ и въ конюшню. Поворотивъ къ крыльцу, я поскользнулся и сильно упалъ оттого, что обѣ руки мои были заняты и я не могъ оперется, и, выпустивъ изъ рукъ свѣчи и небольшую но̀шу, не могъ уже встать. Окно спальни жены было противъ этого мѣста; я опасался, чтобы жена моя въ это время не выглянула въ окно и не испугалась, собрался съ послѣдними силами, чтобы привстать, но, лишь хотѣлъ ступить на правую ногу, она уже не могла меня держать, и я, упавъ снова, лишился чувствъ. Люди внесли меня и положили на кровать. Когда привели меня въ чувство, то не могъ двигать ногою—боль была такъ нестерпима, что, когда разрѣзывали сапогъ и раздѣвали меня, то невольно стоналъ и кри-

чалъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Послали за окружнымъ докторомъ—тотъ былъ въ разъѣздахъ; когда воротился, то объявилъ, что онъ—не хирургъ, не знаетъ, что̀ именно у меня повреждено: какая кость или жила? На бедрѣ была сильная опухоль и краснота; приставили множество піявокъ, черезъ день припарки изъ травъ и льнянаго сѣмени—все напрасно. Боль не давала мнѣ уснуть ни на минуту. Можно себѣ представить положеніе бѣдной жены моей, кормившей грудью дочь мою. Смущенныя дѣти перестали рѣзвиться, видя мать въ слезахъ, меня страждущаго. Товарищи очередовались при мнѣ по ночамъ, особенно Назимовъ. Въ первый день праздника бросили мнѣ кровь изъ руки; для подкрѣпленія меня сномъ давали мнѣ опіумъ; это средство вызывало сонъ летаргическій, послѣ котораго чувствовалъ себя еще слабѣе и хуже. Являлись добрые люди изъ деревень, предлагали средства симпатическія, заговаривать. Одни утверждали, что большая главная кость отъ бедра до колѣна раскололась, другіе—что нога уже сохнетъ. Я полагалъ, что, если кость переломана, то сростется, молился, крѣпился и терпѣлъ, сколько могъ.

До апрѣля пролежалъ я на кровати; вся нервная система разстроилась до невѣроятности. Когда поддерживалъ больную ногу обѣими руками, спускалъ обѣ ноги съ кровати и, опираясь на плечи слугъ, привсталъ на лѣвую здоровую ногу, то почувствовалъ, что правая нога въ бедрѣ держалась какъ бы на ниточкѣ. Въ маѣ постепенно сталъ ходить на двухъ костыляхъ, причемъ больная нога, согнутая, висѣла безъ всякаго употребленія и не касалась земли вершка на три. Движеніе и воздухъ были необходимы для подкрѣпленія жизненныхъ силъ; каждый день я ѣздилъ на дрогахъ или влачился по двору на костыляхъ, кои подымали плечи и причиняли боль въ груди. Состояніе болѣзненное приковало меня еще болѣе къ кресламъ. Писать было трудно; я не могъ сидѣть прямо оттого, что больная нога не гнулась въ прямой или въ острый уголъ съ туловищемъ: она не имѣла свободнаго сгиба у бедра и позволяла мнѣ сидѣть только въ полулежачемъ положеніи или развалиться на спинку креселъ; при ѣздѣ на спокойныхъ дрогахъ опускалъ больную ногу черезъ подножку.

Родные въ столицѣ совѣтовались съ лучшими хирургами, но, какъ никто не зналъ, въ чемъ состояло поврежденіе, то и не могли предписать средствъ положительныхъ. Всего болѣе помогали мнѣ примочки изъ *арники*—онѣ уменьшали боль. Вообще, положеніе мое было грустное, оно лишило меня здоровья и средствъ быть полезнѣе моему семейству. Тогда я началъ съ

удвоеннымъ стараніемъ готовиться быть наставникомъ и учителемъ дѣтей моихъ. Прилежно занимался учебными книгами, читалъ руководства Песталоцци, Фелленберга и другихъ воспитателей. Сельское хозяйство стало дѣломъ побочнымъ, давалъ приказанія работникамъ и не всегда имѣлъ досугъ повѣрять исполненіе. На бѣдственное паденіе мое, на послѣдствія его я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на случайность слѣпую и несчастную: я не винилъ скользкихъ планокъ, настланныхъ по двору и покрытыхъ въ тотъ день льдомъ близь крыльца отъ переноски воды для дѣтскихъ ваннъ, потому что сколько разъ подвергался гораздо бо̀льшимъ опасностямъ лишиться жизни: отъ пули, отъ мороза, отъ мятели, отъ огня, отъ угара, отъ воды, отъ паденія съ верховыхъ лошадей, отъ опрокидыванія экипажей, отъ спуска съ горы близь читинскаго острога и проч., и каждый разъ невидимая десница Всевышняго хранила и берегла меня. Эта же самая десница могла и на этотъ разъ подвергнуть меня бѣдѣ, чтобы ею вести къ лучшей цѣли. Такимъ убѣжденіемъ утѣшалъ и жену, и товарищей. Черезъ полгода выяснилось и сбылось на самомъ дѣлѣ, что это худо было не безъ добра и что убѣжденіе мое меня не обмануло.

Въ началѣ 1837 года, разнеслись слухи, что наслѣдникъ престола Цесаревичъ Александръ Николаевичъ предприметъ путешествіе по Сибири и проѣдетъ черезъ Курганъ. Въ апрѣлѣ начали выѣзжать лошадей для него и его свиты, пріучали форрейторовъ, а въ случаѣ проѣзда во время ночи, объѣзжали лошадей съ фонарями и факелами, которые держали въ рукахъ особенные ѣздовые, скакавшіе по обѣимъ сторонамъ упряжныхъ коней. Эти приготовленія забавляли многихъ; боялись и опасались только матери форрейторовъ и ѣздовыхъ. Ожиданіе и приготовленія составляли главный предметъ разговора. Въ кругу товарищей мы также разсуждали и спрашивали себя: должно ли намъ пользоваться этимъ случаемъ и просить Цесаревича о возвращеніи нашемъ на родину? Но какая предстояла будущность лицамъ, осужденнымъ на гражданскую смерть? Какое утѣшеніе могли имѣть наши родственники, наши дѣти, когда увидятъ насъ безъ званія, безъ правъ, подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, что̀ могло стѣснять ихъ самихъ? Какое могло быть облегченіе намъ самимъ на родинѣ, когда свяжутъ насъ бездѣйствіемъ? Кромѣ того, еслибы ходатайство Цесаревича и могло избавить насъ отъ изгнанія, то самая малая часть изъ всѣхъ нашихъ соизгнанниковъ пользовалась бы этою милостію, между тѣмъ какъ большинство нашихъ, разбросанныхъ по всей Сибири, остались бы исключенными? Различныя подобныя сообра-

женія указывали, что не о чемъ просить, оставаться въ страдательномъ бездѣйствіи. Когда получили извѣстіе, что Цесаревичъ уже прибылъ въ Тобольскъ, что коснется только западной пограничной полосы Сибири, что поѣдетъ чрезъ Ялуторовскъ и Курганъ на Оренбургъ и прибудетъ въ нашъ городъ къ 6-му іюня, то съ приближеніемъ этого дня возростало мое безпокойство не о личномъ моемъ положеніи, но о будущности жены и дѣтей, и тѣмъ болѣе, что болѣзнь моя не обѣщала мнѣ никакой возможности быть еще надолго ихъ защитникомъ или помощникомъ. Въ такой борьбѣ не трудно было мнѣ рѣшиться: за три дня до пріѣзда небывалаго гостя, объѣхалъ я всѣхъ моихъ товарищей и объявилъ имъ неизмѣнное твердое мое намѣреніе искать личнаго свиданія съ Цесаревичемъ и поручить ему судьбу моего семейства, когда меня не станетъ. Никогда не простилъ бы себѣ, еслибы пропустилъ этотъ, навѣрно единственный случай, чтобы спасти семейство, если не тотчасъ, то, по крайней мѣрѣ, современемъ. Товарищи мои, бездѣтные, оправдали и одобрили мою рѣшимость.

5-го іюня, послѣ обѣда, народъ въ праздничной одеждѣ повалилъ по тобольской дорогѣ на встрѣчу Наслѣднику престола, котораго ожидали къ ночи. Кромѣ горожанъ, стеклось множество людей обоего пола изъ окрестныхъ и дальнихъ деревень и расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, въ двухъ верстахъ отъ города. Уже начало вечерѣть, но лѣтнія ночи на сѣверѣ никогда темны не бываютъ; однако, хитрый промышленникъ, хозяинъ небольшой свѣчной фабрики или лавочки, имѣвшій въ запасѣ нѣсколько пудовъ, воспользовался случаемъ, чтобы распродать свой товаръ. Онъ взвалилъ его на телегу, подъѣхалъ къ народу и, объявивъ, что Наслѣдника престола подобаетъ встрѣтить ночью съ горящими свѣчами, въ полчаса распродалъ весь товаръ. Народъ въ ожиданіи сидѣлъ на краю дороги, держа въ рукахъ горящія свѣчи. Свѣчи скоро догорали на прибыль продавца; наконецъ, въ первомъ часу ночи проскакалъ передовой фельдъегерь, а за нимъ, черезъ нѣсколько минутъ, высокій посѣтитель промчался со свитою въ нѣсколькихъ колясскахъ и дормёзахъ. Квартира была отведена въ домѣ окружнаго судьи; путешественники, послѣ минутнаго ужина, улеглись спать, а народъ, прибѣжавшій, столпился противъ дома, тянулся по улицѣ и ожидалъ пробужденія и лицезрѣнія Наслѣдника престола.

Въ пятомъ часу утра, поѣхалъ я туда; оставивъ дроги близь густой толпы зрителей, пошелъ на костыляхъ къ квартирѣ Цесаревича, но издали встрѣтилъ меня нашъ почтенный городни-

чій и настоятельно просилъ, чтобы я не подвергнулъ его бѣдѣ и отвѣтственности, что адъютантъ генерал-губернатора строжайше предписалъ ему не допустить никого изъ государственныхъ преступниковъ до Наслѣдника престола. Я замѣтилъ ему наскоро, что такое предписаніе кажется мнѣ очень сомнительнымъ, потому что, еслибы такая мѣра была необходима, то навѣрно начальство его дало бы ему предварительное приказаніе, что съ нами не стали бы церемониться, а просто или запретили бы выходъ изъ дому, или заперли бы хоть въ острогѣ. Но я долженъ былъ уступить усиленной просьбѣ добраго городничаго и воротился, чтобы отъискать жандармскаго штаб-офицера, сопровождавшаго Цесаревича, подполковника Гофмана, котораго встрѣтилъ на улицѣ. Я просилъ его доставить мнѣ случай лично просить Его Императорское Высочество. Подполковникъ не могъ этого сдѣлать, но услужливо предложилъ, чтобы я передалъ ему письменное прошеніе и обѣщалъ непремѣнно вручить; но, узнавъ, что я не написалъ никакого прошенія, и желая мнѣ быть полезнымъ, просилъ подождать на улицѣ, пока онъ освѣдомится о возможности исполненія моего желанія.

Пока я ждалъ возвращенія подполковника, подошелъ ко мнѣ видный мужчина въ шинели съ бобровымъ воротникомъ, въ военной клеёнчатой фуражкѣ, и сказалъ: «Вѣрно, вы Р....! Андрей Ивановичъ Крутовъ навязалъ мнѣ на душу, чтобы непремѣнно, въ случаѣ проѣзда черезъ Курганъ, навѣстить васъ и помочь ногѣ вашей; пожалуйте ко мнѣ на квартиру». Это былъ И. В. Енохинъ, лейб-медикъ Его Высочества. Въ одну минуту раздѣли меня ловкіе фельдшера; я легъ на диванъ, и Енохинъ, ощупавъ больное мѣсто обѣими руками, поворотивъ меня на лѣвый бокъ, тотчасъ объявилъ, что у меня *половинный вывихъ впередъ*, что головка кости выбита изъ чашечки; но какъ прошло уже полгода со дня вывиха, то въ эту минуту нельзя было мнѣ помочь, а еслибы помощь была оказана въ день паденія, то въ тотъ же день я могъ бы танцовать съ этой вывихнутой ногой. Онъ на листѣ бумаги бѣгло написалъ поврежденія и разныя средства, кои можно было еще употребить, *полиспасъ*, въ родѣ вòрота и проч.

Когда я началъ одѣваться, вбѣжалъ Гофманъ въ торопяхъ и звалъ меня къ Цесаревичу. Фельдшера помогли мнѣ одѣться; чрезъ три дома я былъ въ квартирѣ нашего царственнаго гостя, гдѣ меня принялъ генерал-адъютантъ А. А. Кавелинъ и объявилъ напрямикъ, что невозможно исполнить моего желанія, что въ инструкціи запрещено допустить меня, что я могу передать прошеніе и онъ самъ вручитъ его Наслѣднику престола. Узнавъ,

что я не имѣлъ письменнаго прошенія, онъ спросилъ меня, о чемъ я желаю просить? я отвѣтилъ, «что для себя собственно ни о чемъ не могу просить, потому что въ больномъ состояніи не могу ни пользоваться милостью, ни заслужить ея, но желаю видѣть лично Государя Цесаревича и просить за жену и дѣтей моихъ, чтобы они не были покинуты и забыты, когда меня не будетъ съ ними». Генералъ Кавелинъ совѣтовалъ мнѣ тотчасъ написать прошеніе и доставить ему черезъ полчаса, до обѣдни, потому что прямо изъ церкви поѣдутъ въ дальнѣйшій путь. Въ сѣняхъ онъ приказалъ ожидавшему тутъ священнику начать обѣдню въ шесть часовъ и отслужить ее поспѣшнѣе, дабы они въ тотъ же день успѣли доѣхать до Златоуста къ ночлегу, слишкомъ за 200 верстъ. На крыльцѣ встрѣтилъ я флигель-адъютанта С. А. Юрьевича, котораго зналъ еще въ кадетскомъ корпусѣ; онъ просилъ меня передать поклоны Е. П. Нарышкиной отъ братьевъ ея, графовъ Григорія и Алексѣя Коновницыныхъ. При выходѣ моемъ изъ двора, я видѣлъ Цесаревича, стоявшаго у окна.

У крыльца моего дома стояли дрожки исправника. «Кто пріѣхалъ?» — «Генералъ!» отвѣтилъ кучеръ; народъ величаетъ генераломъ всякаго превосходительнаго, будь онъ лекарь, профессоръ или начальникъ департамента внѣшней торговли. Къ величайшей радости, увидѣлъ у себя достойнѣйшаго Василія Андреевича Жуковскаго; онъ утѣшалъ жену мою, ласкалъ полусонныхъ дѣтей, съ любовью обнималъ ихъ, хотя они въ просонкахъ дичились и маленькая дочь заплакала отъ его поцалуя. Когда я объявилъ ему о неуспѣшныхъ попыткахъ моихъ лично просить Цесаревича и что генералъ Кавелинъ совѣтовалъ мнѣ написать прошеніе, то онъ сказалъ мнѣ: «Вы теперь не успѣете, сейчасъ ѣдемъ; но будьте спокойны, я все представлю его высочеству; тринадцать лѣтъ нахожусь при немъ и твердо убѣдился, что сердце его на мѣстѣ: гдѣ онъ только можетъ сдѣлать какое добро, тамъ сдѣлаетъ его охотно». Не долго длилась наша бесѣда; жена моя, въ прежнее время, встрѣчалась съ Жуковскимъ у Карамзиныхъ. Онъ удивился, что мы въ Сибири уже читали новѣйшее его произведеніе—«Ундину»; съ похвалой отозвался о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему стихотвореніяхъ А. И. Одоевскаго; до крайности сожалѣлъ, что въ Ялуторовскѣ не могъ видѣться съ И. Д. Якушкинымъ, и просилъ меня написать ему, какъ это случилось: «Не доѣхавъ двухъ станцій до Ялуторовска, имѣлъ онъ несчастье, что ямщикъ его переѣхалъ женщину, неуспѣвшую отбѣжать съ дороги, и колесомъ переѣхали ей ногу. Жуковскій приказалъ остановиться,

помогъ перенести бѣдную женщину въ карету, отвезъ ее до слѣдующей станціи, далъ ей денегъ и написалъ земскому начальству, чтобы оно всячески позаботилось объ ея излеченіи. Въ это время, Цесаревичъ далеко опередилъ его, и онъ не могъ пробыть въ Ялуторовскѣ ни одной минуты, догоняя поѣздъ». Душѣ отрадно было свиданіе съ такимъ человѣкомъ, съ такимъ патріотомъ, который, несмотря на заслуженную славу, на высокое и важное мѣсто, имъ занимаемое, сохранилъ въ высшей степени смиреніе, кротость, простоту, прямоту и безъ всякаго тщеславія дѣлалъ добро, гдѣ и кому только могъ. И послѣ свиданія въ Курганѣ, онъ неоднократно просилъ за насъ Цесаревича; одно изъ своихъ писемъ ко мнѣ заключилъ онъ припискою: «будьте увѣрены, что не перестанемъ быть вашими старыми хлопотунами». Словами не умѣю выразить вполнѣ благодарность за дѣятельное его участіе; оно навѣрно уже доставило ему одно изъ лучшихъ наслажденій. Все, что̀ онъ говорилъ о характерѣ Наслѣдника престола, служило залогомъ будущаго счастья Россіи. Родственники и знакомцы наши, увидѣвшіе Жуковскаго по возвращеніи его въ Москву и въ Петербургъ, спросившіе у него, ка̀къ онъ насъ нашелъ и ка̀къ переносимъ участь свою, получили въ отвѣтъ: «со смиреніемъ и съ терпѣніемъ». Жуковскій, вмѣсто хижинъ, бѣдности и унынія, нашелъ въ Сибири красивыя сёла, довольство и бодрость и передалъ намъ, что и Цесаревичъ пріятно пораженъ былъ дружною радостью, съ которою народъ ссыльный встрѣчалъ его отъ Тюмени до Кургана, какъ лучше не могли бы его встрѣтить въ городахъ приволжскихъ.

Въ то время, когда былъ у меня Жуковскій, Цесаревичъ собирался идти къ обѣднѣ и приказалъ жандармскому штабофицеру: «Скажите этимъ господамъ (такъ намекнулъ онъ о насъ), чтобы они были у обѣдни—тамъ я могу ихъ видѣть». Инструкція такого случая не предвидѣла. Городничій разослалъ нарочныхъ по нашимъ домамъ, чтобы насъ созвать въ церковь. Цесаревичъ со всею свитою стоялъ предъ алтаремъ главнаго придѣла, по бокамъ стояли мои товарищи и Е. П. Нарышкина. Чиновники впереди народа помѣстились вдоль боковыхъ придѣловъ, сколько храмъ могъ помѣстить людей; бо̀льшая часть народа стояла внѣ церковной ограды, близь экипажей. Впродолженіи литургіи, Цесаревичъ нѣсколько разъ оглядывался на моихъ соизгнанниковъ со слезами въ глазахъ и совершенно особенно наклонился и осѣнилъ себя знаменіемъ креста, когда священникъ произнесъ молитву «о недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ».

Восторженные, изступленные крики «ура» возвѣстили отъѣздъ его. Народъ искренно радовался, что увидѣлъ его. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ отъ роду; по наружности, былъ онъ статный, тонкій, тальистый, какъ тогда выражались; на лицѣ изображались кротость, благоволеніе, но также явные признаки утомленія и усталости отъ такого безконечнаго путешествія и вообще тѣлесной натуги. Енохинъ утверждалъ, что каждому офицеру легче служить, чѣмъ Наслѣднику престола: офицеръ, послѣ ученья, манёвровъ, или развода, ложится отдыхать сколько ему угодно, а Наслѣдникъ престола ѣдетъ представляться во дворецъ или самъ принимаетъ представляющихся ему, или спѣшитъ на ученье и на смотръ другой части войска, и по цѣлымъ днямъ сряду отдыха не знаетъ. Когда Цесаревичъ уѣхалъ изъ Кургана, то никто тогда не предугадывалъ въ немъ Освободителя народа отъ крѣпостной зависимости и великаго Преобразователя. На всѣхъ лицахъ выражалась радость отъ свиданія; только нѣсколько боязливыхъ старушекъ, испугавшись адской быстроты длиннаго поѣзда, состоявшаго изъ полдюжины колясокъ и столькихъ же каретъ и дормёзовъ, всѣ съ форрейторами, перекрестились и сказали: «слава Богу, что мы всѣ остались въ живыхъ!» Дѣйствительно, быстрота ѣзды была адская, по 20 верстъ въ часъ. Въ церкви Кавелинъ увидѣлъ стараго товарища и однополчанина, А. Ф. фон-дер-Бриггена и пріятельски кивнулъ ему головою; онъ же принялъ его въ члены тайнаго общества; впрочемъ, подобныя встрѣчи случались довольно часто: одинъ шелъ одною дорогою, а другой другою; но всѣ на свободѣ остававшіеся дѣйствовали прямо, честно, человѣколюбиво, а если кто изъ нихъ натягивалъ струны слишкомъ круто, то, вѣроятно, изъ усердія и преданности царю и отечеству, а не изъ жестокости или грязной корысти.

Цесаревичъ не чуждался насъ—напротивъ того: онъ сказалъ сопровождавшему его полковнику Влад. Ив. Назимову, который просилъ у него позволенія навѣстить изгнанника М. А. Назимова: «Я очень радъ, что ты имѣешь случай навѣстить родственника, который въ несчастіи!» Путь Наслѣдника престола велъ его чрезъ Саратовъ; тамъ генералъ Арнольди представилъ ему всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ поименно, и, когда назвалъ по фамиліи моего младшаго брата, то Цесаревичъ спросилъ у него не такъ, какъ обыкновенно водилось при представленіяхъ, что спрашивали о родствѣ съ важными сановниками: не родня ли вамъ командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса; но онъ спросилъ: «не имѣете ли родственника въ Сибири?» Когда братъ мой отвѣтилъ, что «есть у меня тамъ въ несчастіи

и изгнаніи кровный братъ родной», то Цесаревичъ въ присутствіи всѣхъ сказалъ ему: «Радуюсь, что могу вамъ передать, что видѣлъ брата вашего; хотя онъ на костыляхъ, но здоровье его можетъ поправиться, а я уже просилъ за него Государя Императора».

8-го августа, узнали мы, что Цесаревичъ съ перваго ночлега своего послѣ Кургана, изъ Златоуста, отправилъ фельдъегеря съ письмомъ къ Государю, въ коемъ просилъ объ освобожденіи нашемъ, о возвращеніи насъ на родину. Говорили, что Государь выразился, что «этимъ господамъ путь въ Россію ведетъ чрезъ Кавказъ», и всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: назначить насъ рядовыми въ отдѣльный кавказскій корпусъ и немедленно отправить на службу. Въ одно время получили мы это извѣстіе отъ генерал-губернатора и отъ прибывшаго въ Курганъ капитана лейб-гвардіи финляндскаго полка гр. Григорія Коновницына, который, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, выпросилъ позволеніе проводить сестру свою Е. П. Нарышкину изъ Сибири на родину.

Изъ семи курганскихъ товарищей двое не воспользовались этою мѣрою освобожденія: А. Ф. фон-дер-Бриггенъ незадолго предъ тѣмъ самъ просилъ опредѣленія въ гражданскую службу и получилъ должность и чины въ земскомъ судѣ. Другой — И. Ф. Фохтъ просился въ Тобольскъ и тамъ получилъ позволеніе оставаться въ Курганѣ, по случаю хронической болѣзни, гдѣ онъ и скончался чрезъ пять лѣтъ, въ 1842 году.

Ко мнѣ пріѣхалъ корпусный штаб-докторъ съ предписаніемъ отъ генерал-губернатора освидѣтельствовать меня: въ состояніи ли я предпринять такое дальнее путешествіе? Почтенный докторъ немало удивился, когда я объявилъ ему мою готовность: онъ понялъ, наконецъ, что ѣду не для себя, но чтобы вывезти изъ Сибири жену и дѣтей. Товарищи мои, Нарышкинъ, Назимовъ, Лореръ и Лихаревъ, чрезъ недѣлю уѣхали въ Тобольскъ, откуда были отправлены на Кавказъ на почтовыхъ, чрезъ Казань и Ростовъ-на-Дону. Въ уваженіе моей болѣзни и моего семейства, мнѣ было разрѣшено генерал-губернаторомъ, кн. Д. И. Горчаковымъ, ѣхать прямо изъ Кургана чрезъ Оренбургъ и Саратовъ, и дали мнѣ время собираться въ дорогу.

Начались продажа и раздача вещей. Курганскіе жители радовались перемѣнѣ нашей участи, но были и такіе, которые, испытавъ жизнь на Кавказѣ, бытъ солдатскій, соболѣзновали искренно и уговаривали остаться лучше въ Курганѣ.

Сентября 6-го 1837 года, назначено было выѣхать. Та же самая коляска московскаго каретника Рейхгарта, которая безъ

починки довезла жену мою за Байкалъ и обратно въ Курганъ 10,000 верстъ, повезла ее въ Грузію; въ коляскѣ помѣстилась жена моя съ дочерью и съ младшимъ сыномъ, а я съ обоими старшими ѣхалъ въ тарантасѣ, всегда открытомъ, иначе не могъ садиться въ него. Сидѣнное мѣсто было улажено такъ, чтобы спокойнѣе было для больной ноги. Послѣ обѣда, въ третьемъ часу, заѣхали въ церковь, гдѣ духовный отецъ моего семейства, достойнѣйшій пастырь Стефанъ Знаменскій, служилъ напутственный молебенъ. Въ сопровожденіи, до первой станціи, нашего уважаемаго и любимаго товарища А. Ф. фон-дер-Бриггена, прямо изъ церкви, пустились въ дальній путь съ тою же покорностью волѣ Божіей, съ тою же довѣренностью на защиту Его, съ какими изъ одной крѣпости переходили въ другую, съ упованіемъ, что и въ другой новой странѣ изгнанія, на Кавказѣ, найдемъ также Божій свѣтъ и людей такихъ же добрыхъ, какихъ находили въ Сибири.

Разставаясь съ Сибирью, вспомнилъ съ грустью любимыхъ товарищей-сòузниковъ и, благословляя ихъ, благословилъ и страну, обѣщающую современемъ быть не пугалищемъ, не мѣстомъ и средствомъ наказанія, но вмѣстилищемъ благоденствія въ высшемъ значеніи слова. Провидѣніе, быть можетъ, назначило многихъ изъ моихъ соизгнанниковъ и многихъ поляковъ-ссыльныхъ быть основателями или устроителями лучшей будущности Сибири, которая, кромѣ золота, желѣза и камня, кромѣ богатства вещественнаго, представитъ современемъ драгоцѣннѣйшія сокровища для благоустроенной гражданственности. Народъ хорошо справляется на мірскихъ сходкахъ, трудится бòльшею частью на землѣ привольной и исправно выполняетъ всѣ государственныя повинности.

ВЫМОРОЧНЫЙ [1].

Прощальныя слова̀ Анниньки: «Страшно съ вами, дядя!» проскользнули мимо ушей Порфирія Владимірыча безъ всякихъ послѣдствій. Онъ такъ былъ полонъ самимъ собой, что цѣнилъ только свои собственныя рѣчи, да и то не потому, чтобъ придавалъ имъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ, а просто потому, что словесное переливаніе изъ пустого въ порожнее представляло наилучшее средство, чтобъ наполнять бездну празднаго времени. Поэтому, когда кибитка, увозившая Анниньку, скрылась изъ вида, то прежняя безшумно-суетливая, безустойчивая жизнь совершенно естественно вновь вступила въ свои права̀. Головлевскій домъ какъ бы оцепенѣлъ; только отъ времени до времени (обыкновенно за чаемъ и за обѣдомъ) раздавалось самоувѣренно праздное слово Іудушки, и опять все стихало, чтобъ уступить мѣсто молчаливой работѣ праздной мысли. Казалось, что и конца этой жизни не будетъ, что отнынѣ никто ужь не вторгнется въ эту пустоту, не помѣшаетъ ея правильно-безцѣльному теченію и что Іудушка, обремененный годами, безмятежно угаснетъ съ празднымъ словомъ на устахъ, испивъ всю чашу ненужнаго существованія. Угаснетъ лишь, благодаря естественному закону, вслѣдствіе котораго человѣческій организмъ, даже при самой индефферентной обстановкѣ, постепенно изнашивается и сгараетъ.

Нельзя сказать, чтобъ Порфирій Владимірычъ *разсчитывалъ* на то, что̀ привычка сосредоточиваться въ самомъ себѣ и наслаждаться только самимъ собою дастъ ему возможность избыть жизнь, ни въ комъ не нуждаясь. Его выручалъ не разсчетъ, а инстинкты его природы, инстинкты, въ основаніи которыхъ лежала безусловная вялость, равняющаяся полному непризнанію всего, что можетъ произвести сомнѣніе, безпокойство и вообще позывъ къ какой бы то ни было борьбѣ. Будущее его казалось до-

[1] См. «Отеч. Зап.» № 5, 1876 г.

*

статочно обезпеченнымъ тѣмъ однимъ содержаніемъ, которое давало ему его собственное внутреннее міросозерцаніе. Міросозерцаніе это было до крайности скудно, но оно отличалось несомнѣнною тягучестью, дававшею возможность одинъ и тотъ же обрывокъ мысли развертывать до безконечности, переворачивая его на всѣ лады, доводя до конца и начиная съизнова. Кромѣ празднословія, у него была въ запасѣ еще цѣлая громадная область праздномыслія, которая до сихъ поръ оставалась на заднемъ планѣ и заключившись въ которую онъ могъ уже окончательно счесть себя свободнымъ отъ какихъ бы то ни было отношеній къ дѣйствительности. Покуда въ головлевскомъ домѣ было людно—онъ, конечно, предпочиталъ празднословіе, потому что оно давало ему случай выказывать свой авторитетъ и вообще угнетать; но ежели празднословить будетъ не съ кѣмъ и нѐ для кого, то онъ не отступитъ и передъ полною выморочностью, потому что и её онъ найдетъ средство населить призраками своего праздномыслія. Съ этими призраками онъ проживетъ довольный и счастливый и нигдѣ не почувствуетъ себя ни одинокимъ, ни обездоленнымъ; съ этими призраками онъ пріобрѣтетъ себѣ два высшихъ жизненныхъ блага: неуязвимость и независимость, при помощи которыхъ можетъ почти навѣрное разсчитывать, что никакая катастрофа не коснется его.

Все это, однакожь, могло бы осуществиться въ томъ только случаѣ, еслибъ Іудушка нашелъ средство устроить для себя такое положеніе, въ которомъ онъ могъ бы произвольно отрѣшиться отъ всякихъ потребностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ для себя мысленно создастъ и аппробуетъ. Но въ этомъ-то именно и состояла трудность предстоявшей ему задачи. Дѣйствительность вовсе не даетъ мѣста такого рода фикціямъ, а ежели, по временамъ, ихъ и вырываютъ у нея насильственно, то результатъ такого насилія всегда бываетъ трагическій. Ничто живущее не устраиваетъ своего существованія одними собственными средствами, точно такъ же, какъ ничто не изнываетъ само собою, не подвергается процессу просто страдательнаго разложенія. И апатія, и энергія, и нравственная вялость, и сила—равно находятъ себѣ разрѣшеніе не въ пустотѣ, а на практической почвѣ. А въ таинственныхъ нѣдрахъ послѣдней всегда таится великое множество случайныхъ развязокъ и перипетій, которыхъ и самая подозрительная осторожность ни предусмотрѣть, ни обойти не въ состояніи.

Агонія началась съ того, что ресурсъ празднословія, которымъ Порфирій Владимірычъ до сихъ поръ такъ охотно злоупотреблялъ, сталъ, видимо, сокращаться. Все вокругъ него опу-

стѣло: одни перемерли, другіе—ушли. Даже Аннинька, несмотря на жалкую будущность кочующей актрисы, не соблазнилась головлевскими привольями. Оставалась одна Евпраксеюшка, но, независимо отъ того, что это былъ ресурсъ очень ограниченный, почти недопускавшій разнообразія — даже и въ ней произошла какая-то порча, которая не замедлила пробиться наружу и разъ навсегда убѣдить Іудушку, что красные дни прошли для него безвозвратно.

До сихъ поръ, Евпраксеюшка была до такой степени беззащитна, что Порфирій Владимірычъ могъ угнетать ее безъ малѣйшихъ опасеній. Благодаря крайней неразвитости ума и врожденной дряблости характера, она даже не чувствовала этого угнетенія. Покуда Іудушка срамословилъ, она безучастно смотрѣла ему въ глаза и думала совсѣмъ о другомъ. Но теперь она вдругъ нѣчто поняла, и ближайшимъ результатомъ пробудившейся способности пониманія явилось внезапное, несознанное, но злое и непобѣдимое отвращеніе.

Очевидно, пребываніе въ Головлевѣ погорѣлковской барышни не прошло безслѣдно для Евпраксеюшки. Хотя послѣдняя и не могла дать себѣ отчета, какого рода боли вызвали въ ней случайные разговоры съ Аннинькой, но внутренно она почувствовала себя совершенно взбудараженною. Прежде ей никогда не приходило въ голову спросить себя, зачѣмъ Порфирій Владимірычъ, какъ только встрѣтитъ живого человѣка, такъ тотчасъ же начинаетъ опутывать его цѣлою сѣтью тягучихъ словесныхъ обрывковъ, въ которыхъ ни за что̀ уцѣпиться невозможно, но отъ которыхъ дѣлается невыносимо скучно, почти тяжело; теперь ей стало ясно, что Іудушка, въ строгомъ смыслѣ, не разговариваетъ, а «тиранитъ», и что, слѣдовательно, не лишнее его «осадить», дать почувствовать, что и ему пришла пора «честь знать». И вотъ она начала вслушиваться въ его безконечныя словоизліянія, и, дѣйствительно, только одно въ нихъ и поняла: что Іудушка пристаетъ, досаждаетъ, зудитъ.

— Вотъ, барышня говорила, будто онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ говоритъ, разсуждала она сама съ собою:—нѣтъ, въ немъ это злость дѣйствуетъ! Знаетъ онъ, распостылый, который человѣкъ противъ него защиты не имѣетъ—ну и вертитъ имъ, ка̀къ ему любо!

Впрочемъ, это было еще второстепенное обстоятельство. Главнымъ образомъ, дѣйствіе пріѣзда Анниньки въ Головлево выразилось въ томъ, что онъ взбунтовалъ въ Евпраксеюшкѣ инстинкты ея молодости. До сихъ поръ, эти инстинкты ка̀къ-то тупо тлѣли въ ней, теперь—они горячо и привязчиво вспыхну-

ли. Многое она поняла изъ того, къ чему прежде относилась совсѣмъ безучастно. Вотъ, напримѣръ: почему же нибудь да несогласилась Аннинька остаться въ Головлевѣ, такъ-таки напрямикъ и сказала: страшно! Почему такъ?—а потому просто, что она молода, что ей «жить хочется», а молодому и исполненному желанія жизни существу не приходится ютиться около ветоши, прикрывающей одинъ прахъ. Вотъ и она, Евпраксеюшка, тоже молода... Да, молода! Это только такъ кажется, будто молодость въ ней жиромъ заплыла—нѣтъ, а временемъ куда тоже шибко она сказывается! И зоветъ, и манитъ; то замретъ, то опять вспыхнетъ. Думала она, что и съ Іудушкой дѣло обойдется, а теперь вотъ... «Ахъ, ты, гнилушка старая! ишь, вѣдь, какъ обошелъ!» хорошо бы теперича съ дружкомъ пожить, да съ настоящимъ, съ молоденькимъ! Обнялись бы, завалилися, сталъ бы милый дружокъ цѣловать-миловать, ласковыя слова на ушко говорить: ишь, молъ, ты какая бѣлая да разсыпчатая! «Ахъ, кикимора проклятая! нашолъ вѣдь чѣмъ—костями своими старыми — прельстить! Смотри, чай, и у погорѣлковской барышни молодчикъ есть! Безпремѣнно есть! То-то она подобрала хвосты да удрала. А тутъ вотъ сиди въ четырехъ стѣнахъ, жди, когда ему, старому, въ голову вступитъ!..»

Разумѣется, Евпраксеюшка не сразу заявила о своемъ бунтѣ, но, однажды вступивши на этотъ путь, уже не останавливалась. Отыскивала прицѣпки, припоминала прошлое, и, между тѣмъ какъ Іудушка даже не подозрѣвалъ, что внутри ея зрѣетъ какая-то тёмная работа, она молчаливо, но ежеминутно разжигала себя до ненависти. Сперва явились общія жалобы, въ родѣ «чужой вѣкъ заѣлъ»; потомъ наступила очередь для сравненій. «Вотъ, въ Мазулинѣ Палагеюшка у барина въ экономкахъ живетъ: сидитъ руки скламши, да въ шелковыхъ платьяхъ ходитъ. Ни она на скотный, ни на погребъ — сидитъ у себя въ покойчикѣ да бисеромъ вяжетъ!» И всѣ эти обиды и протесты заканчивались однимъ общимъ воплемъ:

— Ужь какъ же у меня теперича противъ тебя, распостылый, сердце разожглось! Ну такъ разожглось! такъ разожглось!

Къ этому главному поводу присоединилось и еще обстоятельство, которое было въ особенности тѣмъ дорого, что могло послужить отличнѣйшею прицѣпкою для вступленія въ борьбу. Въ памяти Евпраксеюшки воскресъ одинъ случай, представленіе о которомъ, благодаря ея умственной вялости, едва совсѣмъ не заглохло въ ней. Дѣло въ томъ, что у нея былъ отъ Порфирія Владимірыча сынъ, объ участи котораго, со времени его появленія на свѣтъ, она имѣла лишь смутныя понятія. Родился

этотъ ребёнокъ вскорѣ послѣ смерти старшаго сына Іудушки и въ честь его былъ названъ Владиміромъ.

— Вотъ, у меня и другой Володька есть! говорилъ по этому случаю Порфирій Владимірычъ, веселенько хихикая:—одного Володьку Богъ взялъ, а другого далъ!

Роды были трудные, и Евпраксеюшка чуть не умерла. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, она и не сохранила никакихъ другихъ воспоминаній объ этомъ случаѣ, кромѣ того, что у нея, во время болѣзни, почти всѣ волосы изъ головы вылѣзли. Правда, что и Іудушка не мало-таки поспособствовалъ такому исходу дѣла. Хихикая да хихикая, онъ взялъ да въ одно прекрасное утро и отправилъ полегоньку Богомъ даннаго ему Володьку въ Москву, въ воспитательный домъ. Какъ въ сферѣ мысли онъ былъ пустословомъ, въ сферѣ религіи—пустосвятомъ, въ сферѣ домашняго обихода—пустодомомъ, такъ и въ сферѣ семейныхъ отношеній явился пустоутробнымъ. Призвавши бывшую свою фаворитку Улитушку (см. разсказъ «По родственному»), онъ повелъ съ ней такого рода разговоръ:

— Вотъ что̀ я придумалъ, Улитушка. Ка̀къ ни ка̀къ, хоть и жалко, а придется намъ Володьку къ мѣсту пристроить!

— Мнѣ, что̀ ли, въ воспитательный ѣхать? совершенно просто спросила Улитушка.

— Стой, погоди! Ахъ, какая ты таранта, Улита! все-то у тебя на умѣ—прыгъ да шмыгъ, а почемъ ты знаешь: можетъ, я и не въ воспитательный его хочу! Такъ вотъ я и говорю: хоть и жалко мнѣ Володьку, а съ другой стороны, какъ поразсудить да поразмыслить—анъ выходитъ, что дома держать его намъ не приходится!

— Извѣстное дѣло! Что̀ люди скажутъ: откуда, молъ, въ головлевскомъ домѣ чужой мальчишечка проявился?

— И это, да еще и то: пользы для него здѣсь никакой не будетъ. Мать молода—баловать станетъ; я, старый—туда же за нею! Нѣтъ-нѣтъ, да и снизойдешь. Гдѣ бы за проступокъ посѣчь малаго надо, а тутъ за сѐмъ да за тѣмъ... да и слёзъ бабьихъ, да крику необерешься—ну, и махнешь рукой. Такъ ли?

— Справедливо это. Надоѣстъ.

— А мнѣ хочется, чтобъ все у насъ хорошохонько было, чтобъ изъ него, изъ Володьки-то, современемъ настоящій человѣкъ вышелъ. Коли ежели Богъ его крестьянствомъ благословитъ, такъ чтобы землю работать умѣлъ... Ну, тамъ косить, дрова рубить, всего чтобы понемножку... А коли ему въ другое званіе судьба будетъ, такъ чтобы ремесло зналъ... Оттуда, слышь, и въ учителя нѣкоторые попадаютъ!

— Изъ воспитательнаго-то? Да сколько я сама видала!

— То-то вотъ и есть. Можетъ быть, и знаменитый какой-нибудь человѣкъ изъ Володьки выйдетъ! А воспитываютъ ихъ тамъ отлично—это ужь я самъ знаю! Кроватки вездѣ чистенькія, мамки здоровенькія, рубашечки на дѣточкахъ бѣленькія, рожочки, сосочки... словомъ, все!

— Чего лучше... для незаконныхъ!

— А ежели онъ и въ деревню въ питомцы попадетъ—что̀жь, и Христосъ съ нимъ! Къ трудамъ съ малолѣтства пріучаться будетъ, а вѣдь трудъ—та же молитва! Вотъ мы—мы настоящимъ образомъ молимся! Встанемъ передъ образомъ, крестное знаменіе творимъ, и ежели Богу угодна наша молитва, то онъ подаетъ намъ за неё. А мужичекъ—тотъ трудится! иной и радъ бы помолиться, да ему врядъ и въ праздникъ поспѣть. А Богъ между тѣмъ видитъ его труды—за труды ему подаетъ, какъ намъ за молитву. Не всѣмъ въ палатахъ жить да по баламъ прыгать — надо кому нибудь и въ избёночкѣ курненькой пожить, за землицей за матушкой походить да похолить ее! А счастье-то—еще бабушка на двое сказала, гдѣ оно! Иной и въ палатахъ живетъ, да черезъ золото слезы льетъ, а другой и въ соломку зароется, да на душѣ-то у него рай! Такъ ли я говорю?

— Чего ужь лучше, какъ на душѣ рай!

— Ну, такъ мы вотъ какъ съ тобой, голубушка, сдѣлаемъ. Возьми-ка ты проказника Володьку, заверни его тепленько, да уютненько, да и скатай съ нимъ живымъ манеромъ въ Москву. Кибиточку я распоряжусь тебѣ снарядить крытенькую, да лошадочекъ парочку велю заложить, а дорога у насъ теперь гладкая, ни ухабовъ, ни выбоенъ—кати да покатывай! Только ты у меня смотри: чтобъ все честь честью было. По моему, по головлевски... какъ *я* люблю! Сосочка чтобы чистенькая, рожочекъ... рубашеночекъ, пеленочекъ, свивальничковъ, одѣяльцевъ—всего чтобъ вдоволь было! Бери! командуй! а не дадутъ, такъ меня, стараго, бери за бока—мнѣ жалуйся! Ахъ, Володька, Володька! Вотъ грѣхъ какой случился! Жаль разстаться съ тобой, а дѣлать, братъ, нѣчего! Самъ послѣ пользу увидишь, самъ будешь благодарить?

Іудушка слегка воздѣлъ руками и потрепеталъ губами въ знакъ умно̀й молитвы. Но это не мѣшало ему искоса взглядывать на Улитушку и изъ-подтишка подмѣчать язвительныя мельканія, которыми подергивалось всё лицо ея.

— Ты что̀? сказать что̀ нибудь хочешь? спросилъ онъ её.

— Ничего я. Извѣстно, молъ, будетъ благодарить, коли благодѣтелевъ своихъ отыщетъ.

— Ахъ ты, дурная, дурная! да развѣ мы безъ билета туда отдадимъ! А ты билетецъ возьми! По билетцу-то мы его и сами живо отыщемъ. Вотъ выхолятъ, выкормятъ, уму-разуму научатъ, а мы съ билетцомъ тутъ какъ тутъ: пожалуйте Володьку нашего назадъ! Съ билетомъ-то мы его со дна морскаго выудимъ... такъ ли я говорю?

Но Улитушка уже ничего не отвѣтила на вопросъ; она нервно переминалась съ ноги на ногу, и язвительныя мельканія на лицѣ ея выступали все рѣзче и рѣзче. Наконецъ, Порфирій Владимірычъ не выдержалъ.

— Язва ты, язва! сказалъ онъ:—ничего-то добраго у тебя на умѣ нѣтъ—все бы тебѣ уколоть да уязвить! Дьяволъ въ тебѣ, чортъ... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, такъ такъ-то. Завтра чуть свѣтъ возмешь ты Володьку, да потихоньку, чтобы Евпраксеюшка неслыхала, и отправляйтесь въ Москву. Воспитательный-то знаешь?

— Важивала, одно слово отвѣтила Улитушка, какъ бы намекая на что̀-то въ прошломъ.

— А важивала, такъ тебѣ и книги въ руки. Стало быть, и входы и выходы—все должно быть тебѣ извѣстно. Помѣсти же его, да начальниковъ хорошенько попроси—вотъ та̀къ!

Онъ всталъ и поклонился, прикоснувшись рукой до земли.

— Чтобъ ему хорошо тамъ было! не ка̀къ нибудь, а настоящимъ бы манеромъ! Да билетецъ-то выправь, не забудь! По билету мы его послѣ вездѣ отыщемъ! А на расходы я тебѣ двѣ двадцати-пяти рублевыхъ отпущу. Знаю вѣдь я, знаю! И тамъ подсунуть придется, и въ другомъ мѣстѣ баращка въ бумажкѣ подарить... Ахти, грѣхи наши, грѣхи! Всѣ мы люди, всѣ человѣки, всѣ сладенькаго хотимъ! Вотъ и Володька мой! Кажется, великъ ли, и весь-то съ ноготокъ, а поди сколько ужь денегъ сто̀итъ!

На другой день послѣ этого разговора, покуда молодая мать металась еще въ жару да въ бреду, Володьку снарядили и тихимъ манеромъ увезли въ Москву. Такъ что, недѣли черезъ двѣ, когда Евпраксеюшка ужь успѣла «отлежаться», то никакихъ слѣдовъ отъ Володьки и сопряженнаго съ нимъ представленія о прелюбодѣяніи не было и въ поминѣ.

Такова была исторія изчезновенія Володьки. Въ то время, Евпраксеюшка отнеслась къ этому факту ка̀къ-то тупо. Порфирій Владимірычъ ограничился тѣмъ, что объявилъ ей объ отдачѣ новорожденнаго въ добрыя руки, а, чтобы утѣшить, подарилъ ей новый шалевой платокъ.

Затѣмъ, все опять заплыло и пошло по старому. Евпраксеюшка даже рьянѣе прежняго окунулась въ тину хозяйственныхъ ме-

лочей, словно хотѣла на нихъ сорвать неудавшееся свое материнство. Цѣлые дни проводила на скотномъ дворѣ, смотрѣла какъ доили коровъ, считала яйца, грызлась со скотницей и птичницей—словомъ, «совсѣмъ собакой сдѣлалась». А Іудушка въ тихомолку потиралъ себѣ руки, полный увѣренности, что отнынѣ ни одинъ соленый огурецъ въ его хозяйствѣ не пропадетъ задаромъ.

И вдругъ всѣ эти разсчеты рухнули. Продолжало ли потихоньку теплиться материнское чувство въ Евпраксеюшкѣ, или просто ей блажь въ голову вступила, во всякомъ случаѣ, воспоминаніе о Володькѣ воскресло. Воскресло въ ту самую минуту, когда на Евпраксеюшку повѣяло чѣмъ-то новымъ, свободнымъ, вольнымъ, когда она почувствовала, что есть иная жизнь, сложившаяся совсѣмъ иначе, нежели въ стѣнахъ головлевскаго дома, когда въ ней шевельнулся смутный запросъ... Понятно, что придирка была слишкомъ хороша, чтобъ не воспользоваться ею.

— Ишь, вѣдь, что̀ сдѣлалъ! разжигала она себя: — робёнка отнялъ! словно щенка въ омутѣ утопилъ!

Мало-по-малу, мысль эта овладѣла ею всецѣло. Она уже и сама едва ли не повѣрила какому-то страстному желанію вновь соединиться съ ребёнкомъ, и, чѣмъ назойливѣе разгоралось это желаніе, тѣмъ больше и больше силы пріобрѣтала ея досада противъ Порфирія Владимірыча.

— Покрайности, теперь хоть забава бы у меня была! Володя! Володюшка! рожо̀ный ты мой! Гдѣ-то ты? чай, къ панёвницѣ въ деревню спихнули! Ахъ, про̀пасти на васъ нѣтъ, господа вы проклятые! Надѣлаютъ робятъ, да и забросятъ, какъ щенятъ въ яму: никто, молъ, не спроситъ съ насъ! Лучше бы мнѣ въ ту пору ножемъ себя по горлу полыхнуть, нѐчѣмъ ему, охавернику, надъ собой надругаться давать!

Явилась ненависть, желаніе досадить, изгадить жизнь, извести; началась несноснѣйшая изъ всѣхъ войнъ—война придирокъ, поддразниваній, мелкихъ уколовъ. Но именно только такая война и могла сломить Порфирія Владимірыча.

Однажды, за утреннимъ чаемъ, Порфирій Владимірычъ былъ очень непріятно изумленъ. Обыкновенно, онъ въ это время источалъ изъ себя цѣлыя массы словеснаго гноя, а Евпраксеюшка, съ блюдечкомъ чая въ рукѣ, молча внимала ему, зажавъ зубами сахаръ и отъ времени до времени фыркая. И вдругъ, только-что началъ онъ развивать мысль (къ чаю въ этотъ день былъ поданъ теплый, свѣжеиспеченный хлѣбъ), что хлѣбъ бываетъ разный: видимый, который мы *ѣдимъ* и черезъ это тѣло свое

поддерживаемъ, и невидимый, духовный, который мы *вкушаемъ* и тѣмъ стяжаемъ себѣ душу, какъ Евпраксеюшка самымъ безцеремоннымъ образомъ перебила его разглагольствія.

— Сказываютъ, въ Мазулинѣ Палагеюшка хорошо живетъ! начала она, обернувшись всѣмъ корпусомъ къ окну и развязно покачивая ногами, сложенными одна на другую.

Іудушка слегка вздрогнулъ отъ неожиданности, но на первый разъ, однако, не придалъ этому случаю особеннаго значенія.

— И ежели мы долго не ѣдимъ хлѣба видимаго, продолжалъ онъ:—то чувствуемъ голодъ тѣлесный; если же продолжительное время не вкушаемъ хлѣба духовнаго...

— Палагеюшка, слышь, въ Мазулинѣ хорошо живетъ! вновь перебила его Евпраксеюшка, и на этотъ разъ уже, очевидно, не спроста.

Порфирій Владимірычъ вскинулъ на нее изумленные глаза, но, все-таки, воздержался отъ выговора, словно бы почуялъ что-то недоброе.

— А хорошо живетъ Палагеюшка—такъ и Христосъ съ ней! кротко молвилъ онъ въ отвѣтъ.

— Ейный-то господинъ, продолжала колобродить Евпраксеюшка:—никакихъ непріятностей ей не дѣлаетъ, ни работой ея не принуждаетъ, а, между прочіимъ, завсе въ шелковыхъ платьяхъ водитъ!

Изумленіе Порфирія Владимірыча росло. Рѣчи Евпраксеюшки были до такой степени ни съ чѣмъ несообразны, что онъ даже сразу не нашелся, что предпринять въ данномъ случаѣ.

— И на всякій день у нея платья разныя, словно во снѣ бредила Евпраксеюшка: — на сегодня одно, на завтра другое, а въ праздникъ особенное. И въ церкву въ коляскѣ четверней ѣздятъ: сперва она, потомъ господинъ. А попъ, какъ увидитъ коляску, трезвонить начинаетъ. А потомъ, она у себя въ своей комнатѣ сидитъ. Коли господину желательно съ ней время провести, господина у себя принимаетъ, а не то такъ съ дѣвушкой, съ горничной ейной, разговариваетъ или бисеромъ вяжетъ!

— Ну, такъ что-жь! очнулся, наконецъ, Порфирій Владимірычъ.

— Объ этомъ-то я и говорю, что Палагеюшкино житье очень ужь хорошо!

— А твое, небось, худо житье? Ахъ-ахъ-ахъ, какая ты, однакожь... ненасытная!

Смолчи на этотъ разъ Евпраксеюшка, Порфирій Владимірычъ, конечно, разразился бы цѣлымъ потокомъ бездѣльныхъ словъ, въ которомъ безслѣдно потонули бы всѣ дурацкіе намёки, воз-

мутившіе правильное теченіе его празднословія. Но Евпраксеюшка, повидимому, и намѣренія не имѣла замолчать.

— Что̀ говорить! огрызнулась она: — и мое житье нехудое? Въ затрапезахъ не хожу, и то слава те Господи! Въ прошломъ году за два ситцевыхъ платья по пяти рублей отдали... разшиблись!

— А шерстяное-то платье позабыла? а платокъ-то недавно кому купили? ахъ-ахъ-ахъ!

Вмѣсто отвѣта, Евпраксеюшка уперлась въ столъ рукой, въ которой держала блюдечко, и метнула въ сторону Іудушки косой взглядъ, исполненный такого глубокаго презрѣнія, что ему съ непривычки сдѣлалось жутко.

— А ты знаешь ли, ка̀къ Богъ за неблагодарность-то наказываетъ? ка̀къ-то нерѣшительно залепеталъ онъ, надѣясь, что хоть напоминаніе о Богѣ сколько-нибудь образумитъ неизвѣстно съ чего взбаламутившуюся бабу. Но Евпраксеюшка нетолько не пронялась этимъ напоминаніемъ, но тутъ же на первыхъ словахъ оборвала его.

— Нѐчего! нѐчего зубы-то заговаривать! нѐчего на Бога указывать! сказала она:—не маленькая! Будетъ! повластвовали! потиранили! можно и поостепениться маленько!

Порфирій Владимірычъ замолчалъ. Налитой стаканъ съ чаемъ стоялъ передъ нимъ почти остывшій, но онъ даже не притрогивался къ нему. Лицо его поблѣднѣло, губы слегка вздрагивали, какъ бы усиливаясь сложиться въ усмѣшку, но безъ успѣха.

— А, вѣдь, это—Улиткины штуки! это она, ехидная, натравила тебя! наконецъ, произнесъ онъ, самъ, впрочемъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ говоритъ.

— Какія же это штуки?

— Да вотъ что̀ ты разговаривать-то со мной начала... Или Анютка-актёрка... она! она научила! Нѐкому другому, какъ ей! волновался Порфирій Владимірычъ. — Смотри-тка-те, ни съ того, ни съ сего, вдругъ шолковыхъ платьевъ захотѣлось! Да ты знаешь ли, безстыдница, кто въ шелковыхъ-то платьяхъ ходитъ?

— Скажите, такъ буду знать!

— Да просто самыя... ну, самыя безпутныя, тѣ только ходятъ!

Но Евпраксеюшка даже этимъ не усовѣстилась, но, напротивъ того, съ какою-то наглою резонностью отвѣтила:

— Не знаю, почему онѣ безпутныя... Извѣстно, господа требуютъ... Который господинъ нашу сестру на любовь съ собой

склонилъ... ну, и живетъ она, значитъ... съ имъ! И мы съ вами не молебны, чай, служимъ, а тѣми же занятіями, какъ и мазулинскій баринъ, занимаемся.

— Ахъ, ты... тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирій Владимірычъ даже помертвѣлъ отъ неожиданности. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на взбунтовавшуюся наперсницу, и цѣлая масса праздныхъ словъ такъ и закипала у него въ груди. Но въ первый разъ въ жизни онъ смутно заподозрилъ, что бываютъ случаи, когда и празднымъ словомъ убить человѣка нельзя.

— Ну, голубушка! съ тобой, я вижу, сегодня не сговорить! сказалъ онъ, вставая изъ-за стола.

— И сегодня не сговорите, да и завтра не сговорите... никогда! Будетъ! повластвовали! Наслушалась я довольно; послушайте теперь вы, каковы мои слова будутъ!

Порфирій Владимірычъ бросился-было на нее съ сжатыми кулаками, но она такъ рѣшительно выпятила впередъ свою грудь, что онъ внезапно опѣшилъ. Оборотился лицомъ къ образу, воздѣлъ руки, потрепеталъ губами и тихимъ шагомъ побрёлъ въ кабинетъ.

Весь этотъ день ему было не по себѣ. Онъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ опасеній за будущее, но уже одно то волновало его, что случился такой фактъ, который совсѣмъ не входилъ въ обычное распредѣленіе его дня, и что фактъ этотъ прошелъ безнаказанно. Даже къ обѣду онъ не вышелъ, а притворился больнымъ и скромненько, притворно ослабѣвшимъ голосомъ попросилъ принести ему поѣсть въ кабинетъ.

— Бульонцу тамъ... ну, курочки... немного мнѣ надобно!

— Щи сегодня варили! гуся жарили! грубо отрѣзала Евпраксеюшка.

— Ну, щецъ... гуська тоже... кусочекъ мнѣ небольшой! Боюсь вѣдь я много-то!

Вечеромъ, послѣ чаю, который, въ первый разъ въ жизни, прошолъ совершенно безмолвно, онъ всталъ, по обыкновенію, на молитву; но напрасно губы его шептали обычное послѣдованіе на сонъ грядущимъ: возбужденная мысль даже внѣшнимъ образомъ отказывалась слѣдить за молитвой. Какое-то дрянное, но неотступное безпокойство овладѣло всѣмъ его существомъ, а ухо невольно прислушивалось къ слабѣющимъ отголоскамъ дня, еще раздававшимся то тамъ, то сямъ, въ разныхъ углахъ головлевскаго дома. Наконецъ, когда пронесся гдѣ-то за стѣной послѣдній отчаянный зѣвокъ и, вслѣдъ за тѣмъ, все вдругъ стихло, словно окунулось куда-то глубоко на дно, онъ не выдержалъ.

Безшумно крадучись, побрелъ онъ вдоль корридора и, подойдя къ евпраксеюшкиной комнатѣ, приложилъ къ двери ухо, чтобъ подслушать. Евпраксеюшка была одна, и слышно было только, кàкъ она, зѣвая, произноситъ: «Господи! Спасъ милостивый! Успленія Богородица!» и, въ то же время, горстью чешетъ себѣ поясницу. Порфирій Владимірычъ попробовалъ взяться за ручку двери замкà, но дверь была заперта.

— Евпраксеюшка! ты здѣсь? окликнулъ онъ.

— Здѣсь, да не про васъ! огрызнулась она такъ грубо, что Іудушкѣ осталось молча отретироваться въ кабинетъ.

На другой день послѣдовалъ другой разговоръ. Евпраксеюшка, какъ нарочно, выбирала время утренняго чая для уязвленія Порфирія Владимірыча. Словно она чутьемъ чуяла, что всѣ его бездѣльничества распредѣлены съ такою точностію, что нарушенное утро причиняло безпокойство и боль уже на цѣлый день.

— Посмотрѣла бы я, хоть бы глазкомъ бы полюбовалась, кàкъ нѣкоторые люди живу́тъ! начала она какъ-то загадочно.

Порфирія Владимірыча всего передернуло. «Начинается!» подумалъ онъ, но смолчалъ и ждалъ, что̀ дальше будетъ.

— Право! съ дружкомъ съ милымъ, да съ молоденькіимъ! Ходятъ по комнатамъ парочкой, да другъ на дружку любуются! Нѝ онъ словомъ браннымъ ея не попрекнетъ, нѝ она противъ его. «Душа моя», да «другъ мой», только и разговора у нихъ! Мило! благородно!

Эта матерія была особенно ненавистна для Порфирія Владимірыча. Хотя онъ и допускалъ прелюбодѣяніе въ размѣрахъ строгой необходимости, но, все-таки, считалъ любовное времяпровожденіе бѣсовскимъ искушеніемъ. Однако, онъ и на этотъ разъ смалодушничалъ, тѣмъ больше, что ему хотѣлось чаю, который ужь нѣсколько минутъ прѣлъ на канфоркѣ, и Евпраксеюшка и не думала наливать его.

— Конечно, изъ нашей сестры много глупыхъ бываетъ, продолжала она, нахально раскачиваясь на стулѣ и барабаня рукой по столу:—иную такъ осѣтитъ, что она изъ-за ситцеваго платья на все готова, а другая и просто, безо всего, себя потеряетъ!.. Квасу, говоритъ, огурцовъ, пей-ѣшь сколько хочется! Нашли чѣмъ прельстить!

— Такъ неужто-жь изъ интереса одного... рискнулъ робко замѣтить Порфирій Владимірычъ, слѣдя глазами за чайникомъ, изъ котораго уже начиналъ валить паръ.

— Кто̀ говоритъ: изъ-за интереса изъ-за одного? ужь не я ли

интересанткой сдѣлалась! вдругъ кинулась въ сторону Евпраксеюшка:—куска, видно, стало жалко! Кускомъ попрекать стали?

— Я не попрекаю, а такъ говорю: — не изъ одного, говорю, интереса люди...

— То-то «говорю!» Вы говорите, да не заговаривайтесь! Ишь ты! изъ интересу я имъ служу! а позвольте спросить, какой такой интересъ я у васъ нашла? Окромя квасу да огурцовъ.

— Ну, не одинъ квасъ да огурцы... не удержался, увлекся въ свою очередь Порфирій Владимірычъ.

— Что-жь, сказывайте! сказывайте, что еще?

— А кто къ Николѣ каждый мѣсяцъ четыре мѣшка муки посылаетъ?

— Ну-съ, четыре мѣшка! еще чего нѣтъ ли?

— Крупъ, масла постнаго... словомъ, всего...

— Ну, крупъ, ну, масла постнаго... ужь для родителевъ-то жалко стало! Ахъ, вы!

— Я не говорю, что жалко, а вотъ ты...

— Я же виновата сдѣлалась! Мнѣ куска, безъ попрёковъ съѣсть не дадутъ, да я же виновата состою!

Евпраксеюшка не выдержала и залилась слезами. А чай, между тѣмъ, прѣлъ да прѣлъ на канфоркѣ, такъ что Порфирій Владимірычъ не на шутку встревожился.—«А, вѣдь, пожалуй, чай-то выбросить придется», мелькнуло у него въ головѣ. Поэтому онъ перемогъ себя, тихонько подсѣлъ къ Евпраксеюшкѣ и потрепалъ ее по спинѣ.

— Ну, добро, наливай-ка чай... чего разрюмилась!

Но Евпраксеюшка еще раза два-три всхлипнула, надула губы и уперлась мутными глазами въ пространство.

— Вотъ, ты сейчасъ объ молоденькихъ говорила, продолжалъ онъ, стараясь придать своему голосу ласкающую интонацію:—что-жь, вѣдь, и мы, тово... не перестарки, чай, тоже!

— Нашли чего! отстаньте отъ меня!

— Право-ну! Да я... знаешь ли ты... когда я въ департаментѣ служилъ, такъ за меня директоръ дочь свою выдать хотѣлъ!

— Протухлая, видно, была... кособокая какая-нибудь!

— Нѣтъ, какъ слѣдуетъ дѣвица... а какъ она *не шей ты мнѣ матушка* пѣла! такъ пѣла! такъ пѣла!

— Она-то пѣла, да подпѣватель-то у ней былъ плохой!

— Нѣтъ, я, кажется...

Порфирій Владимірычъ недоумѣвалъ. Онъ не прочь былъ даже поподличать, показать, что и онъ можетъ въ парочкѣ пройтись. Въ этихъ видахъ, онъ началъ какъ-то нелѣпо раскачиваться всѣмъ корпусомъ, и даже покусился обнять Евпраксеюшку за

талію, но она грубо уклонилась отъ его протянутыхъ рукъ и сердито крикнула:

— Говорю честью: уйди, домовой! не то кипяткомъ ошпарю! И чаю мнѣ вашего не надо! ничего не надо! Ишь, что̀ вздумали — кускомъ попрекать начали! Уйду я отсюда! вотъ те Христосъ уйду!

И она, дѣйствительно, ушла, хлопнувъ дверью и оставивъ Порфирія Владимірыча одного въ столовой.

Іудушка былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ началъ-было самъ наливать себѣ чай, но руки его до того дрожали, что потребовалась помощь лакея.

— Нѣтъ, этакъ нельзя! надо ка̀къ-нибудь это устроить... сообразить! шепталъ онъ, въ волненіи расхаживая взадъ и впередъ по столовой.

Но именно ни «устроить», ни «сообразить» онъ ничего не былъ въ состояніи. Мысль его до того привыкла перескакивать отъ одного фантастическаго предмета къ другому, нигдѣ не встрѣчая затрудненій, что самый простой фактъ обыденной дѣйствительности заставалъ ее врасплохъ. Едва начиналъ онъ «соображать», какъ цѣлая масса пустяковъ обступали его со всѣхъ сторонъ и закрывала для мысли всякій просвѣтъ на дѣйствительную жизнь. Лѣнь какая-то обуяла его, общая, умственная и нравственная анемія. Такъ и тянуло его прочь отъ дѣйствительной жизни на мягкое ложе призраковъ, которые онъ могъ перестанавливать съ мѣста на мѣсто, одни пропускать, другіе выдвигать, словомъ, распоряжаться ка̀къ ему хочется.

— Надобно, надо какъ-нибудь... бурчалъ онъ про себя, не будучи въ состояніи придти ни къ какому рѣшенію и только чувствуя, что случилось нѣчто недоброе, готовящееся отравить все его существованіе.

И опять цѣлый день провелъ онъ въ полномъ одиночествѣ, потому что Евпраксеюшка, на этотъ разъ, уже ни къ обѣду, ни къ вечернему чаю не явилась, а ушла на цѣлый день на село къ попу въ гости и возвратилась только поздно вечеромъ. Даже заняться ничѣмъ онъ не могъ, потому что и пустяки на время какъ будто оставили его. Одна безвыходная мысль тиранила: надо какъ-нибудь, надо! Ни праздныхъ выкладокъ онъ не могъ дѣлать, ни стоять на молитвѣ! Онъ чувствовалъ, что къ нему приступаетъ какой-то недугъ, котораго онъ покуда еще не можетъ опредѣлить. Не разъ останавливался онъ передъ окномъ, думая, къ чему-нибудь приковать колеблящуюся мысль, чѣмъ-нибудь развлечь себя, и все напрасно. На дворѣ начиналась весна, но деревья стояли голыя, даже свѣжей травы еще не

показывалось. Вдали виднѣлись черныя поля, по мѣстамъ испещренныя бѣлыми пятнами снѣга, еще державшагося въ низкихъ мѣстахъ и ложбинахъ. Дорога сплошь чернѣла грязью и сверкала лужами. Но все это представлялось ему словно сквозь сѣтку. Около мокрыхъ службъ царствовало полнѣйшее безлюдье, хотя вездѣ всѣ двери были нàстежъ; въ домѣ тоже ни до кого докликаться было нельзя, хотя до слуха безпрестанно долетали какіе-то звуки, въ родѣ отдаленнаго хлопанья дверьми. Вотъ-бы теперь невидимкой оборотиться хорошо, да подслушать, чтò объ немъ хамово отродье говоритъ! Понимаютъ ли подлецы его милости, или, можетъ быть, за его же добро да его же судачатъ? Вѣдь имъ хоть съ утра до вечера въ хайло-то пихай, все мало, все какъ съ гуся вода! Давно ли, кажется, новую кадку съ огурцами начали, а ужь... Но только-что онъ началъ забываться на этой мысли, только-что начиналъ соображать, сколько въ кадкѣ можетъ быть огурцовъ и сколько слѣдуетъ, при самомъ широкомъ разсчетѣ, положить огурцовъ на человѣка, какъ опять въ головѣ мелькнулъ лучъ дѣйствительности и разомъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его разсчеты.

— Ишь ты, вѣдь! даже не спросилась—ушла, думалось ему. покуда глаза бродили въ пространствѣ, усиливаясь различить поповскій домъ, въ которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ эту минуту соловьемъ разливалась Евпраксеюшка.

Но вотъ и обѣдъ подали; Порфирій Владимірычъ сидитъ за столомъ одинъ и кàкъ-то вяло хлебаетъ пустой супъ (онъ терпѣть не могъ супъ безъ ничего, но *она* сегодня нарочно велѣла именно такой сварить).

— Чай, и попъ-то до смерти не радъ, что она къ нему напросилась! думается ему:—все же лишній кусокъ подать надо! И щецъ, и кашки... а для гостьи, пожалуй, и жарковца какого-нибудь...

Опять фантазія его разыгрывается, опять онъ начинаетъ забываться, словно сонъ его заводитъ. Сколько лишнихъ ложекъ щецъ пойдетъ? сколько кашки? и что попъ съ попадьей говорятъ по случаю прихода Евпраксеюшки? кàкъ они промежду себя ругаютъ ее... Все это, и кушанья, и рѣчи, такъ и мечется у него, словно живое, передъ глазами.

— Поди изъ простой чашки тàкъ всѣ вмѣстѣ и хлебаютъ! Ушла! съумѣла гдѣ себѣ найдти лакомство! на дворѣ слякоть, грязь—долго ли до бѣды! Придетъ ужо, хвосты обтрепанные принесетъ... ахъ ты гадина! именно гадина! Дà, надо, надобно кàкъ-нибудь...

На этой фразѣ мысль неизмѣнно обрывалась. Послѣ обѣда

легъ онъ, по обыкновенію, заснуть, но только измучился, проворочавшись съ боку на бокъ. Евпраксеюшка пришла домой ужь тогда, когда стемнѣло, и такъ прокралась въ свой уголъ, что онъ и не замѣтилъ. Приказывалъ онъ людямъ, чтобъ непремѣнно его предупредили, когда она воротится, но и люди, словно стакнулись, смолчали. Попробовалъ онъ опять толкнуться къ ней въ комнату, но и на этотъ разъ нашелъ дверь запертою.

— Надо, надо что̀-нибудь... неотвязно преслѣдовала его мысль.

На третій день, утромъ, Евпраксеюшка, хотя и явилась къ чаю, но заговорила еще грознѣе и шибче.

— Гдѣ-то Володюшка мой теперь? начала она, притворно давая своему голосу слезливый тонъ.

Порфирій Владимірычъ совсѣмъ помертвѣлъ при этомъ вопросѣ.

— Хоть бы глазкомъ на него взглянула, ка̀къ онъ родимый тамъ мается! А то, пожалуй, и померъ, ужь... право!

Іудушка трепетно шевелилъ губами, шепча молитву.

— У насъ все не ка̀къ у людей! Вотъ, у мазулинскаго господина Пелагеюшка дочку родила—сейчасъ ее въ батистъ-дикосъ нарядили, постельку розовенькую для ей устроили... Одной мамкѣ сколько сарафановъ да кокошниковъ надарили! А у насъ... э-эхъ... вы!

Евпраксеюшка круто повернула голову къ окну и шумно вздохнула.

— Правду говорятъ, что всѣ господа проклятые! Народятъ дѣтей—и забросятъ въ болото, словно щенятъ! И горюшка имъ мало! И отвѣта ни передъ кѣмъ не дадутъ, словно и Бога на нихъ нѣтъ! Волкъ—и тотъ этого не сдѣлаетъ!

У Порфирія Владимірыча такъ и вертѣло все нутро̀. Онъ долго перемогалъ себя, но, наконецъ, не выдержалъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Однако... новыя моды у тебя завелись! ужь третій день сряду я твои разговоры слушаю!

— Что̀-жь, и моды! Моды—такъ моды! не все вамъ однимъ говорить — можно, чай, и другимъ слово вымолвить! Право-ну! Ребёнка прижили—и что̀ съ нимъ сдѣлали! Въ деревнѣ, чай, у бабы въ избѣ сгноили! ни призору за нимъ, ни пищи, ни одежи... лежитъ, поди, въ грязи, да со̀ску прокислую сосётъ!

Она прослезилась и концомъ шейнаго платка утерла глаза.

— Вотъ, ужь правду погорѣлковская барышня сказала, что страшно съ вами. Страшно и есть. Ни удовольствія, ни радости, однѣ только каверзы... Въ тюрьмѣ арестанты лучше живутъ. По крайности, еслибъ у меня теперича ребёнокъ былъ —

все бы я забаву какую ни на есть видѣла. А то натко! былъ ребёнокъ—и того отняли!

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ на мѣстѣ и кàкъ-то мучительно моталъ головой, точно его, и въ самомъ дѣлѣ, къ стѣнѣ прижали. По временамъ, изъ груди его даже вырывались стоны.

— Ахъ, тяжело! наконецъ произнесъ онъ.

— Нѐчего «тяжело»! сама себя раба бьетъ, коли плохо жнётъ! Право, съѣзжу я въ Москву, хоть глазкомъ на Володьку взгляну! Володька! Володинька! ми-и-и-лый! Баринъ! съѣзжу-ка, чтò ли, я въ Москву?

— Нѐзачѣмъ! глухо отозвался Порфирій Владимірычъ.

— Анъ, съѣзжу! и не спрошусь ни у кого, и никто запретить мнѣ не можетъ! Потому, я—мать!

— Какая ты мать! Ты дѣвка гулящая — вотъ ты кто! разразился, наконецъ, Порфирій Владимірычъ: — сказывай, чтò тебѣ отъ меня надобно?

Къ этому вопросу Евпраксеюшка, повидимому, не приготовилась. Она уставилась въ Іудушку глазами и молчала, словно размышляя, чего ей, въ самомъ дѣлѣ, надобно?

— Вотъ кàкъ! ужь дѣвкой гулящей звать стали! вскрикнула она, заливаясь слезами.

— Дà! дѣвка гулящая! дѣвка, дѣвка! тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирій Владимірычъ окончательно вышелъ изъ себя, вскочилъ съ мѣста и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ столовой.

Это была послѣдняя вспышка энергіи, которую онъ позволилъ себѣ. Затѣмъ, онъ кàкъ-то быстро осунулся, отупѣлъ и струсилъ, а между тѣмъ, приставаньямъ Евпраксеюшки и конца не было видно. Каждый день, съ безнадежной аккуратностью повторялись сцены за сценами назойливыя, однообразныя, почти безпредметныя. Несмотря на свою неразвитость, Евпраксеюшка, словно въ книгѣ, читала въ душѣ Порфирія Владимірыча. У ней была въ распоряженіи громадная сила: упорство тупоумія, и, такъ какъ эта сила постоянно била въ одну точку: досадить, изгадить жизнь, то, по временамъ, она являлась, дѣйствительно, чѣмъ-то страшнымъ. Мало-по-малу, арена столовой сдѣлалась уже недостаточною для нея; она врывалась въ кабинетъ и тамъ настигала Іудушку (прежде она и подумать не посмѣла бы войти туда, когда баринъ занятъ). Придетъ, сядетъ къ окну, упрётся посоловѣлыми глазами въ пространство, почешется лопатками объ косякъ, и начнетъ колобродить. Въ особенности же пришлась ей по сердцу одна тэма для разговоровъ—тэма, въ основаніи которой лежала угроза оставить Головлево. Въ сущности, она никогда серьёзно объ этомъ не думала и даже была бы очень

изумлена, еслибъ ей вдругъ предложили возвратиться въ родительскій домъ; но она догадывалась, что Порфирій Владимірычъ пуще всего боится, чтобъ она не ушла. Приговаривалась она къ этому предмету всегда помаленьку, окольными путями. Помолчитъ, почешетъ въ ухѣ и вдругъ словно бы что̀ вспомнитъ.

— Сегодня, у Николы, поди, блины пекутъ!

Порфирій Владимірычъ, при этомъ вступленіи, зеленѣетъ отъ злости. Передъ этимъ онъ только-что началъ очень сложное вычисленіе—на какую сумму онъ можетъ продать въ годъ молока, ежели всѣ коровы въ о̀кругѣ примрутъ, а у него одного, съ Божьею помощью, нетолько останутся невредимы, но даже будутъ давать молока противъ прежняго вдвое. Однако, въ виду прихода Евпраксеюшки и поставленнаго ею вопроса о блинахъ, онъ оставляетъ свою работу и даже усиливается улыбнуться.

— Отчего же тамъ блины пекутъ? спрашиваетъ онъ, осклабляясь всѣмъ лицомъ своимъ:—ахъ, батюшки, да, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, родительская сегодня! а я-то, ротозѣй, и позабылъ! Ахъ, грѣхъ какой! маменьку-то покойницу и помянуть будетъ нѐчѣмъ!

— Поѣла-бы я блиновъ... родительскихъ!

— А кто-жь тебѣ не велитъ! распорядись! Кухарку Марьюшку за бока! а не то такъ Улитушку! Ахъ, хорошо Улитка блины печетъ!

— Можетъ, она и другимъ чѣмъ на васъ потрафила! язвитъ Евпраксеюшка.

— Нѣтъ, грѣхъ сказать, хорошо, даже очень хорошо Улитка блины печетъ! Легкіе, мягкіе—ай, поѣшь!

Порфирій Владимірычъ хочетъ шуточкой да смѣшко̀мъ развлечь Евпраксеюшку.

— Поѣла-бы я блиновъ, да не головлевскихъ, а родительскихъ! кобянится она.

— И за этимъ у насъ дѣло не станетъ! Архипушку, кучера, за бока! вели па̀рочку лошадушекъ въ дрожки заложить, кати себѣ да покатывай!

— Нѣтъ, ужь! что̀ ужь! попалась птица въ западню... сама глупа была! Кому меня, этакую-то, нужно? Сами гулящей дѣвкой недавно назвали... чего ужь!

— Ахъ-ахъ-ахъ! и не стыдно тебѣ напраслину на меня говорить! А ты знаешь ли, ка̀къ Богъ-то за напраслину наказываетъ?

— Назвали, прямо такъ-таки гулящей и назвали! вотъ, и образъ тутъ, при немъ, при батюшкѣ! Ахъ, распостылое мнѣ это Головлево! сбѣгу я отсюда! право, не выдержу, сбѣгу!

Говоря это, Евпраксеюшка ведетъ себя совершенно непринужденно: раскачивается на стулѣ, копается въ носу, почесывается. Очевидно, она разыгрываетъ комедію, дразнитъ.

— Я, Порфирій Владимірычъ, вамъ что̀-то хотѣла сказать, продолжаетъ она колобродить:—вѣдь, мнѣ домой надобно!

— Погостить, что̀-ли, къ отцу съ матерью собралась?

— Нѣтъ, я совсѣмъ. Останусь, значитъ, у Николы.

— Что̀ такъ? обидѣлась чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, не обидѣлась, а такъ... надо же когда-нибудь... Да и скучно у васъ... инда страшно! Въ домѣ-то словно все вымерло! Людишки—вольница, все по кухнямъ да по людскимъ прячутся, сиди въ цѣломъ домѣ одна; еще зарѣжутъ, того гляди! Ночью спать ляжешь—изо̀ всѣхъ угловъ шопоты ползутъ!

— А ты подтяни людишекъ! не приказывай имъ изъ дому отлучаться, мнѣ пожалуйся!

— Нѣтъ ужь... нехорошо у васъ! Очень я вами благодарна, а только нельзя мнѣ у васъ оставаться... Страшно.

Однако, проходили дни за днями, а Евпраксеюшка и не думала приводить въ исполненіе свою угрозу. Тѣмъ не менѣе, дѣйствіе этой угрозы на Порфирія Владимірыча было очень рѣшительное. Онъ вдругъ ка̀къ-то понялъ, что, несмотря на то, что съ утра до вечера изнывалъ въ такъ называемыхъ трудахъ, онъ, собственно говоря, ровно ничего не дѣлалъ и могъ бы остаться безъ обѣда, не имѣть ни чистаго бѣлья, ни исправнаго платья, еслибъ не было чьего-то глаза, который смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ его домашній обиходъ не прерывался. До сихъ поръ онъ какъ бы не чувствовалъ жизни, не понималъ, что она имѣетъ какую-то обстановку, которая созидается не сама собой. Весь его день шелъ однажды заведеннымъ порядкомъ; все въ домѣ групировалось лично около него и ради его; все дѣлалось въ свое время; всякая вещь находилась на своемъ мѣстѣ—словомъ сказать, вездѣ царствовала такая неизмѣнная точность, что онъ даже не придавалъ ей никакого значенія: до того все это казалось ему чѣмъ-то естественнымъ, должнымъ. Благодаря этому порядку вещей, онъ могъ на всей своей волѣ предаваться и празднословію, и праздномыслію, не опасаясь, чтобы уко̀лы дѣйствительной жизни когда-нибудь вывели его на свѣжую воду. Правда, что вся эта искуственная махинація держалась на волоскѣ; но человѣку, постоянно погруженному въ самаго себя, не могло и въ голову придти, что этотъ волосокъ есть нѣчто очень тонкое, легко рвущееся. Ему казалось, что жизнь его установилась прочно, навсегда... И вдругъ все это должно рушиться, рушиться въ одинъ мигъ, по одному ду-

рацкому слову: нѣтъ ужь! что̀ ужь! уйду! Іудушка совершенно растерялся. Подобно тому, какъ незадолго передъ этимъ, его преслѣдовала мысль: да̀, надо, какъ-нибудь надо! причемъ въ умѣ его мелькала еще надежда усмирить Евпраксеюшку—теперь, съ тою же неотступностью, начала угнетать другая мысль: а что̀, ежели она уйдетъ? И онъ мысленно начиналъ строить всевозможныя, нелѣпыя комбинаціи съ цѣлью какъ-нибудь удержать ее и даже рѣшался на такія уступки въ пользу бунтующей евпраксеюшкиной младости, которыя ему никогда бы прежде и въ голову не пришли.

— Тьфу! тьфу! тьфу! отплевывался онъ, когда возможность столкновенія съ кучеромъ Архипушкой или съ конторщикомъ Игнатомъ представлялась ему во всей обидной наготѣ своей.

Скоро, однакожь, онъ самъ убѣдился, что страхъ его на-счетъ ухода Евпраксеюшки былъ, по малой мѣрѣ, неоснователенъ, и существованіе его ка̀къ-то круто вступило въ новый и совершенно для него неожиданный фазисъ. Евпраксеюшка нетолько не уходила, но даже замѣтно пріутихла съ своими приставаніями. Взамѣнъ того, она совершенно отбросила Порфирія Владимірыча. Наступилъ май, пришли красные дни, и она ужь почти совсѣмъ не являлась въ домъ. Только по постоянному хлопанью дверей Іудушка догадывался, что она зачѣмъ-нибудь прибѣжала къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ опять исчезнуть. Вставая утромъ, онъ уже не находилъ на обычномъ мѣстѣ своего платья и долженъ былъ вести продолжительные переговоры, чтобы получить чистое бѣлье; чай и обѣдъ ему подавали то спозаранку, то слишкомъ поздно, причемъ прислуживалъ полупьяный лакей Прохоръ, который являлся къ столу въ запятнанномъ сюртукѣ и отъ котораго вѣчно воняло какой-то противной смѣсью рыбы и водки.

Тѣмъ не менѣе, Порфирій Владимірычъ ужь и тому былъ радъ, что Евпраксеюшка оставляла его въ покоѣ. Онъ примирялся даже съ безпорядкомъ, лишь-бы знать, что въ домѣ, все-таки, есть нѣкто, кто этотъ безпорядокъ держитъ въ своихъ рукахъ. Его страшила нестолько безурядица (она только временно, въ извѣстные часы дня, безпокоила, волновала его), сколько мысль о необходимости личнаго вмѣшательства въ обстановку жизни. Съ ужасомъ представлялъ онъ себѣ, что можетъ наступить минута, когда ему самому придется распоряжаться, приказывать, надсматривать. Въ предвидѣніи этой минуты, онъ старался подавить въ себѣ всякій протестъ, закрывалъ глаза на наступавшее въ домѣ безначаліе, стушевывался, молчалъ. А на барскомъ дворѣ, между тѣмъ, шла ежедневная, открытая гульба.

Съ наступленіемъ тепла, головлевская усадьба, дотолѣ степенная и даже угрюмая, вдругъ оживилась. Вечеромъ, все населеніе дворовыхъ, и заштатные, и состоящіе на дѣйствительной службѣ, и старъ, и младъ—все высыпало на улицу. Пѣли пѣсни, играли на гармоникѣ, хохотали, взвизгивали, бѣгали въ горѣлки. На Игнатѣ, конторщикѣ, появилась ярко-красная рубаха и какая-то неслыханно узенькая жакетка, борты которой совсѣмъ не закрывали его молодецки выпяченной груди. Архипъ-кучеръ самовольно завладѣлъ выѣздною шелковой рубашкой и плисовой безрукавкой и, очевидно, соперничалъ съ Игнатомъ въ планахъ насчетъ сердца Евпраксеюшки. Евпраксеюшка бѣгала между ними и, словно шальная, кидалась то къ одному, то къ другому. Порфирій Владимірычъ боялся взглянуть въ окно, чтобъ не сдѣлаться свидѣтелемъ любовной сцены; но не слышать не могъ. Повременамъ, въ ушахъ его раздавался звукъ полновѣснаго удара: это кучеръ Архипушка всей пятерней далъ разà Евпраксеюшкѣ, гоняясь за нею въ горѣлкахъ (и она не разсердилась, а только присѣла слегка); повременамъ, до него доносился разговоръ:

— Евпраксея Никитишна! а Евпраксея Никитишна! взываетъ пьяненькій Прохоръ съ барскаго крыльца.

— Чего надобно?

— Ключъ отъ чаю пожалуйте, баринъ чаю просятъ!

— Подождетъ... Кикимора!

Въ короткое время, Порфирій Владимірычъ совсѣмъ одичалъ. Весь обычный ходъ его жизни былъ взбудораженъ и извращенъ, но онъ кàкъ-то ужь пересталъ обращать на это вниманіе. Онъ ничего не требовалъ отъ жизни, кромѣ того, чтобъ его не тревожили въ его послѣднемъ убѣжищѣ—въ кабинетѣ. Насколько онъ прежде былъ придирчивъ и надоѣдливъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, настолько же теперь сдѣлался боязливъ и угрюмо покоренъ. Казалось, всякое общеніе съ дѣйствительной жизнію прекратилось для него. Ничего бы не слышать, никого бы не видѣть—вотъ чего онъ желалъ. Евпраксеюшка могла цѣлыми днями не показываться въ домѣ, людишки могли сколько хотѣли вольничать и бездѣльничать на дворѣ—онъ ко всему относился безучастно, какъ-будто ничего не было. Прежде, еслибъ конторщикъ позволилъ себѣ хотя малѣйшую неакуратность въ доставленіи рапортичекъ о состояніи различныхъ отраслей хозяйственнаго управленія, онъ навѣрное истиранилъ бы его поученіями; теперь—ему по цѣлымъ недѣлямъ приходилось сидѣть безъ рапортичекъ, и онъ только изрѣдка тяготился этимъ, а

именно, когда ему нужна была цифра для подкрѣпленія какихъ-нибудь фантастическихъ разсчетовъ. Зато, въ кабинетѣ, одинъ на одинъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, имѣющимъ возможность праздномыслить сколько душѣ угодно. Подобно тому, какъ оба брата его умерли, одержимые запоемъ, такъ точно и онъ страдалъ той же болѣзнью. Только это былъ запой иного рода—запой мечтательности и праздномыслія. Запершись въ кабинетѣ и засѣвши за письменный столъ, онъ съ утра до вечера изнывалъ надъ фантастической работой: строилъ всевозможныя несбыточныя предположенія, учитывалъ самого себя, разговаривалъ съ воображаемыми собесѣдниками и создавалъ цѣлыя сцены, въ которыхъ первая случайно взбредшая на умъ личность являлась дѣйствующимъ лицомъ.

Въ этомъ омутѣ фантастическихъ дѣйствій и образовъ главную роль играла какая-то болѣзненная жажда стяжанія. Хотя Порфирій Владимірычъ и всегда вообще былъ жаденъ, мелоченъ и наклоненъ къ кляузѣ, но, благодаря его практической нелѣпости, никакихъ прямыхъ выгодъ лично для него отъ этихъ наклонностей не получалось. Онъ надоѣдалъ, томилъ, тиранилъ (преимущественно самыхъ беззащитныхъ людей, которые, такъ сказать, сами напрашивались на обиду), но и самъ чаще всего терялъ отъ своей затѣйливости. Теперь эти свойства всецѣло перенеслись на отвлеченную, фантастическую почву, гдѣ уже не имѣлось мѣста ни для отпора, ни для оправданій, гдѣ не было ни сильныхъ, ни слабыхъ, гдѣ не существовало ни полиціи, ни мировыхъ судовъ (или, лучше сказать, существовали, но единственно въ видахъ огражденія его, іудушкиныхъ, интересовъ) и гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ свободно опутывать цѣлый міръ сѣтью кляузъ, притѣсненій и обидъ.

Онъ любилъ мысленно выучить, раззорить, обездолить, пососать кровь. Въ сферѣ фантазіи, онъ мстилъ за свое практическое безсиліе, за свою неумѣлость, за неуспѣхъ своихъ кляузъ, за то, что онъ мнилъ себя коршуномъ, а на дѣлѣ являлся чѣмъ-то въ родѣ огороднаго пугала, наводившаго страхъ только тѣмъ, кому даже самое нелѣпое притязаніе, лишь бы оно было выражено нагло и самоувѣренно, уже причиняло боль. Разнообразнѣйшіе планы обездоленія слѣдовали въ его воображеніи одни за другими, принимая самыя прихотливыя формы и преслѣдуя его самыми мелкими подробностями. Онъ перебиралъ, одну за другой, всѣ отрасли своего хозяйства: лѣсъ, скотный дворъ, хлѣбъ, луга и проч. и на каждой созидалъ узорчатое зданіе фантастическихъ притѣсненій, сопровождаемыхъ самыми сложными разсчетами, куда входили и штрафы, и ростовщиче-

ство, и общія бѣдствія, и всегда благопріятныя для него условія покупокъ и продажъ, и пріобрѣтеніе цѣнныхъ бумагъ—словомъ сказать, цѣлый запутанный міръ операцій и сдѣлокъ. А такъ какъ въ этомъ мірѣ все зависило отъ произвольно предполагаемыхъ переплатъ или недоплатъ, то каждая переплаченная или недоплаченная копейка могла служить поводомъ для передѣлки всего зданія, которое, такимъ образомъ, видоизмѣнялось до безконечности. Затѣмъ, когда утомленная мысль уже не въ силахъ была слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за всѣми подробностями спутанныхъ выкладокъ по операціямъ стяжанія, онъ давалъ ей отдыхъ, перенося арену своей фантазіи на вымыслы болѣе растяжимые, въ основаніи которыхъ лежали несложные факты его обыденной жизни. Онъ припоминалъ всѣ столкновенія и пререканія, какія случались у него съ людьми нетолько въ недавнее время, но и въ самой отдаленной молодости, и разработывалъ и передѣлывалъ ихъ съ такимъ разсчетомъ, что всегда изъ всякаго столкновенія выходилъ побѣдителемъ. При этомъ, онъ продѣлывалъ мысленно всѣ пріемы обычнаго жизненнаго обихода: доказывалъ свою правду, убѣждалъ, утруждалъ начальство, судился, входилъ въ пререканія и, въ концѣ концовъ, всегда выходилъ отомщеннымъ. Съ идеею правоты въ умѣ его какъ-то непремѣнно соединялась идея о мщеніи, мщеніи, правда, воображаемомъ, но тѣмъ болѣе неумолимомъ въ своей отвлеченности. Онъ мстилъ мысленно своимъ бывшимъ сослуживцамъ по департаменту, которые опередили его по службѣ и растравили его самолюбіе настолько, что заставили отказаться отъ служебной карьеры; мстилъ однокашникамъ по школѣ, которые нѣкогда пользовались своею физической силой, чтобъ дразнить и притѣснять его; мстилъ сосѣдямъ по имѣнію, которые давали отпоръ его притязаніямъ и отстаивали свои права; мстилъ слугамъ, которые когда-нибудь сказали ему грубое слово или просто не оказали достаточной почтительности; мстилъ маменькѣ Аринѣ Петровнѣ за то, что она просадила много денегъ на устройство Погорѣлки, денегъ, которыя, «по всѣмъ правамъ», слѣдовали ему; мстилъ братцу Стёпкѣ-балбесу за то, что онъ прозвалъ его Іудушкой; мстилъ тетенькѣ Варварѣ Михайловнѣ, за то, что она, въ то время, когда ужь никто этого не ждалъ, вдругъ народила дѣтей «съ бору да съ сосенки», вслѣдствіе чего сельцо Горошкино навсегда ускользнуло изъ головлевскаго рода. Мстилъ живымъ, мстилъ мертвымъ.

Фантазируя такимъ образомъ, онъ незамѣтно доходилъ до опьяненія; земля исчезала у него изъ-подъ ногъ, за спиной словно выростали крылья. Глаза блестѣли, губы тряслись и покры-

вались пѣной, лицо блѣднѣло и принимало торжественно-угрожающее выраженіе. И, по мѣрѣ того, какъ росла фантазія, весь воздухъ кругомъ него населялся призраками, съ которыми онъ вступалъ въ воображаемую борьбу. Цѣлый безсвязный сценарій проносился въ его воображеніи, сценарій, впродолженіи котораго, онъ, поочереди, то резонировалъ, то приходилъ въ гнѣвъ и угрожалъ, то говорилъ колкости, улыбался, хохоталъ.

Существованіе его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь міръ былъ у его ногъ, разумѣется, тотъ немудреный міръ, который былъ доступенъ его скудному міросозерцанію. Фантазія, отвернувшаяся отъ дѣйствительности, питала себя сама, самостоятельно созидая новыя и новыя основы для своихъ полётовъ. Самый скудный, въ существѣ своемъ, замыселъ представлялъ неизсякаемый источникъ разнообразнѣйшихъ комбинацій. Каждый простѣйшій мотивъ Порфирій Владимірычъ могъ варьировать безконечно, за каждый онъ могъ по нѣскольку разъ приниматься съизнова, разработывая всякій разъ на новый манеръ. Это былъ своего рода экстазъ, ясновидѣніе, нѣчто подобное тому, что̀ происходитъ на спиритическихъ сеансахъ. Ничѣмъ неограничиваемое воображеніе создаетъ мнимую дѣйствительность, которая, вслѣдствіе постояннаго возбужденія умственныхъ силъ, претворяется въ конкретную, почти осязаемую. Это—не вѣра, не убѣжденіе, а именно умственное распутство, экстазъ. Люди обезчеловѣчиваются; ихъ лица искажаются, глаза горятъ, языкъ произноситъ непроизвольныя рѣчи, тѣло производитъ непроизвольныя движенія.

Порфирій Владимірычъ былъ счастливъ. Онъ плотно запиралъ о̀кна и двери, чтобъ не слышать, спускалъ шторы, чтобъ не видѣть. Всѣ обычныя, жизненныя отправленія, которыя прямо не соприкасались съ міромъ его фантазіи, онъ дѣлалъ на скорую руку, почти съ отвращеніемъ. Когда пьяненькій Прохоръ стучался въ дверь его комнаты, докладывая, что подано кушать, онъ нетерпѣливо вбѣгалъ въ столовую, наперекоръ всѣмъ прежнимъ привычкамъ, спѣша, съѣдалъ свои три перемѣны кушанья и опять скрывался въ кабинетъ. Даже въ манерахъ у него, при столкновеніи съ живыми людьми, явилось что̀-то отчасти робкое, отчасти глупо-насмѣшливое, какъ будто онъ, въ одно и то же время, и боялся, и вызывалъ. Утромъ, онъ спѣшилъ встать какъ можно раньше, чтобы сейчасъ же приняться за работу. Молитвенное состояніе сократилъ; слова̀ молитвы произносилъ безучастно, не вникая въ ихъ смыслъ; крестныя знаменія и воздѣянія рукъ творилъ машинально, неотчетливо. Даже представле-

ніе объ адѣ и его мучительныхъ возмездіяхъ (за каждый грѣхъ— возмездіе особенное), повидимому, покинуло его.

А Евпраксеюшка, между тѣмъ, млѣла въ чаду плотскаго вожделѣнія. Гарцуя въ нерѣшимости между конторщикомъ Игнатушкой и кучеромъ Архипушкой и, въ то же время, кося глазами на краснорожаго плотника Илюшу, который съ цѣлой артелью подрядился вывѣсить погребъ, она ничего не замѣчала, что̀ дѣлается въ барскомъ домѣ. Она думала, что баринъ какую-нибудь «новую комедію» разыгрываетъ, и не мало веселыхъ словъ было произнесено по этому поводу въ людской, въ дружеской компаніи почувствовавшихъ себя на свободѣ людишекъ. Но однажды, какъ-то случайно, зашла она въ столовую въ то время, когда Іудушка на̀-скоро доѣдалъ кусокъ жаренаго гуся, и вдругъ ей сдѣлалось жутко.

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ въ засаленномъ халатѣ, изъ котораго мѣстами выбивалась ужь вата; онъ былъ блѣденъ, нечесанъ, обросъ какой-то щетиной, вмѣсто бороды.

— Баринушка! что̀ такое? что̀ случилось? бросилась она къ нему въ испугѣ.

Но Порфирій Владимірычъ только глупо-язвительно улыбнулся въ отвѣтъ на ея восклицаніе, словно хотѣлъ сказать: а ну-ка, попробуй теперь меня чѣмъ-нибудь уязвить!

— Баринушка! да что̀ же такое? Говорите! что̀ случилось? повторила она.

Онъ всталъ, уставилъ въ нее исполненный ненависти взглядъ и съ разстановкою произнесъ:

— Если ты, дѣвка распутная, еще когда-нибудь... въ кабинетъ ко мнѣ... Убью!

Порфирій Владимірычъ и не видалъ, ка̀къ прошло лѣто. Августъ ужь перевалилъ на вторую половину; дни сократились; на дворѣ непрерывно сѣялъ мелкій дождь; земля взмокла; деревья стояли понуро, роняя на землю пожелтѣвшія листья. На дворѣ, и даже около людской, царствовала невозмутимая тишина; дворовые ютились по своимъ угламъ, частію вслѣдствіе хмурой погоды, частію вслѣдствіе того, что, наконецъ, догадались, что съ бариномъ происходитъ что̀-то неладное. Евпраксеюшка тоже очнулась; забыла и о шелковыхъ платьяхъ, и о милыхъ дружкахъ, и по цѣлымъ часамъ сидѣла въ дѣвичьей на ларѣ, не зная, ка̀къ ей быть и что̀ предпринять. Пьяненькій Прохоръ дразнилъ ее, что она извела барина, опоила его и что не миновать ей за это по владиміркѐ погулять. Неоднократно пыталась она войти въ прежнюю колею, но, всякій разъ, какъ она

являлась на глаза Порфирій Владимірычу, послѣдній вскакивалъ съ мѣста, хваталъ первое что̀ попадалось ему подъ руку и съ какою-то мрачною рѣшимостью угрожалъ: убью!

А Іудушка, между тѣмъ, сидитъ, запершись, у себя въ кабинетѣ и мечтаетъ. Ему еще лучше, что на дворѣ свѣжѣе сдѣлалось; дождь, безъ устали дребезжащій въ о̀кна его кабинета, наводитъ на него полудремоту, въ которой еще свободнѣе, шире развертывается его фантазія. Онъ представляетъ себя невидимкою и въ этомъ видѣ инспектируетъ свои владѣнія, въ сопровожденіи стараго Ильи, который, еще при папенькѣ, Владимірѣ Михайловичѣ, старостой служилъ и давнымъ-давно на кладбищѣ схороненъ.

— Умный мужикъ Илья! старинный слуга! Нынче такіе-то люди выводятся. Нынче что̀: прыгъ да шмыгъ, да поюлить, да потарантить, а чуть до дѣла коснется—и нѣтъ никого! разсуждаетъ самъ съ собою Порфирій Владимірычъ, очень довольный, что Илья, по щучьему велѣнью, да по его хотѣнью, изъ мертвыхъ воскресъ, и приказываетъ старику рюмку водки подать, ка̀къ дѣлывалъ покойный папенька.

Не торопясь, да Богу помолясь, никѣмъ невидимые, черезъ поля и овраги, черезъ долы и луга, пробираются они на пустошь Уховщину и долго не вѣрятъ глазамъ своимъ. Стоитъ передъ нимъ лѣсище стѣна стѣной, стоитъ, да только вершинами въ вышинѣ гудётъ. Деревья всѣ одно къ одному красныя—соснякъ; которыя въ два, а которыя и въ три обхвата; стволы у нихъ прямые, обнаженные, а вершины могучія, пушистыя: долго, значитъ, еще этому лѣсу стоять можно! Попробовалъ-было Порфирій Владимірычъ наверхъ вершины взглянуть—картузъ у него съ головы слетѣлъ; попробовалъ гаркнуть молодецкимъ по̀свистомъ — словно пушечная пальба по всему лѣсу покатилась.

— Вотъ, братъ, такъ лѣсокъ! въ восхищеніи восклицаетъ Іудушка.

— Заказничёкъ! объясняетъ старикъ Илья:—еще при покойномъ дѣдушкѣ вашемъ, при Михайлѣ Васильичѣ, съ образами обошли—вонъ онъ какой выросъ!

— А сколько, по твоему, тутъ десятинъ будетъ?

— Да въ ту пору ровно семдесятъ десятинъ мѣрили, ну, а нынче... тогда десятина-то хозяйственная была, противъ нынѣшней въ полтора раза побольше!

— Ну, а ка̀къ ты думаешь, сколько на каждой десятинѣ, примѣрно, деревъ сидитъ?

— Кто ихъ знаетъ! у Бога они сосчитаны!

— А я такъ думаю, что непремѣнно шестьсотъ-семьсотъ на десятину будетъ. Да не на старую десятину, а на нынѣшнюю, на тридцатку. Постой! погоди! ежели по шестисотъ... ну, по шестисотъ по пятидесяти положить—сколько же на ста-пяти десятинахъ деревъ будетъ?

Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги и умножаетъ 105 на 650: оказывается 68,250 деревъ.

— Теперича, ежели весь этотъ лѣсъ продать... по разнотѣ... какъ ты думаешь, можно по десяти рублей за дерево взять?

Старикъ Илья трясетъ головой.

— Мало! говоритъ онъ:—вѣдь, это—какой лѣсъ: изъ каждаго дерева два мельничныхъ вала выйдетъ, да еще строевое бревно, хоть въ какую угодно стройку, да семяричёкъ, да товарничку, да сучья... По вашему, мельничный то валъ—сколько онъ стòитъ?

Порфирій Владимірычъ притворяется, что не знаетъ, хотя онъ давно ужь все до послѣдней копейки опредѣлилъ и установилъ.

— По здѣшнему мѣсту, одинъ валъ десяти рублей стòитъ, а кабы въ Москву, такъ и цѣны бы ему, кажется, не было! Вѣдь, это—какой валъ! его на тройкѣ только-только увезти! да еще другой валъ, потоньше, да бревно, да семеричёкъ, да дровъ, да сучьевъ... Анъ дерево-то, бѣдно-бѣдно, въ двадцати рубляхъ пойдетъ.

Порфирій Владимірычъ думаетъ про себя: «это не я, это Илья говоритъ, а онъ не солжетъ!» Но, въ то же время, онъ скромничаетъ и, для бòльшей вѣрности, считаетъ долгомъ возразить:

— Ну, братъ, и лѣснику барышокъ надо дать!

— А намъ зачѣмъ лѣсникъ, мы и сами сводить лѣсъ будемъ. Деньги, чтò ли, намъ къ спѣху нужны? такъ у насъ и своихъ довольно! А ежели и занадобятся деньги, такъ къ намъ всякій сейчасъ же за лѣсомъ съ радостью поѣдетъ! сейчасъ ты ее, сосну-то, срубилъ—смотришь, анъ и денежки за нее на столѣ лежатъ! Потому, она надобна: сегодня она въ лѣсу, а завтра, поди, ужь на мельницѣ стучать будетъ!

Слушаетъ Порфирій Владимірычъ ильины рѣчи и не наслушается ихъ! Умный, вѣрный мужикъ, этотъ Илья! Да и все вообще управленіе ему какъ-то необыкновенно удачно привелъ Богъ сладить! Въ помощникахъ у Ильи старый Вавило служитъ (тоже давно на кладбищѣ лежитъ), вотъ, братъ, такъ кряжъ! Въ конторщикахъ маменькинъ земскій Филиппъ-перевезенецъ (изъ вологодскихъ деревень его, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, пе-

ревезли); полѣсовщики все испытанные, неутомимые; псы у амбаровъ—злые! И люди, и псы—всѣ готовы за барское добро хоть чорту горло перегрызть!

— Умѣли папенька съ маменькой, дай Богъ имъ царство небесное, людей выбирать! вотъ и я, по ихней милости, за этими людьми, какъ за каменной стѣной живу! А нутка, братъ, давай прикинемъ: сколько это будетъ, ежели всю пустошь по разнотѣ распродать?

Порфирій Владимірычъ снова разсчитываетъ мысленно, сколько стòитъ большой валъ, сколько валъ поменьше, сколько строевое бревно, семярикъ, дрова, сучья. Потомъ складываетъ, умножаетъ, въ иномъ мѣстѣ отсѣкаетъ дроби, въ другомъ прибавляетъ; въ комнатѣ раздается: «столько-то тысячъ по десяти рублей, да столько-то по рублю, да столько-то хоть по полтинѣ... ну, хоть по сороку по пяти копеекъ...» Листъ бумаги наполняется столбцами цифръ.

— Натко, братъ, смотри чтò вышло! показываетъ Іудушка воображаемому Ильѣ какую-то совсѣмъ неслыханную цифру, такъ, что даже Илья, который, и со своей стороны, не прочь отъ преумноженія барскаго добра, и тотъ словно съежился.

— Чтò-то какъ будто ужь и многовато! говоритъ онъ, въ раздумьи поводя лопатками.

Но Порфирій Владимірычъ уже откинулъ всѣ сомнѣнія и только веселенько хихикаетъ.

— Чудакъ, братецъ, ты! Это ужь не я, а цифра говоритъ... Наука, братецъ, такая есть, ариѳметикой называется... ужь она, братъ, не солжетъ! Ну, хорошо, съ Уховщиной теперь покончили; пойдемъ-ка, братъ, въ Лисьи Ямы, давно я тамъ не бывалъ! Сдается мнѣ, что мужики тамъ пошаливаютъ, ой, пошаливаютъ мужики! Да и Гаранька-сторожъ... знаю! знаю! Хорошій Гаранька, усердный сторожъ, вѣрный—это чтò и говорить! а все-таки... Маленько онъ какъ будто сшибаться сталъ!

Идутъ они неслышно, невидимо, сквозь чащу березовую, едва пробираются («ишь частòй какой!», шепотомъ повторяетъ Порфирій Владимірычъ) и вдругъ останавливаются, притаивши дыханіе. На самой дорогѣ лежитъ на боку мужицкій возъ, а мужикъ стоитъ и тужитъ, глядючи на сломанную ось. Потужилъ-потужилъ, выругалъ ось, да и себя кстати ругнулъ, вытянулъ лошадь кнутомъ по спинѣ («ишь, ворона!»), однако, дѣлать чтò-нибудь надо—не стоять же на одномъ мѣстѣ до завтра! Озирается воръ-мужичёнко, прислушивается: не ѣдетъ ли кто, потомъ выбираетъ подходящую берёзку, вынимаетъ топоръ... А Іудушка все стоитъ, не шелохнется... Дрогнула берёзка, заша-

талася и вдругъ, словно снопъ, повалилась на земь. Хочетъ мужикъ отрубить отъ комля, сколько ему на ось надобно, но Іудушка ужь рѣшилъ, что настоящій моментъ наступилъ. Крадучись, подползаетъ онъ къ мужику и мигомъ выхватываетъ изъ рукъ его топоръ.

— Ахъ! успѣваетъ только крикнуть застигнутый врасплохъ воръ.

— «Ахъ!» передразниваетъ его Порфирій Владимірычъ:—а чужой лѣсъ воровать дозволяется? «Ахъ»! а чью берёзку-то, свою, что̀ ли, срубилъ?

— Простите, батюшка!

— Я, братецъ, давно всѣмъ простилъ! Самъ Богу грѣшенъ и другихъ осуждать не смѣю! Не я, а законъ осуждаетъ. Законъ осуждаетъ. Законъ не велитъ чужого лѣса рубить, а ежели кто не слушается и все-таки рубитъ—ну, дѣлать нечего, штрафъ обязанъ заплатить! Слѣдовательно, и ты мнѣ долженъ штрафъ заплатить. Ось-то, которую ты срубилъ, на усадьбу привези, да и рубликъ штрафу кстати ужь захвати; а покуда пускай топорикъ у меня полежитъ! Небось, братъ, сохранно будетъ!

Довольный тѣмъ, что успѣлъ на самомъ дѣлѣ доказать Ильѣ справедливость своего мнѣнія насчетъ Гараньки, Порфирій Владимірычъ, съ мѣста преступленія, заходитъ мысленно въ избу полѣсовщика и дѣлаетъ приличное поученіе. Потомъ онъ отправляется домой и по дорогѣ ловитъ въ господкомъ овсѣ трехъ крестьянскихъ куръ, которыхъ велитъ старостѣ загнать на барскій дворъ и держать тамъ, покуда владѣльцы не заплатятъ штрафа. Воротившись въ кабинетъ, онъ чувствуетъ себя утомленнымъ и съ минуту потягивается и разминаетъ свои члены. Но, такъ какъ дѣло не терпитъ, то вслѣдъ затѣмъ онъ опять принимается за работу, и цѣлая особенная хозяйственная система вдругъ зараждается въ его умѣ. Все ростущее и прозябающее на его землѣ, сѣянное и несѣянное, обращается въ деньги по разнотѣ, и притомъ со штрафомъ. Всѣ люди ка̀къ-то вдругъ сдѣлались порубщиками и потравщиками, а Іудушка нетолько не скорбитъ объ этомъ, но, напротивъ, даже руки себѣ потираетъ отъ удовольствія.

— Травьте, батюшки, рубите! мнѣ же лучше, повторяетъ онъ, совершенно довольный.

И тутъ же беретъ новый листъ бумаги и принимается за выкладки и вычисленія.

Сколько на десятинѣ овса ростетъ и сколько этотъ овесъ можетъ денегъ принести, ежели его куры мужицкія помнутъ и за все помятое штрафъ уплатятъ?

— А овесъ-то, хоть и помятъ, анъ послѣ дождичка и опять поправился! мысленно присовокупляетъ Іудушка.

Сколько въ Лисьихъ Ямахъ берёзокъ ростетъ и сколько за нихъ можно денегъ взять, ежели ихъ мужики воровскимъ манеромъ порубятъ и за все порубленное штрафъ заплатятъ?

— А берёзка-то, хоть она и срублена, ко мнѣ же въ домъ на протопленье пойдетъ, стало быть—мнѣ же барышъ: дровъ самому пилить не надо! опять присовокупляетъ Іудушка мысленно.

Рожь, трава, даже яблони, огурцы—ничто не ускользаетъ отъ прозорливаго взора Порфирія Владимірыча...

Громадныя колонны цифръ испещряютъ бумагу; сперва рубли, потомъ десятки, сотни, тысячи... Іудушка до того устаетъ за своей работой и, главное, такъ волнуется ею, что весь въ поту встаетъ изъ-за стола и ложится отдохнуть на диванъ. Но взбунтовавшееся воображеніе и тутъ не укрощаетъ своей дѣятельности, а только избираетъ другую болѣе легкую тэму.

— Умная женщина была маменька, Арина Петровна, фантазируетъ Порфирій Владимірычъ:—умѣла и спросить, да и приласкать умѣла—отъ того и служили ей всѣ съ удовольствіемъ? Илья, Вавила, Филиппъ—всѣ у нея въ школѣ воспитывались! русскій мужичокъ умный! а коли ежели съ него за дѣло спрашиваютъ, онъ нетолько претензіи на это не имѣетъ, а даже благодаренъ! Ты спрашивать спрашивай, да только знай, за что̀ спрашиваешь! А вотъ, ежели «подай то̀, невѣдомо что̀, да ступай туда, невѣдомо куда!»—ну, за это мужичокъ спасибо не скажетъ! Ахъ, умѣючи, да и какъ еще умѣючи надо съ русскимъ мужичкомъ обойтись!

Всѣмъ хороша была Арина Петровна, однако, и за ней грѣшки водились! Ой, много было за покойницей блохъ! такъ много, такъ много!

Не успѣлъ Іудушка помянуть объ Аринѣ Петровнѣ, а она ужь и тутъ какъ тутъ; словно чуетъ ея сердце, что она отвѣтъ должна дать: сама къ милому сыну изъ могилы явилась.

— Не знаю, мой другъ, не знаю, чѣмъ я передъ тобой провинилась! ка̀къ-то уныло говоритъ она:—кажется, я...

— Те-те-те, голубушка! лучше ужь не грѣшите! безъ церемоніи обличаетъ ее Іудушка:—коли на то пошло, такъ я все передъ вами сейчасъ выложу! Почему вы, напримѣръ, тётеньку Варвару Михайловну въ ту пору не остановили?

— Ка̀къ же ее останавливать! она и сама въ полныхъ лѣтахъ была, сама имѣла право распоряжаться собою!

— Ну, нѣтъ-съ, позвольте-съ! Мужъ-то какой у нея былъ? Старенькій, да пьяненькій—ну, самый, самый, значитъ... без-

плодный! А между тѣмъ, у ней четверо дѣтей проявилось... откуда, спрашиваю я васъ, эти дѣти взялись?

— Что это̀, другъ мой, ка̀къ ты странно говоришь! какъ будто бы я въ этомъ причинна!

— Причинны, не причинны, а все-таки повліять могли! Смѣшко̀мъ бы да шуточкой, «голубушка» да «душенька», да то бы да сё—смотришь, она бы и посовѣстилась! А вы все напротивъ! На дыбы да съ кандачка! Варька да Варька, да подлая, да безстыдная! чуть не со всей окру̀гой ее перевѣнчали! вотъ, она и того... и она тоже на дыбы встала! Жаль! Горюшкино-то наше бы теперь было.

— Далось тебѣ это Горюшкино! говоритъ Арина Петровна, очевидно, становясь втупикъ передъ обвиненіемъ сына.

— Мнѣ что̀ Горюшкино! Мнѣ, пожалуй, и ничего не надо! Было бы на свѣчку, да на маслице — вотъ я и доволенъ! А вообще, по справедливости... Да̀, маменька, и радъ бы смолчать, а не сказать не могу: большой грѣхъ на вашей душѣ лежитъ, очень, очень большой!

Арина Петровна уже ничего не отвѣчаетъ, а только руками разводитъ, не то подавленная, не то недоумѣвающая.

— Вѣдь, Горюшкино, это—какое имѣнье! продолжаетъ фантазировать Порфирій Владимірычъ: — арбузы тамъ какіе въ парникахъ выхаживали... диковинные! по пуду да по полтора арбузъ, а меньше тридцати фунтовъ и не видывали! Самъ папенька покойникъ говаривалъ: дыни—головлевскія; арбузы—горюшкинскіе! А папенька былъ знатокъ. Любилъ, покойникъ, покушать и толкъ зналъ! Да̀, голубушка, согрѣшили вы въ ту пору, не потрафили! Ахъ, ка̀къ въ этихъ дѣлахъ осторожно слѣдуетъ поступать! ну, такъ осторожно! такъ осторожно! А вы... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! и люди за это васъ не похвалятъ, да и Богъ спасибо не скажетъ!

Порфирій Владимірычъ на минуту умолкаетъ, словно любуется смущеніемъ добраго друга маменьки.

— Или бы вотъ, напримѣръ, другое дѣло, продолжаетъ онъ:— зачѣмъ вы для брата Степана въ ту пору домъ въ Москвѣ покупали? [1]

— Надо было, мой другъ; надо же было и ему какой-нибудь кусокъ выбросить, оправдывается Арина Петровна.

— А онъ взялъ да и промоталъ его! И добро бы вы его не знали: и буянъ-то онъ былъ, и сквернословъ, и непочтительный—нѣтъ таки. Да еще папенькину вологодскую деревеньку

[1] См. разсказъ «Семейный судъ».

хотѣли ему отдать! А деревенька-то какая! вся въ одной межѣ, ни сосѣдей, ни черезполосицы, лѣсокъ хорошенькій, озерцò... стоитъ, какъ облупленное яичко, Христосъ съ ней! хорошо, что я въ то время случился, да воспрепятствовалъ... Ахъ, маменька, маменька, и не грѣхъ это вамъ!

— Да, вѣдь, сынъ онъ... пойми, все-таки—сынъ!

— Знаю я, и даже очень хорошо понимаю! И, все-таки, не нужно было этого дѣлать, не слѣдовало! Домъ-то двѣнадцать тысячъ серебрецомъ заплаченъ—и гдѣ они? Вотъ тутъ двѣнадцать тысячъ плакали, да Горюшкино тётеньки Варвары Михайловны, бѣдно-бѣдно, тысячъ на пятнадцать оцѣнить нужно.. Анъ денегъ-то и многонько выйдетъ!

— Ну, да ужь что̀ ужь! за то тебя Богъ въ другомъ во всемъ благословилъ!

— Я не объ себѣ: я тружусь! Я, вотъ, съ утра до вечера... и конторщика, и скотницу, и ключницу... вы думаете—мало мнѣ это трудовъ сто̀итъ? Но потому-то именно я и имѣю право говорить, что тружусь! Кабы я не трудился, я бы не говорилъ... А почему такъ? а потому, голубушка, что всякій тогда бы сказалъ: ты самъ шалберничаешь, такъ какое же ты имѣешь основаніе за другими замѣчать? А вотъ, какъ посидишь, да покорпишь, такъ оно и жалконько! Ты-то трудился, а рядомъ, видишь, люди безъ труда въ свое удовольствіе живутъ! А еще другіе находятся, которые потакаютъ имъ.

— Такъ неужто же меня-то можно потаковщицей назвать?

— Никогда я этого, маменька, не говорилъ! и въ мысляхъ никогда у меня не было васъ потаковщицей называть! ахъ, маменька! маменька! грѣшите вы! напраслину на меня взводите! Я, кажется, кромѣ уваженія да ласки...

— Ну, ну, полно! ужь перестань! не сердись, Христа ради!

— Я, маменька, не сержусь, я только по справедливости сужу̀... что̀ правда, то правда—терпѣть не могу лжи! съ правдой родился, съ правдой жилъ, съ правдой и умру! И всегда скажу правду, хоть, можетъ быть, она и не для всѣхъ пріятна! Правду и Богъ любитъ, да и намъ велитъ любить. Вотъ, хоть бы про Погорѣлку; всегда скажу; много, ахъ, ка̀къ много денегъ вы извели на устройство ея.

— Да, вѣдь, я сама въ ней жила...

Іудушка очень хорошо читаетъ на лицѣ маменьки слова̀: кровопивецъ ты несуразный! — но дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

— Нужды нѣтъ, что жила, а все-таки... Кіотка-то и до сихъ поръ въ Погорѣлкѣ стоитъ, а чья она? Лошадь, савраска—тоже;

шкатулочка чайная... самъ собственными глазами еще при папенькѣ въ Головлевѣ ее видѣлъ! а вещичка-то хорошенькая!

— Ну, что̀ ужь!

— Нѣтъ, маменька, не говорите! оно, конечно, съ разу невидно, однако, ка̀къ тутъ рубль, да въ другомъ мѣстѣ—полтина, да въ третьемъ — четвертачёкъ... Ка̀къ посмотришь, да поглядишь... Да, впрочемъ, позвольте, я лучше сейчасъ все на цифрахъ прикину! Цифра—святое дѣло; она ужь не солжетъ!

Порфирій Владимірычъ опять устремляется къ столу, чтобъ привести, наконецъ, въ полную ясность, какіе убытки ему нанесла добрый другъ маменька. Онъ стучитъ на счетахъ, выводитъ на бумагѣ столбцы цифръ—словомъ, готовитъ все, чтобъ изобличить Арину Петровну. Но, къ счастію для послѣдней, колеблющаяся его мысль не можетъ долго удержаться на одномъ и томъ же предметѣ. Незамѣтно для него самого, къ нему подкрадывается новый предметъ стяжанія и, словно какимъ волшебствомъ, даетъ его мысли совсѣмъ иное направленіе. Фигура Арины Петровны, еще за минуту передъ тѣмъ такъ живо мелькавшая у него въ глазахъ, вдругъ окунулась въ омутѣ забвенія, и слѣдомъ за нею туда же исчезаютъ и Илья-староста, и Вавила, и Филиппъ. Цифры смѣшались...

Давно ужь собирался Порфирій Владимірычъ высчитать, что̀ можетъ принести ему полеводство, и вотъ теперь наступилъ самый удобный для этого моментъ. Онъ знаетъ, что мужикъ всегда нуждается, всегда ищетъ занять и всегда же отдаетъ безъ обмана, съ лихвой. Въ особенности щедръ мужикъ на наличный свой трудъ, который «ничего не сто̀итъ», и на этомъ основаніи всегда, при разсчетахъ, принимается ни во что̀, въ знакъ любви. Много таки на Руси нуждающагося народа, ахъ, какъ много! Много людей, не могущихъ опредѣлить сегодня, что̀ ждетъ ихъ завтра, жизнь или смерть, много такихъ, которые куда бы ни обратили тоскливые взоры — вездѣ видятъ только безнадежную пустоту, вездѣ слышатъ только одно слово: отдай! отдай! И вотъ, вокругъ этихъ-то безнадежныхъ людей, около этой-то перекатной голи, на которой, и споконъ вѣковъ воочію разыгрывается фокусъ неистощимой мужицкой спины, стелетъ Іудушка свою безконечную паутину, по временамъ, переходя въ какую-то неистовую фантастическую оргію.

На дворѣ апрѣль, и мужику, по обыкновенію, нѐчего ѣсть. «Проѣлись, голубчики! зиму-то пропраздновали, а къ веснѣ и животы подвело!» разсуждалъ Порфирій Владимірычъ самъ съ собою, а онъ, какъ нарочно, только-только всѣ счеты по прошлогоднему полеводству въ ясность привелъ. Въ февралѣ были об-

молочены послѣднія скирды хлѣба, въ мартѣ зерно лежало ссыпанное въ закромà, а на-дняхъ вся наличность уже разнесена по книгамъ въ соотвѣтствующія графы. Іудушка стоитъ у окна и поджидаетъ. Вотъ вдали, на мосту, показался въ тележёнкѣ мужикъ Фока. На поверткѣ въ Головлево онъ кàкъ-то торопливо задергалъ возжами и, за неимѣніемъ кнута, пугнулъ рукой лошадь, еле передвигающую ноги.

— Сюда! шепчетъ Іудушка: — ишь у него лошадь-то! кàкъ только жива! А покормить ее съ мѣсяцъ, другой—ничего животокъ будетъ! Рубликовъ двадцать пять, а не то и всѣ тридцать отдать за нее.

И онъ слѣдитъ за Фокиной лошадью, словно въ книгахъ судебъ давнымъ давно ужо записано, что, рано или поздно, а не миновать-таки ей головлевскихъ конюшень.

Между тѣмъ, Фока подъѣхалъ къ людской избѣ, привязалъ къ изгороди лошадь, подкинулъ ей охапку сѣнной трухи и черезъ минуту уже переминается съ ноги на ногу въ дѣвичьей, гдѣ Порфирій Владимірычъ имѣетъ обыкновеніе принимать подобныхъ просителей.

— Ну, другъ! чтò скажешь хорошенькаго? начинаетъ Порфирій Владимірычъ.

— Да вотъ, сударь, ржицы бы...

— Чтò такъ! свою-то, видно, ужь съѣли? Ахъ, ахъ, грѣхъ какой! Вотъ кабы вы поменьше водки пили, да побольше трудились, да Богу молились, и землица-то это бы чувствовала! Гдѣ ныньче зерно—смотришь, анъ въ ту пору два или три получилось бы! Занимать-то бы и не надо!

Фока какъ-то нерѣшительно улыбается, вмѣсто отвѣта.

— Ты думаешь, Богъ-то далеко, такъ онъ и не видитъ? продолжаетъ морализировать Порфирій Владимірычъ:—анъ Богъ-то—вотъ онъ, онъ. И тамъ, и тутъ, и вотъ съ нами, покуда мы съ тобой говоримъ—вездѣ онъ! И все онъ видитъ, все слышитъ, только дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ. Пускай, молъ, люди своимъ умомъ поживутъ; посмотримъ, будутъ ли они меня помнить! А мы этимъ пользуемся, да, вмѣсто того, чтобъ Богу на свѣчку изъ достатковъ своихъ удѣлить, мы—въ кабакъ, да въ кабакъ! Вотъ за это за самое и не подаетъ намъ Богъ ржицы—такъ ли, другъ?

— Это ужь чтò говорить! Это такъ точно!

— Ну, такъ вотъ видишь ли, и ты теперь понялъ. А почему понялъ? потому что Богъ милость свою отъ тебя отвратилъ. Уродись у тебя ржица, ты бы и опять фордыбачить сталъ, а вотъ кàкъ Богъ-то...

— Справедливо это, и кабы, ежели мы...

— Постой! дай я скажу! И всегда такъ бываетъ, другъ, что Богъ забывающимъ его напоминаетъ объ себѣ. И роптать мы на это не должны, а должны понимать, что это для нашей же пользы дѣлается. Кабы мы Бога помнили, и онъ бы объ насъ не забывалъ. Всего бы намъ подалъ: и ржицы, и овсеца, и картофельку—нà, кушай! И за скотинкой бы за твоей наблюлъ—вишь, лошадь-то у тебя! въ чемъ только духъ держится! и птицѣ, ежели у тебя есть, и той бы настоящее направленіе далъ!

— И это вся ваша правда, Порфирій Владимірычъ.

— Бога чтить, это—первое, а потомъ—старшихъ, которые отъ самихъ царей отличіе получили, помѣщиковъ, напримѣръ.

— Да мы, Порфирій Владимірычъ, и то, кажется...

— Тебѣ, вотъ, «кажется», а поразмысли, да посуди—анъ, можетъ, и не такъ на повѣрку выйдетъ. Теперь, какъ ты за ржицей ко мнѣ пришелъ, грѣхъ сказать! очень ты ко мнѣ почтителенъ и ласковъ; а въ позапрошломъ году, помнишь, когда жнеи мнѣ понадобились, а я къ вамъ, къ мужичкамъ, на поклонъ пришелъ? помогите, молъ, братцы, вызвольте! вы чтò на мою просьбу отвѣтили? Самимъ, говорятъ, жать надо! Ныньче, говорятъ—не прежнее время, чтобъ на господъ работать, ныньче—воля! Воля, а ржицы нѣтъ!

Порфирій Владимірычъ учительно взглядываетъ на Фоку; но тотъ не шелохнется, словно оцѣпенѣлъ.

— Горды вы очень, отъ этого самаго вамъ и счастья нѣтъ. Вотъ, я, напримѣръ: кажется, и Богъ меня благословилъ, и Царь пожаловалъ, а я—не горжусь! Кàкъ я могу гордиться! чтò я такое! червь! козявка! тьфу! А Богъ-то взялъ, да за смиренство за мое и благословилъ меня! И самъ милостію своею взыскалъ, да и Царю внушилъ, чтобы меня пожаловалъ. И сталъ я человѣкомъ. Полегоньку, да помаленьку, миркòмъ, да ладкомъ, былъ червь, а сдѣлался человѣкъ! И не горжусь!

— Я такъ, Порфирій Владимірычъ, мекаю, что прежде, при помѣщикахъ, не въ примѣръ лучше было! льститъ Фока.

— Дà, братъ, было и ваше времячко! попраздновали, пожили! Всего было у васъ: и ржицы, и сѣнца, и картофельцу! Ну, да чтò ужь старое поминать! я не злопамятенъ; я, братъ, давно объ жнеяхъ позабылъ, да только такъ, къ слову вспомнилось! Такъ, кàкъ же ты говоришь, ржицы тебѣ понадобилось?

— Дà, ржицы бы...

— Купить, чтò ли, собрался?

— Гдѣ купить! въ одолженіе, значитъ, до новой!

— Ахъ-ти-хти! Ржица-то, другъ, ныньче кусается! Не знаю ужь, кàкъ и быть мнѣ съ тобой...

Порфирій Владимірычъ впадаетъ въ минутное раздумье, словно и дѣйствительно не знаетъ, кàкъ ему поступить: «и помочь человѣку хочется, да и ржица кусается»...

— Можно, мой другъ, можно и во одолженіе ржицы дать, наконецъ, говоритъ онъ:—да, признаться сказать, и нѣтъ у меня продажной ржи: терпѣть не могу божьимъ даромъ торговать! Вотъ, въ одолженіе—это такъ, это я съ удовольствіемъ. Я, братъ, вѣдь, помню: сегодня я тебя одолжу, а завтра — ты меня одолжишь! Сегодня у меня избытокъ — бери, одолжайся! четверть хочешь взять—четверть бери! осьминка понадобилась — осьминку отсыпай! А завтра, можетъ быть, такъ дѣло повернетъ, что и мнѣ у тебя подъ окошкомъ постучать придется: одолжи, молъ, Фокушка, ржицы осьминку—ѣсть нѐчего!

— Гдѣ ужь! пойдете вы, сударь, вы...

— Я-то не пойду, а къ примѣру... И не такіе, другъ, повороты на свѣтѣ бываютъ! Вонъ, въ газетахъ пишутъ: какой столбъ Наполеонъ былъ, да и тотъ прогадалъ, не потрафилъ. Такъ-то, братъ. А коли ежели я тебя въ свое время одолжилъ—ну, и ты мнѣ не откажешь: извольте, скажешь, Порфирій Владимірычъ, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. Сколько же тебѣ требуется ржицы-то?

— Четвертцу бы, коли милость ваша будетъ.

— Можно и четвертцу. Только зараньше я тебѣ говорю: кусается, другъ, ныньче рожь, куда какъ кусается! Такъ вотъ кàкъ мы съ тобой сдѣлаемъ: я тебѣ шесть четверичковъ отмѣрить велю, а ты мнѣ, черезъ четыре мѣсяца, два четверичка прѝполнцу отдашь—такъ оно четвертца въ аккуратъ и будетъ! Процентовъ я не беру, а отъ избытка ржицы...

У Фоки даже духъ занялся отъ іудушкинова предложенія; онъ ничего не говоритъ, только лопатками шевелитъ, да подъ мышками пальцами рукъ сучитъ.

— Не многовато ли прѝполну-то будетъ, сударь? наконецъ, произноситъ онъ, очевидно робѣя.

— А много—такъ къ другимъ обратись! Я, другъ, не неволю, а отъ души предлагаю. Не я за тобой посылалъ, самъ ты меня нашелъ. Ты—съ запросцемъ, я—съ отвѣтцемъ. Ни я тебя нудить одолжаться не могу, ни ты меня нудить одолжаться не можешь. Такъ-то, другъ!

— Такъ-то такъ, да словно бы прѝполну-то ужь много?

— Ахъ, ахъ, ахъ! А я еще думалъ, что ты—справедливый мужикъ, степенный! Ну, а мнѣ-то, скажи, чѣмъ жить прика-

жешь? Я-то откуда расходы свои долженъ удовлетворять? Вѣдь, у меня сколько расходовъ—знаешь ли ты? Конца краю, голубчикъ, расходамъ у меня не видно. Я и тому дай, и другаго удовлетвори, и третьему вынь, да положь! Всѣмъ надо, всѣ Порфирій Владимірычa теребятъ, а Порфирій Владимірычъ отдувайся за всѣхъ! Опять и то: кабы я купцу рожь продалъ—я бы денежки сейчасъ на столъ получилъ. Деньги, братъ—святое дѣло. Съ деньгами накуплю я себѣ билетовъ, положу въ вѣрное мѣсто и стану получать съ нихъ проценты! Ни заботушки мнѣ, ни горюшка, отрѣзалъ купончикъ—пожалуйте денежки! А за рожью-то я еще походи, да похлопочи около нея, да постарайся! Сколько ея усохнетъ, сколько на рòзсыпь пойдетъ, сколько мышь съѣстъ! Нѣтъ, братъ, деньги—кàкъ можно! И давно бы мнѣ за умъ взяться пора! давно бы въ деньги все обратить, да и уѣхать отъ васъ!

— А вы съ нами, Порфирій Владимірычъ, поживите.

— И радъ бы, голубчикъ, да силъ моихъ нѣтъ. Кабы прежнія силы, конечно, еще пожилъ бы, повоевалъ бы. Нѣтъ! пора, пора на покой! Уѣду отсюда къ Троицѣ-Сергію, укроюсь подъ крылышко угоднику—никто и не услышитъ меня. А ужь мнѣ-то кàкъ хорошо будетъ: мирно, честно, тихо, ни гвалту, ни свары, ни шума—точно на небеси!

Словомъ сказать, кàкъ не вертится Фока, а дѣло слаживается кàкъ хочется Порфирію Владимірычу. Но этого мало: въ самый моментъ, когда Фока ужь согласился на условія займа, является на сцену какая-то Шелепиха. Тàкъ, пустошонка лядящая, съ десятинку покосцу, да и то врядъ ли... Такъ вотъ бы...

— Я тебѣ одолженіе дѣлаю и ты меня одолжи, говоритъ Порфирій Владимірычъ: — это—ужь не за проценты, а такъ, въ одолженіе! Богъ за всѣхъ, а мы другъ по дружкѣ! Ты десятинку-то шутя скосишь, а я тебя напредки попомню! я, братъ, вѣдь просто! Ты мнѣ на рубликъ послужишь, а я...

Порфирій Владимірычъ встаетъ и, въ знакъ окончанія дѣла, молится на церковь. Фока, слѣдуя его примѣру, тоже крестится.

Фока исчезъ; Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги, вооружается счетами, и цифры такъ и прыгаютъ подъ его проворными руками. Сколько у него десятинъ ржи засѣвается? сколько получается отъ нихъ приплода (кстати: вездѣ ужь десять лѣтъ кряду неурожай, только у него, Іудушки, всего, съ божьей помощью, вдвое, да втрое родится)? сколько отъ приплода прйполну получится, ежели весь урожай, такъ же, какъ Фокѣ, въ долгъ до новой ржи раздавать?

И, за всѣмъ тѣмъ, всѣ его уважаютъ, всѣ даже удивляются, кàкъ онъ такой снисходительный процентъ беретъ! И начальство объ этомъ знаетъ, самъ царь провѣдалъ.

Мало-по-малу, начинается цѣлая оргія цифръ. Весь міръ застилается въ глазахъ Іудушки, словно дымкой; съ лихорадочною торопливостью переходитъ онъ отъ счётовъ къ бумагѣ, отъ бумаги къ счётамъ. Цифры ростутъ, ростутъ...

Наконецъ, все разомъ завертѣлось, смѣшалось и исчезло. Порфирій Владимірычъ прислонилъ голову къ спинкѣ кресла и дремлетъ. И снится ему, что призываетъ его къ себѣ директоръ департамента, въ которомъ онъ когда-то служилъ и говоритъ:

— Простите меня, Порфирій Владимірычъ, обидѣлъ я васъ! Вамъ слѣдовало бы, по всѣмъ правамъ, мѣсто вице-директора предоставить, а я Козелкова назначилъ! Но теперь все это исправлено. Поздравляю васъ вице-директоромъ, а Козелковъ, какъ неоправдавшій моего довѣрія, уже отрѣшонъ мною отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять!

Н. Щедринъ.

ЖАКЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ НРАВЫ.

Альфонса Додэ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Кочегаръ.

Два года прошло послѣ того, какъ Зинаида вышла замужъ и какъ Жакъ былъ героемъ трагическаго происшествія. Что̀ дѣлалъ онъ въ эти два года? Онъ не переставалъ трудиться и постепенно прошелъ тотъ путь, который приводитъ ученика къ знанію и заработной платѣ. Онъ научился ковать желѣзо; руки его загрубѣли, умъ также. Вечеромъ, онъ, измученный, бросается на постель и тотчасъ же засыпаетъ, а на слѣдующее утро опять начинаетъ то же безцѣльное, однообразное, чуждое всякихъ развлеченій существованіе. Къ кабаку онъ получилъ отвращеніе со времени своей знаменитой нантской поѣздки. Въ домѣ Рудиковъ царствуетъ уныніе. Онъ словно весь опустѣлъ съ отъѣздомъ Зинаиды, какъ опустѣла ея комната въ тотъ день, когда изъ нея вынесли огромный шкапъ, заключавшій въ себѣ приданое толстухи. Г-жа Рудикъ никуда не выходитъ и все сидитъ у окна, занавѣски котораго постоянно спущены—она уже теперь никого не ждетъ, сидитъ равнодушная, апатическая, оставляя жизнь свою течь, какъ кровь изъ открытой раны. Одинъ только Рудикъ сохранилъ свою прежнюю ясность, говорящую о спокойной совѣсти. Событій въ жизни Жака никакихъ ровно. Послѣдняя зима была очень сурова. Луара залила почти весь островъ, и часть его оставалась подъ водой цѣлыхъ четыре мѣсяца. При-

ходилось работать въ сырости, вдыхать въ себя туманъ и болотные міазмы. Жакъ много кашлялъ и не разъ лежалъ въ лихорадкѣ въ больницѣ; но все это—не событія. Отъ времени до времени, получалось письмо изъ Этіоля, очень нѣжное, когда мать писала его тайкомъ, холодное и наставительное, когда ей диктовалъ поэтъ. Д'Аржантону всегда отводилось въ нихъ много мѣста. Такимъ образомъ, Жакъ узналъ изъ нихъ, что «Дочь Фауста» была окончена и прочитана актёрамъ Théâtre Français и что эти невѣжи осмѣлились единогласно отвергнуть ее, чѣмъ, разумѣется, навлекли на себя «жестокое слово». Другой важной новостью было примиреніе съ Моронвалемъ, который, являясь по воскресеньямъ обѣдать въ Ольховку, привозилъ съ собою «маленькія знойныя страны», очень пугавшія старуху Аршамбо.

Моронваль, Маду, гимназія—какъ все это было теперь далеко отъ Жака и какъ мало теперешній Жакъ, долговязый, худой, съ красными пятнами на лицѣ, съ согнутой спиной, съ высокими плечами, рѣзко выступавшими подъ блузой, походилъ на тогдашняго бѣлокураго, нѣжнаго, розоваго ребёнка! Предсказанія Ривальса оправдывались: не разстоянія, а общественныя различія—вотъ что всего болѣе отдаляетъ! Воспоминаніе объ этихъ добрыхъ Ривальсахъ причиняло Жаку также не мало горя. Онъ сохранилъ въ своемъ сердцѣ безконечную благодарность къ старому доктору и нѣжную дружбу къ маленькой Сесили, и въ первый день новаго года всегда писалъ имъ длинныя письма. Но вотъ уже два раза, какъ онъ не получалъ на свои письма отвѣта. Почему? Что могъ онъ сдѣлать этимъ-то людямъ? Одна мысль поддерживала Жака во всѣхъ его невзгодахъ: «Добывай средства къ жизни. Ты будешь нуженъ своей матери». Но, къ несчастью, при всей доброй волѣ, онъ не могъ заработать болѣе трехъ франковъ въ день. На эти деньги онъ долженъ былъ содержать себя: ѣсть и пить, одѣваться, платить за квартиру. А что если мать вдругъ напишетъ ему: «я ѣду; я хочу жить съ тобою»...

Однажды Рудикъ сказалъ ему:

— Ты здѣсь никогда ничего не добьешься, мальчуга (Рудикъ продолжалъ называть Жака мальчугой, хотя тотъ давно переросъ его):—твои родители напрасно меня не послушали; у тебя нѣтъ «дара». Ты не рожденъ для подпилка и вѣчно будешь сидѣть у насъ на черной работѣ, а этимъ не много добудешь. Попыталъ бы ты счастья въ другомъ мѣстѣ. Вотъ, къ намъ на-дняхъ приходилъ Бланше, главный механикъ на «Цидиѣ»; онъ искалъ кочегаровъ... если эта должность тебя не пугаетъ, я бы, пожалуй, рекомендовалъ тебя. Тамъ ты будешь

получать шесть франковъ въ день на всемъ на готовомъ и поѣдешь вокругъ свѣта. Работа, конечно, нелегкая, но; вѣдь, другіе выносятъ же... Я самъ два года былъ кочегаромъ... и видишь, живъ, слава Богу. Ну, что̀-жь? хочешь, чтобъ я сказалъ Бланше?

— Да̀, г. Рудикъ. Это, кажется, будетъ лучше, отвѣчалъ Жакъ.

Мысль, что онъ будетъ получать двойную плату, и любовь къ путешествіямъ, жившая въ немъ съ самаго дѣтства, благодаря исторіямъ Маду и разсказамъ доктора Ривальса, заставили его согласиться. Должность кочегара, которою оканчивали всѣ плохіе кузнецы, всѣ неудачники молота и наковальни, требовала только стойкости и крѣпкаго сложенія.

Онъ покинулъ заводъ Эндрѐ въ одно іюльское утро, ровно черезъ четыре года послѣ своего поступленія туда. Погода, какъ и тогда, стояла прекрасная, и съ палубы парохода, на которомъ Жакъ ѣхалъ съ Рудикомъ, открывался великолѣпный видъ. При каждомъ поворотѣ колеса, рѣка расширялась, отодвигая, отталкивая изо всѣхъ силъ свои берега какъ бы для того, чтобъ ей было просторнѣе нести свои волны въ море. Воздухъ свѣжѣлъ; берега, по мѣрѣ того, какъ они отдалялись другъ отъ друга, становились площе, деревья—ниже... Тамъ и сямъ блестѣли вдали пруды, дымились торфяныя ямы. Тысячи чаекъ и рыболововъ кружились надъ водой, скользили по ней крыльями, испуская крикъ, похожій на дѣтскій. Но все это исчезало, терялось съ приближеніемъ къ безконечному океану, нетерпящему никакого величія подлѣ своего собственнаго, такъ же, какъ никакой растительности на своихъ берегахъ.

Жакъ никогда не видѣлъ моря. Этотъ свѣжій, пропитанный солью воздухъ опьянилъ его, пробудилъ въ немъ еще сильнѣйшее желаніе путешествовать.

На пристани имъ сказали, что «Циднъ», большой steamer трансатлантической компаніи, отходитъ черезъ два или три часа. Имъ нѐкогда было разсмотрѣть городъ, гдѣ, по случаю базарнаго дня, замѣчалось большое оживленіе. Вся набережная была заставлена корзинами съ плодами, съ зеленью, съ дичью. Бретонскіе крестьяне и крестьянки стояли въ рядъ позади своихъ припасовъ, спокойно и молчаливо выжидая покупателей. Никакой суеты, никакого зазыванья прохожихъ. Въ противоположность имъ, толпа разносчиковъ съ разными мелочами: съ галстухами, кольцами, булавками, портмонэ, сновала взадъ и впередъ, шумно предлагая каждому свой товаръ. Матросы всѣхъ странъ, жены рабочихъ или служащихъ въ компаніи торопи-

лись дѣлать закупки. Тутъ же и поваръ «Цидна» закупалъ для экипажа провизію. Отъ него Рудикъ узналъ, что Бланшѐ поджидалъ ихъ и что кочегаровъ не доставало на «Циднѣ».

— Скорѣй, Жакъ, скорѣй, мы опоздали! говорилъ Рудикъ.

Они прыгнули въ лодку и поѣхали, огибая огромныя судà, тѣснившіяся на рейдѣ. Тутъ были трансатлантическіе пароходы и прибывшіе изъ Калькутты англійскіе корабли, съ своими многоэтажными каютами. Они ѣхали между этими мрачными, неподвижными массами, гдѣ вода была темна, какъ въ каналѣ, прорѣзывающемъ городъ—словно между высокими стѣнами, увѣшанными цѣпями и мокрыми канатами. Вотъ, наконецъ, и «Циднъ», стоящій подъ парами, въ ожиданіи прилива. Маленькій, худощавый человѣкъ безъ сюртука и съ галуномъ на фуражкѣ что-то кричалъ Рудику и Жаку, лодка которыхъ причалила къ судну. Словъ его нельзя было различить посреди шума и толкотни, обыкновенно предшествующихъ отправленію; но жесты были очень краснорѣчивы. Это былъ Бланшѐ, старшій механикъ, котораго люди его называли «Моко». Когда багажъ былъ сваленъ въ трюмъ и на палубѣ нѣсколько стихло, голосъ Моко раздался снова:

— Торопитесь же, черти, кричалъ онъ съ южнымъ акцентомъ:— я ужь думалъ, что вы меня надули!

— Это—моя вина, старичина, моя вина, отвѣчалъ Рудикъ.—Хотѣлось проводить мальчугана, а вчера было нѐкогда.

— Ну, ладно... Однакожь, великъ мальчуганъ-то твой... его нужно согнуть въ три погибели, чтобъ помѣстить въ кочегарной... пойдемте скорѣй...

Они спустились по узенькой витой лѣсенкѣ, съ перилами и потомъ по другой—безъ перилъ и совсѣмъ прямой, потомъ по третьей, по четвертой...

Жакъ, никогда не видѣвшій трансатлантическаго судна, былъ поражонъ его громадностью и глубиной. Они сошли въ пропасть, гдѣ, со свѣту, глазъ не могъ различить ни людей, ни предметовъ. Вокругъ нихъ была ночь—тёмная ночь рудниковъ, освѣщаемая тусклыми фонарями, прибитыми къ стѣнамъ, и душная. Послѣдняя лѣстница, по которой они спустились ощупью, вела въ машинную, гдѣ влажная, тяжелая теплота и сильный запахъ масла дѣлали воздухъ невыносимымъ. Здѣсь господствовала сильная дѣятельность. Механики, помощники, ученики ходили туда и сюда, осматривали машину, удостовѣрялись, всѣ ли отдѣльныя части ея въ исправности и свободно дѣйствуютъ. Котлы только-что наполнили, и они начинали сердито ворчать. Желѣзо, мѣдь, чугунъ блестѣли, сверкали смазанные масломъ. Жакъ съ

любопытствомъ разсматривалъ это чудовище. Много машинъ приходилось ему видѣть въ Эндре, но эта казалась ему ужаснѣе всѣхъ; онъ зналъ, что онъ долженъ будетъ ежеминутно, и днемъ и ночью, подходить къ ней и доставлять ей пищу. Термометры, монометры, компасъ, телеграфъ, передававшій приказанія сверху— виднѣлись тамъ и сямъ, освѣщенные большими лампами съ рефлекторами. Машинная оканчивалась очень узенькимъ, очень темнымъ маленькимъ корридоромъ. «Здѣсь камера для угля», сказалъ Бланшѐ, указывая на зіявшее въ стѣнѣ отверстіе, рядомъ съ которымъ находилось другое, гдѣ фонарь освѣщалъ нѣсколько коекъ и развѣшанное тряпье. Тутъ спали кочегары. Жакъ содрогнулся при видѣ этой спальни. Дортуаръ Моронваля, чердакъ Рудика казались дворцами въ сравненіи съ ней. «А вотъ кочегарная», прибавилъ Моко, толкнувъ ногой маленькую дверь. Представьте себѣ длинные катакомбы, озаренные краснымъ пламенемъ десятка топокъ. Полунагіе люди мѣшали въ печахъ, поддерживали огонь, обжигавшій ихъ лица, облитыя потомъ. Въ машинной задыхаешься, въ кочегарной горишь.

— Вотъ вамъ еще одинъ, сказалъ Бланшѐ, представляя Жака старшему кочегару.

— Это хорошо, отвѣчалъ тотъ, почти не оборачиваясь:—а то у меня не доставало людей.

— Ну прощай, мальчуганъ; дай тебѣ Богъ... сказалъ Рудикъ своему ученику, крѣпко пожавъ ему руку.

И Жакъ тотчасъ же принялся за работу. Нужно было выгребать золу въ корзины, выносить наверхъ и выбрасывать въ море. Обязанность трудная. Корзины тяжелы, лѣстницы круты, переходъ отъ чистаго воздуха къ удушливой атмосферѣ кочегарной— ужасенъ. Слазивши раза два, три, Жакъ почувствовалъ, что у него подкашиваются ноги. Онъ не въ силахъ былъ даже приподнять корзины и стоялъ поникшій, между тѣмъ какъ потъ лилъ съ него градомъ. Одинъ изъ кочегаровъ, видя его въ такомъ положеніи, принесъ ему фляжку въ водкой.

— Нѣтъ, благодарю; я не пью, произнесъ Жакъ.

Тотъ засмѣялся.

— Будешь пить, сказалъ онъ.

— Никогда! возразилъ Жакъ и, скорѣе вслѣдствіе усилія воли, нежели мускуловъ, выпрямился; потомъ взвалилъ тяжелую корзину себѣ нà спину и храбро полѣзъ на верхъ. Палуба, въ это время, представляла оживленное и живописное зрѣлище; маленькій пароходъ только-что привезъ пасажировъ, и они переходили на «Циднъ», торопились усаживаться. Тутъ слышались всевозможные языки; мелькали самые разнообразные костюмы.

Жакъ, опорожнивъ свою корзину, остановился посмотрѣть на эту пеструю толпу... Куда они ѣдутъ? Какая химера уноситъ ихъ? Какая холодная и жестокая дѣйствительность ожидаетъ ихъ по прибытіи?.. Въ особенности интересовала его одна молодая женщина, державшая за руку ребёнка. Эта парочка напомнила ему образы Иды и маленькаго Жака... когда они бывало гуляли вмѣстѣ. Женщина была вся въ черномъ; мальчикъ, одѣтый по-англійски, походилъ, какъ двѣ капли воды, на хорошенькаго крестника лорда Пимбока. Проходя мимо Жака, оба они сдѣлали движеніе, почти незамѣтное, но которое онъ понялъ... они остерегались, чтобъ ихъ не задѣлъ испачканнымъ сажей рукавомъ своимъ кочегаръ. И ему показалось въ это мгновеніе, что его прошлое, это милое прошлое—въ двухъ лицахъ, которое онъ призывалъ въ дни невзгодъ, отвергаетъ его, удаляется отъ него навсегда...

Крѣпкое словцо, сопровождаемое ударомъ кулака въ спину, прервало эти грустныя размышленія...

— Пойдешь ли ты на свое мѣсто, собака!

Это былъ голосъ Моко. Жакъ, не сказавъ ни слова, сошелъ внизъ, огорченный тѣмъ, что его при всѣхъ унизили. Въ ту минуту, какъ онъ входилъ въ кочегарную камеру, судно двинулось....

Внизу былъ адъ. Жака поставили къ одной изъ этихъ огненныхъ пастей, казалось вертѣвшихся вокругъ него. Онъ долженъ былъ поддерживать пламя, питать его, подбавлять угля, выгребать золу. Всего ужаснѣе при этомъ было то, что Жакъ, непривыкшій къ морю, не могъ твердо стоять на ногахъ, и его каждую минуту бросало къ самой топкѣ. Чтобы не упасть, онъ старался уцѣпиться за что̀-нибудь, и хваталъ раскаленные предметы, которые тотчасъ же выпускалъ изъ рукъ.

Однакожъ, онъ продолжалъ работать съ энергіей; но послѣ часовой пытки почувствовалъ, что глохнетъ и слѣпнетъ; что задыхается отъ прилива крови; что глаза его мутятся подъ обожженными рѣсницами, и онъ послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей: бросился, весь мокрый, подъ длинный холщевый рукавъ, служившій проводникомъ свѣжаго воздуха. Ухъ! ка̀къ славно! Но въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что ему словно накинули на плечи ледяной плащъ. Дыханіе остановилось у него отъ этого убійственнаго сквознаго вѣтра...

— Фляжку! крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ кочегару, предлагавшему ему водки.

— Изволь, товарищъ. Вѣдь, я зналъ, что это такъ будетъ.

Жакъ отхлебнулъ. Это былъ почти голый спиртъ; но онъ по-

казался ему чуть не прѣсной водой; до такой степени продрогъ бѣдняга. Когда онъ выпилъ, благотворная, внутренняя теплота сообщилась всѣмъ его нервамъ, всѣмъ мускуламъ... но, потомъ, онъ вдругъ ощутилъ жженіе въ пустомъ желудкѣ и, чтобъ потушить этотъ огонь принялся снова пить. Огонь внутри, огонь снаружи; алькоголь и уголья—такова должна быть отнынѣ жизнь его!

Это существованіе, походившее на пьяный, тяжелый, мучительный сонъ, продолжалось три года... Жакъ посѣтилъ много невѣдомыхъ ему странъ, носившихъ испанскія, итальянскія или французскія названія, но онъ не видѣлъ ни лазурныхъ небесъ, ни зеленѣющихъ острововъ, окруженныхъ фосфорическими волнами... Повсюду, одинаково сердито бушевало для него море и пылалъ адскій огонь; и, чѣмъ прекраснѣе были страны, тѣмъ ужаснѣе была кочегарная камера. Онъ приставалъ къ цвѣтущимъ берегамъ съ пальмовыми лѣсами, съ бананами, шумящими зеленой листвой, съ фіолетовыми холмами, съ бѣленькими домиками, крытыми бамбукомъ; но все это окрашивалось для него цвѣтомъ каменнаго угля. Вдоволь набѣгавшись босикомъ со своими корзинами, по раскаленнымъ зноемъ и залитымъ дегтемъ или сокомъ сахарнаго тростника, набережнымъ; вдоволь натаскавъ угольевъ, онъ или засыпалъ въ изнеможеніи тутъ же, на берегу, или отправлялся въ ближайшіе кабаки, походившіе на тѣ, которые, въ Нантѣ, были свидѣтелями его перваго пьянства. Тамъ онъ встрѣчался съ другими кочегарами, англичанами, малайцами, нубійцами, и, такъ какъ говорить было не о̀-чемъ, то принимались пить. При томъ же, кочегару пить необходимо. Это поддерживаетъ его существованіе. И Жакъ пилъ!

Одна свѣтлая точка продолжала блистать ему въ этомъ мракѣ; это—его мать. Теперь, когда онъ сталъ мужчиной, многія таинственныя стороны его мученической жизни выяснились для него. Его уваженіе къ Шарлоттѣ замѣнилось нѣжнымъ участіемъ, сожалѣніемъ; и онъ начиналъ любить ее, какъ любятъ тѣхъ, за кого страдаютъ или чью вину искупаютъ. Даже посреди этой безпутной жизни онъ не забывалъ своей цѣли и откладывалъ кое-что̀ изъ своего матросскаго жалованья.

Между тѣмъ, онъ переписывался съ матерью все рѣже и рѣже. Письма Шарлотты, длинныя и болтливыя, ожидавшія его на стоянкахъ, сообщали ему о вещахъ, столь чуждыхъ его новому положенію, что онъ читалъ ихъ только для того, чтобы слышать эту музыку, это отдаленное эхо, все еще не ослабѣвавшей нѣжности. Онъ узналъ изъ нихъ, что д'Аржантонъ переселился въ Парижъ и нанялъ квартиру на набережной des

Augustins, около Академіи. «Мы теперь въ самомъ центрѣ интеллигенціи, писала Шарлотта.—Уступая просьбамъ своихъ друзей, г. д'Аржантонъ рѣшился возвратиться въ Парижъ и основать литературный и философскій журналъ; предпріятіе это должно познакомить свѣтъ съ его произведеніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принести много денегъ, но еслибъ ты зналъ сколько хлопотъ сопряжено съ этимъ. Надо вести переговоры съ авторами, съ издателями... Г. Моронваль уже доставилъ намъ одну статью свою, очень интересную. Я тоже помогаю нашему бѣдному другу и, въ настоящую минуту, занята перепиской «Дочери Фауста». Ты счастливъ, мой другъ, что находишься вдали отъ всѣхъ этихъ тревогъ. Г. д'Аржантонъ боленъ. Ты, я думаю, ужь теперь сталъ совсѣмъ большой, мой Жакъ. Пришли мнѣ свою фотографію».

Нѣсколько времени спустя, въ Гаваннѣ, Жакъ нашелъ толстый пакетъ, адресованный на его имя: «Жаку де-Баранси, кочегару на «Циднѣ». Это былъ первый № д'аржантоновскаго журнала: «Revue des races futures». На оберткѣ напечатано было слѣдующее оглавленіе: «Что̀ мы теперь и чѣмъ мы будемъ». *Редакціи.* «Дочь Фауста», прологъ. — *Виконта д'Аржантона.* О воспитаніи въ колоніяхъ.—*Эвариста де-Моронваля.* Работникъ будущаго.—*Лабассендра.* Леченіе, посредствомъ благоуханій. — *Д-ра Гирша.* Нескромный вопросъ директору Оперы.—*Л.* Главный редакторъ виконтъ д'Аржантонъ». Кочегаръ машинально сталъ перелистывать, и вдругъ эти имена палачей его, красовавшіеся на сатинированной, нѣжнаго цвѣта, оберткѣ, привели его въ бѣшенство; сжимая кулаки, онъ вскричалъ въ своей мрачной трущобѣ: «О! подлецы, подлецы! Что̀ вы со мной сдѣлали!» Что̀-то гордое пробудилось въ немъ; но это было только на мигъ. Кочегарная и алькоголь взяли свое, и несчастный вскорѣ опять погрузился въ свою обычную апатію. Странное дѣло! По мѣрѣ того, какъ умъ его гасъ и воля слабѣла, тѣло его, возбуждаемое, поддерживаемое, питаемое алькоголемъ, казалось, все становилось крѣпче. Онъ также дѣятельно работалъ и былъ также твердъ на ногахъ во время опьяненія, какъ и тогда, когда онъ находился въ нормальномъ положеніи: до такой степени онъ пріучилъ себя къ яду. Даже на блѣдномъ лицѣ его нельзя было ничего прочесть. Онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ переносилъ и долгіе, однообразные дни плаванія, и часы борьбы съ разъяреннымъ океаномъ, которые въ кочегарной камерѣ казались еще ужаснѣе. Для него эти страшныя минуты сливались съ обыкновенными ночными снами, съ тревожными

видѣніями и кошмарами, осаждающими пьянаго человѣка, когда онъ спитъ.

Не во снѣ-ли почувствовалъ, однажды ночью, несчастный кочегаръ тотъ ужасный толчокъ, отъ котораго весь «Циднъ» пришелъ въ сотрясеніе? Трескъ, шумъ воды, врывавшейся въ камеру, частые электрическіе звонки, крикъ, бѣготня—не во снѣ-ли было все это? «Жакъ! Жакъ!» кричали ему товарищи, расталкивая его. Онъ вскочилъ полунагой. Машинное отдѣленіе почти залито водой. Фонари потухли, компасъ разбитъ; всѣ бѣгутъ, толкаются; ищутъ другъ друга въ потьмахъ, спрашиваютъ: что̀ такое̂? что̀ случилось?

— «Американецъ» наскочилъ на насъ... Мы идемъ ко дну... Спасайся кто можетъ! Но на верху, на узкой лѣстницѣ, къ которой бросились кочегары и механики, показался Моко съ револьверомъ въ рукѣ.

— Ни съ мѣста! Первому, кто выйдетъ отсюда—я разможжу черепъ! Назадъ! Къ топкамъ! Топи сильнѣй. Берегъ близко, мы еще можемъ добраться до него.

Каждый возвращается къ своему по̀сту и начинаетъ дѣйствовать съ всей энергіей отчаянія. Въ кочегарной—адъ. Печи накаливаются до невозможности. Желтый, вонючій дымъ отъ подмоченнаго угля ослѣпляетъ, душитъ рабочихъ, между тѣмъ какъ члены ихъ коченѣютъ отъ воды, которая все прибываетъ, ка̀къ ее ни выкачиваютъ. О! ка̀къ счастливы тѣ, кому придется умереть тамъ на верху, на чистомъ воздухѣ палубы. Здѣсь—смерть между двумя черными, чугунными стѣнами такъ страшна; она походитъ на самоубійство... парализированныя силы должны покорно склониться передъ ней. Все кончено. Трубы не дѣйствуютъ больше, фонари погасли, вода кочегарамъ по плечи; и на этотъ разъ самъ Моко кричитъ громовымъ голосомъ: «Спасайтесь, братцы!»

IX.

Возвращеніе.

Журналъ д'Аржантона существовалъ уже около полугода, и какихъ только оригинальныхъ фигуръ дворнику того дома, гдѣ жилъ поэтъ, ни приходилось за это время впускать къ нему. «У насъ бываютъ даже негры, даже китайцы», разсказывалъ своимъ товарищамъ почтенный Церберъ, вѣроятно, намекая на Моронваля, который являлся всегда въ сопровожденіи двухъ или

трехъ «знойныхъ странъ». Но не одинъ Моронваль посѣщалъ поэта. Квартира его сдѣлалась мѣстомъ сборища всѣхъ неудачниковъ парижскихъ и провинціальныхъ. Неудачникъ, основывающій журналъ, да еще журналъ съ деньгами, журналъ на акціяхъ—подумайте, какая благодать! Правда, что акціонеровъ было немного; до сихъ поръ ихъ нашлось только два: самъ д'Аржантонъ, натурально и... другъ нашъ Жакъ. Не смѣйтесь. Жакъ былъ, дѣйствительно, акціонеромъ. Въ книгахъ значилось, что онъ взялъ акцій на 10 тысячъ франковъ. Это были деньги «стараго друга», которыя Шарлотта должна была хранить у себя до совершеннолѣтія Жака. Она сначала совѣстилась пустить ихъ въ предпріятіе д'Аржантона, но убѣжденная его доводами, наконецъ, согласилась.

— Ты пойми, говорилъ онъ ей:—что, вѣдь, это—великолѣпное помѣщеніе для его денегъ. Я докажу тебѣ цифрами. Посмотри, какъ высоко стоятъ акціи Revue de Deux Mondes. Нѣтъ помѣщенія болѣе выгоднаго. Я не говорю тебѣ, чтобы мы въ первый же годъ получили такую прибыль; но, если мы получимъ даже вчетверо меньше, то, все-таки, это—лучше, нежели рента или желѣзныя дороги. Ты видишь, что я ни минуты не поколебался помѣстить сюда свои собственныя деньги.

Болѣе тридцати тысячъ израсходовалъ д'Аржантонъ на устройство редакціи, на наемъ квартиры, не говоря уже о гонорарѣ, выданномъ впередъ за ожидаемыя статьи. Въ настоящую минуту, отъ первоначальнаго фонда не оставалось ничего. Надо было снова обратиться къ акціонерамъ, какъ говорилъ д'Аржантонъ; этихъ акціонеровъ онъ изобрѣлъ для того, чтобы оградить себя отъ займовъ. Дѣло въ томъ, что, при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было поступленій, издержки были крайне обременительны. Независимо отъ помѣщенія редакціи, поэтъ нанялъ себѣ прекрасную квартиру съ балкономъ и великолѣпнымъ видомъ въ четвертомъ этажѣ того же дома. Здѣсь онъ могъ, по крайней мѣрѣ, дышать и жить. Это ужь было не захолустье, въ родѣ Ольховки. Онъ даже удивлялся, какъ это у него достало силъ выжить шесть лѣтъ въ такой глуши. Тамъ невозможно было работать; на него находила спячка, и онъ всѣ эти шесть лѣтъ сидѣлъ надъ одной «Дочерью Фауста», тогда какъ здѣсь, благодаря интеллектуальной средѣ, въ короткое время началъ множество этюдовъ, руководящихъ статей, разсказовъ...

Шарлотта раздѣляла лихорадочную дѣятельность своего поэта. Вѣчно юная и свѣжая, она смотрѣла за хозяйствомъ, что̀ было дѣломъ не совсѣмъ легкимъ по причинѣ большого количества

гостей, собиравшихся къ обѣду. Кромѣ того, она исполняла при немъ обязанности секретаря. У Шарлотты былъ прекрасный почеркъ, и поэтъ диктовалъ ей, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ. Каждый вечеръ, когда они обѣдали одни, раздавались въ старомъ, заснувшемъ домѣ его шаги, его торжественный голосъ.

— Вотъ писатель нашъ сочиняетъ, говорилъ почтительно дворникъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ д'Аржантонъ и Шарлотта находились въ прелестной маленькой гостиной, пропитанной благоуханіемъ зеленаго чая и пахитосъ. Шарлотта приготовлялась работать; она разставила на письменномъ столѣ усовершенствованную чернильницу, пеналъ изъ слоновой кости, золотистый песокъ и разложила щегольскую тетрадку, предварительно отогнувъ поля, что̀ было, впрочемъ, совершенно лишнее, потому что поэтъ не имѣлъ привычки дѣлать поправокъ. Д'Аржантонъ былъ ка̀къ-то особенно въ ударѣ и чувствовалъ себя расположеннымъ писать всю ночь. Нужно было приготовить сантиментальную повѣсть для приманки читателей, ко времени возобновленія подписки. Онъ терзалъ свои усы, начинавшіе сѣдѣть, и ждалъ вдохновенія. Но Шарлотта была далеко не въ такомъ хорошемъ настроеніи. Казалось, какое-то облако омрачило ея блестящіе глаза. Блѣдная и разсѣянная, но, какъ всегда, послушная, она, несмотря на видимую усталость, начала осторожно мокать въ чернильницу перо, поднявъ кверху мизинчикъ, какъ кошка, которая боится запачкать свои лапки.

— Ну, Лолотта, готова? Написано у тебя: глава первая?

— Глава первая, грустно произноситъ Шарлотта.

Поэтъ смотритъ на нее съ недовольнымъ видомъ; но онъ твердо рѣшился не разспрашивать ея о причинахъ этой печали и продолжаетъ: «Въ одной изъ уединенныхъ долинъ Пиренеевъ, этихъ Пиренеевъ, столь обильныхъ легендами... столь обильныхъ легендами»...

Это повтореніе фразы его восхищаетъ: онъ нѣсколько разъ произноситъ ее съ самодовольствіемъ и, наконецъ, обратясь къ Шарлоттѣ, спрашиваетъ:

— Ты поставила—«столь обильныхъ легендами»?

Она усиливается повторить: «столь об... обильныхъ»... но вдругъ останавливается... слезы прерываютъ ея голосъ.

Шарлотта плачетъ. Напрасно грызетъ она перо, напрасно сжимаетъ губы, чтобъ удержаться. Это выше силъ ея. И она плачетъ, плачетъ...

— Ну, вотъ! говоритъ д'Аржантонъ, озадаченный.—Какъ на-

рочно, когда я въ ударѣ... Да что̀ съ тобою? Это все «Циднъ» такъ тревожитъ тебя? Вздорный слухъ... ты знаешь, ка̀къ врутъ газеты. Имъ бы только чѣмъ-нибудь наполнить свои столбцы... Это случается чуть не каждый день, что о корабляхъ не получаютъ извѣстій... Впрочемъ, Гиршъ долженъ былъ нынче зайти въ компанію... онъ, вѣроятно, сейчасъ придетъ, и ты все узнаешь. Горевать всегда будетъ время...

Онъ говоритъ съ ней пренебрежительно, свысока, какъ говорятъ съ слабыми, съ дѣтьми, съ больными, съ сумасшедшими. Въ ней есть немножко всего этого.

Потомъ, успокоивъ ее, онъ спросилъ:

— Гдѣ мы остановились?.. Я совсѣмъ потерялъ нить. Прочитай все, что̀ я диктовалъ... все!

Шарлотта, подавивъ свои слёзы, повторяетъ въ десятый разъ: «въ одной изъ уединенныхъ долинъ Пиринеевъ, столь обильныхъ легендами...»

— Дальше...

— Это все...

Д'Аржантонъ изумленъ. Онъ думалъ, что было гораздо больше. Это съ нимъ всегда случается, когда онъ диктуетъ. Мысль страшно опережаетъ выраженіе; и все, что̀ находится у него въ мозгу, въ эмбріоническомъ состояніи, кажется ему уже формулированнымъ, осуществленнымъ. Увидѣвъ, ка̀къ мало онъ произвелъ онъ пришелъ въ ярость, чувствуя себя смѣшнымъ.

— Все ты виновата. Изволь тутъ работать, когда передъ тобой все время хнычутъ. Это ужасно! цѣлый міръ идей, концепцій... и потомъ ничего, ничего, никогда ничего... А между тѣмъ, годы идутъ, мѣста̀ занимаютъ... Ты непонимаешь, несчастная женщина, ка̀къ мало нужно, чтобы убить вдохновеніе! Вѣчно приходится наталкиваться на грубую дѣйствительность...

И онъ топалъ ногой, билъ кулакомъ по столу, между тѣмъ какъ Шарлотта, глотая слёзы, подбирала письменныя принадлежности, летѣвшія на полъ. Приходъ доктора Гирша положилъ конецъ этой прискорбной сценѣ, повторявшейся такъ часто, что всѣ атомы въ домѣ привыкли къ ней. Докторъ былъ не одинъ. Его сопровождалъ Лабассендръ. Оба вошли съ какой-то необычайной важностью и таинственностью; особливо пѣвецъ, привыкшій къ сценическимъ эффектамъ и какъ-то герметически сжимавшій губы, подымая вмѣстѣ съ тѣмъ голову, что̀, очевидно, означало: «я знаю нѣчто весьма важное; но ничто не можетъ заставить меня открыть вамъ это».

Д'Аржантонъ, все еще не пришедшій въ себя, не можетъ по-

нять, что̀ значатъ эти крѣпкія, таинственныя пожатія рукъ, молча расточаемыя его пріятелями.

— Ну, что̀, г. Гиршъ? нетерпѣливо спрашиваетъ Шарлотта.

— Все тотъ же отвѣтъ, сударыня:—никакихъ извѣстій.

Но, между тѣмъ какъ онъ говоритъ Шарлоттѣ «никакихъ извѣстій», глаза его изъ подъ выпуклыхъ очковъ даютъ понять д'Аржантону, что это—ложь и что есть извѣстія, самыя ужасныя извѣстія...

— Но что̀ же думаютъ въ компаніи, что̀ говорятъ тамъ? освѣдомляется мать, стараясь прочесть на этихъ лицахъ истину.

Лабассендръ путается въ длинныхъ, ничего не говорящихъ фразахъ, вовсе не успокоивающаго свойства. Но Гиршъ уже успѣлъ шепнуть д'Аржантону: «Циднъ» погибъ... пошелъ ко дну... у Зеленаго Мыса... Ужасно!..»

Усъ д'Аржантона дрогнулъ, но и только. На этомъ блѣдномъ, безстрастномъ лицѣ, ни одинъ мускулъ котораго не шевельнулся, трудно было прочесть, что̀ преобладало въ эту минуту въ душѣ поэта—злорадство или позднее угрызеніе совѣсти. Онъ только почувствовалъ потребность освѣжиться на воздухѣ послѣ волненія, причиненнаго ему этимъ извѣстіемъ.

— Я много работалъ, сказалъ онъ очень серьёзно своимъ друзьямъ.—Мнѣ хочется подышать чистымъ воздухомъ. Пройдемтесь нѣсколько, господа.

Шарлотта обыкновенно удерживала своего «артиста» дома; она воображала, что всѣ дамы сен-жерменскаго предмѣстья, извѣщенныя о его прибытіи, стремятся «пить кровь его сердца». Но на этотъ разъ она была рада, что онъ ушелъ; ей давно хотѣлось остаться одной съ своей мыслью, съ своими предчувствіями, поплакать на свободѣ, не слыша ни отъ кого утѣшеній. Вотъ почему она даже отпустила горничную, съ которой привыкла болтать, когда поэтъ уходилъ со двора.

Она думаетъ о своемъ Жакѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она прочла въ газетахъ, что объ «Циднѣ» нѣтъ никакихъ извѣстій, образъ ея сына преслѣдуетъ ее. Еще днемъ, эгоизмъ поэта, совсѣмъ завладѣвшій ею, лишаетъ ее возможности сокрушаться; но ночью она не спитъ. Она прислушивается къ завыванью вѣтра, наводящему на неё непонятный страхъ. Онъ говоритъ ей то же, что̀ говоритъ женамъ и матерямъ моряковъ, и заставляетъ ее блѣднѣть.

Въ эту ночь что̀-то особенно-зловѣщее слышится въ его завываніяхъ. Онъ шумитъ на балконѣ, врывается въ двери; онъ какъ будто торопится сообщить этой матери какую-то вѣсть.

Бой часовъ, отдаленный свистокъ на желѣзной дорогѣ—все сливается въ одинъ жалобный, хватающій за сердце стонъ...

И вотъ она видитъ море, корабль, идущій ко дну, блѣдныя лица утопающихъ, безумные взгляды, простертыя руки... Къ ней доносятся вопли, проклятья, прощанія, и посреди всего этого шума ей слышится слабый, жалобный голосъ, чуть внятно произносящій: мама!

Галлюцинаціи ея такъ сильны, что въ ушахъ ея опять раздается — «мама!», но на этотъ разъ голосъ нѣсколько громче... Она, кажется, сойдетъ съ ума. Чтобъ уйти отъ этого обмана чувствъ, Шарлотта встала и направилась въ гостиную. Но нѣтъ: кто-то, дѣйствительно, звалъ ее. Это—на лѣстницѣ. Она побѣжала отворять двери. Газъ потухъ, и, при свѣтѣ лампы, которую она держитъ въ рукѣ, на ступеняхъ ложится узорная тѣнь отъ арабесокъ перилъ. Ничего... никого. И, однакожь, она увѣрена, что слышала голосъ. Надо взглянуть еще. Она нѣсколько нагнулась и высоко подняла лампу надъ головой. Тогда что̀-то тихое, сдержанное, похожее, въ одно время, на рыданіе и на смѣхъ, раздается на лѣстницѣ, и высокая тѣнь подымается, движется около самой стѣны...

— Кто тутъ? кричитъ она, вся дрожащая, оживленная безумной надеждой, прогнавшей ея испугъ.

— Это—я, мама! О! я вижу тебя... отвѣчаетъ чей-то хриплый и слабый голосъ.

Она быстро пробѣжала нѣсколько ступенекъ. Это—онъ, это — ея Жакъ, опирающійся на костыли, слабый, изнуренный и до такой степени взволнованный этимъ свиданіемъ съ матерью, что долженъ былъ остановиться на лѣстницѣ. Вотъ что̀ она сдѣлала изъ своего ребёнка!

Ни слова, ни крика, ни ласки даже... Они смотрятъ другъ на друга и плачутъ...

Всѣмъ эффектамъ д'Аржантона, этого царя неудачниковъ, суждено было пропадать даромъ. Возвратясь въ тотъ вечеръ домой, онъ рѣшился, послѣ долгаго совѣщанія съ своими друзьями, объявить роковую вѣсть Шарлоттѣ, чтобы разомъ покончить, и приготовилъ въ умѣ нѣсколько торжественныхъ фразъ, приличныхъ обстоятельствамъ. По тому уже, ка̀къ онъ певернулъ ключъ въ замкѣ, можно было догадаться, что онъ готовится сказать нѣчто весьма важное. Но каково же было его изумленіе, когда въ этотъ поздній часъ онъ нашелъ гостиную еще освѣщенной, Шарлотту одѣтой и на столѣ, около камина, остатки ужина, поданнаго на̀скоро! Она подошла къ нему въ сильномъ волненіи.

— Тссъ! Не шуми... онъ тутъ... онъ спитъ... Ахъ! ка̀къ я счастлива.

— Кто? Что̀ такое?

— Да Жакъ. Онъ раненъ... корабль его потерпѣлъ крушеніе; онъ спасся чудомъ. Онъ пріѣхалъ изъ Ріо-Жанейро, гдѣ пролежалъ два мѣсяца въ госпиталѣ.

Надо отдать справедливость д'Аржантону, что онъ отнесся къ этому извѣстію весьма сочувственно, и первый объявилъ, что Жакъ останется въ домѣ, пока совсѣмъ не поправится. По чистой совѣсти, онъ не могъ не сдѣлать этого для своего главнаго, для своего единственнаго акціонера. Десять тысячъ франковъ заслуживали нѣкотораго ухода.

Вскорѣ жизнь поэта и Шарлотты приняла свое обычное теченіе. Новаго было въ ней только присутствіе калѣки, ноги котораго, обожженыя при взрывѣ парового котла, заживали съ трудомъ. Одѣтый въ свою синюю шерстяную блузу, съ лицомъ, еще чернымъ отъ прежняго ремесла, съ огрубѣлыми чертами, съ воспаленнымъ цвѣтомъ лица, со впалыми щеками, съ красными глазами безъ рѣсницъ, крестникъ лорда Пимбока, Жакъ (черезъ Д.) Иды Баранси, переползалъ кое-какъ со стула на стулъ, къ великому неудовольствію поэта и къ стыду своей матери.

Когда въ комнату входилъ незнакомый посѣтитель и останавливалъ удивленный, любопытный взглядъ на этомъ работникѣ безъ дѣла, одежда и рѣчь котораго вовсе не гармонировали съ спокойной роскошью этого дома, Шарлотта спѣшила сказать: «Это—сынъ мой... рекомендую вамъ моего сына... Онъ былъ очень боленъ»... Но если она страдала, видя своего Жака въ такомъ положеніи, если она краснѣла за его манеру держать себя за столомъ, отзывавшуюся трактирными привычками, то еще болѣе страданія причинялъ ей тотъ презрительный тонъ, какимъ говорили съ ея сыномъ обычные посѣтители поэта.

Жакъ нашелъ здѣсь всѣхъ своихъ старыхъ гимназическихъ знакомыхъ, всѣхъ неудачниковъ «parva domus». У нихъ было теперь поменьше волосъ и поменьше зубовъ, но общественное положеніе ихъ осталось все то же. Какъ истые неудачники, они продолжали топтаться на одномъ мѣстѣ. Ежедневно собирались они въ редакціи для обсужденія ближайшаго нумера журнала, и два раза въ недѣлю происходилъ у поэта большой обѣдъ. Д'Аржантонъ уже не могъ обходиться безъ многочисленнаго общества и, чтобъ оправдать эту слабость въ собственныхъ глазахъ, прибѣгалъ къ своей обычной фразеологіи.

— Надо сплотиться... сгрупироваться... надо чувствовать локоть товарища...

И около него групировались. Всѣхъ болѣе давали ему чувствовать себя костлявые, остроконечные, назойливые локти Эвариста де-Моронваля, секретаря редакціи; онъ читалъ корректуры, версталъ, прочитывалъ рукописи и, наконецъ, поддерживалъ своей пламенной рѣчью въ редакторѣ мужество, колебавшееся вслѣдствіе равнодушія публики и громадныхъ издержекъ.

За всѣ эти разнообразные труды мулатъ получалъ довольно скудное вознагражденіе; но онъ округлялъ его при помощи всякаго рода добавочныхъ работъ, за которыя платилось отдѣльно, и также при помощи безпрестанныхъ займовъ. Гимназія давно лопнула; но ея директоръ не совсѣмъ еще отказался отъ воспитанія «маленькихъ знойныхъ странъ» и всегда являлся въ редакцію въ сопровожденіи двухъ послѣднихъ продуктовъ этой странной культуры. Одинъ былъ какой-то маленькій японскій князекъ неопредѣленнаго возраста, между пятнадцатью и пятидесятью годами, и который, въ своей маленькой шляпѣ, съ своей маленькой тросточкой, походилъ на глиняную фигурку, упавшую съ этажерки на парижскіе тротуары. Другой былъ нашъ давнишній знакомецъ, египтянинъ Саидъ. Воспитаніе этого несчастнаго молодого человѣка давно уже кончилось; но родные оставляли его у Моронваля для ознакомленія съ нравами и обычаями большого свѣта. За исключеніемъ его, всѣ обычные посѣтители редакціи и еженедѣльныхъ обѣдовъ, Гиршъ, Лабассендръ, мулатъ, племянникъ Берцеліуса и другіе, говорили съ Жакомъ покровительственнымъ, благосклонно фамильярнымъ тономъ. Можно было подумать, что это—какой-нибудь бѣднякъ, изъ милости допущенный къ обѣду богатаго патрона. Онъ остался «мсьё Жакомъ» только для одной личности — для кроткой, добрѣйшей г-жи Моронваль-Декостеръ, у которой было все то же торжественное и лоснившееся чело и все то же черное платье, менѣе торжественное, но еще болѣе лоснившееся... Но, впрочемъ, говорили ли Жаку: «мсьё» или «старина», «старичина», «дружище»—ему было рѣшительно все равно. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ съ своей коротенькой трубкой въ зубахъ, слушая и не слыша что̀ кричали вокругъ него. Онъ вдоволь насладился въ дѣтствѣ этимъ крикомъ, этими литературными спорами.

Три года алькоголя, кочегарная, госпиталь и послѣдняя катастрофа до такой степени истомили, разбили его, что онъ чувствовалъ потребность не говорить больше, не шевелиться, пока не смолкнутъ окончательно рёвъ сердитаго моря и шумъ машинъ, все еще гудѣвшіе у него въ головѣ, точно онъ приложилъ къ уху раковину.

«Онъ отупѣлъ», говорилъ иногда д'Аржантонъ. Нѣтъ; но на

него находила дремота; нѣмой, безъ воли, онъ отдыхалъ, наслаждаясь неподвижностью почвы, подъ ногами его. Онъ оживлялся, только оставаясь вдвоемъ съ матерью въ тѣ рѣдкіе дни, когда поэтъ уходилъ изъ дому. Онъ садился подлѣ нея и слушалъ ея птичье щебетанье, ея нѣжныя, ласковыя слова. Онъ больше любилъ слушать ее, нежели говорить самъ. Этотъ голосъ ласкалъ его слухъ, какъ жужжаніе первыхъ пчелъ въ лѣтнее время, въ медовую пору. Однажды, когда они остались вдвоемъ, онъ вышелъ вдругъ изъ своего долгаго усыпленія и сказалъ Шарлоттѣ медленно, очень медленно:

— Когда я былъ ребёнкомъ, я вѣрно совершилъ большое морское путешествіе.

Она вглянула на него, нѣсколько смущенная. Онъ въ первый разъ въ жизни освѣдомлялся о прошедшемъ.

— Почему? спросила она.

— Потому что, въ первый день, какъ я вступилъ на пароходъ, три года тому назадъ, я испыталъ странное ощущеніе. Мнѣ казалось, что все, что я вижу, я уже видѣлъ когда-то, что на этихъ ступенькахъ, окованныхъ мѣдью и ведущихъ въ каюту, я игралъ, будучи ребёнкомъ... скатывался по нимъ... или, можетъ быть, я видѣлъ это во снѣ.

— Нѣтъ, мой Жакъ, ты видѣлъ это не во снѣ, отвѣчала она, оглядываясь кругомъ, чтобъ удостовѣриться, что они одни. — Тебѣ было три года, когда мы пріѣхали изъ Алжира... Твой отецъ умеръ внезапно, и мы возвращались въ Турень.

— А! Отецъ мой умеръ въ Алжирѣ?

— Да, произнесла она тихо, опустивъ голову.

— Какъ звали отца моего?..

Она колебалась, сильно взволнованная. Она не была приготовлена къ этому внезапному любопытству. И, однакожь, какъ ни неловко ей было, она не могла не удовлетворить его желанію — узнать имя отца своего. Ему уже было 20 лѣтъ; онъ могъ все слышать и понимать.

— Онъ носилъ одно изъ величайшихъ именъ Франціи, другъ мой. Это имя было бы наше, еслибы одна ужасная катастрофа... не помѣшала ему загладить свой проступокъ. Ахъ! оба мы были очень молоды, когда встрѣтились въ первый разъ. Я какъ теперь помню: это было на охотѣ... Надо тебѣ сказать, что я имѣла тогда страсть къ охотѣ... Я даже помню, что я ѣхала верхомъ на маленькой арабской лошади, называвшейся Солиманомъ...

И она понеслась, безумная, опустивъ поводья, на своемъ Солиманѣ въ эту страну химеръ, которую воображеніе ея населя-

ло разными лордами Пимбоками, сингапурскими раджами и т. д. Жакъ не прерывалъ ея. Онъ зналъ, что это было безполезно; но когда она остановилась, чтобы перевести духъ—слишкомъ ужь быстро мчалъ ее Солиманъ—то онъ воспользовался этой минутой, чтобы повторить вопросъ свой:

— Кàкъ же звали отца моего?

Запыхавшаяся отъ долгаго разсказа, она быстро проговорила:

— Маркизъ д'Эпанъ, эскадронный командиръ 3-го гусарскаго полкà.

Вѣроятно, Жакъ не раздѣлялъ взглядовъ своей матери на правà и прерогативы дворянства, потому что съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отнесся къ тайнѣ своего рожденія. И чтò проку въ томъ, что отецъ его былъ маркизъ и носилъ громкое имя. Это не мѣшаетъ ему оставаться искалѣченнымъ кочегаромъ и называться Жакомъ. Притомъ же, этотъ отецъ, о которомъ говорили ему, умеръ, и невѣдомое чувство, пробудившееся на мгновеніе въ душѣ Жака, не имѣя за чтò ухватиться, исчезло въ общемъ оцѣпенѣніи всѣхъ его способностей.

— Послушай, Шарлотта... надобно чтò-нибудь придумать для этого малаго. Не можетъ же онъ вѣчно оставаться тутъ безъ всякаго дѣла... Ноги его зажили... Онъ ѣстъ, какъ быкъ—безупречно. Кашляетъ еще немножко, но Гиршъ говоритъ, что онъ будетъ всю жизнь кашлять. Если трудно на пароходахъ, то пускай поступитъ куда-нибудь на желѣзную дорогу. Лабассендръ говоритъ, что тамъ заработываютъ хорошія деньги.

На всѣ эти доводы поэта Шарлотта отвѣчала, что Жакъ еще очень слабъ, что онъ задыхается, входя на лѣстницу, и что сонъ его очень тревоженъ. «Не найдешь ли ты ему занятій при редакціи?» прибавила она. Д'Аржантонъ согласился попробовать и переговорить съ Моронвалемъ. Моронваль, съ своей стороны, изъявилъ согласіе на этотъ опытъ, который, однакоже, оказался неудачнымъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, Жакъ исполнялъ всевозможныя обязанности: относилъ корректуры въ типографію, запаковывалъ журналъ, заклеивалъ бандероли и только-что не мелъ комнатъ: это дѣло посовѣстились возложить на него, и оно осталось прерогативой дворника. Жакъ съ своимъ обычнымъ безстрастіемъ справлялъ все, чтò ему поручали, перенося презрительные намёки Моронваля, вымещавшаго на немъ старинную вражду, и холодный гнѣвъ д'Аржантона, который, видя, что подписка не возростаетъ, все болѣе и болѣе раздражался. Великолѣпная книга въ зеленомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ мѣдными углами, гдѣ должны были красоваться имена подписчи-

ковъ, оставалась пуста, и только на первой страницѣ, подобно орѣховой скорлупѣ, затерянной въ безбрежномъ морѣ, виднѣлось одно: «Графъ *** въ собственномъ зàмкѣ въ Меттрэ, близъ Тура». Этимъ подписчикомъ были обязаны Шарлоттѣ. Но, несмотря на отсутствіе подписки, изданіе продолжалось, и редакторы, каждое пятое число аккуратно, являлись въ редакцію получать гонорарій за свои статьи и даже забирали впередъ. Моронваль особливо былъ ненасытенъ. Онъ приходилъ самъ, присылалъ жену, Саида и японскаго князька. Д'Аржантонъ бѣсился, но не смѣлъ отказать. Онъ былъ тщеславенъ, а мулатъ не скупился на лесть. Но, однакожь, когда редакція была въ сборѣ, д'Аржантонъ, изъ опасенія, чтобы другіе не послѣдовали примѣру Моронваля, не упускалъ случая замѣтить, что «комитетъ акціонеровъ положительно противится всякой выдачѣ впередъ». А комитетъ, состоявшій изъ одного члена, сидѣлъ себѣ въ углу, ничего не подозрѣвая, и намазывалъ клестеромъ бандероли. Какъ журналъ имѣлъ одного подписчика—«нашего друга», такъ точно онъ имѣлъ и одного акціонера—Жака, съ деньгами «нашего друга».

Ни Жакъ, ни другіе не знали этого, но д'Аржантонъ зналъ, и ему было совѣстно передъ самимъ собой, и въ особенности передъ сыномъ этой женщины, котораго онъ начиналъ ненавидѣть попрежнему. Недѣлю спустя, Жакъ признанъ былъ неспособнымъ къ дѣлу.

— Онъ ни къ чему не годенъ; онъ нетолько не помогаетъ намъ, но мѣшаетъ всѣмъ.

— Но, другъ мой, я увѣряю тебя, что онъ дѣлаетъ все, чтò можетъ.

Послѣ испытаннаго ею страха, она чувствовала въ себѣ болѣе мужества для защиты сына.

— Кàкъ бы то ни было, но онъ стѣсняетъ меня... Онъ не въ своей средѣ между нами. Онъ не умѣетъ ни говорить, ни сидѣть. Посмотри, кàкъ онъ сидитъ за обѣдомъ, на сажень отъ стола, разставивъ ноги; и точно спитъ надъ своей тарелкой. И, наконецъ, когда такой долговязый парень постоянно торчитъ подлѣ тебя, это старѣетъ тебя, душа моя... Привычки у него отвратительныя. Онъ пьетъ... я увѣряю тебя, что онъ пьетъ. Отъ него несетъ кабакомъ. Чтò ты хочешь—работникъ!

Она поникла головой и заплакала. Она сама замѣчала, что онъ пилъ. Но кто же виноватъ въ этомъ? Не они ли бросили его въ эту бездну?..

— Послушай, Шарлотта... у меня явилась идея. Такъ какъ онъ еще слишкомъ слабъ и не можетъ приняться за работу, то

пошлемъ его въ Этіоль. Онъ скорѣе поправится въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ, и, пожалуй, поможетъ намъ, сдать parva-domus, который остался у насъ на шеѣ, съ десятилѣтнимъ контрактомъ. Мы дадимъ ему нѣсколько денегъ... и будемъ присылать все, что̀ нужно...

Она бросилась ему на шею. «Ты лучше всѣхъ насъ!» воскликнула она въ порывѣ благодарности. Рѣшено было, что она на другой же день поѣдетъ съ сыномъ въ Ольховку и сама помѣститъ его тамъ.

Они пріѣхали въ прекрасное осеннее утро. Жакъ узнавалъ знакомыя тропинки въ лѣсу, и передъ нимъ воскресли дни его дѣтства, тѣ дни, когда, несмотря на свое ложное положеніе и на всѣ свои огорченія, онъ чувствовалъ себя такъ счастливымъ, посреди природы... И она также, казалось, узнала его, звала, принимала... Онъ слышалъ ея кроткій, ободряющій голосъ: «приди ко мнѣ, бѣдное дитя мое! Прижмись къ этому сердцу, бьющемуся медленно и спокойно. Я буду о тебѣ печься, лелѣять тебя; у меня есть бальзамъ для всѣхъ ранъ, и кто ищетъ его, уже исцѣленъ».

Шарлотта рано уѣхала назадъ. Всѣ о̀кна маленькаго домика были открыты; изъ саду доносилось жужжаніе насѣкомыхъ и благоуханіе цвѣтовъ; Жакъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, отыскивая въ каждомъ уголкѣ слѣды своего исчезнувшаго дѣтства, и въ первый разъ еще, надпись на фронтонѣ этого домика говорила правду, говорила безъ ироніи: «маленькій домикъ, большое спокойствіе».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сесиль.

— Да вѣдь это—диффамація! Ты имѣешь право притянуть къ суду этого подлеца Гирша. Цѣлые пять лѣтъ оставлять меня въ убѣжденіи, что другъ мой Жакъ—воръ. Каналья! Вѣдь, онъ нарочно являлся къ намъ сообщить, что ты укралъ деньги; а, небось, не пришелъ разувѣрить насъ, когда оказалось, что это неправда... и когда невинность твою подтвердилъ директоръ въ

самыхъ лестныхъ для тебя выраженіяхъ... покажи-ка еще аттестатъ свой...

— Извольте, г. Ривальсъ.

— Отлично! Лучше нельзя загладить невольно причиненнаго зла. Директоръ этотъ—хорошій человѣкъ. Ну, какъ я радъ, какъ я радъ. Меня часто мучила эта мысль, что мой ученикъ сдѣлался негодяемъ. И какъ подумаю, что, еслибъ я не встрѣтилъ тебя у Аршамбо, то долго бы еще могъ оставаться въ этомъ убѣжденіи...

Жакъ уже десять дней какъ находился въ Ольховкѣ; и все это время, подобно брамину, жилъ созерцательной жизнью, вдыхая въ себя свѣжій осенній воздухъ, грѣясь на солнышкѣ или углубляясь въ безмолвный лѣсъ; и ему казалось, что подъ этимъ чистымъ, глубокимъ небомъ, подъ этими лучами, онъ становился менѣе безобразенъ, менѣе походилъ на какого-то больного каторжника. Единственные люди, съ которыми онъ видѣлся, были старики Аршамбо. Онъ сохранилъ о нихъ доброе воспоминаніе. Жена напоминала ему его мать, которой она долго и вѣрно служила; а мужъ—тѣ чудныя лѣсныя прогулки, которыя они дѣлали съ Жакомъ въ дни его дѣтства. Пока старуха закупала ему хлѣбъ и провизію, онъ сидѣлъ съ лѣсникомъ на лавочкѣ, передъ домомъ, покуривая трубку. Эти добрые люди никогда ни о чемъ ни разспрашивали его; только старикъ Аршамбо, при видѣ худобы Жака и красныхъ пятенъ на щекахъ его, иногда грустно покачивалъ головой, какъ онъ это дѣлалъ, смотря на свои любимыя деревья, подтачиваемыя долгоносикомъ...

Однажды, придя къ лѣснику, Жакъ нашелъ его лежащимъ въ постелѣ и страдающимъ ревматизмами; это повторялось съ нимъ два или три раза въ годъ. У изголовья его стоялъ маленькій человѣчекъ, съ сѣдыми всклокоченными волосами, въ длиннополомъ сюртукѣ, карманы котораго были набиты книгами и газетами. Это былъ Ривальсъ.

Сначала докторъ обошелся съ Жакомъ холодно, но болѣзненный видъ его, однакоже, тронулъ старика. Они вышли отъ Аршамбо вмѣстѣ и разговорились; разговоръ этотъ, мало по малу, привелъ къ полному разъясненію ошибки.

— Ну, теперь, я надѣюсь, мы будемъ съ тобой часто видѣться. Во-первыхъ, это необходимо. Они послали тебя, какъ лошадь, на подножный кормъ; но этого недостаточно. За тобой нуженъ уходъ; а особенно теперь, когда наступила осень. Этіоль—не Ницца, чортъ побери! Ты помнишь, какъ тебѣ нравился нашъ домикъ. Все въ немъ по прежнему. Не достаетъ только моей бѣдной жены... она умерла четыре года тому назадъ, съ горя, съ отчая-

нія, потому что со времени нашего несчастія никогда не могла вполнѣ оправиться. Къ счастью, «дѣвочка» замѣнила ее... Еслибы не она, я не знаю что̀ бы со мной сдѣлалось. Сесиль держитъ книги, смотритъ за аптекой. Ка̀къ она будетъ тебѣ рада! Когда же ты придешь?

Жакъ колебался отвѣчать. Ривальсъ, словно понявъ его затаенную мысль, прибавилъ, смѣясь:

— Дѣвочкѣ нѐзачѣмъ показывать твоего аттестата. Я ничего не говорилъ ей, также и женѣ. Обѣ онѣ такъ любили тебя, что это бы слишкомъ ихъ огорчило. Значитъ, ты можешь смѣло являться. Нынче я не зову тебя—сыро. Туманъ тебѣ вреденъ. Но завтра разсчитываю на тебя къ завтраку. Все въ тотъ же часъ, что и прежде. Ну, до свиданья.

На другой день, въ двѣнадцать часовъ, Жакъ позвонилъ у дверей доктора. Домъ его, дѣйствительно, оставался все въ прежнемъ видѣ.

— Барина нѣтъ дома, а барышня въ аптекѣ, сказала маленькая горничная, замѣнившая старую, вѣрную ключницу. На дворѣ, вмѣсто прежняго водолаза, лаялъ щенокъ, въ свой чередъ доказывая, что неодушевленные предметы переживаютъ живыя существа, къ какой бы они породѣ ни принадлежали. Жакъ пошелъ въ аптеку, въ эту большую комнату, гдѣ они такъ часто играли съ Сесиль, и постучалъ въ дверь, нетерпѣливо желая увидѣть свою подругу, которая въ его мысляхъ все еще оставалась ребёнкомъ.

— Войдите, г. Жакъ.

Жаръ задрожалъ отъ волненія, отъ страха... и не входилъ.

— Войдите, повторилъ тотъ же голосъ. Дверь отворилась вдругъ, и Жакъ увидѣлъ передъ собой стройную молодую дѣвушку, съ кроткимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордымъ лицомъ, съ золотистыми волосами, въ свѣтломъ платьѣ и голубой кашемировой кофточкѣ. Ка̀къ бы онъ смутился, еслибы сѣрые, добрые глаза этой красивой дѣвушки не сказали ему ясно, наивно: «Здравствуй, Жакъ. Это—я, Сесиль; не бойся же», и еслибы руки его не коснулась маленькая ручка, напомнившая ему тотъ день, когда они вмѣстѣ собирали въ церкви на бѣдныхъ.

— Вамъ очень трудно жилось, г. Жакъ; дѣдушка говорилъ мнѣ (она глядѣла на него растроганная). Я тоже испытала много горя. Бабушка скончалась. Она васъ очень любила. Мы часто вспоминали о васъ.

Одна Сесиль говорила. Жакъ, сидя противъ нея, любовался ею. Она была высока, очень граціозна и очень проста во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Облокотясь на старый письменный

столъ, за которымъ когда-то писала г-жа Ривальсъ, и разговаривая съ своимъ другомъ, она слегка наклонила голову, съ движеніемъ ласточки, щебечущей на краю крыши. Какимъ-то вешнимъ благоуханіемъ, чѣмъ-то здоровымъ, чистымъ, живительнымъ вѣяло отъ нея. Но, въ то время, какъ Жакъ слушалъ ее съ восторгомъ, ему вдругъ бросилась въ глаза его собственная рука; и эта чорная, грубая, мозолистая, изрѣзанная рука, съ потрескавшимися ногтями, показалась ему такой огромной, что ему стало совѣстно, и онъ поспѣшилъ спрятать ее въ карманъ. Это привело его къ мысли о своемъ безобразіи. Онъ видѣлъ себя сидящимъ на этомъ стулѣ, сгорбленнымъ, съ разставленными ногами, въ грубыхъ рабочихъ панталонахъ, въ старой бархатной д'аржантоновской курткѣ, рукава которой были ему коротки. Что̀ должна думать о немъ Сесиль? Ка̀къ добра и снисходительна она должна быть, если не засмѣялась ему въ глаза. Къ этому физическому стѣсненію примѣшивалось другое, чисто нравственное. Пьянство, матросскія оргіи въ кабакахъ и вертепахъ всѣхъ странъ свѣта, пришли ему на память; ему казалось, что они оставили отпечатокъ на всемъ существѣ его и что всѣ это видятъ, и особливо она это видитъ. Ея грустный, исполненный состраданія взглядъ говорилъ ему, что она угадываетъ его паденіе. И онъ страдалъ, ему было стыдно. Онъ негодовалъ на себя за то, что пришелъ; онъ готовъ былъ убѣжать назадъ въ Ольховку, запереться тамъ на замо̀къ и выбросить ключъ за окно, чтобы не было болѣе искушенія выходить оттуда.

Къ счастью, въ аптеку сталъ находить народъ. Сесиль хлопотала около мѣдныхъ вѣсовъ, взвѣшивала медикаменты, перенумеровывала пакеты, надписывала ярлыки, какъ дѣлала ея бабушка; и вниманіе молодой дѣвушки было, такимъ образомъ, отвлечено отъ Жака, который теперь только восхищался ею. Кротость, терпѣніе, съ которымъ она выслушивала безконечныя объясненія деревенскихъ кумушекъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживали удивленія. Она умѣла стать въ уровень съ говорившими, ободряла ихъ улыбкой, добрымъ совѣтомъ.

Въ эту минуту она отпускала лекарство одной старухѣ, браконьеркѣ Салэ, ненавидѣвшей Жака, когда онъ былъ ребёнкомъ, за то, что̀ онъ всегда сопровождалъ лѣсника, который ее преслѣдовалъ.

— Ба̀! вскричала старуха, узнавши Жака.— Мальчуганъ изъ Ольховки! Ишь какой сталъ нехорошій, прости Господи. Вотъ, теперь наши сплетницы прикусятъ язычёкъ. Онѣ все толковали, что г. Ривальсъ пригрѣваетъ мальчика, потому что прочитъ его

вамъ въ женихи, мамзель Сесиль. Небось, вы ужь не захотите идти за него теперь... Эхъ! ка̀къ жизнь-то мѣняетъ человѣка!

И она вышла, посмѣиваясь. Жакъ поблѣднѣлъ. Рана, нанесенная ему старухой, была глубока... не скоро можно было залечить ее. Сесиль, записывавшая что̀-то въ большой книгѣ, нагнулась къ ней ближе, покраснѣвъ отъ волненія...

— Катерина! Скорѣй! обѣдать. Да вина, хорошаго вина, и коньяку не забудь.

Это былъ докторъ; войдя въ комнату и увидѣвъ Сесиль и Жака въ смущеніи, молча сидѣвшихъ другъ противъ друга, онъ залился веселымъ смѣхомъ.

— Ка̀къ! Это все, что̀ вы имѣете сказать другъ другу послѣ семилѣтней разлуки? Скорѣй за столъ. Авось, этотъ бѣдный малый за столомъ оживится.

Но Жакъ нетолько не оживлялся, но чувствовалъ за обѣдомъ еще бо̀льшую неловкость. Онъ боялся ѣсть, чтобы не обнаружить передъ Сесиль свои кабацкія манеры. У д'Аржантона онъ не заботился о своихъ манерахъ; но здѣсь чувствовалъ себя не на мѣстѣ, смѣшнымъ; и въ особенности его несчастныя руки приводили его въ отчаяніе. Еще та, которою онъ держалъ вилку—ничего себѣ: она, по крайней мѣрѣ, была занята. А другая? Куда ее дѣвать? И онъ держалъ ее опущенной, что̀ придавало ему видъ безрукаго. Предупредительность Сесиль еще болѣе смущала его. Она это замѣтила и ужь только украдкой взглядывала на него во все остальное время обѣда, казавшагося имъ безконечнымъ.

Наконецъ, послѣ десерта, служанка поставила передъ Сесиль горячую воду, сахаръ и бутылку старой водки. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла г-жа Ривальсъ, грогъ приготовляла доктору Сесиль. Но онъ ничего не выигралъ отъ этой замѣны; молодая дѣвушка, боясь, чтобы грогъ не вышелъ слишкомъ крѣпокъ, составляла какое-то лекарственное питье «съ каждымъ днемъ все уменьшая дозу алькоголя», какъ замѣчалъ меланхолически докторъ.

Подавъ стаканъ грогу дѣду, Сесиль обратилась къ гостю: вы пьете водку, г. Жакъ? Докторъ расхохотался.

— Вотъ, вопросъ! Пьетъ ли онъ водку, онъ—кочега́ръ! Эта дѣвочка, право, удивительная... Ты не знаешь, стало быть, что они этимъ только и живутъ. У насъ былъ на кораблѣ одинъ кочегаръ—такъ тотъ разомъ выпивалъ цѣлую фляжку голаго спирту... Наливай ему смѣло пол-стакана водки... не будетъ много.

Она посмотрѣла на Жака добрымъ и грустнымъ взглядомъ:

— Хотите?

— Нѣтъ, мадмуазель Сесиль, отвѣчалъ онъ стыдливо, отодвинувъ стаканъ.

— Еще обращеніе! сказалъ докторъ, глотая свой грогъ, съ комической гримасой. Что̀ касается до него, то онъ былъ обращенъ только вполовину, въ родѣ тѣхъ дикарей, которые соглашаются вѣрить въ Бога только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе миссіонеру.

Этіольскіе крестьяне, работавшіе въ полѣ и видѣвшіе въ тотъ вечеръ Жака, идущаго домой отъ Ривальса, могли подумать, что Жакъ сошелъ съ ума или выпилъ лишнее за докторскимъ обѣдомъ. Онъ жестикулировалъ, говорилъ самъ съ собой, грозилъ кулакомъ небу, въ какомъ-то необычайномъ волненіи.

— Работникъ! говорилъ онъ дрожа.—На всю жизнь работникъ! Да̀, г. д'Аржантонъ правъ; я долженъ оставаться съ равными себѣ; жить и умереть въ ихъ средѣ... и, главное, никогда не стараться возвыситься надъ нею.

Давно не чувствовалъ онъ въ себѣ столько жизни. Новыя, невѣдомыя чувства наполняли его сердце. Чистый, прекрасный образъ Сесили блисталъ передъ нимъ яркой звѣздой и его преслѣдовала мысль, что, еслибы, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него работника и бросить его въ общую яму, ему дали образованіе, то онъ могъ бы сдѣлаться достойнымъ этой дѣвушки, быть ея мужемъ. Въ этотъ вечеръ онъ не обѣдалъ, не зажигалъ лампы, не затоплялъ камина. Сидя въ углу столовой, гдѣ онъ поселился и куда перенесъ всю мебель, разбросанную въ домѣ, и устремивъ глаза на стеклянную дверь, за которой бѣлѣлъ легкій туманъ прекрасной осенней ночи, пронизываемый лучами мѣсяца, онъ думалъ: «Сесиль не захочетъ быть моей». Дѣйствительно, все раздѣляло ихъ. Во-первыхъ, онъ былъ работникъ; потомъ... незаконнорожденный. Въ первый разъ въ жизни онъ думалъ объ этомъ серьёзно. Когда Шарлотта сказала ему, кто былъ отецъ его, онъ принялъ это совершенно равнодушно; но теперь ему захотѣлось распросить ее подробнѣе, получить болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ неизвѣстномъ отцѣ. Маркизъ д'Эпанъ! Дѣйствительно ли онъ былъ маркизъ и дѣйствительно ли онъ умеръ? Можетъ быть, она сказала это нарочно, для того, чтобы не сообщать о своемъ разрывѣ съ нимъ, за который ей бы пришлось краснѣть передъ сыномъ... А если онъ живъ, этотъ отецъ, и если онъ будетъ такъ великодушенъ, что загладитъ свой проступокъ? «Я напишу матери», подумалъ онъ. Но то, что̀ онъ думалъ написать, было такъ щекотливо, такъ сложно; было такъ трудно высказать, что онъ рѣшился отпра-

виться самъ къ Шарлоттѣ. Ему было не на что взять билета на желѣзную дорогу, но это не остановило его. «Вѣдь, сдѣлалъ же я это путешествіе пѣшкомъ, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, сказалъ онъ себѣ:—а теперь и подавно сдѣлаю, хотя и чувствую себя еще нѣсколько слабымъ». И дѣйствительно, сдѣлалъ на другой день. Онъ пришелъ въ Парижъ около часу пополудни, въ дождливую, холодную погоду. Подходя къ дому, онъ встрѣтилъ д'Аржантона, шедшаго въ сопровожденіи Моронваля и нѣсколькихъ неудачниковъ. Поэтъ, увидѣвъ Жака, подумалъ, что онъ сдалъ Ольховку, но, узнавъ, что онъ пришелъ просто повидаться съ матерью, остался этимъ очень недоволенъ и отпустилъ слѣдующую колкую фразу:

— Я очень радъ, что твои ноги находятся въ лучшемъ состояніи, нежели руки.

— Вотъ жестокое слово! съ усмѣшкой сказалъ мулатъ. Поэтъ скромно улыбнулся и продолжалъ путь съ своей свитой. За недѣлю передъ тѣмъ, Жакъ не обратилъ бы вниманія на это «жестокое слово», но со вчерашняго дня онъ былъ уже не тотъ. Нѣсколькихъ часовъ достаточно было, чтобы сдѣлать его гордымъ и обидчивымъ, и онъ готовъ былъ теперь уйти назадъ пѣшкомъ, какъ пришелъ, даже не повидавшись съ матерью. Но ему нужно было объясниться съ нею, объясниться серьёзно, и онъ вошелъ въ домъ.

Тамъ происходила ужасная возня: обойщики что̀-то приколачивали; въ залѣ разставлялись скамейки, какъ будто готовилась раздача наградъ. У д'Аржантона назначенъ былъ большой литературный вечеръ, и вотъ почему поэтъ былъ такъ недоволенъ прибытіемъ Жака. Шарлотта, повидимому, также не слишкомъ-то обрадовалась ему. Онъ засталъ ее въ хлопотахъ: она занималась украшеніемъ квартиры, перестановкой мебели. Увидѣвъ его, она остановилась посреди комнаты.

— Ка̀къ! Это—ты, мой бѣдный Жакъ! Пари̇ держу, что ты пришелъ за деньгами. Ты думалъ, что я тебя забыла. Совсѣмъ нѣтъ. Я хотѣла передать ихъ Гиршу, который долженъ надняхъ отправится въ Ольховку, гдѣ онъ намѣренъ производить опыты надъ благоуханіями; это—новая медицина, изобрѣтенная имъ, на основаніи одной персидской книги... Ты увидишь, это—очень любопытное открытіе...

Они говорили стоя, вполголоса, посреди рабочихъ, ходившихъ взадъ и впередъ, вбивавшихъ гвозди, передвигавшихъ мебель.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой серьёзно, сказалъ Жакъ.

— Ахъ! Боже мой... что̀ такое? О чемъ это? Ты знаешь,

серьёзное всегда было не по моей части... и потомъ, нынче у насъ большой вечеръ. Это будетъ великолѣпно! мы послали пятьсотъ приглашеній... Я не прошу тебя остаться, потому что... ты понимаешь... Во-первыхъ, тебѣ будетъ скучно... Если ужь ты непремѣнно желаешь говорить со мной, то пойдемъ на террасу. Тамъ я устроила веранду для курящихъ. Ты увидишь, кàкъ это удобно...

Жаку сдѣлалось неловко. Онъ подумалъ: «Лучше бы я написалъ...» и не зналъ, кàкъ начать.

— Ну?.. произнесла Шарлотта, приготовившись слушать, когда они вышли на балконъ. Онъ колебался еще съ минуту и, наконецъ, вымолвилъ: «Я хотѣлъ бы... поговорить объ отцѣ моемъ...»

«Вотъ идея!» было у нея на языкѣ, и, если она не произнесла этого, то ея лицо, на которомъ выразились и удивленіе, и боязнь, и скука, говорило за нее.

— Это—очень грустный предметъ для обоихъ насъ, дитя мое... но, впрочемъ, я понимаю твое любопытство и готова удовлетворить его. Притомъ же, прибавила она торжественно:—я всегда имѣла намѣреніе открыть тебѣ тайну твоего рожденія, какъ только тебѣ минетъ двадцать лѣтъ.

На этотъ разъ пришла его очередь глядѣть на нее съ удивленіемъ. Такъ стало быть, она позабыла, что она, за три мѣсяца передъ тѣмъ, открыла уже ему эту тайну. Но онъ, однакожь, не напомнилъ ей этого. Онъ могъ выиграть отъ ея забывчивости и сличить то, чтò она скажетъ, съ тѣмъ, чтò было сказано. Онъ такъ хорошо зналъ ее!

— Правда ли, что мой отецъ былъ дворянинъ? спросилъ онъ тотчасъ же.

— О! дà... дитя мое...

— Маркизъ?

— Нѣтъ, баронъ только.

— Но, я думалъ... ты мнѣ говорила...

— Нѣтъ, нѣтъ... это Бюлаки старшей отрасли были маркизы.

— Такъ онъ состоялъ въ родствѣ съ этими Бюлаками?

— Я думаю! Онъ былъ глава младшей отрасли...

— Значитъ... отца моего звали...

— Баронъ Бюлакъ, лейтенантъ морской службы.

Еслибы балконъ, со всѣмъ, чтò было на немъ, провалился вдругъ, то это не произвело бы на Жака такого потрясающаго дѣйствія, какъ словà матери. Однакожь, онъ имѣлъ еще духу спросить:

*

— Давно ли умеръ отецъ мой?

— О! очень давно... отвѣчала Шарлотта и сдѣлала краснорѣчивый жестъ, относившій къ далекому прошлому это существованіе, сдѣлавшееся для нея проблематическимъ.

Отецъ его умеръ. Вотъ что̀ было вѣроятно. Былъ ли онъ Эпанъ или Бюлакъ, тогда или теперь солгала его мать — это все равно. Она, можетъ быть, даже не лгала; она, можетъ быть, сама ничего не знала.

Жакъ возвращался домой въ самомъ мрачномъ настроеніи, разбитый, прозябшій. Былъ тотъ часъ, когда расходятся съ фабрикъ и усталая, изнуренная толпа разсыпается по тротуарамъ и улицамъ, направляясь къ грязнымъ загороднымъ кабакамъ, на вывѣскахъ которыхъ сто̀итъ «Утѣшеніе» или что̀-нибудь въ этомъ родѣ, какъ будто пьянство и забвеніе — единственное убѣжище бѣдняковъ.

— Да̀! они правы!.. вскричалъ Жакъ, въ порывѣ отчаянія.— Только это и есть... Надо пить! и, войдя въ кабакъ, бывшій кочегаръ велѣлъ подать себѣ двойной стаканъ «купороса» (такъ въ Парижѣ народъ называетъ водку). Но въ тотъ мигъ, какъ онъ подносилъ его къ губамъ, посреди шумной толпы, въ облакахъ табачнаго дыма, ему показалось, что онъ видитъ ясную, кроткую улыбку и что чей-то глубокій и тихій голосъ произноситъ подлѣ него: «Вы пьете водку, г. Жакъ?»

Нѣтъ, онъ ужь не пьетъ и никогда не будетъ пить. Онъ быстро вышелъ изъ кабака, оставивъ наполненный стаканъ и бросивъ на прилавокъ монету, звякнувшую посреди всеобщаго удивленія.

II.

Выздоровленіе.

Разсказывать, ка̀къ Жакъ, вслѣдствіе своего грустнаго путешествія, занемогъ, ка̀къ онъ потомъ двѣ недѣли находился въ плѣну въ «parva domus», гдѣ докторъ Гиршъ производилъ надъ этимъ новымъ Маду опыты своего леченія посредствомъ запаховъ, ка̀къ Ривальсъ освободилъ его, насильно перевезъ къ себѣ и поставилъ на ноги—разсказывать все это было бы слишкомъ долго. Скажемъ только, что Жакъ никогда еще не чувствовалъ себя такъ счастливымъ, какъ теперь, когда онъ сидѣлъ въ спокойномъ креслѣ, у одного изъ оконъ аптеки, окруженный книгами и смотря на работающую тутъ же Сесиль,

слушая скрипъ пера ея или слѣдя за движеніемъ ея иголки. Все здѣсь такъ способствовало его выздоровленію: и тишина этой деревенской улицы, на которую выходили окна аптеки, и здоровый, подкрѣпляющій запахъ сухихъ травъ и растеній, сорванныхъ въ полномъ цвѣтѣ, и эта нѣжная заботливость о больномъ. По мѣрѣ того, какъ силы возвращались къ нему, Жакъ пытался читать; онъ перелистывалъ старыя книги докторской библіотеки, и между ними ему попадались тѣ, которыя онъ изучалъ когда-то и которыя теперь болѣе способенъ былъ понимать. Сесиль продолжала исполнять въ аптекѣ свои обычныя обязанности, и, такъ какъ докторъ не былъ никогда дома, то молодые люди оставались одни, подъ надзоромъ маленькой служанки. Это давало обильную пищу толкамъ деревенскихъ жителей и не разъ строгія, осторожныя матери возмущались тѣмъ, что этотъ молодой малый постоянно торчитъ подлѣ этой красивой дѣвушки. Можетъ быть, при жизни г-жи Ривальсъ, дѣйствительно, въ домѣ все шло бы иначе; но докторъ самъ былъ дитя посреди этихъ дѣтей. И потомъ, какъ знать, не было ли у добраго старика своихъ соображеній?

Однакожь, д'Аржантонъ, узнавши, что Жакъ переселился къ Ривальсамъ, счелъ себя лично оскорбленнымъ этимъ. «Тебѣ неприлично оставаться тамъ, писала Шарлотта сыну.—Могутъ подумать, что намъ не на что лечить тебя. Ты какъ будто дѣлаешь намъ упрёкъ...» Когда это первое письмо не подѣйствовало, поэтъ написалъ Жаку *самъ*. «Я послалъ Гирша лечить тебя, а ты предпочелъ идіотскую рутину деревенскаго лекаря всѣмъ познаніямъ нашего друга. Желаю душевно, чтобы ты могъ вполнѣ поправиться. Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ ты уже на ногахъ, то я даю тебѣ два дня на возвращеніе въ Ольховку. Если въ эти два дня ты не вернешься, я буду считать это за открытое сопротивленіе моей волѣ и съ этой минуты все будетъ кончено между нами». Но Жакъ не трогался. Тогда явилась къ Ривальсамъ Шарлотта, съ заученными наизусть фразами, внушенными ей поэтомъ, и съ мѣшечкомъ, наполненнымъ шоколадомъ, который она взяла грызть на дорогу. Она приняла важный видъ и, сжимая губы, дѣлала надъ собой невѣроятныя усилія, чтобы сдержать свою болтливость. Но докторъ Ривальсъ не смутился этимъ и, встрѣтивъ ее въ гостиной, сказалъ ей прямо и рѣзко:—Я долженъ предупредить васъ, сударыня, что дѣло идетъ о жизни вашего сына—да, о жизни—и что это я не дозволяю ему вернуться въ Ольховку. Онъ переживаетъ страшный кризисъ вслѣдствіе истощенія, роста, усталости. Но, къ счастью, онъ еще находится въ такомъ возрастѣ,

что можно надѣяться на его выздоровленіе, если только вы не поручите его вашему Гиршу. Онъ чуть не задохся въ Ольховкѣ отъ ладону, мускусу, курительныхъ свѣчъ, которыми вздумалъ лечить его этотъ убійца. Вы, вѣроятно, не знаете этого. Я пріѣхалъ въ Ольховку и извлекъ его изъ этого дыма и чада, а всѣ эти медикаменты вышвырнулъ за окно, да, кажется, вмѣстѣ съ ними и самого доктора. Теперь мальчикъ внѣ опасности. Оставьте мнѣ его еще на нѣсколько времени я берусь возвратить вамъ его болѣе сильнымъ и крѣпкимъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и способнымъ продолжать свою тяжелую работу. Но если вы опять отдадите его этому шарлатану, то я буду думать, что сынъ вашъ стѣсняетъ васъ и что вамъ хочется отъ него отдѣлаться.

— О! г. Ривальсъ! Что̀ вы говорите мнѣ? чѣмъ я заслужила подобныя оскорбленія?

И она залилась слезами. Докторъ поспѣшилъ успокоить ее, сказавъ ей нѣсколько добрыхъ словъ. Потомъ Шарлотта отправилась въ аптеку, гдѣ застала своего Жака за книгой. Она нашла, что онъ похорошѣлъ, измѣнился, какъ будто сбросилъ съ себя грубую оболочку, но былъ еще очень худъ и слабъ; она была очень тронута, но онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ ее.

— Ты пріѣхала за мной?

— Нѣтъ, нѣтъ; этотъ добрый докторъ такъ тебя любитъ... Что̀ бы онъ сказалъ, еслибы я вздумала увезти тебя?

Въ первый разъ въ жизни, Жакъ думалъ, что онъ можетъ быть счастливымъ вдали отъ своей матери, и, еслибы ему пришлось уѣзжать, то съ горя онъ снова бы слегъ въ постель. Они остались на минуту вдвоемъ, и у Иды вырвалось нѣсколько признаній. Она жаловалась, что эта «литературная жизнь» причиняла ей слишкомъ много хлопотъ. «Каждый мѣсяцъ у насъ теперь большіе вечера и каждыя двѣ недѣли чтенія; такъ что просто иногда голова трещитъ. Японскій князекъ Моронваля написалъ поэму на своемъ языкѣ, и *онъ* вздумалъ переводить ее подстрочно. Для этого онъ беретъ уроки японскаго языка... ну, и я тоже, разумѣется, а это ужасно трудно. Нѣтъ, я начинаю думать, что литература, положительно—не мое дѣло... Бываютъ дни, когда я не понимаю что̀ говорю и что̀ дѣлаю. И потомъ—этотъ журналъ, не приносящій намъ ни одного су, не имѣющій ни одного подписчика. Ахъ, кстати! Ты знаешь, «нашъ другъ...» вѣдь, онъ умеръ... Это очень меня огорчило. Ты его помнишь, конечно?

Въ эту минуту вошла Сесиль.

— Ахъ! мадмуазель Сесиль! какъ вы выросли... какая вы красавица!

Жакъ чувствовалъ себя немножко стѣсненнымъ. Д'Аржантонъ, «нашъ другъ»... обо всемъ этомъ онъ ни за что въ свѣтѣ не заговорилъ бы передъ Сесилью; онъ нѣсколько разъ старался прервать болтовню своей матери, не очень церемонившейся въ этомъ отношеніи, и навести разговоръ на другое. Г-жу д'Аржантонъ хотѣли оставить обѣдать; но она нашла, что и безъ того уже пробыла слишкомъ долго; она боялась своего поэта и все остальное время, вплоть до отъѣзда, казалась безпокойной и озабоченной. Она заранѣе придумывала какую бы исторію, по возвращеніи, разсказать въ свое оправданіе. Уѣзжая, она просила Жака писать ей не иначе, какъ poste restante, и не удивляться если въ письмахъ ея будутъ выговоры и наставленія; когда она писала, поэтъ всегда находился подлѣ нея и даже часто диктовалъ ей. Но она обѣщала ставить въ концѣ такихъ писемъ крестикъ, что должно было означать: «это письмо—не въ счетъ». Такимъ образомъ, она сама сознавалась наивно въ своемъ рабствѣ; и только этотъ веселый, безпечный видъ, съ которымъ она удалилась, всегда молодая, изящная и нарядная, хоть нѣсколько утѣшилъ Жака, опечаленнаго гнётомъ, тяготѣвшимъ надъ его матерью.

Жакъ и Сесиль сближались все больше и больше. Хотя между ними не происходило любовнаго объясненія, но оба они угадывали, что любятъ другъ друга. Была, однакожь, минута, когда они были близки къ объясненію... Они долго гуляли вдвоемъ въ поляхъ и, усталые, присѣли отдохнуть у опушки лѣса. Воздухъ свѣжѣлъ, и Сесиль непремѣнно хотѣла надѣть на Жака шерстяной капюшонъ, который она захватила съ собой. Жакъ былъ блѣденъ.

— Что съ вами, Жакъ? Вы страдаете? спросила молодая дѣвушка.

— О! нѣтъ, Сесиль. Мнѣ никогда не было такъ хорошо.

Она взяла его руку; но, когда она хотѣла отнять свою, онъ удержалъ ее, и они оставались такъ нѣсколько минутъ. Но и въ этотъ разъ словъ не нашлось у нихъ.

Между тѣмъ, здоровье Жака поправилось. Ему становилось стыдно за свою праздность, за долгіе часы бездѣйствія въ «аптекѣ», гдѣ Сесиль такъ неутомимо работала. Что могла она подумать о немъ, если бы онъ остался тутъ дольше. Надо было уходить.

Однажды, утромъ, онъ пришелъ къ Ривальсу, чтобъ поблагодарить его и объявить ему о своемъ рѣшеніи.

— Ты правъ, сказалъ докторъ.—Ты теперь окрѣпъ, выздоровѣлъ... надо работать. Съ твоимъ аттестатомъ работу найдти легко...

Послѣдовала минута молчанія. Жакъ былъ очень взволнованъ и также немножко смущенъ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ старикъ смотрѣлъ на него.

— Ты ничего болѣе не имѣешь сказать мнѣ? вдругъ спросилъ докторъ.

Жакъ покраснѣлъ и застѣнчиво отвѣчалъ: «ничего, г. Ривальсъ»...

— Гмъ! А я думалъ, что, когда человѣкъ влюбленъ въ честную дѣвушку, у которой нѣтъ никого родныхъ, кромѣ стараго дѣда, то долженъ просить у него руки ея?

Жакъ, не отвѣчая, закрылъ руками лицо.

— О чемъ ты плачешь, Жакъ? Ты видишь, что дѣла̀ твои идутъ недурно, если я первый сталъ говорить о нихъ.

— О! г. Ривальсъ, ужели это возможно? Я... несчастный работникъ...

— Трудись, чтобы выйдти изъ этого положенія. Выходъ есть. Я тебя научу что̀ дѣлать, если ты хочешь.

— Но это не все... это не все... Вы не знаете самаго ужаснаго... я...

— Я знаю, ты—незаконнорожденный, сказалъ докторъ очень спокойно. Но—и она—тоже незаконнорожденная... садись, дитя мое, и слушай.

III.

Несчастіе Ривальсовъ.

— Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, началъ Ривальсъ:—въ ноябрѣ, меня позвали однажды къ больному: его случайно ранили на большой охотѣ, какая ежегодно бываетъ раза три или четыре въ сенарскомъ лѣсу. Кто-то всадилъ ему въ ногу цѣлый зарядъ. Я нашелъ больного у лѣсника Аршамбо̀, куда его перенесли. Это былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, сильнаго сложенія, бѣлокурый, съ очень свѣтлыми, чисто сѣверными глазами; онъ вынесъ операцію молодцомъ—пришлось вынимать дробинки одну за другой—и, по окончаніи ея, поблагодарилъ меня на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Такъ какъ нельзя было еще перевезти его, то я продолжалъ ходить за

нимъ у лѣсника. Я узналъ, что онъ былъ русскій, знатной фамиліи—графъ Надинъ, какъ называли его товарищи по охотѣ.

Хотя рана была опасна, но Надинъ скоро поправился, благодаря своей молодости, мнѣ и уходу жены Аршамбо. Такъ какъ онъ все еще не могъ много ходить и долженъ былъ очень скучать, зимой, въ лѣсу, въ обществѣ лѣсника, всегда молчаливо курившаго свою трубку, то я часто, возвращаясь отъ своихъ паціентовъ, заѣзжалъ за нимъ и увозилъ его къ себѣ. Онъ обѣдалъ у насъ; иногда даже, когда погода была дурная, оставался ночевать въ домѣ.

Я долженъ сознаться, что обожалъ этого разбойника. Не знаю, гдѣ онъ научился всему, что̀ зналъ, но онъ зналъ все. Онъ служилъ, ходилъ вокругъ свѣта, зналъ военное и морское дѣло. Моей женѣ онъ давалъ рецепты разныхъ домашнихъ средствъ, употребляемыхъ въ его отечествѣ. Дочь научилъ пѣть малороссійскія пѣсни. Мы положительно были имъ очарованы; я—въ особенности, и, возвращаясь вечеромъ домой, прозябшій, промокшій подъ дождемъ, я радъ былъ найти его у своего очага. Жена моя, правда, нѣсколько менѣе поддавалась этому общему увлеченію, но, зная ея характеръ, зная, что она имѣла привычку всегда упрекать меня въ излишней довѣрчивости, я не обращалъ на это вниманія.

Больной между тѣмъ окончательно поправился и могъ бы безопасно провести остальную часть зимы въ Парижѣ. Но онъ не уѣзжалъ. Ему, повидимому, нравились наши мѣста... что̀ его удерживало? я не задавалъ себѣ этого вопроса...

Но вотъ, однажды, жена сказала мнѣ:—«Послушай, Ривальсъ. Надинъ долженъ объясниться или бывать у насъ рѣже... Объ отношеніяхъ его къ Мадленѣ начинаютъ говорить»...

— Къ Мадленѣ? Что̀ за вздоръ! Я наивно былъ убѣжденъ, что графъ остается въ Этіолѣ для меня, для пикета, въ который мы съ нимъ играли по вечерамъ, для нашихъ воспоминаній о морскихъ путешествіяхъ, за стаканомъ грога. Дуракъ! Мнѣ сто̀ило бы только взглянуть на лицо дочери, когда онъ входилъ... Но я ничего не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать. Но нельзя было, однако же, идти противъ очевидности. Мадлена призналась, что они съ Надинымъ любятъ другъ друга. Я тотчасъ же отправился къ графу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ вызвать его на объясненіе. Онъ, дѣйствительно, объяснился, и его искренность и прямота окончательно плѣнили меня. Онъ любилъ мою дочь и просилъ руки ея, не скрывая отъ меня препятствій, которыя должны встрѣтиться со стороны его семейства, проникнутаго дворянскими предразсудками. Онъ прибавилъ, впрочемъ, что онъ уже въ такомъ воз-

растѣ, когда можно обойтись и безъ посторонняго согласія; и что у него есть собственныя средства, хотя небольшія, но которыхъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ я дамъ за Мадленой, будетъ вполнѣ достаточно для того чтобъ безбѣдно прожить вдвоемъ. Слишкомъ значительная разница состояній испугала бы меня, но то, что̀ онъ говорилъ объ ограниченности своихъ средствъ, заставило меня тотчасъ же согласиться. И, притомъ, это добродушіе, эта рѣшительность, эти изящныя манеры... Словомъ, онъ поселился у насъ въ домѣ, какъ нашъ будущій зять, прежде, чѣмъ мы успѣли хорошенько опомниться. Я чувствовалъ, что дѣло сдѣлалось немножко спѣшно... но счастье дочери отуманило мою голову. И когда жена говорила мнѣ: «надо навести справки, нельзя отдавать дочь нашу зря», я смѣялся надъ ея вѣчной подозрительностью. Я былъ такъ увѣренъ въ Надинѣ! Однакожь, разъ, я освѣдомился о немъ у г. Вьёвиля, одного изъ главныхъ акціонеровъ общества сенарской охоты. «Я не знаю Надина, любезный мой г. Ривальсъ, отвѣчалъ тотъ:—онъ мнѣ кажется славнымъ малымъ. Мнѣ извѣстно только, что у него хорошее имя, что онъ—человѣкъ образованный. Этого совершенно довольно для того, чтобы охотиться съ нимъ. Но, разумѣется, еслибъ мнѣ пришлось выдавать за него дочь, я бы не ограничился этими свѣдѣніями. На вашемъ мѣстѣ, я адресовался бы въ русское посольство. Тамъ, вѣроятно, могутъ сообщить вамъ о немъ подробнѣе».

Ты думаешь, можетъ быть, добрый мой Жакъ, что послѣ этого я немедленно бросился въ посольство—такъ нѣтъ же! Я былъ слишкомъ безпеченъ и, главное, слишкомъ неповоротливъ, тяжелъ на подъемъ. Никогда въ жизни я не дѣлалъ того, что̀ хотѣлъ сдѣлать, и все по недостатку времени. Не знаю, трачу ли я его напрасно, но, какихъ бы лѣтъ я ни умеръ, все-таки окажется, что существованіе мое было слишкомъ коротко для того, чтобы сдѣлать что̀ слѣдовало. Жена продолжала безпрестанно напоминать мнѣ объ этихъ справкахъ, и я, чтобъ отдѣлаться, кончилъ тѣмъ, что солгалъ: «Да̀, да̀, я справлялся... свѣдѣнія отличныя... это—извѣстнѣйшая фамилія». Съ тѣхъ поръ я часто припоминалъ странное выраженіе физіономіи этого человѣка въ тѣ минуты, когда я говорилъ, что ѣду въ Парижъ. Но тогда я ничего не видѣлъ. Я всецѣло былъ поглощенъ мыслью о будущемъ счастьи дѣтей своихъ, которые проводили цѣлые дни, дѣлая различныя предположенія, создавая великолѣпные планы... Даже моя добрая жена перестала, наконецъ, сомнѣваться и раздѣляла общую радость. Надину предлагали въ Петербургѣ видное мѣсто въ

администраціи; но каждый годъ молодые супруги должны были проводить у насъ лѣтніе мѣсяцы.

Конецъ зимы прошелъ въ переговорахъ, въ непрестанной корреспонденціи. Графъ ожидалъ бумагъ своихъ. Родители положительно отказывали въ своемъ согласіи; а между тѣмъ, наша короткость росла, связь становилась тѣснѣе, такъ что я думалъ порой съ безпокойствомъ: «а ну, какъ бумаги-то не придутъ?» Но, наконецъ, онѣ были получены... Цѣлый пакетъ іероглифовъ, съ печатями; метрическое свидѣтельство, указъ объ отставкѣ и пр. Сначала думали сдѣлать свадьбу парадную, вѣнчаться въ Парижѣ въ церкви Ѳомы Аквитанскаго, но потомъ Надинъ раздумалъ. Не слѣдовало слишкомъ бравировать родительскую власть, и церемонія произошла скромно, въ маленькой этіольской церкви. Какой это былъ радостный, чудный день! Нужно быть отцомъ, Жакъ, чтобъ понимать эти вещи. Съ какой гордостью я вошелъ въ эту церковь подъ руку съ дочерью. «Она счастлива, говорилъ я себѣ, и одолжена этимъ счастьемъ мнѣ».

Послѣ вѣнчанья и завтрака, молодые уѣхали. Я какъ теперь вижу ихъ въ глубинѣ кареты, прижавшихся другъ къ другу, съ счастливыми, сіяющими лицами. Уѣзжающіе счастливы въ этихъ случаяхъ; но тѣмъ, кто остается — куда тяжело. Когда мы, вечеромъ, сѣли съ женой за столъ, сердце наше сжалось. Мы почувствовали себя одинокими и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга: все это сдѣлалось такъ быстро, что мы не имѣли времени приготовиться къ разлукѣ. Я еще былъ постоянно въ разъѣздахъ; у меня оставались мои паціенты... Но бѣдная жена моя грустно ходила по комнатамъ, останавливаясь передъ каждой вещью, напоминавшей ей отсутствующую. Къ счастью, письма, которыя мы получали изъ Флоренціи, изъ Пизы, дышали любовью и счастьемъ. Притомъ же, мы занимались нашими дѣтьми. Мы начали строить для нихъ отдѣльный флигелекъ, выбирали обои, мёбель; мы каждый день говорили о нихъ: «они теперь тамъ-то... они дальше отъ насъ... они приближаются къ намъ». Наконецъ, мы ждали послѣднихъ писемъ, тѣхъ, которыя путешественники отправляютъ на возвратномъ пути, съ желаніемъ опередить ихъ. Однажды, вечеромъ, когда я позднѣе обыкновеннаго вернулся домой и обѣдалъ одинъ, между тѣмъ какъ жена моя ушла спать, я услышалъ въ саду и потомъ на лѣстницѣ чьи-то поспѣшные шаги. Дверь отворилась. Это была моя дочь. Не та красивая, молодая женщина, что̀ уѣхала мѣсяцъ тому назадъ, но худая, блѣдная, изнуренная, въ плохомъ, поношенномъ платьишкѣ, съ сакъ-вояжемъ въ рукѣ, съ безумнымъ, блуждающимъ взглядомъ.

— Это—я...

— Боже мой! Что̀ случилось съ тобой, дитя мое. А Надинъ?

Ничего не отвѣчая, она закрыла глаза и дрожала, дрожала... Ты можешь себѣ представить что̀ было со мной.

— Говори же, говори, ради Бога, гдѣ мужъ твой?

— У меня его нѣтъ и никогда не было.

И, сидя подлѣ меня, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты сидишь теперь, она шопотомъ, несмотря на меня, разсказала мнѣ свою страшную исторію. Это былъ вовсе не графъ и не Надинъ, а просто авантюристъ изъ малороссійскихъ жидовъ, по имени Решъ. У него была жена въ Ригѣ, жена—въ Петербургѣ. Всѣ бумаги его оказались подложными, и, кромѣ того, онъ обвинялся въ поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Его арестовали въ Туринѣ, и онъ сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Бросивъ свое имущество, платья, брильянты—все, что̀ этотъ негодяй дарилъ ей, Мадлена сѣла въ вагонъ и пріѣхала къ намъ, скрыть въ родномъ гнѣздѣ свой позоръ. Здѣсь она въ первый разъ плакала послѣ катастрофы. Я говорилъ ей: успокойся, не плачь... ты разбудишь мать; но самъ плакалъ еще сильнѣе ея...

О возвращеніи ея вскорѣ узнали въ Этіолѣ. «Ну что̀ наши путешественники, г. Ривальсъ?» спрашивали меня со всѣхъ сторонъ, но по лицу моему видѣли, что я не былъ счастливъ. Не встрѣчая мужа Мадлены, замѣчая, что ни она, ни ея мать никуда не выходятъ, эти добрые люди относились ко мнѣ съ сострадательнымъ участіемъ, которое было для меня тяжелѣй всего. Но я зналъ еще не все. Дочь моя не открыла мнѣ своей тайны. Отъ этого незаконнаго, позорнаго, ложнаго союза долженъ былъ родиться ребёнокъ. Ка̀къ печаленъ былъ домъ нашъ въ то время! Сидя между мной и женой моей, Мадлена шила рубашечки, пелёнки, чепчики, всѣ эти предметы, составляющіе радость и гордость матерей и на которыя она не могла смотрѣть безъ стыда... я такъ думалъ по крайней мѣрѣ. Малѣйшій намёкъ на обманщика заставлялъ ее блѣднѣть и содрогаться. Мысль, что она могла принадлежать такому человѣку, казалось, мучила ее. Но жена моя понимала вещи лучше меня и говорила мнѣ порой: «Ты ошибаешься; я убѣждена, что она еще любитъ его». Да̀, она любила его; и, ка̀къ ни велики были ея презрѣніе и ненависть, но любовь была еще сильнѣе. Ее убила скорѣе мысль, что она не могла перестать любить недостойное существо. Она сошла въ могилу нѣсколько дней спустя послѣ рожденія Сесили. Она, казалось, только и ждала этого, чтобъ умереть; и подъ подушкой ея мы нашли смоченное слезами письмо обманщика—единственное, которое онъ написалъ ей до брака.

Еслибъ не Сесиль, то мы, кажется, не пережили бы этой утраты. Но нужно было воспитать этого ребёнка и постараться, чтобъ она не узнала несчастія, постигшаго ея мать. Это была трудная задача. Отъ отца мы, правда, избавились навсегда, потому что онъ умеръ вскорѣ послѣ своего осужденія. Но, къ несчастію, два или три лица въ Этіолѣ знали эту исторію. Надо было предохранить Сесиль отъ сплетень, и особливо отъ этой наивной жестокости, на которую такъ способны дѣти, съ улыбкой и яснымъ взоромъ повторяющіе все, что̀ они слышатъ. Только благодаря этому, она ничего не знаетъ до сихъ поръ. Ей сказали, что она—сирота, а имя Ривальсовъ, которое она носитъ, объяснили тѣмъ, что ея мать была замужемъ за родственникомъ. Но будущность ребёнка, однакожь, пугала меня. Вѣдь, не могла же она, современемъ, не узнать о своемъ и нашемъ несчастіи. Есть обстоятельства, когда книги меріи должны все открыть; а въ этіольскихъ книгахъ противъ ея имени стояло: «отъ неизвѣстнаго отца». Для насъ замужество Сесили было самымъ страшнымъ моментомъ. Что̀, если она полюбитъ человѣка, который, узнавъ, что она—незаконнорожденная, что она—дочь преступника, не захочетъ взять ее?

Въ это время, твоя мать поселилась въ нашихъ мѣстахъ. Всѣ думали, что она замужемъ за этимъ д'Аржантономъ; но старуха Аршамбо̀ сказала мнѣ по секрету, что они живутъ безъ брака. Тогда меня озарила мысль: вотъ мужъ для Сесили! И съ этой минуты я смотрѣлъ на тебя, какъ на внука... началъ учить, воспитывать тебя. Я часто видѣлъ васъ обоихъ въ своемъ воображеніи большими... вы приходите ко мнѣ и говорите: «дѣдушка, мы любимъ другъ друга»; и я отвѣчаю вамъ: «ка̀къ же иначе? вѣдь, вы оба—бѣдныя, отверженныя существа и будете въ жизни всѣмъ другъ для друга». Вотъ почему я пришелъ въ такую ярость, когда изъ тебя захотѣли сдѣлать работника. Мнѣ казалось, что у меня отнимали мое дитя, мужа моей Сесили. О, ка̀къ я проклиналъ ихъ! Но я все еще не отчаявался. Я говорилъ себѣ: суровыя испытанія въ началѣ жизни часто закаляютъ человѣка. И, если Жакъ побѣдитъ свою печаль, если онъ будетъ много читать, если сохранитъ возвышенныя стремленія, между тѣмъ какъ руки его будутъ работать, онъ останется достойнымъ жены, которую я ему назначаю. Письма, которыя ты писалъ намъ, поддерживали во мнѣ эту увѣренность. Мы читали ихъ всѣ вмѣстѣ и часто говорили о тебѣ.

И вдругъ, эта исторія кражи! О въ какой ужасъ я пришелъ, ка̀къ негодовалъ на слабость твоей матери, на деспотизмъ этого чудовища, погубившаго тебя! Но я не имѣлъ духу убить сим-

патію къ тебѣ въ сердцѣ моей дѣвочки... пускай, думалъ я, она узнаетъ объ этомъ позже, когда умъ ея совсѣмъ сформируется... притомъ же, она съ лѣтами могла забыть тебя. Но нѣтъ; она не забыла; я увидѣлъ это въ тотъ день, когда сказалъ ей о твоемъ возвращеніи. Какъ блистали глаза ея, какъ дѣятельно она работала: это у нея—признакъ волненія... Теперь слушай меня Жакъ. Ты любишь мою внучку—не такъ ли? Такъ завоюй же ее, выйди изъ того положенія, въ которое тебя поставило ослѣпленіе матери. Я близко видѣлъ тебя въ эти два мѣсяца и остаюсь доволенъ тобой какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны. Вотъ что̀ нужно сдѣлать. Учись медицинѣ и займи мое мѣсто въ Этіолѣ. Я думалъ сначала оставить тебя здѣсь; но тебѣ нужно не менѣе четырехъ лѣтъ, чтобъ сдѣлаться лекаремъ; а въ это время твое присутствіе воскресило бы въ нашихъ мѣстахъ воспоминаніе о печальномъ романѣ, который я разсказалъ тебѣ. И притомъ, честному человѣку нужно добывать себѣ хлѣбъ трудомъ. Въ Парижѣ ты раздѣлишь жизнь свою на двѣ части: работай утромъ и учись вечеромъ; учись въ своей комнатѣ, въ клиникѣ, слушай публичные курсы. По воскресеньямъ мы будемъ ждать тебя. Я буду провѣрять, что̀ ты сдѣлалъ за недѣлю, руководить тобой; а свиданіе съ Сесилью придастъ тебѣ силы. Я не сомнѣваюсь, что ты успѣешь. Вельпо и другіе успѣли же—хочешь попытаться?

Жакъ былъ такъ тронутъ, взволнованъ всѣмъ, что̀ онъ слышалъ; дорога, открывавшаяся передъ нимъ, казалась ему такъ хороша, что онъ не нашелся, что̀ отвѣчать доктору, и только бросился ему на шею. Но его пугало одно: захочетъ ли Сесиль ждать четыре года... и не любитъ ли она его только любовью сестры?

— Ну, ужь это—ваше личное дѣло... весело сказалъ Ривальсъ.— За это я не могу отвѣчать. Ступай и спроси самъ. Она теперь наверху.

Спросить самому! Это не легко... когда сердце бьется такъ сильно и когда волненіе душитъ горло. Но Жакъ, однакожь, пошелъ.

— Мадемуазель Сесиль, я уѣзжаю, сказалъ онъ застѣнчиво.

При этомъ извѣстіи, она встала блѣдная.

— Я принимаюсь опять за работу. Но теперь у меня есть цѣль въ жизни. Вашъ дѣдушка позволилъ мнѣ любить васъ, и сказать вамъ, что я употреблю всѣ силы, чтобъ сдѣлаться васъ достойнымъ.

Онъ такъ дрожалъ и такъ тихо говорилъ, что всякая другая дѣвушка не разобрала бы его словъ. Но Сесиль хорошо ихъ

слышала. И, вмѣсто того, чтобы покраснѣть и потупиться, какъ это дѣлаютъ, въ подобныхъ случаяхъ, свѣтскія барышни въ «благородныхъ» семействахъ, она спокойно стояла передъ нимъ съ своей доброй, ясной улыбкой, съ глазами, полными слёзъ. Она знала, что эту любовь ждутъ испытанія, всѣ тревоги долгой разлуки, но она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы придать мужество Жаку, и, когда онъ объяснилъ ей свои предположенія, протянула ему свою маленькую, вѣрную руку, сказавъ:

— Жакъ! Я буду ждать васъ четыре года; буду ждать васъ всегда, другъ мой.

IV.

Товарищъ.

— Послушай-ка, Шрамъ, не знакомъ ли ты съ кѣмъ-нибудь по части желѣза?.. Вотъ парень, побывавшій на пароходахъ, онъ желалъ бы найти работу.

Тотъ, кого называли Шрамомъ, верзила въ матросскомъ кителѣ и въ фуражкѣ, съ большимъ шрамомъ на лицѣ, подошелъ къ прилавку—такъ какъ наемъ рабочихъ почти всегда происходитъ въ кабакахъ предмѣстій—осмотрѣлъ съ ногъ до головы Жака, пощупалъ у него мышцы на рукахъ и сказалъ важно:

— Желательно было бы покрѣпче мышцы, но, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, работалъ на пароходахъ...

— Три года, прибавилъ Жакъ.

— Ну, это доказываетъ, что ты, братъ, сильнѣе, чѣмъ кажешься. Отправляйся къ Эйсендеку, на большой заводъ улицы Оберкампфъ—тамъ требуются поденщики. Скажи приказчику, что тебя посылаетъ Шрамъ... А пока, не угостишь ли бутылочкой?

Жакъ угостилъ ихъ бутылкой вина, потомъ отправился на заводъ и, черезъ часъ, нанявшись у Эйсендека по шести франковъ въ день, шелъ весело по улицѣ Faubourg-du-Temple, отыскивая квартиру по близости завода. Приближался вечеръ, улица имѣла очень оживленный видъ, потому что былъ понедѣльникъ—значитъ праздникъ въ рабочихъ кварталахъ. Кабаки были переполнены. Жакъ былъ счастливъ, полонъ упованій и надеждъ, желая поскорѣе начать двойную жизнь работника и студента. Его поминутно толкали, но онъ этого не замѣчалъ; онъ не чувствовалъ холода этого декабрьскаго вечера и не слышалъ, какъ растрепанныя молодыя работницы говорили, проходя возлѣ него: «вишь, какой красивый!» Весь кварталъ, казалось ему,

гармонировалъ съ его весельемъ и точно одобрялъ его радостное расположеніе духа.

— Какое счастіе жить! Съ какимъ удовольствіемъ я примусь за работу, говорилъ себѣ Жакъ, продолжая идти. И вдругъ онъ наткнулся на огромную, четвероугольную корзину, съ фѣтровыми шляпами и фуражками. Видъ этой корзины, поставленной у стѣны, напоминалъ ему физіономію Белизера. Одна эта корзина неотразимо напомнила ему о немъ, но сходство еще болѣе дополнялось тѣмъ, что она стояла у дверей лавки, окруженной сильнымъ запахомъ кожи, съ витриной, въ которой красовалось нѣсколько рядовъ подошвъ. Жакъ вспомнилъ вѣчное страданіе своего друга разнощика, его постоянную мечту имѣть сапоги, сдѣланные по мѣркѣ его ноги, и, всматриваясь въ лавку, онъ дѣйствительно увидѣлъ грубое и смѣшное лицо продавца фуражекъ, по прежнему безобразнаго, но болѣе опрятнаго и лучше одѣтаго. Жакъ очень обрадовался, и вошелъ въ лавку, незамѣченный Белизеромъ, совсѣмъ поглощеннымъ созерцаніемъ обуви, которую ему показывалъ сапожникъ. Не для себя покупалъ онъ башмаки; они предназначались для мальчугана лѣтъ четырехъ или пяти, блѣднаго, съ огромной головой, качавшейся на худенькихъ плечикахъ. Въ то время, какъ сапожникъ примѣрялъ ему башмаки, Белизеръ говорилъ мальчугану, добродушно улыбаясь:

— Удобно, неправда ли, дружище? Ка̀къ ты думаешь? Будетъ тебѣ въ нихъ тепло, ка̀къ ты думаешь?

Появленіе Жака не удивило его.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ ему спокойно, точно не дольше, какъ вчера, видѣлся съ нимъ.

— Здравствуйте, Белизеръ, что̀ вы тутъ дѣлаете? Это—вашъ мальчикъ?

— О, нѣтъ. Это—мальчуганъ мадамъ Веберъ, отвѣчалъ разнощикъ со вздохомъ, очевидно, означавшимъ: «Ка̀къ бы я хотѣлъ, чтобъ онъ былъ мой!», и прибавилъ, обращаясь къ сапожнику:

— Сапожо̀нки широки, не такъ ли? Нужно вѣдь, чтобы его ножкамъ было привольно... Какой ужасъ, когда обувь давитъ ногу! И бѣднякъ глядѣлъ на свои ноги съ отчаяніемъ, которое доказывало, что, если онъ былъ настолько богатъ, что могъ заказывать по мѣркѣ башмаки для мальчика г-жи Веберъ, то не имѣлъ еще средствъ сдѣлать то же самое для себя. Наконецъ, распросивъ еще разъ мальчика, удобно ли ему въ новыхъ башмакахъ, онъ медленно вытащилъ изъ кармана длинный, вязанный кошелекъ, взялъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и отдалъ

ихъ сапожнику съ тѣмъ важнымъ видомъ, который всегда является у народа, когда дѣло касается денегъ.

— Куда вы направляетесь, товарищъ?.. спросилъ онъ Жака, когда они вышли, такимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ: «если вамъ нужно въ эту сторону, то я какъ разъ иду въ другую».

Жакъ, чувствуя эту холодность, но не объясняя ея себѣ, отвѣчалъ:

— Право, я и самъ не знаю, куда иду... я—поденщикъ у Эйсендека и ищу квартиры неподалеку отъ завода.

— У Эйсендека? переспросилъ Белизеръ, знавшій всѣ заводы и фабрики квартала:—туда не легко попасть; нужно имѣть хорошій аттестатъ.

И онъ мигнулъ глазомъ, глядя на Жака, для котораго слово: хорошій аттестатъ все объяснило. Съ Белизеромъ случилось то же, что̀ случилось съ Ривальсомъ; онъ тоже полагалъ, что Жакъ укралъ шесть тысячъ франковъ—до такой степени справедливо, что подобныя обвиненія, даже если они оказываются ложными, всегда оставляютъ неизгладимыя пятна. Но, когда Белизеръ узналъ, что̀ произошло въ Эндре, когда увидѣлъ свидѣтельство директора, его лицо мгновенно измѣнилось и его всегдашняя улыбка появилась снова на лицѣ.

— Послушайте, Жакъ, теперь поздно искать жилище. Отправляйтесь лучше ко мнѣ; у меня достаточно помѣщенія, и вы можете переночевать... И даже... и даже... Я вамъ даже имѣю кое-что̀ чудесное предложить... Но объ этомъ мы поговоримъ за обѣдомъ. Отправимся.

По дорогѣ, онъ разсказалъ Жаку, что его нантская сестра овдовѣла и что, поэтому, онъ переѣхалъ съ нею въ Парижъ, что провинцію онъ оставилъ и что, къ тому же, торговля недурно идетъ... Отъ времени до времени, среди своихъ разсказовъ, онъ останавливался, выкрикивая: *шляпы, шляпы, шляпы!* Подъ конецъ, онъ принужденъ былъ взять на руки мальчугана г-жи Веберъ, который тихонько жаловался на усталость.

— Бѣдняжка! приговаривалъ Белизеръ:—онъ еще не привыченъ ходить. Онъ никогда не выходитъ; для этого-то именно я и заказалъ ему башмаки... Мать на работѣ цѣлый день. Она разноситъ хлѣбы. Тяжолое ремесло, но она—такой молодецъ! Она отправляется утромъ въ пять часовъ, разноситъ хлѣбъ до полудня, возвращается закусить кое-чѣмъ, потомъ опять бѣгаетъ до вечера. Ребёнокъ все время сидитъ дома. Сосѣдка присматриваетъ за нимъ, а, когда онъ остается одинъ, то его сажаютъ

за столъ, привязавши къ стулу, по причинѣ спичекъ.. Вотъ мы и пришли.

Они вошли въ одинъ изъ громадныхъ домовъ, населенныхъ сплошь рабочимъ людомъ. Въ это время обѣдали. Жакъ, проходя по длиннымъ корридорамъ, видѣлъ обѣдавшихъ за столомъ, освѣщенномъ одною свѣчкой, или же слышалъ стукъ посуды.

— Добраго аппетиту, друзья... говорилъ разнощикъ.

— Здравствуйте, Белизеръ, отвѣчали ему.

Такъ какъ комната Белизера находилась въ шестомъ этажѣ, въ концѣ корридора, то Жакъ видѣлъ всѣ эти бѣдныя рабочія хозяйства, сжатыя точно ячейки улья, котораго верхушку занималъ его другъ. Но Белизеръ, казалось, очень гордился своей комнатой.

— Вы увидите, Жакъ, какъ хорошо я устроился... Подождите только: мнѣ прежде нужно отвести мальчугана г-жи Веберъ.

— Ну, теперь, уйдемъ поскорѣе, сказалъ онъ, возвратившись одинъ.—Г-жа Веберъ скоро вернется; любопытно, что она скажетъ, когда увидитъ новые башмаки на мальчуганѣ... Смѣху-то сколько будетъ! Вѣдь, она и не подозрѣваетъ, кто это сдѣлалъ. Въ домѣ столько народу, и всѣ мальчугана такъ любятъ!.. Посмѣемся же мы!

И онъ впередъ уже смѣялся, отворяя дверь своей комнаты, длиннаго чердака, раздѣленнаго пополамъ загородкой. Цѣлыя кучи шляпъ, фуражекъ указывали на мѣсто жильца, а голыя стѣны говорили о его бѣдности.

— Да развѣ вы, Белизеръ, не живете больше съ вашими родными?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, почесывая въ затылкѣ, по своему обыкновенію.—Знаете, въ большихъ семействахъ не всегда согласно живутъ... Г-жа Веберъ нашла, что я достаточно поработалъ для другихъ, что пора и себѣ кое-что сколотить... Она посовѣтовала мнѣ жить отдѣльно... Съ тѣхъ поръ я заработываю вдвое, могу помогать своимъ, да еще и самъ кое-что сберегаю... Этимъ я обязанъ г-жѣ Веберъ; умная она женщина.

Говоря это, Белизеръ зажигалъ лампу, приводилъ въ порядокъ шляпы и хлопоталъ объ обѣдѣ.

— Ну, теперь, мы можемъ сѣсть за столъ, сказалъ онъ, показывая съ торжествомъ столъ, накрытый вмѣсто скатерти, газетными листами.—Конечно, мой обѣдъ—не то, что та славная ветчина, которой, помните? вы меня угостили во время оно... Господи! какая ветчина! Никогда я не ѣлъ ничего подобнаго.

Но и жареный картофель былъ не дуренъ, и Жакъ отдалъ

ему полную справедливость. Белизеръ, довольный аппетитомъ своего гостя, вторилъ ему, не забывая и обязанностей хозяина.

— Въ самомъ дѣлѣ, у васъ настоящее хозяйство, Белизеръ.

— Ну, не все здѣсь мое; многія вещи принадлежатъ г-жѣ Веберъ, которая одолжила мнѣ ихъ въ ожиданіи...

— Въ ожиданіи чего?

— Въ ожиданіи нашей свадьбы, отвѣчалъ храбро Белизеръ, хотя и покраснѣлъ. Потомъ, замѣтивъ, что Жакъ не смѣется надъ нимъ, продолжалъ:

— Наша свадьба—дѣло рѣшеное съ нѣкотораго времени; большое счастіе для меня—совсѣмъ неожиданное, что г-жа Веберъ согласилась снова выйти замужъ. Она такъ была несчастна со своимъ первымъ мужемъ, который ее билъ, когда напивался пьянъ... Какъ-будто не грѣхъ поднимать руку на такую красивую женщину!.. Да вотъ вы ее сейчасъ увидите... Въ одномъ могу васъ увѣрить: ужь я-то не трону ея, а, если она захочетъ меня колотить, то пускай колотитъ—я не стану ей сопротивляться.

— А когда же свадьба?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Я-то бы хоть сейчасъ, да г-жа Веберъ думаетъ, что, при нынѣшней дороговизнѣ, мы еще не настолько богаты, чтобы однимъ завести хозяйство, и ей бы, поэтому, хотѣлось имѣть товарища.

— Товарища?

— Ну, да̀... Это часто бываетъ въ кварталѣ, у бѣдныхъ людей. Ищутъ товарища, холостого или вдоваго, берущаго на себя часть издержекъ. Ему даютъ жилье, кормятъ его, заботятся объ немъ, на общія деньги. Такимъ образомъ есть экономія; но трудно найти хорошаго товарища, который бы не внесъ безпорядка въ домъ.

— Ну, а я, Белизеръ? Ка̀къ вы меня находите? Хорошій ли я для васъ буду товарищъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Жакъ, вы согласитесь? Вотъ уже часъ какъ я только объ этомъ и думаю, но не смѣлъ сказать вамъ.

— Почему же?

— Да, знаете, у насъ такъ бѣдно...

— Совсѣмъ нѣтъ. Къ тому же и мнѣ слѣдуетъ подумать сколотить кое-что̀, потому что и я, вѣдь, думаю жениться.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но тогда—какой же вы товарищъ?

Жакъ улыбнулся и объяснилъ ему, что его бракъ можетъ состояться только черезъ четыре года, да и то, если онъ будетъ хорошо работать.

— Ну, въ такомъ случаѣ—по рукамъ. Какое счастье, что мы

встрѣтились!. Но вотъ и г-жа Веберъ... Смѣху-то сколько будетъ...

Сильные и быстрые мужскіе шаги послышались на лѣстницѣ. Мальчикъ, заслышавъ ихъ, сталъ кричать и колотить кострюлями по столу...

— Иду, иду, дружокъ... Не плачь, миленькій, кричала разнощица хлѣба, утѣшая мальчугана еще въ корридорѣ.

Отворилась дверь, и за тѣмъ послышалось восклицаніе и молодой, звучный смѣхъ. Лицо Белизера все сморщилось отъ удовольствія.

— Ахъ, шутникъ, вы, шутникъ этакой! сказала она, входя съ ребёнкомъ... Это вы сдѣлали? Вишь, какіе прелестные башмаки!

И она смѣялась почти сквозь слёзы.

— Хитрая-то какая, а? говорилъ въ это время Белизеръ, тоже покатываясь со смѣху...—Какъ это она догадалась?

Успокоившись, г-жа Веберъ сѣла за столъ; Жакъ былъ ей представленъ въ качествѣ товарища. Сначала она приняла его довольно холодно, но, когда она разсмотрѣла кандидата на эту высокую должность и узнала, что Белизеръ знаетъ его лѣтъ десять, ея лицо просвѣтлѣло и она протянула руку Жаку. Объяснившись и поговоривъ вдоволь, она занялась устройствомъ помѣщенія для товарища. Было рѣшено, что до свадьбы Жакъ будетъ жить вмѣстѣ съ Белизеромъ и будетъ спать въ первой комнатѣ. Обѣдать будутъ вмѣстѣ, и Жакъ будетъ вносить свою часть всякую субботу. Послѣ же свадьбы, новое товарищество пріищетъ новое помѣщеніе, ближе къ Эйсендеку.

Въ то время, когда эти важные вопросы рѣшались, каждый занялся своими дѣлами, а Жакъ сталъ раскладывать книги доктора Ривальса. Нѣсколько дней назадъ, когда онъ находился еще въ Этіолѣ, онъ бы очень удивился, еслибъ ему сказали, что онъ съ жаромъ снова начнетъ жизнь работника, не чувствуя ни униженія, ни устали. А между тѣмъ, это случилось. Конечно, приходилось вторично пройти этотъ адъ, но въ концѣ— его ожидали надежды.

Новая мастерская напоминала ему Эндре. Здѣсь, по недостатку мѣста, въ одной залѣ помѣщались въ три этажа машины. Жакъ работалъ на самомъ верху, подъ окномъ, куда весь шумъ мастерской, паръ и пыль подымались, смѣшиваясь. Когда онъ облакачивался на перила этой галлереи, передъ нимъ развертывался весь этотъ человѣческій механизмъ въ движеніи: кузнецъ у огня, механики за станками, а внизу, въ бѣлыхъ блузахъ, суетившіяся работницы.

Воздухъ былъ удушливъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь не чувствовались, какъ въ Эндре, пространство и морской вѣтеръ. Но Жакъ уже привыкъ къ труду и выносилъ его; онъ чувствовалъ себя выше трудностей и огорченій своего положенія; работу онъ выполнялъ добросовѣстно, но мысль его была не тутъ.

Возвращаясь съ завода домой, Жакъ принимался за другой, вечерній трудъ, болѣе ему симпатичный. Онъ окружилъ себя книгами и удивлялся, кàкъ легко вспоминаетъ всё чтò выучилъ ребёнкомъ. Онъ зналъ больше, чѣмъ полагалъ. Возлѣ него Белизеръ шилъ фуражки или шляпы въ почтительномъ молчаніи. Онъ потѣлъ, видя усилія Жака, высовывалъ языкъ, обнаруживалъ нетерпѣніе, а, когда товарищъ добирался до смысла какого-нибудь труднаго мѣста въ книгѣ, то и онъ съ торжествомъ покачивалъ головой. Шелестъ большой иголки разнощика, пронизывающей толстую солому; перо учащагося, скользящее нетерпѣливо по бумагѣ; большіе лексиконы, съ шумомъ перелистываемые—все это наполняло мансарду атмосферой здороваго и спокойнаго труда, и, когда Жакъ приподнималъ глаза, онъ видѣлъ напротивъ, въ окнахъ, свѣтъ трудовыхъ лампъ, мелькающія тѣни, всю оборотную сторону парижской ночи, все, чтò живетъ въ темныхъ закоулкахъ въ то время какъ парижскіе бульвары блестятъ яркимъ свѣтомъ.

Въ половинѣ вечера, уложивши ребёнка спать, г-жа Веберъ приходила работать къ своимъ друзьямъ. Она починяла бѣлье мальчика, Белизера и товарища. Было рѣшено, что свадьба совершится весной, такъ какъ зимой слишкомъ много издержекъ и безпокойствъ. Въ ожиданіи свадьбы, невѣста и женихъ работали другъ возлѣ друга; но, все-таки, Белизеру чего-то недоставало, потому что, когда онъ сидѣлъ около разнощицы хлѣба, лицо его принимало грустное выраженіе, и онъ вздыхалъ по временамъ. Иногда, правда, онъ пробовалъ было взять руку г-жи Веберъ, съ тайнымъ желаніемъ удержать ее въ теченіи нѣсколькихъ секундъ въ своей рукѣ, но она всегда находила, что работа запоздала, и они довольствовались тѣмъ, что въ тактъ дѣйствовали иголками, разговаривая шопотомъ. Жакъ не оборачивался, боясь ихъ стѣснять, и думалъ: «Кàкъ они счастливы!»

Чтò же касается его самого, то онъ былъ счастливъ только по воскресеньямъ, когда отправлялся въ Этіоль. Г-жа Веберъ еще съ вечера приготовляла ему бѣлье и франтовское платье. И чтò за чудныя мгновенія проводилъ онъ въ Этіолѣ! Весь домъ ожидалъ его и радостно встрѣчалъ, въ особенности взволнованная Сесиль, лицо которой, при видѣ ея друга, покрывалось краской. Какъ и прежде, когда они были дѣтьми, онъ

бралъ у нея уроки и умный взглядъ молодой дѣвушки ободрялъ его, помогалъ ему понимать. Ривальсъ исправлялъ то, что̀ онъ сдѣлалъ въ теченіи недѣли, объяснялъ, задавалъ новый урокъ. Послѣ урока, если случалась хорошая погода, всѣ отправлялись гулять въ лѣсъ, и это были лучшія минуты дня. Докторъ нарочно замедлялъ свои шаги, пропустивъ впередъ молодыхъ людей, шедшихъ рука объ руку и взволнованныхъ разговоромъ, свободу котораго нѣсколько стѣсняло наивное простодушіе доктора.

Для того, чтобы войти въ ту часть лѣса, которая называется большимъ Сенаромъ, нужно было проходить мимо домика, куда, отъ времени до времени, докторъ Гиршъ являлся производить свои опыты. Дымъ, выходя изъ трубы, наполнялъ воздухъ сильнымъ ароматическимъ запахомъ.

— Ага! отравитель здѣсь, говорилъ Ривальсъ молодымъ людямъ.—Чувствуете ли вы запахъ его чертовой кухни?

Сесиль останавливала его:

— Остерегитесь, дѣдушка, онъ можетъ насъ слышать.

— Пускай слышитъ... Не думаешь ли ты, что я боюсь его? Не безпокойся, не явится! Съ того дня, какъ онъ вздумалъ стать на дорогѣ между мной и Жакомъ, онъ узналъ, что у стараго Ривальса кулакъ еще крѣпокъ!

Но молодые люди, тѣмъ не менѣе, говорили тише и спѣшили пройти мимо «Parva domus». Они чувствовали, что ничего не найдутъ тамъ для себя хорошаго и, казалось, угадывали ядовитый взглядъ доктора Гирша, спрятавшагося за занавѣской окна. Въ сущности, чего имъ было бояться его шпіонства? Развѣ не все было кончено между д'Аржантономъ и сыномъ Шарлотты? Вотъ уже три мѣсяца, какъ они не встрѣчались, раздѣляемые другъ отъ друга ненавистью. Жакъ слишкомъ любилъ свою мать, чтобы обвинять ее въ томъ, что у ней есть любовникъ; но, съ тѣхъ поръ, какъ его любовь къ Сесили развила въ немъ чувство собственнаго достоинства, онъ ненавидѣлъ любовника своей матери, дѣлая его отвѣтственнымъ за ошибки этой слабой женщины. Шарлотта, боясь сценъ и объясненій, оставила мысль примирить ихъ. Она перестала говорить съ д'Аржантономъ о своемъ сынѣ, но украдкой назначала ему свиданія.

Раза два или три, она пріѣзжала въ фіакрѣ, подъ густой вуалью, въ мастерскую улицы Оберкампфъ къ Жаку, котораго его товарищи видѣли разговаривающимъ съ женщиной, еще молодой и слишкомъ элегантно одѣтой. И въ мастерской пошла молва, что это—любовница Жака. Его стали поздравлять, пола-

тая, что это—одна изъ тѣхъ странныхъ связей богатой кокотки съ простымъ работникомъ, которыя встрѣчаются чаще, чѣмъ можно полагать. Для Жака эти подозрѣнія были вдвойнѣ оскорбительны и, не объясняя ихъ Шарлоттѣ, онъ просилъ ее не пріѣзжать, ссылаясь на строгія правила мастерской. Съ тѣхъ поръ они видѣлись изрѣдка въ общественныхъ садахъ, и въ особенности въ церквахъ, потому что, какъ и всѣ, подобныя ей, она, старѣясь, дѣлалась ханжей, вслѣдствіе наплыва чувствительности, изъ любви къ почестямъ, церемоніямъ, изъ необходимости удовлетворить послѣднимъ вспышкамъ тщеславія хорошенькой женщины. Въ эти рѣдкія и короткія свиданія Шарлотта, по своей всегдашней привычкѣ, болтала все время, хотя съ видомъ усталымъ и грустнымъ. Она, однакожь, увѣряла, что счастлива, спокойна и полна надеждъ на литературное будущее г. д'Аржантона. Но, однажды, выходя изъ Пантеона, она сказала сыну съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Жакъ... не можешь ли ты... представь себѣ, что мнѣ недостаетъ денегъ... Я, право, не знаю, кàкъ это я такъ свела мои счеты. Я не рѣшаюсь обратиться къ нему за деньгами; его дѣлà идутъ плохо. Не можешь ли ты мнѣ дать въ займы на нѣсколько дней?..

Онъ не позволилъ ей окончить. Онъ только-что получилъ свой заработокъ и положилъ его въ руки своей матери, краснѣя. Потомъ, на улицѣ, онъ замѣтилъ, что въ полутьмѣ церкви не разглядѣлъ слѣдовъ отчаянія на этомъ улыбающемся лицѣ. Страшное страданіе стѣснило ему грудь.

— Помни, мать, что, если ты будешь нуждаться или будешь несчастна, обратись ко мнѣ. Я былъ бы такъ радъ жить вмѣстѣ съ тобой!..

Она дрогнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, это — невозможно... отвѣчала она тихо. — Теперь онъ слишкомъ несчастенъ; это будетъ гадко... И она быстро удалилась, точно боясь уступить какому-нибудь искушенію.

V.

Хозяйство Жака.

Дѣло происходитъ утромъ, лѣтомъ, въ кварталѣ Менильмонтанъ, въ маленькой квартирѣ улицы des Panoyaux. Белизеръ и его товарищи уже на ногахъ, хотя только-что насталъ день.

Одинъ суетится, стараясь какъ можно меньше дѣлать шуму, мететъ, чиститъ сапоги, приводитъ все въ порядокъ, и, удивительно, кàкъ это неуклюжее существо ловко, кàкъ оно заботится, чтобы не помѣшать своему товарищу, расположившемуся у открытаго окна. Когда Жакъ подымаетъ глаза отъ книги, онъ видитъ передъ собой цинковую крышу сосѣдней фабрики. Какъ только солнечные лучи падутъ на эту крышу, она сдѣлается блестящимъ зеркаломъ, котораго блескъ трудно перенести. Внизу поютъ пѣтухи въ курятникахъ, устроиваемыхъ продавцами гдѣ-нибудь, въ углу сарая или сада. До пяти часовъ не слышно другаго шуму. Вдругъ раздается крикъ: «m-me Жакобъ, m-me Матьё! вотъ хлѣбъ!» Это—сосѣдка Жака, принимающаяся за свое ремесло. Съ передникомъ, наполненнымъ хлѣбами различныхъ величинъ и еще горячихъ, она проходитъ по корридорамъ, лѣстницамъ и у дверей, гдѣ висятъ кувшины съ молокомъ, ставитъ длинные хлѣбà и зоветъ своихъ кліентокъ, которыхъ она, въ то же время, будитъ. На призывъ г-жи Веберъ домъ просыпается: начинается бойкая бѣготня по лѣстницамъ; дѣти съ торжественнымъ крикомъ несутъ хлѣбы, съ движеніемъ Гарпагона, крѣпко прижавшаго къ себѣ свою шкатулку—движеніемъ, которое вы увидите у всѣхъ бѣдняковъ, выходящихъ изъ булочной и дающей удивительное понятіе о томъ, чтò такое хлѣбъ.

Вскорѣ всѣ на ногахъ. Напротивъ Жака, на другой сторонѣ фабрики, открываются òкна. У одного садится женщина съ грустнымъ лицомъ и принимается шить на машинѣ, въ то время какъ маленькая дѣвочка помогаетъ ей, поддерживая куски матеріи. У другаго—молодая дѣвушка, уже причесанная, наклонилась и рѣжетъ хлѣбъ своего скуднаго завтрака. Всѣ эти бѣдныя жилища выходятъ къ стѣнѣ громаднаго дома; тутъ все черно, все безобразно. Но Жакъ не смущается этимъ; его поражаетъ, однакожь, голосъ старой женщины, повторяющей каждое утро, съ горечью, одну и ту же фразу: «Кàкъ теперь должно быть хорошо въ деревнѣ!». Кому она говоритъ это? Никому или всѣмъ. Жакъ согласенъ съ ней; и его мысль останавливается на уединенной деревенской улицѣ, на маленькой двери, выкрашенной зеленой краской, гдѣ написано: «звонокъ доктора». Въ то время, какъ его мысль блуждала тамъ, въ корридорѣ послышался шелестъ шелковаго платья.

— Направо, говоритъ Белизеръ, приготовляющій кофе.

Ключъ повертывается налѣво.

— Да направо же. Но ключъ не слушается. Белизеръ, съ ко-

фейникомъ въ рукѣ, отворяетъ дверь, и Шарлотта, вбѣжавъ въ комнату, бросается на шею Жаку.

— Спаси меня, Жакъ, защити меня... Этотъ человѣкъ, этотъ мерзавецъ, которому я все отдала, всѣмъ пожертвовала, своей жизнью, жизнью своего ребёнка, онъ ударилъ меня... да̀, ударилъ! Сегодня утромъ, когда онъ возвратился, не бывши дома два дня, я хотѣла сдѣлать ему нѣсколько замѣчаній. Полагаю, что имѣла на это право. Но онъ пришелъ въ бѣшенство, и поднялъ на меня руку, да̀!..

Окончаніе фразы теряется въ рыданіяхъ. Съ первыхъ же словъ несчастной женщины Белизеръ, удалился; Жакъ, съ грустью, почти съ отчаяніемъ, смотритъ на свою мать. Ка̀къ она измѣнилась! Ка̀къ она блѣдна! Утромъ, слѣды времени еще рѣзче виднѣются на ея лицѣ, а сѣдые волоса̀, которые она забыла скрыть, блестятъ на вискахъ. Не обращая вниманія на слёзы, она говоритъ быстро и разсказываетъ безпорядочно, ка̀къ придется, все что̀ у ней накопилось противъ человѣка, котораго она только-что покинула.

— О, еслибы ты зналъ, ка̀къ я страдала, милый Жакъ, цѣлыхъ десять лѣтъ! Ка̀къ онъ меня оскорблялъ... Все время онъ проводитъ въ кафэ, въ портерныхъ, гдѣ бываютъ развратныя женщины. Тамъ-то и пишется теперь журналъ. Можешь, поэтому, вообразить, ка̀къ онъ хорошъ теперь. Послѣдняя книжка рѣшительно никуда не годится... Знаешь, когда онъ пріѣзжалъ въ Эндре съ деньгами, и я тамъ была, въ ближайшей деревнѣ, и ужасно хотѣла тебя видѣть, но онъ не захотѣлъ этого! Не зло ли это? Онъ тебя ненавидитъ только потому, что ты можешь обойтись безъ него. А еще онъ сталъ упрекать насъ тѣмъ, что ты его разоряешь! Хочешь, я тебѣ скажу еще одну вещь, которую онъ сдѣлалъ? Я не хотѣла тебѣ этого говорить, но сегодня не могу умолчать. Знаешь, у меня было десять тысячъ франковъ, которыя «нашъ другъ» далъ мнѣ для тебя. Онъ ихъ ухлопалъ на свой журналъ—да̀. . и когда я спросила его: не считаетъ ли онъ себя въ долгу передъ тобой—знаешь, что̀ онъ сдѣлалъ? Онъ написалъ длинный счетъ всего того, что̀ издержалъ на тебя, на твое содержаніе, на твою жизнь въ Этіолѣ и у Рудика. Онъ насчиталъ пятнадцать тысячъ, но говоритъ, что не требуетъ съ тебя ничего. Не правда ли, великодушно? Я, все-таки, терпѣла, выносила его несправедливости, бѣшенство, ненависть къ тебѣ, потому что, вѣдь, это не мѣшало мнѣ любить тебя. Но оставить меня двѣ ночи сряду въ ожиданіи, возбудить мою ревность, предпочесть мнѣ какую-то актрису, встрѣтить мои упрёки презрительно и, въ припадкѣ бѣшенства, уда-

рить меня... меня, Иду де-Баранси! Это было слишкомъ для моей гордости! Я одѣлась, надѣла шляпу, потомъ подошла къ нему и сказала: «Посмотрите на меня хорошенько, г. д'Аржантонъ, вы имѣете честь видѣть меня въ послѣдній разъ. Я бросаю васъ. Я иду къ моему сыну. Желаю вамъ найти другую Шарлотту; что̀ же касается до меня, то съ меня довольно». И я уѣхала.

Жакъ слушалъ ее молча; когда она окончила, онъ взялъ ее за руку и сказалъ съ большою нѣжностью и почти торжественно:

— Благодарю тебя, мать, что ты пріѣхала ко мнѣ... Тебя только недоставало въ моей жизни. Теперь ты со мной—и больше я ничего не желаю. Но, берегись: я не позволю тебѣ больше оставить меня.

— Ты думаешь, что я возвращусь къ нему? Нѣтъ, Жакъ; я хочу жить съ тобой. Помнишь, я сказала тебѣ, что настанетъ день, когда я буду нуждаться въ тебѣ. Этотъ день насталъ и, клянусь тебѣ, что я рада этому.

Послѣ безконечныхъ ласкъ, ея волненіе, мало-по-малу, утихло, и, увлеченная новымъ порядкомъ идей, она стала рисовать картины ихъ будущей жизни, находя, впрочемъ, что комната Жака никуда не годится, но что, все-таки, въ ней она отыскала второй рай. Эта нѣсколько легкомысленная оцѣнка квартиры, которую Белизеръ и Жакъ находили превосходною, возбудила въ Жакѣ нѣкоторыя безпокойства относительно будущаго; но онъ не имѣлъ времени остановиться на этомъ. Прежде всего, надо было переговорить съ Белизеромъ, который нахмурился, когда увидѣлъ, что ему приходится разстаться съ мыслью о товариществѣ. «Теперь онъ не будетъ жить съ нами, и наша свадьба опять отложена!» Но онъ не показалъ этого и думалъ только о томъ, ка̀къ бы вывести изъ затрудненія своего пріятеля. Было рѣшено, что Жакъ съ матерью займетъ ихъ квартиру, а свои шляпы Белизеръ сложитъ у г-жи Веберъ и поищетъ въ домѣ для себя комнатку.

— Все это—пустяки... говорилъ разнощикъ, стараясь принять веселый видъ. Они вошли. Жакъ представилъ своего друга матери. Онъ сейчасъ же занялся покупкой необходимыхъ вещей, а Жакъ отдалъ свои сбереженія матери, говоря:

— Если стряпня тебѣ надоѣдаетъ, то г-жа Веберъ займется ею, когда будетъ возвращаться вечеромъ.

— Стряпня совсѣмъ мнѣ не надоѣдаетъ. Это—мое дѣло. Я попрошу только г. Белизера указать мнѣ, гдѣ покупать провизію.

Я буду у тебя хозяйничать и не хочу нисколько стѣснять твоей жизни...

И, говоря это, она скинула свою шаль, засучила рукава, готовая приняться за дѣло. Жакъ, обрадованный ея рѣшимостью, обнялъ ее и отправился на заводъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Когда онъ возвратился, онъ почти не узналъ своей комнаты. Вычищенная, вымытая, съ красивой кроватью и туалетнымъ столикомъ, комната совершенно преобразилась. Большіе букеты красовались въ вазахъ, а на накрытомъ столѣ стояли двѣ бутылки вина.

— Ну, какъ ты находишь наше жилище?

Онъ поцаловалъ ее.

— Великолѣпно.

— Думаешь, что я скоро справилась? Бель много мнѣ помогъ, какой онъ милый!

— Кто? Белизеръ?

— Ну, да, Бель, да еще г-жа Веберъ.

— Я вижу, что вы—ужь друзья.

— Еще бы! Они такіе предупредительные, такіе любезные. Я ихъ пригласила обѣдать съ нами.

— А посуда?

— Я немножко купила, очень мало. У сосѣдей я заняла нѣсколько тарелокъ. Эти Левендре тоже очень любезны.

Жакъ, не имѣя понятія о своихъ сосѣдяхъ, открылъ удивленные глаза.

— Но это еще не все, Жакъ... Ты еще не видѣлъ этого пирога. Я отправилась за нимъ на Площадь Биржи, тамъ дешевле. Но я очень устала и назадъ вернулась въ каретѣ.

Въ этомъ она вся выказалась: карета въ два франка, чтобы сохранить нѣсколько су!

Ихъ разговоръ прервался прибытіемъ Белизера, г-жи Веберъ и мальчугана съ огромной головой. Не было ничего комичнѣе той покровительственной фамильярности, съ которой Ида де-Баранси обращалась къ своимъ новымъ друзьямъ:

— Съ вашего позволенія, Бель... Г-жа Веберъ, не затворите ли вы двери? Мальчикъ чихнулъ.

И все это—съ важнымъ видомъ, съ любезностью свѣтской дамы и съ желаніемъ не стѣснять никого. Но г-жа Веберъ и безъ того была вполнѣ въ своей тарелкѣ. Она нисколько не конфузилась, сознавая свои достоинства. Мальчуганъ тоже безъ всякаго стѣсненія уписывалъ пирогъ. Одинъ только Белизеръ конфузился, а, къ тому же, его мучили мрачныя мысли. Онъ ду-

малъ, что счастіе такъ близко, и вотъ теперь опять оно удаляется на неопредѣленное время.

Когда гости ушли, Жакъ разсказалъ матери свои проекты и свои заботы. Онъ открылъ ей также тайну своего сердца и двойную жизнь, которую велъ. Прежде онъ ей объ этомъ никогда не говорилъ: онъ слишкомъ хорошо ее зналъ, чтобы довѣрить ей свои проекты. Онъ боялся, что она все разскажетъ д'Аржантону. Но теперь, когда его мать съ нимъ, теперь, когда она возвратилась къ нему, онъ могъ ей говорить о Сесиль. Жакъ разсказалъ свою любовь, мечты своей юности. Но мать не понимала его. Хотя она была очень чувствительна, но любовь не имѣла того же значенія для нея, какъ для него. Слушая его, она была взволнована, точно такъ же, какъ была бы взволнована, слушая третье дѣйствіе мелодрамы, когда ingénue, въ бѣломъ платьицѣ, съ передникомъ на розовыхъ ленточкахъ, выслушиваетъ объясненіе въ любви jeune premier, завитаго по послѣдней модѣ. Она восторгалась зрѣлищемъ этой цѣломудренной страсти. «Какъ это мило, какъ поэтично!» говорила она. «Какую вы прелестную парочку, должно быть, составляете! Точно Поль и Виржинй!» Но болѣе всего поражало ее то, что въ жизни Сесиль было много неожиданнаго, необыкновеннаго. Она постоянно прерывала Жака: «Настоящій романъ, настоящій... Какую раздирательную драму можно было бы написать?» Жакъ, разсказывая, переживалъ, свои волненія, свои проекты, свои мечты, не замѣчая, что для нея вся эта исторія резюмировалась банальнымъ впечатлѣніемъ.

VI.

Свадьба Белизера.

Не прошло недѣли послѣ этого, какъ однажды, вечеромъ, Белизеръ явился къ нему въ мастерскую съ радужной физіономіей.

— Знаешь, какъ я счастливъ, Жакъ! Мы нашли, наконецъ, товарища. Г-жа Веберъ видѣла его и согласилась. Дѣло сдѣлано; скоро и свадьбу сыграемъ.

Давно была пора; несчастный чахнулъ, худѣлъ, въ особенности, видя приближающееся лѣто. Жакъ, бывшій невольной причиной печали своего друга, такъ же обрадовался, какъ и онъ, доброй вѣсти.

— Покажи-ка мнѣ его, этого товарища.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ Белизеръ, указывая на верзилу, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ позади, въ блузѣ, съ молоткомъ въ рукѣ и въ кожанномъ передникѣ. Лицо, замѣчательное ничего невыражающими чертами, точно заснувшее, красноватое отъ частаго употребленія бутылки, наполовину пряталось въ большую бороду, нечесанную, нечистую, безцвѣтную, напоминающую того застольника гимназіи Моронваля, котораго «неудачники» называли «человѣкъ, читавшій Прудона». Если физическія сходства ведутъ за собой нравственныя аналогіи, то новый товарищъ Белизера, по имени Рибарò, долженъ былъ быть не злымъ малымъ, но порядочнымъ лѣнтяемъ, съ претензіями, невѣжей и пьяницей. Жакъ, конечно, умолчалъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Къ тому же, г-жа Веберъ дала свое согласіе; правда, добрая женщина поступила, какъ поступилъ Жакъ: видя счастіе Белизера, она рѣшилась не быть слишкомъ требовательной и удовольствовалась этимъ товарищемъ, за неимѣніемъ другого.

Въ теченіи двухъ недѣль, предшествовавшихъ свадьбѣ, какими радостными и счастливыми криками: «шляпы, шляпы!», оглашались дворы рабочихъ домовъ Менильмонтана, Бельвиля, Вильеты! Наконецъ, насталъ и великій день. Противъ воли г-жи Веберъ, Белизеръ рѣшился отпраздновать этотъ день самымъ грандіознымъ образомъ. Въ буржуазіи, обыкновенно, бракъ въ мэріи происходитъ въ одинъ день, а въ церкви — на слѣдующій; но народъ, не имѣя возможности терять такъ много времени, соединяетъ всѣ эти церемоніи вмѣстѣ и почти всегда выбираетъ для этого суботу. Нужно видѣть мэріи въ этотъ день. Съ самаго утра, улица загромождена фіакрами; всѣ свадьбы смѣшиваются вмѣстѣ; шафера знакомятся, въ ожиданіи, отправляются выпить рюмку коньяку; невѣсты осматриваютъ другъ друга въ то время, какъ родители, которымъ надоѣдаетъ долгое ожиданіе, болтаютъ вполголоса. Несмотря на свой грязный видъ, мэрія производитъ на нихъ впечатлѣніе — все ихъ занимаетъ и пугаетъ. Законъ дѣлаетъ на нихъ впечатлѣніе свѣтской дамы-незнакомки, принимающей ихъ въ своей гостиной... Надо прибавить, что изъ множества свадебъ, наполнявшихъ маленькій дворъ менильмонтанской мэріи, свадьба Белизера была одной изъ самыхъ блестящихъ, хотя у невѣсты не было бѣлаго платья. Г-жа Веберъ, въ качествѣ вдовы, была въ ярко-синемъ платьѣ, съ шалью на рукѣ и въ пышномъ чепчикѣ, украшенномъ лентами и цвѣтами. Она шла подъ руку съ отцомъ Белизера, совсѣмъ желтымъ старичкомъ, съ крючковатымъ носомъ и быстрыми жеста-

ми. Белизеръ шелъ во второй парѣ подъ руку съ своей сестрой, вдовой изъ Нанта, съ такимъ же носомъ, какъ и у ея отца. Самого же Белизера никто бы не узналъ. На лицѣ не было и слѣда его прежнихъ страданій; почти красивый, съ головой, поднятой гордо вверхъ, онъ шелъ торжественно, въ новыхъ башмакахъ, сдѣланныхъ на заказъ, чрезвычайно длинныхъ и широкихъ. Но зато Белизеръ чувствовалъ себя хорошо, такъ хорошо, какъ будто получилъ пару новыхъ ногъ. Онъ держалъ за руку мальчугана г-жи Веберъ, котораго огромная голова казалась еще больше, вслѣдствіе эксцентрической прически мѣстнаго парикмахера. За ними шли, по очереди, новый товарищъ въ новой блузѣ, булочникъ — патронъ г-жи Веберъ, супруги Левендре, сестры и братья Белизера, сосѣди, друзья, наконецъ, Жакъ безъ матери, такъ какъ г-жа де-Баранси согласилась пріѣхать на обѣдъ, но не рѣшилась присутствовать на вѣнчаніи.

Послѣ всѣхъ церемоній, компанія отправилась на венсенскую станцію желѣзной дороги. Обѣдъ долженъ былъ происходить въ Сен-Мандэ, въ ресторанѣ. Когда компанія пріѣхала, зала не была еще свободна, и потому отправились погулять въ венсенскомъ паркѣ, закусывая бисквитами, въ ожиданіи обѣда. Наконецъ, одинъ изъ гостей извѣстилъ, что все готово, и всѣ отправились въ ресторанъ.

Столъ былъ накрытъ въ одной изъ залъ, разукрашенной безобразными фресками, съ позолотой и зеркалами. Здѣсь, такъ же, какъ и въ мэріи, гостямъ сначала было не по себѣ передъ этимъ большимъ столомъ, посерединѣ котораго стояли букеты искусственныхъ цвѣтовъ, неизбѣжныхъ спутниковъ всѣхъ свадебныхъ обѣдовъ. Въ ожиданіи г-жи де-Баранси, всѣ разсѣлись. Молодой хотѣлъ-было сѣсть рядомъ съ женой, но вдова изъ Нанта замѣтила, что это больше не дѣлается, что это неприлично и что нужно, чтобы молодые сѣли другъ противъ друга. Такъ и было сдѣлано, но, послѣ длиннаго спора, во время котораго старый Белизеръ, обращаясь къ своей невѣстѣ, спросилъ ее насмѣшливо:

— Да какъ же надо? Какъ было во время свадьбы съ г. Веберомъ?

Разнощица хлѣба отвѣчала совершенно спокойно, что она вышла замужъ въ деревнѣ, на фермѣ, и что даже прислуживала за столомъ. Старикъ остался съ носомъ; но легко было видѣть, что Белизеры были недовольны и что никакая роскошь обѣда не могла имъ возвратить хорошаго расположенія духа.

Въ началѣ, всякій ѣлъ молча, во-первыхъ, чтобы утолить голодъ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе нѣкоторой конфузливости

причиняемой въ особенности офиціантами во фракахъ. Странный типъ представляютъ собой эти трактирные лакеи въ окрестностяхъ Парижа: физіономіи истасканныя, нахальныя, тщательно выбритыя, въ бакенбардахъ, съ выраженіемъ ироническимъ, почти строгимъ, административнымъ. Точно префекты въ отставкѣ, принужденные заработывать хлѣбъ «въ пòтѣ лица». Комичнѣе всего было то презрѣніе, съ какимъ они смотрѣли на этихъ бѣдныхъ работниковъ, справлявшихъ свадьбу по пяти франковъ съ человѣка. Эта огромная сумма «пять франковъ» вызывала глýпое презрѣніе гарсоновъ, иронически посматривавшихъ на гостей. *Menu*, переходившее изъ рукъ въ руки, представляло собой чтò-то таинственное, вслѣдствіе названій, совершенно непонятныхъ для гостей: Marengo, Richelieu, Chateaubriand, Barigoule... И все это, вѣдь, нужно будетъ ѣсть! Представьте себѣ этихъ несчастныхъ, когда нахальный гарсонъ пристаетъ къ нимъ съ вопросомъ: «bisque или purée Crécy?»... или: «Xerès ou Pacaret?» Кàкъ рѣшать? Всякій колебался, потомъ выбиралъ наудачу. Впрочемъ, дѣло не въ выборѣ: на тарелкахъ красовалась одна и та же теплая и сладковатая водица, а бутылки представляли одну и ту же мутную желтую жидкость. Гости съ отчаяніемъ посматривали другъ на друга, не зная, которую изъ многочисленныхъ рюмокъ надо протянуть гарсону. «Товарищъ» рѣшилъ вопросъ тѣмъ, что всѣ жидкости пилъ изъ одной и той же рюмки, самой большой. Кàкъ бы то ни было, но все это вмѣстѣ образовало нѣкоторую неловкость и стѣсненіе между гостями, и неизвѣстно, долго ли бы оно длилось, еслибы молодая, первая, не поправила дѣло. Эта добрая женщина скоро сама опомнилась и, обращаясь къ мальчугану, сказала:

— Не стѣсняйся дружòкъ; ѣшь все. Намъ стòитъ это достаточно дорого.

Это подѣйствовало и на другихъ, и вскорѣ всѣ принялись за блюда, какъ ни въ чемъ не бывало. Одни только Белизеры составляли дисгармонію, но на нихъ никто не обращалъ вниманія. Пиръ началъ оживляться, когда отворились двери и вошла улыбающаяся Ида де-Баранси.

— Прошу извиненія; но моя карета едва подвигалась. Къ тому же, это такъ далеко: я вообразила, что никогда не пріѣду.

Она надѣла свое лучшее платье, пользуясь случаемъ поблестѣть хоть среди работниковъ. Она произвела удивительный эффектъ. Она такъ шикарно сѣла, положила свои перчатки на стаканъ, подозвала гарсона, потребовала развязно menu—все это произвело настоящій фуроръ. Надо было видѣть, кàкъ она обра-

щалась съ этими нахалами-гарсонами! Она узнала одного изъ нихъ, того, который погружалъ въ уныніе Белизера; прежде, она видала его въ одномъ изъ ресторановъ итальянскаго бульвара, гдѣ иногда ужинала съ д'Аржантономъ послѣ театра.

— А! вы здѣсь теперь?.. Ну, что̀ вы мнѣ дадите?

Она громко смѣялась, показывала свои бѣлыя руки, поправляла браслеты, осматривала себя въ зеркало и рукой здоровалась съ сыномъ. Потомъ, потребовала табуретъ, зельтерской воды, льду, какъ лицо, знающее въ точности весь обиходъ ресторана. Сначала, на гостей эти манеры Иды де-Баранси произвели такое же впечатлѣніе, какъ и лакеи, но, замѣтивъ это, она сама исправила дѣло своею развязностью и весельемъ. Самая торжественная минута была, однакоже, появленіе шампанскаго. За исключеніемъ Иды де-Баранси, всѣ остальные знали это вино только по наслышкѣ. Это слово означало для нихъ богатство, роскошные будуары, аристократическіе кутежи. Они выжидали его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, появился гарсонъ съ бутылкой и принялся раскупоривать ее. Женщины, въ ожиданіи выстрѣла пробки, зажали себѣ уши и съ ужасомъ ожидали. Но выстрѣла не послѣдовало, и гарсонъ такъ хитро распорядился, что одной бутылки достало на двадцать человѣкъ.

Затѣмъ, настала очередь пѣнію. «Товарищъ» первый всталъ, потребовалъ молчанія, и, положивъ руку на сердце, затянулъ дребезжащимъ голосомъ народный романсъ сорокъ-восьмого года: «*Трудъ угоденъ Богу*». Хитрый товарищъ! Онъ хорошо понялъ, чѣмъ могъ понравиться тѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось теперь жить. Но, не желая оставить собраніе подъ впечатлѣніемъ столь серьёзной мысли, онъ, послѣ «Труда, угоднаго Богу», затянулъ болѣе веселую пѣсенку.

Такихъ пѣсенъ онъ зналъ сотнями. Столъ убрали. Всѣ шумѣли. «А что̀ еслибы поплясать!» Да̀, но музыка дорого сто̀итъ. Вскорѣ, однакоже, появилась и музыка въ лицѣ деревенскаго скрипача, и началась отчаянная пляска. Свадьба оказалась очень веселой и оживленной. Даже молодой, довольный тѣмъ что могъ употребить въ дѣло свои новыя ноги, безъ церемоніи путалъ всѣ фигуры кадрили. Въ сосѣднихъ комнатахъ обратили вниманіе на это веселье. Въ дверяхъ стала появляться публика, съ любопытствомъ посматривавшая на танцующихъ. Вскорѣ, какъ всегда бываетъ, незнакомыя лица появились между приглашенными, которыхъ число, такимъ образомъ, увеличивалось очень быстро. Вся эта толпа прыгала, кричала и въ особенности пила, и г-жа Веберъ была бы до крайности возмущена этимъ обстоятельствомъ, еслибы булочникъ,

ея патронъ, не объявилъ, что принимаетъ на себя всѣ расходы бала. Разсвѣтъ, однакоже, приближался. Уже давно маленькій Веберъ храпѣлъ на лавкѣ. Жакъ давно уже дѣлалъ знаки своей матери, которая прикидывалась, что не замѣчала ихъ, увлеченная общимъ весельемъ. Балъ принималъ слишкомъ развязный видъ. «Товарищъ» началъ дѣлать глупости... Жакъ успѣлъ, однакоже, увлечь свою мать, съ которой и уѣхалъ въ фіакрѣ. За ними вскорѣ скрылись и молодые, оставляя на произволъ судьбы своихъ гостей. Въ это время, не было ни поѣзда желѣзной дороги, ни омнибусовъ. Молодые рѣшились возвратиться пѣшкомъ въ венсенскій паркъ. Белизеръ взялъ на руки соннаго мальчугана и подалъ руку женѣ... Едва они возвратились, какъ г-жа Белизеръ принялась за свое обычное дѣло: воскресенія для нея не существовало; хлѣбъ нуженъ въ праздникъ такъ же, какъ и въ будни. Оставивъ спящими своего мальчугана и мужа, она отправилась съ хлѣбомъ, выкрикивая: «вотъ хлѣбъ! вотъ хлѣбъ!» у всѣхъ дверей...

Немного времени нужно было новому хозяйству, чтобы замѣтить, что ихъ новый товарищъ никуда негодится. Свадебный пиръ уже указывалъ на его пристрастіе къ бутылкѣ. Черезъ недѣлю, Белизеръ познакомился и съ остальными пороками, происходившими отъ невѣроятной лѣни товарища. Онъ былъ слесарь, но никогда никто не видѣлъ, чтобы онъ работалъ, хотя постоянно носилъ свой кожанный фартукъ. Всякое утро, выходя, онъ говорилъ: «отправляюсь за работой», но никогда этой работы онъ не находилъ и проводилъ весь день, переходя изъ одного кабака въ другой.

Сначала, Белизеръ и его жена терпѣли; торжественный видъ товарища нѣсколько смущалъ ихъ; къ тому же, онъ такъ хорошо пѣлъ: «Трудъ угоденъ Богу». Но, такъ какъ у него былъ слишкомъ хорошій аппетитъ, то молодые, наконецъ, потеряли всякое терпѣніе. Г-жа Белизеръ совѣтовала просто отказать ему, безъ всякихъ церемоній; но Белизеръ умолялъ жену повременить.

— Кто знаетъ? говорилъ онъ:—можетъ быть его можно еще исправить.

Итакъ, рѣшено было, что, когда Рибаро̀ возвратится въ пьяномъ видѣ домой, то не давать ему ужинать. Но и это не помогло, тѣмъ болѣе, что Белизеръ вступался за товарища и выпрашивалъ прощеніе у своей жены. Никакіе совѣты, никакія увѣщанія не дѣйствовали. Иногда, надѣвъ чистое бѣлье, вымытое г-жею Белизеръ, онъ уходилъ и пропадалъ по недѣлямъ и возвра-

щался въ какихъ то лохмотьяхъ. Послѣ многихъ подобныхъ продѣлокъ, Белизеры ожидали только случая, чтобы распроститься съ «товарищемъ», который оказался слишкомъ тяжелымъ бременемъ для семьи. Съ этимъ долженъ былъ согласиться самъ Белизеръ, и часто онъ приходилъ жаловаться на Рибарò Жаку, который лучше другого могъ понять его положеніе, потому что и у него былъ товарищъ чрезвычайно неудобный, но на котораго онъ не жаловался...

VII.

Ида скучаетъ.

Первый визитъ г-жи де-Баранси въ Этіоль много порадовалъ Жака, но и обезпокоилъ его. Онъ гордился своей матерью, но онъ зналъ тоже, какая она была болтушка и кàкъ она безтактна. Онъ боялся, что мать его произведетъ непріятное впечатлѣніе на Сесиль. Первыя минуты свиданія его нѣсколько успокоили. За исключеніемъ слишкомъ напыщеннаго тона, которымъ Ида называла Сесиль «своею дочерью», все было удовлетворительно; но когда, послѣ хорошаго завтрака, г-жа де-Баранси потеряла свою серьёзность, когда она начала разсказывать свои сумасбродныя исторіи, Жакъ снова почувствовалъ безпокойство. Разговоръ коснулся родственниковъ Ривальса въ Пиринеяхъ.

— Ахъ, дà, Пиринеи! вздохнула она:—Гаварни, потоки, Ледяное Море!... Я тамъ была лѣтъ пятнадцать тому назадъ, съ другомъ моего семейства, герцогомъ Казарасомъ, испанцемъ; знаете, братомъ генерала... Какой безумецъ, какъ подумаю!.. Благодаря ему, я чуть не свернула себѣ шею разъ двадцать. Представьте себѣ, что мы, какъ съумасшедшіе, неслись въ каретѣ, запряженной четверней, и съ громадными корзинами шампанскаго. Удивительный былъ оригиналъ, этотъ герцогъ... Я познакомилась съ нимъ въ Біарицѣ такъ странно!..

Сесиль замѣтила, что обожаетъ море.

— Ахъ, еслибы вы видѣли море, какъ я его видѣла, около Пальмы, въ бурную ночь... отвѣчала г-жа де Баранси. Я сидѣла въ залѣ парохода съ капитаномъ, грубымъ морякомъ, который приставалъ, чтобъ я выпила пуншу... я не хотѣла... Тогда этотъ грубіянъ, точно взбѣсился отъ злости, отворилъ заднее окно, взялъ меня вотъ такъ за затылокъ, онъ былъ очень силенъ,— и держалъ меня надъ водой, подъ дождемъ, среди грома и молніи... это было ужасно.

Жакъ старался замять эти разсказы, но они опять всплывали. Сесиль, однакожь, обращалась съ матерью своего друга почтительно. Но каково было положеніе Жака, когда, во время урока, онъ услышалъ, что молодая дѣвушка предложила его матери погулять въ саду? Не было, казалось, ничего естественнѣе, но мысль, что онѣ будутъ однѣ, ужаснула его. Во время объясненій доктора, Жакъ слѣдилъ за ними въ окно. Видно было, что говорила одна Ида; Сесиль, по временамъ, посматривала на окно, въ которое виднѣлись лицо ученика и сѣдина учителя. Въ первый разъ, Жакъ нашолъ, что урокъ слишкомъ длиненъ, и тогда только успокоился, когда шелъ въ лѣсу подъ руку съ своей невѣстой. Но и тутъ, Ида мѣшала... Раза два или три, Жакъ замѣтилъ гримасу доктора. Видимо, она ему надоѣдала...

Гуляющіе на минуту остановились у сторожа. Увидавъ свою прежнюю госпожу, старуха Аршамбо̀ стала ее любезно привѣтствовать, не заикаясь ни однимъ словомъ о д'Аржантонѣ. Она поняла своимъ здравымъ смысломъ, что объ немъ не слѣдуетъ спрашивать. Но видъ этой доброй старухи взволновалъ прежнюю г-жу д'Аржантонъ. Она отказалась отъ угощенія старухи, встала и быстро вышла. Она хотѣла посмотрѣть на «Parva domus».

Башенка дома, по прежнему, была покрыта дикимъ виноградомъ и плющемъ. Гирша, должно быть, не было, потому что занавѣсы были спущены и тишина царствовала въ саду. Ида остановилась на мгновеніе, точно слушая что̀ разсказывали ей эти камни.

— Что̀ съ тобой? спросилъ ее Жакъ, который искалъ ее.

Она отвѣчала вся въ слезахъ:

— Ничего... я немного взволнована... Я такъ много похоронила здѣсь.

И въ самомъ дѣлѣ, этотъ грустный видъ домика, съ его латинской надписью—все это походило на гробницу. Она вытерла слезы, но потеряла свое хорошее расположеніе духа. Напрасно Сесиль, которой сказали, что̀ г-жа д'Аржантонъ разъѣхалась съ мужемъ, старалась развеселить ее; напрасно Жакъ старался занять ее своими проектами и планами.

— Я не часто буду тебя сопровождать сюда, говорила она ему на возвратномъ пути.—Я слишкомъ страдала, и рана еще не зажила.

Ида долго не возвращалась въ Этіоль, и Жакъ принужденъ былъ только часть воскресенія оставаться съ Сесиль. Теперь онъ возвращался съ послѣобѣденнымъ поѣздомъ. Обыкновенно, онъ заставалъ мать свою въ корридорѣ, болтающей съ Левендре. Белизеръ съ женой, отправлявшіеся каждое воскресеніе гулять,

желали бы брать съ собой г-жу де-Баранси, но она конфузилась показаться на улицѣ съ этими бѣдными людьми, и, къ тому же, ей больше нравилось общество супруговъ Левендре. Съ ними Ида чувствовала себя хорошо; они ей льстили, желая получить отъ нея денегъ на обзаведеніе мастерской. Г. Левендре, который выдумалъ цѣлую политическую систему особаго рода, объяснялъ ей свои глубокомысленныя соображенія подъ храпъ спящаго «товарища». Но и Левендре иногда, по воскресеніямъ, отправлялись въ гости. Тогда Ида, желая какъ нибудь разсѣятся, отправлялась въ библіотеку для чтенія г-жи Левекъ, гдѣ Жакъ обыкновенно ее находилъ.

Г-жа де-Баранси отъ скуки принялась перечитывать романы, находившіеся въ библіотекѣ Левекъ. Она читала до одуренія, избѣгая думать и сожалѣть. Жизнь въ громадномъ домѣ трудоваго люда, не вызывала въ ней, какъ въ ея сынѣ, потребности къ труду, но производила только еще бо̀льшую усталость, отвращеніе. И она невольно возвращалась мыслію къ прошедшему, къ своимъ прежнимъ прогулкамъ, каретамъ. Но воспоминаніе ближайшихъ годовъ ея жизни въ Этіолѣ, въ особенности возбуждали въ ней сожалѣніе. Какая чудная жизнь! Веселые обѣды, возгласы пріѣзжающихъ, долгія мечты на итальянской террасѣ, и *онъ*, стоящій у колонны, съ поднятымъ челомъ, протянутой рукой, декламирующій при лунномъ свѣтѣ.

Но вѣрю я въ любовь—какъ въ Бога вѣрю я!

Гдѣ онъ теперь? Что̀ дѣлаетъ? Почему не писалъ такъ долго, цѣлыхъ три мѣсяца? И книга выпадала у ней изъ рукъ; она сидѣла неподвижно, съ блуждающимъ взоромъ, до возвращенія своего сына, которому старалась улыбаться. Но онъ сейчасъ же угадывалъ ея нравственное состояніе, видя безпорядокъ въ комнатѣ и безпорядокъ туалета этой нѣкогда хорошенькой женщины. Ничего не было приготовлено къ обѣду.

— Ты видишь, я ничего не сдѣлала. Ужасно жарко. Да, къ тому же, я какъ-то упала духомъ.

— Отчего? Развѣ здѣсь нехорошо тебѣ? Ты скучаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не скучаю. Съ тобой скучать, милый Жакъ?

И она страстно его обнимала.

— Пойдемъ обѣдать въ ресторанъ, говорилъ Жакъ... это тебя разсѣетъ...

Но Идѣ, главнымъ образомъ, недоставало случая элегантно одѣваться, вытащить изъ шкапа ея прежнія кокетливыя платья, слишкомъ кокетливыя, слишкомъ эксцентричныя при ея тепе-

решнемъ положеніи. Она теперь одѣвалась скромно, но, несмотря на всѣ предосторожности, въ ея костюмѣ все-таки замѣчалось что-то особенное. Мать и сынъ пробовали слить нѣсколько свои мысли, но въ этомъ заключалось главное затрудненіе ихъ жизни. Они такъ долго жили врозь, что почти перестали понимать другъ друга. Если Ида съ отвращеніемъ смотрѣла на грязную скатерть трактира, на которой виднѣлись еще пятна вина, если она съ брезгливостью вытирала стаканъ и тарелку, то Жакъ не обращалъ на это никакого вниманія, издавна привыкшій къ этой жизни бѣдняка. Но, съ другой стороны, умъ его, съ каждымъ днемъ расширявшій свой горизонтъ, все болѣе и болѣе удивлялся вульгарности его матери, правда, и прежде мало знавшей, но теперь окончательно испорченной долгимъ сожительствомъ съ «неудачниками». У ней прорывались типическія фразы, манера говорить д'Аржантона, рѣзкій и самодовольный тонъ ихъ вѣчныхъ споровъ. «Я... я, я...» Она всегда начинала и оканчивала презрительнымъ жестомъ, означавшимъ: «я слишкомъ добра, что спорю съ тобой, бѣдный работникъ».

Послѣ обѣда, они отправлялись гулять въ скверъ Buttes Chaumont, съ вершины котораго видѣнъ былъ весь Парижъ, какъ на ладони; они возвращались домой по многолюднымъ улицамъ рабочаго квартала; но ни садъ, ни зрѣлище народной суеты не могли разсѣять скуки и тоски Иды. Въ виду этой настойчивой скуки, Жакъ былъ безсиленъ. Онъ бы хотѣлъ познакомиться съ какимъ нибудь порядочнымъ семействомъ, гдѣ мать его нашла бы себѣ пріятныхъ собесѣдницъ. Однажды, онъ вообразилъ, что нашелъ то, чего искалъ. Это было въ Buttes-Chaumont. Передъ ними шолъ старикъ, сгорбленный, вѣроятно, провинціалъ, съ двумя дѣтьми, съ которыми разговаривалъ. Оказалось, что это— былъ Рудикъ, состарѣвшійся, опустившійся. Когда они поздоровались, Жакъ увидѣлъ, что онъ въ траурѣ, и, боясь вызвать воспоминаніе недавняго горя, ни о комъ не спрашивалъ, какъ вдругъ изъ другой аллеи показалась Зинаида, по прежнему, массивная. Она шла вмѣстѣ съ Манженомъ, теперь находившимся на службѣ въ парижской таможнѣ. Зинаида, казалось, гордилась этимъ красивымъ офицерикомъ, любила его, несмотря на то, что управляла имъ и говорила съ нимъ рѣзко. Нужно, однакожь, полагать, что такія проявленія любви нравились Манжену, потому что лицо его сіяло удовольствіемъ. Жакъ представилъ имъ свою мать.

— Что такое случилось? спросилъ онъ шопотомъ Зинаиду. Развѣ г-жа Клариса...

— Дà, умерла, два года тому назадъ, ужаснымъ образомъ: она утонула въ Луарѣ, случайно.

Потомъ прибавила еще тише:

— Мы говоримъ «случайно», скрывая это несчастіе отъ отца; но вы ее знали, Жакъ, и поймете, что она умерла не случайно, что она сама покончила съ собой съ горя...

— Бѣдный пàпа Рудикъ! продолжала Зинаида:—мы думали, что онъ не переживетъ ея... А, вѣдь, онъ и не подозрѣваетъ истины. Теперь онъ все больше молчитъ; можетъ, вы, Жакъ, разсѣете его. Только дѣти и забавляютъ его...

Ида, разговаривавшая съ Манженомъ, вдругъ замолчала, замѣтивъ Жака возлѣ себя. Чтò она сообщала ему такъ таинственно? Фраза Рудика объяснила ему это.

— Дà, дà, говорилъ онъ, такой краснобай... еще ѣлъ лепёшку...

Онъ понялъ, что разговаривали о д'Аржантонѣ. Манженъ спросилъ о здоровьи мужа Иды, и она, довольная тѣмъ, что можетъ говорить объ немъ, распространилась на эту тэму. Талантъ поэта, его артистическую борьбу, высокое положеніе, занимаемое имъ въ литературѣ, сюжетъ драмъ и романовъ, созрѣвавшихъ въ его мозгу—она все объяснила, все анализировала, въ то время какъ другіе ее слушали изъ вѣжливости, ничего не понимая. Простились, обѣщаясь бывать другъ у друга. Жакъ былъ очень доволенъ, что встрѣтилъ этихъ добродушныхъ людей. Онъ сталъ ихъ посѣщать съ Идой, отъ времени до времени, но вскорѣ замѣтилъ, что мать его скучаетъ съ Зинаидой, слишкомъ трудолюбивой, слишкомъ практической для нея. Куда бы онъ ни повелъ ее, вездѣ преслѣдовала ее скука, отвращеніе, которое она резюмировала фразой:

— Тутъ пахнетъ работникомъ!

Домà улицы Panoyaux, корридоръ, комната, въ которой она жила съ сыномъ, хлѣбъ, который ѣла—все, казалось ей, пропитано было запахомъ, особеннымъ вкусомъ испорченнаго воздуха бѣдныхъ кварталовъ. Тутъ пахнетъ работникомъ. Открывая окно, она уже натыкалась на этотъ запахъ; на улицѣ—то же самое; люди, которыхъ она встрѣчала, даже Жакъ, когда онъ возвращался изъ мастерской—все и всѣ издавали этотъ запахъ, преслѣдовавшій ее и возбуждавшій въ ней отвращеніе къ жизни, которое оканчивается обыкновенно самоубійствомъ.

VIII.

Который изъ двухъ?

Однажды, вечеромъ, Жакъ засталъ свою мать необычайно взволнованной, съ блистающими глазами, съ раскраснѣвшимся лицомъ. Атонія, начинавшая безпокоить его, казалось, совсѣмъ миновала.

— Д'Аржантонъ прислалъ мнѣ письмо, начала она тотчасъ же.—Да̀, мой другъ, этотъ господинъ смѣлъ мнѣ писать! Это—послѣ четырехмѣсячнаго-то молчанія! Видя, что я не трогаюсь съ мѣста, онъ, вѣроятно, потерялъ терпѣніе... Онъ извѣщаетъ меня, что возвратился изъ небольшого путешествія и что, если онъ мнѣ нуженъ, то я могу располагать имъ.

— Надѣюсь, что ты въ немъ не нуждаешься? спросилъ Жакъ, слѣдившій за матерью.

— Мнѣ! въ немъ нуждаться! Вотъ, каково ему безъ меня—желала бы я знать. Вѣдь, онъ за ни что̀ взяться не умѣетъ... настоящій артистъ... только и знаетъ свое перо.

— Ты будешь отвѣчать ему?

— Отвѣчать? Наглецу, который смѣлъ поднять на меня руку? А! ты меня не знаешь. У меня, слава Богу, побольше гордости... Я даже не кончила его письма и бросила его куда-то, изорвавъ на мелкіе кусочки. Нѣтъ! благодарю покорно. Нельзя себѣ позволять подобныхъ вещей съ женщинами, воспитанными, какъ я, въ за̀мкахъ, посреди роскоши... А желала бы я, однакожь, взглянуть теперь на его хозяйство... воображаю—какой тамъ порядокъ! Небось, все верхъ дномъ!.. если только... Но, нѣтъ... другую такую дуру, какъ я, нескоро найдешь. Ясно, что онъ безъ меня соскучился, если уѣхалъ на два мѣсяца въ... какъ, бишь, этотъ городъ...

И она, преспокойно вынувъ изъ кармана то самое письмо, о которомъ сейчасъ только сказала, что изорвала его на мелкіе кусочки, отыскала въ немъ названіе города.

— Да̀, въ Ройя, на воды въ Ройя... какая глупость! ѣхать на минеральныя воды, когда это ему положительно вредно. Но, впрочемъ, пускай дѣлаетъ что̀ хочетъ. Это до меня не касается.

Жакъ покраснѣлъ за ея ложь, но не сказалъ ей ни слова. Весь вечеръ она возилась около его письменнаго стола, съ тревожной дѣятельностью женщины, которая хочетъ избавиться отъ преслѣдующей ее мысли. Она прибирала комнату, устанавливала

вещи, стирала съ нихъ пыль и все что̀-то ворчала про себя, покачивая головой. Потомъ подошла къ Жаку, обняла его и крѣпко поцаловала: «Какой ты труженикъ, милый мой! Ка̀къ усердно работаешь!»

Онъ работалъ, напротивъ, очень плохо, занятый мыслью о томъ, что̀ происходило въ душѣ его матери. «Меня ли поцаловала она?» говорилъ онъ себѣ. Подозрѣніе его оправдывала одна маленькая подробность, доказывавшая до какой степени прошлое пустило корни въ сердцѣ этой бѣдной женщины. Она не переставала напѣвать любимый романсъ д'Аржантона, какой-то «вальсъ листьевъ», который поэтъ, обыкновенно въ сумерки, наигрывалъ на фортепьяно. И мотивъ, и слова̀ пробуждали въ Жакѣ тяжелыя, постыдныя воспоминанія. О, ка̀къ ему хотѣлось высказать ей суровую правду, растоптать и вышвырнуть за окно всѣ эти поблекшіе цвѣты, всѣ эти сухіе листья, вальсировавшіе въ пустенькой головкѣ Шарлотты! Но она была его мать. Онъ любилъ ее и хотѣлъ, посредствомъ уваженія, заставить ее уважать себя самоё. Но, послѣ этого перваго предостереженія, въ умѣ его проснулась ревнивая недовѣрчивость. Онъ сталъ наблюдать за Шарлоттой, объяснять себѣ каждую улыбку, каждый взглядъ ея. Хотя она, послѣ д'аржантоновскаго письма, съ особеннымъ рвеніемъ принялась за хозяйство, но онъ все не вѣрилъ. Онъ зналъ исторію ревнивыхъ мужей, бдительность которыхъ обманываютъ удвоенной нѣжностью, заботливымъ предупрежденіемъ всѣхъ ихъ желаній. Однажды, возвращаясь съ работы, онъ встрѣтилъ невдалекѣ отъ дома Гирша и Лабассендра, повернувшихъ въ переулокъ. Что̀ имъ было нужно въ этомъ отдаленномъ кварталѣ?

— Никого не было? спросилъ онъ дворника, и по тону отвѣта догадался, что его обманываютъ, что противъ него есть заговоръ. Въ слѣдующее воскресенье, возвратясь изъ Этіоля, онъ засталъ мать, погруженную въ чтеніе. Она даже не слыхала его прихода. Зная ея страсть къ романамъ, онъ не обратилъ бы на это вниманія; но Ида слишкомъ скоро спрятала брошюрку, которую держала на колѣняхъ.

— Ты испугалъ меня!

— Что̀ ты такое читала?

— Такъ, ничего, вздоръ. Что̀ наши друзья? Докторъ, Сесиль? Поцаловалъ ли ты ее за меня хорошенько. Но, мало по малу, щеки ея покрылись румянцемъ. Одной изъ особенностей этой дѣтской натуры было то, что она такъ же легко лгала, какъ неловко скрывала ложь. Видя, что онъ не спускаетъ съ нея глазъ, она встала, съ досадой.

— Ты хочешь знать, что̀ я читаю... смотри.

Онъ узналъ сатинированную обертку д'аржантоновскаго журнала, который теперь значительно похудѣлъ, печатался на худшей бумагѣ и вообще принялъ видъ тѣхъ журналовъ, редакціи которыхъ не платятъ денегъ. Жакъ не раскрылъ бы даже этой тощей книжонки, еслибы ему не бросилось въ глаза, между другими напыщенными заглавіями слѣдующее: «Разрывъ», лирическая поэма виконта д'Аржантона. Поэма начиналась такими стихами:

Ка̀къ! не сказать ни слова на прощаньи!
Ка̀къ! не взглянуть на брошенный очагъ...
Ка̀къ!..

Двѣсти стиховъ слѣдовали за этими; и все это была только прелюдія. Имя Шарлотты попадалось черезъ каждыя четыре, пять строкъ. Жакъ пожалъ плечами.—И онъ смѣлъ прислать тебѣ это?

— Два или три дня тому назадъ, эту книжку положили внизу, сказала она робко́:—я не знаю, кто это...

Настала минута молчанія. Идѣ ужасно хотѣлось поднять книжку, но она не смѣла. Наконецъ, она нагнулась, съ небрежнымъ видомъ. Жакъ замѣтилъ движеніе.

— Надѣюсь, что ты не оставишь этого у себя. Стихи эти, просто, смѣшны.

Она выпрямилась.

— Я не нахожу. Извини.

— Ну вотъ еще! Ка̀къ! ка̀къ! ка̀къ! квакаетъ, точно утка. Развѣ это можетъ произвести впечатлѣніе?

— Не надо быть несправедливымъ, Жакъ (ея голосъ дрожалъ). Я лучше, нежели кто-нибудь, знаю всѣ недостатки характера д'Аржантона, потому что довольно страдала отъ нихъ. Я отдаю тебѣ человѣка, но поэтъ, это—другое дѣло. Всѣ соглашаются съ тѣмъ, что ни у кого изъ французскихъ поэтовъ нѣтъ этой задушевной нотки... Она, пожалуй, была у Альфреда Мюссе, но ему недоставало идеала возвышенности... Съ этой точки зрѣнія «Credo» безподобно. Но мнѣ, кажется, что начало «Разрыва» еще трогательнѣе. Эта молодая женщина, уходящая раннимъ, туманнымъ утромъ, въ ба̀льномъ костюмѣ... не оглянувшись назадъ...

Жакъ не могъ воздержаться отъ негодованія.

— Но эта женщина—ты! А ты знаешь, ка̀къ ты ушла, при какихъ обстоятельствахъ...

Она вся дрожала.

— Ты можешь меня унижать, напоминать мнѣ это оскорбле-

ніе... но здѣсь—вопросъ искуства, а въ немъ я смыслю нѣсколько больше тебя... Еслибъ г. д'Аржантонъ оскорбилъ меня во сто разъ больше, это, все-таки, не помѣшало бы мнѣ сказать, что онъ—одинъ изъ величайшихъ талантовъ нашего времени. И многіе, отзывающіеся о немъ теперь съ презрѣніемъ, со временемъ будутъ говорить: я знаю его... я у него обѣдалъ...

И она величественно удалилась къ сосѣдямъ. Жакъ, принявшись за работу, вскорѣ услышалъ у сосѣдей громкое чтеніе стиховъ, прерываемыхъ восторженными восклицаніями и сморканіемъ, обличавшимъ слёзы...

«Надо быть на-сторожѣ... непріятель близко», подумалъ бѣднякъ. Онъ не ошибался. Амори д'Аржантонъ былъ такъ же несчастенъ безъ Шарлотты, какъ она скучала безъ него. Палачъ и жертва были необходимы другъ другу, и, разставшись, они чувствовали пустоту въ своей жизни. Съ перваго же дня разлуки, поэтъ сталъ разыгрывать изъ себя человѣка съ разбитымъ сердцемъ и старался придать своему лицу байроническое и драматическое выраженіе. Его встрѣчали въ ночныхъ ресторанахъ, въ пивныхъ, окруженнаго льстецами и эксплуататорами, съ которыми онъ говорилъ «о ней» и только «о ней». Ему хотѣлось, чтобъ сказали: «это—д'Аржантонъ, великій поэтъ... Любовница покинула его... Онъ ищетъ развлеченія...»

И онъ, дѣйствительно, развлекался, проводилъ ночи внѣ дома, но вскорѣ этотъ неправильный и убыточный образъ жизни утомилъ его, и, кромѣ того, онъ совсѣмъ разстроилъ себѣ желудокъ. Начались прежніе припадки, а Шарлотты не оказалось подлѣ него. Нѐкому было ухаживать за нимъ, переносить его капризы, въ домѣ былъ безпорядокъ: то дулъ сквозной вѣтеръ, то дурно горѣла лампа, то письменный столъ былъ въ пыли; вечерà казались ему безконечны... и поэтъ сталъ жалѣть о своей подругѣ... Онъ попробовалъ предпринять небольшую поѣздку, но и это не удалось. «Д'Аржантонъ пишетъ раздирающее письмо», говорили неудачники. Онъ писалъ имъ всѣмъ «раздирающія» письма, замѣнившія теперь «жесткія словà». Онъ не могъ переварить мысли, что эта женщина обходится безъ него, что сынъ замѣняетъ ей все.

— Излей свои чувства въ стихахъ—это тебя облегчитъ, говорилъ Моронваль.

Онъ тотчасъ же принялся за риѳмы, но творчество, вмѣсто того, чтобъ успокоить его, возбуждало еще болѣе. Онъ напрягалъ, насиловалъ свое воображеніе, создавая другую Шарлотту, болѣе идеальную, неземную, нежели настоящая. Наконецъ, разлука сдѣлалась для него положительно невыносимой. Какъ

только прологъ «Разрыва» былъ конченъ и напечатанъ, поэтъ отрядилъ Гирша и Лабассендра снести экземпляръ въ улицу Panoyaux. Послѣ этой удочки, убѣдившись, что онъ не можетъ жить безъ Лолоты, онъ рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ завился, напомадился, расфрантился и отправился въ домъ, гдѣ жила Шарлотта, въ два часа пополудни, т. е. когда женщины остаются однѣ и когда изъ всѣхъ фабрикъ предмѣстья подымаются клубы густаго, чернаго дыма. Моронваль, сопровождавшій его, вышелъ изъ кареты переговорить съ дворникомъ и, возвратившись сказалъ: «ты можешь войдти. Въ шестомъ... въ глубинѣ корридора. Она тамъ». Д'Аржантонъ пошелъ. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и даже—о тайны человѣческой природы!—сердце его билось; правда, нестолько любовь была этому причиной, сколько романическая сторона его экспедиціи... Эта карета, ожидавшая на углу улицы, словно для похищенія, и въ особенности, удовлетворенная ненависть, мысль объ отчаяніи Жака, когда, возвратясь съ работы, онъ найдетъ комнату пустой. Онъ заранѣе обдумалъ планъ дѣйствія. Онъ явится внезапно, упадетъ къ ногамъ ея, обниметъ ея колѣни и, воспользовавшись ея удивленіемъ, смущеніемъ, скажетъ ей: ѣдемъ... карета ждетъ! и увлечетъ на улицу. Вотъ почему онъ не предупредилъ ея и тихо крался по темному корридору, думая застать ее врасплохъ. Онъ вошелъ быстро, не постучавъ въ дверь.

Ужасное разочарованіе! Вѣчная насмѣшка судьбы надъ этимъ человѣкомъ! Вмѣсто Шарлотты, онъ увидѣлъ передъ собой Жака—Жака, который, по случаю какого-то торжества у ихъ патрона, былъ уволенъ на этотъ день и сидѣлъ за своими книгами, между тѣмъ какъ Ида отдыхала на кровати, въ альковѣ. Д'Аржантонъ и Жакъ стояли, смотря съ удивленіемъ другъ на друга. Теперь преимущество было не на сторонѣ поэта. Во-первыхъ, онъ былъ не у себя, и потомъ, передъ нимъ стоялъ уже не мальчикъ, къ которому онъ привыкъ относиться свысока, а молодой человѣкъ, съ умнымъ и гордымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? спросилъ Жакъ, въ дверяхъ, которыя онъ загородилъ.

Тотъ покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Я думалъ... мнѣ сказали, что ваша матушка здѣсь...

— Да̀, она здѣсь; но я съ нею, и вы ея не увидите.

Все это было сказано быстро, вполголоса, тономъ, дышавшимъ ненавистью. Потомъ, Жакъ, наступая на любовника своей матери, заставилъ его сдѣлать шагъ назадъ, и они очутились въ корридорѣ. Д'Аржантонъ, чувствуя свое глупое положеніе, ста-

рался оправиться и снова пріобрѣсть потерянный апломбъ, съ помощью какой-нибудь позы. Принявъ торжественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствительный тонъ, онъ сказалъ:

— Жакъ! Между нами долго существовало недоразумѣніе, но теперь, когда вы стали серьёзнымъ человѣкомъ, понимающимъ жизнь, оно не должно продолжаться. Я протягиваю вамъ руку, дитя мое, честную руку, никогда не измѣнявшую своему пожатію.

Жакъ пожалъ плечами.

— Къ чему эти комедіи между нами, м. г.? Вы меня не терпите—я васъ ненавижу.

— Съ какихъ же это поръ мы стали такими врагами, Жакъ?

— Я полагаю, что съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали другъ друга. Я не помню, чтобъ я когда-нибудь не питалъ къ вамъ ненависти. Да и что̀ же мы такое, если не два врага? Какое другое имя я могу дать вамъ? Что̀ вы для меня? Я бы не долженъ и знать васъ. Если я даже и думалъ о васъ порой безъ злобы, то развѣ могъ думать когда-нибудь, не краснѣя?

— Это правда, Жакъ. Я согласенъ, что взаимное положеніе наше было ложно, очень ложно. Но неужели вы скажете, что я долженъ нести отвѣтственность за случай... Жизнь—не романъ, мой другъ, и нельзя требовать отъ нея...

Жакъ перебилъ эти разглагольствованія, на которыя поэтъ никогда не былъ скупъ.

— Вы правы; жизнь—не романъ; она, напротивъ—нѣчто очень серьезное и положительное. Это доказывается тѣмъ, что всѣ минуты мои разсчитаны и что мнѣ нѐкогда терять время на безплодныя разглагольствованія. Въ теченіи десяти лѣтъ, моя мать была вашей рабой, вашей вещью. Того, что̀ я выстрадалъ въ эти десять лѣтъ, моя дѣтская гордость никогда не обнаруживала передъ вами. Но это—въ сторону... Теперь моя мать принадлежитъ мнѣ, я возвратилъ ее себѣ и употреблю всевозможныя средства, чтобъ удержать ее. Я не отдамъ ея вамъ. Да и зачѣмъ она вамъ? Она посѣдѣла... вы заставляли ее такъ много плакать. Это—уже не любовница, не хорошенькая женщина, которая можетъ удовлетворять ваше тщеславіе; это—мать... моя мать. Оставьте ее мнѣ.

— Вы заблуждаетесь относительно смысла моего посѣщенія, сказалъ поэтъ, поблѣднѣвшій, несмотря на весь свой апломбъ— Я считаю Шарлотту вполнѣ достойной женщиной... но, зная, что ваши средства очень ограниченны, пришелъ, какъ старый другъ... узнать—не нужно ли чего, не нуженъ ли я...

— Мы ни въ комъ не нуждаемся. Съ насъ довольно того, что я заработываю.

— Вы сдѣлались очень горды, любезный Жакъ... Прежде вы такъ горды не были.

— Это правда, сударь, и потому ваше присутствіе, которое я выносилъ прежде, теперь ненавистно мнѣ... и я васъ предупреждаю, что не намѣренъ болѣе терпѣть его...

Въ позѣ Жака было столько рѣшительнаго, вызывающаго, взглядъ его такъ хорошо подчеркивалъ его слова, что поэтъ не посмѣлъ прибавить ни слова и съ важностью удалился. Жакъ вернулся въ свою комнату; Ида, блѣдная, съ опухшими отъ слёзъ и сна глазами, съ волосами въ безпорядкѣ, ждала его, стоя, противъ дверей.

— Я была здѣсь, сказала она тихо... я все слышала, все... даже то, что я стара и что у мень есть морщины...

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руки, пристально смотря ей въ глаза...

— Онъ недалеко... Хочешь, я ворочу его?

Она высвободила свои руки и, не колеблясь, бросилась ему на шею...

— Нѣтъ, мой Жакъ, ты правъ. Я—мать... только—мать и ничѣмъ больше не хочу быть.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, Жакъ извѣщалъ Ривальсовъ, что его мать ушла къ д'Аржантону. Она оставила сыну записку, гдѣ писала, что поэтъ боленъ и что она считаетъ священной обязанностью ходить за нимъ до его выздоровленія, но потомъ опять возвратится къ Жаку. — Все письмо Жака дышало глубокой скорбью. «Не достаетъ только, заканчивалъ онъ, чтобы и Сесиль тоже меня покинула... Самое ужасное въ измѣнѣ любимаго существа—то, что послѣ нея, въ сердце наше закрадывается боязнь новыхъ измѣнъ. Но что я говорю?.. Сесиль дала мнѣ слово—а она никогда не лгала».

IX.

Она раздумала.

Долго Жакъ думалъ, что его мать возвратится. Сколько разъ, когда онъ сидѣлъ за работой, ему казалось, что онъ слышитъ шелестъ ея платья. Но нѣтъ; отъ нея даже не было никакой вѣсти. Она окончательно его покинула. Это сильно его огорчало. Но Сесиль была волшебница. Она знала успокоивающія

слова... ея взгляды имѣли даръ ободрять, возвращать мужество; и нѣжная заботливость ея смягчала самые суровые удары судьбы. Трудъ, упорный, тяжелый трудъ былъ также могущественнымъ средствомъ противъ печали. Мать Жака часто мѣшала ему работать своей болтовней и подвижностью; и теперь, когда онъ остался одинъ, онъ хотѣлъ наверстать потерянное время. Онъ принялся работать съ усиленнымъ рвеніемъ. Ривальсъ приходилъ въ восторгъ отъ его успѣховъ; черезъ годъ, онъ могъ быть бакалавромъ. Это слово заставляло его смѣяться отъ удовольствія, и когда онъ произносилъ его передъ Белизеромъ, товарищемъ котораго онъ опять сдѣлался, маленькая комнатка въ улицѣ Panoyaux словно становилась свѣтлѣе и больше. Даже разносчица хлѣбовъ возъимѣла вдругъ охоту къ наукѣ, и по вечерамъ, окончивъ свое шитье, требовала, чтобы Белизеръ училъ ее читать и показывалъ ей буквы своимъ толстымъ, широкимъ пальцемъ, совсѣмъ закрывавшимъ ихъ. Но, если Ривальсъ восхищался успѣхами Жака, то далеко менѣе восхищался его здоровьемъ. Съ наступленіемъ осени возобновился его кашель; щеки его впали, руки часто были горячи и въ глазахъ зажигался лихорадочный пламень.

— Это мнѣ не нравится, говорилъ докторъ, смотря на него съ безпокойствомъ:—ты черезъ-чуръ много работаешь... черезъчуръ напрягаешь свой умъ... Куда ты торопишься, чортъ возьми! Еще успѣешь... Сесиль не уйдетъ.

Но Жакъ, подобно индійскимъ факирамъ, дошелъ до того состоянія, когда самое страданіе становится удовольствіемъ, и, хотя чувствовалъ порой большое изнеможеніе, но продолжалъ работать, побѣждая посредствомъ усилія воли всѣ трудности своей работы. Онъ, конечно, достигъ бы, такимъ образомъ, предположенной цѣли, еслибы ничто не становилось ему поперекъ дороги, по которой онъ несся такъ быстро. Но его ожидалъ новый и страшный ударъ.

Однажды, въ суботу, вечеромъ, онъ получилъ отъ Ривальса слѣдующую депешу: «Не пріѣзжай завтра. Мы уѣзжаемъ на недѣлю. Ривальсъ». Неожиданность этого отъѣзда, лаконизмъ депеши, даже печатныя буквы, замѣнившія знакомый, дружескій почеркъ, все это произвело на Жака тяжелое впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ какой-то безотчетный страхъ и все ждалъ отъ Сесили или отъ доктора письма, которое бы объяснило эту тайну. Но письмо не приходило. Въ теченіи недѣли онъ былъ самъ не свой и съ стѣсненнымъ сердцемъ ожидалъ слѣдующаго воскресенья.

Но, ни Сесиль, ни докторъ, въ сущности, никуда не уѣзжа-

ли. Ривальсъ удалилъ влюбленнаго для того, чтобы имѣть время приготовить его къ бо̀льшему удару, къ внезапному, необъяснимому рѣшенію Сесили, которое, какъ надѣялся докторъ, она могла еще измѣнить. Однажды, Сесиль, войдя къ дѣду, объявила, что она не желаетъ болѣе, чтобы Жакъ приходилъ къ нимъ, и что не можетъ сдѣлаться женой его.

Докторъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Ты пугаешь меня... что̀ же такое случилось?..

— Ничего; но я не люблю его; я ошибалась.

— Сесиль, дитя мое! опомнись... Между вами вѣрно произошла какая-нибудь ребяческая ссора...

— Нѣтъ, клянусь тебѣ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго ребячества. Я питаю къ Жаку дружбу, привязанность сестры; вотъ и все. Я старалась полюбить его, но теперь вижу, что это невозможно.

Докторъ сдѣлалъ движеніе ужаса. Воспоминаніе о дочери мелькнуло въ умѣ его.

— Ты любишь кого-нибудь?

— Нѣтъ, никого. Я не хочу идти замужъ.

На всѣ убѣжденія доктора, на всѣ его доводы, Сесиль отвѣчала одно: я не хочу замужъ. Онъ хотѣлъ подѣйствовать на ея гордость. Что̀ будутъ говорить въ Этіолѣ? Молодой человѣкъ ходилъ къ нимъ цѣлые два мѣсяца и всѣ считали его женихомъ ея. Потомъ докторъ пытался пробудить въ ней состраданіе.

— Подумай, что этотъ ударъ можетъ быть для него смертельнымъ. Вся жизнь его разбита, вся будущность пропала.

Черты Сесили исказились, и это показывало, до какой степени она была взволнована. Ривальсъ взялъ ее за обѣ руки.

— Умоляю тебя, душа моя. Не торопись этимъ рѣшеніемъ; подожди немного... Ты посмотришь и подумаешь.

— Нѣтъ, дѣдушка, это—невозможно. Я хочу, чтобъ онъ какъ можно раньше узналъ о моихъ чувствахъ. Я знаю, что сильно огорчу его. Но, чѣмъ дальше мы будемъ ждать, тѣмъ хуже. Каждый потерянный день можетъ только усилить его горе. И притомъ, я сама буду слишкомъ страдать, оставаясь съ нимъ... Я не способна на эту ложь, на эту измѣну.

— Стало быть, мнѣ нужно объявить ему отставку? сказалъ докторъ, вставая въ ярости:—хорошо. Это будетъ сдѣлано. Но, тысячу чертей!.. Эти женщины...

Она посмотрѣла на него съ такимъ отчаяніемъ, лицо ея было такъ блѣдно, что докторъ мгновенно остановился...

— Ну, полно, полно, дружокъ мой... я не сержусь... это я — такъ, вспылилъ... Да, наконецъ, я виноватъ больше тебя. Ты

слишкомъ молода... я не долженъ былъ... Ахъ! старый дуракъ, старый дуракъ! Видно я до конца буду дѣлать глупости!

Самое ужасное было написать Жаку. Докторъ два или три раза начиналъ черновое письмо; каждый разъ оно начиналось словами: «Жакъ, дитя мое, дѣвочка ужь не хочетъ». Онъ не находилъ ничего прибавить и, наконецъ, сказалъ себѣ: нѣтъ! я лучше самъ переговорю съ нимъ.

Чтобы приготовиться къ этому свиданію, онъ извѣстилъ Жака, что они уѣзжаютъ; и не терялъ надежды, что, авось, Сесиль, въ теченіи недѣли, передумаетъ. Всю недѣлю между ними не было разговору объ этомъ. Но, въ слѣдующую суботу, докторъ сказалъ внучкѣ:

— Завтра Жакъ придетъ. Ты не измѣнила своего рѣшенія? Оно—непоколебимо?

— Непоколебимо; отвѣчала она съ твердостью,

Жакъ пришелъ въ воскресенье, рано, по своему обыкновенію. «Баринъ ждетъ васъ въ саду», сказала ему горничная. Онъ тотчасъ же догадался, что ему грозитъ какая-нибудь бѣда, и сердце его сжалось. При видѣ доктора, онъ окончательно упалъ духомъ; старикъ былъ смущенъ и взволнованъ не менѣе его самого.

— Сесили нѣтъ здѣсь? былъ первый вопросъ Жака.

— Нѣтъ, другъ мой. Я ее оставилъ тамъ... гдѣ мы были. Она пробудетъ тамъ еще нѣсколько времени.

— Долго?

— Да̀, очень долго.

— Стало быть... стало быть... она раздумала, г. Ривальсъ?

Докторъ не отвѣчалъ. Жакъ сѣлъ на скамейку, чтобъ не упасть. Послѣ минутнаго молчанія, докторъ отечески положилъ руку свою ему на плечо.

— Не огорчайся слишкомъ, Жакъ. Она еще можетъ перемѣнить свое намѣреніе. Она такъ молода. Это, можетъ быть—только капризъ.

— Нѣтъ, г. Ривальсъ, вы сами знаете, что у Сесили нѣтъ капризовъ. Это было бы слишкомъ ужасно: ударъ ножомъ въ сердце изъ-за каприза. Я увѣренъ, что она долго думала прежде, чѣмъ приняла это рѣшеніе, и что ей не легко было принять его. Она знала, что ея любовь была моей жизнью; и если поступила такъ, то, значитъ, не могла поступить иначе. Я долженъ былъ ожидать этого. Развѣ такое великое счастье возможно было для меня? Еслибъ вы знали, сколько разъ я говорилъ себѣ: это слишкомъ хорошо, это не исполнится? Вотъ, и не исполнилось.

Усиліемъ воли онъ подавилъ рыданіе, душившее его, и всталъ съ трудомъ. Г. Ривальсъ взялъ его руки.

— Прости мнѣ, бѣдное дитя мое! это я виноватъ во всемъ. Но я думалъ сдѣлать двухъ счастливцевъ.

— Не обвиняйте себя, г. Ривальсъ. Что̀ случилось—должно было случиться. Сесиль не могла меня полюбить, потому что она выше меня. Ее обмануло доброе сердце. Она приняла за любовь сожалѣніе, которое я внушалъ ей. Теперь она разувѣрилась; и разстояніе, раздѣляющее насъ, испугало ее. Но, ка̀къ бы ни былъ жестокъ ударъ, который она мнѣ наноситъ, я никогда не забуду, что самымъ счастливымъ временемъ въ моей жизни обязанъ я ей. Я родился въ тотъ день, когда узналъ, что Сесиль полюбила меня, и умираю сегодня.

Жакъ тихонько высвободилъ свои руки изъ дрожащихъ рукъ доктора.

— Ты уходишь, Жакъ?... Ты не останешься со мной завтракать...

— Благодарю васъ, г. Ривальсъ... Но я былъ бы слишкомъ печальнымъ собесѣдникомъ...

Онъ твердыми шагами прошелъ черезъ садъ, отворилъ калитку и быстро удалился, не оглядываясь назадъ. Но, еслибы онъ обернулся, онъ увидѣлъ бы наверху, у окна, за приподнятой занавѣской, блѣдную, плачущую, какъ и онъ, и простирающую къ нему руки Сесиль...

Слѣдующіе дни Ривальсъ провелъ очень печально. Оживившійся было домикъ принялъ еще болѣе грустный видъ. Докторъ съ волненіемъ слѣдилъ за своею внучкою и видѣлъ ея страданія, которыя она старалась скрыть. Неужели и она, какъ ея мать, должна умереть? Что̀ случилось?.. Если она не любила Жака, то ка̀къ объяснить эту печаль, эту потребность къ уединенію? А если любила еще его, то почему ему отказала?.. Докторъ чувствовалъ, что тутъ скрывается какая-то тайна, что въ душѣ ея происходитъ сильная внутренняя борьба. Но Сесиль держала себя на сторожѣ, такъ что ни малѣйшій вопросъ не могъ ее застать врасплохъ. Передъ этою сдержанностію и этимъ страданіемъ старикъ забывалъ несчастіе Жака и предавался безпредѣльному отчаянію.

Однажды ночью, старая Салэ явилась къ нему за медицинскою помощью; по ея словамъ, «ея хозяину пришелъ конецъ». Ривальсъ отправился къ больному. Старикъ, дѣйствительно, оказался при смерти. Въ то время, какъ докторъ, наклонившись къ умирающему, слѣдилъ за его едва замѣтнымъ пульсомъ, старикъ сказалъ женѣ глухимъ голосомъ:

— Скажи, жена; вѣдь ты же обѣщала сказать.

Старуха продолжала суетиться у печки; но умирающій настаивалъ: «Скажи, жена, скажи»...

Ривальсъ посмотрѣлъ на старуху; она подошла къ нему, говоря:

— Вѣрно, какъ Богъ святъ, что, ежели я и огорчила барышню, то въ этомъ виноватъ проклятый докторъ Гиршъ.

— Какую барышню? о комъ ты говоришь? спросилъ быстро Ривальсъ.

Она колебалась отвѣчать, но умирающій требовалъ, чтобы она все сказала.

— Ну хорошо, хорошо, я скажу, отвѣчала рѣшительно старука.—Вотъ въ чемъ дѣло: этотъ мерзавецъ далъ мнѣ двадцать франковъ—вѣдь есть же такія гадины на божьемъ свѣтѣ!—онъ далъ мнѣ двадцать франковъ съ тѣмъ, чтобы я разсказала вашей барышни исторію ея папаши и мамаши.

— И ты осмѣлилась сдѣлать это?

— Двадцать франковъ—большія деньги; безъ этого, я бы не сказала ни за что̀ въ мірѣ...

— Мерзавецъ! онъ предупредилъ меня, что будетъ мстить!..

Но стоны умирающаго отвлекли доктора отъ его личныхъ заботъ... До утра Ривальсъ просидѣлъ у умирающаго, стараясь облегчить старику-бродягѣ страшный переходъ изъ этого міра въ другой... Когда все было кончено, онъ поспѣшилъ возвратиться въ Этіоль и прямо пошолъ въ комнату Сесиль.

— Она тебѣ разсказала эту тайну, которую мы такъ долго старались скрыть отъ тебя... Бѣдная, бѣдная...

— Не говори, не говори, дѣдушка. Мнѣ стыдно.

— Напротивъ, нужно говорить. Еслибы я могъ только подозрѣвать причину твоего отказа!.. Вѣдь, ты поэтому ему отказала?..

— Я не хотѣла разоблачать безчестіе моей матери, а совѣсть заставляла меня все сказать Жаку... Оставалось сдѣлать одно только и я сдѣлала.

— Значитъ, ты его любишь?

— Всѣмъ существомъ своимъ. И я думаю, что и онъ настолько меня любитъ, что самъ не рѣшился бы порвать со мною. Значитъ, эту жертву я сама должна была принести: не женятся, вѣдь, на дѣвушкѣ, у которой нѣтъ ни отца, ни матери...

— Ты ошибаешься, дитя. Жакъ зналъ твою исторію. Я самъ ему разсказалъ ее... Къ тому же, и его судьба похожа на твою: у него тоже нѣтъ отца, а мать его никогда не была замужемъ.

Единственная разница между вами заключается въ томъ, что твоя мать была святая женщина, между тѣмъ какъ его...

И Ривальсъ принялся разсказывать исторію Жака, долгое мученичество этого несчастнаго существа, его несчастное дѣтство, его усилія и одиночество...

Долго еще они разговаривали и, наконецъ, по предложенію Ривальса, рѣшилась ѣхать въ Парижъ къ Жаку.

Едва они уѣхали, какъ къ домику подошолъ Белизеръ и, прочитавъ по складамъ надпись на двери: «звонокъ доктора», позвонилъ. Горничная явилась.

— Чего вамъ?

— Докторъ дома?

— Нѣтъ его дома.

— А барышня?

— И барышни нѣтъ.

— Когда возвратятся?

— Неизвѣстно.

И двери закрылись. — Господи! Господи! проговорилъ въ отчаяніи Белизеръ... Неужели же, и умирая, онъ не будетъ имѣть утѣшенія повидаться съ нею?

X.

Въ больницѣ.

Въ тотъ же вечеръ, у редактора «Вѣстника будущихъ расъ» происходило литературное собраніе. «Неудачники» во всемъ сборѣ были приглашены на этотъ праздникъ, даваемый по поводу возвращенія Шарлотты; къ тому же, на этомъ вечерѣ д'Аржантонъ долженъ былъ читать свою новую поэму «Разрывъ», благополучно оконченную. Но тутъ оказалось нѣкоторое затрудненіе. Поэма была написана подъ впечатлѣніемъ особенно странныхъ обстоятельствъ. Но, съ возвращеніемъ Шарлотты, какимъ образомъ воспѣвать отсутствіе неблагодарной и описывать страданіе покинутаго любовника? Очевидно, это было смѣшно. Однакожь, послѣ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ соображеній и колебаній, д'Аржантонъ, все-таки, рѣшился читать. «Все равно, сказалъ онъ себѣ:—буду читать... Произведеніе искуства не должно быть подчинено случайнымъ обстоятельствамъ».

И поэтъ, храбро, передъ собравшейся публикой, принялся декламировать свою поэму, въ которой жаловался на отсутствіе своей любовницы при самой же любовницѣ, обзывая

ее «злой», «невѣрной», «дорогой отсутствующей». Это зрѣлище было чрезвычайно комично. Что̀ же касается публики, то она была все та же: Лабассендръ, въ темно-зеленомъ бархатномъ пиджакѣ, докторъ Гиршъ въ платьѣ съ пятнами, Моронваль въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, нѣсколько грязномъ, потомъ желтый египтянинъ, японецъ, племянникъ Берцеліуса, человѣкъ, который читалъ Прудона, и другіе все въ томъ же родѣ. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ мы ихъ знаемъ, этихъ неудачниковъ, а они все—тѣ же; нѣкоторые отстали, погибли; но парижская мостовая пополнила ряды другими фанатиками. Ничто̀ ихъ не обезкураживаетъ: ни несчастія, ни неудачи, ни страданія, ни холодъ, ни жаръ, ни голодъ. Они спѣшатъ, но никогда не достигаютъ желаемой цѣли. Среди нихъ д'Аржантонъ, лучше питаемый, лучше одѣтый, похожъ былъ на богатаго хаджи, и что̀ въ особенности выдвигало его въ этотъ вечеръ, такъ это—его удовлетворенное тщеславіе, радужное сознаніе торжества.

Но въ самомъ патетическомъ мѣстѣ чтеніе было прервано появленіемъ горничной, которая доложила, что Шарлотту спрашиваетъ какой-то человѣкъ. Д'Аржантонъ отправился узнать, въ чемъ дѣло. Это былъ Белизеръ, пришедшій предупредить Шарлотту о болѣзни ея сына.

— Вы пришли отъ этого господина? спросилъ его д'Аржантонъ.

— Не отъ него я пришелъ... Онъ слишкомъ боленъ. Вотъ уже три недѣли, какъ онъ лежитъ.

— Что̀ съ нимъ...

— Въ груди плохо; докторъ говоритъ, что онъ не проживетъ и недѣли. Поэтому, мы думали, жена и я, что слѣдуетъ предупредить его мать.

— Ну, такъ скажите-тому, кто васъ посылаетъ, сказалъ насмѣшливо д'Аржантонъ:—что его фокусъ хорошъ, но что онъ старъ; пускай выдумаетъ что-нибудь поновѣе.

И д'Аржантонъ удалился, оставивъ Белизера на лѣстницѣ въ недоумѣніи.

Жакъ заболѣлъ, возвращаясь изъ Этіоля; онъ слегъ, ничего никому не сказавъ. Но съ тѣхъ поръ лихорадка такъ настойчиво его стала преслѣдовать, простуда оказалась такъ сильна, что докторъ завода сказалъ его друзьямъ, что можно всего ожидать. Белизеръ хотѣлъ-было предупредить Ривальса, но Жакъ воспрепятствовалъ этому. Денегъ не было; всѣ сбереженія Жака ушли на мёблировку квартиры для его матери, а Белизеръ также былъ безъ копейки, вслѣдствіе большихъ расходовъ по свадьбѣ. Сосѣди посовѣтовали отправить Жака въ больницу. «Тамъ

ему будетъ лучше, а, главное, онъ ничего не будетъ вамъ стòить». Но Белизеръ долго не хотѣлъ послушаться этихъ совѣтовъ. Но теперь ничего не оставалось, кромѣ больницы. Къ тому же, болѣзнь приняла очень опасное развитіе, и они рѣшились дать знать матери Жака.

— Ты—одинъ? сказала г-жа Белизеръ, увидѣвъ возвращавшагося мужа.

Онъ разсказалъ, кàкъ его не допустили до матери Жака.

— Ну, молодцы, нѐчего сказать!.. Да ты-то чтò-же? Нужно было войти силой и сказать этой мерзавкѣ: вашъ сынъ умираетъ. Видно, ты навсегда останешься мокрой курицей!

Белизеръ поникъ головой. Онъ зналъ, что его распекутъ, но не могъ сладить съ своей застѣнчивостью.

— Чтò же, однакожь, намъ дѣлать? продолжала г-жа Белизеръ. Нельзя же оставить его безъ всякой помощи.

Сосѣди опять совѣтовали отправить его въ больницу. Жакъ слышалъ этотъ разговоръ, и, на другой день, когда г-жа Белизеръ возвратилась домой и отправилась въ его комнату, узнать, не лучше ли ему, она увидѣла Жака, одѣтаго, разговаривающаго съ Белизеромъ.

— Чтò съ вами? вы встали?

— Онъ захотѣлъ встать, отвѣчалъ Белизеръ въ отчаяніи: — онъ идетъ въ больницу.

— Въ больницу? Зачѣмъ? Вы находите, что мы нехорошо за вами ухаживаемъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, друзья... Но здѣсь мнѣ нельзя больше оставаться. Прошу васъ, не удерживайте меня.

— Но кàкъ же вы отправитесь при вашей слабости?

— Ничего. Конечно, я нѣсколько развинтился, но, когда нужно, то найдутся силы. Белизеръ поможетъ мнѣ. Вѣдь, онъ уже водилъ меня по улицамъ Нанта, когда я былъ такъ же слабъ, какъ и теперь.

Въ виду такого рѣшенія, всякія возраженія оказались излишними. Жакъ обнялъ г-жу Белизеръ и спустился по лѣстницѣ, поддерживаемый разнощикомъ, бросивъ прощальный взглядъ на эту комнатку, гдѣ онъ провелъ столько счастливыхъ минутъ, гдѣ онъ такъ много мечталъ и которую зналъ, что больше не увидитъ.

Когда они пришли въ центральное бюрò, было еще довольно рано; но пріемный залъ былъ уже полонъ больными, ожидавшими доктора... При всѣхъ усиліяхъ администраціи, всегда оказывается больше больныхъ, чѣмъ мѣстъ въ больницахъ. По мѣрѣ того, какъ больные входили, ихъ раздѣлили на двѣ категоріи:

въ одной—раненые, искалѣченные, съ раздавленными членами, на заводахъ и фабрикахъ; въ другой—лихорадочные, малокровные, чахоточные, изнуренные. И какія лохмотья! какіе башмаки, какія шляпы! Всѣ съ глубокимъ волненіемъ ожидали появленія доктора, отъ котораго зависѣло принять ихъ или нѣтъ въ больницу. Наконецъ, растворились двери, и вошолъ докторъ. Погрѣвшись у печки, онъ началъ свой обходъ; вопросы были кратки и нѣсколько грубы, потому что было много больныхъ и больные безъ конца распространялись о своихъ болѣзняхъ, присоединяя къ этому различныя исторіи и анекдоты, до которыхъ не было никакого дѣла доктору.

— Ну, а вы, сударыня, чѣмъ страдаете? обращался докторъ къ женщинѣ въ сопровожденіи ребёнка лѣтъ одиннадцати.

— Не я страдаю, г. докторъ, а вотъ мой мальчикъ...

— Чѣмъ же онъ боленъ?.. Отвѣчайте же...

— Онъ глухъ, г. докторъ. Это съ нимъ случилось, изволите видѣть...

— Глухъ?.. На которое ухо?

— На оба, главнымъ образомъ.

— То есть, кàкъ, главнымъ образомъ?

— Ну, дà, г. докторъ... Эдуардъ, приподымись, дружокъ... съ тобой говорятъ. На какое ты ухо глухъ?..

Мальчикъ молчалъ.

— Видите, г. докторъ; какъ я вамъ имѣла честь докладывать.

Дальше, докторъ обращается къ сосѣду Жака:

— Чтò у васъ болитъ?

— Грудь, г. докторъ... вся грудь горитъ...

— Хорошо, грудь горитъ... А не употребляете ли вы водки?

— Никогда, г. докторъ... отвѣчаетъ больной съ негодованіемъ.

— Гмъ! ну, а вино пьете?

— Точно такъ; сколько нужно.

— А вамъ сколько нужно?.. Нѣсколько бутылокъ, а?

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, г. докторъ.

— Понимаю... когда получаете жалованіе?..

— Какъ водится, г. докторъ. Нельзя же; нужно же угостить друзей.

— Ну, дà, вы пьянствуете, другими словами. Покажите языкъ...

Докторъ обратился къ Жаку.

— Встаньте, сказалъ онъ ему, прикладывая ухо къ его груди. Пѣшкомъ пришли?

— Да.

— Удивительно; но не повторяйте этого. Васъ положатъ на носилки.

И, обращаясь къ помощнику, раздававшему билеты на поступленіе въ больницу, онъ сказалъ:

— Въ больницу Charité... зала Saint-Jean-de Dieu.

Въ больницѣ, Жакъ заснулъ лихорадочнымъ сномъ... Когда онъ проснулся, къ нему подошелъ докторъ и сталъ его распрашивать. Студенты окружили кровать. Профессоръ объясняетъ имъ симптомы болѣзни. Постепенно студенты подходятъ къ больному и изслѣдуютъ его. Жакъ отдаетъ себя въ ихъ распоряженіе и, среди различныхъ научныхъ терминовъ, понимаетъ, что его положеніе опасно. Послѣ того, какъ докторъ продиктовалъ рецептъ, къ нему подходитъ сестра милосердія и тихо спрашиваетъ его, есть ли у него родные въ Парижѣ—кто нибудь, кого бы можно было предупредить. Его родные? Да вотъ они, эти два существа, мужчина и женщина, которые стоятъ у кровати, не смѣя подойти. У него нѣтъ другихъ друзей и родныхъ.

— Ну что̀, ка̀къ вы себя сегодня чувствуете? спрашиваетъ Белизеръ, которому уже сказали, что «товарищу» недолго осталось жить, и который скрываетъ свое желаніе рыдать подъ искуственною развязностію. Г-жа Белизеръ ставитъ на столикъ двѣ бутылки, принесенныя ею; потомъ, сказавъ нѣсколько словъ о мальчуганѣ съ огромной головой, садится рядомъ съ мужемъ, который упорно молчитъ. Жакъ тоже молчитъ. Глаза его открыты и неподвижны. О чемъ онъ думаетъ?.. Одна мать только могла бы это угадать.

— А что̀, Жакъ, спрашиваетъ г-жа Белизеръ:—не пойти ли мнѣ за вашей матушкой?

Его глаза, улыбаясь, обращаются къ доброй женщинѣ... Да̀, да̀, онъ этого хочетъ. Теперь, когда онъ знаетъ, что умретъ, онъ забываетъ все, что̀ его мать сдѣлала. Ему нужно видѣть ее, обнять ее. Г-жа Белизеръ отправляется; но мужъ останавливаетъ ее, и между ними, шопотомъ начинается совѣщаніе. Наконецъ, рѣшено, что самъ Белизеръ отправится.

Когда онъ явился на квартиру Шарлотты, консьержъ сказалъ ему, что никого нѣтъ дома, что г. и г-жа д'Аржантонъ уѣхали и не скоро вернуться... Въ отчаяніи, Белизеръ рѣшается отправиться къ Ривальсу. Онъ возвращается домой, захватываетъ корзину со шляпами — безъ нея онъ никогда не отправляется въ путь— и идетъ по дорогѣ въ Этіоль, гдѣ Жакъ встрѣтилъ его въ первый разъ. Мы уже знаемъ, что и эта попытка не удалась Белизеру.

Въ это время, г-жа Белизеръ, сидя у изголовья больного, не знаетъ, чему приписать такое долгое отсутствіе мужа, не знаетъ ка̀къ успокоить Жака, который въ ожиданіи матери

находится въ сильномъ волненіи. Это волненіе еще больше увеличиваетъ толпа, которая, по воскресеньямъ, является въ больницу навѣщать больныхъ. Разнощица хлѣба истощила все свое краснорѣчіе, объясняя отсутствіе его матери; она все перебрала: болѣзнь д'Аржантона, прогулку, и теперь не знаетъ что̀ сказать.

— Она не придетъ, говоритъ Жакъ:—я увѣренъ, что она не придетъ.

И несчастный закрываетъ глаза въ окончательномъ безсиліи, чтобы думать о другомъ горѣ, о другой любви, повторяя мысленно: «Сесиль... Сесиль...» Сестра милосердія, услышавъ стоны больного, подходитъ и спрашиваетъ тихо г-жу Белизеръ, по лицу которой льются слезы:

— Что̀ съ нимъ?.. Онъ какъ будто еще больше страдаетъ?

— Онъ ожидаетъ свою мать... и это его мучитъ, бѣдненькаго.

— Нужно поскорѣе ее предупредить.

— Мой мужъ отправился за нею. Но, видите-ли, это—шикарная барыня; нужно полагать, что она боится замарать свое платье въ больницѣ...

И вдругъ, она вскакиваетъ:

— Не плачь, дружокъ, говоритъ она Жаку, какъ бы говорила своему мальчику:—я пойду за нею, за твоей мамашей.

Жакъ видѣлъ ка̀къ она ушла, но продолжаетъ повторять глухимъ голосомъ: «Она не придетъ... не придетъ...»

Сестра милосердія старается успокоить его, но онъ, въ негодованіи, приподымается и точно въ бреду говоритъ:

— Говорю вамъ, что она не придетъ... Вы не знаете ея; это—злая мать... Все горе моей жизни идетъ отъ нея. Мое сердце—одна только рана отъ ударовъ, нанесенныхъ ею... Когда *тотъ* показалъ видъ, что боленъ, она побѣжала къ нему и не захотѣла его оставить... О, злая, злая, злая мать! Она меня убила и теперь не хочетъ видѣть даже моей смерти!

Истощенный этимъ усиліемъ. Жакъ падаетъ на постель...

Шарлотта и д'Аржантонъ возвращались въ каретѣ изъ концерта. Она сіяла; она появилась въ публикѣ съ своимъ поэтомъ и была такъ красива въ этотъ вечеръ! Она уже хотѣла подняться по лѣстницѣ, какъ вдругъ какая-то простая женщина бросилась къ ней.

— Сударыня, сударыня.. Не мѣшкайте ни минуты.

— Г-жа Белизеръ... прошептала Шарлотта, блѣднѣя.

— Вашъ сынъ боленъ... онъ желаетъ видѣть васъ.

— Да это—настоящее преслѣдованіе, вступился д'Аржантонъ.—

Оставьте насъ... Если этотъ господинъ боленъ, мы пошлемъ ему нашего доктора.

— Не нуженъ ему вашъ докторъ; у него ихъ много, потому что онъ въ больницѣ.

— Въ больницѣ!

— Да̀, онъ тамъ теперь; но не надолго, предупреждаю васъ... Если вы хотите его видѣть, спѣшите...

— Оставьте ее, Шарлотта, это просто—ложь... говорилъ поэтъ, стараясь увести Шарлотту.

— Сударыня, вашъ сынъ умираетъ... Господи! вѣдь, есть же на свѣтѣ такія матери!

Но Шарлотта уже бросилась къ ней: «ведите меня къ нему».

Въ ту минуту, какъ жена Белизера выходила изъ больницы, двое лицъ вошли туда быстро: старикъ и молодая дѣвушка.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ?..

— Жакъ... это—я... я, Сесиль...

Это—дѣйствительно, она. Жакъ открываетъ глаза и улыбается ей. Она ему говоритъ, проситъ у него прощенія, объясняетъ... О, еслибы она только знала, что ихъ судьба такъ похожа!.. По мѣрѣ того, какъ она говорила, великое спокойствіе овладѣло сердцемъ Жака.

— Ка̀къ вы добры, что пріѣхали, Сесиль... Теперь я счастливъ! Теперь мнѣ легко будетъ умереть...

— Умереть? Зачѣмъ?.. говорилъ Ривальсъ... Не бойся, дружище, мы тебя поправимъ...

Но возбужденіе Жака не долго длилось; онъ снова впалъ почти въ безчувственное состояніе. Сесиль съ ужасомъ смотрѣла на своего дѣда; зала наполнилась мракомъ, и сердца присутствующихъ точно сжимались при приближеніи чего-то страшнаго, болѣе таинственнаго, чѣмъ ночь. Вдругъ Жакъ попробовалъ привстать:

— Слушайте... слушайте... Кто-то подымается по лѣстницѣ.

Но слышно было только завываніе холоднаго вѣтра, шумъ удаляющейся толпы. Онъ прислушался еще, и глаза его снова закрылись. И, однакожь, онъ не ошибся. Двѣ женщины, бѣгомъ, подымались по лѣстницѣ. Ихъ впустили, хотя часъ пріема уже прошолъ. Подойдя къ дверямъ залы, Шарлотта остановилась.

— Мнѣ страшно, сказала она.

— Нѐчего дѣлать... нужно... отвѣчала г-жа Белизеръ:— право такія женщины, какъ вы, не должны бы имѣть дѣтей!

И она почти грубо втолкнула ее въ дверь. И мать увидѣла вдругъ громадную, голую залу, зажженные ночники, всѣ эти

призраки на колѣнахъ, тѣни занавѣсей, потомъ, дальше, у самой постели двоихъ наклонившихся мужчинъ и Сесиль Ривальсъ, блѣдную, какъ смерть, столь же блѣдную, какъ лицо того, чью голову она поддерживали въ эту минуту.

— Жакъ! дитя мое!

Ривальсъ обернулся.

— Тише... прошепталъ онъ.

Всѣ прислушивались. Послышался едва замѣтный шопотъ, потомъ какъ бы легкій свистъ и, наконецъ, большой вздохъ.

Шарлотта подошла, шатаясь. Докторъ наклонился:

— Жакъ, дитя мое... это—я... я здѣсь...

Но Жакъ не шевелился. Мать страшно вскрикнула:

— Умеръ?

— Нѣтъ... отвѣчалъ старый Ривальсъ строгимъ голосомъ.. освободился!..

А. П.

Конецъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ МАНІЯ КЪ ПУТЕШЕСТВІЯМЪ.

Судя по количеству экспедицій, предпринимаемыхъ въ послѣднее время, по тому интересу, который возбуждаютъ онѣ въ средѣ публики, можно подумать, что для насъ наступила эпоха открытій и увлеченій путешествіями, какія охватывали Европу въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ, когда у ней являлись Колумбы, Васко де-Гамы и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ, судя по замысламъ нашихъ экспедицій, по грандіозности цѣлей, по обширности плановъ, по тому шуму, который онѣ производятъ, и по тѣмъ героическимъ подвигамъ, которыми онѣ обставляются, естественно, мы бы должны придти къ этому заключенію. До сихъ поръ наше піонерство, колонизація и самыя открытія сосѣднихъ земель были почти безсознательныя, движеніе народныхъ массъ было чисто стихійное; онѣ ложились въ новыя зѐмли, «пришли», «сѣли», а отчета о томъ, куда пришли и что̀ заняли—рѣдко отдавали себѣ. Такъ, мы пріобрѣли весь Востокъ и Сибирь до Восточнаго Океана; мало того: мы перешли въ Америку и дошли до Калифорніи. Въ новыя страны у насъ предводительствовали и шли впереди не ученыя экспедиціи, не смѣлые путешественники, не рыцари, какъ Кортесъ и Пизарро, не монахи съ проповѣдью христіанства, а, первоначально, просто удальцы-разбойники, гулящіе люди, бѣглые, замотавшіеся, наконецъ—казаки и простолюдины. Для этого достаточно припомнить, кто такіе были Ермакъ, Дежневъ, Поярковъ, Хабаровъ и многіе другіе. Прежде, чѣмъ сдѣлалъ открытіе для образованнаго міра Берингъ, здѣсь ужь были казаки. Конечно, все это не имѣло у русскихъ людей значенія научныхъ открытій. Въ силу стихійнаго влеченія народа въ новыя мѣста, у насъ образовались громадныя, страшныя владѣнія; но все это были неизвѣданныя пустыни, большинство ихъ остается такими и до сего времени. Для описанія нашихъ земель ѣздили нѣмцы: Мессершмидтъ, Палласъ, Гмелинъ, впослѣдствіи даже—Гумбольдъ, недавно—Миддендорфъ, которые и открывали

для образованной Европы наши страны. Нашъ же научный интересъ былъ такъ слабъ, что мы даже рѣдко переводили эти сочиненія: такъ, напримѣръ, большинство научнаго матеріала Миддендорфа, Радлова остается изданнымъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ настоящее время. Наша же роль ограничивалась, какъ мы сказали, скорѣе накопленіемъ земель. Мы не успѣли еще собственно разобраться. У насъ огромное историческое наслѣдіе, но мы не знаемъ ни его природы, ни свойствъ, ни цѣнности. Въ нашихъ границахъ находится масса мѣстностей, которыя открывать и изслѣдовать намъ достанетъ еще надолго. Цѣлыя поколѣнія ученыхъ могутъ трудиться здѣсь. Надо же когда-нибудь разобраться съ этимъ имуществомъ. На насъ лежитъ даже нѣкоторая нравственная отвѣтственность за извѣстныя пространства на землѣ, которыхъ не касалась еще ни географическая наука, ни культура, ни промышленность. Что̀ же мудренаго, что мы напали на мысль, наконецъ, заняться этимъ дѣломъ и познакомиться съ своими внутренними владѣніями, какъ и съ сосѣдними мѣстностями, съ которыми мы давно ведемъ сношенія. Можетъ быть, теперь только и наступила эпоха проснуться нашему сознанію и открывательскому генію. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ столько ученыхъ и промышленныхъ обществъ развилось въ послѣднее время; у насъ—географы, астрономы, офицеры генеральнаго штаба, издающіе описанія Россіи, топографы и мало ли другихъ научныхъ средствъ? Вотъ, съ этой-то точки зрѣнія мы и желали бы взглянуть на возникшую у насъ страсть къ путешествіямъ и изслѣдованіямъ, точно такъ же, какъ и на тѣ средства, какими мы обладаемъ для такихъ обширныхъ задачъ. Тѣмъ любопытнѣе становится познакомиться съ характеромъ современнаго явленія, какъ и съ личностями нашихъ путешественниковъ.

Въ нынѣшнее лѣто, какъ насчитываютъ, отправляются до 12-ти экспедицій на одинъ Сѣверъ, въ томъ числѣ извѣстный шведскій профессоръ Норденшельдъ, капитанъ Виггинсъ, бременская экспедиція, съ Брэмомъ во главѣ; финляндская экспедиція и многія другія идутъ къ устьямъ Енисея, Оби, къ Байдарацкому Перешейку и на Печору. Это—не считая экспедицій, отправляемыхъ въ другія мѣста, какъ, напримѣръ, въ Среднюю Азію, Китай, обратившія нынѣшнюю зиму также вниманіе петербургскаго общества. Что̀ касается Сѣвера, то, конечно, прежде всего является вопросъ: чѣмъ онъ заслужилъ особенно наше вниманіе и вызвалъ такой интересъ къ себѣ? Почему именно на долю Сѣвера выпало такое обиліе экспедицій, а не на какое другое мѣсто? Наконецъ, какое практическое и жизненное значеніе будутъ имѣть результаты этихъ экспедицій?

Чтобы объяснить себѣ это участіе къ Сѣверу нашей публики, мы должны припомнить зимнюю ажитацію, которой были свидѣтелями, и передать нѣкоторыя личныя впечатлѣнія. Наша публика обратила вниманіе на Сѣверъ и узнала объ изысканіи но-

выхъ морскихъ путей, какъ мы помнимъ, съ того времени, когда донеслись до нея слухи о прибытіи шведской экспедиціи профессора Норденшельда съ устья Енисея. Когда стало извѣстно, что шведскій профессоръ съ спутниками въ Обдорскѣ, сухимъ путемъ, ѣдетъ въ Петербургъ, мы выказали удивленіе и начались приготовленія къ пріему. Извѣстіе это было чрезвычайно горячо принято русскимъ «обществомъ содѣйствія промышленности и торговлѣ», которое только-что покончило съ ажитаціей сибирской желѣзной дороги. Нѣсколько газетныхъ статей разъяснили, что открытіе пути на Сѣверѣ подаетъ надежду соединенія Сибири съ Европой.

Такимъ образомъ, предпріятіе это естественно стало грандіознымъ въ глазахъ публики. О практичности и значеніи пути этого пока не было и рѣчи; все дѣло было въ приготовленіи приличной оваціи смѣлымъ иностраннымъ путешественникамъ. Впродолженіи этихъ овацій было, конечно, много говорено о важности этой экспедиціи. Такъ, въ рѣчи своей при пріёмѣ Норденшельда, предсѣдатель въ соединенныхъ обществахъ, г. Золотаревъ, выразилъ слѣдующую мысль: «У насъ есть обширный Востокъ и Сибирь, которые давно на себя обращаютъ вниманіе; но край этотъ остается совершенно (?!) замкнутымъ, неспособнымъ къ культурѣ и матеріальному развитію». Причина отсутствія культуры и развитія его силъ, по мнѣнію оратора, состояла въ томъ, что Сибирь не имѣла выхода и сношеній моремъ. Самый дешевый сбытъ для продуктовъ, это, конечно—морской. Какъ найти этотъ выходъ—это составляло проблему промышленности. Въ настоящее время, эта проблема разрѣшена профессоромъ, проникшимъ въ устье Енисея и указавшимъ путь сношеній Сибири съ Европою. «При такихъ условіяхъ, торговля и промышленность не замедлятъ оживить Сѣверъ». Конечно, въ этой рѣчи, при незнакомствѣ автора съ настоящимъ положеніемъ «неспособнаго къ культурѣ» края, проглядывало много преувеличеній. Кто не знаетъ, что Сибирь обладаетъ торговыми сношеніями сухимъ путемъ и что она далеко не была отдѣленнымъ, замкнутымъ царствомъ; но это показываетъ, какое значеніе приписывалось предпріятію, имѣющему въ виду мѣстность ненаселенную, замкнутую прямо соединить съ Европой. Другіе ораторы, при торжественномъ пріёмѣ, только подтверждали это. Такъ, одинъ изъ ораторовъ, г. Сидоровъ, коснулся исторіи попытокъ проникнуть изъ Европы на сѣверъ, длившихся 300 лѣтъ, съ Каббота. Многіе русскіе моряки старались пройти этимъ путемъ. Русскіе промышленники и инородцы давно ходили около этихъ береговъ. Въ 1864 году, проникъ англійскій капитанъ Виггинсъ, на пароходѣ «Діана», даже далѣе устьевъ Енисея. Наконецъ, на этотъ путь давно обращали вниманіе шведы, и самъ Норденшельдъ не въ первый разъ уже совершаетъ путь по Сѣверному Морю. Для характеристики личности профессора и его авторитета было выставлено то, что онъ путешествовалъ

въ Исландію; труды его переведены на всѣ европейскіе языки, конечно, за исключеніемъ русскаго. Этотъ извѣстный профессоръ и совершилъ нынѣ благополучный рейсъ къ Енисею, доказавъ возможность сообщеній. При этомъ докладчикъ отнесся съ глубокимъ упрёкомъ къ бездѣйствію и отсутствію энергіи русскихъ людей на томъ же поприщѣ. О торговомъ значеніи этого пути было высказано, что этимъ путемъ должны будутъ пойти всѣ сибирскіе продукты за-границу; что изъ Сибири нынѣ идетъ до 20.000,000 пудовъ различныхъ произведеній, и значительная часть ихъ можетъ быть сбываема новымъ путемъ. Сибирское желѣзо, хлѣбъ, сало, звѣри, лѣсъ найдутъ себѣ выходъ. Словомъ, «за грузами дѣло не станетъ». Къ этому присоединялись увѣренія и убѣжденія другого оратора, г. Латкина, что путь этотъ какъ нельзя болѣе выгоденъ будетъ и для Оби. Г. Латкинъ говорилъ, что бассейнъ Оби несравненно болѣе заселенъ; на немъ уже около 2.000,000 жителей и значительные торговые города, какъ Тюмень и Томскъ; по Оби ходитъ уже 35 пароходовъ съ грузами, и вывозъ изъ Западной Сибири равняется 9.000,000 пудамъ. На эти продукты мы можемъ обмѣнивать иностранные товары. Какъ сдѣлано было пожертвованіе для изслѣдованія устьевъ Енисея, такъ должна быть установлена премія и для обслѣдованія устьевъ Оби.

Изъ приведенныхъ указаній видно, какъ широко поставленъ былъ вопросъ объ этомъ пути. Отъ него зависѣло развитіе всего сѣвернаго края и процвѣтаніе чуть ли не всей Сибири. Какъ ни индиферентна петербургская публика къ судьбѣ разныхъ захолустій и какъ она ни мало слыхала о Сибири, однако, подобный вопросъ въ ея глазахъ долженъ былъ показаться достойнымъ вниманія. И «общество содѣйствія русской промышленности», и «общество содѣйствія мореходству», и петербургскій биржевой комитетъ рѣшительно санкціонировали его. Рядомъ съ этимъ, возникали разные планы и предположенія о созданіи торговаго флота—мысль, составляющая больную національную струну нашу послѣ уничтоженія черноморскаго. Такимъ образомъ, вопросъ о важности и значеніи экспедиціи былъ окончательно рѣшенъ. Предстояло только начать агитацію и собрать пожертвованія на новыя изысканія. Поводомъ для этой агитаціи явился пріёмъ и обѣдъ въ честь Норденшельда. Съ пріѣздомъ Норденшельда все было сосредоточено на устройствѣ торжества для него. Соединенныя торговыя общества привѣтствовали его и поднесли адресы въ залѣ Соляного Городка, при заявленіяхъ сочувствія публики. Затѣмъ, 12-го ноября, былъ данъ Норденшельду и его спутникатъ блестящій обѣдъ у Огюста, гдѣ были произнесены рѣчи, провозглашены тосты и совершенъ взаимный обмѣнъ вѣжливостей.

Нѣчего говорить, что за такими торжественными заявленіями нѣкогда было думать о какомъ-нибудь критическомъ отношеніи къ предпріятію и разсмотрѣнію его осуществимости. По крайней

мѣрѣ, изъ личныхъ наблюденій мы помнимъ, что какія изъ упомянутыхъ промышленныхъ обществъ мы ни посѣщали въ это время, мы натыкались только на приготовленія обѣда, на обсужденіе меню съ аллегорическими украшеніями, на выборъ распорядителей, на разсужденія со всѣми парламентскими пріемами, въ какой гостинницѣ давать обѣдъ и т. п. Намъ съ перваго раза показалась страннымъ такая роль нашихъ обществъ содѣйствія промышленности и мореходства, но впослѣдствіи мы убѣдились, что это именно—та спеціальность, въ которой эти общества наиболѣе преуспѣваютъ.

Обсудить цѣль и значеніе предстоящихъ экспедицій предстояло послѣ обѣда, но, какъ видно, наши промышленныя общества объ этомъ мало думали: для нихъ это дѣло было второстепенное. Агитація въ пользу иностранныхъ открывателей произвела свое дѣйствіе, и не успѣлъ Норденшельдъ отъѣхать нѣсколько верстъ отъ Петербурга, какъ была получена телеграмма отъ нѣкоего промышленника Сибирякова, что онъ жертвуетъ для новой экспедиціи Норденшельда 25,000 руб. Такая готовность была такъ поспѣшна, что явилась сюрпризомъ даже для шведскаго профессора, который долженъ былъ объяснить, что онъ не можетъ сейчасъ исполнить предпріятіе и имѣетъ въ виду другое путешествіе; но дѣлать было нѐчего, и надо было оказать любезность за такое сочувствіе русскаго общества, и онъ обѣщалъ еще разъ предпринять экспедицію къ Енисею. Вслѣдъ за отъѣздомъ Норденшельда вопросъ нѣсколько осложнился. У общества содѣйствія промышленности явился другой герой, а именно—англійскій капитанъ Виггинсъ, которому неистощимое для торжествъ и чествованій общество готовило новую овацію.

Капитанъ Виггинсъ—путешественникъ, совершившій плаваніе, еще ранѣе Норденшельда, въ Сѣверномъ Морѣ и былъ его предшественникомъ.

Когда онъ, въ 1864 году, на пароходѣ «Діана» проникалъ къ тому же Енисею, мы тогда не обращали на него никакого вниманія. Мы имѣемъ объ этой экспедиціи только краткій бюллетень въ тогдашнихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но, теперь, явился Виггинсъ къ обѣду Норденшельда, и мы рѣшились воздать хотя и позднюю дань его заслугамъ. Виггинсъ—смѣлый, энергичный человѣкъ, прискакавшій изъ Ливерпуля въ Петербургъ съ англійской скоростью, въ моментъ самаго обѣда, и произнесшій здѣсь длинную и горячую рѣчь, которую очень немногіе поняли. Виггинсъ, это — типъ истиннаго сына Британіи, дѣятельный, предпріимчивый и настойчивый, дѣятельно пропагандировавшій въ Англіи свое дѣло, совершившій уже одну экспедицію, услыша объ агитаціи, явился предложить свои услуги. Какъ представитель англійскаго народа, онъ жаждалъ посоперничать въ подвигахъ; притомъ, дѣло это было его кровное. Всѣ агитаціи общества содѣйствія промышленности и торговли Виггинсъ понялъ, какъ англичанинъ, по своему, за са-

мое искреннее желаніе практическаго осуществленія дѣла и желалъ ему содѣйствовать.

Съ своей стороны, обрадованное случаю еще разъ отпраздновать общество содѣйствія торговли начало устраивать овацію Виггинсу не менѣе, чѣмъ Норденшельду. Точно также были произнесены рѣчи, поднесены адресы, и Виггинсъ былъ приглашенъ въ начальники новой сѣверной экспедиціи, какъ передъ тѣмъ мы приглашали Норденшельда, ибо любвеобиліе наше велико. Виггинсъ, обезпеченный, завѣренный, уѣхалъ подготовлять дѣло къ веснѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, съ той же поспѣшностью, мы начали собирать пожертвованія на экспедицію Виггинса. Такъ, напримѣръ, немедленно были посланы отъ общества содѣйствія *по телеграфу приглашенія* во всѣ сибирскіе города жертвовать на сѣверную экспедицію; мало того, эти телеграммы были посланы ко всѣмъ городскимъ головамъ. Такое оригинальное приглашеніе и такая чрезвычайная мѣра могли бы въ другомъ обществѣ возбудить нѣкоторыя замѣчанія. Вѣдь, у насъ по случаю голода крестьянъ не дѣлается такихъ энергичныхъ распоряженій, и требовалась ли такая поспѣшность, не разъяснивъ дѣла. Но это показываетъ, какъ мы готовы помолиться, когда насъ упрекнутъ въ недостаткѣ усердія. Хотя приглашаемые города и не всѣ отвѣтили, но жертвователи нашлись. Растерявшійся въ экспедиціяхъ г. Сибиряковъ и здѣсь принужденъ былъ принести лепту въ 6,000 руб. На новую экспедицію набралось до 30,000 р., хотя общество содѣйствія промышленности и жаловалось, что сумма эта недостаточна. Виггинсъ, между тѣмъ, спрашиваетъ о покупкѣ парохода, занятый приготовленіями и увѣренный, судя по пріему и оффиціальному приглашенію, что мы способны также на выполненіе предпріятія, какъ и на выраженіе сочувствій. Но здѣсь встрѣтились разныя недоразумѣнія, которыя оставили удивленнаго англичанина безъ отвѣта, а у насъ посѣяли споры и домашнія пререканія, которыя очень любопытны для обрисовки хода дѣла.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Виггинса у насъ выдвинулся рядъ вопросовъ. Когда дѣло, повидимому, было кончено, наши симпатіи раздѣлились между Виггинсомъ и Норденшельдомъ и мы стали втупикъ, кому отдать предпочтеніе. Надѣлавъ увѣреній въ готовности, мы рѣшительно пришли въ недоумѣніе, какъ ихъ выполнить, подобно добрымъ русскимъ людямъ, воротившимся съ обѣда, гдѣ было заявлено множество увѣреній въ дружбѣ, надѣлано обѣщаній, и теперь только приходится ихъ расхлебывать, изумляясь своему великодушію. Кстати подоспѣлъ вопросъ нашего національнаго самолюбія: почему это открытіе достается иностранцамъ, а не намъ?

Этотъ вопросъ для опытнаго наблюдателя далъ себя почувствовать даже на международномъ обѣдѣ Норденшельда. Въ то время, когда шведскій посланникъ, въ одушевленной, прекрасной

и чисто-европейской рѣчи, поблагодарилъ насъ за честь, оказанную его соотечественникамъ, и провозгласилъ дружественный союзъ народовъ и солидарность на почвѣ науки, искуства, промышленности и торговыхъ путей, одинъ изъ нашихъ «рассейскихъ ораторовъ» началъ свою рѣчь словами «иностранцы доселѣ насъ только эксплуатировали» и привелъ всѣхъ въ крайнее смущеніе своей неумѣстной и недипломатической выходкой. На этомъ же обѣдѣ просили въ ряду тостовъ: не забыть и русскихъ дѣятелей прошлаго столѣтія, причомъ вездѣ извѣстный, остроумный и вѣчно веселый представитель россійскаго юмора, г. Скальковскій, предложилъ «не забыть» жену Прончищева, сопутствовавшую своему мужу въ прошломъ столѣтіи на сѣверъ и умершую въ дорогѣ.

Вопросъ о томъ, что у насъ должны быть свои дѣятели, разросся еще болѣе, какъ мы остались одни на своей національной почвѣ. Послѣ отъѣзда Виггинса явился вопросъ: почему-бы намъ не найти своихъ открывателей? Вопросъ этотъ долго занималъ общество содѣйствія промышленности и мореходства, но, какъ ни поджигали, какъ ни подстрекали насъ такіе великіе граждане, какъ г. Скальковскій и съ нимъ соединившійся Немировичъ-Данченко, явно намекавшіе на свой открывательскій геній и на мореходное искуство, какъ мы ни взывали къ памяти предковъ-піонеровъ, понятно, что рускихъ дѣятелей не нашлось, и ихъ не могъ вызвать ни Скальковскій изъ гроба, ни г. Сидоровъ изъ Кронштадта. Но если Carthago delenda est нашихъ ораторовъ не привело къ цѣли, то оно ознаменовалось другими послѣдствіями. Личность Виггинса была заподозрѣна, какъ иностранца, а это предубѣжденіе посѣяло недоразумѣнія, которыя повредили экспедиціи г. Иностранцова. Это интересное qui pro quo, опять-таки, очень характеристично въ обрисовкѣ нашего умѣнья вести дѣло. Къ экспедиціи Виггинса приглашенъ былъ обществомъ содѣйствія промышленности присоединиться извѣстный геологъ г. Иностранцовъ, какъ русскій ученый. Дѣло это было рѣшоное; Виггинсъ изъявилъ полное согласіе, какъ вдругъ является слѣдующій казусъ. Какой-то г. Познанскій, посланный уладить дѣло съ Виггинсомъ, послѣ того, какъ мы, погорячившись, не нашли своихъ мореходовъ, телеграфировалъ въ Петербургъ одному изъ членовъ общества содѣйствія, что Виггинсъ за провозъ русской экспедиціи требуетъ 11,000. Телеграмма эта была отправлена г. Иностранцову однимъ изъ знакомыхъ съ шуточнымъ примѣчаніемъ: «не 11,000 ли фунтовъ?» Замѣчаніе это было ясно сдѣлано въ видахъ подозрительности и разожженнаго предубѣжденія. Г. Иностранцовъ, принявъ это къ сердцу, немедленно опубликовалъ, какъ фактъ, что иностранцы рѣшительно намѣрены противодѣйствовать русскимъ учонымъ. Замѣчательно, что, вслѣдъ затѣмъ, ни письма г. Латкина, ни г. Сидорова, получившаго телеграмму, ни новыя разъясненія Виггинса, предлагавшаго далеко мѐньшую плату за содержаніе экспедиціи, не мо-

гли переубѣдить г. Иностранцова и исправить недоразумѣнія. Г. Иностранцовъ рѣшительно отказался. Такимъ образомъ, плодомъ нашего національнаго спора явилось исключеніе г. Иностранцова, то-есть единственной русской экспедиціи.

Какъ интересно было наше содѣйствіе экспедиціи Норденшельда и Виггинса, такъ же интересно было и наше участіе къ экспедиціи Брэма.

Шумъ, произведеный у насъ, заставилъ обратить вниманіе европейскихъ ученыхъ. Знаменитый Брэмъ, авторъ сочиненія «Жизнь животныхъ», рѣшился посѣтить Сибирь и ея сѣверъ, съ цѣлью собранія зоологическихъ коллекцій. Онъ явился съ спутниками Финшемъ и графомъ Вальдбургомъ-Цейлемъ, путешественникомъ на Шпицбергенъ. Экспедиція эта предполагаетъ изслѣдовать Обь съ юга и снаряжена была бременскимъ обществомъ. Едва мы услышали объ этой снаряжаемой экспедиціи, какъ опять сочли нужнымъ заявить сочувствіе, и неутомимый г. Сибиряковъ отъ щедрости своей сейчасъ же предложилъ 1,000 фунтовъ въ пользу ея, хотя, отправляемая бременскимъ торговымъ обществомъ, она и не могла нуждаться въ нихъ, но намъ важна слава. Пріѣздъ Брэма въ Петербургъ былъ ознаменованъ торжественнымъ пріемомъ тѣмъ же обществомъ содѣйствія промышленности. Брэмъ былъ напутствуемъ искренними пожеланіями, ему даны рекомендаціи и приказано вездѣ оказывать содѣйствіе. Въ дружественныхъ чувствахъ русскаго общества ему не было никакого повода сомнѣваться. Но едва онъ уѣхалъ, какъ насъ началъ грызть тотъ-же червь самолюбія.

«Да, нѣмцу счастье!» заговорили мы, принимавшіе дѣятельное участіе въ его осчастливленіи, и начались язвительные намёки на экспедицію. Въ одной изъ корреспонденцій, экспедиція Брэма названа: «нѣмецкими соглядатаями». Мы начали жалѣть, что не оказывается подобнаго пріема русскимъ; мы начали даже проникаться ненавистью и завистью, говоря про себя: «что̀ бы ему сломать шею!» Не странно ли это, однако, было, когда, по импульсу изъ Петербурга и нашей иниціативѣ, въ это же время, на всемъ пути въ Сибирь продолжали чествовать Брэма, принимая его если не какъ знаменитаго ученаго, то, по крайней мѣрѣ, какъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Эти чествованья, при нашемъ недоброжелательствѣ, дошли до такого размѣра, что въ Екатеринбургѣ, послѣ угощеній, Брэмъ сдѣлалъ ученое и многознаменательное замѣчаніе, увѣковѣчивающее характеръ россіянъ. «Я вынесъ убѣжденіе изъ своихъ путешествій, сказалъ онъ:—что самый гостепріимный народъ въ мірѣ—арабы (кочующіе народы, принимающіе чужестранца); теперь я перемѣняю мнѣніе».

Это былъ самый искренній намъ комплиментъ. Такова послѣдовательность нашихъ чувствъ. Мы видимъ, что приготовленія ознаменовались не малыми ссорами, какъ и слѣдуетъ порядочнымъ русскимъ людямъ. Не менѣе интереснымъ финаломъ за-

вершилась и дружба нашихъ обществъ содѣйствія. Какъ «общество содѣйствія промышленности», такъ и «общество для содѣйствія русскому торговому мореходству», оба—общества почтенныя и имѣютъ самыя искреннія и добрыя намѣренія: одно—насадить въ Россіи промышленность и поднять наше торговое могущество передъ Европой, другое—создать у насъ торговое мореплаваніе и построить цѣлые флоты. При всѣхъ возвышенныхъ стремленіяхъ и довольно обширныхъ планахъ, къ сожалѣнію, послѣднее, общество мореходства, обладаетъ весьма слабыми средствами. Членскіе взносы его такъ ничтожны, что ему не хватаетъ на свѣчи и на содержаніе квартиры для собранія, о чемъ постоянно упоминается въ отчетахъ. Поэтому, общество мореходства находится на квартирѣ у общества содѣйствія промышленности. Собственно, члены общества мореходства въ Петербургѣ—тѣ же, что̀ и въ обществѣ содѣйствія торговлѣ, такъ что, послѣ утренняго засѣданія въ обществѣ содѣйствія торговлѣ, они же засѣдаютъ вечеромъ въ обществѣ мореходства. Какъ въ обществѣ содѣйствія промышленности могутъ состоять и состоятъ люди непричастные промышленности, такъ въ обществѣ мореходства состоятъ люди непричастные мореходству: напримѣръ, дѣлопроизводителемъ этого общества находится г. Мясоѣдовъ все, что̀ угодно, но только не морякъ; а дѣлопроизводителемъ общества торговли нѣсколько лѣтъ былъ г. Скальковскій, столько же имѣющій общаго съ торговлей и промышленностью, сколько сіи послѣднія имѣютъ дѣло съ гороховымъ шутовствомъ. Общество мореходства, однако, употребляетъ всѣ старанія набрать членовъ. Такъ, у него есть члены въ Темрюкѣ, въ Баку, въ Гниловской Станицѣ, какъ видно изъ отчетовъ, а въ одно изъ послѣднихъ собраній выбраны въ члены красноярскій протоіерей и проживающій въ Ташкентѣ почотный гражданинъ. Это уже одно показываетъ усердіе общества въ изысканіи осуществить свои задачи. Но дѣла̀ его, все-таки, плохи и петербургскій его отдѣлъ страдаетъ недостаткомъ средствъ, какъ и квартиры. Главное управленіе общества—въ Москвѣ, какъ въ центрѣ мореходства. Оба общества дѣятельное принимали участіе въ экспедиціяхъ, хотя это участіе ничѣмъ не проявилось, кромѣ обѣдовъ.

Кромѣ устройства обѣдовъ мореходамъ, общество мореходства было очень занято вопросомъ о соподчиненности петербургскаго отдѣла московскому—вопросъ, равносильный соперничеству Москвы съ Петербургомъ. Вопросъ объ этой соподчиненности, какъ на грѣхъ, опять-таки, выплылъ во время сѣверныхъ экспедицій. Московское общество рѣшительно отдѣлилось съ своимъ собраннымъ капиталомъ отъ обществъ петербургскихъ—содѣйствія торговлѣ и своего отдѣла и рѣшилось дѣйствовать самостоятельно. Конечно, не будучи особенно знакомо съ мореходствомъ, оно задалось, по-московски, довольно оригинальной, но самостоятельной программой—снарядить экспедицію на какіе-то Медвѣжьи Остро-

ва, на которые надобности снаряжать экспедиціи не предстояло, и его были принуждены разубѣждать; тѣмъ не менѣе разъ произшедшее недоразумѣніе повело къ преслѣдованію особыхъ цѣлей и экспедицій.

Такимъ образомъ, общества, соединенныя для торжества и мирно засѣдавшія на обѣдахъ, разошлись окончательно въ намѣреніяхъ, а, такъ какъ мнѣнія и симпатіи дробились, то и образовалось нѣсколько экспедицій для одной и той же цѣли. Кто стоялъ за Норденшельда, кто за Виггинса, кто ни за того, ни за другого, а за чисто русскую экспедицію; одни настаивали изслѣдовать Енисей, другіе—устье Оби, третьи—Байдарацкій Перешеекъ, устья Печоры, наконецъ—даже Новую Землю.

Въ концѣ концовъ—мы знаемъ только, что у насъ получилась масса экспедицій, соотвѣтственно разницѣ мнѣній, отправляемыхъ отдѣльно и самостоятельно разными русскими и иностранными учрежденіями. Нынѣ онѣ могутъ быть перечислены: 1) новая экспедиція Норденшельда на устье Енисея; 2) лифляндская экспедиція сухимъ путемъ съ Билемъ во главѣ; 3) судно, снаряжаемое г. Сидоровымъ изъ Енисейска; 4) экспедиція Виггинса на устье Оби; 5) германская экспедиція Брэма, Финша и Вальдбурга Цейля, тоже въ устье Оби; 6) экспедиція, снаряжаемая обществомъ мореходства для изслѣдованія Обской Губы, съ участіемъ Даля; 7) топографъ Матвѣевъ на Байдарацкій Перешеекъ; 8) ученый Поляковъ—на Обь; 9) англійская экспедиція на Печору; 10) Лисенко, отъ техническаго общества—на сѣверъ для обслѣдованія нефтяныхъ источниковъ; 11) Крузенштернъ—на Печору; 12) экспедиція охотниковъ изъ-за границы. Насколько онѣ удадутся, это—другой вопросъ, но, какъ мы видимъ, агитація достигла своей цѣли, и интересъ къ Сѣверу возбужденъ довольно сильно, хотя и экстренно. Но вотъ что̀ странно: что послѣ всѣхъ преній и подготовленій, мы, все-таки, не столковались, и вопросъ о первой цѣли и главномъ значеніи экспедиціи въ устья Енисея изъ Европы остался все-таки обойденнымъ и нимало не разъясненнымъ. Мы видимъ, что большинство экспедицій является съ общею научною цѣлію, но никакъ не съ промышленной и торговой. Между тѣмъ, важность пути разумѣлась только при этомъ условіи. Мало того: намъ пришлось только теперь сомнѣваться въ мнимыхъ выгодахъ этихъ экспедицій. Критическое отношеніе къ дѣлу у насъ явилось послѣ всего. Въ послѣднее время, вопросъ о торговомъ сообщеніи чрезъ Ледовитый Океанъ изъ Европы съ сѣверными окраинами Сибири все болѣе началъ подвергаться сомнѣнію, и по этому поводу появилась даже отрезвляющая статья одного молодого ученаго г. Ковалевскаго—въ «Новомъ Времени». Экспедиція въ устья Енисея, какъ обнаружилось, далеко не первая; всѣмъ, чѣмъ она отличается отъ другихъ, это—счастливой случайностью. Чрезвычайно важно, конечно, разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ и ка̀къ совершена эта экспедиція, а объ этомъ можно судить только по

появленіи подробнаго отчета и разсмотрѣніи его людьми знающими. Въ путешествіи паруснаго судна около береговъ въ благопріятный годъ, когда между льдами нашелся проходъ, нѣтъ ничего необыкновеннаго; такимъ образомъ проникаютъ корабли даже до 80 градуса; но это далеко еще отъ того, чтобъ было возможно постоянное торговое сообщеніе и соединеніе Сибири съ Европой. Мы можетъ отъ всей души желать осуществленія этого пути, но, можетъ быть, далеки отъ возможности. Такимъ образомъ, предшествовавшую экспедицію нельзя назвать открывшею новый путь. Америка еще не открыта, и ее предстоитъ открывать. А если путь этотъ не такъ осуществимъ, какъ думаютъ, и здѣсь весьма мало возможности образовать правильное сообщеніе, то спрашивается: стоило ли употреблять на него такія огромныя затраты и сосредоточивать такую массу экспедицій на одно дѣло?

Все, чего можно ожидать, это—еще разсмотрѣнія вопроса впереди. Что̀ касается значенія этого пути для Сибири, то вопросъ этотъ также подвергся сомнѣнію, такъ какъ для Сибири важнѣе пути внутренніе (см. газету «Сибирь» № 13, какіе пути нужнѣе для Сибири»).

Въ этомъ случаѣ всего вѣрнѣе могутъ содѣйствовать разрѣшенію вопроса о сообщеніи на Сѣверѣ не столько совокупность частныхъ экспедицій, сколько образованіе имѣющихся въ виду метеорологическихъ станцій на Сѣверѣ. Но надо помнить, что самое образованіе и устройство этихъ станцій на пустынномъ Сѣверѣ среди тундръ съ людьми, отдавшимися упорно и терпѣливо самымъ скромнымъ занятіямъ, потребуетъ не мало настойчивости и труда, хотя не произведетъ уже такого фурора.

Теперь спрашивается: изъ-за чего было столько шума? Въ чемъ было тутъ дѣло? зачѣмъ такъ много преувеличеній, апоѳеоза и краснорѣчія? Да ясно—для учиненія нѣкотораго рода торжествъ и обѣдовъ, приличныхъ сезону, и для обнаруженія нашихъ ораторскихъ талантовъ.

Въ послѣднее время, все чаще высказывается сожалѣніе, что во главѣ экспедицій стали исключительно иностранные ученые и дѣятели, что имъ будетъ принадлежать вся слава, что большинство этихъ экспедицій отправляется, при томъ, на русскія деньги. Все это справедливо. Но спрашивается: кто же мѣшалъ намъ самимъ воспользоваться тѣми же выгодами, кто мѣшалъ намъ организоваться? Да никто, и примѣръ съ г. Иностранцовымъ всего болѣе доказываетъ, что мы сами себѣ мѣшаемъ. Люди глубокомысленные думаютъ, что вина вся въ томъ, что мы даемъ себя иностранцамъ эксплуатировать, и думаютъ помочь, возбуждая къ нимъ вражду. Намъ кажется, причина поклоненія иностранцамъ и участія ихъ въ нашихъ дѣлахъ и учоныхъ изысканіяхъ объясняются далеко не однимъ нашимъ легкомысліемъ, а самымъ естественнымъ положеніемъ вещей. Иностранцы издавна руководятъ нашими экспедиціями по той простой при-

чинѣ, что на ихъ сторонѣ сила и знаніе. Если бы вы взглянули на наши общественныя собранія по поводу этихъ экспедицій нынѣшней зимой, то вы и тогда бы уже угадали, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ обѣдъ въ честь Норденшельда, гдѣ, съ одной стороны, рисуются фигуры иностранныхъ представителей: это—шведскій посланникъ, бывшій первый министръ короля Оскара, человѣкъ европейскаго образованія, самый даровитый представитель своей націи, говорившій съ достоинствомъ отъ имени народа. Рядомъ съ нимъ—ученый профессоръ, совершившій смѣлое путешествіе. Дальше: предпріимчивый англичанинъ, типъ своей націи, тоже путешественникъ, человѣкъ дѣла, смѣлый агитаторъ, съ полнымъ сознаніемъ своихъ задачъ и фанатически преданный имъ. Во всѣхъ нихъ вы видите представителей силы, извѣстной культуры; они носятъ даже печать своей народности со всей ея характерностью: и государственный человѣкъ, и нѣмецкій профессоръ, и практическій англичанинъ. И посмотрите на нашихъ агитаторовъ и дѣятелей: г. Богдановичъ, г. Скальковскій, г. Немировичъ-Данченко, г. Латкинъ, г. Полетика, обрадовавшіеся случаю дать волю «россійскому древу краснорѣчія». Сравните силы, способности и преданность дѣлу этихъ ораторовъ и дѣятелей.

Не менѣе любопытныя сопоставленія можно было сдѣлать и во время чествованія Брэма. Брэмъ—слишкомъ авторитетный человѣкъ въ европейскомъ смыслѣ, человѣкъ огромныхъ познаній и талантливости. Представьте себѣ, что для сравненія мы выставили г. Латкина, члена общества содѣйствія торговлѣ, который прочелъ Брэму, при его пріемѣ, полуграмотный рефератъ, съ трудомъ переданный по-нѣмецки, перечисляющій, чрезъ какіе города Сибири будетъ проѣзжать Брэмъ, какъ будто онъ не знаетъ географіи, и о томъ, что водятся въ сибирскихъ рѣкахъ караси и окуни. Какимъ благоговѣніемъ долженъ былъ проникнуться составитель всемірнаго берлинскаго акварія къ этому русскому познанію. Брэмъ отвѣчалъ только поклонами. На второй день, онъ прочелъ лекцію въ одномъ петербургскомъ нѣмецкомъ обществѣ «о путешествіяхъ въ степяхъ». Говорятъ, что въ этой лекціи онъ показалъ огромную эрудицію и весь блескъ своего таланта. Онъ разсказывалъ, какъ снаряжаются караваны, какъ учатъ верблюдовъ; путешествіе среди палящихъ жаровъ и безбрежныхъ степей имъ было начертано съ геніальной картинностью. Онъ доказалъ, что подготовлялся къ путешествію до тонкости.

Чѣмъ мы могли соперничать съ подобными нѣмцами? Что̀ могло встрѣтить подобныхъ путешественниковъ? Когда къ намъ пріѣзжалъ Гумбольдъ, на Уралѣ его приняли за сумасшедшаго старика, собирающаго камешки; въ Омскѣ для него сдѣлали смотръ мѣстному батальйону. Норденшельдъ, проѣхавъ всю Сибирь, едва нашелъ одного учителя естественныхъ наукъ, съ ко-

торымъ могъ обмѣняться словомъ и коллекціями. Въ Енисейскѣ его проводилъ только одинъ полуграмотный капитанъ парохода. Норденшельдъ, разсказывая о пріѣздѣ въ Сибирь, могъ сообщить одно впечатлѣніе—что его встрѣтилъ на берегу бѣлый медвѣдь, котораго убили. Это было предвѣстіе, сказалъ онъ любезно, что царство звѣрей должно замѣниться царствомъ человѣка на сѣверѣ.

Безъ сомнѣнія, и Брэмъ, проѣхавъ Россію и Сибирь, вынесетъ подобныя же лестныя заключенія о нашей развитости. Въ Екатеринбургѣ онъ уже сказалъ комплиментъ. Все, чѣмъ мы могли оказать доселѣ помощь экспедиціямъ и путешественникамъ, это—усластить ихъ путь обѣдами и торжествами. Повсюду имъ подносились сытныя кушанья. Балыкъ—вотъ единственное выраженіе нашего сочувствія, балыкъ—единственное содѣйствіе наукѣ, балыкъ—единственное выраженіе нашихъ чувствъ!

При такихъ условіяхъ, естественно, мы должны будемъ еще долго отдавать предпочтеніе иностранцамъ и кормить ихъ обѣдами. Что-же удивительнаго, что, въ то время, когда мы говорили рѣчи, устроивали обѣды и вели пренія, у насъ геніи-мореходы, иностранные ученые снарядили экспедиціи и прибыли къ намъ.

Конечно, очень печально, что мы не можемъ выдвинуть своихъ силъ; но утѣшимся, что у насъ есть герои краснорѣчія, какъ Богдановичъ, Полетика, Скальковскій, Латкинъ и многіе другіе.

Впрочемъ, вмѣстѣ съ маніей къ путешествіямъ, у насъ начинаютъ являться и свои Колумбы, Ливингстоны и Бэкеры. Заграницей они создались не вдругъ; у насъ они явились по запросу рынка. Путешествіе для многихъ начинаетъ составлять даже довольно выгодную профессію. И вотъ, одни ѣдутъ въ Ташкентъ, другіе—въ Китай, третьи—въ Индію, требуя казенныхъ субсидій. Многимъ эти субсидіи достаются довольно легко, и экскурсіи содѣйствуютъ быстрой карьерѣ. Подобные путешественники у насъ разводятся довольно быстро. Для этого не требуется ни знаній, ни особаго таланта, а нужно только особеннаго рода бойкость и ловкость, свойственныя нынѣшнимъ дѣльцамъ. Правда, здѣсь съ нашими путешественниками творятся любопытные казусы. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, года два назадъ, воротился изъ Индіи, думая подражать Вамбери, въ видѣ монаха, и прочелъ докладъ въ географическомъ обществѣ, но не могъ объяснить одного—маршрута, гдѣ онъ ѣхалъ. Все путешествіе заключалось въ безчисленныхъ комическихъ приключеніяхъ. Путешественникъ привезъ изъ Индіи только двѣ неизвѣстныя монеты. Другіе съ бо̀льшею ловкостью успѣвали увѣрить публику въ своемъ призваніи путешественниковъ и искусно выставляли опасности, которыя они переносили въ населенномъ и многолюдномъ Китаѣ.

Въ послѣднее время, репутація этихъ господъ, однако, значи-

тельно подверглась сомнѣнію, и они успѣли обнаружить самое легкое и пренебрежительное отношеніе въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ Ливингстонъ только и отличался во время путешествія, что̀ охотничьими способностями, и нещадно билъ по дорогѣ звѣрей даже безъ всякой надобности, внеся, такъ сказать, помѣщичьи нравы и въ путешествіе. Онъ же просвѣщалъ китайцевъ съ помощью соблазнительныхъ картинокъ, какъ самъ заявляетъ. Еще одинъ ѣздилъ съ торговыми цѣлями, издержалъ до 12,000 р. казенныхъ денегъ и до 25,000 частныхъ и вывезъ только забавныя вещицы и подарки, которые выдалъ за пріобрѣтенные образцы на отпущенныя суммы. Изъ этого видно, что наши путешествія начинаютъ пріобрѣтать видъ нѣкоего рода ташкентства, что̀ и можетъ быть опредѣлено характеристическимъ явленіемъ вѣка.

Для подобныхъ героевъ нашего времени лавры достаются легко, какъ и средства. Они составляютъ карьеру и живутъ на славу. Если они что̀ открываютъ, то это—особенный родъ науки. Конечно, настоящая наука въ ихъ рукахъ преобразуется. Подобные благопріятные переходы мы уже замѣчаемъ въ русской этнографіи. Для многихъ удивительно, что большинство экспедицій направляется у насъ въ невѣдомыя и фантастическія страны, тогда какъ внутреннія мѣстности и жизнь нашего народа нуждаются еще болѣе въ изученіи и обслѣдованіи. Мы ничего не знаемъ, напримѣръ, о русской общинѣ со времени Гакстгаузена и пробавляемся иностранными сочиненіями. Между тѣмъ, жизнь нашихъ общинъ чрезвычайно измѣнилась съ 1861 года.

На это можно отвѣтить развѣ только одно: что наша этнографія находится въ надежныхъ рукахъ и сдѣлала успѣхи. Когда-то у насъ представителями ея и изслѣдователями были Сахаровъ, Киреевскій, Бѣляевъ, Якушкинъ. Нынѣ фигурируетъ г. Данченко и Каразинъ; это—настоящіе герои нашего времени. Этнографія подъ ихъ перомъ преобразуется въ живописный романъ или тысячу одну ночь. Недавно г. Данченко обличили, что онъ представлялъ вымышленныя картины сѣвера; самые благожелательные рецензенты уличали его, что онъ сочиняетъ разговоры. На все это современный этнографъ отвѣчалъ, что онъ, какъ художникъ, можетъ допускать извѣстное творчество для характеристики народнаго быта, (см. отвѣтъ г. Данченко «Недѣлѣ» въ «Биржев. Вѣдом.» 1876 г.) Мы вполнѣ признаемъ, что для подобнаго творчества надобно быть свободнымъ художникомъ нашего вѣка.

Представляя подобные факты, мы, однако, не думаемъ увѣрить общество, чтобы у насъ не существовало честныхъ ученыхъ и дѣйствительныхъ тружениковъ науки. Нѣкоторые факты доказываютъ, что труженичество подобное существуетъ, только болѣе скромное и не кричащее о себѣ, не составляющее искуственно свою славу и не выставляющее само своихъ заслугъ и жертвъ, какъ всякое честное дѣло. Жизнь и существованіе подобныхъ

личностей въ нашемъ обществѣ составляетъ совершенный контрастъ съ фортуною нашихъ путешественниковъ-ташкентцевъ. Сравните, напримѣръ, несчастную жизнь Якушкина съ счастливыми успѣхами гг. Каразина и Данченко. Общество, столь щедрое на всякій блескъ и эффектъ, даже весьма мало знаетъ о дѣйствительныхъ труженикахъ. Мы можемъ указать тому не мало примѣровъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, была совершена, напримѣръ, экспедиція Щапова на сѣверъ Сибири, въ Туруханскій Край, вынесшая очень цѣнный научный матеріалъ, но труды эти до сихъ поръ не изданы. Весьма интересное путешествіе по Сибири такого добросовѣстнаго изслѣдователя, какъ г. Равинскаго, собравшаго свѣдѣнія о говорѣ и языкѣ, не появляется въ печати, ибо на это нѐгдѣ у насъ найти средствъ. Весьма много учоныхъ трудятся въ Россіи въ самыхъ глухихъ углахъ безъ всякой поддержки.

Нѣкоторыя личности, какъ нынѣ извѣстные путешественники на Лену, Чекановской, Годлевскій и Дыбовскій, Черскій, трудились нѣсколько лѣтъ въ Сибири на пользу науки, получая средства и помощь только отъ заграничныхъ ученыхъ обществъ, но неизвѣстные ни одному нашему обществу, хотя они извѣстны въ Европѣ.

Недавно были получены свѣдѣнія о г. Марксѣ, создавшемъ въ Енисейскѣ метеорологическую станцію и занимающемся научными изысканіями. Этого человѣка занесла несчастная судьба въ Сибирь; онъ трудится безъ всякаго вспомоществованія, не ожидая вознагражденія, хотя положеніе его здѣсь, говорятъ, бѣдственное. Лицо, доставившіе нѣкоторые инструменты г. Марксу, между тѣмъ, получило уже медаль отъ одного ученаго общества. Загребаніе жара чужими руками у насъ—не рѣдкость.

Укажемъ еще на одну экспедицію, отправлявшуюся при самыхъ скудныхъ средствахъ, но заслуживающую вниманіе. Объ этой экспедиціи было опубликовано слѣдующее:

«Нынѣшнюю зиму, въ географическомъ обществѣ былъ сдѣланъ докладъ о путешествіи въ сѣверо-западную часть Монголіи, между Алтаемъ и Хингаемъ, члена-сотрудника Г. Н. Потанина, уже извѣстнаго обществу прежними своими трудами и, въ послѣднее время, занимавшагося дополненіемъ къ переводу «объ Алтаѣ» Риттерова «Землевѣдѣнія». Мысль объ означенномъ путешествіи принадлежитъ самому г. Потанину и вызвана слѣдующими соображеніями, изложенными имъ въ особой запискѣ, представленной совѣту: та часть Монголіи, которая лежитъ къ югу отъ Томской и Енисейской Губерній, менѣе извѣстна, чѣмъ другія части Средней Азіи, прилегающей къ южной границѣ Сибири; русскіе путешественники, углублявшіеся въ Среднюю Азію на востокъ, по направленію къ Пекину, и на западъ, къ Тянь-Шаню, оставляли эту часть Центральной Азіи въ сторонѣ, и потому извѣстія о ней крайне скудны и немногочисленны. Изъ русскихъ путешественниковъ болѣе или

менѣе касались этого края: Чихачевъ, который прошелъ по рѣкѣ Чуѣ до рѣки Абакана, слѣдовательно, только по гребню Саянскаго Хребта, отъ вершинъ по сѣверо-западной границѣ этой страны, этнографы Кастренъ и Радловъ коснулись только сѣверной границы въ отдѣльныхъ пунктахъ и, не проникая въ глубь страны, возвратились въ отечество; немного глубже прошли Шварцъ и Крыжинъ, но не южнѣе береговъ Улу-Кема и Хуа-Кема; самый длинный по краю путь совершилъ г. Матусовскій, который пересѣкъ край сначала съ запада на востокъ, отъ Хобдо до Улясутая, потомъ съ юга на сѣверъ—отъ Улясутая до Енисея; наконецъ, г. Веселковъ прошелъ отъ вершинъ Теса на востокъ до озера Косогола. Къ этой же части Монголіи относится маршрутъ ургинскаго консула Шишмарева, отъ Урги до Улясутая, и маршрутъ англичанина Илойяса—отъ Улясутая до Хобдо. Если къ этому присоединить краткій маршрутъ г. Принтца, совершившаго поѣздку въ Хобдо, неизданныя замѣтки г. Ровинскаго, посѣтившаго озеро Таргунъ-Норъ въ вершинахъ Хуа-Кема, и записку Апакидзе, ѣздившаго на рѣку Усъ—вотъ и все, что̀ мы имѣемъ объ этомъ краѣ. Бо̀льшая часть этихъ путешествій ограничилась доставленіемъ наукѣ или одного картографическаго матеріала, или краткаго дневника; изъ натуралистовъ здѣсь былъ только одинъ Чихачевъ, но и тотъ коснулся только сѣверной окраины этой обширной страны. Въ этнографическомъ отношеніи, наши свѣдѣнія объ этомъ краѣ еще такъ темны, что о цѣлыхъ народностяхъ, какъ, напримѣръ, объ отдѣльной вѣтви киргизскаго народа, кочующей въ Хангамны, мы ничего не имѣемъ, кромѣ смутныхъ извѣстій о ея существованіи. Путешествіе г. Н. Потанина продлится два года и средства на него ассигнованы совѣтомъ изъ текущихъ суммъ, общества нынѣшняго и будущаго года (Извлеченіе изъ отчет. географ. общества)».

Мы позволимъ себѣ познакомить съ личностью путешественника, какъ одной изъ особенно-даровитыхъ личностей. Надо замѣтить, что г. Н. Потанинъ-путешественникъ не имѣетъ ничего общаго съ своимъ однофамильцемъ, писавшимъ когда-то романъ «Старое старится — молодое ростетъ», съ которымъ его часто смѣшиваютъ. Послѣдній—беллетристъ; первый извѣстенъ въ серьёзной литературѣ. Кромѣ того, онъ замѣчателенъ, какъ общественный дѣятель. Г. Потанинъ, составившій репутацію въ ученой литературѣ, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ личностямъ, которыя работаютъ не напоказъ, и очень мало заботятся о карьерѣ и славѣ. Онъ добился своего призванія при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. Будучи офицеромъ сибирскаго казачьяго войска, живя гдѣ-то въ глуши, въ степи, онъ почувствовалъ особый интересъ къ географической наукѣ и естествознанію. Окружающая его величественная природа Алтая, на югѣ Сибири, способствовала развитію въ немъ этой страсти. Вскорѣ онъ рѣшился добиться образованія. При неимовѣр-

ныхъ трудностяхъ и не безъ непріятностей, онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ отдался изученію естественныхъ наукъ въ университетѣ, которыми и овладѣлъ. Молодому ученому приходилось самому снискивать средства къ жизни, и онъ добывалъ ихъ литературнымъ трудомъ. Въ это время онъ помѣщалъ статьи въ журналѣ «Географическаго Общества», въ «Русскомъ Словѣ», въ «Очеркахъ».

Во время воспитанія онъ уже выказывалъ стоицизмъ и силу характера въ лишеніяхъ. Извѣстно, что онъ прибылъ съ обозомъ, отказывалъ себѣ во всемъ, кромѣ книгъ, питался скудно, и никакія бѣдствія не отвлекали его отъ занятій. Среди спеціальныхъ занятій, онъ работалъ надъ общимъ образованіемъ и, какъ самая развитая личность, пользовался авторитетомъ между товарищами, направлялъ ихъ занятія, указывалъ имъ призваніе; за это время многіе ему были обязаны своимъ развитіемъ. Вліяніе его, какъ личности благородной, высоко честной, было всегда благотворно.

Въ 1863 году, онъ выѣхалъ на родину и со страстью отдался наукѣ. Вскорѣ онъ былъ прикомандированъ къ географической экспедиціи Струве, отправлявшейся на Чорный Иртышъ, собиралъ коллекціи, во время пути велъ журналъ экспедиціи, былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ, больше всѣхъ работалъ, хотя и находился въ званіи переводчика. Отъ имени экспедиціи онъ написалъ замѣчательный отчетъ и присуженъ былъ къ медали, которой, однако, не получилъ. Въ Петербургъ же были имъ доставлены гербаріи и коллекціи. Геологическія работы его съ тѣхъ поръ стали извѣстны за-границей въ ученыхъ журналахъ, по крайней мѣрѣ, на нихъ ссылался Мурчиссонъ; молодой ученый, въ это время, мечталъ объ изслѣдованіи Средней Азіи, знакомился съ бытами киргизскаго народа и инородцевъ, разрабатывалъ архивы и прекрасно зналъ всѣ условія мѣстности; но выполнить путешествіе у него не доставало средствъ. Онъ принужденъ былъ для снисканія средствъ существованія поступить въ секретари статистическаго комитета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ учителемъ гимназіи, отличаясь, какъ замѣчательный педагогъ. Но скоро обстоятельства измѣнились еще къ худшему, и онъ нѣсколько лѣтъ провелъ самой бѣдственной жизни въ Свеаборгѣ, а потомъ въ Вологодской Губерніи. Интересъ къ наукѣ ученаго не ослабѣвалъ, и онъ сохранилъ ту же страсть къ ней, какъ и энергію. Онъ находилъ вездѣ средства заниматься. Изъ Вологодской Губерніи онъ прислалъ вновь географическія работы, за которыя получилъ медаль. Наконецъ, испытанія его кончились и въ 1874 г. онъ воротился вновь въ Петербургъ. Въ послѣднее время Потанинъ работалъ надъ дополненіемъ риттеровой «Азіи», издающейся подъ редакціей П. П. Семенова. П. П. Семеновъ первый отличилъ Потанина, какъ учонаго, и оказывалъ ему постоянное покровительство; выполнить трудъ могъ Потанинъ только благодаря огромной эрудиціи

по Средней Азіи. Плодомъ его спеціальнаго знакомства съ географическимъ интересомъ Азіи явился новый планъ его экспедиціи, зрѣло обдуманный.

Едва ли можно сомнѣваться въ способности такой личности и знаніи края, который онъ цѣлую жизнь изучалъ съ непреоборимой энергіей—личности, состоящей изъ одного самопожертвованія, скромной, трудолюбивой; а между тѣмъ, этотъ человѣкъ цѣлую жизнь не могъ удовлетворить самыхъ скромныхъ своихъ желаній. За что̀ ни брался, онъ изучалъ съ величайшей добросовѣстностью и терпѣніемъ; многіе отдѣлы изъ сибирской этнографіи, исторіи и различныхъ общественныхъ вопросовъ обязаны исключительно ему. Въ литературѣ и общественной жизни онъ занимаетъ весьма видную роль. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя экспедиція его обставлена болѣе, чѣмъ самымъ скромнымъ образомъ. Географическое общество, правда, сдѣлало, что̀ могло, назначивъ субсидію изъ текущихъ суммъ; но сумма эта далеко не велика: 3,000 руб. на три года, то-есть, по 1,000 руб. въ годъ съ проѣздами и содержаніемъ. Въ экспедиціи этой состоитъ топографъ, два казака, жена путешественника, спутникъ-охотникъ, переводчикъ и присоединенный г. Сѣверцовымъ коллекторъ. Итого—8 человѣкъ. Надо замѣтить, что люди эти ѣдутъ въ степь, въ предѣлы Китая, въ совершенно неизвѣстную и полную опасности мѣстность; одинъ изъ спутниковъ, г. Березовскій, отправился за г. Потанинымъ добровольно. Впослѣдствіи путешественникамъ отпустили еще 1,500 руб., но, раздѣливъ ихъ на число членовъ экспедиціи, сосчитавъ закупку инструментовъ, купленные подарки инородческимъ властямъ и проѣздъ до отдаленныхъ границъ Сибири, мы, все-таки, должны прійти въ нѣкоторое недоумѣніе, чѣмъ будутъ содержаться члены предпріятія три года. Приготовленія этой экспедиціи, камъ намъ передавали, были очень интересны: они экономили на всемъ, отправляясь въ дальнюю дорогу. Путешественникъ бѣгалъ пѣшкомъ закупать по самымъ дешевымъ цѣнамъ необходимыя принадлежности, чуть не на толкучемъ, выхаживалъ недѣли отпущенное казенное ружье, и, къ довершенію удобствъ, потерялъ на лажѣ при размѣнѣ денегъ на серебро. Онъ не имѣлъ возможности даже отправить деньги по почтѣ, и его видѣли, ка̀къ онъ скромно пробирался съ тюкомъ въ рукахъ, согнутый подъ тяжестью, въ вагонъ, подъ опасеніемъ быть остановленнымъ первымъ кондукторомъ. И это — въ разгаръ нашего сочувствія къ экспедиціямъ.

Путешественникъ, отданный своей любимой мысли, конечно, будетъ готовъ перенести всѣ лишенія и пожертвовать жизнію; но нельзя не задуматься надъ судьбой подобной экспедиціи въ дикія страны на нѣсколько лѣтъ. Можно терпѣть лишенія въ цивилизованномъ обществѣ, но въ дикой пустынѣ, подъ палящимъ солнцемъ, они могутъ обойтись дороже.

Таковая участь выпадаетъ на долю людей, болѣе честныхъ и скромныхъ. Но намъ кажется, что, отдавая дань удивленія по-

добнымъ людямъ, едва ли обществу слѣдуетъ пользоваться съ спокойной совѣстью подобными услугами, когда снаряженье такихъ дешевыхъ экспедицій можетъ окупиться жизнью.

Въ виду этого, казалось бы намъ, приходится задаться нестолько сооруженіями эфемерныхъ предпріятій, нестолько подражаніями экспедиціямъ Ливингстона и Бэкера, на которыя европейскія общества даютъ сотни тысячъ, а скорѣе подумать, чтобы наши собственные ученые труженики просто хотя не умерли съ голода.

Могло бы казаться, что именно здѣсь-то время и мѣсто, когда бы могло общество прійти на помощь; но общество, увлеченное мыльными пузырями, никогда неспособно замѣчать подобныя явленія—и благо ему.

Не одни скромные путешественники, въ родѣ Потаниныхъ, но и Бѣлинскіе погибали въ нашемъ обществѣ.

Это доказываетъ лучше всего всю искренность нашихъ увлеченій путешествіями, равно какъ и ту цѣну, которую придавать имъ слѣдуетъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Попытка произведенія министерскаго кризиса по поводу законопроекта о муниципальной организаціи.—Интересы орлеанистовъ и бонапартистовъ въ произведеніи такого кризиса.—Жеромъ Давидъ и Жолибуа.—Ультиматъ маршала.—Смерть Казимира Перье.—Продѣлка на экзаменахъ въ политехнической школѣ и запросъ Гамбетты.—«Гниль» и «навозъ».—Маркѝ и государственный переворотъ 1851 года.—Фарсъ Митчеля: «Ихъ семдесятъ пять?»—Х..., «Les droits de l'homme» и декретъ 1852 г.—Дюфоръ, побѣжденный Мадье-де-Монжо.—Палата и печать.—Скандалъ съ депутатомъ Рувье.

Во время выборовъ 20 го февраля, Франція, громаднымъ большинствомъ голосовъ, заявила твердое свое желаніе преимущественно о томъ, чтобы могущество клерикаловъ было ограничено если не совершеннымъ уничтоженіемъ закона о высшемъ образованіи, то, по крайней мѣрѣ, значительными въ немъ измѣненіями, и чтобы коммунамъ была возвращена муниципальная свобода, отнятая отъ нихъ закономъ де-Брольи. Въ политической программѣ перваго республиканскаго кабинета Дюфора-Рикара были признаны въ принципѣ оба эти основныя положенія новой національной политики. Министръ народнаго просвѣщенія Ваддингтонъ не замедлилъ, вслѣдъ затѣмъ, представить

законопроектъ о выдачѣ степеней, и палата депутатовъ приняла его 7-го іюня. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, выработалъ, при содѣйствіи внѣ-парламентской коммисіи, цѣлый планъ муниципальной организаціи, который и былъ представленъ въ палату 1-го іюня. Комиссія, созванная палатою для просмотра этого плана, заключавшаго въ себѣ около 92-хъ статей, изъ которыхъ многія довольно противурѣчивы, тотчасъ же усмотрѣла, что для приданія этому плану формы полнаго законопроекта и, притомъ, такого, который могъ бы быть принятъ одинаково какъ правительствомъ, такъ и обѣими палатами, потребуется употребить не мало времени, можетъ быть, даже цѣлый годъ. Изъ боязни, чтобы до окончательной его выработки муниципальный законъ де-Брольи не продолжалъ производить свое пагубное вліяніе, комиссія предложила кабинету отдѣлить отъ общаго законопроекта статьи, относящіяся къ назначенію мэровъ, съ тѣмъ чтобы представить ихъ раньше на утвержденіе палаты, на что̀ министерство и изъявило свое согласіе. Конечно, было бы гораздо проще прямо отмѣнить главнѣйшее орудіе борьбы правительства «нравственнаго порядка» и, до окончательной выработки органическаго муниципальнаго закона, примѣнить въ дѣйствіе муниципальный законъ 1871 года. Но правительство на это не согласилось, такъ какъ считало себя обязаннымъ программою Рикара требовать, чтобы въ главныхъ пунктахъ кантоновъ, округовъ и департаментовъ мэры, выбираемые изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ, были назначаемы правительствомъ. Оно поступилось бы еще округами и департаментами, еслибы у него не оспоривали права назначенія мэровъ въ кантоны; но въ этомъ послѣднемъ отношеніи де-Марсэръ оказался настолько же несговорчивымъ и неуступчивымъ, какъ и его предшественникъ. Всякія попытки делегатовъ республиканскаго большинства добиться чего-либо отъ президента совѣта не повели ни къ чему, кромѣ положительнаго его отказа, такъ что комиссія, утомленная безплодной борьбой, вынуждена была уступить и поручила Жюлю Ферри составить докладъ въ такомъ смыслѣ, чтобы сдѣлать возможнымъ *временное* принятіе республиканскимъ большинствомъ, до срока окончанія общаго органическаго муниципальнаго законопроекта, того способа назначенія мэровъ, какого требовало правительство.

Когда такой докладъ былъ составленъ, то, прежде прочтенія его съ трибуны, Жюль Ферри сообщилъ его въ бюро̀ различныхъ парламентскихъ групъ—лѣваго центра, лѣвой республиканской и республиканскато союза, только-что передъ тѣмъ составившихся для предварительнаго ихъ съ нимъ ознакомленія. Съ его заключеніемъ, однакоже, согласилась только одна изъ этихъ групъ, именно—первая; група республиканскаго союза рѣшительно воспротивилась его принятію, а лѣвая республиканская потому только его приняла, что Жюль Ферри, въ качествѣ ея предсѣдателя, постарался ей объяснить, что, требуя назначенія

жантональныхъ мэровъ только временнаго, а не окончательнаго, правительство тѣмъ самымъ становилось на путь уступокъ. Какъ бы то ни было, болѣе 250-ти республиканскихъ депутатовъ подписали предложеніе, представленное назадъ тому мѣсяцъ Помелекомъ (изъ лѣваго центра) и Гамбеттою, въ которомъ требовалось, чтобы во всѣхъ коммунахъ Франціи, за исключеніемъ Парижа, отнынѣ мэры были избираемы муниципальными совѣтами. Увѣренные въ сочувствіи къ себѣ страны и лично обязанные своими обѣщаніями передъ избирателями, эти лица считали несообразнымъ со своимъ достоинствомъ и долгомъ уступать и жертвовать избраніемъ кантональныхъ мэровъ, назначенія которыхъ правительствомъ не могъ нѣкогда добиться даже самъ Тьеръ, и притомъ отъ монархическаго большинства 1871 года. Такимъ образомъ, для правительства оставался только одинъ путь: если оно не хотѣло вызывать противъ себя республиканскаго большинства, т. е. если оно не хотѣло ничего уступать, то должно было согласиться все отложить.

На такую отсрочку, впрочемъ, кратковременную, вынужденъ былъ согласиться или показалъ, по крайней мѣрѣ, видъ, что согласился, въ послѣднихъ числахъ іюня, Дюфоръ, послѣ того, какъ комиссія, разсматривающая муниципальный законопроектъ, обязалась, при содѣйствіи Гамбетты, поторопиться окончаніемъ своихъ работъ. Такимъ образомъ, палата депутатовъ выигрывала время и, въ виду даже невозможности избѣжанія столкновенія между общественными властями, могла предоставить иниціативу и отвѣтственность за него сенату, такъ какъ добилась для себя возможности выжидательнаго положенія на все то время, когда въ сенатѣ должна возгорѣться война на клерикальной почвѣ, по поводу законопроекта Ваддингтона.

Этимъ для сената создалось положеніе, весьма затруднительное даже въ такомъ случаѣ, еслибы въ немъ восторжествовали побѣду де-Брольи, Бюффѐ, д'Аркуры и сторонники іезуитовъ. Роль, которую придется ему при этомъ играть — весьма незавидная. Цѣлью конспираціи, предпринятой монархическою коалиціей, оказавшейся безсильною въ версальскомъ собраніи и осужденной всеобщей подачей голосовъ, было доказать невозможность республики и сдѣлать для всѣхъ очевидной практическую непримѣнимость конституціи *съ ловушками*, вошедшей въ силу, благодаря соглашенію Валлона. Коноводамъ этой конспираціи, повидимому, нѣтъ никакого дѣла до того, какая партія воспользуется результатами конфликта: имъ надо только одного—побѣдить, во что̀ бы то ни стало, откровенную демократію. Несмотря, однакоже, на то, что орлеанизмъ не имѣетъ никакихъ корней во Франціи, должно думать, что въ средѣ, окружающей маршала, считаютъ возможнымъ воскрешеніе его. Такъ, графъ Парижскій не даромъ прогуливался въ Эмсъ, желая, конечно, попытаться узнать: не предоставятъ ли компликаціи восточнаго вопроса какихъ-нибудь шансовъ для монархической реставраціи

во Франціи. Орлеанскіе принцы, съ своей стороны, не преминули встрѣтиться съ графомъ Шамборомъ въ Англіи, куда они ѣздили съ цѣлью перевезенія праха Людовика-Филиппа, его жены и ихъ нѣсколькихъ внуковъ во Францію, для погребенія ихъ, съ разрѣшенія республиканскаго правительства, въ одномъ изъ ихъ помѣстій въ Дрё (Dreux). Неизвѣстно, къ чему привели эти двѣ поѣздки, и, конечно, должно думать, что всякія мечты, какія были съ ними связаны, должны быть въ настоящую минуту уже разсѣяны. Разумѣется, бонапартисты все это очень хорошо понимаютъ и знаютъ, что всякій серьёзный правительственный кризисъ можетъ принести пользу однимъ только имъ. Они видятъ, что ихъ противники, клерикалы и орлеанисты, дѣйствуютъ слѣпо, но что при этой слѣпотѣ они — невольные сторонники ихъ дѣла, почему и стараются ихъ всячески возбуждать и поддерживать. Желая ковать желѣзо, пока оно горячо, они хорошо понимаютъ, что вопросами о муниципальной свободѣ и о выдачѣ степеней имъ слѣдуетъ непремѣнно и какъ можно ловче воспользоваться, такъ какъ, упустивъ эти два случая, они вынуждены были бы, можетъ быть, очень долго дожидаться другихъ. Поэтому-то, когда, 29-го іюня, Жюль Ферри не внесъ въ палату своего доклада, который, какъ это было извѣстно бонапартистамъ, былъ уже вполнѣ готовъ, депутатъ Жеромъ Давидъ, бывшій товарищъ плута Дювернуа въ послѣднемъ министерствѣ второй имперіи, входитъ на трибуну и обращается иронически къ республиканскому большинству, спрашивая: не намѣрено ли оно отложить до безконечности вопроса о муниципальныхъ свободахъ, обѣщанныхъ имъ странѣ? Вслѣдъ за нимъ другой бонапартистъ Жолибуà предлагаетъ, чтобы палата избрала спеціальную комиссію, которая «побудила-бы комиссію, занимающуюся разсмотрѣніемъ муниципальнаго законопроекта, представить свой докладъ не позже какъ въ теченіи восьми дней».

Между тѣмъ, въ совѣтѣ министровъ происходило совѣщаніе, на которомъ зашла рѣчь и о стремленіяхъ большинства. Де-Марсэръ высказалъ при этомъ мысль, что для правительства желательно было бы достигнуть съ нимъ какого-нибудь соглашенія по муниципальному вопросу. На это маршалъ Мак-Магонъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ совѣтовъ и инсинуацій своихъ окружающихъ, произнесъ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ свой, въ нѣкоторомъ родѣ, ультиматъ по отношенію къ республиканцамъ:

— Но, если вамъ нужно соглашеніе, то вы не выражаете большинства. Безъ большинства, однако, нельзя управлять. Мнѣ предложили сначала проектъ муниципальнаго закона, на который я согласился; потомъ, мнѣ предложили чтò-то въ родѣ временнаго компромисса по этому вопросу, на чтò я также согласился; но съ тѣхъ поръ дальше дѣло нейдетъ. Я въ этомъ вижу новое доказательство того, что *никто не знаетъ*,

до какой степени должны простираться наши уступки лѣвой, чтобы встрѣтить въ ней большинство. Но тѣ, кто думаетъ, что, низвергнувъ кабинетъ, меня заставятъ идти въ этихъ уступкахъ далѣе того оттѣнка мнѣній, какой вы собою представляете, глубоко заблуждаются. Вы, де-Марсэръ, *представляете мою крайнюю границу.* Болѣе я ничего пока не стану говорить. Если вы не съумѣете образовать большинство, я стану его отъискивать въ другомъ мѣстѣ. И, повторяю, что тѣ, кто думаетъ, что я пойду на дальнѣйшія уступки по отношенію къ лѣвымъ или перемѣню военнаго министра и министра иностранныхъ дѣлъ, заслуги которыхъ оцѣнены какъ страной, такъ и Европой, глубоко заблуждаются. Если понадобится распущеніе палаты, то мы ее распустимъ, но въ этотъ разъ дѣлà не пойдутъ такъ, какъ это было при предшествовавшемъ кабинетѣ. Я никому не позволю прикрываться моимъ именемъ. Каждый долженъ будетъ сказать, чтò онъ такое. Если желаютъ распущенія, то я за этимъ не остановлюсь, такъ какъ я странѣ довѣряю.

— Я сдѣлаю все, чтò для меня возможно, чтобъ удержать за собой большинство, отвѣчалъ на это де-Марсэръ: — не идя далѣе тѣхъ уступокъ, какія считаю необходимыми относительно муниципальнаго закона. Во всякомъ случаѣ, если маршалъ желаетъ взять мой портфѣль, то я готовъ ему его возвратить.

— Дѣло совсѣмъ не въ этомъ, прервалъ его герцогъ маджэ-нтскій.—Мнѣ вашего портфѣля не нужно. Необходимо только, чтобъ въ палатѣ было большинство, или его придется искать тамъ, гдѣ его можно найти.

Это значитъ въ сенатѣ.

Разговоръ этотъ, чудесно отгаданный òрганами печати, въ родѣ «Фигаро» и «Gaulois», появился сначала въ «Times», а потомъ былъ переведенъ агентствомъ Гаваса, откуда и проникъ во всѣ другія газеты и правительствомъ не былъ опровергнутъ, хотя, напримѣръ, «France» или «République Française» и стараются утверждать, что онъ вымышленъ. Зато реакціонные òрганы своими коментаріями придаютъ ему значеніе, еще болѣе компрометирующее личное вмѣшательство маршала въ управленіе и вызовъ, брошенный главой государства легальному представительству страны.

Послѣ избранія Бюффѐ, окружающіе маршала вполнѣ убѣждены, что въ сенатѣ большинство положительно реакціонное и что, при его помощи, можно всего достигнуть. Республиканцы, однакоже, не раздѣляютъ такого мнѣнія, зная, что, при тѣхъ голосованіяхъ, при какихъ въ сенатѣ оказывалось такое большинство, причиною его была обыкновенно болѣзнь нѣкоторыхъ сенаторовъ и смерть другихъ. Такъ, смерть унесла и въ настоящее время одного изъ тѣхъ пожизненныхъ сенаторовъ, который могъ считаться изъ наиболѣе способныхъ для того, чтобы отстранить столкновеніе между сторонниками мак-магоновскаго септената и настоящей республикой, т. е. такой, которая от-

дѣлалась бы ото всѣхъ личностей и учрежденій, завѣщанныхъ намъ собраніемъ, произведшимъ 24-е мая и 20-е ноября, низверженіе Тьера и представленіе президентства честной шпагѣ до 1880 года. Я говорю о Казимірѣ Перьѐ, погибшемъ вслѣдъ за Ремюза и Рикаромъ 65-ти лѣтъ отъ роду. Ни какъ экономистъ, ни какъ писатель, ни какъ парламентскій ораторъ, Казиміръ Перьѐ не былъ особенно замѣчателенъ. Но, благодаря славѣ своего отца, знаменитаго консерватора времени іюньской монархіи, аристократическому происхожденію и своимъ связямъ, богатству, безукоризненной честности и добродушію, онъ съумѣлъ составить себѣ весьма значительное и почетное положеніе. Онъ былъ душою лѣваго центра, изъ среды котораго способнѣйшіе изъ орлеанистовъ съумѣли сдѣлаться искренними сторонниками консервативной республики. Онъ потерялъ свой портфёль одновременно съ потерею президентства его другомъ Тьеромъ и снова былъ бы министромъ въ настоящемъ февралѣ, вмѣсто Рикара, если бы наотрѣзъ не отказался принимать на себя какія-либо обязательства, ограничивающія сколько-нибудь его нравственно-политическую свободу, считая себя отвѣтственнымъ только передъ представителями страны. Со стороны республиканцевъ онъ пользовался значительнымъ довѣріемъ, какъ человѣкъ, хотя и умѣреннаго образа мыслей, но стойкій и надежный. Въ случаѣ если бы маршалъ, въ будущемъ, былъ бы повергнутъ своими дурными совѣтниками въ какое-нибудь затруднительное положеніе, Казиміръ Перьѐ былъ бы навѣрное такимъ лицомъ, къ которому Мак-Магонъ былъ бы вынужденъ обратиться за спасеніемъ. Но... судьба рѣшила иначе. Прогуливаясь въ Булонскомъ Лѣсу, послѣ тяжкой болѣзни, Казиміръ Перьё выпилъ стаканъ холоднаго молока, простудился и... земная его карьера окончилась.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ его смерти было ослабленіе противодѣйствія республиканцовъ принятію навязываемыхъ имъ компромиссовъ и усиленіе дерзости реакціонеровъ въ стремленіи ихъ къ произведенію, во что̀ бы то ни стало, конфликта.

Между тѣмъ, общественное мнѣніе было сильно взволновано остановкою экзаменовъ для вновь вступающихъ въ «политехническую школу», происшедшую 29-го іюня, вслѣдствіе протеста воспитанниковъ нѣкоторыхъ заведеній на то, что тэма для отвѣта по описательной геометріи была заранѣе сообщена воспитанникамъ нѣкоторыхъ заведеній и, какъ думали они, именно — питомцамъ школы св. Женевьевы, управляемой іезуитами, и коллежа св. Станислава, находящагося въ рукахъ духовенства. Такъ какъ замѣтка, появившаяся по поводу этого случая въ оффиціальномъ журналѣ, ровно ничего не объясняла, то Гамбетта счелъ нужнымъ сдѣлать объ этомъ происшествіи запросъ военному министру. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ военный министръ и его товарищъ по министерству просвѣщенія, обѣщали произ-

вести подробное слѣдствіе, при участіи въ немъ нѣсколькихъ депутатовъ и сенаторовъ. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшаны іезуиты, а плутня на экзаменахъ могла послужить довольно вѣскимъ аргументомъ противъ системы смѣшанныхъ жюрю, при будущихъ преніяхъ въ сенатѣ о выдачѣ степеней, то на защиту честности іезуитовъ противъ всѣхъ ихъ обвинителей выступилъ знаменитый де-Мёнъ и придалъ своей защитой значительное оживленіе и важность преніямъ, возникшимъ въ палатѣ по этому поводу. Тактикой, принятой въ этомъ случаѣ бонапартистами, было, по признанію самой «Pays», произвести какъ можно болѣе «шуму», чтобы вообще стараться всякими скандалами, дѣлая ихъ какъ можно чаще, унизить парламентско-республиканскій порядокъ управленія. Въ этомъ засѣданіи бонапартисты направили всѣ свои силы, чтобы какъ-нибудь раздразнить Гамбетту и вызвать его на какую-нибудь неосторожность, чего имъ и удалось весьма легко достигнуть. Въ то время, когда Гамбетта весьма спокойно напоминалъ собранію, что и въ прошломъ году на вступительныхъ экзаменахъ въ политехническую школу произошелъ подобный же случай, о которомъ напрасно заявлялъ одинъ изъ учителей одного изъ парижскихъ лицеевъ, бонапартистъ Робертъ Митчель воскликнулъ: «Это, вѣдь, было еще до республики!» — «Вы ошибаетесь, гнѣвно отвѣчалъ ему Гамбетта:—республика уже тогда существовала. Она не была въ то время еще въ рукахъ самихъ республиканцовъ, но, благодаря Бога, мы уже съ 1870 года избавлены отъ гнили второй имперіи».

«Гниль», при этихъ словахъ, производитъ страшнѣйшій шумъ и требуетъ призыва къ порядку оратора, оскорбившаго сто депутатовъ и... 8.000,000 французовъ! Президентъ въ этомъ ей отказываетъ, презрительно пожимая плечами...—«А, если такъ, говоритъ Поль-де-Кассаньякъ послѣ продолжительнаго молчанія:—то намъ дали, слѣдовательно, право сказать, что мы смотримъ на настоящую республику, какъ на навозъ (fumier)». Греви, чтобы показать свое безпристрастіе, не призываетъ къ порядку и Кассаньяка. Гамбетта продолжаетъ развивать свою тэму о подлогахъ, къ какимъ прибѣгали бонапартисты въ самомъ законодательномъ собраніи, въ іюлѣ 1870 г., и разсказываетъ, какъ ими были поддѣланы депеши и различные документы, на основаніи которыхъ Франція была вторгнута въ войну, кончившуюся для нея такъ бѣдственно. Когда Гамбетта окончилъ свой запросъ, то на трибуну вошелъ Робертъ Митчель и, во имя партіи призыва къ народу, заявилъ, что бонапартисты не намѣрены позволять оскорблять имперію, а республиканцы дѣлаютъ все, чтобы уронить республику. Депутатъ Жоржъ Перенъ требуетъ отъ Митчеля, чтобы онъ назвалъ поименно тѣхъ республиканцевъ, которыхъ онъ подразумѣваетъ.—«Всѣхъ васъ!» отвѣчаетъ ораторъ. Предсѣдатель старается смягчить смыслъ значенія этого отвѣта, но, когда Митчель оставляетъ трибуну и залу собра-

нія, то бретонскій демократъ Керизуе выходитъ вслѣдъ за нимъ и требуетъ отъ него удовлетворенія.

На слѣдующій день, 4-го іюля, желая воспользоваться результатами скандала, депутатъ Маркѝ вноситъ въ бюрò предложеніе, «приглашающее хранителя государственной печати розыскать и предать суду соучастниковъ и сообщниковъ государственнаго переворота 1851 года, для слѣдствія надъ ними и осужденія по закону». Три мѣсяца назадъ, во время отклоненія предложенія объ амнистіи, подписаннаго значительнымъ числомъ республиканцовъ, подобное предложеніе, при выясненіи той связи, какую современные конспираторы «счетнаго комитета», бывшіе главными виновниками объявленія войны Германіи, имѣли съ государственнымъ переворотомъ—могло повести къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ. Теперь же оно было несвоевременно, и въ самой журналистикѣ только одна «Трибуна» поддерживаетъ мысль о судѣ надъ бонапартистами, отчасти въ видахъ обращенія на себя вниманія публики, отчасти съ болѣе почтенною цѣлью собранія какъ можно бòльшаго количества достовѣрныхъ матеріаловъ, относящихся къ этому времени. Поэтому, предложеніе Маркѝ встрѣчается одобрительно только правыми, и баронъ Тристанъ Ламберъ требуетъ для него неотложности: «для того», какъ говоритъ онъ, «чтобы разомъ покончить и безпокойство восьми мильйоновъ избирателей, учредившихъ и признавшихъ священныя правà наполеоновской династіи!» Когда неотложность эта была отстранена, то баронъ Дюфуръ предлагаетъ, въ свою очередь, произведеніе слѣдствія и отдачу подъ судъ коноводовъ и сообщниковъ движенія 4-го сентября 1870 г., «произведеннаго въ виду непріятеля». Робертъ Митчель, сверхъ того, позволяетъ себѣ слѣдующій грубый фарсъ. Онъ вноситъ, въ видѣ законопроекта, подписаннаго 24 депутатами, слѣдующее: 1) Преслѣдованію за происшедшее 2-го декабря 1851 г. должны быть подвергнуты 8.000,000 французскихъ избирателей, желавшихъ государственнаго переворота до его осуществленія и утвердившихъ его своимъ голосованіемъ по его совершеніи. 2) Тому же преслѣдованію должны быть подвергнуты всѣ сановники, чиновники, депутаты и генеральные совѣтники, которые до 1870 г. давали присягу императору и служили при немъ». Повторяя выходку Ламбера, Орасъ-де-Шуазёль требуетъ неотложности для этого предложенія, и, когда неотложность эта принята, то «признаніе его несвоевременности». Происходитъ публичное голосованіе, и результатомъ его, такъ какъ легитимисты и орлеанисты отъ него отстраняются, получается 75 бонапартистскихъ голосовъ и 357 республиканскихъ. Это голосованіе показываетъ всю численную ничтожность въ палатѣ героевъ Мексики, Седана и Чайзльгёрста, осмѣливающихся въ республиканской палатѣ выдавать себя за серьёзную партію и ведущихъ себя, какъ уличные мальчишки.

Въ засѣданіи 6 іюля снова поднимается вопросъ объ имперіи, но

уже гораздо болѣе серьёзнымъ образомъ. Непримиримѣйшій органъ непримиримыхъ газета, «Les Droits de l'homme», преслѣдуемый съ особою безпощадностью прокуратурой и Дюфоромъ, только-что подвергнулся передъ тѣмъ штрафу въ 10,000 фр. за помѣщеніе статей, принадлежащихъ осужденному преступнику, лишенному своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Преступникъ этотъ, подписывающійся буквою X...—не кто иной, какъ самъ Рошфоръ, остроумный бѣглецъ изъ Новой Каледоніи. Въ современной журналистикѣ друзей у него нѣтъ, еще менѣе ихъ у него въ палатѣ; но всѣ журналисты и законодатели возмущены тѣмъ, что послѣднее осужденіе его основано на декретѣ 17-го февраля 1852 г. Поэтому, когда депутатъ де-Монжо требуетъ неотложности въ пользу своего предложенія объ отмѣнѣ этого декрета, сфабрикованнаго внѣ всякихъ конституціонныхъ условій узурпаторомъ Луи-Бонапартомъ, въ личныхъ видахъ и для преслѣдованія французской мысли, олицетворявшейся въ изгнанникахъ, подобныхъ Виктору Гюго и Эдгару Кинѐ, то возбуждаетъ этимъ всеобщее сочувствіе. Дюфоръ вынужденъ принести извиненія, но, несмотря на нихъ, по требованію Флоке, происходитъ голосованіе неотложности и получается за него большинство 221 голоса противъ 142.

Чудовищность приложенія къ журналистикѣ диктаторскаго декрета не составляетъ случая исключительнаго. Демократическая печать преслѣдуется весьма безцеремонно судомъ при пособіи цѣлаго арсенала всевозможныхъ узаконеній, на самые разнообразные случаи, какихъ въ рукахъ суда, въ качествѣ неотмѣненныхъ, находится цѣлая масса, съ самаго времени консульства и имперіи. Пресловутое правило, что «законъ долженъ быть всѣмъ извѣстенъ» получаетъ у насъ, такимъ образомъ, ироническое значеніе по отношенію, нетолько къ публицистамъ, о законахъ разсуждающимъ, но и къ депутатамъ, ихъ составляющимъ. Альфредъ Накэ предложилъ весьма простое средство для спасенія печати отъ хаоса противорѣчащихъ одинъ другому законовъ. Средство это—отмѣна всѣхъ ихъ гуртомъ и возвращеніе къ признанію принципа, провозглашеннаго учредительнымъ собраніемъ 1789 г., проводимаго съ такимъ успѣхомъ на практикѣ въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки: «не долженъ быть составляемъ никакой законъ, ограничивающій свободу слова или печати». Но такая свобода печати, хотя ее 14-го іюля и защищалъ съ огромнымъ талантамъ Мадьѐ-де-Монжо, нашла въ палатѣ себѣ сторонниковъ только въ числѣ 110 голосовъ. Въ тоже самое засѣданіе, однако, благодаря двумъ отличнымъ докладамъ Спюллера, бывшаго редактора «République Française», было палатою принято въ соображеніе, какъ необходимость измѣненій въ законѣ о печати, составленномъ подъ вліяніемъ Дюфора въ декабрѣ 1875 года, такъ и назначеніе особой комиссіи изъ 22-хъ членовъ для ревизіи и кодификаціи всѣхъ существующихъ и относящихся до печати узаконеній. По словамъ доклада, дѣломъ

комиссіи должно быть тщательное обсужденіе «всѣхъ вопросовъ, относящихся къ основной и необходимѣйшей свободѣ мыслить, печатать и обнародовать свои мысли, признанной за каждымъ французомъ декларацiей правъ человѣка и гражданина».

Другое важное дѣло, на которое пришлось палатѣ обратить самое сосредоточенное вниманіе по поводу скандалёзнаго процесса одного изъ ея депутатовъ, это—вопіющая необходимость общей судебной реформы и, въ частности, пересмотра слѣдственнаго устава, въ которомъ не мало еще слѣдовъ инквизиціоннаго порядка, благодаря которому прежнее правительство могло представлять людей, часто совершенно невинныхъ, рѣшительному произволу грубаго полицейскаго или пристрастнаго слѣдователя. По безъименному доносу газетъ «Gaulois» и «Фигаро» о непристойностяхъ, произведенныхъ политическимъ дѣятелемъ, на глазахъ нѣсколькихъ несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ, въ Палэ-Роялѣ, 13-го апрѣля, безо всякихъ жалобъ родителей этихъ дѣтей, полиція начала слѣдствіе, позволившее очень скоро прокурору, бонапартисту де-Лагэ, начать судебное преслѣдованіе за «публичное оскорбленіе нравственности» противъ весьма извѣстнаго республиканца Рувье, депутата Устьевъ Роны и одного изъ секретарей палаты. Дюфоръ, стоящій во главѣ юстиціи, могъ бы обуздать съ самаго начала усиленную ревность прокуратуры въ дѣлѣ, которое, начатое легкомысленно, скандализировало тѣмъ только самую юстицію, но выказалъ непонятное упорство и легкомысліе. Онъ допустилъ прокуратурѣ признать правильность неосновательнаго слѣдствія, довелъ Рувье до того, что онъ самъ потребовалъ отдачи себя подъ судъ и принялъ отъ генеральнаго прокурора де-Леффамбера весьма коварно составленный докладъ о дѣлѣ, которымъ требовалось отъ палаты дозволеніе привлечь къ слѣдствію одного изъ ея членовъ. Парламентская комиссія, созванная по этому поводу только по просьбѣ самого Рувье, согласилась позволить нарушить суду его парламентскую неприкосновенность, но разрѣшила она судебное преслѣдованіе не иначе, какъ послѣ доклада, въ которомъ неприминула упомянуть о своихъ сомнѣніяхъ въ правильности основнаго мотива, какимъ обусловливалось начало слѣдствія. Наконецъ, 12-го іюля марсельскій депутатъ явился на публичное судбище его дѣла передъ 8-й палатой исправительной полиціи. Его негодующее объясненіе, защитительная рѣчь его политическаго противника и, главнѣйшимъ образомъ, показанія свидѣтелей доказали блестящимъ образомъ его совершенную невинность. Такъ какъ обвиненіе падало само собою, то трибуналъ вынужденъ былъ произнести оправдательный вердиктъ, но, въ противность всѣмъ правиламъ и юридическому приличію, для того, чтобъ придать неправильнымъ преслѣдованіямъ хотя какой нибудь внѣшній видъ законности, внесъ въ свое постановленіе объ оправданіи слѣдующія слова: «Несмотря на сильное существовавшее подозрѣніе». Эта непристойная выходка обвинительной власти, огор-

ченной тѣмъ, что она не могла взвалить никакой вины на невиннаго, значительно усилила общественное негодованіе противъ существующихъ судебныхъ учрежденій. Въ палатѣ же, республиканскіе законодатели могли, благодаря ей, ясно увидать, до какой степени неотложно необходимо заняться вопросомъ объ огражденіи законными гарантіями индивидуальной свободы гражданъ, такъ какъ дѣломъ этимъ обнаружилось, что, обладая всякими западнями секретнаго слѣдствія, бонапартисты, чиновники судебнаго вѣдомства, нисколько не стѣсняются пользоватся ими, чтобы въ подобныя ловушки загонять республиканцевъ. Обвиненіе Рувье входило въ общій планъ Кассаньяка; оно нужно было ему, чтобы войти вѣскимъ аргументомъ въ полемику о республиканскомъ навозѣ, которая, за недостаткомъ фактическаго матеріала, вынуждена была безъ всякаго блеска погаснуть. Бонапартисты, разумѣется, имѣютъ огромный перевѣсъ передъ республиканцами въ томъ смыслѣ, что всѣ ихъ самыя скандальныя продѣлки утонченнѣйшаго разврата, въ родѣ, напримѣръ, знаменитой исторіи Елисейскихъ Полей, извѣстной подъ названіемъ «оргій аллеи Марбёфъ», во все время существованія второй имперіи, да и до сихъ поръ, судами обыкновенно въ зародышѣ тушатся. А было бы о чемъ поговорить въ печати! Не даромъ одинъ изъ дѣятелей 2-го декабря, генералъ Флёри, говоритъ о своемъ времени: «О какъ много тогда существовало самыхъ разнообразныхъ и утонченныхъ удовольствій!»

II.

Выборъ Пейрюсса и новая выходка Кассаньяка противъ республики.—Министерское заявленіе 7-го іюля.—Мак-Магонъ неотдѣляемъ отъ республики.—Протестъ Келлера противъ союза правыхъ.—Открытіе преній по поводу муниципальнаго закона: опозиція Гамбетты приводитъ къ окончательному заявленію де-Марсэра.—Отклоненіе предложенія Гамбетты и непримиримыхъ.—Отмѣна закона де-Брольи.—Отклоненіе возвращенія къ закону 1871 г., предложеннаго роялистами, и избраніе мэровъ прямою подачею голосовъ въ общинахъ, предложенное бонапартистами.—Обличеніе лже-либерализма враговъ республики.—Предоставленіе правительству назначенія кантональныхъ мэровъ.—Принятіе правительствомъ общихъ выборовъ для обновленія состава муниципальныхъ совѣтовъ.—Неуспѣхъ сторонниковъ конфликтовъ.—Нація и окружающіе маршала.

Въ числѣ вновь выбранныхъ депутатовъ, при дополнительныхъ выборахъ 21-го мая, попалъ въ палату нѣкто бонапартистъ Пейрюссъ. При разсмотрѣніи правильности его выбора, оказались и подкупы, и угрозы и т. д. Мало того: открылась болѣе или менѣе невинная ариѳметическая ошибка, вполнѣ уничтожавшая выборъ. Дѣло въ томъ, что комиссія Жерскаго Департамента, считавшая голоса, присчитала къ голосамъ, поданнымъ за этого

кандидата, 50 голосовъ, принадлежавшихъ его сопернику, республиканцу Жану Давиду. Такъ что, когда ошибка была поправлена, то у Давида оказалось 7808 голосовъ, а у Пейрюсса 7801, и ни у того, ни у другого не оказывалось необходимаго для выбора большинства 7816.

Когда въ 3-мъ бюро была обнаружена эта ошибка и заявлено палатѣ, то казалось, что по поводу этого избранія не можетъ произойдти никакихъ преній политическаго характера. Но оказалось иначе: Поль-де Кассаньякъ тоже изъ Жерскаго Департамента, Пейрюссъ—одинъ изъ ближайшихъ его друзей, а Давидъ и вся его семья—непримиримѣйшіе враги имперіализма въ цѣломъ департаментѣ, прозванномъ «континентальною Корсикою».

При самомъ заявленіи объ этомъ выборѣ, бонапартисты набросились съ озлобленіемъ на республиканское большинство, такъ что президентъ собранія вынужденъ былъ призвать ихъ къ порядку. На другой же день, 7-го іюля, при началѣ преній, самъ Кассаньякъ выступилъ на трибуну съ цѣлымъ потокомъ ругательствъ, клеветъ и доносовъ на Давида. Онъ обвинилъ его въ принадлежности къ интернаціонали и въ томъ, что онъ сочувствовалъ коммунѣ: Давидъ былъ мэромъ съ 7-го сентября по 24-го мая; правительствомъ борьбы онъ былъ смѣненъ и вновь назначенъ мэромъ уже де-Марсэромъ. Поэтому, обвиняя Давида, Кассаньякъ инсинуировалъ, что де Марсэръ злоупотребилъ довѣріемъ маршала въ пользу этого отчаяннаго демагога. Разумѣется, лѣвые не обратили никакого вниманія и только смѣялись, когда ораторъ вздумалъ проводить паралелль между краснымъ знаменемъ и знаменемъ Седана Видя, что его краснорѣчіе не производитъ желательнаго дѣйствія, Кассаньякъ обозлился и, желая во что̀ бы то ни стало произвести эффектъ, заявилъ, что̀ между всѣми элементами правыхъ произошелъ полный союзъ, что и будетъ доказано какъ тотчасъ же, при голосованіи по поводу этого выбора, такъ и при голосованіи по поводу выбора въ Понтивй. «Такимъ образомъ», вскричалъ онъ, заканчивая свою рѣчь:—«отнынѣ республиканская нетерпимость будетъ имѣть уже передъ собой полный нашъ союзъ; мы всѣ соединимся и встанемъ, какъ одинъ человѣкъ, *противъ общаго нашего врага—республики*».

— Къ порядку! Цензуру! послышалось при этомъ изъ центровъ.—«Вы оскорбили правительство, избранное Франціей, сказалъ президентъ Греви.—Я приглашаю васъ взять назадъ свое выраженіе или я буду вынужденъ примѣнить къ вамъ всю строгость парламентскаго регламента». Кассаньякъ отвѣчаетъ на это, что онъ не думалъ смѣшивать «Францію, высказывающуюся всеобщимъ голосованіемъ, съ собраніемъ, которое дѣйствуетъ при большинствѣ одного голоса». Онъ говоритъ, что словъ своихъ онъ не беретъ назадъ и что не считаетъ своимъ врагомъ только маршала-президента, вѣрностью къ которому обязался онъ и его друзья. Несмотря на то, что такимъ заявленіемъ вина Кассаньяка еще усугубляется, Гревй ограничивается только тѣмъ,

что призываетъ его къ порядку за «оскорбленіе правительства, учрежденнаго предшествовавшимъ собраніемъ и утвержденнаго всею Франціею съ такимъ блескомъ при послѣднихъ выборахъ».

Впрочемъ, вниманіе собранія отвлечено въ другую сторону отъ мытья головы неосторожному оратору. Министръ де-Марсэръ потребовалъ слова. Сухимъ и спокойнымъ тономъ онъ опровергъ всѣ обвиненія, лично на него направленныя Кассаньякомъ, какъ въ томъ, что онъ, будто бы, оказывалъ правительственное давленіе на избирателей при выборахъ Давида, такъ и въ томъ, что онъ снова его сдѣлалъ мэромъ, причомъ онъ исполнилъ только желаніе согражданъ Давида, любящихъ и уважающихъ его. Кончилъ свою рѣчь онъ такимъ образомъ: «Я слышалъ здѣсь еще какія-то обвиненія противъ министерства, желающаго якобы обмануть президента республики. Почтенный г. Кассаньякъ съ своими друзьями, повидимому, пожелалъ встать между нами и президентомъ республики; если таково его намѣреніе, то честь имѣю ему заявить, что онъ ошибся. Маршалъ стоитъ на почвѣ, совершенно отличной отъ вашей... Вы заявляете, господа, себя врагами республики; президентъ ее призналъ. При такомъ своемъ положеніи, честно имъ принятомъ въ глазахъ всей Франціи, онъ окружилъ себя людьми, раздѣляющими его чувства и взгляды и которыхъ онъ, конечно, считаетъ людьми достойными, такъ какъ заимствуется ихъ совѣтами... Желая съ честію занимать свой постъ, онъ, какъ вы видите, господа, не можетъ принимать совѣтовъ отъ васъ, желающихъ его смѣстить съ этого поста».

— «Это—клевета! Не вы, а мы его назначили! Вы вотировали противъ маршала!» гудитъ въ теченіи цѣлыхъ 5 минутъ почти вся правая, причомъ честные легитимисты не опасаются смѣшивать свой протестъ съ голосами различныхъ Ламберовъ и Дреоллей.

Но де-Марсэръ нисколько не смущается и заканчиваетъ поставленную имъ самому себѣ задачу «связать главу государства 24-го мая съ конституціей 25 го февраля»: «Я долженъ замѣтить, говоритъ онъ:—что маршалъ-президентъ республики разсудилъ вполнѣ здраво, удостоивъ насъ своимъ довѣріемъ. Мы никогда не измѣнимъ ему, и онъ никогда не услышитъ отъ насъ лживыхъ или безчестныхъ совѣтовъ. Ваши же стремленія, господа, неосуществимы. *Вамъ никогда не удастся отдѣлить маршала отъ республики, охраненіе неприкосновенности которой поручено его честности*».

Впечатлѣніе, произведенное этими словами на палату, очень сильно и еще болѣе усиливается неловкимъ отвѣтомъ Кассаньяка, которымъ онъ указываетъ, что словами министра опровергается замѣтка «Times» и маршалъ-президентъ оказывается связаннымъ со своимъ отвѣтственнымъ министерствомъ. Лѣвые шумно заявляютъ свое удовольствіе, и среди этого шума никто не слышитъ жалкаго оправданія Пейрюсса, такъ что, при голосованіи

его выбора, за правильность его получается всего 129 голосовъ противъ 331. Вслѣдъ за тѣмъ, бонапартистовъ ожидаетъ новый сюрпризъ, а республиканцевъ новое удовольствіе. На трибуну входитъ клерикалъ-роялистъ Келлеръ, заявляющій, что правая отказывается отъ чести союза съ представителями седанскаго знамени подъ предводительствомъ Кассаньяка: «господинъ Кассаньякъ, говоритъ онъ:—не получалъ отъ насъ никакихъ полномочій. Каждая фракція правой желаетъ сохранять свою полную независимость... Политическое соглашеніе между ними—чистая фантазія».

Для усиленія пораженія бонапартистовъ, республиканцы требуютъ немедленныхъ преній по поводу предложенія Жолибуà. Бюро, разсматривавшее это предложеніе, представило объ немъ докладъ всего въ нѣсколько строкъ, которымъ отказываетъ въ правѣ требованія ускоренія введенія муниципальной свободы представителямъ партіи, злоупотреблявшей въ теченіи 20-ти лѣтъ управленія возможностью произвольнаго назначенія мэровъ по всей Франціи. Предложеніе Жолибуà тотчасъ же отвергается простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, Ферри вноситъ докладъ миниципальной комиссіи, пренія по поводу котораго и назначаются на 12-е іюля.

Впечатлѣніе, произведенное за недѣлю тому назадъ упорствомъ министерства въ муниципальномъ вопросѣ, и объясненіе этого упорства «Times'омъ», разумѣется, значительно уменьшено послѣ заявленія де-Марсэра, оставшагося министромъ, несмотря на его отповѣдь бонапартистамъ и провозглашеніе маршала неотдѣлимымъ отъ республики. Несмотря на это, пренія начинаются такимъ образомъ, какъ будто бòльшая часть республиканскихъ депутатовъ оставались при своемъ намѣреніи отвергнуть уступчивое соглашеніе между комиссіей и правительствомъ. Ле-Помелекъ, въ длинной рѣчи, развиваетъ мысль о необходимости не отдѣленія статей о мэрахъ отъ общности муниципальнаго закона и о возможности для комиссіи скораго окончанія ея работы, чтобы Франція могла какъ можно скорѣе обладать муниципальною свободою для всѣхъ своихъ общинъ. Докладчикъ Ферри выясняетъ неудобства, какія могутъ возникнуть отъ отсрочки на 1877 или 1878 годъ узаконеній о мэрахъ, при существованіи де-брольискаго закона. Онъ опровергаетъ важность того, что представители демократіи обязались передъ своими избирателями добиться какъ можно скорѣе избирательства мэровъ: «Высшее наше обязательство передъ страной, восклицаетъ онъ:—поддержать жизнь республики, и, прибавляетъ онъ, обращаясь къ правой сторонѣ:—спасти конституцію отъ конфликтовъ, замышляемыхъ противъ нея». Но, такъ какъ Ферри назвалъ свою сдѣлку дѣломъ «политики результатовъ», то Гамбетта, не желая недоразумѣній, опровергаетъ его. Онъ доказываетъ, что желательно, чтобы никто не смѣшивалъ политики «противорѣчій и нигилизма», тѣмъ болѣе политики «теоретической или химерической», съ тою

здравой политикой, какую приняло большинство націи, стремящееся «учредить окончательное правительство и создать настоящую, законную, либеральную и откровенную республику съ учрежденіями прочными, не заключающимися въ однихъ словахъ, а представляющими собою осязательную и очевидную реализацію свободы.

Далѣе трибунъ объясняетъ, кàкъ необходимо закончить скорѣе съ временными законопріятіями и что, по отношенію къ муниципальному управленію, всѣ его основныя положенія тѣмъ уже выяснены, что, по его мнѣнію, окончательный органическій муниципальный законъ можетъ быть выработанъ такъ же скоро, какъ предшествовавшимъ собраніемъ, наприм., выработанъ былъ законъ о генеральныхъ совѣтахъ. Онъ оканчиваетъ тѣмъ, что отказывается понимать, какимъ образомъ правительство не раздѣляетъ взгляда на этотъ вопросъ республиканскаго большинства, не чувствуетъ, кàкъ оно необходимо для скораго появленія окончательнаго закона, и что возможно по вопросу чисто законодательному производить давленіе угрозою кризиса и конфликта, которыхъ никто не желаетъ и за которые никто не захочетъ понести отвѣтственности.

На эти слова̀ отвѣчаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ прямо высказываетъ, что съ вопросомъ о муниципальномъ законѣ связанъ вопросъ о довѣріи къ министерству, «а такіе вопросы, прибавляетъ онъ меланхолически: — не выбираются, *а налагаются обстоятельствами*». Публика, разумѣется, ничего не могла понять въ этихъ словахъ, не зная всѣхъ интригъ, ведущихся въ теченіи цѣлаго мѣсяца за спиной маршала изъ за муниципальнаго вопроса, но читателямъ, какъ я смѣю надѣяться, послѣ всего, о чемъ я говорилъ въ настоящей хроникѣ, они тоже будутъ понятны, ибо, въ настоящемъ случаѣ, не сама палата, а маршалъ выбралъ почву для вопроса о заявленіи довѣрія министерству; министерство же, для своего существованія нуждается какъ въ довѣріи главы государства, раздающаго портфёли, такъ и въ довѣріи большинства, ихъ отнимающаго. Поэтому, далѣе, въ нѣсколько тёмныхъ выраженіяхъ и желая, чтобы ими не было ослаблено въ глазахъ правыхъ энергическое его заявленіе отъ 7-го іюля, де-Марсэръ старается дать почувствовать лѣвымъ, что въ настоящее время идетъ дѣло совсѣмъ не о томъ, чтобы навязать правымъ какую-нибудь «невозможную для нихъ программу», но только сдѣлать въ настоящую минуту нѣкоторое пожертвованіе для полнѣйшаго упроченія республики. «Программа министерства, объясняетъ онъ:— это — миръ, миръ повсюду, въ общинахъ, въ департаментахъ и на самой вершинѣ управленія. Кàкъ же можетъ быть достигнутъ такой миръ, чтобы имъ можно было полезно воспользоваться? Вы, разумѣется, хорошо знаете, что только помощью гармоніи между властями... Какой бы законъ ни представлялся, всегда надобно предварительно спросить себя: могутъ ли пре-

нія о немъ, разумѣется, съ успѣхомъ для дѣла, пройти черезъ всѣ правительственныя ступени, не возбуждая между властями столкновеній и печальныхъ, тяжелыхъ волненій, могущихъ обусловливать смерть правительствъ и которые носятъ названіе конфликтовъ? Я считаю необходимымъ заявить здѣсь, что никогда не соглашусь на политику конфликтовъ, ни на приложеніе ея къ практикѣ». «Относительно муниципальнаго закона, повторяетъ онъ:—дѣло въ такомъ положеніи, что скрывать его невозможно, не видѣть—тоже нельзя, если не закрывать умышленно глазъ, и со стороны отвѣтственныхъ министровъ было бы напраснымъ ребячествомъ стараться его замаскировывать. Поэтому, было бы весьма желательно, чтобы республиканское большинство утвердило своимъ голосованіемъ правительственную программу».

Возраженіе Гамбетты служитъ только къ тому, что выясняетъ многое изъ того, что̀ министръ въ своей рѣчи только подразумѣвалъ. Необходимость политической уступки, хотя бы и въ ущербъ обѣщаніямъ, даннымъ избирателямъ, находитъ себѣ извиненіе въ слѣдующихъ его словахъ: «Когда страна прочитаетъ наши пренія, то она увидитъ, что, каковы бы ни были наши воты, онѣ не служатъ независимымъ и совершенно свободнымъ выраженіемъ нашихъ стремленій и сознаній». Не возбуждая къ противодѣйствію противъ нравственнаго давленія, которое, впрочемъ, онъ осуждаетъ, онъ заканчиваетъ свою рѣчь словами: «Что̀ касается до меня, то я долженъ заявить, что вижу свою свободу стѣсненной».

Флоке, безъ надежды на успѣхъ, пробуетъ послѣднюю попытку согласить между собою сторонниковъ предложенія ле-Помелека, которые отъ него готовы отказаться, и убѣдить умѣренную лѣвую и лѣвый центръ въ необходимости введенія снова въ силу закона 1871 года, о чемъ самъ Ферри, въ качествѣ предсѣдателя лѣваго центра, и Бетмонъ, какъ предсѣдатель умѣренной лѣвой, и около ста человѣкъ ихъ друзей ужь заявляли при началѣ сессіи. Приступаютъ къ голосованію, и, такъ какъ непримиримые, вмѣстѣ съ Флоке голосуютъ противъ отсрочки, то съ Гамбеттой и ле-Помелекомъ одинаково вотируютъ только 76 депутатовъ, изъ числа которыхъ едва только двѣ трети гамбеттистовъ, остальные состоятъ изъ бонапартистовъ различныхъ оттѣнковъ, начиная съ принца Наполеона и кончая де Фурту, который уже мечталъ, что ему въ руки можетъ попасть портфёль де-Марсэра, еслибы послѣдній его потерялъ.

Этимъ первымъ голосованіемъ, при которомъ получается значительное большинство 389 голосовъ, такъ сказать, республиканско-правительственное, такъ какъ около 60-ти голосовъ вошедшихъ въ него непримиримыхъ, роялистовъ и имперіалистовъ, по своей незначительности, общаго его характера не измѣняетъ, сразу разрушается весь знаменитый планъ лицъ, стремившихся къ конфликтамъ. Это легко было видѣть, наблюдая за сенатор-

ской трибуной, гдѣ сидѣлъ герцогъ де-Брольи со своими присными. Они ждали отъ этого засѣданія окончательной побѣды, но первое же голосованіе принесло имъ совершенное пораженіе.

При общемъ обсужденіи законопроекта комиссіи, нѣкто маркизъ де-Вальфонсъ подаётъ де-Брольи какъ бы лепту утѣшенія, изливаясь въ похвалахъ его закону. Бароде снова заявляетъ требованіе, чтобы назначеніе всѣхъ мэровъ, не исключая и Парижа, производилось муниципальными совѣтами. Имперіалистъ Митчель позволяетъ себѣ посмѣиваться надъ сдѣлкою, которую онъ называетъ «авторитетною» и которой такъ смиренно подчинились лѣвые, и, разъигрывая изъ себя радикала, предлагаетъ избраніе всѣхъ мэровъ всеобщимъ голосованіемъ, нѣчто въ родѣ коммунальнаго плебисцита. На этомъ оканчиваются общія пренія, и вторымъ голосованіемъ 234 голосами погребается законъ 20-го января 1874 года. 22 бывшихъ фузіониста и, въ средѣ ихъ неудавшійся министръ де-Фурту остаются одни только вѣрными памяти лучшаго произведенія правительства борьбы

Назначеніе мэровъ прямымъ всеобщимъ голосованіемъ, требуемое Полемъ де-Кассаньякомъ и его бандой, получаетъ за себя, при третьемъ публичномъ голосованіи, всего только 63 голоса противъ 368. Ле-Помелекъ беретъ назадъ свой проектъ выбора мэровъ во всѣхъ общинахъ, кромѣ Парижа, муниципальными совѣтами, но Мадье де-Монжо снова вноситъ это предложеніе, вычеркивая изъ него слова «за исключеніемъ Парижа». Происходитъ 4-ое голосованіе, которымъ рѣшается, большинствомъ 323 голосовъ противъ 67, продолженіе преній по этому вопросу, и они, впрочемъ, по позднему времени отлагаются на слѣдующій день.

Слѣдующее засѣданіе открывается рѣчью Мадье де Монжо, радикала, безспорно почтеннаго, въ манерѣ котораго, при произнесеніи рѣчей, есть нѣкоторая торжественность, составляющая ея недостатокъ, но порой производящая весьма сильное впечатлѣніе. Настоящая его рѣчь, въ теоретическомъ смыслѣ, безукоризненна, но практически совершенно несостоятельна. Разумѣется, онъ совершенно правъ, требуя для Парижа, такой же муниципальной свободы, къ какой стремятся самыя незначительныя общины, и одинаковой полной свободы для цѣлой Франціи, но онъ несправедливъ до жестокости въ своихъ обвиненіяхъ противъ республиканскаго большинства, поведеніе котораго онъ называетъ «отреченіемъ». Онъ дѣлаетъ значительную неосторожность, настаивая, чтобы министерство яснѣе объяснилось по поводу попавшей въ игру «подтасованной карты» и разсказало бы откровенно, что̀ именно происходитъ за грозовымъ облакомъ, могущимъ разразиться конфликтомъ: «носятся различные слухи, о степени значенія которыхъ каждому необходимо знать. Надо, чтобы ихъ или опровергнули совершенно, или подтвердили молчаніемъ. Кто могъ бы, кто осмѣлился бы требовать отъ членовъ кабинета до его образованія обязательствъ, совер-

шенно противуположныхъ ихъ убѣжденіямъ 1871 года и ихъ долгу? Кто бы позволилъ себѣ сказать имъ: между большинствомъ и вами станетъ посторонняя воля, передъ которой вы завтра-же должны будете капитулировать, если уже сегодня вы не согласны идти на капитуляцію?» На министерской скамьѣ молчатъ; но одинъ изъ членовъ комиссіи, Бернаръ ла-Вернь, считаетъ долгомъ напомнить оратору, что «министерство приняло такое положеніе, какое сочло для себя необходимымъ, на немъ основало свою программу и только эту программу и можно обсуждать по парламентскому праву». Онъ утверждаетъ, приводя слова, сказанныя какъ Дюфоромъ, такъ и де-Марсэромъ, что кабинетъ, считая себя «выразителемъ большинства палаты, нисколько не думаетъ производить на него какое-либо давленіе, но стремится только просто за нимъ слѣдовать». Противъ этихъ словъ не считаютъ нужнымъ протестовать даже, такъ сказать, личные министры маршала гг. де-Сиссэ и Деказъ. Бернаръ ла-Вернь разъясняетъ далѣе, что во Франціи 35,980 общинъ, изъ числа которыхъ 2,865 представляютъ собою главнѣйшіе пункты кантоновъ; 545 изъ нихъ имѣютъ болѣе 20,000 жителей и, по закону 1871 года, назначеніе въ нихъ мэровъ было предоставлено исполнительной власти. Остается, слѣдовательно, 2,320 общинъ или 15% общаго ихъ числа, въ которыхъ правительство желаетъ назначить мэровъ, предоставляя всѣмъ другимъ полную муниципальную свободу. Это показываетъ, что, въ сущности, боевой конь, на которомъ выѣзжаетъ президентская камарилья, и деревянная лошадь, на которой различные Фурту и, вслѣдъ за ними, и Бюффе, и де-Брольи, и іезуиты, и орлеанскіе принцы надѣялись проникнуть обманнымъ образомъ въ республиканскую Трою, не обладаетъ такими сильными и подвижными ногами, чтобы брыканіемъ ихъ нанести существенный вредъ республикѣ». Рабочіе 1848 г., говоритъ ораторъ, жертвовали республикѣ тремя мѣсяцами нищеты; дадимъ ей 30 мѣсяцевъ терпѣнія! Такъ какъ все дѣло теперь въ томъ, чтобы намъ быть соединенными для воспрепятствованія возвращенія того нравственнаго порядка, который Франція отвергла 10,000,000 голосовъ. Теперь же въ опасности находятся самыя наши учрежденія.

Пятое голосованіе даетъ только 64 голоса противъ 390 за предложеніе непримиримыхъ объ избраніи всѣхъ мэровъ муниципальными совѣтами. Шестое даетъ ихъ 73 за выборъ ихъ всѣми общинами за исключеніемъ Парижа.

Добавленіе о возстановленіи закона 1871 года представляется вслѣдъ за этимъ уже не лѣвыми, но однимъ изъ правыхъ и, такъ сказать, не чистымъ легитимистомъ, маркизомъ Кастелланомъ, прозваннымъ «ребёнкомъ» (bébé). Этотъ парламентскій недоносокъ пытается выставить въ смѣшномъ свѣтѣ поведеніе республиканцовъ; для этого, между прочимъ, онъ цитируетъ слова де-Брольи-отца, за реакціонный законъ сына котораго онъ голосо

валъ: «ждать — дѣло хорошее, но подъ однимъ условіемъ, чтобы чего-нибудь дождаться!» «А вы желаете знать, чего мы ждемъ?» прерываетъ его Гюйо-Монпэру, высказывая этими словами настоящее положеніе минуты: «сенаторскихъ выборовъ 1879 г.!» Маркизъ этимъ перерывомъ не смущается и продолжаетъ развязно живописать республику въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется, благодаря ея защитникамъ, въ самыхъ тёмныхъ краскахъ, и даже не стѣсняется назвать ее «правленіемъ слабости и безсмыслія» (imbecillité); но лѣвые не считаютъ нужнымъ на него даже и сердиться, а докладчикъ комиссіи заявляетъ только отъ ея имени, что она несогласна на принятіе къ соображенію этого добавленія. 140 голосовъ, однако же, противъ 262 поддерживаютъ возвращеніе къ закону 1871 г. что̀ происходитъ оттого, что нѣкоторые непримиримые голосуютъ вмѣстѣ съ правыми.

Четыре первыхъ параграфа 2-й ст. законопроекта комиссіи, регулирующіе выборъ мэровъ въ мелкихъ общинахъ, приняты простымъ поднятіемъ рукъ. При чтеніи пятаго, депутатъ Таландьѐ, хотя и принадлежащій къ непримиримымъ, предлагаетъ весьма разумную сдѣлку: президентъ республики назначаетъ одного изъ трехъ кандидатовъ, выбранныхъ муниципальнымъ совѣтомъ. Докладчикъ Ферри не находитъ ничего на такое предложеніе отвѣтить, кромѣ того, что сдѣлка, предложенная комиссіей, есть *единственная*, на которую можетъ согласиться правительство. Предложеніе Таландьѐ не принимается въ соображеніе. Назначеніе мэровъ въ департаментахъ и округахъ проходитъ безъ преній. Но когда заканчивается вопросъ о мэрахъ кантональныхъ, радикалъ докторъ Лосседа̀ объявляетъ, что онъ и его друзья рѣшились воздержаться отъ голосованія изъ опасенія, чтобы ихъ бюльлетени въ урнахъ не были смѣшаны съ бюльлетенями враговъ республики, маскирующихся партизанами свободъ, которымъ они, всячески, противодѣйствовали, давя и извращая ихъ, когда были во главѣ управленія. Умнѣйшій изъ бонапартистовъ, Рауль Дюваль, пытается ослабить значеніе этого протеста честнаго гражданина, отнимающаго отъ коалиціи правыхъ послѣднюю ея надежду найти въ средѣ лѣвыхъ достаточное число наивныхъ политиковъ, при содѣйствіи которыхъ могло бы составиться противуминистерское большинство. Для этого онъ заявляетъ свое несогласіе съ образомъ мыслей Кассаньяка въ томъ, что республика представляетъ собой главнаго врага бонапартистовъ, и клянется, что люди, подобные ему, съ полною искренностью готовы вотировать за бо̀льшую степень муниципальной свободы, въ настоящее время, по ихъ мнѣнію, возможной. Гамбетта отвѣчаетъ этому искуснику, что онъ готовъ вѣрить его «единичной искренности», но онъ доказываетъ, что имперіалисты не могутъ серьёзно голосовать въ этомъ смыслѣ, такъ какъ назначеніе мэровъ государствомъ было однимъ изъ пяти или шести основныхъ принциповъ конституціи 1852 г.,

такъ что конституція, напримѣръ, 1860 г. должна была оставить ихъ неприкосновенными въ качествѣ неразрывныхъ съ наполеоновскимъ режимомъ. Онъ повторяетъ республиканцамъ предостереженіе—не слѣдовать внушеніямъ и совѣтамъ самыхъ заклятыхъ враговъ республики. Благодаря такому намёку, самый щекотливый пунктъ сдѣлки—предоставленіе кантональныхъ мэровъ правительственному выбору—получаетъ только 128 сторонниковъ, почти исключительно реакціонеровъ, противъ 280 голосовъ. Гамбетта и Лосседа съ 75 ихъ единомышленниками отстраняются отъ голосованія.

Восьмымъ публичнымъ голосованіемъ, 321 голосомъ противъ 32 непримиримыхъ, погребается предложеніе де-Гастэ о несовмѣстимости обязанностей мэра съ званіемъ сенатора или депутата. Молодой депутатъ Луи Гемонъ, впервые еще появляющійся на трибунѣ, заявляетъ о необходимости произвести ранѣе выбора и назначенія новыхъ мэровъ общіе выборы въ муниципальные совѣты. Предложеніе это тотчасъ же принимается комиссіей и министерствомъ. Публичнаго голосованія не происходитъ, такъ какъ лѣвые всей массой поднимаются съ мѣстъ, и результатъ ясенъ. Такимъ образомъ, *временной* законъ, въ своей общности, принимается почти съ радостью, такъ какъ дурныя послѣдствія, какихъ опасались отъ его принятія республиканцы, весьма значительно уменьшаются тѣмъ, что произойдутъ новые, общіе муниципальные выборы, причомъ неизбѣжно значительное народное движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если въ настоящую минуту можно всего опасаться отъ конфликтовъ, пока сенатъ остается тѣмъ, что онъ есть, а Мак-Магонъ мечтаетъ о сенатскомъ большинствѣ и распущеніи палаты, руководствуясь внушеніями своей камарильи, эксплуатирующей его политическое невѣжество, въ промежутки между засѣданіями совѣтовъ его оффиціальныхъ министровъ, то зато всего можно надѣяться отъ народнаго движенія, какъ это уже и доказало 20-е февраля. За маршаломъ остается право назначать мэровъ въ главныхъ пунктахъ Франціи, за отвѣтственностью министра внутреннихъ дѣлъ, но онъ долженъ избирать ихъ изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ, а, когда они составятся въ желательномъ направленіи, то никакіе д'Аркуры, де-Брольи, Бюффѐ и де-Фурту не могутъ ничего сдѣлать, чтобы достигнуть сплошнаго подбора мэровъ-реакціонеровъ.

Поэтому-то, окружающіе маршала пришли въ совершенное бѣшенство по поводу признанія палатою необходимости произведенія общихъ муниципальныхъ выборовъ и пустились хлопотать о томъ, чтобы подготовить въ сенатѣ непринятіе этихъ выборовъ, чтобы на этой новой почвѣ произвести несостоявшійся конфликтъ. Но это будетъ уже то же, да не то. Страна оцѣнитъ сверхчеловѣческія усилія, которыя употребило въ палатѣ всесильное республиканское большинство для того, чтобы сдержать себя въ границахъ умѣренности. При возможномъ въ бу-

дущемъ конфликтѣ, страна будетъ, конечно, за республиканское большинство, ставшее еще болѣе сильнымъ своей связью съ министерствомъ, благодаря обдуманной сдѣлкѣ, и, если сенатъ затѣетъ снова конфликтъ по этому вопросу, то этимъ можетъ поставить Мак-Магона на ту дорожку, на которой въ глазахъ Франціи такъ недавно еще стоялъ товарищъ его по оружію, но не достигшій особенной славы—Базѐнъ.

III

Запросъ Луи-Блана о восточныхъ дѣлахъ. — Непризнаніе выбора де-Мёна.— Несостоявшійся запросъ объ отношеніи церкви къ государству. — Сенатскія пренія по законопроекту Ваддингтона съ 18-го по 21-е іюля. — Рѣчь Шалемелля-Лакура. — Рѣчи Валлона, Дюпанлу и Жюля Симона. — Рѣшительная измѣна Лабулэ.—Появленіе на сценѣ герцога де-Брольи.—Слабость Дюфора.— Конфликтъ съ 5-ю голосами большинства. — 1-е заявленіе недовольства палаты депутатовъ: Гамбетта и очередной порядокъ 22-го іюля.—Противуклерикальное прославленіе памяти Поля-Луи-Курье.

Константинопольская трагедія и начатіе сербами военныхъ дѣйствій если и заинтересовали парижанъ, то только, такъ сказать, своею драматическою стороною. Особеннаго волненія въ общественномъ мнѣніи они не произвели. На биржѣ произвело нѣкоторый переполохъ опасеніе обще-европейской войны при извѣстіи объ отправленіи Англіей своего флота въ Босфоръ. Но она снова окрѣпла, когда стали извѣстны результаты свиданія императоровъ въ Германіи. Франція, можно сказать, ни на минуту не задумалась о возможности отомщенія Германіи при могущихъ возникнуть политическихъ комбинаціяхъ. Можно сказать навѣрно, что общее настроеніе французовъ—непоколебимо миролюбивое, хотя, вспомнивъ свое одиночество, въ какомъ она была оставлена въ 1870 году, Франція не могла не задуматься о томъ, что, въ какое бы положеніе она ни встала по отношенію къ восточному вопросу, каждое изъ нихъ можетъ подать благовидный предлогъ Германіи для новаго съ нею столкновенія.

По этому поводу, въ палатѣ депутатовъ, 13-го іюля, Луи-Бланъ счелъ необходимымъ обратиться съ запросомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи, представилъ палатѣ печатную дипломатическую переписку и вообще объяснилъ дѣйствія и стремленія правительства. Герцогъ Деказъ отказался отъ представленія какихъ бы то ни было документовъ, считая такое представленіе ихъ безполезнымъ и опаснымъ, но заявляя самыя миролюбивыя намѣренія, если только не произойдетъ въ будущемъ такихъ компликацій, при которыхъ пострадала бы «безопасность или внутреннее и внѣшнее достоинство Франціи».

Въ то же время, герцогъ Деказъ декретомъ маршала возведенъ въ кавалеры ордена почетнаго легіона первой степени за заслуги его во внѣшней политикѣ.

Въ томъ же засѣданіи палаты произведено было голосованіе по поводу выбора графа Альберта-де-Мёна въ Понтивй. Выборъ не признанъ большинствомъ 297 голосовъ противъ 171. Къ сожалѣнію, пренія по поводу этого выбора велись исключительно на основаніи доклада Тюркѐ, и лѣвые упустили случай, по поводу доклада Гюишара, поднять вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству. Жермэнъ Кассъ пробовалъ исправить эту ошибку, заявивъ о необходимости сдѣлать Дюфору запросъ, чтобы добиться отъ министра исповѣданій прямыхъ и точныхъ заявленій, какимъ образомъ онъ намѣренъ дѣйствовать на основаніи существующихъ законовъ «противъ духовенства, дѣйствовавшаго въ противность обязанностямъ своего званія»; но запросъ этотъ не состоялся, такъ какъ Гамбетта потребовалъ, 14-го іюля, простой передачи министру обоихъ докладовъ, санкціонированныхъ голосованіемъ палаты, считая «несвоевременнымъ» поднятіе въ палатѣ новыхъ преній объ ультрамонтанизмѣ какъ разъ передъ тѣмъ, какъ въ сенатѣ долженъ былъ рѣшаться основный и существенный вопросъ о выдачѣ степеней.

Пренія эти въ сенатѣ начались 18-го числа блестящею рѣчью радикала Шаламелля-Лакура. На увлеченіе этого оратора очень сильно разсчитывали правые, думая, что, благодаря имъ, удастся привлечь къ дѣлу клерикаловъ ту полдюжину неопредѣленныхъ голосовъ сенаторовъ, отъ которыхъ должно зависѣть большинство голосованія. Но Шаламелль-Лакуръ спокойнымъ тономъ своей рѣчи обманулъ такія ожиданія своихъ враговъ, такъ что во время ея произнесенія не было даже никакихъ перерывовъ, если не считать глупыхъ выходокъ жалкаго Гаварди. Онъ доказывалъ съ непобѣдимою логикой, съ одной стороны, что духовенство стремится, подъ предлогомъ свободы, завладѣть сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ всего образованія во Франціи, а съ другой, что католицизмъ, признающій догматъ непогрѣшимости, стоитъ въ разрѣзъ со свободою во всѣхъ ея формахъ. Де-Брольи, Дюпанлу и всѣхъ такъ-называемыхъ нѣкогда «либеральныхъ католиковъ» онъ совершенно уничтожилъ, цитируя слова, высказанныя противъ нихъ самимъ папою: «Католическій либерализмъ есть зло, еще болѣе ужасное, чѣмъ революція или даже самая коммуна. Я его всегда осуждалъ и еще сорокъ разъ буду осуждать, если это понадобится». Еще болѣе эффекта произвело его чтеніе отрывковъ изъ *краткаго катехизиса* силлабуса, въ которомъ говорится, что соглашеніе современнаго духа съ духомъ церкви—дѣло рѣшительно немыслимое, которымъ положительно отрицается свобода сознанія, равенство исповѣданій, свобода печати и секуляризація политики и въ которомъ сказано прямо: «право преподавать заблужденія не существуетъ, какъ не существуетъ права убивать или воровать».

Рѣчью этой, лучшей, въ ораторскомъ смыслѣ, какія еще произносились въ новомъ сенатѣ, Шаламелль-Лакуръ исчерпалъ свой предметъ со всѣхъ сторонъ и выставилъ ультрамонтанскихъ конспираторовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, какъ стремящихся захватить въ свои руки права̀ государства и произвести революцію. Очередь говорить послѣ него принадлежала Дюпанлу, но испугавшійся архіепископъ, неподъискавшій еще противъ этой рѣчи сколько-нибудь соотвѣтственныхъ опроверженій, поспѣшилъ передать свое право бывшему министру Валлону. Этотъ крестный отецъ конституціи 25-го февраля потщился, въ теченіи чуть не цѣлаго часа, подбирать всякія общія мѣста и различныя латинскія цитаты, и все это только для того, чтобы придти къ слѣдующему выводу, который ему подшепнулъ Бюффѐ: надобно сдѣлать опытъ введенія смѣшанныхъ жюрй, сообразно закону 1875 года, а окончательное рѣшеніе дѣла оставить до 1877, когда будутъ какія-нибудь фактическія данныя за или противъ этой системы.

Во время его болтовни, Дюпанлу подготовился и выступилъ послѣ него съ рѣчью, въ которой разсудилъ не касаться ни до чего, о чемъ упоминалъ Шаламелль-Лакуръ. Такъ, онъ только слегка позволилъ себѣ опровергнуть прямо противъ него направленное обвиненіе въ либеральномъ католицизмѣ—ереси, отъ которой онъ давно отказался, назвалъ «банальнымъ» тэму о несовмѣстности современнаго общества съ клерикальною вѣрою, а громамъ св. отца въ силлабусѣ противупоставилъ нѣсколько фразъ вестминстерскаго архіепископа, кардинала Манинга! На оратора было жалко смотрѣть, когда онъ сталъ сравнивать свои католическіе университеты, на учрежденіе которыхъ духовенство успѣло уже затратить нѣсколько мильйоновъ, съ промышленными предпріятіями монополистовъ, которые правительство должно, уничтожая, по крайней мѣрѣ, индемнизировать. При этомъ онъ привелъ цитату изъ Тацита, весьма невѣрно переведенную, о необходимости какъ можно рѣже измѣнять законы. Вмѣсто того, чтобы защищать равноправность церкви и государства, что̀ было бы, по крайней мѣрѣ, откровенно и, съ извѣстной точки зрѣнія, справедливо, онъ покусился притвориться, подобно Валлону, что положительно не понимаетъ, что права̀ государства сколько-нибудь нарушаются закономъ 1875 г., и выставилъ этотъ послѣдній, какъ законъ примиряющій и какъ бы мирный договоръ между университетами и свободой, между республикой и религіей.

Жюль Симонъ, вошедшій на трибуну послѣ Дюпанлу, вздумалъ воздать орлеанскому епископу тою же монетой, какою онъ пользовался при своемъ краснорѣчіи. Для этого онъ, принявъ на себя маску смиренія и благочестія, сталъ распинаться передъ палатою въ своей глубокой религіозности и въ вѣрѣ въ божественный промыселъ и заявлять, что онъ постоянно былъ искреннимъ сторонникомъ метафизической глубины и поэтической увле-

кательности ученій церкви. Все это онъ высказывалъ для того, чтобы показать, что Франція въ большинствѣ своего населенія католическая, а въ цѣломъ своемъ составѣ—независимая, представляетъ изъ себя націю, въ одно и то же время религіозную и проникнутую духомъ современныхъ ученій, и что умиротвореніе и соглашеніе въ нее можетъ быть внесено законопроектомъ 1876 г., а не закономъ 1875. Въ средѣ крайней лѣвой нашлись прямые умы, которымъ пріемъ напускного благочестія оратора показался недостойнымъ, а въ средѣ крайней правой—фанатики, которые, понявъ, что ораторъ надѣлъ на себя маску для уловленія душъ нѣкоторыхъ сенаторовъ изъ центровъ, донельзя противъ него раздражились. Несмотря на это, однакожь, прерывалъ Жюля Симона одинъ только Гаварди, за что̀ и былъ призванъ предсѣдателемъ къ порядку.

Вообще, рѣчь Жюля Симона была составлена мастерски для такой аудиторіи, какъ сенатъ въ настоящемъ его составѣ, и, еслибы законопроектъ Ваддингтона голосовался послѣ ея произнесенія, то былъ бы непремѣнно принятъ. Но, къ несчастью, очередь говорить была за Лабулэ, и пренія пришлось отложить до слѣдующаго засѣданія, на которомъ эта печальная личность совершила такую измѣну республикѣ, передъ которой померкла его парламентская измѣна 1870 г., когда онъ внезапно превратился изъ непримиримаго кандидата Страсбурга въ сторонника плебисцита.

Лабулэ, въ прошломъ году, уже былъ значительно скомпрометированъ, какъ докладчикъ закона о высшемъ образованіи, что онъ совершилъ ради карьеры двухъ своихъ сыновей и для того, чтобы въ будущемъ сохранить для себя возможность сдѣлаться когда-нибудь министромъ. Все, о чемъ его просили, теперь состояло въ томъ, чтобы онъ молчалъ. Еслибы онъ воздержался отъ голосованія, то дѣло республики, тѣсно съ этой вотой связанное, потеряло бы за себя только одинъ голосъ. Но послѣ своей рѣчи онъ уже какъ бы обязывался вотировать противъ и этимъ увлекъ за собой троихъ изъ своихъ личныхъ друзей, привязанныхъ къ нему до того, что готовы изъ-за него поступиться самою своею честью. Клерикалы едва сдерживали свой восторгъ, когда подъ конецъ своей рѣчи авторъ «Принца-собачки» воскликнулъ: «вашъ законъ нелибераленъ! онъ несправедливъ и неполитиченъ, и я за него вотировать не стану». Несмотря на всѣ объясненія Ваддингтона, на его торжественныя обѣщанія поддерживать законъ 1875 г. безъ дальнѣйшихъ измѣненій, на его обращеніе къ благоразумію сената, на призывъ къ его патріотизму и на всѣ убѣжденія о томъ, что не слѣдуетъ вызывать столкновеній между общественными властями, дурное дѣйствіе рѣчи Лабулэ высказывалось все время глухимъ враждебнымъ ропотомъ правыхъ, заглушить котораго не могли рукоплесканія лѣвыхъ, начавшихъ опасаться за судьбу голосованія.

Тогда герцогъ де-Брольи замѣтилъ, что наступила для него удобная минута, въ которую онъ можетъ совершенно такъ же, какъ 23-го мая 1873 года, водрузить всецвѣтное знамя политической реакціи, чтобы собирать около него всѣхъ враговъ республики и демократіи. Главнѣйше ему было необходимо привлечь на свою сторону 5 или 6 сенаторовъ-бонапартистовъ изъ наиболѣе враждебныхъ ультрамонтанизму. Для этого коварнѣйшій изъ сѣятелей несогласій и недоразумѣній между партіями съумѣлъ въ своей рѣчи отодвинуть на второй планъ вопросы образованія и религіи, а выдвинуть на первый необходимость для сената поддержанія неприкосновенности законовъ, завѣщанныхъ ему монархическимъ большинствомъ 1871—1875 гг., и противодѣйствія его всѣмъ реформамъ палаты депутатовъ. «Слѣдуетъ ли, сказалъ онъ: — изъ того, что избирательное движеніе, могшее имѣть случайный характеръ, образовало въ нижней палатѣ большинство, которое легко можетъ быть выраженіемъ скоропреходящихъ мнѣній, чтобы сенатъ, этотъ оплотъ противъ народныхъ увлеченій, былъ снесенъ первой же волной, нахлынувшей на него. Вы—единственный, положительно единственный элементъ во всей конституціи, представляющій собою устойчивость и прочность законодательства. Вы, вы одни выражаете собой разсудительность, прочность и традицію страны... Настоящій законъ только первый шагъ на гибельномъ пути... Это—начало той тенденціи, которая стремится обратить наши конституціонныя битвы въ битвы религіозныя... Тѣмъ или другимъ способомъ, отъ васъ хотятъ добиться первой уступки и обратить васъ къ бездѣйствію, чтобы, пользуясь этимъ временемъ политики своевременности, политика результатовъ могла идти къ своей цѣли, какъ для нея это удобно, хотя медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ... Пусть же сенатъ, этотъ ревностный охранитель новыхъ учрежденій, поставленный своимъ почетнымъ значеніемъ выше парламентскихъ манёвровъ и министерскихъ соперничествъ, остережётся занести свою ногу на гибельный путь уступчивости. Если онъ выкажетъ сопротивленіе, то опасныя комбинаціи окажутся несостоятельными и въ палатѣ прибѣгнутъ къ какимъ-нибудь новымъ пріёмамъ. Если же онъ не выкажетъ должнаго сопротивленія и сегодня же начнетъ съ уступокъ, то за первой попыткой палаты послѣдуетъ вторая, за второй—третья, и тогда можетъ наступить день, когда необходимость противодѣйствія возбужденнымъ страстямъ окажется для всѣхъ очевидной, но сенатъ не будетъ въ состояніи произвести его, такъ какъ авторитетъ его будетъ уже поколебленъ».

Послѣ этого слѣдовало, чтобы министерство, заявившее въ палатѣ о томъ, что оно никогда не согласится на политику конфликтовъ, приняло вызовъ герцога де-Брольи и высказалось въ качествѣ защитника общественнаго мнѣнія, выразителя республиканскаго большинства и исполнителя рѣшеній всеобщаго голосованія, и, подобно тому, какъ оно сдѣлало относительно

лѣвыхъ въ палатѣ по поводу муниципальнаго вопроса, поставило бы по поводу сенатской воты вопросъ кабинета, но Дюфоръ на это не рѣшился; 15-го августа онъ выступилъ, правда, на защиту Ваддингтона, но на другой день и только послѣ цѣлаго ряда новыхъ рѣчей за и противъ. Самая защита его была очень слаба. Указалъ онъ въ ней примѣромъ іюльской монархіи, отказавшейся отъ всякихъ измѣненій въ избирательномъ законѣ и пришедшей этимъ путемъ къ революціи 48 года, тѣ опасности, какія представляетъ собой политика слѣпого упорства, предлагаемая де-Брольи. Онъ отрицалъ существованіе какой-либо «общественной опасности» при отмѣнѣ выдачи степеней католическими университетами и указывалъ на опасности, какія могутъ вызвать столкновенія съ палатой депутатовъ, но при этомъ высказалъ очень пошло, что палата, недовольная сенатомъ, можетъ ограничить въ отмщеніе доходы духовенства, что̀ министерство могло бы отстоять, еслибы законопроектъ былъ принятъ. «Такимъ образомъ, закончилъ онъ: — если вы примете законъ, немогущій имѣть никакихъ пагубныхъ послѣдствій и возстановляющій тотъ порядокъ вещей, который въ теченіи 60-ти лѣтъ держался, не вызывая на практикѣ никакихъ важныхъ недоразумѣній и неудобствъ, вы дадите намъ возможность бороться съ палатою съ полнымъ сознаніемъ своей силы. Если же вы намъ въ этомъ откажете, то вы насъ ослабите и лишите необходимой энергіи».

Докладчикъ Парисъ пробуетъ составить краткій сводъ мнѣній, высказанныхъ во время четверодневныхъ сенатскихъ преній, но сводъ этотъ такъ плохо составленъ и страсти такъ возбуждены, что его никто не слушаетъ. Валлонъ вноситъ предложеніе отложить окончательное голосованіе по этому вопросу до будущей сессіи, и за его предложеніе, къ общему ужасу, получается 139 голосовъ ровно противъ 139 же. Тогда начинается голосованіе по вопросу: желаетъ ли сенатъ перейти къ обсужденію законопроекта по статьямъ? Генералъ Шанзи, вызванный своими друзьями лѣваго центра для этого засѣданія изъ Алжира, не успѣлъ къ нему пріѣхать. 4 бонапартиста, которые голосовали противъ отсрочки воты, получили письмо отъ Руэра съ прямымъ приказаніемъ, отъ имени партіи, вотировать противъ палаты депутатовъ и республики. Такимъ образомъ, этотъ важный законопроектъ, рѣшающій, можетъ быть, ближайшія судьбы Франціи, былъ отвергнутъ 144 голосами противъ 139, т. е. 5-ю голосами относительнаго большинства и 2-мя абсолютнаго. Разсказываютъ, что Ваддингтонъ, тотчасъ же послѣ засѣданія, отправился къ маршалу просить своей отставки. Но Мак-Магонъ ему въ ней отказалъ, сказавъ: «Сенатъ ошибся». На дѣлѣ ни Дюфоръ, ни другіе министры изъ сенаторовъ, окончательно разбитые, не высказали виду, что они побѣждены. Между тѣмъ какъ строчилы «Pays» и «Фигаро» стали разъяснять публикѣ съ нескрываемою радостію всѣ послѣдствія, къ какимъ логически долженъ былъ повести этотъ парламентскій «coup d'état», такъ сказать, новое

24-е мая въ маломъ видѣ, орлеанистскій «Soleil» и «Le Français», органъ де-Брольи и Бюффѐ, стали умышленно уменьшать значеніе этого факта. Ультрамонтанизмъ воздержался отъ торжествованія своей побѣды, довольный тѣмъ, что ему, во всякомъ случаѣ, удалось выиграть время и увѣнчать, сверхъ всякаго ожиданія, тѣ свои надежды, осуществленія которыхъ онъ добивался цѣлые 50 лѣтъ. Радость конспираторовъ притомъ еще нѣсколько сдерживается невозможностью распущенія палаты раньше разсмотрѣнія ею бюджета 1877 года. Для окружающихъ же маршала, чтобы увлечь его въ рѣшительную свалку, необходимо, чтобы за первымъ конфликтомъ послѣдовали другіе и чтобы неудобство произведенія кризиса сенатомъ было уравновѣшено какими-нибудь неосторожными увлеченіями, которыхъ они теперь ждутъ, а, въ случаѣ надобности, не прочь и вызвать со стороны раздраженной демократіи.

Между тѣмъ, республиканское большинство въ палатѣ, на слѣдующее же утро послѣ несчастнаго сенатскаго голосованія 21-го іюля поспѣшило съ полнымъ достоинствомъ отвѣтить враждебнымъ ему 144 сенаторамъ. Бывшій предсѣдатель комиссіи, разсматривавшей проектъ Ваддингтона, депутатъ Барни внесъ предложеніе объ измѣненіяхъ въ законѣ 1875 года, отъ которыхъ онъ отказался до того единственно въ виду принятія сенатомъ тѣхъ статей законопроекта, которыя имъ теперь отвергнуты. Измѣненія эти состоятъ въ требованіи свободы публичныхъ чтеній и частныхъ курсовъ. Палата признала неотложность за этимъ предложеніемъ, причемъ графъ Дувиль-Мальёфе очень остроумно замѣтилъ: «сенатъ—настолько партизанъ свободы преподаванія, что, конечно, такому нашему требованію не будетъ сопротивляться». Въ томъ же засѣданіи, Поль-де-Кассаньякъ, съ обычною своею дерзостію, обратился къ де-Марсэру съ трибуны съ вопросомъ о назначеніи въ Валансѣ (Жерскаго Департамента) мэра, котораго онъ считаетъ за коммунара, и сталъ снова обвинять кабинетъ въ обманѣ маршала и желаніи его компрометировать. Депутатъ Тюрке поторопился обратить этотъ вопросъ въ запросъ, а Альбертъ Греви предложилъ по этому поводу переходъ къ очереднымъ дѣламъ съ заявленіемъ довѣрія министерству. Для поддержанія такого очереднаго порядка, Гамбетта, къ крайнему недовольству и озлобленію всей группы бонапартистовъ, произнесъ импровизированную рѣчь, одну изъ самыхъ удачныхъ и энергическихъ, какія только ему за послѣднее время удавались. Онъ возсталъ въ ней противъ неконституціоннаго манёвра, состоящаго въ томъ, чтобы по всякому поводу, а часто и безъ всякихъ поводовъ, при всѣхъ парламентскихъ преніяхъ и въ печати безпрестанно упоминать о личности и власти главы государства и выставлять президента, какъ главнѣйшую поддержку надеждъ всѣхъ партій, враждебныхъ республикѣ; онъ счелъ необходимымъ выказать въ настоящемъ свѣтѣ эту систему барышничества чистотою имени маршала и обличить въ его гла-

захъ, какъ подъ такимъ прикрытіемъ дѣйствуютъ интриганты для своихъ личныхъ цѣлей. Во всей залѣ раздались громкія рукоплесканія, когда трибунъ заявилъ мысль, что, несмотря ни на какія политическія случайности, значеніе которыхъ не слѣдуетъ преувеличивать, республиканское большинство сдержитъ свои обѣщанія, данныя имъ избирателямъ, и очиститъ Францію отъ подтасовщиковъ цезаризма, сдѣлавъ страну свободною и благоденствующею». Среди общаго взрыва энтузіазма, онъ снова сталъ громить «тѣ преступленія и позоръ, которыя никогда не забудутся Франціей: 2-е декабря и потерю Эльзаса и Лотарингіи». При большинствѣ въ 350 голосовъ, палата приняла переходъ къ очередному порядку въ слѣдующей редакціи: «палата депутетовъ, подтверждая снова свое довѣріе къ министру внутреннихъ дѣлъ и убѣжденная, что при выборѣ чиновниковъ республики, кабинетъ никогда не отклонится отъ обязанностей своихъ, налагаемыхъ на него декретомъ 1-го марта 1871 года о низложеніи имперіи, переходитъ къ очередному порядку».

Что такой очередной порядокъ хорошъ, нѐчего и говорить, но палата, къ сожалѣнію, упустила изъ виду, что слѣдовало подобную же демонстрацію произвести и въ честь Ваддингтона, чтобы осудить съ тою же яркостію и ультрамонтанизмъ, какъ она осудила имперію.

Конечно, честь Франціи не можетъ быть компрометирована пятью сенаторскими голосами. Пробужденіе ея и протестъ противъ клерикализма, которые подтвердятся весьма скоро учрежденіемъ обширной позитивистской школы, проявились съ значительнымъ блескомъ 23-го іюля, въ воскресенье, на церемоніи закладки перваго камня монумента въ память Поля-Луи-Курьё. На эту церемонію въ маленькое мѣстечко Турэни, Веретсъ, съѣхалось множество политическихъ и литературныхъ знаменитостей изъ Парижа, и, несмотря на всѣ сопротивленія духовенства, изо-всѣхъ сосѣднихъ деревень сошлись массы крестьянъ съ нѣсколькими хорами музыки, чтобы присутствовать на праздникѣ въ честь знаменитаго памфлетиста, «убитаго священниками», какъ гласитъ народное преданіе. Талантливый Эдмондъ Абу произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой передалъ всю исторію «доброй битвы», которую велъ самый блестящій изъ французскихъ публицистовъ вплоть до самой своей смерти съ Тартюфами и донами Базиліо, съ іезуитами и пустосвятами. Депутатъ Паскаль Дюпрà сказалъ, между прочимъ: «Намъ и до сихъ поръ приходится воевать съ тѣми же врагами, съ которыми боролся Курье, а раньше его, съ самаго 16-го столѣтія, боролись неустанно такія личности, какъ Рабле, Монтань, Паскаль, Вольтеръ, Дидрò и Бомарше. Всякій разъ, когда намъ приходится подниматься на эту борьбу, будемъ обращаться къ славнымъ тѣнямъ этихъ нашихъ предковъ; станемъ выбирать въ великолѣпномъ арсеналѣ, ими намъ оставленномъ, орудія, которыя имъ служили въ битвѣ съ непримиримымъ вра-

гомъ человѣческаго разума и, какъ бы ни были значительны окружающія насъ опасности, мы останемся непобѣдимы.

Разсуждая хладнокровно, нельзя не видѣть, что послѣднимъ событіемъ въ сенатѣ ничему не положенъ конецъ; лучше сказать—имъ все снова поднято на ноги. Переходное время съ 1875 г., по 1880 г., которое могло бы пройти вполнѣ мирно, благодаря изумительной сдержанности и умѣренности самаго сильнаго республиканскаго большинства, какое когда-либо давало всеобщее голосованіе, угрожаетъ сдѣлаться столь же бурнымъ и ненастнымъ, какъ борьба, пережитая нами съ 1871 по 1875 г. И если произойдетъ революціонный взрывъ, то на кого можетъ пасть за него отвѣтственность, какъ не на «консерваторовъ-провокаторовъ», въ родѣ герцога де-Брольи и, если свободѣ во Франціи и въ этотъ разъ суждено погибнуть, то по чьей винѣ совершится это, какъ не по винѣ либераловъ того печальнаго склада, къ какимъ принадлежитъ злощастный и жалкій Лабулэ?..

Людовикъ.

Парижъ, 1-го августа 1876 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г.

и

ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

Въ іюньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я разсмотрѣлъ наши военные расходы и расходы по министерству финансовъ: за ними, по цифрѣ расхода, слѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на удовлетвореніе потребностей котораго назначено сметою 1876 года 53.468,391 руб., что̀, по отношенію къ общей суммѣ обыкновенныхъ расходовъ, составляетъ болѣе 10%. При разсмотрѣніи цифръ государственной росписи, я держался сравнительнаго метода и для этого сравненія употреблялъ какъ цифры прежнихъ отчетовъ государственнаго контроля, такъ и бюджетныя цифры другихъ великихъ державъ Европы. Къ сожалѣнію, эти послѣднія цифры не могутъ служить для сравненія съ расходами министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ кругъ дѣятельности этого министерства далеко не одинаковъ въ различныхъ государствахъ, и потому намъ бы пришлось сравнивать далеко не однородныя цифры. На этомъ основаніи, мы имѣемъ для сравненія только цифры нашихъ бюджетовъ за прежніе годы, и притомъ не съ 1867 года, а только съ 1868 года. Причина этого заключается въ томъ, что, въ прежнее время, многіе расходы заносились въ сметы другихъ вѣдомствъ, нынѣ же пе-

реведены и въ отчетахъ государственнаго контроля; исправленіе прежнихъ цифръ сдѣлано только съ 1868 года.

Такимъ образомъ, расходы министерства внутреннихъ дѣлъ представляются за этотъ періодъ времени въ слѣдующемъ видѣ:

	Годы.	Цифра расхода въ рубляхъ.	Излишекъ въ сравненіи съ 1868 г.	Проц. отношеніе къ общему расходу.
По отчету государственнаго контроля.	1868	37.444,717		8,4
	1869	39.605,300	2.160,583	8,9
	1870	42.040,748	4.596,031	8,6
	1871	43.340,109	5.895,392	8,6
	1872	43.410,692	5.965,975	8,3
	1873	43.903,359	6.458,642	8,1
	1874	44.910,439	7.465,722	8,6
По сметному назначенію.	1875	51.649,085	14.204,368	9,4
	1876	53.468,391	16.023,674	9,5
			62.770,387	

Изъ этой таблицы оказывается, что въ теченіи 8-ми лѣтъ расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возросли на 16 слишкомъ мильйоновъ или на 42%, и излишекъ расхода за всѣ годы составляетъ 167% издержанной въ 1867 году суммы. Процентное же отношеніе къ общей цифрѣ расходовъ съ 1869 года по 1873 понижалось, т. е. за это время повышеніе расходовъ министерства шло медленнѣе, нежели повышеніе всѣхъ вообще расходовъ; но съ 1874 года это повышеніе идетъ быстрѣе, такъ что въ настоящемъ году оно составляетъ 9,5 %. Выше мы сказали, что расходы министерства составляютъ болѣе 10%, что и будетъ совершенно вѣрно, если принять цифру расходовъ, не считая оборотныхъ; но и я не имѣлъ въ виду этой цифры за прежніе годы и потому для составленія таблицы взялъ общую цифру сметъ съ оборотными расходами.

Такое возростаніе общаго бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ показаться весьма страннымъ, если вспомнить, что вся суть произведенныхъ въ послѣднее время реформъ постоянно клонилась къ тому, чтобы сократить предметы вѣдомства этого министерства. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій и городоваго положенія, значительная часть мѣстнаго хозяйственнаго управленія перешла въ вѣдѣніе мѣстныхъ обществъ, и по этой части начальнику губерніи порученъ только общій надзоръ; что же касается губернскихъ правленій и центральныхъ учрежденій министерства, то ихъ обязанности въ этомъ отношеніи значительно сократились. Съ введеніемъ судебныхъ учрежденій, вся судебная и слѣдственная часть также вышла изъ вѣдѣнія администраціи и должна была повести къ сокращенію расходовъ. Введеніе контрольныхъ учрежденій также снимало съ мѣстной губернской администраціи и съ центральныхъ ея органовъ ближайшее наблюденіе за правильностію употребленія по-

ступающихъ суммъ и тѣмъ значительно облегчало ихъ дѣятельность. Все это нетолько не вызвало никакого сокращенія въ расходахъ министерства, но, напротивъ, повело еще къ бо̀льшему ихъ возростанію, до котораго не достигало ни одно изъ нашихъ министерствъ. Расходы военнаго вѣдомства возвысились на 44%, но такое сравненіе сдѣлано было мною съ 1867 годомъ; если же взять сравненіе съ 1868 годомъ, какъ это сдѣлано по министерству внутреннихъ дѣлъ, то процентъ возрастанія этихъ расходовъ будетъ равняться 35%, т. е. гораздо ниже возрастанія расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не обходилось безъ дополнительныхъ ассигнованій, которыя за послѣдніе три года простирались, среднимъ числомъ, до двухъ мильйоновъ рублей въ годъ; но замѣчательно, что перерасходованіе противъ сметныхъ назначеній далеко не достигало этой цифры, такъ что изъ числа всѣхъ ассигнованныхъ кредитовъ значительныя суммы оставались неизрасходованными, въ видѣ свободныхъ рессурсовъ государственнаго казначейства. За послѣдніе три года эта цифра, въ среднемъ выводѣ, составляетъ около 1.400,000 руб. въ годъ. Независимо отъ этого, значительная часть кредитовъ показывается подлежащими выдачѣ въ теченіи двухъ слѣдующихъ сметныхъ періодовъ, и за послѣдніе три года цифра эта, въ среднемъ выводѣ, близко подходитъ къ двумъ мильйонамъ руб. въ годъ. Конечно, нельзя отвергать, что могутъ встрѣтиться платежи за исполненныя уже потребности, выдача которыхъ могла замедлиться вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ; но кто знакомъ съ практикою нашихъ распорядительныхъ управленій, тотъ очень хорошо знаетъ, что часто въ реестрахъ суммъ, подлежащихъ выдачѣ въ теченіи двухъ слѣдующихъ періодовъ, многія суммы показываются только для того, чтобъ удержать ихъ въ распоряженіи управленія, такъ какъ именные списки кредиторовъ казны часто заставляютъ предполагать, что суммы эти слѣдуютъ не за исполненныя уже потребности, а за предстоящія еще къ выполненію, что̀ совершенно несогласно съ дѣйствующими сметными правилами. Обстоятельство это подтверждается отчетами государственнаго контроля, такъ какъ многіе расходы, заявленные къ исполненію въ теченіи двухъ сметныхъ періодовъ по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны, вовсе не исполняются даже и въ этотъ промежутокъ времени, чего не могло бы случиться, еслибъ въ эти списки заносились только лица, исполнившія свои обязательства или имѣющія несомнѣнное право на полученіе денегъ. Значительность такихъ суммъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, составляющихъ около пяти процентовъ дѣйствительно израсходованныхъ, въ особенности въ виду того обстоятельства, что по министерству финансовъ онѣ не достигаютъ и 1%, указываетъ прямо, что именные списки составляются не всегда правильно. Если же сопоставить эти суммы

съ излишне вытребованными кредитами, оказывается, что испрашиваніе кредитовъ производится не съ должной осторожностію и ставитъ министерство финансовъ въ необходимость имѣть въ готовности въ своихъ кассахъ излишнія средства. А такъ какъ суммы эти по всѣмъ вѣдомствамъ представляютъ цифру отъ 30-ти до 40 мильйоновъ рублей, которые министерство финансовъ должно имѣть всегда въ готовности, то проценты съ этого капитала теряются государственнымъ казначействомъ совершенно непроизводительно. Мнѣ кажется, что, еслибы государственный контроль, при разсмотрѣніи списковъ кредиторовъ казны, наблюдалъ за исполненіемъ сметныхъ правилъ въ точности, то подобная непроизводительная затрата могла бы сократиться въ значительной степени. Кромѣ того, мнѣ кажется, что такое продолжительное право распоряженія кредитами совершенно напрасно усложняетъ отчетность и мѣшаетъ окончательному заключенію счетовъ за извѣстный періодъ времени, такъ какъ всѣ кредиты, на которые могутъ упасть платежи въ теченіи слѣдующаго сметнаго періода, могутъ быть перенесены въ новую смету, утвержденіе которой дѣлается въ концѣ года, когда подобное обстоятельство можетъ быть предусмотрѣно.

Если оставить въ сторонѣ эти замѣчанія, относящіяся къ исполненію бюджета вообще, то наиболѣе выдающимся обстоятельствомъ, при разсмотрѣніи бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ, представляется его возростаніе въ степени, превышающей всѣ остальныя вѣдомства, и притомъ въ такое время, когда разнообразіе его дѣятельности ограничивалось значительно. Причины такого загадочнаго явленія могутъ быть объяснены тѣмъ же характеромъ развитія административной дѣятельности, на который я указывалъ при разсмотрѣніи сметы министерства финансовъ: какъ скоро существуетъ учрежденіе, то, въ силу укоренившихся у насъ порядковъ, для него найдется и дѣятельность.

Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе цѣнности нашей валюты должно имѣть здѣсь значеніе, такъ какъ возростающая съ каждымъ годомъ дороговизна, по необходимости, должна была заставлять министерство увеличивать оклады чиновъ своего вѣдомства, что̀ составляетъ главную статью расходовъ министерства. Этой причиной, конечно, можно объяснить многое, но далеко, однакоже, не все.

Одною изъ причинъ возростанія расходовъ по министерству слѣдуетъ признать порядокъ оправданія расходовъ, при составленіи сметъ—порядокъ, по которому, какъ основаніе назначенія, приводятся законы нетолько начала нынѣшняго, но даже прошедшаго столѣтія, начиная съ 1724 г. Объяснительная записка къ сметнымъ правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 22 мая 1862 года, прямо говоритъ, что бюджетъ тогда только достигаетъ своей цѣли, когда предположенія объ ожидаемыхъ доходахъ и предстоящихъ расходахъ, бывъ утверждены подлежащею властью, получаютъ силу временнаго закона. Если же бюджетъ есть только времен-

ный законъ, то спрашивается: какимъ образомъ основаніемъ для этого временнаго закона могутъ служить распоряженія, состоявшіяся за 50, 100 или 150 лѣтъ передъ этимъ? Что общаго можетъ быть между потребностями настоящаго и такого отдаленнаго времени? Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, при разсмотрѣніи бюджета, въ силу его временнаго значенія, отнюдь не принимается въ соображеніе законность расхода; какое бы ни имѣлъ юридическое основаніе предположенный расходъ въ прежнее время, это не можетъ служить основаніемъ его производства въ будущемъ, а необходима дѣйствительная въ немъ потребность. Правильность подобнаго взгляда не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, между тѣмъ какъ у насъ расходъ, разрѣшенный Богъ знаетъ когда, въ виду совершенно иныхъ обстоятельствъ, остается въ сметѣ впредь до отмѣны его новымъ закономъ. Часто случается, что суммы, назначенныя по сметѣ, за отсутствіемъ потребности перечисляются на усиленіе кредитовъ по другимъ статьямъ, и, такимъ образомъ, прежніе законы даютъ только поводъ къ расширенію бюджета и, слѣдовательно, дѣлаютъ безцѣльнымъ постановленія государственнаго совѣта о назначеніи на такой-то предметъ такой-то суммы: спеціализація кредитовъ, поставленная сметными правилами однимъ изъ главныхъ условій раціональнаго бюджета, теряетъ свое значеніе.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей расхода министерства, слѣдуетъ замѣтить одно весьма характеристичное явленіе, которое указываетъ прямо, что возростаніе расходовъ нельзя объяснять одними общими причинами, на которыя я указалъ, такъ какъ это возростаніе произошло очень неравномѣрно. По нѣкоторымъ статьямъ, какъ показываетъ отчетъ государственнаго контроля за 1874 годъ, такое увеличеніе въ сравненіи съ 1868 годомъ не превышаетъ 7%, а по содержанію строительнаго училища они даже уменьшились; по другимъ же статьямъ они сильно возросли, какъ, напр. по § 3 на содержаніе центральныхъ управленій министерства расходъ увеличился почти до 40%; по § 6 разные расходы центральнаго управленія, къ которымъ относятся чрезвычайные расходы, командировки, мелочныя пособія, награды и нѣкоторые другіе, они увеличились на 114,9%; по § 8 на содержаніе намѣстника Царства Польскаго, генерал-губернаторовъ и губернаторовъ, съ ихъ канцеляріями, расходъ увеличился на 41%, несмотря на упраздненіе въ это время двухъ генерал-губернаторствъ; по § 9 на содержаніе губернскихъ правленій расходъ возросъ почти на 50%; по § 10 на содержаніе полицейскихъ управленій онъ возросъ на 41% и, наконецъ, по § 13 на содержаніе карантинной стражи онъ возвысился почти на 100%. Все это было бы весьма понятно, еслибы сравнить расходы 1874 года съ однимъ изъ пятидесятыхъ годовъ, но я беру для сравненія 1868 годъ, т. е. такой, когда преобразованіе полицейскихъ управленій уже состоялось, и во многихъ мѣстностяхъ введены были реформы, ограничившія дѣятельность

администраціи. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что за послѣдніе два года, которыхъ я не беру для послѣдняго сравненія, расходы министерства возвысились на $8^1/_2$ мил. руб., т. е. почти на 19%, и если допустить даже, что значительная часть этихъ расходовъ представляется переведенною изъ другихъ сметъ, то, во всякомъ случаѣ, часть этой суммы представитъ еще бо̀льшее увеличеніе нѣкоторыхъ статей, указанныхъ мною.

Всего страннѣе для безпристрастнаго наблюдателя представляется увеличеніе расходовъ на содержаніе губернскихъ правленій. Пересматривая предметы вѣдомства этихъ учрежденій, возлагавшіеся на нихъ въ прежнее время и перечисленные въ 46 пунктахъ 716 ст. II тома Свод. Законовъ, оказывается, что вслѣдствіе произведенныхъ послѣ изданія Свода реформъ, едва ли 5 или 6 пунктовъ остаются въ своей силѣ. Всѣ остальные предметы перешли въ вѣдѣніе или земскихъ, городскихъ и судебныхъ учрежденій или особыхъ губернскихъ присутствій по крестьянскимъ, городскимъ и воинскимъ дѣламъ, такъ что въ губернскихъ правленіяхъ остались только дѣла̀: а) по обнародованію законовъ, которыя состоятъ лишь въ томъ, что новое узаконеніе печатается въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»; б) по опредѣленію чиновниковъ, служащихъ въ правленіи и полицейскихъ управленіяхъ; в) дѣла̀ по производству торговъ на недвижимыя имущества, и то лишь по казеннымъ недоимкамъ; г) дѣла̀ по ремонту казенныхъ зданій; д) дѣла̀ по препровожденію ссыльныхъ арестантовъ отъ одного губернскаго города до другого и объ отсылкѣ статейныхъ списковъ подсудимыхъ преступниковъ въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ и, наконецъ, е) окончательное заключеніе о преданіи суду чиновниковъ, опредѣляемыхъ на службу губернскими учрежденіями. Несмотря на такое ограниченіе дѣятельности губернскихъ правленій, состоящей исключительно въ исполнительныхъ функціяхъ, неимѣющихъ, повидимому, никакого существеннаго значенія, расходъ на ихъ содержаніе постоянно возростаетъ, а съ 1868 года по 1874 возросъ почти на 50%. Губернское правленіе, неимѣвшее большаго значенія и въ прежней практикѣ, теперь обратилось въ канцелярію губернатора, и мнѣ кажется, что расходъ этотъ безъ всякаго неудобства могъ быть прекращенъ, такъ какъ важнѣйшую его функцію—преданіе суду чиновниковъ, опредѣляемыхъ на службу губернскими властями, слѣдовало бы передать судебной палатѣ, а производство торговъ на продажу недвижимыхъ имуществъ—окружнымъ судамъ.

Выше я сказалъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не могло обходиться безъ сверхсметныхъ ассигнованій. Подробное разсмотрѣніе сметы по параграфамъ и статьямъ прямо указываетъ, что дополнительные кредиты потребуются и въ текущемъ году. Такъ, на содержаніе членовъ совѣта и лицъ, состоящихъ при министерствѣ, предположено по сметѣ 78,050 руб.,

тогда какъ, по этому параграфу, еще въ 1874 году было издержано 79,850 руб., т. е. на 1,800 руб. болѣе, и нѣтъ никакого основанія предполагать сокращеніе этого расхода. Тоже слѣдуетъ сказать и по другимъ статьямъ, въ которыхъ предположенный расходъ уменьшенъ значительно въ сравненіи съ дѣйствительной потребностью. Въ подтвержденіе моихъ словъ представляю слѣдующую таблицу нѣкоторыхъ статей.

	Дѣйствительный расходъ 1874 года.	Сметное назначеніе 1876 года.	
§ 3. *Содержаніе личнаго состава центральныхъ частей:*			
Ст. 1) Департамента общихъ дѣлъ	95,182 р.	91,190 р.	
» 2) Д-та полиціи исполнительной	68,624 »	63,795 »	
» 7) Центральнаго статистическаго комитета.	26,262 »	25,480 »	
» 9) Техническаго комитета	23,019 »	21,684 »	
§ 5. *Хозяйственные расходы.*			
Ст. 1) Канцелярскія потребности	46,640 »	45,374 »	
§ 6. *На разные расходы централ. управленія.*			
Ст. 1) Чрезвычайные расходы	190,000 »	8,000 »	(ст. 1 § 22)
» 2) Командировки	149,617 »	70,000 »	(» 2 » 22)
» 3) Мелочныя пособія	11,520 »	4,783 »	(» 3 » 22)
» 4) Награды	148,357 »	28,977 »	(» 4 » 22)
	759,221 р.	349,283 р.	

Разность.... 409,938 р.

Итакъ, только по 9-ти статьямъ, выписаннымъ мною, оказывается, что сметное предположеніе, въ сравненіи съ дѣйствительной потребностью, уменьшено въ общей сложности болѣе, чѣмъ на половину, а по отдѣльнымъ статьямъ также уменьшеніе доходитъ до 23-хъ разъ; слѣдовательно, дополнительныя ассигнованія потребуются непремѣнно. Такъ какъ послѣднія три статьи, по сметѣ на 1874 годъ, исчислены были въ тѣхъ же цифрахъ, какъ и на 1876 годъ, а между тѣмъ, потребовали такого значительнаго увеличенія, то отсюда прямо оказывается, что сметное ассигнованіе не имѣетъ большого значенія. Еслибы это было иначе, то, конечно, не могло быть такой ошибки въ разсчетѣ, что, по кредиту на командировки къ 70,000 р., потребовалось дополнительнаго ассигнованія 84,370 р., изъ которыхъ осталось, однакожь, неизрасходованными 4,753 р. Но что всего болѣе бросается въ глаза, такъ это—дополнительный кредитъ на

награды. Къ 28,326 р., назначеннымъ по сметѣ, добавлено сверхъ сметы 120,247 р. или 424% противъ первоначальнаго ассигнованія. Между тѣмъ, на основаніи сметныхъ правилъ, сверхсметные кредиты дозволяется испрашивать только въ случаяхъ непредвидимыхъ и, притомъ, при полной неотложности возникающей потребности. Спрашивается: какая же можетъ быть неотложность и настоятельность такого расхода, какъ награды чиновниковъ? Подобныя потребности, при строгомъ наблюденіи сметныхъ правилъ, не могутъ вызывать дополнительныхъ кредитовъ и должны удовлетворяться лишь въ размѣрахъ ассигнованныхъ суммъ.

Выше я упомянулъ также о неудобствѣ оправданія расходовъ множествомъ узаконеній и, притомъ, весьма устарѣвшихъ. Такъ, напримѣръ, въ сметѣ на 1876 годъ въ оправданіе расхода на содержаніе личнаго состава губернскихъ и областныхъ правленій приведено 64 узаконенія, между которыми есть одно 1805 года; къ оправданію расхода на содержаніе личнаго состава полицейскихъ управленій—89 узаконеній и между ними есть относящіеся къ 1797 году; расходъ на канцелярскія потребности этихъ управленій подтверждается 69 узаконеніями; расходъ по врачебной части—67 узаконеніями, изъ которыхъ одно относится къ 1797 г., и четыре къ первой четверти настоящаго столѣтія; расходы на содержаніе лютеранскаго и реформатскаго духовенства въ размѣрѣ 112 т. руб. оправдывается 66 узаконеніями, изъ которыхъ 9 относятся къ прошедшему столѣтію, начиная съ 1724 года и 11 къ первой четверти XIX вѣка. Всѣ эти узаконенія приведены въ сметѣ на томъ основаніи, что каждое изъ нихъ разрѣшаетъ отпускъ отдѣльныхъ суммъ, изъ которыхъ слагаются открываемые кредиты. Такимъ образомъ, соображенія и обстоятельства 1724 и послѣдующихъ годовъ служатъ основаніемъ для расходовъ 1876 года. Для меня менѣе всего понятно, на какомъ основаніи, послѣ преобразованія городской и земской полиціи въ 1862 году и послѣ составленія новыхъ штатовъ для полицейскихъ управленій, суммы на содержаніе полиціи отпускаются нетолько на основаніи этихъ штатовъ и послѣдующихъ узаконеній, но и, сверхъ того, на основаніи цѣлой массы узаконеній съ 1797 по 1862-й годъ. Объяснительная записка къ сметнымъ правиламъ ставитъ необходимымъ условіемъ раціональности бюджета доступность повѣрки. Но, спрашивается: возможна ли повѣрка сметы при подобномъ оправданіи кредитовъ? Возможно ли не потеряться при такой массѣ узаконеній и опредѣлить правильную цифру кредита? Какое средство убѣдиться: остается ли извѣстное узаконеніе дѣйствующимъ до сихъ поръ, или оно отмѣнено послѣдующимъ узаконеніемъ? Наконецъ, представляется и еще вопросъ: не упразднила ли самая жизнь той потребности, удовлетвореніе которой разрѣшалось такимъ давнимъ узаконеніемъ? При такомъ порядкѣ составленія сметъ, всѣ эти вопросы должны быть ежего-

дно разрѣшаемы и министерствомъ финансовъ, и государственнымъ контролемъ, и государственнымъ совѣтомъ, а возможно ли это? Я привелъ 355 узаконеній только по 5 статьямъ расхода одной сметы министерства внутреннихъ дѣлъ, а всѣхъ узаконеній по всѣмъ статьямъ я и пересчитать не берусь. Очевидно, что предстоитъ настоятельная необходимость установить новый порядокъ оправданія расходовъ, при которомъ на штатные расходы управленій суммы требовались бы только на основаніи послѣднихъ штатовъ. Всѣ же другіе расходы должны быть оправдываемы только дѣйствительной потребностью, а не узаконеніями, когда-то состоявшимися и имѣвшими, но, быть можетъ, давно потерявшими свой raison d'être. Еслибы такой порядокъ испрашиванія кредитовъ былъ установленъ, то можно утвердительно сказать, что сметы всѣхъ вѣдомствъ сократились бы значительно, въ виду невозможности представить въ оправданіе расходовъ какія-либо основательныя соображенія и доказать, что потребность дѣйствительно существуетъ. Въ настоящее время, многіе расходы заносятся въ смету рутинно только потому, что когда-то такой расходъ былъ разрѣшенъ; средства же, назначенныя такимъ образомъ, употребляются на другія потребности. Чтобъ мои слова не показались голословными, я укажу на значительное передвиженіе кредитовъ изъ одной статьи въ другую по всѣмъ вѣдомствамъ и испрашиваніе дополнительныхъ кредитовъ по такимъ статьямъ, по которымъ является недостатокъ вслѣдствіе передвиженія суммъ въ другія сметныя подраздѣленія. Подобные случаи встрѣчаются почти на каждой страницѣ отчета государственнаго контроля, и читатель можетъ удостовѣриться въ этомъ, открывши отчетъ въ любомъ мѣстѣ. Еслибы въ распредѣленіи суммъ государственнаго казначейства существовали у насъ твердыя основанія, оправдываемыя дѣйствительной потребностью, то такіе факты не могли бы быть явленіемъ обыкновеннымъ и встрѣчались бы только какъ исключенія, при особыхъ обстоятельствахъ; между тѣмъ, они встрѣчаются даже при такихъ расходахъ, которые опредѣляются штатами и. слѣдовательно, могли быть исчислены въ точной цифрѣ. Такъ, напримѣръ, на расходы по содержанію департамента полиціи исполнительной, по сметѣ на 1874 годъ, опредѣлено 68,579 руб., издержано же 68,624 руб.—слѣдовательно, недоставало только 45 руб., для которыхъ, конечно, не стоило испрашивать сверхсметный кредитъ. Между тѣмъ, по этому департаменту испрошенъ былъ дополнительный кредитъ въ 5,000 руб., но онъ не былъ израсходованъ на потребности этого департамента, а 4,730 руб. были употреблены на расходы по земскому отдѣлу и 225 руб. остались вовсе неизрасходованными; другой примѣръ—на содержаніе личнаго состава губернскихъ и областныхъ правленій истребованъ дополнительный кредитъ въ 5,193 р.; между тѣмъ, изъ этой же статьи перечислено въ другія подраздѣленія сметы 6,595 руб. и остались неизрасходованными 14,542 руб.;

третій примѣръ—на содержаніе личнаго состава полицейскихъ управленій испрошенъ дополнительный кредитъ въ 37,211 руб., а между тѣмъ, изъ этой статьи перечислено въ другія подраздѣленія сметы 5,095 руб. и остались неизрасходованными 109,501 руб. Спрашивается: для чего были во всѣхъ этихъ случаяхъ испрашиваемы дополнительные кредиты и сдѣланы перечисленія въ другія статьи? Все это могло быть только въ виду того обстоятельства, что у насъ для опредѣленія кредитовъ не существуетъ твердыхъ основаній.

Переходя къ вопросу о правильномъ распредѣленіи расходовъ по вѣдомствамъ, въ текущей сметѣ министерства внутреннихъ дѣлъ мы замѣчаемъ значительное улучшеніе. Всѣ расходы по содержанію арестантовъ, прежде производившіеся изъ кредита по министерству финансовъ на экстраординарныя надобности въ губерніяхъ, нынѣ переведены въ смету министерства внутреннихъ дѣлъ. Неудобство прежняго порядка состояло въ отсутствіи хозяина по распоряженію этими суммами. Казенная палата, въ вѣдѣніи которой суммы эти состояли, расходовала ихъ по требованію ѐрганов министерства внутреннихъ дѣлъ и не имѣла пра̀ва вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя распоряженія; что̀ же касается мѣстъ и лицъ, дѣйствительно производившихъ расходы, то они, не имѣя въ виду кредита, опредѣленнаго въ ихъ распоряженіе, и не будучи отвѣтственны передъ своимъ начальствомъ въ его употребленіи, не были поставлены въ необходимость заботиться о должной экономіи. Само же министерство, не имѣя въ виду данныхъ о расходѣ суммъ въ раеличныхъ мѣстностяхъ, не могло судить о бо̀льшей или мѐньшзй хозяйственности въ распоряженіяхъ подчиненныхъ ему ѐрганов и принимать какія-либо мѣры къ сокращенію этихъ расходовъ. Слѣдствіемъ такого порядка дѣла являлась непроизводительная затрата казенныхъ суммъ, далеко превышавшая дѣйствительную потребность. Подтвержденіемъ этой мысли могутъ служить значительные экономическіе капиталы, образовавшіеся въ тюремныхъ комитетахъ въ видѣ остатковъ отъ суммъ, имъ отпускаемыхъ. Остатки эти вовсе не составляютъ благоразумной экономіи вслѣдствіе распорядительности членовъ комитета, такъ какъ, за немногими исключеніями, почти во всѣхъ нашихъ губерніяхъ члены этихъ комитетовъ относятся къ дѣлу совершенно безучастно. Остатки являются только потому, что опредѣленныя нормы, въ особенности на содержаніе больныхъ арестантовъ, превышаютъ въ значительной степени дѣйствительную потребность. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, сто̀итъ только сравнить цифру продовольствія, отпускаемаго на содержаніе больного солдата и больного арестанта. Послѣдняя превышаетъ втрое и вчетверо первую. Тогда какъ по военному вѣдомству содержаніе больного солдата не превышаетъ 16 коп., на содержаніе больного арестанта отпускается отъ 48 до 74 коп. въ разныхъ губерніяхъ. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на со-

держаніе арестантовъ, употребляемыхъ въ тюремной больницѣ въ качествѣ прислуги, требуются суммы, какъ на больныхъ. Мудрено ли изъ подобныхъ отпусковъ дѣлать экономію? Заготовленіе одежды, обуви и топлива даетъ также средства къ составленію экономическихъ капиталовъ. Извѣстно, какъ у насъ составляются справочныя цѣны и торги въ губернскихъ правленіяхъ на поставку разныхъ предметовъ довольствія. Въ случаяхъ слишкомъ высокихъ цѣнъ (а эти случаи бываютъ очень часто), въ тюремные комитеты отпускаются суммы по этимъ цѣнамъ, и вся возможная экономія обращается въ экономическій капиталъ. Надо надѣяться, что, при новомъ порядкѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ найдетъ возможнымъ установить правильное хозяйство и возможную экономію въ этого рода расходахъ. Сравненіе же расходовъ въ разныхъ мѣстностяхъ доставитъ ему возможность достиженія подобныхъ результатовъ.

Впрочемъ, по отношенію къ болѣе правильному распредѣленію суммъ по вѣдомствамъ, смета министерства внутреннихъ дѣлъ 1876 года оставляетъ желать многаго, такъ какъ въ ней встрѣчаются нѣкоторые расходы, которые не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью этого министерства — и было бы удобнѣе перенести ихъ въ другіе отдѣлы государственной росписи. Сюда относятся: § 15 й ст. 3-й—содержаніе почтовыхъ станцій, отъ земства устроенныхъ. Неизвѣстно, почему кредитъ этотъ отдѣленъ до сихъ поръ отъ кредита на содержаніе почтовыхъ лошадей для возки почтъ и проѣзжающихъ. Если такое отдѣленіе имѣло мѣсто прежде, вслѣдствіе того обстоятельства, что кредитъ на содержаніе этихъ станцій опредѣленъ былъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ всѣ остальныя почтовыя станціи отдавались въ содержаніе по распоряженію почтоваго вѣдомства, то со времени присоединенія послѣдняго къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ назначеніе кредита на содержаніе нѣкоторыхъ станцій по особой статьѣ не имѣетъ никакихъ основаній и остается въ такомъ видѣ только потому, вѣроятно, что на это до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія. Всѣ кредиты по § 16-му, подъ именемъ пособій, въ размѣрѣ 2,019,944 руб., также, какъ мнѣ кажется, слѣдовало бы перенести въ смету департамента государственнаго казначейства, такъ какъ по этимъ кредитамъ, кромѣ отпуска суммъ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, никакихъ распоряженій министерствомъ не дѣлается; всѣ кредиты по § 19-му на мѣстныя военныя потребности въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ размѣрѣ 1,389,056 руб., слѣдовало бы также исключить изъ сметы министерства внутреннихъ дѣлъ и перенести въ смету главнаго инженернаго управленія военнаго министерства по однообразію расходовъ, имъ производимыхъ, и потому, что расходъ этотъ касается военныхъ, а не гражданскихъ потребностей государства. Точно также расходы по § 22-му, въ статьѣ 9-й, на уплату прогоновъ за лошадей, выставляемыхъ при проѣздѣ высочайшихъ

особъ, и по статьѣ 10-й, на уплату почтосодержателямъ за выставку лошадей для высочайшихъ поѣздокъ на охоту, всего въ размѣрѣ 27,183 руб., слѣдовало бы перечислить въ смету расходовъ императорскаго двора; наконецъ, по статьѣ 12-й того же § на уплату долговъ въ суммы уральскаго казачьяго войска и въ хозяйственный башкирскій капиталъ, всего 6,793 руб , слѣдовало бы перечислить въ смету департамента государственнаго казначейства. За такими исключеніями, смета министерства внутреннихъ дѣлъ могла бы представить собою дѣйствительныя потребности внутренней администраціи; въ настоящемъ же своемъ видѣ она представляетъ много расходовъ, удовлетворяющихъ потребности другихъ вѣдомствъ.

Чтобъ покончить разсмотрѣніе сметы расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о расходахъ по почтовому вѣдомству. Такъ какъ расходы эти состоятъ преимущественно изъ расходовъ штатныхъ, то мнѣ придется сказать о нихъ очень немногое. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе значительное возвышеніе расходовъ по содержанію личнаго состава; но это и не могло быть иначе, такъ какъ содержаніе почтовыхъ чиновъ, до позднѣйшихъ въ этомъ отношеніи перемѣнъ, было до того ничтожно, что оно составляло притчу во языцѣхъ и было причиною массы безпорядковъ, переходящихъ нынѣ въ преданіе. Такимъ образомъ, изъ отчета государственнаго контроля видно, что въ 1874 году нѣкоторыя статьи расхода на содержаніе личнаго состава возвысились въ сравненіи съ 1868 годомъ на 100, на 200 и болѣе процентовъ. Но замѣчательно, что нужды центральнаго органа удовлетворены въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ нужды мѣстныхъ о̀рганов̀ъ, тогда какъ самое вопіющее положеніе почтовыхъ чиновъ было именно въ мѣстномъ управленіи, и, слѣдовательно, наибо̀льшей прибавки требовало содержаніе мѣстныхъ чиновъ. Между тѣмъ, расходы почтоваго департамента увеличились на 235%, тогда какъ расходы губернскихъ и уѣздныхъ почтовыхъ конторъ только на 110%. Затѣмъ, хозяйственные расходы почтоваго департамента и с.-петербургскаго почтамта увеличились почти на 100%, тогда какъ таковые же губернскихъ и уѣздныхъ почтовыхъ конторъ только на 25%. Говоря о хозяйственныхъ расходахъ центральнаго управленія въ 1874 году, нельзя не замѣтить, что, по сметѣ на тотъ годъ, опредѣлено было на этотъ предметъ 403,534 руб., и, независимо отъ ассигнованія на этотъ предметъ дополнительнаго кредита въ 37,180 руб., онъ увеличенъ еще на 50,479 руб. перечисленіемъ суммъ изъ другихъ сметныхъ подраздѣленій. Замѣчательнѣе всего, что такое увеличеніе хозяйственныхъ расходовъ центральнаго управленія сдѣлано на счетъ кредитовъ, опредѣленныхъ на содержаніе личнаго состава уѣздныхъ почтовыхъ конторъ и на счетъ процентной прибавки къ содержанію служащихъ въ западныхъ губерніяхъ, то-есть, на счетъ окладовъ мелкихъ чиновниковъ.

Только отсутствіе твердыхъ основаній при исчисленіи бюджетныхъ статей можетъ порождать подобные факты.

Изъ числа расходовъ почтоваго вѣдомства особое вниманіе обращаетъ на себя расходъ на вознагражденіе за утраченные на почтѣ капиталы. Расходъ этотъ, не доходившій въ 1866 году до 50 тыс. рублей, въ послѣдніе годы возросъ значительно, такъ что въ 1873 году доходилъ до 170 тыс., а въ 1874 году понизился до 150 тыс. Такимъ образомъ, прибавка окладовъ содержанія не увеличиваетъ гарантіи за цѣлость пересылаемыхъ суммъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, не лучше ли прекратить вовсе пересылку суммъ по почтѣ, такъ какъ въ почтовыхъ конторахъ далеко не существуетъ той обстановки, которая требуется для огражденія цѣлости пересылаемыхъ суммъ; установлять же такую обстановку вновь, въ виду постояннаго уменьшенія страховаго сбора за пересылку капиталовъ, было бы не разсчетливо. Мнѣ кажется, что было бы очень возможно замѣнить эту пересылку переводомъ суммъ между казначействами, въ которыхъ всегда есть средства для удовлетворенія подобной потребности; при этомъ квитанція, вырѣзаемая изъ приходнаго журнала, могла бы поступать подателю для пересылки адресату, а талонъ слѣдовало бы высылать въ кассу, изъ которой должна быть выдача. Такой реформой были бы уменьшены и затрудненія публики, и лишніе расходы почтоваго вѣдомства, и, наконецъ, цѣлость переводимыхъ суммъ была бы вполнѣ гарантирована.

Самымъ важнѣйшимъ расходомъ почтоваго вѣдомства представляется приплата за содержаніе почтовыхъ лошадей для возки почтъ и проѣзжающихъ. По этой статьѣ, въ 1874 году, израсходовано 6.821,937 руб., а на 1876 годъ ассигновано 6.075,077 руб. Было время, когда расходъ этотъ доходилъ до 8 мильйоновъ рублей и, слѣдовательно, въ послѣдніе годы онъ понизился. Впрочемъ, такое пониженіе есть послѣдствіе уменьшенія количества станцій и числа лошадей съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, а отнюдь не дѣйствительное сокращеніе расходовъ. Господствующая у насъ съ 1842 года система отдачи содержанія почтовыхъ станцій по оцѣнкѣ и по выбору благонадежныхъ содержателей, привела къ самымъ неудовлетворительнымъ результатамъ, въ смыслѣ дороговизны содержанія станцій. Тѣмъ не менѣе, почтовый департаментъ до сихъ поръ удерживаетъ эту систему только потому, что при ней почтовыя станціи содержатся въ болѣе удовлетворительномъ видѣ; но мудрено ли вести дѣло въ порядкѣ, когда за него платится въ три-дорого. Нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе въ исправности почтовыхъ лошадей можетъ быть достигнуто по цѣнамъ, гораздо болѣе умѣреннымъ въ сравненіи съ тѣми, какія платятся нынѣ почтовымъ вѣдомствомъ. Слѣдующіе примѣры вполнѣ подтверждаютъ сказанное мною. Если сравнить разцѣнки содержанія почтовыхъ лошадей въ разныхъ мѣстностяхъ, то рѣшительно нельзя понять, какіе разсчеты заставляли установлять ту или другую цѣну. Я

не имѣю подъ руками, въ настоящую минуту, различныхъ цѣнъ по содержанію станцій, но, ссылаясь на мою же статью, въ декабрѣ 1865 года въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»—статью, въ которой были приведены мною цифры стоимости содержанія почтовыхъ лошадей въ Псковской Губерніи, я могу смѣло удостовѣрить читателя, что въ оцѣнкахъ встрѣчается полное противорѣчіе со всѣми хозяйственными разсчетами, которое бросается въ глаза. Такъ, напримѣръ, встрѣчаются такіе примѣры, что въ деревняхъ содержаніе лошадей обходилось дороже, чѣмъ въ городахъ; при бо̀льшемъ количествѣ лошадей содержаніе каждой лошади исчислено дороже, нежели при мѐньшемъ, несмотря на одинаковость другихъ условій; при высшей цѣнѣ на фуражъ, стоимость содержанія лошади дешевле, чѣмъ при низшей; при болѣе значительныхъ перегонахъ, количество фуража на лошадь полагалось менѣе, чѣмъ при короткихъ и т. д.—Такое отсутствіе всякихъ хозяйственныхъ соображеній при составленіи оцѣнокъ можетъ быть объяснено, конечно, тѣмъ, что для составленія ихъ командированы были изъ Петербурга чиновники, мало знакомые съ мѣстными условіями, а бывшіе члены особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій, принимавшіе участіе въ разсмотрѣніи оцѣнокъ, подписывали ихъ, по существовавшему тогда порядку, безъ особеннаго вниманія. Разъ установившаяся цѣна переходила въ новыя оцѣнки или мало измѣнялась, что находило свое оправданіе въ томъ, что цѣны на фуражъ постоянно возростали. Впрочемъ, даже и при нынѣшнихъ высокихъ цѣнахъ на фуражъ, существующія цѣны на содержаніе почтовыхъ лошадей признаются чрезмѣрными. Въ доказательство справедливости этого можно указать на то обстоятельство, что желѣзныя дороги, выстроенныя въ количествѣ 20,000 верстъ, упразднили, по крайней мѣрѣ, на половину число почтовыхъ лошадей, а расходъ сократился лишь на 25%. Кромѣ того, справедливость этого мнѣнія можно подтвердить тѣмъ обстоятельствомъ, что содержаніе лошадей для выѣзда изъ городовъ полицейскихъ чиновъ, а также и земскихъ станцій, повсемѣстно обходится земству гораздо дешевле, нежели содержаніе почтовыхъ лошадей. Затѣмъ, саратовское земство, принявшее съ 1867 года на себя содержаніе почтовыхъ лошадей съ платою той суммы, которая расходовалась на этотъ предметъ въ прежнее время по оцѣнкѣ 1860 года, т. е. за 93 тысячи рублей въ годъ, сдѣлало экономіи изъ этой суммы 27 тысячъ рублей, и притомъ оставило содержаніе станцій почти на всѣхъ пунктахъ въ рукахъ тѣхъ же содержателей. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что цѣны на фуражъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ удвоились въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда составлялись оцѣнки. Поэтому можно утверждать съ полнымъ убѣжденіемъ, что цифра расхода по этой статьѣ можетъ быть значительно понижена, если только почтовое вѣдомство откажется отъ системы оцѣнокъ и перейдетъ къ системѣ торговъ. Говорятъ, что систе-

ма торговъ, возбуждая отчаянную конкуренцію, понижаетъ цѣны до такой степени, при которой контрагентъ не въ состояніи исполнять своихъ обязанностей добросовѣстно и ищетъ вознагражденія въ разныхъ злоупотребленіяхъ, которыхъ правительство отвратить не въ состояніи. Но тогда все зло состоитъ, сталобыть, не въ системѣ торговъ, а въ несостоятельности надзора за точнымъ исполненіемъ условій, принятыхъ на себя контрагентомъ, и, слѣдовательно, мѣры, принимаемыя къ устраненію зла, чтобъ быть цѣлесообразными, должны быть направлены къ улучшенію надзора, а система исполненія потребности тутъ не причемъ. Если начальство, которому будетъ ввѣренъ ближайшій надзоръ, не будетъ имѣть ни права, ни возможности дѣлать послабленія контрагентамъ, тогда получится дешевый способъ исполненія расхода при вполнѣ исправномъ содержаніи станцій, такъ какъ мѣстные жители могутъ взять половинную сумму противъ спекулянта; при системѣ же оцѣнокъ, они легко могутъ быть обойдены. Кромѣ того, при несостоятельномъ надзорѣ, никакая цѣна, не гарантируетъ правильнаго исполненія принятой обязанности, и мы рискуемъ, заплатя дорого, имѣть также неисправныя станціи, такъ какъ понятіе объ исправности можетъ быть только относительное, а не абсолютное.

По цифрѣ расхода, за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ морское министерство, на расходы котораго, по сметѣ на 1876 годъ, назначено 25.038,381 руб. Объ общемъ значеніи этой цифры въ нашемъ бюджетѣ я уже говорилъ, разсматривая наши военные расходы вообще; теперь мнѣ остается сравнить ее съ расходами прежнихъ лѣтъ, чтобы получить понятіе о степени возрастанія этихъ расходовъ, что̀ и видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Годы.	Сумма расхода.	Уменьшеніе или излишекъ въ сравненіи съ 1867 г.	Процентное отношеніе къ общ. расходу.
По отчетамъ государственнаго контроля.	1867	18.183,407		4,2
	1868	18.019,260	— 164,147	4
	1869	18.684,443	+ 501,036	3,9
	1870	20.135,297	+ 1.951,890	4,1
	1871	21.144,814	+ 2.961,307	4,2
	1872	22 320,853	+ 4.137,446	4,2
	1873	25.756,520	+ 7.573,113	4,3
	1874	26.228,866	+ 8.045,459	4,8
По сметнымъ предположеніямъ.	1875	25.106,017	+ 6.922,610	4,5
	1876	25.038,381	+ 6.854,974	4,4
		Итогъ	38.947,835	
а за исключеніемъ уменьшенія		1868 г.	164,147	
передержано противъ		1867 г.	38.783,688	

Изъ этой таблицы видно, что̀, въ сравненіи съ 1867 годомъ, въ 1874 году расходы морскаго министерства увеличились бо-

лѣе, чѣмъ на 8 милл. рублей, или на 44%, и, хотя въ послѣдніе два года расходы уменьшились, но, такъ какъ здѣсь показаны сметныя цифры, то, не имѣя въ виду отчета государственнаго контроля, нельзя утверждать, что дѣйствительный расходъ не превыситъ этихъ цифръ, тѣмъ болѣе, что прежніе примѣры не даютъ никакого повода къ такому заключенію; напротивъ того, въ 1873 и 1874 годахъ, несмотря на нормальный бюджетъ, расходы морскаго вѣдомства превзошли сметное назначеніе, хотя и незначительно. Кромѣ того, изъ этой таблицы мы видимъ, что расходы морскаго министерства возростали нетолько абсолютно, но и относительно, т. е. возрастали сильнѣе, нежели общіе расходы, такъ какъ процентное отношеніе ихъ къ общей массѣ расходовъ возвышалось.

Въ виду такого обстоятельства я позволю себѣ поставить такой вопросъ: насколько полезно для Россіи такое увеличеніе ея морскихъ расходовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что увеличеніе морскихъ силъ Россіи доставило бы ей болѣе серьёзное вліяніе на дѣла̀ Европы, что̀ въ особенности важно въ виду предстоящаго рѣшенія восточнаго вопроса—рѣшенія неизбѣжнаго, если не въ текущемъ году, то въ очень недалекомъ будущемъ. Дряхлый организмъ Турціи начинаетъ разваливаться и развалится непремѣнно, хотя бы онъ вышелъ побѣдителемъ изъ настоящаго кризиса [1]. Разнузданный фанатизмъ турецкаго населенія на европейской почвѣ, въ XIX столѣтіи, это — анахронизмъ: онъ не можетъ долго свирѣпствовать. Это — послѣднія вспышки бѣшенства смертельно раненаго звѣря, судорожно терзающаго послѣднюю свою жертву. Въ виду такого положенія дѣлъ въ Европѣ, было бы очень полезно для Россіи, еслибъ она имѣла сильный флотъ, но, къ сожалѣнію, морскія силы создаются не годами, а десятками лѣтъ, и доступны только странамъ богатымъ. Къ настоящему рѣшенію восточнаго вопроса Россія ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть такого флота, съ которымъ Англія должна бы считаться. Если же нельзя было имѣть такого флота, который могъ бы служить достойнымъ представителемъ Россіи на морѣ, то все, чего можетъ она ожидать отъ своихъ морскихъ силъ, это—десятка или двухъ легкихъ военныхъ судовъ, которыя могли бы, въ случаѣ надобности, разсыпаться въ океанѣ и держать въ страхѣ англійскую торговлю. Преслѣдовать въ океанѣ такія силы, дѣйствующія въ разсыпную, нѣтъ возможности, и каждое такое судно, пока оно было бы взято непріятельскимъ флотомъ, могло бы утопить десятки англійскихъ купеческихъ кораблей и пароходовъ. Въ 1863 году Англія поняла это очень хорошо и тотчасъ перемѣнила тонъ, когда русская эскадра прошла въ Америку. Затѣмъ, всякія броненосныя суда составляютъ для насъ излишнюю роскошь, без-

[1] Послѣднія извѣстія о побѣдѣ сербовъ приближаютъ еще болѣе развязку дѣла.

полезную въ военное время, въ виду невозможности для насъ наступательныхъ дѣйствій на морѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, расширеніе нашего морскаго бюджета въ послѣднія 10 лѣтъ едва ли было выгодно для Россіи: и безъ этого расширенія, какъ показалъ опытъ 1863 года, русскій флотъ могъ оказывать услуги русской политикѣ и едвали можетъ сдѣлать болѣе и въ нынѣшнемъ своемъ составѣ. Между тѣмъ, тридцать восемь мильйоновъ рублей, излишне издержанные нами въ сравненіи съ 1867 годомъ, могли бы оказать Россіи болѣе производительную услугу.

Министерство государственныхъ имуществъ получило въ свое распоряженіе, по сметѣ 1876 года, кредитъ въ 19.042,177 руб. Сравненіе этой цифры съ расходами предъидущихъ лѣтъ, какъ это я дѣлалъ по другимъ сметамъ, въ виду присоединенія къ этому министерству расходовъ горнаго департамента, представляется затруднительнымъ, такъ какъ въ отчетѣ государственнаго контроля цифра общаго расхода исправлена только съ 1870 года. Конечно, для продолженія сравненія я бы могъ къ расходамъ министерства за прежніе годы приложить расходы горнаго департамента, но, имѣя въ виду, что нѣкоторые расходы этого департамента остались въ вѣдѣніи министерства финансовъ, и опасаясь, при отсутствіи точныхъ данныхъ, впасть въ ошибку и сравнить невполнѣ однородныя цифры, я долженъ ограничиться сравненіемъ сметной цифры съ расходами лишь за время съ 1870 года. Такое сравненіе приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

	Годы.	Сумма расхода.	Излишекъ въ сравненіи съ 1870 годомъ.	Проц. отношеніе къ общ. суммѣ расхода.
По отчету государственнаго контроля.	1870	16.498,082		3,3
	1871	18.379,118	1.881,036	3,6
	1872	19.016,255	2.518,173	3,6
	1873	19.644,946	3.146,864	3,6
	1874	20.019,545	3.521,463	3,7
По сметному назначенію.	1875	19.726,966	3.228,884	3,6
	1876	19.042,177	2.544,095	3,2
			16.840,515	

Изъ этой таблицы видно, что возвышеніе расходовъ по министерству государственныхъ имуществъ идетъ почти пропорціонально общему возвышенію расхода, а въ послѣдніе два года расходы, предположенные по сметамъ, нѣсколько ниже дѣйствительнаго расхода 1874 года. Впрочемъ, имѣя въ виду, что расходы этого министерства никогда не оставались въ предѣлахъ сметнаго исчисленія, я буду гораздо ближе къ истинѣ, если предположу, что расходы за эти два года не понизятся. Итакъ, расходъ 1874 года, въ сравненіи съ 1870 годомъ, возвысился на 3.521,463 руб., т. е. на 21,3% въ теченіи четырехъ лѣтъ или болѣе, чѣмъ на 5% ежегодно.

Но для того, чтобъ дать читателю ясное понятіе объ экономическомъ значеніи этой цифры, я считаю необходимымъ отдѣлить цифру расхода по горному вѣдомству и разсмотрѣть отдѣльно какъ ту, такъ и другую. Но, такъ какъ въ опубликованной въ газетахъ государственной росписи эти цифры не отдѣлены, то я предполагаю взять цифры изъ отчета государственнаго контроля за 1874 года. На основаніи этого документа, расходы горнаго вѣдомства достигли 9.335,615 руб.: слѣдовательно, расходы прежнихъ учрежденій министерства простирались до 10.683,930 руб. Въ такомъ видѣ цифра эта можетъ быть сравниваема съ расходами прежнихъ лѣтъ, начиная съ 1866 года. Въ этомъ послѣднемъ году расходы министерства простирались до 8.597,690 руб., т. е. были ниже расходовъ 1874 года болѣе, чѣмъ на два милліона, несмотря на то, что на министерствѣ государственныхъ имуществъ лежала весьма сложная обязанность управленія крестьянами, водворенными на государственныхъ земляхъ, что̀ и составляло при учрежденіи этого министерства весь его raison d'etre, главнѣйшую его функцію. Подчиненіе государственныхъ крестьянъ вѣдѣнію общихъ крестьянскихъ учрежденій, имѣло въ виду, помимо главной цѣли—уравненія въ правахъ всѣхъ сельскихъ жителей, достиженіе также и другой цѣли, а именно: сокращенія расходовъ. Освобожденіе министерства отъ такой обязанности давало полную возможность предполагать, что цифра въ $8^1/_2$ милл. рублей, въ то время казавшаяся слишкомъ обременительной для государственнаго казначейства, значительно сократится, а вниманіе министерства, исключительно сосредоточенное на эксплуатаціи государственныхъ ненаселенныхъ имуществъ, возвыситъ доходность послѣднихъ. Ожиданіямъ этимъ, однакожь, не суждено было исполниться. Съ переобразованіемъ министерства на 1867 годъ расходы его сократились всего на $1^1/_2$ милл. руб. и достигли въ этомъ году 7.255,857 руб.; затѣмъ, стали возрастать постоянно такъ, что въ 1874 году они превзошли эту цифру на 3.428,073 руб. или на 47,2%. Такая значительная цифра расходовъ министерства, и въ особенности такое сильное ихъ возростаніе, необходимо приводятъ къ вопросу о производительности подобной затраты, другими словами—объ отношеніи этой цифры къ доходу, извлеченіе котораго составляетъ важнѣйшую функцію этого вѣдомства.

При подобной постановкѣ вопроса, я долженъ предупредить читателя, что приведенная выше цифра заключаетъ въ себѣ не одни расходы взиманія доходовъ, но и расходы, во-первыхъ, на развитіе сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи, каковыхъ, по отчету государственнаго контроля за 1874 годъ, насчитано мною въ разныхъ статьяхъ 779,485 руб. и, во-вторыхъ, расходъ на выдачу арендныхъ денегъ, пожалованныхъ разнымъ лицамъ, что̀ за тотъ же годъ составило 2.044,364 руб. За исключеніемъ этихъ двухъ цифръ, остальные 7.900,081 руб. пред-

ставляются уже прямо расходами взиманія дохода съ оброчныхъ статей и лѣсовъ и могутъ быть сопоставляемы съ доходами, состоящими въ вѣдѣніи министерства. Разсматривая же доходныя статьи этого вѣдомства, оказывается, что не всѣ доходы поступаютъ при содѣйствіи его органовъ. Значительная ихъ часть не составляетъ вовсе дохода, напримѣръ, продажа недвижимыхъ имуществъ; другіе поступаютъ или по окладнымъ листамъ, вмѣстѣ съ другими окладными сборами, или же при содѣйствіи учебныхъ заведеній, расходы которыхъ мною отдѣлены. За исключеніемъ этихъ статей, доходы, поступающіе при содѣйствіи органовъ министерства, не превышаютъ 13-ти мил. рублей и, слѣдовательно, расходы эксплуатаціи или взиманія дохода составляютъ болѣе 60%. Эта послѣдняя цифра говоритъ сама за себя и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Переходя къ разсмотрѣнію расходовъ горнаго вѣдомства, мы приходимъ къ результатамъ еще болѣе печальнымъ. Расходы этого вѣдомства простирались въ 1874 году до 9,335,615 рублей, тогда какъ полученный доходъ равнялся 7.133,696 руб., а за исключеніемъ горныхъ податей съ частныхъ заводчиковъ, надзоръ за которыми обходится 263.166 руб., не превышалъ 4.234,736 руб. А, такъ какъ для полученія дохода съ частной промышленности нѣтъ никакой надобности имѣть особое горное вѣдомство, а только незначительный надзоръ, то отсюда слѣдуетъ, что горное вѣдомство приноситъ чистаго убытка до 5-ти мил. руб., не считая того обстоятельства, что наряды, даваемые горному вѣдомству со стороны военнаго и морскаго министерствъ, обходятся послѣднимъ гораздо дороже пріобрѣтенія этихъ предметовъ изъ частныхъ рукъ. На этомъ основаніи, прекращеніе дѣятельности нашихъ горныхъ заводовъ и передача ихъ въ частныя руки даже даромъ были бы выгоднѣе для государства, чѣмъ такая убыточная ихъ эксплуатація Но, конечно, къ такому печальному заключенію можно придти только въ виду полной несостоятельности тѣхъ порядковъ, которые существуютъ на нашихъ казенныхъ заводахъ. Въ сущности же, я не думаю и не могу думать, чтобы такія богатыя мѣстности, какія находятся въ вѣдѣніи горнаго вѣдомства и при тѣхъ капиталахъ, которые въ нихъ затрачены, не могли быть съ выгодою эксплуатированы. Мы видимъ, что частные горные заводы хотя и не въ блестящемъ состояніи, но все же дѣйствуютъ съ пользою, такъ какъ при убыткахъ они были бы не въ состояніи продолжать свои операціи. Казенные же заводы имѣютъ громадныя преимущества передъ частными. Прежде всего, они пользуются казенными заказами по цѣнамъ, назначеннымъ заводами, слѣдовательно, обезпечены выгоднымъ сбытомъ; во-вторыхъ, они обезпечены оборотнымъ капиталомъ и не могутъ нести потерь отъ недостатка въ денежныхъ средствахъ; въ-третьихъ, капиталъ, представляемый стоимостью имущества, а также

основной, положенный на устройство заводовъ и приспособленій, вовсе не принимается въ разсчетъ, и проценты съ него не причисляются къ издержкамъ производства; въ-четвертыхъ, наконецъ, недостатка въ техническихъ свѣдѣніяхъ здѣсь также быть не можетъ. Все это—такія условія, которыхъ недостаетъ многимъ частнымъ предпринимателямъ и за которыя они платятъ значительныя деньги, увеличивающія ихъ издержки производства. При всемъ томъ, они имѣютъ выгоду, тогда какъ казенные заводы приносятъ убытокъ въ пять мильйоновъ рублей. Это—такая загадка, передъ которой станетъ втупикъ самый находчивый умъ, такъ какъ подобныхъ послѣдствій нельзя объяснять даже злоупотребленіями. Къ послѣднему заключенію я прихожу на томъ основаніи, что подобное явленіе не есть случайность, но повторяется изъ года въ годъ, въ теченіи очень длиннаго періода времени и давно уже обращаетъ на себя вниманіе высшаго правительства. Еслибы причину подобнаго печальнаго положенія дѣлъ составляли злоупотребленія, то таковыя, конечно, были бы открыты и имъ былъ бы положенъ предѣлъ. Но если этого нѣтъ, если правительство продолжаетъ нести убытки, несмотря на то, что это ни для кого не составляетъ тайны, то тутъ нельзя предполагать злоупотребленій, а есть другія причины, лежащія гораздо глубже.

Экономическая школа, доводившая принципъ laissez faire laissez passer до его крайнихъ предѣловъ, основываясь на существующихъ подобныхъ примѣрахъ, утверждала, что правительственную сферу дѣятельности составляютъ только законодательство, судъ, полиція въ высшемъ значеніи этого слова и административная дѣятельность настолько, насколько она необходима для проявленія трехъ главныхъ функцій правительственной власти. На этомъ основаніи, она пришла къ заключенію, что никакая промышленная дѣятельность для правительства невозможна и всегда убыточна. Практика жизни скоро, однакожь, доказала несостоятельность подобнаго положенія. Съ одной стороны, невозможно было отвергать, что въ государствѣ существуютъ потребности, нетолько общія всѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, но и такія, безъ которыхъ немыслимо существованіе никакой коллективной единицы, а тѣмъ болѣе въ томъ видѣ, въ какомъ является нынѣшнее государство; съ другой — оказалось также безспорнымъ, что единичныя усилія частной предпріимчивости не въ состояніи были удовлетворять этихъ потребностей въ той мѣрѣ, какъ требовала жизнь, какъ вслѣдствіе слабости единичныхъ усилій такъ и вслѣдствіе затруднительности соглашеній для совокупной дѣятельности. Въ виду такого положенія дѣлъ, вѣря въ безусловность принципа laissez faire, laissez passer и поддерживая во что̀ бы то ни стало ученіе о невозможности промышленной дѣятельности для правительства, экономическая школа выдвинула принципъ акціонерной предпріимчивости, какъ нѣчто среднее между частной и правительственной иниціативой;

принципъ, съ одной стороны, какъ полагали, способный восполнить собою слабость единичныхъ усилій отдѣльныхъ лицъ; съ другой—позволяющій удержать правительственную власть на недосягаемой высотѣ однѣхъ отрицательныхъ функцій. Въ видахъ болѣе быстраго распространенія акціонерной предпріимчивости и въ видахъ поддержанія во всей чистотѣ принципа невмѣшательства правительства въ сферу промышленной дѣятельности, послѣдователи этой школы (а можетъ быть, и люди, провидѣвшіе въ этомъ для себя великія блага) облегчили до послѣдней крайности возможность образованія подобныхъ обществъ, установивъ сначала ограниченную отвѣтственность для этихъ обществъ, затѣмъ—безъименность акцій и, наконецъ, уничтожили даже необходимость законодательной санкціи, замѣнивъ ее простой нотаріальной явкой. Къ чести цивилизованнаго общества надо замѣтить, что во все время подобныхъ теоретическихъ увлеченій встрѣчались глубокіе умы, предостерегавшіе общество и указывавшіе ему невѣрность принятаго пути и недостаточность наблюденій для подобныхъ, безусловныхъ выводовъ. Они старались обратить вниманіе людей на то, что сама жизнь привела къ такому порядку, вслѣдствіе котораго нѣкоторыя отрасли промышленной дѣятельности, въ силу необходимости, составили функцію правительственной власти, и нѣтъ возможности передать ихъ въ частныя руки безъ того, чтобы общество не потерпѣло существеннаго вреда. Они утверждали, что этого послѣдняго неудобства не могло бы встрѣтиться, еслибы принципъ объ отрицательныхъ функціяхъ правительственной власти былъ абсолютно вѣренъ. Но всѣ усилія этихъ умовъ привели только къ нѣкоторымъ уступкамъ со стороны поклонниковъ узкой экономической школы, къ ученію о правительственныхъ регаліяхъ. Внѣ этой сферы они не допускали никакой положительной дѣятельности правительства, основываясь на отдѣльныхъ фактахъ нераспорядительности органовъ администраціи; экономисты этой школы не хотѣли вникнуть въ причины неудовлетворительнаго положенія казеннаго хозяйства, не искали средствъ къ установленію раціональности въ пріемахъ и гарантій этой раціональности, а просто отвергали самую возможность подобныхъ функцій правительственной власти. Однимъ словомъ—они рѣшали вопросъ, такъ сказать, не по существу, а только съ формальной его стороны. Что же касается примѣровъ неудовлетворительности казеннаго хозяйства, то они ссылались на него только въ подтвержденіе своей теоріи, безъ всякаго изслѣдованія причинъ неуспѣха, безъ всякаго анализа дѣятельности правительственныхъ органовъ и безъ критической ихъ оцѣнки. Между тѣмъ, только при такомъ способѣ изслѣдованія и возможно было правильно разрѣшить вопросъ объ активномъ участіи правительства въ сферѣ промышленной дѣятельности.

Впрочемъ, люди эти, проповѣдуя принципъ полной неспособности правительства къ промышленной дѣятельности, не замѣ-

чаютъ, въ какое противорѣчіе они впадаютъ съ самими собою, даже съ ихъ теоретической точки зрѣнія. Никто изъ этихъ людей не станетъ отрицать, что, признавая законодательство, суды, высшую полицію и администрацію до извѣстной степени естественными функціями государственной власти, они тѣмъ самымъ признаютъ компетентность этой власти для разрѣшенія всѣхъ наиболѣе важныхъ и наиболѣе сложныхъ вопросовъ государственной жизни и, притомъ, нетолько компетентность высшей власти, но и низшихъ ея органовъ. Такимъ образомъ, за государственной властью признается способность нетолько охранять правильность отношеній между отдѣльными лицами и обществомъ внутри государства, нетолько оберегать интересы цѣлаго общества отъ внѣшнихъ посягательствъ, но и способность установлять и регулировать эти интересы и отношенія. Всякій согласится, что выполненіе подобной задачи представляетъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ успѣшное веденіе какого бы то ни было промышленнаго предпріятія. Какимъ же образомъ можно утверждать, что людей, способныхъ завѣдывать такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ управленіе государствомъ, найти возможно, а людей, которые умѣли бы установить правильный порядокъ управленія какимъ бы то ни было промышленнымъ дѣломъ, если оно принадлежитъ государству — нельзя? Для всякаго администратора— будетъ ли эта правительственная, или промышленная дѣятельность — спеціальность вовсе не есть необходимость, ему нужна только извѣстная степень образованія и умѣнье выбирать людей. Само собою разумѣется, что и образованіе, и умѣнье выбирать людей, при завѣдываніи какой-нибудь отраслью государственнаго управленія, требуются въ бо̀льшей степени, нежели для завѣдыванія какою либо фабрикою или заводомъ. Мнѣ скажутъ, что въ послѣднемъ случаѣ нужна практическая опытность, но я полагаю, что наши горные заводы существуютъ не со вчерашняго дня, чтобъ можно было ссылаться на недостатокъ опытныхъ людей для завѣдыванія ими. Да еслибъ и былъ такой недостатокъ, то его можно всегда пополнить. Кромѣ того, мы часто встрѣчаемъ примѣры, что люди, состоящіе или состоявшіе на государственной службѣ, ведутъ свои промышленныя дѣла̀ съ большимъ успѣхомъ. Стало быть, недостатка въ способныхъ людяхъ быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что частные люди ихъ находятъ всегда; слѣдовательно, не здѣсь надо искать причину неудовлетворительнаго положенія дѣлъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ правительства, а въ чемъ-нибудь другомъ.

Несмотря, однакожь, на все сказанное, доктринеры продолжали утверждать, что правительство не можетъ и не должно вести промышленныхъ дѣлъ и что тамъ, гдѣ единичныя усилія недостаточны, тамъ выступаетъ на сцену дѣятельность акціонерныхъ обществъ. Скоро, однакожь, практика доказала несостоятельность этихъ взглядовъ. Вакханаліи акціонернаго дѣла на всѣхъ европейскихъ биржахъ, удобство, при такой формѣ

предпріятій, производить всякія мошенническія продѣлки и возможность обирать людей, желающихъ помѣстить сдѣланныя ими незначительныя сбереженія, доказали несостоятельность акціонернаго принципа, подорвали вѣру въ него и выдвинули вновь вопросъ о вмѣшательствѣ правительственной власти въ сферу промышленной дѣятельности. Въ принципѣ, вопросъ этотъ нынѣ рѣшается всѣми авторитетами науки въ пользу правительственной дѣятельности и остается открытымъ только въ предѣлахъ этой дѣятельности. Мнѣ кажется, что въ этомъ видѣ вопросъ и не подлежитъ положительному и точному рѣшенію разъ навсегда, такъ какъ потребности общества и средства къ ихъ удовлетворенію развиваются постоянно. Съ каждымъ днемъ могутъ возникнуть новыя потребности, изъ которыхъ одни могутъ вполнѣ удобно удовлетворяться частною иниціативой, другіе же могутъ требовать совокупныхъ усилій нѣсколькихъ или всѣхъ членовъ общества! Съ другой стороны, съ развитіемъ общества, могутъ открыться средства удовлетворенія посредствомъ частныхъ усилій такихъ потребностей, которыя до сихъ поръ могли удовлеряться только правительственной дѣятельностью. Такимъ образомъ, все зависитъ отъ обстоятельствъ и искуства администраціи. Если извѣстная потребность общества можетъ быть удовлетворена выгоднѣе и лучше при содѣйствіи правительственной власти, то, мнѣ кажется, нѣтъ никакого основанія прибѣгать къ содѣйствію частной иниціативы.

Но, независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній, могутъ быть и историческія условія, въ силу которыхъ государство поставлено въ совершенную необходимость вести различныя отрасли хозяйства. Въ такомъ положеніи находится наше отечество въ виду завѣщаннаго ему исторіей порядка вещей, въ силу котораго оно является собственникомъ огромнаго количества недвижимыхъ имуществъ: лѣсовъ, рудныхъ мѣсторожденій, каменноугольныхъ копей, горныхъ заводовъ и золотоносныхъ розсыпей. Всѣ эти богатства, при правильной ихъ эксплуатаціи, могли бы доставить громадные доходы, которые представили бы возможность облегчить народъ отъ тяжести падающихъ на него податей и повинностей. Къ сожалѣнію, наши лѣса и земельныя оброчныя статьи даютъ ничтожный доходъ въ сравненіи съ доходами частныхъ лицъ, а горные заводы, вмѣсто облегченія податныхъ тягостей, ложатся тяжелымъ бременемъ на плательщика налоговъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что правительство должно отказаться отъ всякой надежды на улучшеніе своего хозяйства и передать въ руки частныхъ лицъ какъ оброчныя статьи, такъ и горные заводы. Такую мѣру я считаю положительно невыгодной въ виду громадныхъ капиталовъ, затраченныхъ правительствомъ на устройство этихъ заводовъ. При настоящей дешевизнѣ подобныхъ имуществъ, частныя лица никогда не возвратятъ правительству даже незначительной части этихъ капиталовъ, и поэтому послѣднее, какъ мнѣ кажется, должно употреблять всѣ

усилія, чтобъ сдѣлать эти имущества производительными въ своихъ рукахъ и получать съ нихъ доходъ. Мнѣ кажется, что достиженіе подобныхъ результатовъ возможно и, притомъ, безъ особыхъ затратъ. — Если частныя лица находятъ возможнымъ вести дѣло, то правительству достигнуть благопріятныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ еще легче. Стòитъ только измѣнить систему.

Позволяю себѣ высказать въ этомъ отношеніи нѣсколько предположеній. Не беру на себя смѣлости думать, чтобъ эти предположенія могли окончательно разрѣшить вопросъ, но и не считаю себя вправѣ умолчать объ нихъ въ виду важности обсуждаемаго вопроса, и думаю, что они могутъ указать то направленіе, по которому можно придти къ болѣе удовлетворительному разрѣшенію задачи.

Во всѣхъ нашихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, принадлежащихъ правительству, усвоена совершенно ошибочная система управленія, которая страдаетъ слѣдующими недостатками:

1) Неизвѣстно почему, но у насъ установилось мнѣніе, что администрація дѣла должна находиться въ рукахъ техниковъ. Мнѣніе это такъ глубоко укоренилось въ нашемъ обществѣ, что, пожалуй, читатель сочтетъ меня сумасбродомъ, если я выражу сомнѣніе въ основательности такого мнѣнія. Но я выскажу нетолько сомнѣніе въ истинѣ подобнаго положенія, но и готовъ доказать, что это—одна изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, которая всегда и во всемъ приводила къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ При этомъ я долженъ замѣтить, что между техниками встрѣчаются иногда люди съ хорошими административными способностями; но это представляется исключеніемъ, и притомъ техникъ, сдѣлавшійся хорошимъ администраторомъ, долженъ перестать быть техникомъ и подчиниться всѣмъ условіямъ и требованіямъ своего административнаго положенія, на что̀ можетъ быть способенъ только человѣкъ, особенно развитой и получившій широкое образованіе. Послѣ этой оговорки, я представлю читателю нижеслѣдующія соображенія. Во всякомъ промышленномъ дѣлѣ вопросы экономическаго свойства стоятъ на первомъ планѣ, а потому первая задача администратора промышленнаго дѣла—разрѣшить вопросъ о его выгодѣ, при которомъ онъ долженъ принять въ соображеніе количество первоначальныхъ затратъ и оборотныхъ средствъ, ихъ стоимость, потребности и средства рынка, условія производства, средства и способъ доставки матеріаловъ и продуктовъ къ мѣстамъ производства и сбыта и массу данныхъ для точнаго ихъ опредѣленія; затѣмъ, онъ долженъ быть хорошо знакомъ съ своими права̀ми и обязанностями нетолько въ отношеніи тѣхъ лицъ, съ которыми вступаетъ въ сношенія, но и въ отношеніи мѣстнаго общества, его представителей и о̀рганов мѣстной власти; наконецъ, онъ долженъ быть настолько образованъ, чтобъ понимать предѣлы вѣдомства администраціи и не вмѣшиваться въ вопросы чисто техническаго свойства. Отсюда

видно, что администрація промышленнаго дѣла требуетъ много времени, труда и такихъ свѣдѣній, которыхъ вовсе не даетъ техническое, а только общее образованіе. Совмѣстить въ одномъ лицѣ администратора и техника положительно невозможно. Спеціальность тѣхъ свѣдѣній, изученію которыхъ посвящаетъ себя каждый техникъ, масса фактовъ и научныхъ положеній, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, настолько далеки отъ условій нашей общественной и практической жизни, что они всегда налагаютъ на умъ человѣка нѣкоторую узкость взгляда и неспособность къ широкимъ обобщеніямъ, необходимымъ въ области экономическихъ и юридическихъ вопросовъ, составляющихъ всю суть административной дѣятельности. Человѣкъ, посвятившій себя изученію техническихъ вопросовъ, придаетъ имъ всегда первенствующее значеніе и забываетъ, что техника не есть цѣль, а только средство для достиженія другихъ, высшихъ цѣлей. На этомъ основаніи, техника должна быть только орудіемъ администраціи и ни въ какомъ случаѣ не должна играть въ дѣлѣ первенствующую роль. Нельзя назвать хорошимъ то, что̀ хорошо только въ техническомъ отношеніи и убыточно въ экономическомъ.

Но помимо этого, есть и другія соображенія, которыя вредятъ дѣлу, когда администрація поручается технику. Ненадобно забывать, что техника далеко еще не сказала своего послѣдняго слова и что она, до сихъ поръ, есть еще искуство, хотя въ основаніи и имѣетъ неоспоримыя научныя положенія. При такомъ состояніи техническихъ знаній, въ нихъ многое подлежитъ спору и различнымъ толкованіямъ. Если же во главѣ администраціи находится техникъ, то, само собою разумѣется, что мнѣнія, которыхъ онъ держится, всегда будутъ имѣть авторитетъ и примѣняться на дѣлѣ, ка̀къ бы ни были они ошибочны, потому что человѣку свойственно довѣряться скорѣе своимъ взглядомъ на дѣло, чѣмъ чужимъ. Между тѣмъ, точныя науки быстро идутъ впередъ, и мы часто встрѣчаемъ молодыхъ техниковъ съ такими основательными свѣдѣніями, которыхъ старые не имѣютъ. Если же администрація находится въ рукахъ техника съ устарѣлыми взглядами, то знанія его помощниковъ пропадаютъ безслѣдно, и, затѣмъ, исчезаетъ всякая энергія послѣднихъ и устанавливается совершенно апатичное отношеніе къ дѣлу. Ко всему этому, административная дѣятельность, неимѣющая ничего общаго съ техническимъ дѣломъ, часто до такой степени поглощаетъ вниманіе техника-администратора, что онъ рѣшительно не имѣетъ возможности слѣдить за развитіемъ техническихъ усовершенствованій и пріемовъ, но, не желая ронять своего техническаго авторитета, продолжаетъ поддерживать старые порядки. Такимъ образомъ, администраторъ-техникъ является самымъ сильнымъ тормазомъ для всякихъ нововведеній и улучшеній. Ничего подобнаго нѣтъ въ частной предпріимчивости, въ которой техника всегда подчинена администраціи и, по необходимости, должна

сообразоваться съ ея требованіями. Но развѣ установленіе подобнаго порядка для правительства представляется невозможнымъ?

2) Другое зло нашей системы управленія промышленными заведеніями правительства, это—чины и служебная карьера нашихъ техниковъ. У насъ матеріальныя вознагражденія техниковъ недостаточны и дополняются правами на чины, получаемые за выслугу лѣтъ, и повышеніями въ административной іерархіи. Отсюда является то великое зло, что авторитетъ техника опредѣляется не успѣхомъ дѣла, которое онъ велъ, а продолжительностью его служебной дѣятельности и тѣмъ чиномъ, который онъ выслужилъ. При такомъ положеніи никакое знаніе, никакія способности не даютъ возможности молодому человѣку стать руководителемъ дѣла, пока онъ не дослужился до извѣстнаго чина и, вслѣдствіе этого, не получилъ извѣстнаго служебнаго положенія. Стало быть, нѣтъ никакихъ побудительныхъ причинъ для новыхъ изобрѣтеній и улучшеній въ области производства, такъ какъ служебная карьера пріобрѣтается только временемъ. Вслѣдствіе этого, наиболѣе талантливые люди переходятъ на службу къ частнымъ лицамъ или оставляютъ вовсе техническую дѣятельность; на службѣ же правительства остаются только тѣ, которымъ или судьба повезла случайно, или нѐкуда дѣваться.

3) Третья слабая сторона промышленной дѣятельности правительства состоитъ въ подчиненіи предпріятій не потребностямъ рынка и условіямъ производства, но другимъ цѣлямъ, чисто административнаго свойства, не имѣющимъ ничего общаго съ промышленными цѣлями. Такъ, напримѣръ, горные заводы выработываютъ не тѣ продукты, которые наиболѣе выгодны, а тѣ, которые требуются военнымъ или морскимъ министерствомъ.

4) Наконецъ, четвертая слабая сторона этого дѣла состоитъ въ отсутствіи дѣйствительнаго и гласнаго контроля, вслѣдствіе чего установившіеся безпорядки, господство рутины и полное апатичное отношеніе къ дѣлу пріобрѣли себѣ право гражданства. Само собою разумѣется, что отдѣлаться отъ этихъ бичей промышленнаго дѣла не легко, въ особенности когда причины неуспѣха предполагаются вовсе не въ томъ, въ чемъ онѣ дѣйствительно состоятъ.

Обращая вниманіе читателя на слабыя стороны промышленной дѣятельности казенныхъ горныхъ заводовъ, я не думаю, чтобъ я исчерпалъ вопросъ. Нѣтъ, я взглянулъ на него только à vol d'oiseau и знаю, что можно было бы указать на многое, еслибъ коснуться подробностей хозяйства; но это заставило бы меня удалиться отъ главной цѣли моего изслѣдованія. Тѣ соображенія, которыя я представилъ читателю о причинахъ неудовлетворительнаго положенія казеннаго хозяйства, я рѣшился высказать на томъ основаніи, что онѣ полезны будутъ и при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи сметы, такъ какъ мнѣ еще разъ придется встрѣтиться съ вопросомъ о промышленной дѣятель-

ности государства. Вотъ почему я просилъ бы читателя обратить вниманіе на эти указанія и запомнить ихъ.

Въ заключеніе настоящей моей бесѣды съ читателемъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, почему я такъ долго остановился на вопросѣ о возможности казеннаго хозяйства. Для нашего отечества это—вопросъ капитальной важности. Въ Россіи громадныя пространства принадлежатъ государству и эти пространства какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ своихъ представляютъ неисчерпаемыя богатства. Кромѣ того, Россія выстроила на 20 т. верстъ желѣзныхъ дорогъ почти исключительно на казенныя средства. На этотъ предметъ затрачено до мильярда рублей, въ настоящее время не приносящихъ государству никакого дохода. Но этимъ количествомъ желѣзныхъ дорогъ потребность въ нихъ далеко еще не удовлетворена, и правительству предстоятъ, въ этомъ отношеніи, новыя, быть можетъ, еще бо̀льшія затраты. Между тѣмъ, всѣ прежнія упованія на благодѣтельныя послѣдствія частной предпріимчивости и на содѣйствіе акціонерныхъ обществъ, въ виду печальной дѣйствительности, обнаружившейся нетолько у насъ, но и во всѣхъ европейскихъ государствахъ, должны исчезнуть. Въ такихъ обстоятельствахъ и въ виду установившагося мнѣнія, что государство не можетъ руководить промышленными предпріятіями, представляется слѣдующая дилемма: или отказаться отъ всякой надежды извлечь какія-либо выгоды изъ принадлежащихъ государству богатствъ и затраченныхъ имъ капиталовъ, или призвать частную иниціативу и, такимъ образомъ, во-первыхъ, создать биржевымъ тузамъ новый предлогъ для эксплуатаціи общества, а во-вторыхъ, предоставить имъ возможность укрѣпить за собою государственныя имущества при посредствѣ акцій и облигацій, безъ всякой затраты капитала. Опытъ прошлаго вполнѣ ручается за то, что содѣйствіе частной иниціативы не можетъ кончиться иначе. И та, и другая перспектива неособенно привлекательны, между тѣмъ какъ раціональное рѣшеніе вопроса объ эксплуатаціи самимъ правительствомъ несметныхъ богатствъ, ему принадлежащихъ, можетъ возвысить наши государственные доходы настолько, что податныя тягости или сдѣлаются нечувствительными, или могутъ вовсе исчезнуть.

Одна надежда на возможность осуществленія подобной перспективы уже достаточна для того, чтобъ признать положительно ложнымъ и вреднымъ ученіе, проповѣдующее, что раціональное хозяйство для правительства невозможно. Подобнымъ отрицаніемъ можно дойти логическимъ путемъ до слѣдующаго абсурда. Если для государства невозможно правильное управленіе своимъ имуществомъ, то тѣмъ менѣе возможно правильное управленіе всѣми государственными силами, а это было бы равнозначительно отрицанію самаго понятія о государствѣ.

А. Головачовъ.

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія).

IV.

Ну, вотъ, и на нашей улицѣ праздникъ. Да еще какой праздникъ-то: нами занимается самъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и намѣренъ предложить почтеннѣйшей публикѣ романъ на тэму «нѣкоторыхъ новыхъ явленій среди нашей молодежи». Я объ этомъ съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ отъ какого-то г. П., который побывалъ у нашего маститаго романиста въ деревнѣ, узналъ, какъ и что онъ пишетъ, какъ одѣвается и сморкается, и все это пропечаталъ въ № 207 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» подъ заглавіемъ: «У Ивана Сергѣевича Тургенева». Не буду, впрочемъ, лицемѣрить: я узналъ о праздникѣ на нашей улицѣ не только безъ величайшаго, а и безъ всякаго удовольствія, хотя и съ нѣкоторымъ интересомъ. Не то, чтобы я былъ обиженъ за своихъ братьевъ по духу и положенію, среди которыхъ, по передаваемому г. П. мнѣнію г. Тургенева, «не имѣется такого крупнаго типа, какъ Базаровъ, въ которомъ могъ бы находиться центръ тяжести всего романа». Нѣтъ, это какъ г. Тургеневу угодно будетъ, да и обиднаго тутъ, съ извѣстной точки зрѣнія, нѣтъ ничего; но я по совѣсти говорю, что самъ г. Тургеневъ—*не тотъ* «большой человѣкъ», появленіе котораго я предсказывалъ и который долженъ разсказать нашу исторію, воспѣть наши горести и радости. Замѣтьте, я говорю только, что онъ—не тотъ большой человѣкъ, котораго намъ нужно, а размѣровъ его вовсе не умаляю. Конечно, онъ—большой человѣкъ, потому что изъ разной дряни можетъ конфетку сдѣлать. Такой, напримѣръ, конфетки, какъ «Вешнія воды», никому теперь не сдѣлать, это—вѣрно, потому что г. Тургеневъ—большой человѣкъ. Большой, да не нашъ, Ѳедотъ, да не тотъ.

Когда-то было сказано, что г. Тургеневъ—человѣкъ «чуткій», что всякое нараждающееся явленіе онъ немедленно схватываетъ и облекаетъ въ художественные образы. Было это сказано очень вѣрно въ свое время. Но потомъ тутъ вышла такая же исторія, какая случается съ винными бутылками, поступающими съ тече-

ніемъ времени подъ баварскій квасъ и кислыя щи: правдивая для своего времени этикетка свидѣтельствуетъ, что нѣкогда бутылка содержала портвейнъ бѣлый, лучшій, старый; хоть эпитеты эти и для своего времени, можетъ быть, не совсѣмъ правдивы; но ужь во всякомъ случаѣ теперь-то въ бутылкѣ баварскій квасъ, и лавочникъ смѣло могъ бы содрать этикетку. Лавочникъ, однако, не сдираетъ, не обмана ради, потому что и онъ, и покупатель очень хорошо знаютъ въ чемъ дѣло, а такъ, Богъ знаетъ почему. Вотъ и г. П. не сдираетъ этикетки чуткости съ г. Тургенева, хотя очень хорошо могъ бы сообразить, что она на немъ держится *такъ*. Очень, говоритъ, будетъ интересно прочитать романъ г. Тургенева, «тѣмъ болѣе, что онъ, столь чуткій къ вліяніямъ времени, не затрогивалъ ни одной современной тэмы послѣ своего «Дыма». Чуткій, но не затрогивалъ; портвейнъ, но баварскій квасъ; Ѳедотъ, но не тотъ.

Это такъ естественно. Г. П. съ восторгомъ говоритъ о «почтенныхъ липахъ и дубахъ» тургеневской усадьбы, подъ тѣнью которыхъ «родилось и окрѣпло много поэтическихъ картинъ и образовъ, ставшихъ достояніемъ всего цивилизованнаго міра». Дѣло идетъ объ орловскомъ имѣніи маститаго романиста, селѣ Спаскомъ-Лутовиновѣ: «въ остальныхъ своихъ имѣніяхъ онъ бывалъ лишь ненадолго, больше по дѣламъ». Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы Спаское-Лутовиново давало ему пріютъ *надолго*. Нѣтъ, въ послѣдній разъ онъ былъ тамъ два года тому назадъ, а нынче пробылъ около полутора мѣсяца. Конечно, и за границей есть всякаго рода, возраста и положенія русскіе люди. Но г. Тургеневъ самъ разсказывалъ г. П.:—«Я всю жизнь прожилъ съ людьми, которымъ до моей литературной дѣятельности не было почти никакого дѣла. Въ настоящее время, многіе близкіе мнѣ люди даже вовсе не знаютъ по-русски». Не знаю ужь какъ все это вяжется съ чуткостью. Но когда я вспоминаю, что даже своего современника или почти современника, мѣщанина Бабурина, г. Тургеневъ заставилъ требовать, чтобы къ нему не просто входили въ комнату, а предварительно постучавшись, на заграничный манеръ, въ дверь, когда я вспоминаю это удивительное обстоятельство, я думаю: о, да, это—Ѳедотъ, несомнѣнно Ѳедотъ, но не тотъ.

И, право, я объ этомъ безъ малѣйшей грусти думаю: не тотъ, такъ не тотъ, лишь бы насъ въ покоѣ оставилъ. А онъ, вотъ, не хочетъ... Впрочемъ, доживемъ—увидимъ...

Ахъ, какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ г. Тургеневъ былъ современникомъ своего времени. Г. П. говоритъ, что «въ двадцать пять лѣтъ, протекшихъ со времени появленія «Записокъ Охотника», характеръ орловскаго пейзажа измѣнился довольно значительно: болота всѣ повысохли, лѣса повырублены... Помѣщичьи усадьбы, эти «дворянскія гнѣзда» былого времени, еще болѣе опустились и вросли въ землю, а многочисленныя деревушки, попрежнему, уныло сѣрѣютъ по скатамъ холмовъ

своими соломенными крышами». Кажется бы, вѣдь совсѣмъ пустяки: лѣса повырублены, болота повысохли, «дворянскія гнѣзда» опустились — словомъ, только *пейзажъ измѣнился*. Но моимъ читателямъ, конечно, очень хорошо извѣстны мнѣнія Бокля о вліяніи общаго вида страны, «пейзажа», на характеръ людей и цивилизаціи. Пейзажъ, самъ по себѣ, для художника—дѣло, съ позволенія сказать, плевое: пріѣхалъ, не то, что на полтора мѣсяца, а хоть на полтора дня, посмотрѣлъ на-право, посмотрѣлъ на-лѣво, сходилъ на охоту, съѣздилъ въ рощу—и все узналъ, т. е. пейзажъ-то. Но не такъ-то легко узнать, какъ отразился новый пейзажъ на людяхъ. Что-то теперь сталось съ меланхолическимъ и благороднымъ Лаврецкимъ, красой дворянскихъ гнѣздъ, съ изящными Кирсановыми и проч.? Придавило, должно быть, ихъ немного опустившимися усадьбами, такъ что даже віолончель Кирсанова не устанавливается, можетъ быть, въ комнатѣ. Кулики улетѣли, потому что болота повысохли; зайцы разбѣжались, потому что лѣса повырублены; поэтическія души завяли, потому что въ воздухѣ нѣтъ достаточной влаги—болота повысохли, лѣса повырублены. Но Лаврецкіе и Кирсановы, если далъ имъ Богъ вѣку и дожили они до нашихъ дней, сохранили еще въ себѣ запасъ влаги, накопленный съ дѣтства. А вотъ мы-то, ихъ дѣти, очень, очень позасохли, позачерствѣли...

Впрочемъ, какъ сказать... Глаза у насъ, конечно, не на мокромъ мѣстѣ (болота повысохли, лѣса повырублены), но слёзы намъ, все-таки—дѣло знакомое. По неизмѣннымъ физіологическимъ законамъ они подступаютъ къ горлу и мучительно щекочутъ. До чрезвычайности сократилось нынѣ число поводовъ къ этому физіологическому процессу, но тѣмъ, я думаю, сильнѣе даетъ онъ себя знать въ тѣхъ случаяхъ, когда еще имѣетъ мѣсто. Такъ что, въ концѣ концовъ, несмотря на измѣненіе орловскаго пейзажа, а отчасти, можетъ быть, даже благодаря этому измѣненію, никому не полагалось бы упрекать насъ въ черствости. А между тѣмъ, это случается очень часто.

Недавно, совсѣмъ на-дняхъ, я встрѣтилъ Башкина. Долго мы передъ тѣмъ съ нимъ не видались, на что были особенныя причины, ниже увидите—какія. Да и въ этотъ-то разъ встрѣча вышла очень странная. Измученный жарой, я присѣлъ къ одному изъ тѣхъ столиковъ, которые Доминикъ выставляетъ лѣтомъ на улицу, и пилъ пиво подъ якобы тѣнью чахлыхъ сиреней въ кадкахъ. У сосѣдняго столика сидѣли три человѣка, изъ которыхъ одинъ говорилъ мягко, лѣниво, но громко, спокойно и увѣренно. Онъ сидѣлъ ко мнѣ задомъ, но голосъ его былъ мнѣ слишкомъ знакомъ. Это былъ Башкинъ. Собесѣдники его были совсѣмъ молодые люди, мнѣ незнакомые.

— Вы меня извините, господа, говорилъ Башкинъ:—но, право, вы какіе-то сухари ныньче стали. Васъ, не то, что картиной или статуей, а и красивой женщиной не проймешь. Писаревъ, по крайней мѣрѣ, ругалъ Пушкина, грубо, наивно, по-дѣтски, но,

все-таки, значитъ, признавалъ въ немъ силу. А вы... помилуйте, вы даже говорить о Пушкинѣ не станете! Виноватъ, я знаю, что̀ вы хотите сказать, мягко остановилъ онъ одного изъ молодыхъ людей:—я не отрицаю благородства вашихъ стремленій: они стары, какъ міръ, и всегда такими были. Но видите ли въ чемъ дѣло: сухо ужасно все это, сухо, жостко, угловато. Это я въ вашихъ же интересахъ... Вы свое собственное дѣло въ скелетъ какой-то обращаете, снимаете съ него все мясо, всю красоту—ну и пугаете только людей. Скелетъ никогда ничего не сдѣлаетъ, именно потому, что онъ—скелетъ, мертвецъ. Въ этомъ смыслѣ Тургеневъ правъ, что Венера Милосская несомнѣннѣе принциповъ 89 года. Да вотъ посмотрите...

Башкинъ мотнулъ головой на проходившихъ мимо солдатъ съ музыкой.

— Вотъ, вѣдь, не будь музыки, эти молодцы не были бы такими молодцами.—Онъ самъ засмѣялся своей мысли.—А, баронъ, bonjour...

Башкинъ сдѣлалъ граціозный привѣтственный жестъ рукой по направленію къ офицеру, сопровождавшему солдатъ верхомъ. Офицеръ съ длинными рыжими усами поманилъ его къ себѣ; онъ подошелъ, и они объ чемъ-то дружески пошептались. A demain, крикнулъ офицеръ и затрусилъ впередъ, а Башкинъ вернулся на скамейку.

— Да̀, господа, сухари, сухари, началъ онъ опять. Но тутъ я не выдержалъ и сдѣлалъ глупость. Взглянувъ на эту красивую рожу, я почувствовалъ, ка̀къ кровь прилила мнѣ къ сердцу, и совершенно машинально спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— И Соня—сухарь?

Всѣ трое съ недоумѣніемъ на меня оглянулись, Башкинъ поблѣднѣлъ и нѣсколько секундъ смущенно смотрѣлъ на меня своими красивыми глазами, въ углахъ которыхъ успѣли уже обозначиться порядочныя «лапки». Онъ растерялся, что̀ съ нимъ случалось чрезвычайно рѣдко.

— А, Григорій Александровичъ, выговорилъ онъ, наконецъ, очень неловко, но руки мнѣ не протянулъ и хорошо сдѣлалъ, потому что иначе вышелъ бы еще пущій скандалъ. Я, не отвѣчая на привѣтствіе, повторилъ свой нелѣпый вопросъ. Но Башкинъ уже успѣлъ оправиться.

— Я не говорю о частныхъ случаяхъ, сухо сказалъ онъ.—Эй, человѣкъ! получите...

Всѣ трое поднялись и пошли по Невскому. Молодые люди нѣсколько разъ на меня оглядывались, а я сидѣлъ, какъ прикованный, съ безсильнымъ бѣшенствомъ сжимая ручку пивной кружки. Эта смазливая дрянь, который хотѣлъ оскорбить мою Соню и отскочилъ отъ нея самъ оплеванный и униженный, этотъ нераскаянный болтунъ смѣетъ насъ называть сухарями! Онъ почти серьёзно увѣренъ, что тѣ, кто не умиляется надъ

фарфоровыми фигурами и помпейскими древностями—совсѣмъ пропащіе, а, главное, черствые люди. А между тѣмъ, онъ видѣлъ, онъ знаетъ... Но очи даны ему затѣмъ, чтобы не видѣть, а уши, чтобы не слышать. Помимо моихъ отношеній къ Башкину, помимо самой его личности, въ его оцѣнкѣ я явственно различалъ нѣчто общее, типическое. И какъ ни добросовѣстно стараюсь я теперь взвѣсить гирю личнаго раздраженія, но вполнѣ сознаю, что не она выдавила изъ меня нелѣпый вопросъ, брошенный мной Башкину. Вы, конечно, сами слыхали или читали отзывы, подобные мнѣнію Башкина. Они очень обыкновенны—иногда помягче, иногда пожестче, иногда полиберальнѣе, иногда покруче; но всегда съ одною и тою же сердцевиной и почти всегда съ тѣмъ же видомъ сожалѣнія и сочувствія. И знаете что: это-то и противнѣе всего, эта мина сожалѣнія и сочувствія. Она устраивается, повидимому, съ тѣми же цѣлями, съ какими строятся мосты: для соединенія праваго и лѣваго берега рѣки. Мы отказываемся идти по этому мосту великодушія и сочувствія—такова ужь наша суть, наша характеристическая черта, съ исчезновеніемъ которой исчезаемъ и мы, а насъ за это обзываютъ черствыми сухарями, скелетами, какими-то мучными червями» и Богъ еще знаетъ какъ. Вотъ, кстати вспомнились мучные черви. Въ прошломъ нумерѣ «Отечественныхъ Записокъ» г. Профанъ выудилъ изъ «Недѣли» очень характерныя разсужденія г. Провинціальнаго Философа. Человѣкъ разсказываетъ, прямо сказать, геройскій поступокъ и прибавляетъ отъ себя со вздохомъ и миной грустнаго сочувствія: «какъ жестко, какъ угловато! какой скелетъ, какой мучной червь!» Если хотите, оно, и въ самомъ дѣлѣ, очень жестко и угловато. Не говоря уже о неблаговидности манеръ и неблагозвучіи выраженій, человѣку великодушно предлагаютъ кусокъ хлѣба, строятъ для него мостъ благотворительности, по которому можно перейти съ берега голода на берегъ кое-какой сытости, и онъ вдругъ отказывается! Отказывается рѣзко, напрямикъ, не помышляя о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь sauver les apparences, отказывается подъ тѣмъ единственнымъ предлогомъ, что хочетъ лучше голодать съ другими, чѣмъ быть сытымъ въ одиночку! Въ этой коротенькой, но поучительной исторіи негодованіе доктора и философа столь же характерно, столь же типично, какъ и поведеніе дѣвушки. Доктора и философа (какъ и Башкина) поражаютъ угловатость и отсутствіе той красоты, тѣхъ формъ красоты, къ которымъ они привыкли. Они думаютъ, что имѣютъ дѣло съ какою-то обнаженностью, и имъ становится неловко, почти стыдно, за обнаженныхъ, конечно. И до извѣстной степени они правы фактически. Обнаженность не обнаженность, а ужь тѣхъ «ста ризокъ», которыя поминаются въ загадкѣ о кочнѣ капусты, тутъ искать нѣчего. Хорошо это или дурно, это—особый вопросъ. Я думаю, что хорошо; но теперь я хотѣлъ бы только уяснить себѣ дѣло съ фактической стороны. Когда передъ

вами «стоитъ попокъ, на немъ сто ризокъ», вы имѣете дѣло съ загадкой, и хоть не надо быть сфинксомъ, чтобы знать ея смыслъ, но, все-таки, вы, можетъ быть, и не сразу сообразите, что это—просто капустный кочень. Многимъ нравится заворачиваться въ сто ризокъ, видѣть другихъ такихъ же завороченныхъ, ну, а мы не хотимъ загадокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, ихъ такъ много задаетъ мать-природа, что только-что, только-что въ пору и съ этими-то справиться. На кой же—извините меня—чортъ еще самимъ обращаться въ загадки? Поэтому, когда я вижу наглеца или болвана во всеоружіи нравственнаго нагиша, мнѣ скверно, конечно, но было бы еще сквернѣе, еслибы онъ умѣлъ или могъ прикрывать свое мѣднолобіе и свою нравственную грязь. Съ этимъ, я думаю, всякій согласится, то есть, съ тѣмъ, что безъ загадокъ удобнѣе. Но какъ только эта непреложная истина сталкивается съ разными порожденіями житейскаго моря, она немедленно подвергается всевозможнымъ урѣзкамъ, надставкамъ, заплаткамъ, и все—чисто эстетическаго свойства. Купецъ Аховъ у Островскаго очень хорошо знаетъ, что злодѣй-Иполитка вышелъ изъ-подъ его руки и что это ужь безповоротно кончено. А все-таки, требуетъ, даже не требуетъ, а униженно проситъ, чтобы Иполитка ему поклонился такъ, для виду. Ему картина благодарности нужна, только картина. Этакъ часто бываетъ. Знаетъ, напримѣръ, человѣкъ иной разъ, охъ, кàкъ знаетъ! что цѣна ему, собственно—грошъ и что, если мимоходящіе ломаютъ передъ нимъ шапки, такъ вовсе не передъ нимъ, а передъ его карманомъ, чтò ли, вообще передъ чѣмъ-нибудь такимъ, чего онъ завтра же можетъ лишиться и остаться, какъ ракъ на мели. А ему, все-таки, лестно, потому—картина. Знаетъ тоже иной разъ человѣкъ, что его сосѣдъ ему—жесточайшій врагъ, который, при первомъ удобномъ случаѣ, съ величайшимъ наслажденіемъ перерветъ ему горло. Но пока до этого момента не дошло, враги съ успѣхомъ фигурируютъ въ пріятной пасторали, благодаря гардеробу «ста ризокъ». Если кто этой эстетикой пропитался, такъ онъ и къ голодному человѣку можетъ, не краснѣя, обратиться съ такой, примѣрно, рѣчью: знаю я, братецъ, что ты голоденъ, очень понимаю и сочувствую, вотъ кàкъ сочувствую; но, понимаешь, этакъ не красиво: ты притворись, что сытъ, напѣвай какой-нибудь хорошенькій, веселенькій мотивчикъ, тросточкой помахивай, шляпу чуть-чуть на бокъ посади, и ты тогда увидишь, до какой степени я щедръ, великодушенъ, гостепріименъ. Вообще, до чрезвычайной пошлости и гнусности можно по этой дорожкѣ добѣжать, но все самымъ эстетическимъ манеромъ, такъ что глазу пріятно. Представьте же себѣ теперь людей, которые съ этой эстетикой покончили, сами отрясли прахъ ея отъ ногъ своихъ, да и за другими зорко наблюдаютъ, дабы они не проносили подъ своими ста ризками какой-нибудь контрабанды. Разсуждая по совѣсти и разуму, этихъ людей въ черствости упрекать нельзя, потому что они ищутъ правды, жаждутъ познанія

добра и зла и за разъ познанное добро готовы положить душу свою, вотъ какъ, напримѣръ, та дѣвушка, которую съ такимъ благороднымъ негодованіемъ обличилъ г. Провинціальный Философъ. Но именно этой готовности не замѣтитъ человѣкъ, воспитанный на упомянутой эстетикѣ, а замѣтитъ ту жесткость, съ которою производится досмотръ ста ризокъ. Замѣтитъ и скажетъ: кàкъ сухо, черство! какой скелетъ, какой мучной червь!

Не для того, чтобы трактовать о событіяхъ на Балканскомъ Полуостровѣ—куда ужь мнѣ! а только, чтобы показать, до чего можетъ простираться наша черствость, я загляну на минутку въ это море убійствъ и благороднѣйшихъ чувствъ, пожаровъ и краснорѣчивѣйшихъ воззваній...

Написалъ нѣсколько строкъ и вычеркнулъ — слишкомъ ужь черство выходитъ, до нецензурности черство. А между тѣмъ, клянусь вамъ, я желаю побѣды славянамъ сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ тѣ милыя и добрыя дамы, которыя ходятъ съ кружками по вагонамъ желѣзныхъ дорогъ; сильнѣе, сознательнѣе и чище, чѣмъ многіе газетные риторы, которые вдругъ поголовно обратились въ благороднѣйшихъ жрецовъ свободы... Нѣтъ, это въ сторону. Но, все-таки, для того, чтобы дать вамъ хоть нѣкоторый матеріалъ для сужденія о нашей черствости, я сообщу вамъ вопросъ, который теперь неотвязно, мучительно преслѣдуетъ меня. Кругомъ всеобщее возбужденіе. Естественно, что наверхъ всплываютъ тѣ, кто возбужденъ сильнѣе или умѣетъ казаться сильнѣе возбужденнымъ, или не встрѣчаетъ препятствій для выраженія своего возбужденія—тѣ, однимъ словомъ, кто отъ природы или по обстоятельствамъ голосистѣе. Россія есть прекрасная страна, въ которой, однако, много прохвостовъ, какъ и во всякой, впрочемъ, странѣ. Прохвосты тоже всплываютъ наверхъ. И меня чрезвычайно занимаетъ вопросъ: куда всѣ они дѣнутся, когда историческая волна, такъ или иначе, покончитъ съ турецко-славянскими событіями? Останутся ли они на поверхности, придавая ей свой цвѣтъ и запахъ, или исчезнутъ въ пучинѣ? Вопросъ чрезвычайно черствый и, такъ сказать, не своевременный, но, все-таки, любопытный. Приходилъ онъ вамъ въ голову, или нѣтъ, и кàкъ вы его разрѣшили, если приходилъ—этого я не знаю. Я только къ тому, что, при всей нашей любви, намъ приходятъ иногда въ голову жесткіе вопросы, за чтò на насъ и косятся. Оно и понятно. Стоитъ человѣкъ на площади и кричитъ: «ура!» Приходитъ другой человѣкъ и говоритъ: кричать-то ты кричи, а дай-ка я пересмотрю твои сто ризокъ. Жёсткій человѣкъ, неделикатный человѣкъ, энтузіазма и картинности не понимаетъ, мясо сдираетъ и собственное свое дѣло въ скелетъ обращаетъ...

Но такіе приговоры, если они произносятся прямо и просто въ судъ и во осужденіе—еще съ пола-горя. А вотъ, когда они являются съ кислосладкой приправой сочувствія и сожалѣнія—о, тогда это истинно обидно и противно! Другъ—такъ другъ, врагъ—

такъ врагъ, но друговрагъ или врагодругъ, въ родѣ Башкина, Провинціальнаго Философа и проч., это — нѣчто омерзительное, нѣчто самымъ кореннымъ образомъ противное той жаждѣ правды и познанія добра и зла, которою мы живемъ. Тяжкимъ и скорбнымъ путемъ достались намъ наша вѣра, наша надежда, наша любовь. Каждая точка этого горькаго пути есть для насъ историческое воспоминаніе, настолько еще свѣжее, что прикасаться къ нему надо очень осторожно. Только бездушнѣйшій человѣкъ, хоть бы онъ разпре-Ѳедотъ былъ, можетъ запускать неумѣлые пальцы въ зіяющія раны...

Вы хотите, конечно, знать, какъ все это такъ вышло. Я съ удовольствіемъ удовлетворю вашу любознательность. Не вдругъ, конечно, не съ разу, потому что тэма очень обширная, а понемножку и въ перемежку. Но мнѣ хочется сдѣлать разъ навсегда одну оговорку. Я чрезвычайно благодаренъ своимъ читателямъ, мало того, истинно сконфуженъ ихъ вниманіемъ. Не разъ ужь приходило мнѣ въ голову, что пора «закрыть форточку», то-есть, перестать писать и задавить въ себѣ все, что̀ просится наружу. Я чувствовалъ свое безсиліе. Благодарю тѣхъ, кто присылалъ мнѣ одобряющее и ободряющее слово. Но прошу васъ имѣть въ виду, что за всѣ эти страницы подлежу отвѣтственности только я, мизинный человѣкъ Григорій Темкинъ. Дѣлаю эту оговорку потому, что еще недавно получилъ письмо, въ которомъ «Въ перемежку» приписывается одному очень извѣстному и очень талантливому беллетристу. Ка̀къ ни лестна для меня такая ошибка, но она заставляетъ думать, что «Въ перемежку» есть, хотя бы только по замыслу, беллетристическое произведеніе и должно удовлетворять соотвѣтственнымъ требованіямъ. Между тѣмъ, я пишу ка̀къ Богъ на душу положитъ, о томъ, что̀ я, дѣйствительно, видѣлъ, слышалъ, пережилъ и переживаю. Поэтическій талантъ смѣло поднимается надъ дѣйствительностью, а я крѣпко держусь ея, потому что, за отсутствіемъ таланта, только этимъ и могу взять.

Теперь много говорятъ о деревнѣ, о мужикѣ, о простомъ русскомъ человѣкѣ. Говорятъ, какъ и всегда, много вѣрнаго и много вздорнаго. Я тоже пережилъ эту штуку и пришелъ къ извѣстнымъ результатамъ. Навязывать ихъ вамъ не буду, сами ужь разсудите, много ли въ нихъ вѣрнаго и есть ли что̀-нибудь вздорное, а я вамъ разскажу только нѣчто изъ исторіи моей и Сониной души, разскажу кое-что̀ (всего не разскажу) изъ того wie, wo und wann, warum mir so geschah.

Послѣ разныхъ передрягъ, которыя я вамъ, можетъ быть, когда-нибудь разскажу, а можетъ быть, и не разскажу, потому что онѣ не особенно любопытны, поселились мы съ Соней на квартирѣ не отъ жильцовъ, а въ настоящей квартирѣ въ двѣ ком-

наты, съ прихожей, кухней и хозяйскими дровами. Переманили съ собой патріархальную Василису, которая безъ памяти полюбила Соню, да и меня жаловала. Соня ежемѣсячно получала, какъ нѣкогда и я, двадцать-пять рублей отъ дяденьки-генерала. Она требовала-было всѣ свои пять тысячъ на одно предпріятіе, объ которомъ тоже—потомъ, но дяденька-генералъ или, вѣрнѣе, тётенька-генеральша отказала самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я перебивался кое-какою работишкой, дешевенькими уроками; иногда корректура попадалась. Обстановка наша была очень неважная, но жилось намъ весело, и русскій Мюрже могъ бы найти много подходящаго матеріала въ нашемъ житьѣ-бытьѣ. Гости у насъ бывали часто: дяденька-нѣмецъ, Бухарцовъ, Башкинъ, Нибушъ, съ которымъ меня судьба опять нечаянно столкнула, еще кое-кто. Соня, тогда еще просто—милый ребёнокъ, умный, добрый, веселый и очень впечатлительный, составляла центръ всего нашего общества. Надо быть Тургеневымъ, чтобы изобразить тѣ невидимые радіусы, которые соединяли этотъ центръ съ каждымъ изъ насъ. Я объ этомъ не помышляю. Надо замѣтить, что, относясь, приблизительно, одинаково къ своему центру, мы очень разнообразно относились другъ къ другу. Бухарцовъ, кажется, не замѣчалъ людей, то-есть, не различалъ ихъ, всѣмъ проповѣдывалъ свои теоріи, со всѣми шутилъ, со всѣми бранился; читалъ намъ систематическія лекціи по естественнымъ наукамъ, и только незадолго передъ смертью обратилъ особенное вниманіе на Нибуша. Какіе-то у нихъ таинственные разговоры происходили, куда-то они вмѣстѣ уходили, а возвращались порознь или, наоборотъ, уходили порознь, а возвращались вмѣстѣ. Нибушъ просто благоговѣлъ передъ Бухарцовымъ и даже нѣсколько боялся его. Онъ любилъ кутнуть, но, будучи навеселѣ, старался не попадаться Бухарцову на глаза. Зато онъ очень не жаловалъ Башкина и всячески старался его уязвить или оборвать, что̀, впрочемъ, удавалось рѣдко. Я тоже скоро не взлюбилъ Башкина, и, признаться сказать, тутъ, кажется, ревность замѣшалась. Я ревновалъ Соню. Мнѣ казалось иногда, что элегантный красавецъ слишкомъ пристально на нее смотритъ. Въ концѣ-концовъ, я угадалъ... Самъ Башкинъ былъ со всѣми одинаково холодно-вѣжливъ и охотнѣе всего разговаривалъ объ разныхъ древностяхъ и рѣдкостяхъ съ дяденькой-нѣмцемъ. Тотъ былъ преисполненъ самаго униженнаго почтенія къ нему, а насъ всѣхъ не одобрялъ, особенно Нибуша, которому не могъ простить его вывороченной на изнанку фамиліи, свидѣтельствовавшей о его происхожденіи съ лѣвой стороны.

Скоро у насъ поселился и жилецъ, совсѣмъ, впрочемъ, особенный. Дѣло такъ происходило. Возвратившись разъ съ урока домой, я съ величайшимъ удивленіемъ увидалъ слѣдующую сцену. Посреди нашей парадной комнаты стояло на двухъ стульяхъ корыто, а въ немъ барахталось и пищало какое-то маленькое существо. Около него возились, засучивъ рукава, Соня и Васи-

лиса, а возлѣ, сложивъ руки и тяжело вздыхая, стояла совершенно незнакомая мнѣ пожилая женщина.

— Соня, что̀ это такое?

— Гриша, голубчикъ, возьми тамъ на столѣ рецептъ, сбѣгай въ аптеку, да поскорѣе...

— Да что̀ же это такое? откуда?

— Ахъ, ступай скорѣй, потомъ разскажу...

— Ишь, намъ Богъ дитю послалъ, пояснила Василиса, нагибаясь надъ корытомъ и усиленно работая руками.

Я рѣшительно ничего не понималъ. Даже ни одна догадка не лѣзла въ голову. Оказалось вотъ что̀. На улицѣ у Сони попросила милостыни женщина съ ребёнкомъ на рукахъ. Соню поразилъ ужасно болѣзненный видъ ребёнка: его несоразмѣрно большая голова была покрыта вся и съ лицомъ какой-то безобразной, красной, мѣстами гноящейся коростой. Женщина пояснила, что мальчику уже три года, что онъ былъ здоровъ, ходилъ, говорилъ, но вотъ, съ полгода назадъ, съ нимъ что̀-то приключилось: сталъ сохнуть, ноги отнялись, говорить пересталъ, а лицо, голова и мѣстами тѣло покрылись коростой. Соня вспомнила объ одномъ знакомомъ дѣтскомъ докторѣ, жившемъ неподалеку, и повела къ нему женщину съ ребёнкомъ. Докторъ объяснилъ, что короста, несмотря на свой ужасный видъ — пустяки, но что у ребёнка есть еще такія-то и такія то (не умѣю ужь сказать какія) очень серьёзныя болѣзни «Ребёнку нуженъ чистый воздухъ, хорошая пища, тщательный уходъ, ванны, заключилъ докторъ. — Ничего этого онъ, очевидно, не имѣетъ и имѣть не можетъ: значитъ, и лечить его нѐчего. Пожалуй, я пропишу что̀-нибудь, да что̀ толку-то? онъ все равно больше двухъ недѣль не выживетъ. Вы его чѣмъ кормите-то?» обратился онъ къ женщинѣ. «Что̀ сами, батюшка, ѣдимъ, то и ему».— «Теперь постъ. Значитъ, и капусту, и рѣдьку, и квасъ?» — «Такъ точно: что̀ сами, то и ему.»—«Ну, вотъ, обратился докторъ къ Сонѣ. — Вы вотъ что̀, Софья Александровна, добавилъ онъ, шутя:—возьмите-ка мальчишку къ себѣ; я вамъ его въ два мѣсяца такъ выправлю, что и не узнаете». Но Сонина мысль и безъ того уже работала въ этомъ направленіи. А тутъ еще такое сопоставленіе: «больше двухъ недѣль не выживетъ» и «въ два мѣсяца выправлю такъ, что и не узнаете». Соня рѣшила и просила доктора, изъ дружбы къ ней, заняться мальчикомъ. Докторъ не ожидалъ этого. Онъ сталъ объяснять трудность задачи: уходъ нуженъ самый тщательный, придется ночи не спать; такія дѣти бываютъ невыносимо капризны и, по мѣрѣ того, какъ у ребёнка будутъ прибавляться силы, онъ будетъ первое время еще капризнѣе; наконецъ, такихъ дѣтей въ Петербургѣ множество, это—не рѣдкость какая-нибудь; съ чего же именно этотъ будетъ вырванъ у смерти? да и зачѣмъ?... Соня, разумѣется, ничего этого знать не хотѣла. Она знала только, что ребёнокъ или двухъ недѣль не выживетъ, или поправится че-

резъ два мѣсяца, и что она можетъ повернуть это дѣло и такъ, и иначе. Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе. Женщина, носившая ребёнка на рукахъ, была ему совсѣмъ чужая. Она была только знакомая его матери и брала его съ собой въ своихъ прогулкахъ по городу, въ качествѣ нищей. Мать же была беременна на послѣдяхъ, она—поденщица, отецъ — фабричный рабочій. Съ ними и надо было уговариваться. Нищая, къ которой ребёнокъ, очевидно, уже привыкъ, изъявила, впрочемъ, согласіе поселиться у насъ въ качествѣ няньки и даже немедленно отправиться къ намъ на квартиру, предоставляя Сонѣ вѣдаться съ родителями ребёнка. На томъ и порѣшили. Все это случилось впродолженіи тѣхъ трехъ часовъ, когда я шатался по урокамъ.

Разсказывая этотъ случай, я вовсе не думаю ставить его въ какую нибудь особенную заслугу Сонѣ. Очень знаю, что это—обыкновеннѣйшая изъ обыкновенныхъ исторій, свидѣтельствующая только о впечатлительности и готовности быстро и цѣликомъ отдаться доброму чувству. Не сталъ бы я и огородъ городить, еслибы только это имѣлъ разсказать вамъ. Не думайте впрочемъ, что, по крайней мѣрѣ, ниже васъ ждутъ яркія событія или геройскіе поступки. Нѣтъ, вся исторія, сама по себѣ, очень маленькая, но по своему воспитательному значенію, по тому душевному процессу, который она въ насъ возбудила, она очень любопытна.

Родители мальчика жили далеко на Лиговкѣ. По животрепещущимъ мосткамъ мы прошли въ самую глубь обширнаго, но грязнаго, вонючаго и немощенаго двора и вошли въ какое-то... помѣщеніе. Именно «помѣщеніе», выбираю такое общее названіе потому, что ни на что̀ въ частности «помѣщеніе» не было похоже. Это было что̀-то въ родѣ довольно большаго, полутемнаго сарая, по стѣнамъ котораго и на полу висѣла и лежала мѣстами разная рухлядь. Въ одномъ углу жарко топилась большая русская печка и около нея суетились, вооруженныя ухватами, двѣ женщины съ засученными рукавами и подоткнутыми подолами. Въ другомъ углу еще одна женщина укачивала ребенка въ зыбкѣ, прикрѣпленной къ шесту, упиравшемуся въ потолокъ. Было темно, жарко, душно, угарно. Ребёнокъ кричалъ во все горло; женщины дружно, на перебой угощали кого-то отсутствующаго самыми отборными ругательствами. Онѣ съ любопытствомъ на насъ посмотрѣли и точно нарочно долго переспрашивали и тянули отвѣтъ, чтобы имѣть возможность наглядѣться на насъ, въ особенности на Соню. Наконецъ намъ было указано ка̀къ пройти къ Марьѣ —такъ звали искомую мать нашего пріемыша. «Помѣщеніе» оказалось разгороженнымъ на нѣсколько клѣтушекъ, и въ одной изъ нихъ мы нашли Марью. Она лежала на чемъ-то въ родѣ наръ и съ трудомъ приподнялась намъ навстрѣчу. Я боюсь впасть въ банальность, описывая вамъ страшную худобу, блѣдность, что̀ называется, ни кровинки

въ лицѣ, заострившійся носъ и синіе круги вокругъ огромныхъ, точно разодранныхъ глазъ этой женщины. Все это такъ знакомо, по крайней мѣрѣ, по описаніямъ искусныхъ романистовъ. Знакомо и сине-багровое пятно на одной скулѣ—слѣдъ чьего-то кулака, и безобразно поднявшійся кверху животъ, вслѣдствіе чего спереди платье высоко обнажало опухлыя и грязныя ноги. Но знать по описанію – не то, что̀ видѣть живьемъ. Я въ первый разъ въ жизни встрѣчалъ такъ близко такую почти буквально непокрытую бѣдность и былъ пораженъ. Но въ особенности поразила меня одна подробность. Въ клѣтушкѣ не было рѣшительно ничего такого, что̀ показывало бы, что тутъ живутъ люди и удовлетворяютъ хотя бы самымъ начальнымъ своимъ потребностямъ въ родѣ пищи и одежды—ни стоптаннаго башмака, ни обглоданной корки хлѣба, ни задрипанной юбки, ни сальной свѣчки, ничего, ничего, кромѣ... кофейника! Старый, сильно погнутый и грязный жестяной кофейникъ стоялъ на окнѣ и не то сиротливо, не то гордо посматривалъ на окружавшее его отсутствіе всякаго присутствія. Перебирая теперь всю эту исторію, я вынужденъ припоминать, то есть, дѣлать нѣкоторыя умственныя усилія. Самый образъ испитой Марьи уже значительно стушевался въ моей памяти, но этотъ неожиданный, невозможный, невѣроятный кофейникъ и до сихъ поръ стоитъ передо мной такъ ясно, что я почти готовъ протянуть руку и пощупать его. Чѣмъ онъ такъ поражалъ, я хорошенько не знаю: должно быть, именно своею единственностью, но смотрѣть на него было, по истинѣ, ужасно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти смѣшно. Можетъ быть, впечатлѣніе это уяснится вамъ сравненіемъ. Много лѣтъ спустя послѣ исторіи съ пріемышемъ, мнѣ попалась въ руки опись подлежащаго продажѣ имущества крестьянъ-недоимщиковъ одной волости. Въ одной графѣ вереницей слѣдовали другъ за другомъ Петры Ивановы и Иваны Петровы, а въ другой—противъ каждаго имени выписано было его имущество. У кого корова, у кого двѣ, у кого лошадь, строеніе, у кого что̀, но нашелся одинъ такой трагикомическій Антонъ Бѣлоноговъ, противъ имени котораго было четкою писарскою рукою написано: «пенджакъ». Антонъ Бѣлоноговъ—пенджакъ, и больше ничего. Ни дома, ни гуся, ни вола, ни осла, а такъ какое-то безвоздушное пространство и въ немъ болтается «пенджакъ»... Замѣтьте, что опись эту я видѣлъ не въ Петербургской или Московской Губерніи, а въ довольно глубокой провинціи, такъ что цивилизованный обликъ «пенджака» получалъ еще особенную пикантность. Я не могъ, глядя на него, удержаться отъ смѣха, но, еслибы я его видѣлъ такъ же близко, какъ Марьинъ кофейникъ, такъ, можетъ быть, и не до смѣху было бы.

Оба жильца клѣтушки, Марья и ея кофейникъ, встрѣтили насъ сначала не то что холодно, а какъ-то тупо. Шли мы довольно храбро, и, хоть кое-какія сомнѣнія насчетъ успѣшности

предпріятія шевелились въ моей головѣ, но я не хотѣлъ разочаровывать Соню. А она нималѣйше не сомнѣвалась.

— Я ничего не буду говорить, ничего не буду просить, говорила она съ спокойствіемъ человѣка, идущаго взять вещь, имъ самимъ положенную въ извѣстное мѣсто:—я передамъ только какъ докторъ сказалъ: или черезъ двѣ недѣли умретъ, или черезъ два мѣсяца поправится...

Но вся обстановка Марьи, со включеніемъ кофейника и синебагроваго пятна на ея скулѣ, насъ сильно смутила, и, должно быть, мы не особенно толково изложили свою петицію. Во всякомъ случаѣ, по нашей ли винѣ, отъ неожиданности ли предложенія, или по природной тупости, но Марья довольно долго не могла взять дѣло въ толкъ. Во время переговоровъ, въ клѣтушку мало-по-малу набрались и остальные обитатели «помѣщенія», собственно тѣ три женщины, которыя насъ встрѣтили. Одна изъ нихъ явилась съ ребёнкомъ на рукахъ, вѣроятно, отчаявшись въ возможности укачать его въ зыбкѣ. Это была самая бойкая. Она съ разу поняла въ чемъ дѣло и какого мы полета птицы.

— Чего призадумалась, Марья? говорила она, энергически жуя хлѣбъ и еще болѣе энергически вправляя пальцемъ жеванину въ ротъ ребёнка.—Чего думать? Ишь, господа добрые. Недолго тебѣ ждать-то—гляди, можетъ, и сегодня къ вечеру экого-же родишь. Не въ Сибирь ссылаешь, не на вѣкъ. Я бы свою Анютку и на вѣкъ отдала. Хочешь къ господамъ, Анютка? Возьмите и мою...

Анютка заревѣла.

— У-у! дура!..

Марья колебалась.

— Я что-жь?.. намаялась я съ имъ... Вы не обидите... Только, вотъ, Никаноръ Петровичъ какъ... Безъ его нельзя...

— Это кто же, Никаноръ Петровичъ?

— Мужъ ейный, пояснила энергическая баба.—Гулёна... загулялъ, вотъ, ужь никакъ недѣли съ двѣ: придетъ пьяный, да и уйдетъ не тверёзый. Да онъ что! онъ Бога молить долженъ...

Какъ ни какъ, Марья сдалась и, какъ только сдалась, такъ и разсыпалась въ благодарностяхъ, и залилась слезами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разогрѣлся и кофейникъ: онъ пожелалъ насъ угостить изъ своей утробы. Не онъ собственно, а Марья, и даже не сама Марья, а энергическая баба, напомнившая ей объ обязанности гостепріимства. Мы отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что некогда. Да оно, и въ самомъ дѣлѣ, некогда было: надо было торопиться домой, чтобы мыть, мазать, кормить и проч. ребёнка. Порѣшили мы на томъ, что Ванюшка остается пока у насъ, а тамъ—какъ Никаноръ Петровичъ скажетъ, когда свой загулъ кончитъ.

Выбравшись, напутствуемые всяческими благодареніями и пожеланіями, довольно, впрочемъ, въ сущности холодными и, какъ

бы сказать, казенными, форменными, на улицу, мы вдругъ, богъ знаетъ по какому побужденію, обнялись. Соня тихо плакала; у меня тоже что-то въ горлѣ саднѣло. То было, впрочемъ, не непріятное чувство, во всякомъ случаѣ, очень сложное. Психологъ нашелъ бы тутъ и радость успѣха, и нѣкоторое самодовольство, и, можетъ быть, то чувство, о которомъ говоритъ, кажется, Лукрецій: чувство удовольствія наблюдать съ безопаснаго берега бурю, которая топитъ корабли и людей. Намъ было хорошо, мы были хороши. Наша плохенькая, но, все-таки, уютная квартира такъ выигрывала отъ сравненія съ клѣтушкой Марьи и со всѣмъ «помѣщеніемъ». Наши чувства, несомнѣнно добрыя и налаженныя выше обычнаго строя, казались еще выше рядомъ съ грубымъ юморомъ энергической бабы и тупостью Марьи, такъ быстро согласившейся отдать намъ свое дѣтище. Конечно, мы себя не разбирали, не анализировали, что̀ у насъ тамъ въ душѣ копошится. Мы были просто довольны собой... Соня сіяла. Теперь она уже рѣшила, подъ вліяніемъ успѣха, что Ванюшка останется у насъ навсегда, что мы изъ него сдѣлаемъ какого-то совершенно необыкновеннаго человѣка, и Богъ знаетъ еще какого милаго вздора наговорила она мнѣ, пока мы тряслись на извозчичьихъ дрожкахъ до дому.

Начались у насъ новые порядки, и любопытно было видѣть, ка̀къ относился къ нимъ весь нашъ кружокъ. Соня вся отдалась ребёнку, цѣлый день съ нимъ возилась, самымъ педантическимъ образомъ исполняя всѣ приказанія доктора, не спала ночей. Ребёнокъ былъ, дѣйствительно, очень капризенъ. При малѣйшемъ отказѣ въ какомъ-нибудь его требованіи, онъ сердито сжималъ свои худенькія, высохшія, какъ плети, ручки въ кулаки и ка̀къ-то злобно мычалъ, оглядываясь по сторонамъ, точно пойманный звѣрёкъ. Но и онъ полюбилъ Соню. Василиса ворчала напропалую, но дѣла дѣлала не меньше, а даже больше Сони. Нищая-нянька только выносила Ванюшку гулять, а все остальное время спала и ѣла съ нечеловѣческою жадностью, точно стараясь на будущее время наѣсться. Дяденька-нѣмецъ совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить. Башкинъ тоже сталъ бывать гораздо рѣже и относился къ безобразному больному ребёнку, ко всѣмъ мазямъ, притираньямъ, лекарствамъ и ваннамъ, которыми, такъ сказать, переполнилась наша квартитира, съ видимою гадливостью. Онъ, впрочемъ, старался скрыть это. Бухарцовъ объявилъ, что, въ случаѣ понадобятся деньги, такъ чтобы къ нему обращались, хотя, собственно у него, по обыкновенію, не было ни копейки. Нибушъ сталъ аккуратно являться въ тѣ часы, когда я уходилъ на уроки, и съ величайшею готовностью бѣгалъ и въ лавочку за отрубями для ванны, и въ аптеку за лекарствомъ, и даже готовилъ, въ случаѣ надобности, вмѣсто Василисы, обѣдъ.

Расходы были большіе. Нужны были новые источники доходовъ. Соня написала дяденькѣ-генералу письмо, въ которомъ

имѣла неосторожность изложить всю исторію съ полной точностью, съ просьбой о присылкѣ денегъ за четыре мѣсяца впередъ. Отвѣтъ былъ написанъ самой генеральшей Темкиной. Она рѣшительно отказывала, ссылаясь на свою обязанность беречь Сонино «приданое», которое, дескать, этакъ не замедлитъ пойти прахомъ и которое ей понадобится для ея дѣтей по выходѣ замужъ. Не помню ужь, кàкъ была формулирована эта послѣдняя мысль, но фраза вышла язвительная и двусмысленная: злая баба, несмотря на весь свой либерализмъ, притворилась, что не вѣритъ разсказу о пріёмышѣ, которому уже три года; она намекала, что это сынъ самой Сони. Соня только разсмѣялась. Принялись мы искать работы, то-есть я, Соня и Нибушъ. Кàкъ мы ея искали, разскажу въ другой разъ, потому что это весьма поучительно. Теперь скажу только, что поиски наши успѣхомъ не увѣнчались. Насъ выручалъ Бухарцовъ, добывавшій деньги, не знаю ужь какими путями, въ совершенномъ для насъ изобиліи.

Прошла недѣля, прошла другая. Мальчикъ видимо и чрезвычайно быстро поправлялся. Можетъ быть, это только такъ казалось, потому что быстро спадала безобразная короста, но и вообще всѣмъ ходомъ леченія докторъ былъ очень доволенъ. Посылали мы разъ нищую-няньку на Лиговку справиться, кàкъ тамъ идутъ дѣла. Оказалось, что Марья родила мертваго и лежитъ хвòрая, а Никаноръ Петровичъ все еще гуляетъ. Прошла еще недѣля, и Никаноръ Петровичъ, наконецъ, явился. Пришелъ онъ въ отсутствіе мальчика—Соня и нянька повели его гулять. Никаноръ Петровичъ, типическій безпутный фабричный, маленькій, тщедушный, чтò называется, плюнуть и растереть, явился сильно на-веселѣ. Отъ предложеннаго ему стула онъ отказался, прислонился, заложивъ руки за спину, къ дверному косяку и не безъ граціи перекинувъ нога за ногу.

— У васъ находится мой сынъ Иванъ, началъ онъ и пошатнулся, и замолчалъ.

— Папиросочку, Никаноръ Петровичъ, нашелся Нибушъ.

Никаноръ Петровичъ закурилъ и сѣлъ.

— У васъ находится мой сынъ Иванъ, началъ онъ опять видимо приготовленную рѣчь.—Какъ я есть отецъ... на какомъ основаніи? Съ супругой моей вы уговоръ имѣли, но какъ я есть отецъ...

— Позвольте, Никаноръ Петровичъ, мы съ супругой вашей никакого уговора не имѣли, потому что она безъ васъ не рѣшалась. Вотъ, теперь и будемъ говорить; мы васъ давно ждали. Вамъ, вѣдь, вѣрно сообщала Марья чтò докторъ сказалъ...

— Господинъ докторъ сказали, будто отъ капусты, напримѣръ, и рѣдьки... нездоровье... Ну, кàкъ мы можемъ заработать, между прочимъ, больше капусты, то позвольте спросить, на какомъ основаніи находится у васъ мой сынъ Иванъ?

Никаноръ Петровичъ строго и торжественно смотрѣлъ на меня своими заплывшими, мутными глазами. Я терялся.

— Да помилуйте, Никаноръ Петровичъ, какое же тутъ основаніе? Безъ всякаго основанія. Просто, ему у насъ лучше—вотъ, и лекарства, и все...

Меня выручилъ Нибушъ.

— Знаете что̀, Никаноръ Петровичъ, перебилъ онъ мою рѣчь:—господинъ Темкинъ теперь занятъ; нельзя ли до другого раза? до завтра, къ примѣру, а?

— Какъ я есть отецъ...

— Я понимаю, Никаноръ Петровичъ, понимаю... Да мы вотъ какъ... Тутъ сейчасъ рядомъ трактиръ есть, такъ мы туда. Объ этакомъ дѣлѣ надо честь честью Мы переговоримъ съ вами теперь, я и передамъ господину Темкину ка̀къ и что̀. А потомъ ужь у васъ окончательные разговоры съ нимъ будутъ.

— Ежели съ благороднымъ человѣкомъ, на благородномъ, напримѣръ, основаніи...

Они ушли. Нибушъ очевидно торопился увести Никанора Петровича до прихода Сони, и я былъ ему за это глубоко благодаренъ. Но, вѣдь, это—только отсрочка. Въ строгомъ и торжественномъ тонѣ Никанора Петровича было что̀-то зловѣщее. Онъ что̀-то слишкомъ напиралъ на то, что онъ отецъ, то-есть владыка этого маленькаго, больного, безпомощнаго созданія. Я не скрылъ своихъ опасеній отъ Сони, когда она вернулась. Она сильно встревожилась. Сталъ собираться народъ: сначала Башкинъ, потомъ Бухарцовъ. Башкинъ объяснилъ таинственную фразу Никанора Петровича «на какомъ основаніи?» въ томъ смыслѣ, что онъ «желаетъ получить нѣкоторое вознагражденіе за удовольствіе видѣть своего сына здоровымъ и сытымъ». Онъ совѣтовалъ или немедленно разстаться съ Ваней и, вообще, бросить всю эту затѣю, или же заключить съ Никаноромъ Петровичемъ какое-нибудь формальное условіе. Бухарцовъ предлагалъ смѣлый планъ: увезти мальчика, примѣрно, на годъ, куда-нибудь въ провинцію, а тамъ—что̀ Богъ дастъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Нибуша. Но онъ пришелъ очень поздно и — увы! совершенно пьяный. Кое-какъ съумѣлъ онъ сообщить только, что Никаноръ Петровичъ—«скотина» и что его слѣдуетъ остерегаться.

Развязка не заставила себя ждать. Дня черезъ три, въ отсутствіе мое и Сони, Никаноръ Петровичъ взялъ мальчика, уведя съ собою и нищую-няньку. Василиса пробовала-было протестовать, но онъ грозилъ полиціей, вытребовалъ дворника и—побѣдилъ. Когда мы вернулись, мы застали только Василису, горько плакавшую надъ развалинами гнѣзда, свитого было для Вани. Соня, измученная безсонными ночами и дневными тревогами, успѣвшая вдобавокъ уже сильно привязаться къ мальчику, въ которомъ видѣла отчасти какъ бы свое созданіе, слегла и прохворала мѣсяцъ. За это время я побывалъ на Лиговкѣ, но Ни-

канора Петровича не засталъ, а Марья, съ новыми сине-багровыми иллюстраціями на лицѣ, только охала и безсильно махала руками. Мальчикъ, какъ я гораздо позже случайно узналъ, умеръ...

Увѣряю васъ, что въ этомъ бѣгломъ очеркѣ я не прибавилъ къ дѣйствительности ни единаго украшенія отъ себя. Все было именно такъ, какъ сказано. Марья, дѣйствительно, чрезвычайно быстро согласилась отдать намъ мальчика. Никаноръ Петровичъ, дѣйствительно, взялъ его назадъ, по причинамъ, которыя такъ и не выяснились. Сомнѣваюсь, чтобы въ немъ говорила любовь къ сыну. Если же и жила въ немъ та инстинктивная привязанность къ своему порожденію, которая у звѣрей едвали не сильнѣе, чѣмъ у человѣка, то она, во всякомъ случаѣ, тонула въ болѣе или менѣе постороннихъ чувствахъ, въ своего рода требованіяхъ приличія, въ гордости, въ самодурствѣ. Это я подчеркиваю, то есть тупость Марьи и свинство Никанора Петровича. И еще подчеркиваю вотъ что̀: мы въ этой исторіи были совершенно чисты, если не считать нечистью нѣкоторое самодовольство, достигавшее иногда, я долженъ откровенно признаться, нѣсколько чрезмѣрной напряженности. Тѣмъ не менѣе, именно этотъ случай, какъ я теперь, оглядываясь назадъ, ясно вижу, положилъ мнѣ въ душу зерно теперешняго моего отношенія къ дѣламъ сего міра. А оно удивительно отличается отъ того наивно-радужнаго настроенія, въ которомъ мы возвращались съ Соней съ Лиговки домой. Совѣсть, спокойная, какъ зеркало, въ которое я любовался на себя, какъ Нарцисъ — гдѣ она?! Ея нѣтъ: она быльемъ поросла, она замѣнилась мучительнымъ процессомъ покаянія, хотя я ничего дурного въ легальномъ смыслѣ не сдѣлалъ. Того скрыто-презрительнаго, неопредѣленно-снисходительнаго отношенія къ мрачнымъ обитателямъ мрачнаго помѣщенія на Лиговкѣ--тоже и въ поминѣ нѣтъ. Оно смѣнилось почти завистью, хотя я очень хорошо знаю, что Марья — тупица, Никаноръ Петровичъ—свинья, а одинокій кофейникъ большихъ радостей въ жизни не дастъ. Это—штука чрезвычайно тонкая, и я не боюсь васъ обидѣть предположеніемъ, что вы ея, можетъ быть, не поймете, если, разумѣется, не пережили на своей собственной шкурѣ. Всякій нарождающійся общественно-психологическій процессъ кажется сначала чрезвычайно запутаннымъ и неяснымъ, такъ что трудно даже формулировать его, разсказать словами.

Когда сравниваютъ теперешнее состояніе русскаго общества съ нѣкоторыми предшествовавшими блестящими періодами, то обыкновенно почти отплевываются и говорятъ: вотъ была жизнь, вотъ когда люди жили, а теперь что̀? тьфу! Что въ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ, наполняющемъ собой авансцену, господствуютъ или чисто утробная жизнь, или полнѣй-

шая скука и апатія, это—такъ. Но что кроется въ обществѣ и жизнь настоящая, глубокая—это тоже вѣрно. Представители этой жизни—зачѣмъ скрытничать?—мы. Смѣйтесь, пожалуй, если хотите; но, по извѣстной поговоркѣ, справедливо смѣется только послѣдній. Много есть тому признаковъ и документовъ, я приведу только два. Во-первыхъ — самоубійства. Смерть, какъ признакъ и доказательство жизни, можетъ вамъ показаться парадоксомъ, но когда я вамъ въ свое время разскажу какъ и что̀, такъ вы увидите. Во-вторыхъ, литературные толки о народѣ. Разбирать, ка̀къ, почему, что̀ и кто говоритъ на эту тэму—не мое дѣло. Я знаю только, что говорятъ. На что̀ ужь «Вѣстникъ Европы», ежемѣсячный покойникъ, въ желто-красномъ гробу съ виньеткой Шарлеманя, и тотъ заговорилъ. Это наша мысль, наша жизнь, наша кровь въ ходъ пошла. И увѣряю васъ, что эта жизнь ничѣмъ не хуже жизни лучшихъ представителей русскаго общества прежнихъ временъ. Я рѣшаюсь даже сказать, что она глубже, по той простой причинѣ, что исторія идетъ впередъ и вопросы, нѣкогда только намѣченные, ставитъ передъ сознаніемъ и совѣстью во всей ихъ наготѣ, такъ что увертываться отъ нихъ или нѣтъ возможности, или не является желанія. Обратите, пожалуйста, вниманіе на оба эти пункта: возможность и желаніе. Это очень важно. Въ моей жизни былъ одинъ, довольно-таки тягостный періодъ, когда я могъ только размышлять. Это время я употребилъ на соображеніе разныхъ историческихъ параллелей и сравненій и пришолъ, между прочимъ, къ такому результату, что всякій общественно-психологическій процессъ, имѣющій будущность, производится двумя силами: чисто матеріальною, непреоборимою невозможностью для людей не поступать извѣстнымъ образомъ, и силою духовною, сознаніемъ правоты, справедливости такого образа дѣйствій. Ну-съ, такъ вотъ въ нашемъ дѣлѣ оба эти пункта есть на лицо. Первый пунктъ, силу матеріальную, неумолимый, прямо сказать, голосъ желудка, составляющій прямое послѣдствіе измѣненія орловскаго пейзажа, вы увидите, надѣюсь, съ достаточною ясностью, когда я вамъ разскажу, ка̀къ мы съ Соней и Нибушемъ искали работы. А теперь о силѣ духовной, о голосѣ совѣсти.

Съ годъ тому назадъ я перечитывалъ одну старую, но превосходную русскую книгу. Меня поразилъ въ ней слѣдующій эпизодъ. Бесѣдуютъ лучшіе представители сороковыхъ годовъ, умные, остроумные, образованные, полные гуманнѣйшихъ чувствъ и благороднѣйшихъ стремленій. Блескъ, шумъ, остроты, жизнь кипитъ. Между прочимъ, одинъ изъ собесѣдниковъ затрогиваетъ какую-то тэму въ родѣ «діалектическаго процесса саморазвивающейся идеи»—не помню ужь въ точности. Другой собесѣдникъ блѣднѣетъ и проситъ перестать. Нѣсколько колкихъ фразъ, и затѣмъ разговоръ прекращается. Авторъ, видимо взволнованный, въ глубоко-прочувствованныхъ выраженіяхъ говоритъ, что собесѣдники поняли, что они чужіе и что у каждаго изъ нихъ что̀-

то съ болью оторвалось отъ сердца.—Я понимаю историческую законность подобныхъ явленій, но такъ, со стороны, отвлекаясь отъ исторической точки зрѣнія, мнѣ, признаюсь, чудно̀, что люди вкладывали столько души въ споры о діалектическомъ процессѣ саморазвивающейся идеи (Знаю, что подлежу за это уличенію въ черствости—ну, и пусть). Сообщилъ я это впечатлѣніе одному пріятелю. Онъ не согласился со мной. «Ка̀къ ни какъ, сказалъ онъ:—а люди жили: а теперь что̀? тьфу!» Дѣйствительно, теперь что̀? Мнѣ случалось бывать въ одномъ кружкѣ очень милыхъ людей. Тутъ было нѣсколько писателей, художниковъ, студентовъ, нѣсколько соотвѣтственныхъ дамъ. Такъ какъ это были люди вполнѣ порядочные, то тутъ не было ни дикаго пьянства, ни какихъ-нибудь другихъ безобразій, ни даже мужскаго заигрыванія съ женскимъ кокетствомъ. И было бо̀льшею частью томительно. Кое-кого вывозилъ темпераментъ, кое-гдѣ по временамъ завязывались бесѣды, иногда очень остроумныя и оживленныя, но въ цѣломъ далеко не было того горячаго тона, который сквозитъ, напримѣръ, въ упомянутомъ разговорѣ о размолвкѣ изъ-за діалектическаго процесса саморазвивающейся идеи. Выручало какое-нибудь внѣшнее возбужденіе, въ родѣ стакана вина или музыки. Отчего это? Отчего! Да отъ всего, отъ всякой мелочи. Отчего! ужь, конечно, не отъ недостатка жизни, а только отъ невыясненности нарождающагося общественно-психологическаго процесса. Насколько я успѣлъ присмотрѣться къ этимъ людямъ, насколько я знаю ихъ общественное положеніе, неумолимая жизнь загнала ихъ всѣхъ въ одинъ и тотъ же, приблизительно, кругъ убѣжденій и чувствъ. Діалектическій процессъ саморазвивающейся идеи для нихъ выѣденнаго яйца не сто̀итъ, а не то что какого-нибудь серьёзнаго волненія. Въ томъ, что̀ къ нимъ ближе, они во всемъ существенномъ согласны. Такъ что та форма обмѣна мыслей, которая называется споромъ, здѣсь рѣдко можетъ имѣть мѣсто. А тутъ еще ежечасно вторгаются разныя житейскія мелочи, заставляющія прикусить ихъ языкъ. Извольте, напримѣръ, взглянуть на такую мелочь — одну изъ тысячи. Кухарка вноситъ самоваръ. Отъ тяжести и чтобы защитить лицо отъ пара, она откинулась немного назадъ и въ сторону; лицо ея отъ натуги покраснѣло и искривилось. Всѣмъ присутствующимъ извѣстно, что кухарка продѣлываетъ эту операцію по нѣскольку разъ въ день и еще множество другихъ за шесть, за семь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Но, кромѣ того, всѣмъ присутствующимъ, какъ людямъ образованнымъ и благомыслящимъ, очень хорошо извѣстна та политико-экономическая истина, что трудъ есть мѣрило цѣнностей и что обмѣнъ услугъ справедливъ только при условіи равенства. Выходитъ такого рода противорѣчіе между мыслью и жизнью, что людямъ поневолѣ становится другъ друга совѣстно. Пока имѣлъ цѣну вопросъ о діалектическомъ процессѣ саморазвивающейся идеи и тому подобныя вещи, они играли роль мушки или гор-

чичника: оттягивали вниманіе даже благороднѣйшихъ людей отъ ежечасныхъ противорѣчій, въ которыхъ они стояли. Но теперь, поневолѣ, приходится снимать одна за другою всѣ «сто ризокъ» и имѣть дѣло съ тою обнаженностью, которая такъ не нравится Башкину, Провинціальному Философу и имъ подобнымъ друзьямъ красоты.

Прибавьте еще, что, заявляя объ этомъ противорѣчіи, рискуешь показаться смѣшнымъ, какъ рискую въ эту минуту я. Но я ужь на то пошелъ. Я безбоязненно встрѣчаю улыбку на вашемъ лицѣ. Вы вспоминаете юмористическій разсказъ объ икрѣ, кототорую лучше бы не ѣсть, а продать и деньги отдать бѣднымъ. Нѣтъ, то—филантропія и довольно глупая филантропія, а я о собственной шкурѣ хлопочу: *мнѣ* тяжело. Поймите, ради Христа, крайнюю серьёзность и даже трагичность этого положенія. Мнѣ подвернулась подъ руку мелочь. Я могъ бы поговорить и о болѣе крупныхъ вещахъ... но не поговорю. Да, вѣдь, и мелочи, оставляя каждая на душѣ чуть-чуть замѣтный слѣдъ горечи, въ суммѣ могутъ просто отравить жизнь. Притомъ, каждая такая мелочь можетъ иногда и сама по себѣ вырости до чрезвычайно большихъ размѣровъ.

Позвольте разсказать случай именно съ кухаркой. Вы уже имѣете понятіе о Василисѣ: простая, милѣйшая баба, немного ворчунья, очень привязанная къ Сонѣ и ко мнѣ. Между прочимъ, она особенно часто ворчала на насъ за хозяйственную безпорядочность. Хозяйство наше было, въ самомъ дѣлѣ, не велико и не обильно, но порядку въ немъ было мало. Соня пробовала-было заводить приходо-расходную книгу, но убѣдилась, что отъ этого ни тепло, ни холодно. Иногда мы въ своемъ родѣ роскошествовали, а иногда сидѣли, что̀ называется, на экваторѣ, закладывали вещи, должали въ лавки и за квартиру. Василиса намъ строго за это выговаривала и называла, въ чисто ругательномъ смыслѣ, «барчатами» и «шалопутами». Однажды мы и сами замѣтили, что сахаръ у насъ чрезвычайно быстро выходитъ (простите, что я все съ такими мелочами), но только поговорили объ этомъ, такъ сказать, констатировали фактъ. Представьте же себѣ наше изумленіе, когда мы разъ застали на мѣстѣ преступленія похищенія сахара никого иного, какъ нашего строгаго ментора—Василису! Она сидѣла задомъ къ намъ на корточкахъ передъ большой жестянкой и выгребала изъ нея сахаръ къ себѣ въ передникъ.

— Василиса, что̀ ты дѣлаешь?

Василиса быстро обернулась съ испуганно-озлобленнымъ лицомъ (я только два раза въ жизни и видѣлъ такія лица). Потомъ, вдругъ что̀-то необычайно наглое мелькнуло у нея на лицѣ. Она поднялась, съ грохотомъ опорожнила передникъ и просто крикнула:

— Что̀ дѣлаю! сахаръ ворую!

Мнѣ еще недавно вспомнился этотъ крикъ, когда я прочелъ

въ газетахъ отвѣтъ одного крестьянина-подсудимаго на вопросъ предсѣдателя, чѣмъ онъ занимается: «прежде хлѣбопашествомъ занимались, а теперь кражами занимаемся». Но это было, должно быть, сказано совершенно спокойнымъ тономъ, да и вообще совсѣмъ другой смыслъ имѣло. Мнѣ припомнилось только сходство выраженій. Съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, вся красная, съ рыданіями, Василиса прокричала намъ грозную филиппику. Я боюсь испортить передачей дикую энергію этой рѣчи и передамъ только ея содержаніе. Василиса винила насъ за то, что у насъ все открыто и отперто, что мы, «барчата», сдѣлали ее воровкой, чѣмъ она съ роду не бывала, что мы «бѣднаго человѣка погубили». Все это сопровождалось сильной жестикуляціей, рыданіями и завершилось объявленіемъ, что она, Василиса, не хочетъ жить въ такомъ «проклятомъ домѣ» и требуетъ разсчета. Мы были совершенно поражены и не нашли ни одного слова для отвѣта. Никакой, собственно, вины мы за собой не знали, а между тѣмъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ разъяренной Василисы сквозило полнѣйшее сознаніе ея правоты. Ея бранная рѣчь была до такой степени убѣдительна, не логичностью своею, разумѣется, а пыломъ, свидѣтельствовавшимъ о ея невинности и нашей виновности, что въ глубинѣ души мы *должны* были сказать: виноваты. Я не знаю, чѣмъ мы были виноваты, знаю даже, что лично мы не были виноваты. Но знаю тоже вотъ что̀: если воръ, пойманный вами съ поличнымъ, не отпирается, не оправдывается, а вамъ самимъ бросаетъ въ лицо обвиненіе и если вы чувствуете, что есть что̀-то въ его словахъ вѣрное, такъ надо бѣжать изъ этой комбинаціи условій. А ка̀къ бѣжать? Куда бѣжать?

Василиса прошла къ себѣ въ кухню, и долго мы слышали ея всхлипыванія и какой-то шорохъ: это она укладывала свои вещи. Мы молча разошлись по своимъ кроватямъ. Долго я ворочался, но, наконецъ, заснулъ. Меня разбудила Соня со свѣчкой въ рукѣ.

— Хочешь, Гриша, кофею?

— Какой кофе ночью? Ты съ ума сошла, Соня.

— Вставай, пойдемъ, мы съ Василисой пьемъ, помирились.

Я всталъ. Дѣйствительно, Василиса съ Соней сидѣли около самовара и кофейника и какъ ни въ чемъ не бывало разговаривали о томъ, что надо бы дровъ завтра же купить, потому что совсѣмъ мало осталось. Василиса, еще красная и со слѣдами слёзъ, была совершенно спокойна, только какъ-то еще любовнѣе прежняго относилась къ Сонѣ. Что̀ у нихъ тамъ было, ка̀къ произошло примиреніе—я никогда не могъ узнать. На мои разспросы Соня всегда отвѣчала: «очень просто—я къ ней пришла, и мы помирились». Съ этихъ поръ обѣ женщины стали закадычными пріятельницами, несмотря на разницу лѣтъ. И когда, впослѣдствіи, Соня исчезла, исчезла съ нею и Василиса...

Но это я очень далеко впередъ забѣжалъ. Много воды уте-

кло между исторіей неудавшагося пріемыша и уличеніемъ Василисы въ воровствѣ. Много радостей и горестей улеглось въ этотъ промежутокъ времени, и многое еще мнѣ надо вамъ разсказать, чтобы вамъ стали понятны наши чувства и послѣдній крупный случай въ нашей жизни: исчезновеніе Сони...

Извините, что плохо разсказываю.

Г. Темкинъ.

БОСНІЯ И ГЕРЦЕГОВИНА ВО ВРЕМЯ ВОЗСТАНІЯ.

Through Bosnia and the Herzegovina on foot during the insurrection, august and september 1875, with an historical review of Bosnia and a glimpse at the Croats, Slavonians, and the ancient republic of Ragusa. By Arthur Evans. London 1876.

Хотя политика англійскаго правительства издавна поддерживала «больного человѣка» въ Стамбулѣ и при министерствѣ Дизраэли дошла до геркулесовыхъ столбовъ туркофильства, но ни въ одной европейской литературѣ не существуетъ столько основательныхъ и безпристрастныхъ описаній современнаго положенія славянскихъ народовъ, стонущихъ подъ жестокимъ игомъ дикихъ, азіатскихъ варваровъ. Отрѣшаясь отъ всякихъ національныхъ и религіозныхъ предразсудковъ, такіе уважаемые писатели и серьёзные изслѣдователи описываемыхъ странъ, какъ Дентонъ, Фарлей, Форситъ, миссъ Ирби и другіе [1], въ цѣломъ рядѣ сочиненій многосторонне и безпристрастно знакомятъ насъ съ внутреннимъ строемъ, политическимъ положеніемъ, экономическими и этнографическими условіями Оттоманской Имперіи, въ которой, по краснорѣчивому выраженію Дентона,

---

[1] Пасторъ Дентонъ, нѣсколько лѣтъ жившій въ Турціи, издалъ извѣстное сочиненіе, переведенное на русскій языкъ «Servia and the servians», «A ride through Montenegro», и въ прошломъ году «The Christians in Turkey». Другой знатокъ Востока, основатель Лиги, для помощи христіанамъ въ Турціи, Льюисъ Фарлей, написалъ цѣлый рядъ книгъ, пользующихся большимъ авторитетомъ: «Modern Turkey», «Ressources of Turkey», «Decline of Turkey», «Turks an Christians» и проч. Форситъ, извѣстный писатель, авторъ «Исторіи Цицерона», членъ парламента, въ послѣднее время прославившійся пламенными нападками на министерство Дизраэли за его восточную политику, напечаталъ небольшую, но чрезвычайно обстоятельную компиляцію, составленную по достовѣрнымъ источникамъ «The Slavonian provinces south of the Danube». Миссъ Ирби, вмѣстѣ съ лэди Мьюръ-Макензи, написали одно изъ лучшихъ путешествій по Европейской Турціи: «Travees in the Slavinian provinces of Turkey in Europe».

«съ одной стороны—нравственная испорченность господствующихъ классовъ, особливо правительственнаго, достигла до такой степени разнузданности, что, говоря о ней, оскверняешь уста, а съ другой—несчастные христіанскіе народы ежедневно подвергаются насилію и оскорбленіямъ хуже смерти, тогда какъ плодороднѣйшія страны въ мірѣ превращены въ дикія пустыни». Къ числу подобныхъ любопытныхъ разсказовъ о современномъ положеніи славянскихъ провинцій Европейской Турціи присоединилась недавно новая книга Артура Эванса: «Чрезъ Боснію и Герцеговину пѣшкомъ, во время возстанія 1875 года» [1]. Въ легкой, часто художественной формѣ, Эвансъ разсказываетъ о прогулкѣ, совершенной имъ, вмѣстѣ съ братомъ, по странѣ, сосредоточивающей на себѣ всеобщее вниманіе и гдѣ небольшая горсть славянъ начала борьбу, мало-по-малу принявшую размѣры великой войны за независимость угнетенной національности. Отличаясь зоркой наблюдательностью, замѣчательнымъ безпристрастіемъ и основательнымъ знакомствомъ со всѣми предъидущими описаніями посѣщенныхъ имъ странъ, даже съ извѣстнымъ сочиненіемъ Гильфердинга въ нѣмецкомъ переводѣ, онъ обстоятельно знакомитъ читателя съ этнографическимъ и политическимъ положеніемъ *вилайета* (провинціи) Босніи и его *санджака* (округа) Герцеговины, какъ говорится на офиціальномъ турецкомъ языкѣ, рисуетъ подробныя характеристики разнороднаго населенія страны: мусульманъ, православныхъ и католиковъ, а также турецкихъ чиновниковъ и, наконецъ—въ этомъ главный интересъ его книги—представляетъ любопытную картину первыхъ вспышекъ и главныхъ причинъ нынѣшняго возстанія. Къ описанію своего путешествія, первыя главы котораго посвящены австрійскимъ славянамъ, а послѣдняя Рагузѣ, Эвансъ прибавилъ очеркъ исторіи Босніи, въ которомъ обращаетъ особое вниманіе на секту богомиловъ, этихъ, по его словамъ, «стойкихъ бойцевъ реформаціи въ самые дикіе дни католическаго суевѣрія и первыхъ пуританъ, духовному вліянію которыхъ одолжены многимъ всѣ протестантскія церкви, хотя онѣ этого и не сознаютъ». Конечно, для насъ представляетъ мало интереса эта сторона исторіи Босніи, хотя Эвансъ увѣряетъ, что она имѣла важное значеніе для Англіи и всѣхъ образованныхъ государствъ Западной Европы; точно также мы совершенно равнодушны къ остаткамъ римскихъ древностей въ Босніи, которыя привлекали особое вниманіе нашего путешественника; но для насъ очень любопытенъ и важенъ его взглядъ на современное положеніе и возможную будущность Босніи и Герцеговины.

---

[1] Артуръ Эвансъ извѣстенъ въ Англіи какъ ученый археологъ и нумизматъ. Онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій о древнихъ монетахъ и въ настоящее время предпринялъ ученое путешествіе въ Лапландію, для геологическихъ, этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Приступая къ изложенію своихъ выводовъ въ концѣ историческаго очерка, Эвансъ, прежде всего, указываетъ на рѣзкое различіе между Сербіей, въ которой мусульмане составляли незначительное меньшинство пришельцевъ-завоевателей, и Босніей, гдѣ болѣе трети населенія, весь классъ землевладѣльцевъ состоитъ изъ славянъ-ренегатовъ, принявшихъ исламъ для сохраненія своихъ феодальныхъ правъ надъ поселянами. Дѣйствительно, исторія Босніи подъ турецкимъ владычествомъ составляла только исторію древняго, феодальнаго королевства, съ измѣненіемъ именъ и названій: мусульманская каста тиранствовала, вмѣсто католической, надъ угнетеннымъ православнымъ народомъ; мусульманскіе аристократы, подъ именемъ *капетановъ* и *беговъ*, царили въ тѣхъ же феодальныхъ твердыняхъ, гдѣ властвовали ихъ предки христіане; а народъ, сохраняя свои славянскія стремленія къ христіанской вѣрѣ и общинному устройству, смиренно подчинялся тѣмъ же феодальнымъ поборамъ, какъ и при христіанскихъ повелителяхъ. Но, хотя боснійскіе мусульмане сохранили въ языкѣ и обычаяхъ много остатковъ своей христіанской старины, они, все же, благодаря ренегатству, постоянной борьбѣ съ окружающими ихъ христіанами и изолированному положенію отъ чуждаго вліянія, даже въ Стамбулѣ измѣняющаго строгую преданность корану — доселѣ отличаются пламеннымъ фанатизмомъ. Однако, въ послѣднее время, этотъ фанатизмъ направленъ нетолько противъ христіанъ, но и противъ турецкихъ властей, которыя съ 1850 года обязали ихъ служить въ турецкой арміи и уничтожили ихъ феодальныя привилегіи, хотя изъ боязни къ ихъ могуществу не смѣютъ строго примѣнять на практикѣ введенныя реформы. «Въ одномъ, говоритъ Эвансъ: — босняки, какъ мусульмане, такъ и христіане, согласны между собой — въ ненависти къ туркамъ; и тѣ, и другіе одинаково стремятся къ независимости». Всѣ эти соображенія приводятъ Эванса къ тому заключенію, что настоящая, очень шаткая, связь Босніи съ турецкимъ правительствомъ должна быть порвана, тѣмъ болѣе, что, по своему географическому положенію, Боснія и Герцеговина составляютъ какъ бы полуостровъ, соединенный съ остальными турецкими владѣніями узкимъ перешейкомъ. Но тутъ является роковой вопросъ: что̀ будетъ съ Босніей и Герцеговиной по освобожденіи ихъ отъ Турціи?

Въ этомъ отношеніи Эвансъ видитъ только трудность въ разрѣшеніи религіознаго вопроса и полагаетъ, что, если самимъ этимъ странамъ или Европѣ удастся обезпечить свободу вѣроисповѣданія всѣмъ тремъ религіямъ, мусульманской, католической и православной, то уже остальное все устроится само собой. Если же этотъ результатъ не будетъ достигнутъ и христіане станутъ такъ же преслѣдовать мусульманъ, какъ мусульмане преслѣдовали доселѣ христіанъ, то кровопролитію, безпорядкамъ и бѣдствіямъ не будетъ конца. «При благополучномъ же разрѣшеніи ре-

лигіозной диллемы, говоритъ онъ:—будущность Босніи внушаетъ много надеждъ. Все ея населеніе имѣетъ одну кровь, одинъ языкъ, одни обычаи; національный характеръ босняковъ стойкій, здравомыслящій, и уже давно Ами Буэ [1] сравнивалъ ихъ братьевъ сербовъ съ англичанами. Они какъ бы рождены для парламентскаго правленія и прекрасно къ нему подготовлены общиннымъ устройствомъ. Правильная государственная система, однажды введенная подъ мирнымъ покровительствомъ могущественныхъ сосѣднихъ націй, привела бы сама собою къ развитію производительныхъ силъ страны, богатой, еще во времена Рима и Рагузской Республики, золотомъ и серебромъ и донынѣ имѣющей непочатыя сокровища ртути, лучшей въ Европѣ, желѣза и каменнаго угля. Всѣ эти источники богатства, благоденствія и цивилизаціи въ настоящее время закрыты, только благодаря скопищу великаго нечестія—Стамбулу. Отчего же, наконецъ, не пресѣчь съ нимъ всякую связь и не образовать независимаго государства подъ гарантіей Европы? Конечно, демократическій духъ народа предпочелъ бы республику, какъ лучшую форму правленія, но различіе въ населеніи, вѣроятно, не допуститъ съ самаго начала этой правительственной формы, и княжество, по образцу свободной Сербіи могло бы соединить парламентское правленіе съ объединительной силой монархіи.

Несмотря на все безпристрастіе Эванса и очевидное его сочувствіе къ несчастной судьбѣ угнетенныхъ славянскихъ народовъ, въ этомъ проектѣ независимой Босніи проглядываетъ какъ бы врожденное въ англичанинѣ желаніе противодѣйствовать предполагаемымъ замысламъ Россіи на Константинополь. Впрочемъ, онъ оканчиваетъ свой историческій очеркъ откровенными и знаменательными словами: «предполагать, что освобожденіе южныхъ славянъ, босняковъ, сербовъ изъ Старой Сербіи и болгаръ, что̀ рано или поздно должно непремѣнно случиться, послужитъ къ увеличенію могущества Россіи потому только, что языкъ въ этихъ странахъ сроденъ съ русскимъ—все-равно, что еслибъ кто-нибудь сталъ сопротивляться освобожденію и объединенію Италіи на томъ основаніи, что Франція станетъ сильнѣе. Если французы имѣли когда-нибудь замыслы на Римъ, то они гораздо дальше отъ осуществленія теперь, чѣмъ въ то время, когда австрійскій эрцгерцогъ управлялъ Ломбардіей, а Бомба царствовалъ въ Неаполѣ. Положимъ, что русскіе желаютъ овладѣть Константинополемъ, но у кого они легче его вырвутъ: у дряхлой, отжившей державы, или у новаго государства, а быть можетъ, цѣлаго ряда новыхъ государствъ, сильныхъ пламенной энергіей юной національности? Оставить такую страну, какъ Боснія, изолированной отъ остальной Турціи и окруженной свободными государствами, значитъ только ослаблять Турцію и играть въ руку Россіи. Не далекъ тотъ день, когда славянскіе

[1] Ami Boué, Recueil d'itinéraire dans la Turquie d'Europe.

народы Балканскаго Полуострова станутъ смотрѣть на Россію, какъ на самаго коварнаго врага».

Не вступая въ полемику съ Эвансомъ насчетъ его плана будущаго устройства Босніи и Герцеговины, скажемъ только, что съ нимъ не соглашаются другіе англичане, столь же пламенно желающіе освобожденія южныхъ славянъ отъ турецкой тираніи, налагающей позорное пятно на XIX вѣкъ. Такъ, напримѣръ, миссъ Ирби, въ любопытной статьѣ, напечатанной въ прошломъ году и на которую ссылается Эвансъ [1], повидимому, склоняется въ пользу присоединенія Босніи съ Герцеговиной къ Сербіи, хотя прямо этого не высказываетъ. По ея словамъ, въ случаѣ освобожденія Босніи отъ Турціи, многіе *беги* непрочь принять вновь христіанство, и даже теперь нѣкоторые, во время болѣзни, призываютъ священниковъ и просятъ молиться за свое выздоровленіе. Кромѣ того, какъ признаетъ г. Эвансъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, беги вступали въ тайныя сношенія съ сербскимъ правительствомъ, а въ нынѣшнемъ возстаніи бывали примѣры, что мусульманскіе поселяне, столь же раззоряемые правительственными чиновниками, какъ христіане, дрались въ рядахъ инсургентовъ. «Во всякомъ случаѣ, хорошо организованное христіанское правительство, говоритъ она: — могло бы легко разрѣшить вопросъ о существованіи мусульманскаго меньшинства рядомъ съ христіанскимъ большинствомъ, и Сербія подаетъ надежды, что у нея хватитъ силы и такта на такое дѣло; со времени изгнанія ею турокъ изъ своихъ предѣловъ, она сохранила въ Бѣлградѣ мечеть для пріѣзжихъ мусульманъ и содержитъ ее на казенный счетъ».

Упомянутая статья миссъ Ирби, заключая въ себѣ много интересныхъ подробностей о положеніи Босніи въ 1875 году, имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что основана на долгомъ пребываніи автора въ описываемой ею странѣ съ цѣлью по мѣрѣ силъ служить дѣлу цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи ея дѣятельность заслуживаетъ полнаго уваженія и вниманія. Посѣтивъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, славянскія провинціи Европейской Турціи, миссъ Ирби нетолько дала свѣту любопытное ихъ описаніе, но почувствовала такую теплую симпатію «къ нашимъ славянскимъ двоюроднымъ братьямъ», какъ выражается Эвансъ, что рѣшилась посвятить имъ всю свою жизнь. Съ практическимъ смысломъ англичанки, она поняла, что недостатокъ образованія въ христіанскихъ женщинахъ даже высшихъ классовъ составляетъ одну изъ главныхъ преградъ къ національному развитію страны, и, впродолженіе десяти лѣтъ, съ другой англичанкой, миссъ Джонсонъ, неустанно трудилась надъ распространеніемъ женскаго воспитанія въ Босніи. Послѣ долгихъ усилій, ей удалось открыть въ Сераевѣ гимназію для подготовленія народныхъ учительницъ, и, какъ свидѣтельствуетъ Эвансъ, она нико-

[1] Bosnia in 1875. «Victoria Magazine», 1875.

гда не позволила себѣ нималѣйшей попытки къ обращенію въ протестантство своихъ учениць, которыя получали духовное образованіе отъ пастырей своей церкви. Возстаніе прервало на время эту полезную, хотя негромкую дѣятельность, и миссъ Ирби перевела свою школу въ Прагу, но, впрочемъ, ненадолго, и потомъ снова возвратила часть учениць въ Сараево, сама же постоянно ѣздила между своими двумя учрежденіями. Вскорѣ послѣ этого, количество несчастныхъ боснійскихъ и герцеговинскихъ выходцевъ въ австрійскіе предѣлы до того увеличилось, что помощь имъ была необходима. Въ концѣ прошлаго года, миссъ Ирби основала въ Лондонѣ, при существовавшей уже съ 1865 года, *ассоціаціи для распространенія образованія между славянскими христіанами Босніи и Герцеговины*, особый *фондъ для вспомоществованія сиротамъ боснійскихъ и герцеговинскихъ изгнанниковъ* подъ покровительствомъ извѣстнаго англійскаго филантропа лорда Шэфтсбёри, кентербёрійскаго епископа и митрополита сербскаго. Въ числѣ членовъ этого благотворительнаго учрежденія много англійскихъ аристократовъ, членовъ парламента, пасторовъ, докторовъ и пр., а секретарями его состоятъ братья Эвансы. Изъ напечатаннаго отчета за май мѣсяцъ нынѣшняго года о дѣйствіяхъ миссъ Ирби и миссъ Джонсонъ, отправившихся на мѣсто въ Пакрачъ, въ Славоніи, мы видимъ, что несмотря на скромную сумму пожертвованій—1344 ф. ст., ихъ неусыпными стараніями, ничего не стоющими обществу, какъ знаменательно указано въ отчетѣ—подана помощь 3000 несчастныхъ женщинъ и дѣтей, бѣжавшихъ съ родины безъ одежды и обуви. Всего въ Славоніи находилось изгнанниковъ 45,946 человѣкъ, которые едва спасались отъ голодной смерти на отпускаемыя австрійскимъ правительствомъ скудныя деньги, а потому англичанки старались болѣе всего достать имъ работу, раздавали сѣмена для посѣва хлѣба и льна на взятой въ аренду землѣ, помѣщали дѣтей въ туземныя семейства и открыли семь школъ, въ которыхъ учителями сами изгнанники. Изъ этихъ интересныхъ фактовъ и ежедневно встрѣчаемыхъ въ англійскихъ газетахъ извѣстій о многочисленныхъ пожертвованіяхъ въ пользу славянъ и отправкѣ докторовъ, сидѣлокъ и необходимыхъ больничныхъ принадлежностей въ Сербію мы ясно видимъ, что и «коварный Альбіонъ» оказываетъ посильную помощь великой борьбѣ на Балканскомъ Полуостровѣ, которая, по словамъ англійскаго же историка Фримана—«самая славная и благородная, какую только можетъ вести человѣкъ: именно, борьба за право противъ безправія, за свободу противъ тираніи».

Указавъ на общій характеръ и значеніе книги Эванса и дополняющей ее во многомъ статьи миссъ Ирби, мы познакомимъ читателя насколько возможно подробно съ рисуемой ими картиной современнаго положенія Босніи и Герцеговины въ самый моментъ возстанія, которое длится уже ровно годъ и, наконецъ,

повидимому, вступило въ благопріятную фазу, такъ какъ по, послѣднимъ извѣстіямъ, сербскіе отряды волонтеровъ, вступивъ въ предѣлы Босніи, занимаютъ селенія одно за другимъ и учреждаютъ въ нихъ сербское правительство изъ мѣстныхъ жителей. Конечно, теперь все зависитъ отъ «военнаго счастья», но въ народной войнѣ оно не играетъ большой роли, и, какъ извѣстно, въ борьбѣ сѣверныхъ Американскихъ Штатовъ за независимость, американцы почти не одерживали побѣдъ, а постоянно терпѣли пораженія, но все же, въ нынѣшнемъ году, они торжественно отпраздновали столѣтіе своей свободы. Въ виду такого славнаго, краснорѣчиваго примѣра, не слѣдуетъ отчаяваться отъ временныхъ неудачъ или спѣшить воспользоваться минутнымъ успѣхомъ для позорнаго мира, а стойко, честно, единодушно вести начатую борьбу за правое дѣло. Одного только можно бояться, это— слишкомъ поспѣшнаго и тлѣтворнаго вмѣшательства европейской дипломатіи, такъ часто преслѣдующей, подъ маской мира, свои мелкіе личные интересы; ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ справедливо замѣчаетъ миссъ Ирби, что, «если настоящее возстаніе славянскихъ провинцій Турецкой Имперіи окончится примиреніемъ и онѣ останутся подъ владычествомъ Порты, то положеніе христіанъ будетъ еще хуже, чѣмъ прежде, несмотря на всѣ обѣщанія и обязательства турецкаго правительства».

I.

Начавъ свое путешествіе изъ Вѣны, Эвансъ, прежде всего, былъ пораженъ замѣчательнымъ фактомъ, что чѣмъ далѣе ѣдетъ поѣздъ по долинѣ Дравы, тѣмъ яснѣе становится перемѣна въ разбросанныхъ по сторонамъ дороги хижинахъ и селеніяхъ. Вмѣсто богатыхъ, темно-коричневыхъ брусьевъ и выдающихся перекладинъ красивыхъ домиковъ въ земмерлингскихъ долинахъ, напоминающихъ Зальцбургъ, Тироль и даже отдаленную Скандинавію, вездѣ видны дрань, охра, треугольный щепецъ, съ двумя маленькими окошками. Все это знакомо европейскому путешественнику по жилищамъ, видѣннымъ имъ въ славянскихъ мѣстностяхъ Венгріи, Чехіи, Пруссіи. Дѣйствительно, приближаясь къ Марбургу, вступаешь въ новый міръ: славянскій языкъ слышится повсюду, и горныя швейцарскія хижины Земмеринга были послѣдними вѣхами нѣмецкаго міра. Теченіе измѣнилось. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Марбургъ считался нѣмецкимъ городомъ, а теперь онъ сталъ почти совершенно славянскимъ. Торговцы, даже высшіе классы говорятъ болѣе по-славянски, чѣмъ по-нѣмецки; со времени австро-прусской войны славянскій языкъ изгналъ нѣмецкій изъ школъ, такъ, какъ простившись съ своими нѣмецкими стремленіями и боясь чеховъ и кроатовъ съ ихъ воспоминаніями о независимости, австрійское правительство на-

чало покровительствовать славянскимъ обитателямъ южной Штиріи, Каринтіи и Карніоліи насчетъ нѣмецкаго населенія городовъ. Непріятное впечатлѣніе, производимое этой неожиданной перемѣной на нѣмцевъ, съ отчаяннымъ краснорѣчіемъ выражаетъ прусскій путешественникъ Мауреръ, посѣтившій эти страны въ 1870 году. «Еще десять лѣтъ, говоритъ онъ: — и Марбургъ будетъ такимъ же славянскимъ городомъ, какимъ уже стали его окрестности. Чрезвычайно мучительно (aüsserst peinlich) было для меня видѣть дѣтей въ Штейнбрюкѣ съ славянскими учебниками въ рукахъ, хотя они отлично знали по-нѣмецки. Намъ нечего скрывать отъ себя горькой истины, что вся Карніолія, Горица, Градиска и Истрія съ адріатическимъ прибрежьемъ пропали для насъ. Даже предполагая, что вся Южная Германія сольется съ сѣверной и нѣмецкій элементъ въ Австріи, по доброй волѣ или силою, послѣдуетъ примѣру оторванныхъ уже Богеміи и Моравіи (?), то и тогда даже мы не будемъ имѣть силы или права, хотя послѣднее не столь важно, пробить себѣ дорогу черезъ Иллирію на Адріатическое Море. Однако, наша дремота и непониманіе совершающихся фактовъ дозволяли намъ доселѣ считать Тріестъ и выше означенныя страны, нѣкогда принадлежавшія къ Германскому Союзу, нашимъ наслѣдіемъ [1].

Однако, Эвансъ, такой же представитель западной цивилизаціи, какъ фантастично-нахальный берлинецъ, воображающій уже Чехію прусской провинціей, нисколько не ужасается этому усиленію славянскаго вліянія въ славянскихъ земляхъ и указываетъ, что оно еще значительнѣе въ Кроаціи, гдѣ нетолько въ школахъ, но въ офиціальныхъ сферахъ и арміи начинаетъ преобладать національный языкъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется, конечно, тѣмъ, что въ австрійской арміи очень много славянъ, чего, повидимому, не знаетъ Эвансъ, такъ какъ онъ называетъ итальянцемъ начальника округа въ Кроаціи генерала Молинари, который сербъ. Въ сущности, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: со времени революціи 1848 года, венгерцы чуждались военной службы, нѣмцы занимались, главнымъ образомъ, торговыми и промышленными предпріятіями, а славяне, наполнили ряды нѣмецкой арміи, причемъ способнѣйшіе изъ нихъ получали высшее военное образованіе на казенный счетъ. По словамъ автора обстоятельной и любопытной статьи объ отношеніяхъ Австріи къ турецкимъ славянамъ въ іюльской книжкѣ «Fraser's Magazine» [2], болѣе половины австрійскихъ генераловъ и множество офицеровъ — сербы, въ томъ числѣ три изъ восьми начальниковъ военныхъ округовъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ Маройчичъ въ Вѣнѣ, Родичъ въ Зарѣ, и только-что упомянутый Молинари въ Аграмѣ.

---

[1] *Franz Maurer*, «*Reise durch Bosnien die Saveländer und Ungarn*» *Berlin, 1870, p. 45.*

[2] «Fraser's Magazine», July. 1876. — «Austria and Turquey, by an Austrian».

Кромѣ распространенія славянскаго вліянія, англійскаго путешественника, по дорогѣ къ границѣ Босніи, всего болѣе поразило общинное устройство кроатскихъ поселеній на бывшей Военной Границѣ, гдѣ до послѣдняго времени австрійское правительство поддерживало эту систему даже искуственными, запретительными мѣрами и, только три года тому назадъ подчинивъ страну общей во всей имперіи администраціи, нанесло ударъ славянской общинѣ, такъ какъ Theilungsgesetze облегчили переходъ и раздѣлъ земли. Хотя Эвансъ, какъ истый англичанинъ, всегда теоретически преклоняющійся передъ свободой, одобряетъ эту мѣру, уничтожающую оффиціальныя преграды къ выходу изъ общинъ ея членовъ, однако, онъ, очень сочувственно описываетъ посѣщенныя имъ общины. «Конечно, замѣчаетъ онъ:—личный интересъ, въ концѣ концовъ—лучшій рычагъ для человѣческой дѣятельности, особливо промышленной, но онъ иногда задерживаетъ развитіе, благодаря противодѣйствію принципу коопераціи. Эти славянскія общины учатъ насъ великой силѣ кооперативнаго труда: тутъ сообща воздѣлывается земля, сообща собирается жатва, и введеніе земледѣльческихъ машинъ гораздо вѣроятнѣе въ громадныхъ кроатскихъ семьяхъ, доходящихъ до 300 душъ, чѣмъ въ одинаковыхъ по объему деревняхъ, населенныхъ мелкими, эгоистичными собственниками-фермерами Франціи или Германіи. Кромѣ того, меня, привыкшаго къ угрюмой грубости западныхъ фермеровъ и мелкихъ Eigenthümer, ревниво чуждающихся иностранцевъ, пріятно поразили веселость, гостепріимство и другія общественныя добродѣтели членовъ славянскихъ общинъ, лозунгомъ которыхъ дѣйствительно Свобода, Равенство и Братство».

Насколько же нѣмцы далеки отъ этого девиза XIX вѣка, нашему путешественнику пришлось испытать на себѣ, и потому, быть можетъ, онъ всегда отзывается о нихъ съ нѣкоторой затаенной желчью; такъ, даже описывая впослѣдствіи бѣдные города Босніи, онъ замѣчаетъ, что «какъ ни грязны и ни зловонны ихъ улицы, все же онѣ пріятнѣе (sweeter) многихъ сѣверогерманскихъ городовъ».

Миновавъ Аграмъ, столицу Кроаціи, и Сисекъ, древнюю Сисцію, гдѣ оканчивается желѣзная дорога, онъ спустился на пароходѣ по Савѣ до Славянскаго Брода, на границѣ Босніи, противъ котораго, на другомъ берегу рѣки, возвышается Турецкій Бродъ. Въ этомъ маленькомъ селеніи, послѣднемъ звенѣ западной цивилизаціи, бдительные нѣмецкіе жандармы заподозрили въ Эвансѣ русскаго шпіона и потребовали его, вмѣстѣ съ братомъ, къ полицейскому комиссару. Сначала англичане упирались, говоря, что они не привыкли къ подобному обращенію и что комиссаръ можетъ самъ явиться къ нимъ, если имѣетъ до нихъ дѣло; но, понявъ, наконецъ, что ихъ арестуютъ въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, они отправились къ страшному нѣмцу. «Такимъ образомъ, разсказываетъ Эвансъ: — мы явились подъ

конвоемъ къ его свѣтлости, который принялъ насъ, сидя за столомъ, безъ сюртука и хладнокдовно уничтожая похлёбку изъ маиса. Онъ не всталъ съ кресла, не предложилъ намъ сѣсть, а, бросивъ на насъ взглядъ, внушившій намъ желаніе покончить дѣло физической потасовкой, спросилъ грубымъ, сиплымъ голосомъ: кто мы. «Мы—англичане», отвѣчалъ я, по-нѣмецки. «Покажите паспорты, закричалъ коммисаръ еще грознѣе: — кàкъ вы смѣете пріѣхать въ городъ, не спросившись у меня?» Я на это отвѣчалъ, что ему должно быть извѣстно правило, по которому англичане путешествуютъ по Австріи, а австрійцы по Англіи безъ паспортовъ, что мы, однако, уже показали одному жандарму наши паспорта и что, наконецъ, было бы приличнѣе ему пріѣхать къ намъ въ гостинницу, если онъ хотѣлъ насъ видѣть. Комиссаръ перебилъ меня еще болѣе яростнымъ крикомъ: «Я вамъ говорю: подайте паспортъ».—Мы согласны вамъ показать наши паспорты для доказательства, что мы—англичане, но это будетъ только любезностью съ нашей стороны и вы не имѣете на это никакого права.—«Никакого права! воскликнулъ нѣмецъ, почти обезумѣвъ отъ злобы и, вскочивъ съ кресла, неистово замахалъ ложкой:—я не имѣю права! вы увидите! Увести ихъ въ карцеръ», прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, которые, слыша, кàкъ я поспѣшно сталъ называть консуловъ, посланниковъ и коронованныхъ особъ, готовыхъ заступиться за насъ, не рѣшались исполнить его приказаніе:—«слышите, запереть ихъ въ карцеръ на всю ночь. Утромъ, они покажутъ мнѣ паспорта. Живо! Я не имѣю права! увидимъ!» Между тѣмъ, извѣстіе объ успѣшномъ арестѣ двухъ злодѣевъ, нарушившихъ общественный порядокъ, распространилось повсюду, и весь Бродъ провожалъ насъ до тюрьмы, образуя нѣчто въ родѣ похороннаго шествія. Передъ дверью тюрьмы я остановился и произнесъ къ народу рѣчь, въ которой указалъ на роковыя послѣдствія нашего ареста, оплакивая, главнымъ образомъ, горькую судьбу не нашу, а полицейскаго комиссара, жандармовъ и всего Брода. Приэтомъ, я даже вызвалъ страшную тѣнь англійскаго флота на Савѣ и, наконецъ, послалъ жандарма за главнымъ начальникомъ города, Stadthauptmann. Мое краснорѣчіе подѣйствовало на присутствующихъ, которые, бóльшею частью, знали по-нѣмецки; но жандармы, внимая только даннымъ имъ приказаніямъ, заперли насъ въ несчастную клѣть, въ 7 футовъ ширины и 10 длины, безъ окна и съ деревянной скамьей вмѣсто кровати. Несмотря на то, что мы ничего не ѣли съ утра и просили какой-нибудь пищи, намъ ничего не дали, даже хлѣба и воды. Однако, наше заточеніе продолжалось не болѣе получаса. Бродскія власти встрепенулись отъ нашихъ угрозъ, и особенно пламеннымъ заступникомъ за насъ явился извѣстный докторъ Маканецъ, предводитель либеральной партіи въ кроатскомъ сеймѣ. Благодаря его ходатайству, Stadthauptmann явился къ намъ въ тюрьму и, низко кланяясь, извинился въ непріятномъ недора-

зумѣніи, приведшемъ къ нашему аресту. Конечно, мы милостиво его простили и торжественно въ его сопровожденіи возвратились въ гостинницу. Хозяинъ ея, тщетно ждавшій насъ къ обѣду, встрѣтилъ насъ словами: «засадили» (eingesperrt). «Да̀, отвѣчалъ я».—«Моего слугу также засадили дня два тому назадъ», продолжалъ онъ.—«За что̀?» спросилъ я и получилъ въ отвѣтъ: «не знаю». Потомъ оказалось, что полицейскій комиссаръ былъ маленькимъ тираномъ, и наше успѣшное противодѣйствіе его дерзости возбудило всеобщее удовольствіе. Я уже не въ первый разъ знакомился съ австро-венгерской тюрьмою и потому могу засвидѣтельствовать, что меттерниховская система еще не совершенно исчезла въ провинціяхъ, гдѣ безгранично царитъ деморализованная бюрократія».

На другой день послѣ этой траги-комедіи, наши путешественники переправились черезъ Саву въ Турецкій Бродъ и, вступивъ въ предѣлы Босніи, разомъ очутились въ Азіи. Получивъ заранѣе отъ Дервиша-паши, въ то время генерал-губернатора Босніи, *буюрульду*, то есть подлинное письмо ко всѣмъ властямъ о безпрепятственномъ пропускѣ, они предъявили его *мудиру* [1], который любезно принялъ ихъ въ сѣромъ европейскомъ костюмѣ и оказался гораздо человѣчнѣе своего нѣмецкаго сосѣда. Однако, узнавъ черезъ переводчика, что англичане хотятъ пройти пѣшкомъ черезъ всю Боснію и Герцеговину, онъ никакъ не могъ этого понять и настойчиво предлагалъ имъ лошадей или телегу; но, видя ихъ упорство, онъ порѣшилъ, что это—какіе-нибудь богомольцы, и, не задерживая болѣе, далъ имъ провожатаго *заптія* или жандарма, отъ котораго они уже никакъ не могли отдѣлаться. Хотя слухи о герцеговинскомъ возстаніи уже дошли до Брода вмѣстѣ съ прокламаціей Дервиша-паши, объявлявшей всю Боснію съ Герцеговиной на военной ногѣ и тѣмъ узаконивавшей всевозможныя формы насилія, смѣлые Эвансы пустились въ путь пѣшкомъ съ одними револьверами и довольно тяжелыми ранцами на плечахъ, набитыми бѣльемъ, съѣстными припасами и т. д. Изъ Брода проложена недавно прямая дорога въ Сараево, столицу Босніи, отстоящую на 138 англійскихъ миль, которыя почтовая повозка австрійскаго консульства еженедѣльно пробѣгаетъ въ три дня. Но Эвансъ предпочелъ идти бо̀льшею частью проселками, гдѣ иногда не было вовсе дороги, но зато чаще попадались селенія райевъ, вообще прячущихся подалѣе отъ проторенныхъ турками путей. При этомъ, ему, конечно, не разъ приходилось сбиваться съ дороги и блуждать на удачу, такъ какъ онъ, при всякомъ удачномъ случаѣ, отдѣ-

---

[1] Съ 1865 года вилайетъ Боснія съ Герцеговиной раздѣляется административно на семь *мутессарифликовъ* и значительное количество *каймакамликовъ*; они соотвѣтствуютъ первые нѣмецкимъ *Kreise* (округа), а вторые *Bezirke* (уѣзды). Поэтому мутессарифы выше каймакама, а послѣдній мудира или начальника города.

лывался отъ заптіевъ, любезно отряжаемыхъ турецкими властями столько же для безопасности англичанъ, сколько и въ качествѣ шпіоновъ. Но и въ этомъ отношеніи ему пришлось всего болѣе вытерпѣть отъ нѣмцевъ: главнымъ виновникомъ многихъ излишнихъ странствій былъ майоръ Рачкевичъ, офицеръ австрійскаго главнаго штаба, который, по порученію своего правительства, составилъ карту Босніи до того неправильную и фантастичную, что Эвансъ заподозрѣваетъ его въ намѣренномъ желаніи лично сбивать его съ пути. Нѣмецъ этотъ, по его словамъ, то сочиняетъ несуществующіе потоки; то, вѣроятно, въ доказательство необыкновенной силы своей вѣры, передвигаетъ горы съ мѣста на мѣсто, то проводитъ широкую долину черезъ горный кряжъ, передъ которымъ остановился бы въ раздумьѣ Ксерксъ, или перекидываетъ мостъ черезъ такую бездну, которая заставила бы содрогнуться Стивенсона [1]. Всѣ эти затрудненія, однако, не остановили мужественныхъ пѣшеходовъ, и они благополучно совершили свою прогулку до Сараева, изучивъ по дорогѣ окрестную страну и жизнь ея различныхъ жителей: христіанъ и мусульманъ.

Взаимное положеніе райевъ и ихъ повелителей турокъ рѣзко охарактеризовалось съ перваго шага англичанъ по этой дикой странѣ. Проходя невдалекѣ отъ австрійской границы черезъ рѣчку Укрину въ бродъ, они изумились, увидавъ, что ихъ заптій не послѣдовалъ за ними, а, остановившись, сталъ кричать проходившей по другому берегу христіанской женщинѣ, чтобъ она его перенесла на плечахъ. Конечно, Эвансы громкими восклицаніями негодованія удержали несчастную отъ исполненія этого унизительнаго приказа, но, несмотря на всѣ ихъ крики, заптій успѣлъ наложить тѣлесную реквизицію на работавшаго въ сосѣдствѣ райя, и тотъ его благополучно переправилъ черезъ рѣчку, за что получилъ щепотку табаку, конечно, только изъ боязни заптія заслужить неудовольствіе европейцевъ. Рядомъ съ подобнымъ возмутительнымъ угнетеніемъ райевъ, существуетъ самая ужасная нищета, прямое слѣдствіе всевозможныхъ правительственныхъ поборовъ, и, по словамъ Эванса, невозможно описать отвратительнаго жилища одной изнуренной, несчастной христіанки, у которой они остановились позавтракать близь города Дервента. Полъ въ ея хижинѣ былъ земляной, и только посреди вложено нѣсколько камней для разведенія огня подъ котломъ, висѣвшемъ съ потолка, въ которомъ пробито небольшое отверстіе для дыма, покрывшаго всѣ стѣны толстымъ слоемъ сажи; свѣтъ проникалъ только изъ двери, и два куска изорваннаго ковра составляли всю мебель; но еще ужаснѣе были лохмотья, покрывавшія бѣдную женщину и ея жалкаго, почти обнаженнаго ребёнка. Рядомъ, подъ навѣсомъ, находились корова,

[1] Упомянутый выше Мауреръ также громко жалуется на карту Рачкевича въ своемъ сочиненіи: «Reise durch Bosnien».

куры и житница, состоящая изъ небольшой плетеной корзины, достаточной для сохраненія той малой части жатвы, которая остается въ пользу поселянъ. «При видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, говоритъ Эвансъ: — мы болѣе не удивлялись, что христіанскія селенія прячутся въ глуши горъ и лѣсовъ». Впрочемъ, нищенское положеніе христіанскихъ райевъ происходитъ нетолько отъ притѣсненій турецкихъ властей, но и отъ общаго экономическаго положенія страны древняя боснійская аристократія, принявшая исламъ послѣ завоеванія ихъ родины турками, сохранила, какъ мы уже говорили, доселѣ въ своихъ рукахъ всю землю; *аги* (землевладѣльцы) и *беги* (вообще господа), несмотря на уничтоженіе ихъ феодальныхъ привилегій Омеромъ-пашою въ 1850 году, держатъ *кметовъ*, поселянъ, преимущественно христіанъ, хотя между ними находятся и мусульмане, въ совершенной зависимости. Такимъ образомъ, райи, не имѣя никакой собственности, берутъ въ аренду землю отъ агъ подъ условіемъ денежной платы или барщины, и, хотя Эвансъ увѣряетъ, что въ Босніи сохранились остатки славянской общины, но Гильфердингъ это отрицаетъ, справедливо доказывая, что *случайность* и *условность* пользованія землею должны были уничтожить между боснійскими кметами всякую идею общины. При подобныхъ экономическихъ условіяхъ и ненависти, естественно питаемой ренегатами-помѣщиками къ христіанскимъ поселянамъ, положеніе послѣднихъ становится вполнѣ невыносимымъ, особенно при совмѣстномъ гнетѣ со стороны турецкихъ чиновниковъ, какъ мы увидимъ далѣе, при описаніи Эвансомъ дѣйствительныхъ причинъ возстанія въ Герцеговинѣ.

Разительный контрастъ съ несчастными христіанскими жилищами представлялъ роскошный *конакъ* или домъ начальника въ сосѣднемъ городѣ Дервентѣ, гдѣ Эвансъ представлялся проѣзжавшему мимо баньялукскому каймакаму. Его превосходительство Али-Риза-паша, жирный, веселый пожилой господинъ въ европейскомъ костюмѣ, съ добродушнымъ лицомъ и любезными манерами, скорѣе походилъ на англійскаго сквайра, проводящаго жизнь въ охотѣ на лисицъ, чѣмъ на турецкаго чиновника, хотя въ его прошедшемъ было много эпизодовъ, отъ которыхъ скорѣе пахло диваномъ, чѣмъ отъѣзжимъ полемъ. Эта извѣстная въ Турціи личность начала свою дѣятельность въ арміи, но оказалось, что онъ имѣлъ болѣе влеченія къ мирнымъ искуствамъ, чѣмъ къ военнымъ, и позорно бѣжалъ съ своимъ отрядомъ отъ русской арміи подъ Карсомъ, за что̀ и былъ удаленъ изъ военной службы. Но, доказавъ свою неспособность, онъ естественно заслужилъ награды и почести отъ турецкаго правительства, а потому, хотя и не граматный, былъ произведенъ въ паши и назначенъ на доходное мѣсто баньялукскаго губернатора, которое удерживалъ до прошлаго года, благодаря исправному платежу громадныхъ взятокъ въ Стамбулѣ и Сараевѣ, такъ какъ диванъ всегда придерживается той политики, что чѣмъ

неспособнѣе чиновникъ, тѣмъ бо́льшую дань онъ долженъ платить своимъ начальникамъ.

Страна, по которой сначала шли наши путешественники, долины Савы и притока ея Босны до впаденія въ послѣднюю Усоры, носитъ названіе Пасавины и составляетъ самую плодородную часть Босніи, покрытую лѣсами дубовъ, орѣшника и сливовыхъ деревьевъ, золотистыми полями маиса и роскошными зелеными лугами, окаймленными лиловатыми горными вершинами. Главный центръ этого округа, Дервентъ, имѣющій до 2000 жителей, изъ которыхъ 40% православныхъ, замѣчателенъ торговлей черносливомъ, составляющимъ важнѣйшій предметъ вывоза всей Босніи, на сумму 40,000 ф. ст., то есть около восьмой части всей цифры отпускной торговли. Преимущественно, черносливъ производится въ Пасавинѣ, гдѣ въ каждомъ селеніи дѣлаютъ *сливовицу* (водку изъ сливъ) и сушатъ сливу, а изъ Дервента его отправляютъ по Савѣ и потомъ, сухимъ путемъ, въ Тріестъ, гдѣ уже раскладываютъ въ коробки и посылаютъ на всѣ европейскіе рынки подъ названіемъ французскаго. Кромѣ этого промышленнаго города, въ Пасавинѣ еще заслуживаетъ вниманія Добой по своей старинной крѣпости Старьграду, гдѣ, по преданіямъ, боснійское дворянство измѣнило христіанской вѣрѣ и приняло исламъ. Этотъ памятникъ древняго могущества Боснійскаго Королевства совершенно заброшенъ турками и представляетъ живописный хаосъ развалинъ, такъ что мѣстный мудиръ говорилъ Эвансу, что правительство очень желало бы его продать какому-нибудь любителю живописныхъ мѣстностей или на сломку, въ виду большаго количества находящагося тамъ камня. Этотъ почтенный турокъ безъ всякаго смущенія тянулъ при своихъ посѣтителяхъ красное кроатское вино, и, такъ какъ онъ ничего не понималъ по-нѣмецки, то переводчикъ, родомъ изъ Черногоріи, свободно при немъ изливалъ свои патріотическія чувства. Онъ выразилъ полное убѣжденіе въ успѣхѣ герцеговинскаго возстанія и увѣрялъ, что уже Мостаръ взятъ инсургентами, но на вопросъ Эванса, поднимутъ ли оружіе христіане этой части Босніи, отвѣчалъ мрачно:—«Нѣтъ, я не надѣюсь; это—бѣдный народъ; но въ юго-восточныхъ горахъ и вдоль сербской границы прекрасная порода людей; они соединятся со своими братьями противъ турецкихъ свиней. Мы надѣемся, что даже вы, англичане, на этотъ разъ предоставите турокъ ихъ судьбѣ». На дальнѣйшее замѣчаніе Эванса, что есть другія европейскія государства, которыхъ южнымъ славянамъ слѣдовало бояться болѣе Англіи, онъ возразилъ: «Да, мы знаемъ честолюбіе русскихъ и не хотимъ, чтобъ они господствовали надъ нами, такъ же, какъ не хотимъ господства турокъ или австрійцевъ».

Пограничная съ Пасавиной Усора, нѣкогда независимая подъ управленіемъ своихъ бановъ, а потомъ провинція Боснійскаго Королевства, представляетъ болѣе горную страну, хотя все же лѣсистую и довольно плодородную. Главный ея городъ Тешани

кажется совершенно альпійскимъ по своему живописному, возвышенному положенію и имѣетъ нѣкоторое промышленное значеніе, какъ центръ хлѣбной торговли для окрестныхъ долинъ. Всего замѣчательнѣе въ немъ древняя крѣпость на неприступной скалѣ—одна изъ первыхъ славянскихъ твердынь въ Босніи, понынѣ поддерживаемая турками. Каймакамъ, представитель новой школы турецкихъ чиновниковъ, совершенно европейскій франтъ, въ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ, и говорящій по французски, радушно принялъ путешественниковъ, угощалъ ихъ кофе и папиросами, а, когда рѣчь зашла о собранныхъ на дворѣ его конака мусульманскихъ поселянахъ, то замѣтилъ небрежно, что это собирается *редифъ*, то есть резервъ турецкой арміи, потому что «*nous avons une petite guerre dans l'Herzek*». Однако, узнавъ о намѣреніи англичанъ посѣтить Комузину, небольшое христіанское селеніе съ католическимъ монастыремъ, онъ заподозрилъ въ нихъ революціонныхъ эмисаровъ и всячески старался отговорить отъ этого безумнаго намѣренія, увѣряя, что въ той сторонѣ нѣтъ ни дорогъ, ни пищи, и совѣтовалъ отправиться по большой дорогѣ въ Травникъ. Однако, когда Эвансы настойчиво указывали на письмо Дервиша-паши, повелѣвавшаго исполнять всѣ ихъ желанія подъ личной отвѣтственностью, онъ съ удивительнымъ искуствомъ измѣнилъ тактику, прямо сознался, что въ Комузинѣ назначено большое сборище христіанъ—«ce qui peut vous intéresser», и, вполнѣ увѣренный, что они это все знаютъ, далъ имъ одного заптія въ проводники, а другого послалъ прямо въ Комузину для наблюденія за ними.

Дѣйствительно, по случаю праздника успенія, райи-католики этой части Босніи и многіе христіане, даже православные изъ отдаленныхъ округовъ, нѣкоторые изъ предѣловъ Сербіи собирались на вершинѣ Черной Горы близь Комузины, гдѣ находится часовня во имя Богородицы и св. Екатерины. Впослѣдствіи оказалось, что это богомолье было предпринято нетолько для поклоненія всѣми уважаемымъ святынямъ, а въ этотъ самый день, пока тысячи христіанъ молились на Черной Горѣ, вспыхнуло въ Босніи возстаніе, которое уже продолжается цѣлый годъ и, по всей вѣроятности, совершенно измѣнитъ судьбу этой несчастной страны. Прибывъ наканунѣ праздника, толпы богомольцевъ разбили живописный лагерь на плоской вершинѣ горы и, разведя огни, раздѣлились на множество отдѣльныхъ кружковъ, которые до глубокой ночи проводили весело время въ пѣсняхъ и танцахъ. Особливо народныя пѣсни и сказанія, повѣствуемыя современными бардами подъ звуки гуслей, произвели на Эванса очень сильное впечатлѣніе, хотя онъ словъ и не понималъ. Но, познакомившись съ сербской народной поэзіей въ переводахъ сэра Джона Бауринга, онъ отзывается о ней съ восторгомъ. «Можетъ быть, замѣчаетъ онъ:—въ славянскомъ эпосѣ менѣе воинственнаго элемента, чѣмъ въ нашихъ древнихъ сагахъ, но болѣе истины и поэзіи, и грубая простота Гомера соединяется въ немъ съ дра-

матической силой Эврипида; эту поэзію нельзя не признать лучшимъ доказательствомъ, что славянская раса способна достигнуть высшей степени цивилизаціи, и она можетъ служить побѣдоноснымъ орудіемъ для опроверженія тѣхъ, которые считаютъ южно-славянскую райю какимъ-то низшимъ созданіемъ, неспособнымъ къ развитію». Вообще, эта ночь оставила бы въ англичанинѣ очень пріятное воспоминаніе, еслибъ не жестокое обращеніе съ христіанами турецкихъ чиновниковъ и заптіевъ, отряженныхъ каймакамомъ для наблюденія за порядкомъ или, скорѣе, для шпіонства, потому что безпорядокъ дѣлали только они, а христіане, по увѣренію Эванса, вели себя какъ нельзя лучше, даже слишкомъ терпѣливо выносили гнусныя выходки турокъ. Эти послѣдніе помѣстились на самомъ краю горной вершины, чтобъ обезпечить себѣ отступленіе въ случаѣ крайности, и обходились съ христіанами, какъ со стадомъ безсловесныхъ животныхъ, причемъ одинаково были возмутительны ихъ дикое нахальство и ничѣмъ невызываемая жестокость. «Все, что̀ я тутъ видѣлъ, говоритъ Эвансъ: — доказало мнѣ во очію, ка̀къ обходятся представители мусульманской власти съ христіанами за спиною европейскихъ консуловъ». Такъ, напримѣръ, онъ стоялъ въ кружкѣ босняковъ и слушалъ народную балладу, распѣваемую сѣдымъ старикомъ; вдругъ одинъ изъ заптіевъ, растолкавъ христіанъ, остановился передъ догоравшимъ костромъ и, махая ятаганомъ, самымъ нахальнымъ тономъ спросилъ: «Кто ему подастъ огня, чтобъ закурить трубку». Старый бардъ умолкъ, всѣ неподвижно стояли нѣсколько минутъ, потомъ красивый, здоровенный молодецъ, понуривъ голову, подошелъ къ заптію и подалъ ему огня. Въ другомъ мѣстѣ двое турокъ набросились на групу мужчинъ и женщинъ и разогнали ихъ кнутами. Но всего возмутительнѣе послѣдняя сцена, описанная Эвансомъ. Онъ распивалъ бутылку вина съ нѣсколькими православными райями и пѣлъ имъ англійскія пѣсни, а они ему славянскія, какъ вдругъ раздались позади ужасные вопли, и они увидали, что заптій билъ палкой и ногами несчастнаго старика. Возмущенный англичанинъ хотѣлъ заступиться, но новые друзья удержали его, говоря съ затаенной ненавистью: «вѣдь, это—турокъ». Однако, заптій, боясь столкновенія съ европейцемъ, прекратилъ отвратительную экзекуцію, и старикъ удалился, еле влача ноги. Впрочемъ, нахальство заптіевъ нашло себѣ хоть нѣкоторую кару, и, когда одинъ изъ нихъ, приставленный къ Эвансу, дерзко объявилъ ему, что пора спать, то получилъ такую встрепку, что всѣ окружающіе райи пришли въ восторгъ и стали называть Эванса консуломъ, потому что, по ихъ понятію, только представитель европейскаго государства смѣетъ поднять руку на ихъ тирановъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ религіозному торжеству, а послѣ церковной службы открылась ярмарка различныхъ мелочей: глиняной посуды, мѣдныхъ колецъ и браслетовъ, фруктовъ и проч., но, по словамъ Эванса, тутъ не было ничего замѣчательнаго.

Зато онъ съ особымъ восхищеніемъ отзывается о замѣчательной трезвости райевъ, которыхъ обыкновенно обвиняютъ въ страсти къ пьянству, и увѣряетъ, что, несмотря на достаточное количество палатокъ съ виномъ и водкой, онъ впродолженіи двухъ дней не видалъ ни одного пьянаго христіанина и вообще не замѣтилъ ни одного скандала или неприличнаго поступка съ ихъ стороны. Съ живѣйшимъ интересомъ рисуетъ онъ также блестящую картину костюмовъ представителей различныхъ частей Босніи: католиковъ и православныхъ, которые носятъ чалмы и почти турецкую одежду, особливо богатые; даже женщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отчасти закрываютъ свои лица, а католическихъ монаховъ издали едва можно отличить отъ турецкихъ чиновниковъ. Что же касается до самого типа боснійскихъ райевъ, то Эвансъ находитъ, что женщины имѣютъ болѣе пріятное выраженіе лица, чѣмъ мужчины, хотя очень рѣдко встрѣчаются красавицы, которыхъ вообще болѣе въ образованныхъ европейскихъ націяхъ; но зато въ этихъ націяхъ и разврата болѣе, чѣмъ между боснійскими женщинами, замѣчательно нравственными. Главный недостатокъ въ мужскомъ типѣ, по словамъ Эванса—неподвижность выраженія, апатія и запуганное, тупое ко всему равнодушіе, которыя производятъ особенно непріятное впечатлѣніе при ихъ выбритыхъ затылкахъ съ двумя висящими позади прядками волосъ, впалыхъ, подозрительно смотрящихъ глазахъ и медленномъ движеніи головы на уродливо-длинной шеѣ. Наконецъ, ихъ громадный ростъ, доходящій часто до шести и болѣе футовъ, не производитъ соотвѣтственнаго впечатлѣнія потому, что голова у нихъ постоянно клонится долу. Все это, конечно, измѣнится въ теченіи двухъ поколѣній при свободныхъ учрежденіяхъ: они гордо поднимутъ тогда головы и въ нихъ проснется геройскій духъ, какъ мы это уже видимъ въ ихъ братьяхъ сербахъ. Даже теперь въ ихъ добродушномъ, широкомъ лбѣ и горбатомъ носѣ скрываются зачатки мужественной красоты. «Несмотря на непріятное выраженіе лицъ райевъ, говоритъ Эвансъ:—они очень добры и прекрасно обращаются другъ съ другомъ; если же они часто съ иностранцами холодно-несообщительны, то это происходитъ по винѣ иностранцевъ, которые обыкновенно выдаютъ себя за друзей турокъ. Конечно, босняки—не природные джентльмэны, какъ, напримѣръ, римскіе пастухи, и если не выказываютъ медвѣжьей нелюдимости, то часто слишкомъ фамильярны. Они не имѣютъ никакого такта; безъ всякаго смущенія станутъ рыться въ вашихъ чемоданахъ, чтобъ удовлетворить свое любопытство, и, подавая вамъ кувшинъ воды, безцеремонно хлебнутъ прежде сами; но все это происходитъ отъ недостатка развитія и отъ одного изъ лучшихъ свойствъ, сохраненныхъ боснійскимъ народомъ подъ игомъ рабства—отъ демократическаго склада ума, общаго всей юго-славянской расѣ». Хотя Эвансъ сознается съ удивительнымъ прямодушіемъ, что онъ—не сторонникъ безусловна

равенства и желалъ бы уничтоженія низшихъ расъ, но вполнѣ признаётъ, что этотъ демократическій духъ долженъ оказать громадную пользу народу, въ которомъ чувство самоуваженія уничтожено вѣковымъ рабствомъ. «Надо быть слѣпымъ или дипломатомъ, прибавляетъ онъ: — чтобъ не видѣть, что въ славянскихъ провинціяхъ Турціи конечная борьба произойдетъ между деспотизмомъ и демократіей».

Спустившись съ Черной Горы, наши путешественники посѣтили католическій монастырь въ Комузинѣ, но онъ оказался очень незначительнымъ и пустымъ, такъ какъ всѣ монахи находились на богомольѣ. Гораздо большее значеніе имѣетъ другой католическій монастырь, гучьегорскій близь Травника, куда Эвансы достигли, перейдя черезъ Вычійскій Хребетъ, невысокій, не болѣе 4,300 футовъ, но составляющій сердце Альпійской Босніи, хотя, въ сущности, ея незначительныя, отлогія и лѣсистыя горы скорѣе походятъ на Карпаты, чѣмъ на Альпы. Эта францисканская обитель, недавно построенная въ горномъ ущельѣ, состоитъ изъ большой четыреугольной, бѣлой казармы въ три этажа, съ церковью и высокой колокольней. Монаховъ тутъ еще только четырнадцать человѣкъ, и потому, боясь вспышки мусульманскаго фанатизма въ окрестностяхъ по случаю герцеговинскаго возстанія, они выпросили у турецкихъ властей отрядъ солдатъ, подъ защитой котораго и совершали свои религіозныя требы. Съ перваго взгляда, быть можетъ, покажется страннымъ, что люди, боясь насилія турокъ, прибѣгаютъ къ защитѣ тѣхъ же турокъ, и еще страннѣе, что имъ въ этомъ не отказываютъ. Объясненіе этого факта проливаетъ свѣтъ на многія, самыя непонятныя черты теперешняго положенія Босніи. Издавна мусульманскіе побѣдители покровительствовали католической церкви для противовѣса православнымъ или, какъ они себя называютъ, сербамъ. Эти послѣдніе гораздо многочисленнѣе [1] мусульманъ и отличаются національными стремленіями къ свободѣ, тогда какъ католики далеко не раздѣляютъ этихъ чувствъ, а ихъ духовенство болѣе ненавидитъ своихъ православныхъ братьевъ, чѣмъ турокъ. Такимъ образомъ, союзъ между католиками и турками основанъ на взаимной выгодѣ

---

[1] Миссъ Ирби приводитъ слѣдующія статистическія цифры, основанныя на оффиціальныхъ турецкихъ свѣдѣніяхъ за 1874 годъ. Но, конечно, нельзя на нихъ слѣпо полагаться:

Въ Босніи и Герцеговинѣ:

Славянъ-мусульманъ . .	442,050
» православныхъ .	576,756
» католиковъ . .	185,503
Евреевъ	3,000
Цыганъ	9,507
Итого	1,216,846

Къ этому надо еще прибавить 5,000 австрійскихъ подданныхъ и нѣсколько сотенъ турецкихъ чиновниковъ.

Съ 1463 г., когда султанъ Магометъ даровалъ францисканскимъ монахамъ привилегіи, турки обращались съ ними очень либерально, не взыскивая никакихъ налоговъ: ни личныхъ, ни поземельныхъ. Въ благодарность за это монахи старались внушить всѣмъ католикамъ необходимость смиренія передъ своими повелителями и помогали мусульманамъ угнетать православныхъ, а также оказали содѣйствіе Омеру-пашѣ при уничтоженіи, въ 1850 г., послѣднихъ остатковъ феодализма въ Босніи. Поэтому, естественно, гучьегорскіе монахи боялись не турецкихъ властей, а славянъ-ренегатовъ, мусульманскихъ беговъ, въ глазахъ которыхъ эти излюбленные сторонники Стамбула—такіе же ненавистные гяуры, какъ и православные.

Несмотря на страхъ мусульманскаго фанатизма, монахи очень роскошно угостили нашихъ путешественниковъ, и Эвансъ отзывается съ большой похвалой объ ихъ образованности и даже учености. Большинство ихъ говорило по-нѣмецки и получило воспитаніе въ дьяковарскомъ монастырѣ въ Славоніи, который основанъ въ 1857 г. извѣстнымъ епископомъ Штросмайеромъ на средства австрійскаго правительства съ цѣлью образовать богословскую семинарію для боснійской вѣтви францисканскаго ордена. Такимъ образомъ, австрійское правительство подчинило себѣ это братство, держащее въ своихъ рукахъ все католическое населеніе Босніи, которое, послѣ турецкаго завоеванія и удаленія въ Дьяковаръ своихъ епископовъ, привыкло обращаться за духовной помощью къ францисканцамъ, дѣлившимъ съ ними всѣ невзгоды и лишенія. Поэтому, эти монахи, носящіе свѣтскую одежду съ необходимымъ добавленіемъ пистолета и кинжала, исполняютъ въ Босніи обязанности приходскихъ патеровъ, и къ каждому монастырю принадлежитъ по нѣскольку приходовъ: такъ, у гучьегорскаго девять церквей, у сутпскскаго двадцать двѣ. Вообще, католическая церковь въ Босніи многимъ обязана денежному пособію австрійскаго правительства и учрежденію австрійскаго генеральнаго консульства въ Сараевѣ въ 1850 году. Въ то время было всего католиковъ 160,000, 41 церковь и 3 старинныхъ монастыря въ Сутѣскѣ, Фойницѣ и Крешевѣ, а въ 1874 году уже было 185,503 католика, 69 церквей, 3 новыхъ монастыря въ Босніи, на Вучьей Горѣ, въ Горицѣ и Лѣвнѣ и одинъ въ Герцеговинѣ, близь Мостара. Вслѣдствіе всего этого, Австрія, въ настоящее время, играетъ роль покровительницы католиковъ Босніи, и, по словамъ Эванса, вліяніе католической церкви въ этой странѣ служитъ могучимъ рычагомъ въ рукахъ Австріи. То же самое, съ похвальной откровенностью или, скорѣе, съ хвастливымъ самодовольствіемъ, подтверждаетъ Густавъ Тёммель, состоявшій нѣсколько лѣтъ при австрійскомъ генеральномъ консульствѣ въ Сараевѣ. «Австрійскій императоръ, говоритъ онъ:—въ глазахъ боснійскихъ католиковъ верховный глава католической церкви, какъ въ глазахъ греческаго населенія этой страны русскій императоръ—глава гре-

ческой церкви» [1]. Естественно, что, разговаривая съ Эвансомъ о будущности Босніи, гучьегорскіе монахи явно выражали свои австрійскія симпатіи. Они очень интересовались положеніемъ Англіи въ восточномъ вопросѣ, жаловались на ея помощь Турціи противъ райевъ, но, въ то же время, высказывали явную вражду къ Россіи. Но болѣе всего имъ была ненавистна идея сербскаго единства, такъ какъ, еслибъ Боснія соединилась съ свободной Сербіей, Черногоріей и другими остатками прежней Сербіи, то ихъ враги, православные христіане, какъ большинство боснійскаго населенія, сдѣлались бы первенствующей кастой. Они изъявляли согласіе на возстановленіе древняго королевства Босніи подъ покровительствомъ Австріи или даже на присоединеніе Босніи къ Австріи, но, во всякомъ случаѣ, предпочитали, чтобъ эта несчастная страна осталась подъ турецкимъ игомъ, чѣмъ вошла въ составъ сербскаго государства въ какой бы то ни было формѣ. Хотя Эвансъ и не приводитъ доказательствъ, чтобъ этотъ взглядъ францисканскихъ монаховъ раздѣлялся всѣмъ католическимъ населеніемъ Босніи, но въ этомъ нельзя сомнѣваться, въ виду громаднаго вліянія католическаго духовенства на своихъ единовѣрцевъ и исторіи послѣдняго возстанія, въ началѣ котораго католики дѣйствовали за одно съ православными, но потомъ быстро отретировались, повинуясь своимъ епископамъ. Поэтому, мистрисъ Ирби, отлично знающая Боснію, справедливо замѣчаетъ, что «боснійскій католикъ почти потерялъ свою національность, отбросилъ отъ себя все, что̀ могло бы показаться сербскимъ или православнымъ, называетъ себя латинцемъ и тянетъ, насколько онъ имѣетъ политическія стремленія, къ австрійской Кроаціи». Вообще же, по словамъ мистрисъ Ирби, католики въ Босніи и Герцеговинѣ гораздо смиреннѣе и далеко не такъ стойки, какъ православные, но зато они въ гораздо лучшихъ отношеніяхъ съ турецкими властями и никогда не слышно о заточеніи въ тюрьму католическаго патера, тогда какъ православныхъ священниковъ арестуютъ на каждомъ шагу и почти всегда по политическимъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, католики не такъ предпріимчивы, какъ православные, и отличаются ужасной бѣдностью, обработывая въ деревняхъ земли беговъ, а въ городахъ занимаясь мелкой торговлей. Несмотря на высшее образованіе патеровъ, католическое населеніе находится въ самомъ невѣжественномъ положеніи, и такого недостатка школъ нѣтъ ни въ одной католической странѣ, кромѣ Албаніи. Во всей Босніи всего 34 католическія школы для мальчиковъ, а для дѣвочекъ только недавно открыто четыре.

Простившись съ гостепріимными монахами вучьегорскаго монастыря, наши путешественники вскорѣ вышли на большую дорогу и достигли Травника, бывшаго политическою столицей Бос-

---

[1] «Gustav Thoemmel. Beschreibung des Wilayet Bosnien».—Wien *1867*.

ніи и резиденціей визиря впродолженіи двухъ-вѣковаго турецкаго владычества. Хотя въ немъ не болѣе 19,000 жителей и онъ не составляетъ, по объему, и четвертой части Сараева, съ которымъ никогда не могъ сравниться по промышленной дѣятельности, но босняки считаютъ его значительнымъ городомъ и указываютъ съ гордостью на старинную крѣпость, выстроенную Твердкомъ, первымъ королемъ Босніи, и служащую донынѣ турецкимъ арсеналомъ. По примѣру другихъ турецкихъ властей, помощникъ травникскаго каймакама заподозрилъ въ англійскихъ путешественникахъ австрійскихъ агентовъ, подстрекавшихъ христіанъ къ мятежу. Съ большимъ трудомъ Эвансъ втолковалъ этому мудрому администратору, что можно ходить пѣшкомъ и получать письма по почтѣ; тогда онъ сталъ извиняться и объяснялъ свою ошибку «щекотливыми временами». Дѣйствительно, времена были критическія, и мусульманское населеніе города находилось въ такомъ возбужденномъ состояніи, что христіане опасались рѣзни. Несмотря на всегдашнія дружескія чувства боснійскихъ мусульманъ къ англичанамъ, Эвансъ, гуляя по улицамъ безъ револьвера, подвергался враждебнымъ демонстраціямъ со стороны правовѣрныхъ. Они хмурили брови при его проходѣ; торговцы отказывались продавать ему товары; какой-то старикъ публично осыпалъ его проклятіями; заптій, для охраненія будто бы его безопасности, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, и, наконецъ, онъ подвергся рѣшительному нападенію прежде мальчишекъ, бросавшихъ въ него каменья, а потомъ и взрослыхъ, которыхъ онъ, однако, обратилъ въ бѣгство своей тяжелой палкой. Послѣ всего этого, Эвансъ не нашелъ возможнымъ протестовать противъ распоряженія помощника каймакама, который объявилъ, что имъ невозможно идти, какъ они желали, въ фойницкій католическій монастырь, и отправилъ ихъ съ заптіемъ, въ крытой повозкѣ, прямо въ Сараево. Тутъ впервые англичане познакомились съ ѣздою по турецкой большой дорогѣ, гдѣ на каждомъ шагу приходится переѣзжать черезъ рядъ живыхъ жердей, представляющихъ мостъ, или натыкаться на валяющіяся, сломанныя телеги, или, наконецъ, ѣхать по грудамъ камней, долженствующихъ изображать только-что проложенное шоссе. Несмотря, однако, на повозку и заптія, наши путешественники не отказались отъ намѣренія посѣтить Фойницу, и, когда въ одномъ изъ селеній жандармъ застрялъ, напиваясь по привычкѣ въ каждомъ *ханѣ* или гостинницѣ, они воспользовались этимъ случаемъ, отпустили возницу съ повозкой и, взявъ христіанскаго проводника, смѣло углубились въ горы, по другую сторону которыхъ находилась Фойница.

Добравшись благополучно до цѣли своихъ странствій, они, однако, съ неудовольствіемъ увидѣли, что проникнуть въ знаменитый монастырь было не легко: католическіе монахи ни за что не хотѣли отворить воротъ въ монастырской оградѣ, увѣряя, что въ ихъ обители нѣтъ ничего замѣчательнаго, и даже прямо

отрицали, чтобъ у нихъ хранилась родословная стариннаго христіанскаго дворянства Босніи. Но тутъ впервые оказалъ Эвансу помощь австрійскій майоръ Рачкевичъ, которому, какъ католику, монахи показали свое сокровище и онъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи, столь же плохомъ, какъ карта, рисунокъ герба стариннаго боснійскаго королевства. Эвансъ случайно срисовалъ этотъ гербъ и, окрасивъ надлежащими цвѣтами, помѣстилъ на оберткѣ своей записной книжки. Теперь этотъ рисунокъ послужилъ магическимъ ключемъ, и монахи, полагавшіе, что никто не зналъ внѣ предѣловъ обители о существованіи гербовника, пришли втупикъ, а настоятель очень любезно принялъ столь ученаго европейца и показалъ ему книгу, хранящуюся въ монастырѣ, какъ святыню.

Въ селеніи Фойницѣ, во время посѣщенія Эвансомъ католическаго монастыря находилось случайно нѣсколько высшихъ турецкихъ чиновниковъ, выѣхавшихъ туда на пикникъ, и они очень любезно подвезли нашихъ путешественниковъ до Киселяка близь Сараева, славящагося своими минеральными водами. Страна, по которой они проѣзжали теперь, долина Босны и ея притоковъ представляетъ средоточіе минеральныхъ богатствъ Босніи. Въ рѣчкѣ Фойницѣ мелкіе камни на днѣ всѣ окрашены въ коричневый цвѣтъ отъ желѣза, находящагося здѣсь въ изобиліи, а на откосахъ горъ видны слѣды заброшенныхъ старинныхъ римскихъ и рагузскихъ раскопокъ золотой и серебряной руды. Кромѣ того, тутъ находится много мѣди, ртути, мышьяка и графита, а далѣе простираются громадныя залежи каменнаго угля. Но отчего эта чорная страна будущаго сохраняетъ такъ долго свои сокровища скрытыми въ нѣдрахъ земли? Отчего предпріимчивые рудокопы отправляются въ отдаленныя страны, когда подъ руками въ Босніи столько непочатыхъ источниковъ богатствъ? Отвѣтъ на это очень простъ: въ Босніи нѣтъ никакихъ средствъ сообщенія, и турецкое правительство смотритъ на всякое промышленное предпріятіе, какъ на естественное средство наживы. Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ составилась нѣмецкая компанія для разработки богатой руды ртути близь католическаго монастыря въ Крешевѣ; но безъ разрѣшенія изъ Стамбула ничего нельзя начать, а въ этомъ центрѣ всякаго нечестія ничего нельзя добиться безъ взятки. Сначала компанія дѣйствовала съ большимъ жаромъ и давала щедрыя взятки, но домогательства совѣтниковъ султана становились все значительнѣе, и, наконецъ, боясь раззориться прежде начала дѣла, компанія отказалась отъ своего предпріятія. Въ отношеніи минеральнаго богатства Босніи, заслуживаетъ большаго вниманія одинъ фактъ, именно—что всѣ центры будущей горнозаводской дѣятельности находятся въ рукахъ католическихъ монастырей, и поэтому, если Босніи суждено когда-нибудь вступить въ среду европейскихъ государствъ и разработывать свои заброшенныя копи и руды, то подобное промышленное развитіе должно силь-

но увеличить вліяніе католическаго меньшинства на ея обитателей.

Въ Кизелякѣ, модномъ Спа Босніи, наши путешественники отдохнули отъ своихъ долгихъ странствій въ лучшемъ отелѣ всей Босніи, гдѣ, впервые съ австрійской границы, они увидѣли кровати, и потомъ благополучно достигли столицы Босніи.

II.

Сараево считается боснійскими мусульманами за лучшій городъ въ Европейской Турціи послѣ Стамбула, и они съ гордостью называютъ его Сѣвернымъ Дамаскомъ. Дѣйствительно, онъ расположенъ очень живописно и представляетъ громадный садъ, надъ роскошной зеленью котораго возвышаются сотни мечетей, куполъ новаго православнаго собора и турецкая крѣпость на горѣ Ягодинѣ, по откосамъ которой лѣпятся жилища турокъ, тогда какъ главная часть города помѣщается въ узкой долинѣ, перерѣзанной маленькой рѣчкой Милячкой и окруженной со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ то лѣсистыхъ, то обнаженныхъ горъ. Возникнувъ и развившись во время турецкаго владычества, Босна-Сарай или Сараево получилъ свое названіе отъ Сарая, дворца, какъ прозвали турки выстроенную тутъ крѣпость первымъ визиремъ Босніи. Во всѣ эпохи своего существованія и доселѣ, Сараево составляетъ центръ мусульманскаго населенія страны. Очень рано онъ сталъ главною твердыней боснійскихъ янычаровъ, которые не составляли шайку разбойниковъ, какъ въ другихъ турецкихъ провинціяхъ, а были потомками, ренегатами главнѣйшихъ родовъ стариннаго Боснійскаго Королевства, говорили своимъ роднымъ языкомъ, отличались горячимъ патріотизмомъ и состояли въ тѣсномъ союзѣ съ гордой мѣстной аристократіей, которая сохранила феодальныя права подъ эгидой принятаго ею мусульманства. При ихъ помощи, Сараево сталъ свободнымъ городомъ, оплотомъ провинціальной самостоятельности Босніи противъ ненавистныхъ турокъ, такъ какъ-ренегаты-босняки, перемѣнивъ свою вѣру, упорно отстаивали права своей родины и довели до того муниципальныя привилегіи Сараева, что турецкій визирь, напримѣръ, не могъ оставаться въ его стѣнахъ болѣе сутокъ. Конечно, съ паденіемъ янычаровъ въ Константинополѣ, уничтожилось и величіе Сараева, который, послѣ уничтоженія феодализма во всей странѣ, въ 1850 году, потерялъ свою самостоятельность и сдѣлался резиденціей генерал-губернатора провинціи. Но если этотъ городъ пересталъ быть средоточіемъ мѣстной политической жизни, то онъ доселѣ сохраняетъ значеніе могучаго центра мусульманскаго фанатизма, который нигдѣ не достигаетъ такой крайней степени, какъ въ Босніи, издавна считающейся излюбленною страной мусульманскаго консерватизма, «львомъ, обере-

гающимъ врата Стамбула». Поэтому неудивительно, что возстаніе боснійскихъ христіанъ въ прошломъ году возбудило движеніе и между мусульманами, такъ что, прибывъ въ Сараево, Эвансъ нашелъ все христіанское населеніе города, въ томъ числѣ небольшое количество европейцевъ, въ ужасномъ страхѣ и трепетѣ. Эта паника была тѣмъ сильнѣе, что губернаторъ Гусейнъ-паша, человѣкъ слабый и неспособный, не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія.

Оставшись нѣсколько дней въ Сараевѣ, Эвансъ находился въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ помощникомъ англійскаго консула, извѣстнымъ историкомъ и доброжелателемъ славянъ, Фриманомъ, германскимъ консуломъ, представителями Австріи и Россіи, а также съ двумя англичанками мистрисъ Ирби и миссъ Джонсонъ, о которыхъ мы уже ранѣе говорили; изъ разсказовъ всѣхъ этихъ компетентныхъ лицъ, а также изъ собранныхъ имъ самимъ свѣдѣній, онъ составилъ любопытный очеркъ первыхъ вспышекъ нынѣшняго возстанія въ Босніи и ихъ причинъ.

Трудно себѣ представить, по словамъ Эванса, до какого дикаго угнетенія дошла эта несчастная страна подъ турецкимъ управленіемъ. Исключая Сараева и нѣсколько другихъ городовъ, въ которыхъ находятся консулы или европейскіе резиденты, нигдѣ честь, собственность и жизнь христіанъ не обезпечены. Насилія, даже убійства производятся мусульманами безнаказанно; турецкія власти смотрятъ на это сквозь пальцы, а жандармы преспокойно отпускаютъ злодѣевъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія. Первый вопросъ, который долженъ всегда задать путешественникъ, въѣзжая въ какую-нибудь турецкую провинцію: «принимается ли свидѣтельское показаніе христіанина противъ мусульманъ?» На это мистрисъ Ирби, изучавшая близко этотъ предметъ, отвѣчаетъ, что показаніе христіанъ, конечно, не можетъ быть принято въ *мехкемѣ*, то есть въ судѣ кади, древнемъ турецкомъ трибуналѣ, рѣшенія котораго основаны исключительно на коранѣ, но въ современныхъ судахъ, *меджлисахъ*, христіане, по закону, допускаются въ свидѣтели противъ мусульманъ, и, на практикѣ, даже въ Босніи, бывали этому примѣры, особенно если судьямъ дана взятка; но вообще показаніе двухъ мусульманъ можетъ пересилить показаніе двадцати христіанъ. Турки, естественно, не выказываютъ большой ревности въ примѣненіи закона, относящаго всѣ споры между христіанами и мусульманами подсудности *меджлисовъ*, такъ какъ эти смѣшанные суды грозятъ уничтоженіемъ чисто мусульманскаго мехкема. Въ каждомъ меджлисѣ, въ Сараевѣ, находятся четверо или шестеро мусульманъ, одинъ или два православныхъ, одинъ католикъ и одинъ или два еврея; при этомъ, знаніе турецкаго языка необходимо, такъ какъ все судопроизводство на турецкомъ языкѣ. Вліяніе немусульмань, поэтому, очень незначительно въ меджлисахъ, и мѣсто члена въ этихъ судахъ непопулярно меж-

ду православными, такъ какъ мусульманское большинство обращается съ ними очень презрительно. Изъ всего этого ясно вытекаетъ, что положеніе христіанъ невыносимо. Правда, можно спросить: отчего же они не жалуются европейскимъ консуламъ и не просятъ ихъ покровительства? Но, во-первыхъ, въ горной странѣ, почти безъ всякихъ средствъ сообщенія, это, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно, а во-вторыхъ, каждый христіанинъ, жалующійся консулу, можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что турецкія власти подвергнуть его еще худшимъ преслѣдованіямъ, и, къ тому же, консулы не имѣютъ возможности спасти его и семейство отъ погибели. «Одному Богу только извѣстно восклицалъ австрійскій консулъ: — что̀ терпятъ райи въ сельскихъ округахъ!» Впрочемъ, и въ городахъ, даже на виду европейскихъ консуловъ, мусульмане дозволяютъ себѣ, въ отношеніи христіанъ, самыя ужасныя жестокости и дерзкія оскорбленія. Такъ, мистрисъ Ирби разсказываетъ, что одинъ дервишъ, по имени Гаджи-Ло, встрѣтивъ у воротъ Сараева православнаго священника, ѣхавшаго верхомъ, приказалъ ему сойти съ лошади, говоря:—«Боснія—еще магометанская страна; ты видишь, что мимо идетъ турокъ—слѣзай живо!» Три раза встрѣтилъ дервишъ этого священника и три раза заставилъ слѣзть съ лошади передъ собою; точно также, онъ принудилъ пройти мимо себя пѣшкомъ цѣлую свадебную процессію католическихъ райевъ. Это происходило въ 1871 году, и около того же времени, на рынкѣ въ Сараевѣ, въ глазахъ многочисленныхъ турокъ и заптіевъ, мусульманинъ убилъ восемнадцатилѣтняго христіанина и преспокойно удалился. «Множество подобныхъ ужасовъ совершалось ежедневно во всѣхъ частяхъ Босніи, говоритъ мистрисъ Ирби:—но несчастные райи не смѣли жаловаться, боясь жестокаго возмездія; наконецъ, настала минута, когда боснійскіе райи громко повѣдали всей Европѣ правдивую быль своихъ страданій и горькаго униженія».

Но источникъ самыхъ нестерпимыхъ притѣсненій и главная причина настоящаго возстанія заключаются въ порядкѣ взиманія налоговъ. Централизаціонная система, введенная въ Босніи съ 1851 года, дѣлаетъ турецкое правительство машиной, выжимающей послѣдній грошъ изъ несчастныхъ райевъ; но, наконецъ, отчаянныя усилія турецкихъ финансистовъ для отсрочки ежедневно грозящаго государственнаго банкротства переполнили чашу страданій долготерпѣливыхъ босняковъ. Придавъ самому жестокому насилію законную форму, правительство беретъ съ несчастнаго народа подати съ земли, съ жилища, съ жатвы и съ каждаго новорожденнаго младенца. Этотъ послѣдній налогъ называется *войниной* и уплачивается христіанами взамѣнъ рекрутской повинности, что̀ особенно тяжело для бѣдныхъ, такъ какъ они, наравнѣ съ богатыми, одинаково платятъ 28 піастровъ съ головы. Но всего тяжелѣе *десятина*, или, въ сущности, осьмина съ жатвы, такъ какъ нѣсколько, лѣтъ тому на-

задъ, ловкіе стамбульскіе финансисты прибавили, въ видѣ временной мѣры, два съ половиною процента къ цифрѣ установленнаго закономъ налога. Правительство отдаетъ взиманіе этого налога на откупъ, преимущественно фанаріотскимъ грекамъ или другимъ искателямъ приключеній изъ Стамбула, смотря по тому, кто выше подниметъ цѣну; при этомъ надо сказать къ чести турокъ и славянъ-ренегатовъ, что они очень рѣдко встрѣчаются въ числѣ этихъ презрѣнныхъ «десятинниковъ», для которыхъ не существуетъ ни чести, ни человѣколюбія, ни религіи. Получивъ право на сборъ налога въ данномъ округѣ, откупщики обращаются за помощью къ турецкимъ властямъ и заптіямъ, содѣйствующимъ очень охотно разоренію христіанъ. Они, обыкновенно, являются въ селеніе до жатвы и оцѣниваютъ ее по существующимъ цѣнамъ, которыя тогда выше, чѣмъ послѣ жатвы. Но этимъ дѣло не кончается; жатва не можетъ быть собрана, пока не уплатится вся сумма налога деньгами, часто превосходящаго вдвое или втрое установленную цифру, и часто хлѣбъ гніетъ на корню. Такимъ образомъ, несчастный райя долженъ или совершенно лишиться плода своихъ трудовъ, или отдать бо̀льшую его часть. Если же, несмотря на все это, христіанинъ упорствуетъ, то откупщикъ прибѣгаетъ къ пыткамъ, достойнымъ инквизиціи. Иногда поселяне вступаютъ между собою въ союзъ для защиты отъ этихъ разбойниковъ; тогда послѣдніе обращаются къ помощи властей, говоря, что, если не получатъ всего, слѣдуемаго съ селенія, то не будутъ въ состояніи уплатить откупной суммы правительству. Заптіи немедленно отправляются въ означенныя селенія, пьютъ и ѣдятъ на счетъ бѣдныхъ его жителей, позорятъ женъ и подвергаютъ истязаніямъ дѣтей. Съ ихъ помощью откупщики и подвергаютъ всевозможнымъ пыткамъ неповинующихся райевъ. Лѣтомъ, несчастныхъ раздѣваютъ до гола, привязываютъ къ деревьямъ и, вымазавъ медомъ, оставляютъ на съѣденіе насѣкомымъ; зимою ихъ выставляютъ босикомъ на снѣгъ, чтобъ отморозить ноги, или загоняютъ въ свинюшникъ и поливаютъ сверху холодной водой; иногда садятъ райю на дерево или запираютъ въ комнату и разводятъ огонь, такъ что онъ задыхается отъ дыма; наконецъ, закапываютъ его въ землю по шею, пока онъ не одумается. Въ послѣднемъ сочиненіи пастора Дентона [1] приводится любопытный разсказъ княгини Юліи Сербской объ одной бѣдной боснячкѣ, которая бѣжала въ Бѣлградъ, чтобъ вымолить ея заступничество, которое, конечно, было немыслимо. У этой несчастной потребовали платежа налога въ такой громадной цифрѣ, что она не могла заплатить и просила разсрочки; тогда ее сначала стали *закуривать* дымомъ, а потомъ бросили въ рѣку съ двумя малолѣтными дѣтьми, которыя утонули, несмотря на всѣ ея усилія ихъ спасти. Ее же вытащилъ полумертвую случайно проходившій

[1] The christians in Turquey, by W. Denton, p. 44.

мимо сербскій поселянинъ. Подобныя неистовства, еще въ 1865 году довели до отчаянія многихъ райевъ, и 500 семействъ бѣжало въ Австрію отъ притѣсненій сборщиковъ податей; но нѣмцы вернули ихъ обратно, и они должны были въ самомъ жалкомъ положеніи отправиться къ своимъ пепелищамъ. Злоупотребленія откупщиковъ до того вопіющи и такъ волнуютъ народъ, что Дервишъ-паша, бывшій при Эвансѣ генерал-губернаторомъ Босніи и впослѣдствіи смѣщенный, неразъ обращался съ просьбами къ Портѣ объ отмѣнѣ этой зловредной системы, но получалъ всегда тотъ же отвѣтъ, который давали ранѣе могущественному англійскому послу лорду Стратфорду, когда онъ дѣлалъ представленія великому визирю по этому предмету: десятины отмѣнить нельзя, ибо это—религіозное учрежденіе. Наконецъ, по словамъ Эванса, Дервишу-пашѣ удалось доказать отличіе этого налога отъ религіозной десятины, и онъ надѣялся, что ему дозволятъ замѣнить его другимъ, поземельнымъ, взиманіе котораго не было бы передано откупщикамъ. Но было уже поздно. Въ Босніи и Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе, причиненное, главнымъ образомъ, безчеловѣчной осьминой.

15-го августа 1875 года, въ тотъ самый день, когда происходило сборище христіанъ на Чорной Горѣ, близь Комузины, поселяне той части Босніи, доведенные до отчаянія жестокими вымогательствами откупщиковъ осьмины, подняли оружіе. Судя по тому, какъ быстро распространилось возстаніе по Нижней Босніи, это движеніе было заранѣе подготовлено; и, дѣйствительно, въ Бѣлградѣ знали о немъ напередъ. Первая вспышка произошла близь Баньялуки, гдѣ поселяне райи убили восемь откупщиковъ. Вслѣдъ за этимъ, послѣдовали возстанія Пасавины до Брода и Дервента; нѣкоторые изъ пограничныхъ блокгаузовъ сожжены, и турецкіе пикеты убиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлыя толпы женщинъ и дѣтей бѣжали въ Австрію, спасаясь отъ голодной смерти и жестокостей мусульманскаго населенія, которое взяло въ свои руки защиту турецкаго правительства, такъ какъ въ Босніи было очень мало войска, и то, бо̀льшею частью, отправилось подъ предводительствомъ генерал-губернатора для усмиренія еще прежде вспыхнувшаго возстанія въ Герцеговинѣ. Власти въ Сараевѣ и другихъ городахъ Босніи совершенно потеряли голову и съ отчаянія прибѣгли къ помощи мусульманскихъ волонтеровъ, башибузуковъ, которые были незадолго передъ тѣмъ уничтожены за ихъ неистовства, нетерпимыя ни въ какомъ правительствѣ. При Эвансѣ, одинъ изъ подобныхъ отрядовъ вступилъ въ Сараево, предшествуемый тревожными слухами о самыхъ неистовыхъ жестокостяхъ, которыя дозволяла себѣ эта шайка организованныхъ разбойниковъ, подъ предводительствомъ неотвѣтственнаго партизана. Они всюду жгли жилища райевъ и жатвы на поляхъ, убивали женщинъ, дѣтей, стариковъ. «Что защита Босніи отдана въ руки такихъ людей,

говоритъ Эвансъ:—это одинъ изъ самыхъ страшныхъ фактовъ настоящаго возстанія и лучше всего доказываетъ, до какого позорнаго упадка дошло турецкое правительство, призывающее къ себѣ на помощь бандитовъ. Впрочемъ, правительство, повидимому, не имѣетъ уже никакой власти въ возставшихъ округахъ Босніи, гдѣ туземное мусульманское населеніе, видя, что турки оставили ихъ безъ защиты, сами приняли энергичныя мѣры и составили комитеты общественной безопасности въ Баньялукѣ, Дервентѣ и другихъ городахъ. Такимъ образомъ, въ Босніи возстаніе христіанъ вызвало контр-революцію въ средѣ фанатичныхъ мусульманъ».

Какъ мы уже говорили, это движеніе среди мусульманъ ясно высказывалось въ Сараевѣ, во время пребыванія тамъ Эванса, и положеніе дѣлъ въ столицѣ Босніи тогда было очень натянутое, напоминавшее событія 1872 года. Въ то время, среди общаго мира, сараевскіе мусульмане составили заговоръ съ цѣлью перерѣзать всѣхъ христіанъ, если они осмѣлятся повѣсить колокола на новый, только-что воздвигнутый православный соборъ, и лишь благодаря вмѣшательству консуловъ и благоразумію православнаго населенія, отказавшагося отъ звона колоколовъ, была предупреждена новая варѳоломеевская ночь. Но этотъ случай только убѣдилъ мусульманъ въ ихъ силѣ, и теперь они открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, собирались въ мечетяхъ и разсуждали о защитѣ противъ заговоровъ, будто бы составляемыхъ христіанами. Прибытіе англійскихъ путешественниковъ возбудило также ихъ подозрѣніе, и депутація изъ сорока человѣкъ явилась къ пашѣ, прямо обвиняя ихъ въ снятіи плана крѣпости и въ оскверненіи мечети. Помощнику англійскаго консула было очень легко опровергнуть эту клевету, такъ какъ Эвансы даже не подходили къ упомянутымъ зданіямъ; но все же они потомъ всегда появлялись на улицахъ въ сопровожденіи консульскихъ кавасовъ. Несмотря на это, однако, Эвансъ, по своему обыкновенію, съ любопытствомъ изучилъ Сараево и жизнь его жителей.

Громадное большинство пятидесятитысячнаго населенія Сараева составляютъ славяне ренегаты, которые, вообще, въ Босніи отличаются строгимъ консерватизмомъ даже въ одеждѣ; такъ, они носятъ старинныя чалмы вмѣсто фесокъ, несмотря на указы султана, и нигдѣ такъ строго не соблюдается правило корана скрывать лица замужнимъ женщинамъ. Впрочемъ, какъ остатокъ христіанской старины, молодыя дѣвушки до замужества не носятъ яшмака, и турки съ презрѣніемъ говорятъ: «Идите въ Боснію, если хотите видѣть свою невѣсту», а потому иногда случаются здѣсь браки по любви—неслыханное дѣло на Востокѣ. Еще замѣчательная черта въ боснійскихъ мусульманахъ—что полигамія почти вовсе не существуетъ, и общественное мнѣніе преслѣдуетъ мусульманина, если у него болѣе одной жены. Что же касается общаго мусульманскаго типа въ Сараевѣ, то

онъ, по словамъ Эванса, невольно поражаетъ всякаго безжизненностью и вялостью выраженія. Вообще, эти качества составляютъ отличительную черту славянина-ренегата, когда дѣло не касается религіознаго фанатизма; напримѣръ, если у него оторвется пуговка у одежды, то онъ никогда не подумаетъ ее нашить, а если животное падетъ передъ его домомъ, то онъ оставитъ его гнить на улицѣ, заражая воздухъ. Но несмотря на врожденный фатализмъ, онъ имѣетъ своего рода самолюбіе и желаетъ убѣдить всякаго въ своихъ глубокихъ познаніяхъ, хотя говоритъ немного, а потому, при каждомъ удобномъ случаѣ, хмуритъ брови и принимаетъ глубокомысленный видъ. Быть можетъ, также лѣнью и апатіей слѣдуетъ объяснить ихъ пренебреженіе къ обману въ торговлѣ, потому что всѣ иностранцы свидѣтельствуютъ, что въ мусульманскихъ лавкахъ въ Сараевѣ можно купить все дешевле и лучше, чѣмъ въ христіанскихъ; но мусульмане не отличаются предпріимчивостью и не могутъ конкурировать съ христіанами и евреями, такъ что никогда не возвышаются надъ положеніемъ мелкихъ лавочниковъ.

Самые богатые граждане въ Сараевѣ—евреи, предки которыхъ бѣжали въ Боснію изъ Испаніи, отъ преслѣдованія инквизиціи въ XV и XVI столѣтіяхъ. Ихъ теперь насчитываютъ до 2,000, и главное свое богатство они пріобрѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣлой системой злостныхъ банкротствъ. Несмотря на этотъ всѣмъ извѣстный фактъ, они служатъ переводчиками и банкирами турецкихъ властей. По выраженію Эванса, «они также грязны нравственно, какъ и физически»; но съ другой стороны, мистрисъ Ирби увѣряетъ, что никогда невидно въ турецкой тюрьмѣ еврея, обвиняемаго въ убійствѣ, кражѣ или насиліи, а также, что между ними нѣтъ вовсе нищихъ.

Второе мѣсто, по богатству, занимаютъ православные босняки. Ихъ около 6,000, и они составляютъ зажиточную буржуазію, въ рукахъ которой сосредоточена почти вся внѣшняя торговля Босніи, такъ какъ Сараево находится на перепутьѣ дорогъ, идущихъ въ Австрію, Сербію, Далмацію и Константинополь. Но, какъ замѣчалъ еще Гильфердингъ, сараевскіе православные купцы составляютъ очень непривлекательную, замкнутую касту эгоистичныхъ торгашей, отворачивающихся отъ несчастныхъ райевъ и несочувствующихъ какому бы то ни было прогрессу. Такъ, несмотря на ихъ богатство, они не заботятся о воспитаніи своихъ дѣтей, и, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ тріестскій купецъ, родомъ изъ Босніи оставилъ значительную сумму для основанія православной школы въ Сараевѣ, подъ условіемъ пожертвованія сараевцами незначительной добавочной суммы, то православные купцы отказались принять завѣщанную сумму, увѣряя, что имъ ненужно новой школы. Конечно турецкое правительство пользуется этой слабостью высшихъ представителей православнаго населенія и старательно поддерживаетъ невѣжество во всей странѣ, такъ что православные райи

не имѣютъ болѣе 47 мужскихъ школъ и 6 женскихъ во всей Босніи. Также заслуживаетъ вниманія поразительный фактъ, что во всей странѣ нѣтъ ни одной книжной лавки. Одинъ боснійскій купецъ вздумалъ-было недавно завести для продажи нѣсколько сербскихъ книгъ, но ихъ тотчасъ отобрали турецкіе чиновники, которые строго наблюдаютъ, чтобъ ни одна сербская книга или газета не проникла въ предѣлы Босніи, а губернаторъ жаловался, однажды, австрійскому консулу, что въ домѣ послѣдняго показывали православнымъ купцамъ славянскую газету. Въ Сараевѣ существуетъ казенная типографія, но она печатаетъ только элементарные учебники, календари, пѣсенники и двѣ газеты на турецкомъ и славянскомъ языкахъ; но въ нихъ такъ мало печатается свѣдѣній, какъ кромѣ о передвиженіяхъ въ оффиціальномъ турецкомъ мірѣ, что славянская газета вовсе не распространена между православными босняками.

Одно изъ самыхъ печальныхъ и роковыхъ условій современнаго положенія православныхъ райевъ въ Босніи составляетъ позорная роль, разыгрываемая высшимъ духовенствомъ, которое нетолько не покровительствуетъ несчастнымъ и не заботится о ихъ нравственномъ и умственномъ развитіи, но старается всѣми силами вырвать у нихъ послѣдній грошъ, оставленный самими турками. Оттоманское правительство всегда ловко пользовалось этимъ презрѣннымъ орудіемъ для бо̀льшаго угнетенія райевъ и постоянно наполняло ряды православныхъ іерарховъ Босніи фанаріотскими греками, которые, не имѣя ничего общаго, ни по происхожденію, ни по языку, ни по стремленіямъ, съ своею паствой, соперничаютъ съ турецкими властями въ притѣсненіи христіанъ, представляя, въ то же время, ужасный примѣръ нравственнаго растлѣнія. Вся Боснія съ Герцеговиной раздѣляется на четыре епархіи, епископы которыхъ носятъ названія и митрополитовъ. Присылаемый изъ Стамбула подобный митрополитъ, обыкновенно начавшій свою карьеру съ лакейской должности у какого-нибудь паши или богатаго фанаріота, думаетъ только ка̀къ поболѣе выручить денегъ изъ заключенной финансовой сдѣлки, такъ какъ Порта и константинопольскій патріархъ продаютъ боснійскія епархіи тому, кто больше дастъ, и даже, впослѣдствіи, чтобъ удержаться на мѣстѣ, онъ обязанъ ежегодно посылать громадныя взятки въ Стамбулъ, «этотъ источникъ всякаго нечестія». Естественно, что *симонія* съ ступеней епископскаго престола спускается до бѣднѣйшаго сельскаго прихода, и почти всякій попъ долженъ платить епископу извѣстную сумму отъ 20—30 дукатовъ: такимъ образомъ, сараевскій митрополитъ имѣетъ до 10,000 фун. стерл. годоваго дохода, а всѣ четыре пастыря христіанской церкви, грабя свою паству, выручаютъ около шестнадцатой части всѣхъ налоговъ, взимаемыхъ правительствомъ съ этой несчастной страны. «Это — пастыри, полагающіе свою душу не за овцы, а за *новцы* (деньги)», говорятъ угнетаемые райи. Естественно, что положеніе простыхъ

священниковъ, бо̀льшею частью сербовъ, самое печальное; они или должны подражать своимъ владыкамъ и тянуть послѣдній грошъ съ своихъ прихожанъ, или находиться въ самомъ нищенскомъ положеніи, прибѣгая къ различнымъ способамъ пропитанія. Поэтому, они часто, наравнѣ съ поселянами, обрабатываютъ землю у мусульманъ или идутъ въ поденщики, плотники, портные и т. д. Невѣжество бо̀льшей части священниковъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ: они едва знаютъ граматѣ и совершаютъ службу чисто механически, не понимая даже смысла церковныхъ обрядовъ. Зато митрополиты живутъ въ свое удовольствіе, и предшественникъ нынѣшняго сараевскаго митрополита былъ извѣстенъ своимъ пьянствомъ и громадными богатствами, состоявшими преимущественно въ серебрѣ и дорогихъ мѣхахъ. Даже выносливые, загнанные райи не выдержали налагаемыхъ имъ страшныхъ поборовъ и жаловались, въ 1864 году, турецкимъ властямъ, которыя издали нѣчто въ родѣ таксы для духовныхъ требъ. Конечно, она осталась мертвой буквой, и одной изъ причинъ герцеговинскаго возстанія было невыносимое тиранство митрополита Прокопія, котораго турки, при первомъ извѣстіи о возстаніи, удалили на болѣе жирное мѣсто, гдѣ, по выраженію Эванса, «духовный вампиръ еще болѣе разъѣстся». Однако, это печальное положеніе православнаго духовенства не мѣшаетъ многимъ священникамъ быть самыми горячими патріотами и поддерживать въ своей паствѣ любовь къ независимости и къ сосѣдней свободной Сербіи, за что̀ они часто подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны епископовъ и турецкихъ властей. Со времени же возстанія мы видимъ, что православные священники и монахи принимаютъ въ немъ живое участіе, даже предводительствуютъ отрядами инсургентовъ.

Несмотря на тревожное положеніе Сараева и еще болѣе безпокойные слухи изъ Герцеговины, гдѣ возстаніе распространялось гораздо сильнѣе, Эвансъ рѣшился продолжать свое путешествіе и посѣтить этотъ горный о̀кругъ Босніи, гдѣ духъ самостоятельности сохранился между забитыми райями болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. «Помните мои слова̀ и не удивляйтесь, сказалъ ему, въ видѣ напутствія, одинъ изъ представителей европейскихъ государствъ: — вы видѣли послѣдніе дни турецкаго владычества въ Сараевѣ: это—начало конца».

III.

Запасшись многочисленными амулетами и талисманами, которые въ большомъ употребленіи какъ въ мусульманскомъ, такъ и въ христіанскомъ населеніи Босніи, наши путешественники вышли, по обыкновенію, пѣшкомъ изъ Сараева по направленію къ границѣ Герцеговины. Въ разстояніи часа отъ города, они ми-

новали послѣдній слѣдъ сравнительной цивилизаціи—пивной заводъ, устроенный двумя австрійцами. Одинъ изъ нихъ наканунѣ уѣхалъ въ Австрію съ своимъ семействомъ, а другой находился въ большой тревогѣ и не слѣдовалъ за товарищемъ только потому, что не могъ скоро собрать своихъ вещей. «Я боюсь не инсургентовъ, сказалъ онъ Эвансу: — а турокъ; вы не можете себѣ представить, какіе головорѣзы—баши-бузуки». Эти слова вполнѣ подтверждали предостереженіе германскаго консула, который увѣрялъ смѣлыхъ англичанъ, отправившихся вдвоемъ по дикой странѣ, что баши-бузуки были главной для нихъ опасностью. Но, по счастью, они на всемъ пути только одинъ разъ встрѣтили этихъ храбрыхъ защитниковъ турецкаго правительства, которые спокойно ихъ пропустили съ криками: «добро! добро!», вѣроятно, потому, что отрядомъ командовалъ офицеръ регулярной арміи, прочитавшій открытый листъ Дервиша-паши. Эта встрѣча случилась на второй день путешествія, и, въ ту же ночь, они наткнулись снова на турецкихъ солдатъ. Увидавъ издали двухъ-этажный домикъ, походившій на всѣ ханы Босніи, Эвансъ и его братъ поднялись прямо въ верхній этажъ, такъ такъ нижній обыкновенно отводится лошадямъ и скоту. Но, къ величайшему ихъ изумленію, очутились среди солдатъ, которые превратили это жилище въ блокгаузъ. Однако, солдаты, справедливо предполагая, что никто, кромѣ друзей, не ворвется такъ смѣло въ военный постъ, приняли англичанъ очень любезно и утолили ихъ жажду.

Впродолженіи трехъ дней, наши путешественники странствовали наудачу, благодаря все той же нѣмецкой картѣ майора Рачкевича, среди пересѣкающихся горныхъ кряжей, покрытыхъ великолѣпными лѣсами дубовъ, сосенъ, елей и березъ, пока, наконецъ, они не спустились въ долину Наренты или Неретвы. Эта рѣка составляетъ границу между Босніей и древнимъ княжествомъ св. Саввы, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Герцеговины. Эвансъ съ восторгомъ описываетъ поразительное впечатлѣніе, произведенное на него первымъ герцеговинскимъ городомъ Койницей, стоящимъ на берегу серебристой Неретвы и позади котораго великолѣпнымъ амфитеатромъ тянутся обнаженныя известковыя вершины до самой Черной Горы на юго-востокѣ, образуя турецкую Швейцарію, гдѣ раздается нынѣ боевой кликъ свободы.

Этотъ небольшой городъ, находящійся въ единственномъ горномъ проходѣ, соединяющемъ нынѣшнюю столицу Босніи съ Герцеговиной, составляетъ ключъ къ обладанію этой послѣдней страной, тѣмъ болѣе, что черезъ Неретву перекинутъ прекрасный каменный мостъ, одинъ изъ лучшихъ историческихъ памятниковъ древняго кроатскаго царства. Поэтому, понимая его стратегическое значеніе, турки, при самомъ началѣ возстанія послали въ Койницу сильный отрядъ солдатъ, которые и стояли лагеремъ на берегу рѣки во время посѣщенія Эванса. Кро-

мѣ моста и двухъ мечетей, въ Койницѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и потому, на другой же день, путешественники продолжали свое странствіе далѣе по долинѣ Неретвы. Въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ они увидали новый желѣзный мостъ, который поспѣшно оканчивали турки, подъ руководствомъ бельгійскаго инженера. Этотъ инженеръ принялъ англичанъ съ распростертыми объятіями и разсказалъ довольно любопытную исторію моста. Оказалось, что онъ стòилъ громадныхъ денегъ, привезенъ изъ Англіи и лежалъ на берегу, несобранный впродолженіи двухъ лѣтъ, пока герцеговинское возстаніе не пробудило турецкаго правительства отъ его обычной апатіи. Теперь работа кипѣла, такъ какъ мостъ съ каждымъ днемъ становился все необходимѣе для провоза пушекъ, но врядъ ли онъ скоро окончится при настоящемъ положеніи дѣлъ. Бельгійскій инженеръ думалъ только о томъ, кàкъ бы ему бѣжать на далматинскую границу, куда уже скрылся его товарищъ-итальянецъ. Исторія, возбудившая, главнымъ образомъ, его страхъ, прекрасно характеризуетъ благодѣтельное турецкое правленіе и случилась за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Со времени возстанія никто не можетъ пройти изъ одного селенія въ другое безъ *тескере* или турецкаго паспорта, и бельгіецъ, какъ глава дорожной комиссіи, долженъ былъ просматривать паспортъ каждаго прохожаго и ставить штемпель. Однажды, утромъ, молодой, красивый герцеговинецъ-христіанинъ явился въ его палатку и визировалъ паспортъ, который оказался совершенно правильнымъ. Но не успѣлъ онъ дойти до строющагося моста, какъ двое вооруженныхъ турокъ, хотя не солдатъ и не чиновниковъ, дерзко потребовали у него *тескере*. Несмотря на то, что они не имѣли на это никакого права, юноша повиновался и подалъ свою бумагу. Тогда мусульмане, неумѣвшіе читать, стали клясться, что паспортъ неправильный и, схвативъ несчастнаго райю, потащили въ сторону, крича христіанскимъ торговцамъ, открывшимъ подлѣ моста нѣсколько лавчонокъ, что они ведутъ его въ дорожную комиссію. Но, достигнувъ сосѣдняго поля маиса, они повалили на землю бѣдняка и изрубили его, нанеся семь ранъ. Потомъ они преспокойно удалились въ виду христіанъ, которые спѣшили на крики юноши, но не смѣли тронуть турокъ. Узнавъ объ этомъ, бельгіецъ послалъ тотчасъ заптіевъ арестовать убійцъ, но, конечно, ихъ слѣдъ уже простылъ. Со времени этого событія инженеръ не зналъ ни минуты покоя и не дѣлалъ ни шага безъ конвоя заптіевъ, такъ какъ, по его словамъ, даже нахожденіе его на турецкой службѣ не обезпечивало ему безопасности, тѣмъ болѣе, что фанатичные мусульмане смотрѣли съ набожнымъ ужасомъ на строющійся мостъ, считая это дьявольскимъ ухищреніемъ. Появленіе англичанъ дало ему новую, счастливую мысль, и онъ просилъ ихъ передать генерал-губернатору въ Мостарѣ прошеніе о кратковременномъ отпускѣ для свиданія съ больною матерью въ Тріестѣ.

На слѣдующій день, жара была такая нестерпимая, что, отправляясь въ дальнѣйшій путь, Эвансы наняли лошадь для своихъ ранцевъ и во дворѣ *кираджи* или возницы увидали впервые мусульманокъ безъ *яшмака*. Но въ долинѣ этой обнаженной, горной мѣстности, гдѣ такъ мало плодородной земли даже вдоль рѣки, существуетъ законодатель болѣе могущественный, чѣмъ Магометъ. Въ известковой пустынѣ природа царитъ безгранично и требуетъ, чтобъ всѣ мужчины и женщины, для своего прокормленія, работали съ утра и до вечера. Всѣ руки здѣсь необходимы для спасенія отъ голодной смерти; помогая въ тяжелой работѣ своимъ мужьямъ, братьямъ и отцамъ, женщины не могутъ связывать своихъ движеній какими бы то ни было требованіями закона. Борьба за существованіе вывела изъ гарема мусульманскую женщину и заставила ее честно работать съ открытымъ лицомъ.

Дорога до Мостара проходитъ по самой великолѣпной мѣстности во всей Босніи и Герцеговинѣ; сначала она высѣчена въ крутыхъ обнаженныхъ утесахъ, возвышающихся на 3000 футовъ надъ шумящей и пѣнящейся рѣкою, а далѣе, за Желѣзными Воротами, страна принимаетъ все болѣе и болѣе южный видъ: на горныхъ скатахъ виднѣются пурпурныя *Salvia* и розовыя *Cyclomen*; между деревьями появляются каштаны, фиги и гранаты, а близь самого города въ садахъ зрѣетъ великолѣпный виноградъ. Неудивительно, что герцеговинцы съ презрѣніемъ называютъ своихъ братьевъ-босняковъ *сливарями*, намекая тѣмъ, что у нихъ нѣтъ другихъ плодовъ, какъ сливы.

Мостаръ, столица Герцеговины, находится между верхней и нижней долинами Неретвы и составляетъ значительный городъ, благодаря своимъ 18,000 жителямъ, изъ которыхъ 3,500 православныхъ, 500 католиковъ, а остальные—мусульмане. По словамъ Эванса, это—самый пріятный городъ во всей Босніи; бо̀льшая часть домовъ выстроена изъ камня, а не изъ дерева, какъ въ другихъ мѣстностяхъ; сорокъ мечетей и двѣ православныя церкви напоминаютъ римскую и византійскую архитектуры; въ главной гостинницѣ, содержимой далматинцемъ, путешественникъ встрѣчаетъ нѣкоторый комфортъ, а знаменитый мостъ, по которому названъ самый городъ, представляетъ великолѣпный памятникъ римской цивилизаціи. Онъ состоитъ изъ одной арки въ 75 футовъ длины и возвышается надъ рѣкою на 70 фут. Обыкновенно его постройку приписываютъ императору Траяну, нѣкоторые Адріану, а турки—султану Сулейману. Мостаръ былъ значительнымъ городомъ еще во времена свободы, а послѣ турецкаго завоеванія сталъ резиденціей герцеговинскихъ визирей, въ числѣ которыхъ самымъ знаменитымъ былъ жестокій Али-паша. Происходя изъ семейства герцеговинскихъ ренегатовъ, онъ былъ сначала агою Столаца, его родоваго владѣнія, и за могущественную помощь, оказанную султану Махмуду въ борьбѣ съ мусульманскими феодалами Босніи,

онъ былъ сдѣланъ, въ 1833 году, визиремъ Герцеговины, отдѣленной тогда отъ Босніи. Во время междоусобной войны, онъ смѣло вооружилъ христіанъ противъ возмутившихся мусульманскихъ вассаловъ султана и обѣщалъ имъ понизить подати, но, одержавъ побѣду и сдѣлавшись визиремъ, только и думалъ о примиреніи съ мусульманами, а несчастныхъ райевъ подвергалъ самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ. Любимой его забавой было смотрѣть на головы христіанъ, которыми унизывали стѣны мостарской крѣпости, гдѣ для этой цѣли была устроена особая рѣшетка съ 150 остріями, на которыхъ постоянно и перемѣнялись христіанскія головы. Во время правленія Али-паши, болѣе 1000 христіанъ были убиты только для этой цѣли, кромѣ постоянной травли ускоковъ или герцеговинцевъ, бѣжавшихъ въ Черногорію и снова возвратившихся на родину. Подъ конецъ жизни, самъ Али-паша подвергся неудовольствію турецкаго правительства за свои интриги съ мусульманскими аристократами и, во время усмиренія ихъ мятежа, въ 1850 году Омеромъ-пашею, онъ былъ арестованъ и убитъ въ темницѣ. Вообще, какъ ни страшны кажутся преданія объ его жестокостяхъ, но современные притѣснители несчастныхъ райевъ недалеко отстали отъ своего прототипа.

Хотя Эвансъ прожилъ въ Мостарѣ только три дня, но успѣлъ собрать очень любопытныя и, повидимому, достовѣрныя свѣдѣнія о возстаніи въ Герцеговинѣ и вызвавшихъ его обстоятельствахъ.

«Отъ консула Гольмса, говоритъ онъ:—мы узнали оффиціальный турецкій разсказъ о возстаніи въ Герцеговинѣ или, лучше, оффиціальный разсказъ, приготовленный по вкусу англичанъ, такъ какъ, впослѣдствіи, консулы, сравнивъ сдѣланныя ими замѣтки со словъ генерал-губернатора, нашли, что онъ каждому изъ нихъ передалъ особый варіантъ одной и той же исторіи. Согласно *нашему* варіанту, все дѣло было затѣяно сорока агитаторами, большею частью не герцеговинцами, а черногорцами и далматами. Конечно, губернаторъ признавалъ, что откупная система сбора податей была большимъ зломъ, и никто болѣе его не желалъ ея отмѣны, но она вовсе не служила причиной настоящаго возстанія. Заблуждающіеся люди, поспѣшившіе на призывъ агитаторовъ по ремеслу, были такъ называемые пандуры, нѣчто въ родѣ австрійскихъ пограничниковъ (gränzer), которые, защищая границу, освобождаются отъ обыкновенныхъ податей, и потому ихъ нетолько не раззоряютъ откупщики-собиратели податей, но они еще получаютъ ежегодно отъ правительства небольшую сумму денегъ. Положимъ, дѣйствительно были нѣкоторыя жалобы на административныя злоупотребленія, и паша, въ своемъ постоянномъ попеченіи, чтобъ послѣдній изъ подданныхъ султана вполнѣ пользовался всѣми благами заботливаго правленія, послалъ двухъ комиссаровъ: мостарскаго мутессарифа и почтеннаго *христіанина* изъ Сараева, Константа-эфенди, для изслѣдованія

на мѣстѣ означенныхъ злоупотребленій. Что̀ же донесли эти комиссары? Имъ не было представлено ни одной справедливой жалобы. Конечно, были заявлены сметанныя на живую нитку неудовольствія, часто относившіяся къ событіямъ, случившимся десять лѣтъ тому назадъ; но и эти жалобы предъявлялись не лицами, потерпѣвшими вредъ или ихъ семействами, а самопроизвольными оптовыми торговцами народныхъ бѣдствій. На это можно сказать, что, если не было справедливой причины для возстанія, то чѣмъ же объяснить его распространеніе? Это объясненіе, впрочемъ, очень просто. Пограничные агитаторы, не встрѣчая сочувствія въ вѣрныхъ христіанскихъ подданныхъ султана, прибѣгали къ насилію, и многія христіанскія селенія посылали сказать турецкимъ властямъ: «мы не хотимъ пристать къ инсургентамъ, но мы боимся, что насъ къ этому принудятъ». И дѣйствительно, ихъ заставляли принимать участіе въ возстаніи; въ противномъ случаѣ, сожигали въ селеніяхъ одинъ домъ за другимъ, такъ что несчастные поселяне принуждены были выбирать между раззореніемъ и мятежемъ. Что̀ же касается до способа веденія войны инсургентами, то онъ слишкомъ ужасенъ, чтобъ подробно о немъ распространяться. Они сожигали цѣлыя семейства магометанъ въ ихъ домахъ, а въ Любиньѣ изжарили двухъ дѣтей на вертелѣ въ глазахъ родителей Разсказывая эти и подобныя жестокости нашему консулу, мягкосердечный паша плакалъ. Слёзы, кажется, были исключительно предназначены англійскому представителю, какъ знакъ особаго къ нему довѣрія. Хотя Дервишъ-паша пользуется вполнѣ заслуженной славой хитраго человѣка, этотъ разсказъ о герцеговинскомъ возстаніи не имѣетъ даже того достоинства, о которомъ говоритъ итальянская пословица: *se non è vero ben trovato!* Дѣйствительная исторія этого возстанія, какъ она обнаружена консульской комиссіей европейскихъ державъ, имѣетъ очень мало общаго съ оффиціальнымъ турецкимъ повѣствованіемъ».

Прежде всего, ка̀къ ни уважительно кажется заявленіе, что турецкіе губернаторы Герцеговины платятъ христіанамъ за защиту границъ и какія бы суммы ни получали пандуры отъ правительства, стоящаго на краю банкротства, но все это, по словамъ Эванса, не относится къ дѣлу, такъ какъ центромъ возстанія было селеніе Невесинье, находящееся вовсе не на границѣ, а напротивъ, въ самомъ сердцѣ Герцеговины, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ главнаго города Мостара. Главная причина возстанія, точно такъ же, какъ въ Босніи, заключалась въ притѣсненіяхъ откупщиковъ податей. Однако, во многихъ отношеніяхъ положеніе герцеговинскихъ райевъ разнится отъ положенія ихъ боснійскихъ братьевъ, благодаря физическому строю обѣихъ странъ. Въ Босніи много удивительно плодородныхъ мѣстностей, какъ напримѣръ, Посавина, гдѣ самое жестокое и корыстное правительство не можетъ дотого высосать всю соль земли, чтобъ не оставить какихъ-нибудь крохъ несчастнымъ

райямъ. Совершенно другое зрѣлище представляетъ Герцеговина, бо̀льшая часть которой—нечто иное, какъ известковая пустыня, и страшная бѣдность почвы дѣлаетъ положеніе христіанскаго земледѣльца нестерпимымъ. Здѣсь главное произведеніе не маисъ, а табакъ и виноградъ; поэтому, въ виду особаго характера этихъ обоихъ растеній, правительство беретъ съ нихъ двойной налогъ. Откупщики податей, по обычаю, берутъ свою осьмину съ табака на корню, и съ винограда при сборѣ. Но потомъ съ остающагося табаку или винограда райи должны платить *гіуп-рукъ* — то есть акцизъ. Этотъ новый налогъ, такъ же, отдается на откупъ, и акцизные откупщики соперничаютъ въ жестокости и корысти съ осьминниками. Они налетаютъ, какъ саранча, на несчастныя селенія подъ прикрытіемъ заптіевъ и опредѣляютъ количество табаку, остающагося еще на корню, и винограда, избѣгнувшаго лапы осьминника; на раззореніе и угнетаніе райевъ этими акцизниками указывается съ наибо̀льшимъ жаромъ въ жалобѣ, поданной возставшими герцеговинцами иностраннымъ консуламъ. «Они ходятъ изъ дома въ домъ, по словамъ этого документа, съ поля на поле и тянутъ время своего пребыванія сколько угодно, съ цѣлью пользоваться какъ можно долѣе даровой пищей. Подъ предлогомъ, что въ ихъ разсчетахъ могла вкрасться ошибка, они повторяютъ раза по два свой обходъ; наконецъ, посылаютъ еще вторыхъ сборщиковъ за первыми, на томъ основаніи, чтобъ раскрыть—не было ли какого обмана со стороны первыхъ, точно они всѣ—не сообщники одного дѣла. При этомъ, они принимаютъ на себя покровительственный видъ и стараются увѣрить, что строго заботятся о справедливости и общемъ благосостояніи. Такимъ образомъ, народъ всегда терпитъ страшный вредъ и невѣроятное раззореніе. Вообще, сборщики податей въ каждомъ жилищѣ разыгрываютъ роль инквизиціи: имѣя право, какъ мы уже видѣли относительно Босніи, проникать въ домъ каждаго райя, и дозволяютъ себѣ всевозможныя жестокости.

Другое главнѣйшее зло въ Герцеговинѣ также отчасти обусловливается физическимъ характеромъ страны. Горы здѣсь выше, чѣмъ въ Босніи, и твердыни стараго феодальнаго дворянства еще менѣе доступны. Въ Босніи, мѣстные аги и беги подчинены власти центральнаго правительства, но въ Герцеговинѣ ихъ власть гораздо болѣе сохранила свою старинную, жизненную силу. Несчастные райи должны нетолько удовлетворять требованіямъ своихъ повелителей, турецкихъ властей, но находиться въ полномъ подчиненіи гордой аристократической касты, смотрящей на христіанскихъ поселянъ съ презрѣніемъ феодала къ *вилену* и съ отвращеніемъ фанатичнаго мусульманина къ гяуру. Въ виду этого двойнаго неравенства, общественнаго и религіознаго, христіанскій *кметъ* находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ европейскій поселянинъ въ самую темную эпоху среднихъ вѣковъ, и совершенно зависитъ отъ магометанскаго собственника

земли, словно онъ—его рабъ. По закону, ага долженъ заключать письменное условіе съ своимъ кметомъ относительно количества его работы и платы за землю, но, въ сущности, этотъ мелкій, неограниченный повелитель гордо отказывается отъ подобнаго контракта, и турецкое правительство, зная, что оно потеряетъ Герцеговину въ двадцать четыре часа, если станетъ серьёзно дѣйствовать противъ туземныхъ славянскихъ магометанъ, дозволяетъ бегу или агѣ нарушать законъ вполнѣ безнаказанно. Поэтому, они обращаются съ кметами, какъ съ невольниками, и безжалостно бьютъ ихъ палками, какъ безсловесныхъ животныхъ. Ага захватываетъ когда ему угодно, землю, домъ или садъ райи. Обычная плата, вносимая кметомъ собственнику, какъ говорятъ герцеговинскіе райи въ своей жалобѣ консуламъ, уже достаточно тяжела сама по себѣ. Онъ обязанъ отдавать землевладѣльцу четвертую часть собранныхъ произведеній, одно животное въ годъ и извѣстное количество масла и сыра, также возить опредѣленное число дровъ изъ лѣса, а если ага строитъ домъ, то матерьялы для него, и работать даромъ, когда онъ потребуетъ, даже посылать на работу своихъ дѣтей; наконецъ, онъ обязанъ засѣять табакомъ поле, обработать его и свезти сборъ въ хозяйскую житницу, а также вспахать и засѣять назначенное число акровъ, съ которыхъ вся жатва одинаково должна быть свезена въ хозяйскую житницу. Кромѣ того, кмету вмѣняется въ обязанность принимать въ своемъ домѣ агу съ его лошадьми и собаками.

«Такимъ образомъ, замѣчаетъ Эвансъ:—возстаніе въ Герцеговинѣ направлено болѣе противъ магометанскихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ противъ султана, и, по преимуществу, это—аграрная война. Если къ притѣсненіямъ райевъ сборщиками податей и землевладѣльцами, къ насильственной барщинѣ, требуемой турецкими властями и мѣстными агами, мы прибавимъ невозможность добиться справедливости въ судахъ, отвратительныя жестокости заптіевъ и ненасытное корыстолюбіе фанаріотскаго епископа въ Мостарѣ, то будемъ имѣть достаточно дѣйствительныхъ причинъ къ возстанію и безъ вмѣшательства внѣшнихъ агитаторовъ, хотя, конечно, въ рядахъ возставшихъ герцеговинцевъ находились многіе представители юго-славянскихъ народовъ, отъ чеховъ до черногорцовъ. Очень естественно, что славяне, внѣ турецкихъ предѣловъ, выразили сочувствіе и оказали помощь своимъ братьямъ-герцеговинцамъ въ ихъ борьбѣ за свободу, тѣмъ болѣе, что солидарность между различными племенами южно-славянской расы, какъ удостовѣряютъ заслуживающіе полной вѣры авторитеты, достигла такого развитія, которое заслуживаетъ полнаго вниманія англійскихъ государственныхъ людей. Но яснымъ доказательствомъ, что возстаніе не возбуждено внѣшними агитаторами, служитъ то обстоятельство, что сербское революціонное общество *омладина* было приведено въ изумленіе этой вспышкой».

Указавъ съ достаточной подробностью на главныя причины возстанія, Эвансъ признаётъ, что ему содѣйствовало нѣсколько случайныхъ обстоятельствъ: во-первыхъ, посѣщеніе Далмаціи австрійскимъ императоромъ, весною 1875 года, возбудило надежды на австрійское вмѣшательство, и какъ католики, такъ и православные герцеговинцы обратились къ нему съ петиціями; во-вторыхъ, споръ между Турціей и Черногоріей по дѣлу о Подгорицѣ побудилъ недовольныхъ въ Герцеговинѣ ожидать содѣйствія отъ черногорцевъ; наконецъ, неудовольствія на турецкое правительство францисканскихъ братствъ, по случаю нарушенія нѣкоторыхъ изъ ихъ привилегій и отсрочки утвержденія султаномъ ихъ фирмановъ, расположили католическое населеніе войти въ союзъ съ православными. Это послѣднее обстоятельство составляетъ одну изъ любопытныхъ чертъ настоящаго герцеговинскаго возстанія, и, дѣйствительно, сначала, по словамъ Эванса, католики сражались рука объ руку съ православными за свободу своей родины; но это продолжалось недолго, и многіе изъ нихъ впослѣдствіи измѣнили національному дѣлу и, какъ увѣряетъ докладъ консульской комиссіи, францисканскіе монахи имѣли цѣлью только доказать во-очію силу своего вліянія между католическимъ населеніемъ.

Взглядъ Эванса на причины возстанія вполнѣ подтверждается исторіей первой вспышки въ Невесиньѣ, которую онъ разсказываетъ согласно собраннымъ имъ свѣдѣніямъ отъ европейскихъ консуловъ и мѣстныхъ жителей. Это селеніе находится въ двѣнадцати миляхъ отъ Мостара, на юго-восточномъ откосѣ горнаго кряжа, возвышающагося надъ главнымъ городомъ Герцеговины; передъ нимъ простирается значительное горное плато̀, извѣстное подъ названіемъ Невесинскаго Поля и окруженное со всѣхъ сторонъ обнаженными известковыми горами. Въ подобной пустынной, горной твердынѣ вообще нельзя ожидать хорошаго урожая даже въ самый лучшій годъ, но въ 1874 году почти ничего не родилось. Однако, ка̀къ скудна ни была жатва, ея все же нельзя было собирать до появленія откупщика осьмины, а такъ какъ онъ до глубокой осени не пріѣзжалъ, то все сгнило на корню и только самую малую часть собрали поселяне, выйдя изъ терпѣнія отъ мучившаго ихъ голода. Только въ январѣ 1875 года прибыли откупщики осьмины, состоявшіе изъ одного христіанина и двухъ членовъ магометанской аристократіи Герцеговины, которые соперничаютъ съ фанаріотскими греками въ этомъ позорномъ ремеслѣ; рѣшившись собрать безжалостный налогъ до послѣдняго гроша, они оцѣнили жатву гораздо выше, чѣмъ въ дѣйствительности она стоила, и, когда поселяне отказались исполнить ихъ несправедливое требованіе, то они спустили своихъ собакъ, кровожадныхъ заптіевъ, которые грабили, сковывали и подвергали жестокому избіенію всѣхъ, кого хотѣли. Сельскіе старшины пробовали жаловаться каймакаму, но, встрѣтивъ лишь оскорбленія и угрозы, бѣжали въ Черногорію;

остальные поселяне, не видя ни откуда помощи и перенося ежедневно всевозможныя притѣсненія, также спаслись съ своимъ скотомъ въ сосѣднія горы, и во всемъ Невесиньѣ остался только одинъ старикъ, котораго заптіи связали и отправили въ Мостаръ.

Между тѣмъ, подобныя же неистовства происходили въ сосѣднихъ округахъ; тревожные слухи о раззоренныхъ селеніяхъ достигали до ушей европейскихъ консуловъ, а невесинцы передали мрачную повѣсть своего угнетенія австрійскому императору, путешествовавшему тогда по Далмаціи. Дервишъ-паша понялъ, что ему пора вмѣшаться, положить конецъ быстро распространявшемуся движенію между райями, и удовлетворить гуманнымъ стремленіямъ европейскихъ правительствъ. Тогда-то онъ назначилъ знаменитую слѣдственную комиссію, о которой мы говорили выше, и обѣщалъ герцеговинцамъ, бѣжавшимъ въ Черногорію, свободный доступъ обратно на родину. Этими мѣрами генерал-губернаторъ достигалъ двоякой цѣли: мести противъ возставшихъ христіанъ и возможности бросить пыль въ глаза консуламъ. Когда бѣглецы стали возвращаться, то, несмотря на выданные имъ пропуски, были встрѣчены ружейными выстрѣлами турецкихъ солдатъ, а въ Невесиньѣ турецкія власти дозволили безнаказанно мѣстнымъ мусульманамъ умертвить райевъ, достигшихъ, наконецъ, своихъ покинутыхъ жилищъ. Мы видѣли уже, къ какимъ результатамъ пришла коммисія и какъ она нелѣпо извратила истину. Все это могло, по мнѣнію губернатора, годиться для консуловъ, но онъ хорошо зналъ, что надо было принять другую тактику для уничтоженія опаснаго духа, возникшаго между райями. Онъ объяснилъ, что стрѣляли въ возвращающихся изгнанниковъ по *недоразумѣнію*, а, чтобы доказать христіанамъ дѣйствительное значеніе комиссіи, пригласилъ принять въ ней участіе представителя черногорскаго князя. Въ сущности, собранныя комиссіей свѣдѣнія были совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя Дервишъ-паша соблаговолилъ передать англійскому консулу. Всѣ притѣсненія, переносимыя герцеговинцами со стороны турецкихъ властей, ясно выражены въ слѣдующихъ семи требованіяхъ, заявленныхъ невесиньцами комиссіи: 1) чтобы турки не безчестили христіанскихъ женщинъ и дѣвушекъ; 2) чтобы ихъ церквей не оскверняли и дозволяли имъ полную свободу вѣроисповѣданія; 3) чтобы они пользовались одинаковыми съ турками правами передъ закономъ; 4) чтобы ихъ охраняли отъ насилія заптіевъ; 5) чтобы откупщики податей собирали только то, на что они имѣли законное право и въ должное время; 6) чтобы каждый домъ платилъ не болѣе одного дуката въ годъ; 7) чтобы правительство не требовало даровой работы людьми или лошадьми, а чтобы платило за нее какъ водится во всемъ свѣтѣ. Послѣднія два требованія были лично заявлены Дервишу-пашѣ, который самъ отправился въ Невесинье и обѣщалъ сдѣлать все возможное

для удовлетворенія означенныхъ желаній райевъ, если они, прежде всего, выдадутъ свое оружіе. Христіане, еще въ то время не приступавшіе къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ, выразили согласіе, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы паша принялъ мѣры для защиты ихъ отъ окружающихъ фанатиковъ-мусульманъ. Дервишъ-паша не могъ или не хотѣлъ этого сдѣлать, и, послѣ его отъѣзда, христіане, устрашенные враждебнымъ настроеніемъ мусульманъ, снова бѣжали въ горы. «Тогда, говоритъ Эвансъ:— мусульмане, подъ предводительствомъ бега, одного изъ откупщиковъ осьмины, ворвавшись въ казенный арсеналъ, захватили хранившіяся тамъ ружья, и, 1-го іюля 1875 года, междоусобная война въ Герцеговинѣ была начата не христіанами, а фанатичными послѣдователями Магомета, которые изрубили всѣхъ христіанъ, оставшихся, по болѣзни, въ Невесиньѣ. Скрывавшіеся въ горахъ райи немедленно возвратились и, естественно, отомстили за эту рѣзню, а турецкія власти, вмѣсто того, чтобы прекратить безпорядки и наказать злодѣевъ, отправили два батальйона на помощь мусульманскимъ убійцамъ для поголовнаго избіенія христіанъ. Когда вѣсть объ этомъ распространилась, то райи сосѣднихъ округовъ, терпѣвшіе подобныя же притѣсненія, отозвались на пламенный кличъ о помощи невесинцевъ, и бо̀льшая часть христіанскаго населенія, отъ католическихъ обитателей праваго берега Неретвы до православныхъ жителей черногорской границы—подняла оружіе».

Съ тѣхъ поръ партизанская война продолжалась до конца августа прошлаго года, когда посѣтилъ Герцеговину Эвансъ, безъ рѣшительныхъ результатовъ для той или для другой стороны. Христіане сожгли нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ вдоль черногорской границы и захватили турецкіе запасы, но гарнизоны спасались бѣгствомъ, и такъ-называемые инсургенты не взяли ни одного значительнаго города, такъ какъ мусульманскій элементъ очень силенъ въ городскомъ населеніи. Дервишъ-паша, одинъ изъ лучшихъ турецкихъ генераловъ и знающій хорошо топографію Герцеговины, гдѣ онъ отличался еще при Омерѣ-пашѣ въ 1851 году, составилъ искусный планъ войны, по которому турецкія войска̀ должны были занять большими отрядами всѣ долины, а партизанскими шайками дѣлать облаву въ горахъ и гнать христіанскаго звѣря въ разставленную сѣть; но для успѣшнаго исполненія своего плана онъ не имѣлъ достаточно войска, хотя получалъ постоянно подкрѣпленія, высаживавшіяся въ портѣ Клекѣ безъ всякой помѣхи австрійскаго правительства. Что̀ касается способа веденія междоусобной войны, то Эвансъ съ обычнымъ безпристрастіемъ заявляетъ, что съ обѣихъ сторонъ совершались величайшія жестокости. «Но, прибавляетъ онъ:—религія въ подобномъ дѣлѣ—ничто, а человѣческая природа—все; нѣтъ никакого основанія *a priori* сомнѣваться въ жестокости христіанъ, примѣры которой намъ разсказывали, но если даже они и совершили, какъ увѣряетъ

англійскій консулъ, страшное auto-da-fé въ Любиньѣ, то виновны въ этомъ не несчастные райи, а тираны, которые довели ихъ до подобнаго дикаго остервененія вѣковымъ гнётомъ, подобно тому, какъ роковые ужасы французской революціи были только реакціей противъ накопившихся вѣками злодѣйствъ деспотическаго правленія. Вполнѣ справедливо, что райи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заставляли силой христіанскія селенія принимать участіе въ мятежѣ и даже для этой цѣли жгли домà и нивы, но это роковое явленіе вполнѣ объясняется отчаяніемъ самозащиты, въ виду сильнаго врага, и той позорной апатіей, которую внушила многимъ христіанамъ долговременная тиранія. Извѣстныя строфы римскаго поэта Клавдіана о жителяхъ этихъ самыхъ странъ, которые, благодаря ежегоднымъ вторженіямъ варваровъ, потеряли всякое сознаніе наносимаго имъ вреда и послѣднюю тѣнь человѣческаго самоуваженія, какъ нельзя болѣе кстати могутъ быть примѣнимы и въ настоящее время».

О самомъ Дервишѣ-пашѣ Эвансъ отзывается съ похвалою, какъ о человѣкѣ способномъ и образованномъ. Маленькаго роста, съ умнымъ выраженіемъ лица и хитрыми, сѣрыми глазами, онъ очень любезно принялъ нашего путешественника и разговаривалъ съ нимъ, съ помощью французскаго переводчика, о различныхъ предметахъ, старательно избѣгая политики. Несмотря на веселую улыбку, игравшую на его лицѣ, онъ очевидно былъ озабоченъ и, во время краткой аудіенціи Эванса, прочиталъ про себя нѣсколько тутъ же полученныхъ депешъ. Хотя онъ выражалъ англійскому консулу въ тотъ же день, что онъ очень доволенъ результатами своей кампаніи въ Герцеговинѣ, Дервишъ-паша, по словамъ Эванса, убѣжденъ, что онъ защищаетъ проигранное дѣло. «Онъ чувствуетъ, подобно многимъ высшимъ турецкимъ дѣятелямъ, что Оттоманская Имперія стоитъ на краю бездны, и, наступитъ ли послѣдній ея часъ сегодня или завтра, агонія уже началась. Онъ знаетъ нехуже европейца, что между турецкими властями пропала всякая тѣнь общественной честности, что истинный патріотизмъ и никакой прогрессъ немыслимы». Несмотря на обычное въ туркѣ равнодушіе къ страданіямъ райевъ, Дервишъ-паша желалъ улучшить матеріальное положеніе ввѣренной ему страны; но всѣ его попытки разбивались о растлѣніе политическихъ нравовъ въ Стамбулѣ и непроходимое невѣжество его подчиненныхъ. «Какая польза предпринимать ту или другую реформу, говорилъ онъ не разъ консуламъ:—мутессарифы и каймакамы не могутъ ихъ понять, а еслибы и поняли, то не въ состояніи примѣнить, такъ какъ народъ поднялъ бы на смѣхъ всѣ реформы, идущія черезъ ихъ руки».

Дервишъ паша нетолько на словахъ былъ любезенъ съ англійскими путешественниками, но, узнавъ, что они, въ виду нестерпимыхъ жаровъ, желали продолжать свое путешествіе верхомъ до Метковича, на далматской границѣ, доставилъ имъ лошадей,

которыхъ иначе было очень трудно найти, и даже дозволилъ имъ, для бо̀льшей безопасности, отправиться съ караваномъ изъ шестидесяти герцеговинцевъ, подъ прикрытіемъ конвоя заптіевъ. Хотя это странствіе продолжалось только пятнадцать часовъ, но было однимъ изъ самыхъ непріятныхъ, когда-либо совершенныхъ нашимъ авторомъ. Вся окрестная страна представляла безконечную, обнаженную, пыльную пустыню, перерѣзываемую по всѣмъ направленіямъ низкими, известковыми кряжами. Ближе къ границѣ стали замѣтнѣе слѣды возстанія, которое, благодаря жестокостямъ турокъ, покрыло развалинами на сотни квадратныхъ миль всю границу Герцеговины со стороны Далмаціи и Черногоріи. Въ этой части долины Неретвы христіане возстали болѣе противъ беговъ, своихъ феодальныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ противъ турецкихъ властей, и потому мусульманскіе жители нѣкоторыхъ изъ селеній приняли участіе въ мятежѣ наравнѣ съ христіанами. Эвансъ проѣхалъ, между прочимъ, мимо католическаго селенія Драсево, которое, вмѣстѣ съ деревней Расно, первое подняло оружіе въ этой части Герцеговины. Вооруженные христіане заняли мостъ черезъ маленькую рѣчку Крупу, по которому турки должны везти изъ порта Клекъ пушки и провіантъ, хотя мостъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что караванъ, сопровождавшій Эванса, съ трудомъ перешелъ по изломаннымъ доскамъ, и то по одиночкѣ. Тутъ райи поставили сильный караулъ, свободно пропуская путешественниковъ и даже заптіевъ и угрожая только бегамъ, такъ какъ сначала они вовсе не имѣли намѣренія воевать съ султаномъ. Открытая же борьба началась недалеко отъ этого моста, у мельницы подъ названіемъ Стружъ. Мельникъ-мусульманинъ, оскорбленный угрожающимъ положеніемъ сосѣднихъ райевъ, отказался молоть хлѣбъ христіанамъ, которые такимъ, образомъ остались, безъ средствъ къ существованію. Тогда райи близлежащаго селенія Горицы рѣшились отмстить мельнику, а онъ, въ свою очередь, позвалъ на помощь заптіевъ. Здѣсь раздались первые выстрѣлы; турки одержали побѣду, ограбили и сожгли все селеніе, осквернили церковь и вырыли мертвецовъ на кладбищѣ, а христіане бѣжали въ горы. Такимъ образомъ, инсургентамъ въ долинѣ Неретвы съ самаго начала не повезло счастье, и, когда турки убійствомъ настоятеля францисканскаго монастыря въ Ливнѣ навели страхъ на все католическое духовенство, то послѣднему нетрудно было убѣдить своихъ духовныхъ дѣтей къ покорности и смиренію передъ побѣдителемъ. Немного далѣе глазамъ нашихъ путешественниковъ представилось печальное зрѣлище сожженнаго турками селенія Доліянъ, гдѣ, въ то время, солдаты возводили изъ остатковъ несчастныхъ раззоренныхъ жилищъ пикетную сторожку.

Наконецъ, достигнутъ былъ Метковичъ, первое далматинское селеніе въ предѣлахъ Австрійской Имперіи, и Эвансъ простился съ Герцеговиной. Но съ герцеговинцами ему суждено было еще

увидѣться въ Рагузѣ, которая, строго придерживаясь своего древняго прозвища Города-Убѣжища, пріютила нынѣ несчастныхъ бѣглецовъ изъ княжества св. Саввы, нѣкогда сосѣдняго съ великой Рагузской Республикой. Тамъ, по словамъ Эванса, въ сентябрѣ прошлаго года, было до шестидесяти семействъ герцеговинскихъ бѣглецовъ, въ числѣ которыхъ ни одного юноши старше тринадцати лѣтъ и ни одного старика моложе семидесяти. Они содержатся очень хорошо на счетъ австрійскаго правительства и рагузскаго муниципалитета, которые выдаютъ на каждаго по 33 крейцера, что̀ составляетъ небольшую сумму, но достаточную для прокормленія. Другая подобная же колонія бѣглецовъ устроена въ Гравозѣ.

Хотя мы нисколько не сомнѣваемся въ справедливости этого отзыва обыкновенно столь безпристрастнаго и свѣдущаго Эванса, но путешественники, посѣтившіе Рагузу позднѣе его, рисуютъ совершенно иную картину ужаснаго положенія герцеговинскихъ семействъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ. Такъ, неизвѣстный авторъ «*Посѣщенія дамой герцеговинскихъ инсургентовъ*», напечатаннаго въ іюльской книжкѣ «*Cornhill Magazine*», говоритъ, что въ Рагузѣ находится 6,000 герцеговинцевъ, и, хотя австрійское правительство отпускаетъ на каждаго по 10 пенсовъ въ день, но, въ виду общей дороговизны, ихъ положеніе самое отчаянное. «Трудно себѣ вообразить что̀-либо печальнѣе зрѣлища, представляемаго отведеннымъ для этихъ несчастныхъ «*Lazaretto*», говоритъ англичанка: — большинство изгнанниковъ едва имѣютъ человѣческій образъ: изнуренныя, покрытыя лохмотьями женщины сидятъ на землѣ въ безпомощномъ горѣ; совершенно голыя дѣти тщетно молятъ о пищѣ; старики, съ поблекшими глазами, тупо смотрятъ на всѣхъ окружающихъ, какъ бы относясь съ равнодушной апатіей къ своей судьбѣ. Но еще ужаснѣе заглянуть въ тѣ трущобы, гдѣ лежатъ больные и раненые изгнанники самаго бѣднаго класса. Въ одной темной, мрачной комнатѣ безъ окна мы видѣли около ста несчастныхъ, которые жили, ѣли, спали и умирали другъ подлѣ друга на каменномъ полу. Атмосфера была до того густа и зловонна, что, впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, мы не могли ни дышать, ни видѣть; потомъ, мало-по-малу, словно привидѣнія, стали обрисовываться передъ нами страшныя, изнуренныя фигуры. Сердце сжимается при воспоминаніи о тѣхъ страданіяхъ, которыя бросались намъ въ глаза на каждомъ шагу. Въ одномъ углу, восьмидесятилѣтній старикъ, совершенно слѣпой и едва прикрытый рубищами, жалобно стоналъ; рядомъ умиравшая женщина указывала исхудалой рукой на потолокъ, сквозь который проникалъ дождь; а немного далѣе, въ деревянной люлькѣ, присланной какой-нибудь благотворительной особой, плакали только-что родившіеся близнецы, надъ которыми уныло стояла ихъ мать, долженствовавшая прокормить ихъ и себя на несчастные десять пенсовъ австрійскаго правительства».

Отъ с.-петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета.

Уже скоро годъ, какъ въ горахъ Герцеговины и Босніи, полувооруженные и часто совсѣмъ голодные отряды возставшихъ съ отчаянія христіанъ богатырски сопротивляются всѣмъ усиліямъ турецкаго регулярнаго войска покорить ихъ. Скоро годъ, какъ покинувшія родину ихъ семейства, питаясь, между прочимъ, и тѣмъ, что доставляется имъ изъ Россіи, только что не умираютъ съ голоду, а многіе уже и умерли, такъ какъ приношеній на всѣхъ не хватало! Между тѣмъ, вернуться домой, упросивъ своихъ возставшихъ отцовъ, мужей или братьевъ, довѣриться обѣщаніямъ турокъ—значило бы добровольно пойти на вѣрную смерть. Тѣ, которые позволили себя обольстить и вернулись,—всѣ попали на висѣлицу, подъ топоръ или на колъ. Митрополитъ сербскій уже повѣдалъ русскому народу о томъ, какъ звѣрски обращаются турки съ подневольными имъ христіанами. Но по послѣднимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, ихъ звѣрство дошло до степени, еще болѣе неимовѣрной! Турки озлоблены тѣмъ, что возстаніе не прекращается, а напротивъ, заносится изъ области въ область, и не хотятъ или не умѣютъ понять, что оно и не можетъ прекратиться, пока они остаются все тѣми же вѣроломными ненавистниками христіанъ. Неспособные совладать съ христіанами въ честномъ открытомъ бою, они вторгаются въ мирныя христіанскія села, выжигаютъ до тла и жилища, и воздѣланныя христіанскимъ трудомъ поля, продаютъ христіанскихъ дочерей и женъ въ гаремы развратныхъ магометанъ, а стариковъ и дѣтей ввергаютъ въ огонь или распарываютъ имъ животъ. Такъ поступаютъ они теперь въ Болгаріи, куда не могла не залетѣть искра отъ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, и тѣмъ самымъ вынуждаютъ возстать тамъ уже всѣхъ и каждаго. Шайки переселившихся къ туркамъ черкесовъ и не менѣе дикая турецкая вольница, носящая названіе баши-бузуковъ, бросились съ огнемъ и мечомъ, по сотнямъ болгарскихъ селъ,—и отъ нихъ остались теперь только груды пепла и обезображенныхъ, безъ погребенія разлагающихся труповъ. До шестидесяти тысячъ мирныхъ жителей въ ко-

роткое время преданы самымъ ужаснѣйшимъ видамъ смерти и кровь ихъ понапрасну вопіетъ къ турецкому правосудію, ни мало не смущающемуся заступничествомъ за христіанъ долготерпѣливой Европы. Ужасающій видъ этихъ труповъ и этихъ развалинъ вызываетъ невольное бѣгство въ уцѣлѣвшемъ населеніи, оставшемся, въ полномъ смыслѣ слова, безъ крова и безъ куска хлѣба. Русскіе люди не мало послали своимъ бездомнымъ единовѣрцамъ—единоплеменникамъ изъ Герцеговины и Босніи, но да не устаетъ ихъ дающая рука, да распахнется ихъ сердце и для припавшихъ къ нему болгаръ. Въ былое, далекое время, Болгарія, раньше насъ огласившаяся христіанскою проповѣдью славянскихъ первоучителей, питала насъ хлѣбомъ духовнымъ, доставляя намъ произведенія своей христіанской письменности. Мы едва ли расплатились съ нею за это просвѣтительное вліяніе тѣми приношеніями, какія со времени постигшаго ее магометанскаго ига привыкли мы посылать въ ея обѣднѣвшіе храмы, а затѣмъ и въ ея убогія школы. Не должно забывать и о томъ, что и самимъ намъ въ былое время пришлось выносить продолжительное иго невѣрныхъ. Но татары въ XIII, XIV и XV вѣкахъ не доходили до того, до чего въ наше время, на глазахъ у просвѣщенной Европы, доходятъ турки. Западъ въ ту пору не поспѣшилъ на выручку нашей Руси, искупительно для него принявшей на себя одну всѣ удары азіатской орды. О крестовыхъ походахъ не думали болѣе и тогда, когда новые варвары, турки, поработили православныхъ славянъ и, водворившись въ столицѣ Царя Константина, замѣнили на храмѣ Святой Софіи нашъ христіанскій крестъ магометанскою луной. Земля русская только-что раздѣлывалась въ то время съ татарами. Съ тѣхъ поръ какъ ей удалось, наконецъ, сломить ихъ ярмо, взоры порабощенныхъ турецкихъ славянъ съ упованіемъ устремились къ ней. И по мѣрѣ того, какъ все крѣпла и крѣпла Россія, она все болѣе и болѣе сознавала за собою обязанность заступаться за христіанъ на Востокѣ, никогда не встрѣчая въ этомъ усердной поддержки на Западѣ, который, напротивъ, постоянно подозрѣвалъ тутъ съ ея стороны какія-то своекорыстныя цѣли. За эти-то ложныя подозрѣнія намъ и пришлось, наконецъ, поплатиться мученическимъ вѣнцомъ Севастополя. Но въ настоящее время и тѣ, кто особенно усердно защищалъ всегда турокъ, какъ невинныхъ, будто бы, жертвъ нашихъ придирокъ и нашихъ клеветъ, и сами англичане, наконецъ, повѣствуютъ открыто въ своей свободной печати о неслыханномъ варварствѣ турокъ и невыносимомъ положеніи христіанъ...

Общество для помощи послѣднимъ образовалось въ Англіи съ самаго почти начала возстанія. Но на это нельзя полагаться. Люди, способные щедро жертвовать съ этою цѣлью, все еще составляютъ на Западѣ только исключеніе. Между тѣмъ какъ они въ своей благородной ревности собираютъ лепты для христіанъ, и съ бо̀льшею щедростью, и съ бо̀льшею поспѣшностью,

доставляются съ той же стороны, хотя бы и негласно пособія ихъ угнетателямъ.

При видѣ гоненій, разразившихся, наконецъ, и надъ Болгаріей и напомнившихъ времена древнихъ христіанскихъ мучениковъ, и сербскій князь Миланъ и черногорскій князь Николай не были въ состояніи долѣе сдерживать свое сердце и выступили съ войсками на помощь своимъ гонимымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Мы, русскіе, не можемъ не признать предпринятой ими войны законною, не можемъ не желать имъ всею душою побѣды, не скорбѣть о каждомъ ихъ пораженіи. Въ свое время, великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ III, точно также выступилъ противъ державшей насъ въ неволѣ Золотой Орды, а архіепископъ ростовскій Вассіанъ прямо внушалъ ему, что клятва вѣрности, дававшася ханамъ его предками, не должна его связывать. «Когда клятва, говорилъ Вассіанъ, по нуждѣ бываетъ, то намъ повѣлено разрѣшать отъ нея и прощать, и мы прощаемъ, и разрѣшаемъ, и благословляемъ тебя, не какъ на царя, но какъ на разбойника, и хищника, и богоборца». Съ тѣми же самыми разрѣшительными словами въ правѣ теперь обратиться и сербскій митрополитъ къ князю своему Милану, до сихъ поръ признававшему верховную власть султана. Въ то время, какъ Англія доставляетъ послѣднему и оружіе, и деньги, мы ли не отзовемся сочувственно на освободительную войну нашихъ братьевъ? Люди русскіе, да не устаетъ ваша помогающая рука! Бѣдный, уже давшій свою трудовую копѣйку, по опыту зная, что значитъ нужда, пусть ее дастъ опять и опять: одна копѣйка не разоритъ, а изъ мірскихъ копѣекъ собираются тысячи, даже десятки и сотни тысячъ рублей. Богачъ, уже давшій и давшій щедро, пускай дастъ еще и еще отъ своего неизсякающаго избытка. Богачъ, еще ничего не давшій, потому что дать много жаль, а дать мало совѣстно, пусть не совѣстится дать хоть бездѣлицу, но пусть только дастъ! Люди темные, не знающіе толкомъ этихъ болгаръ, какъ не знали герцеговинцевъ и босняковъ, но слышавшіе о христіанахъ, томящихся въ Турціи, пусть даютъ Христа ради свою «милостыню спасенную». Люди образованные, но при всемъ томъ, еще малознакомые со славянами вообще и турецкими въ частности, пусть поскорѣе пополнятъ въ запасѣ своихъ познаній этотъ позорный пробѣлъ! Пора, наконецъ, не дозволять себѣ обольщать европейскими баснями о славянахъ, которые, будто-бы, до того отупѣли, что даже немного и чувствуютъ, когда ихъ кидаютъ въ огонь или сажаютъ на колъ! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и другихъ, что славянское дѣло—святое и разумное дѣло, на которое стòитъ жертвовать. Люди, горячо вѣрующіе въ Бога, пусть даютъ ради Его святыхъ словъ, что всѣ одинаково Его дѣти и между собою братья. Люди, безпрестанно толкующіе о человѣчествѣ, его преуспѣяніи, о благихъ плодахъ образованности, пусть поймутъ, наконецъ, что все это лишь *словà*,

если можно равнодушно сносить то, что дѣлается теперь на Востокѣ. Если Западъ фарисейски суетъ на видъ эти выспреннія слова и, въ то же время, на дѣлѣ пропитанный себялюбіемъ, преспокойно ихъ попираетъ ногами, то пусть же ихъ снова подымемъ мы; младшіе въ европейской семьѣ пусть спасутъ ея образованность отъ позора и поруганія. Люди русскіе, не теряйте времени! Проникнитесь всѣ однимъ чувствомъ, одною мыслью, жертвуйте, кто сколько можетъ и хочетъ, только жертвуйте всѣ и каждый.

Приношенія какъ деньгами, такъ и вещами, корпіею и т. п., принимаются каждодневно, отъ 11-ти до 5-ти часовъ, у Чернышева моста, въ домѣ, гдѣ 6-я гимназія, въ помѣщеніи Географическаго Общества.

ОПЕЧАТКА.

На страницѣ 377-й, въ 1-й строкѣ, вмѣсто стиха: «*Печально я бродилъ по берегу*», слѣдуетъ читать: «*Печально я бродилъ по берегу ручья*».

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1876 г.

(По общей нумераціи тома CCXXVI).

Іюль № 7.

СТРАН.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЗЕМСТВА. 1864 — 1875.— X—XII. 91

БРОДЯЧАЯ РУСЬ. Скрытники и христолюбцы. Главы: I—VI 147

ЖАКЪ. Современные нравы. **Альфонса Додэ.** Часть вторая. Гл. I—VII. **А. П.** 209

ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ **Бретъ-Гарта.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 113—144).

Августъ № 8.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. (Замѣтки присяжнаго засѣдателя). **В. Никитина.** 279

БРОДЯЧАЯ РУСЬ. Скрытники и христолюбцы. (*Окончаніе*). **С. Максимова** 321

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ. **Петра Вейнберга** 375

КАРТИНКИ И НАБЛЮДЕНІЯ. **А—вой** 383

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СМЕРТИ. **Н. Курочкина** 411

СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО ОПТИМИСТА. **Е. Ананьева** 413

СТИХОТВОРЕНІЕ. **Н. Курочкина** 494

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА. Часть вторая. Гл. XII.—Поселеніе въ Курганѣ. . . 495

ВЫМОРОЧНЫЙ. **Н. Щедрина** 521

ЖАКЪ. Современные нравы. **Альфонса Додэ.** (*Окончаніе*). **А. П.** 559

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Іюль № 7.

СТРАН.

О САМОВОЗГОРАНІИ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ПРИЧИНАХЪ ПОЖАРОВЪ ВЪ РОССІИ. **П. М. Лохтина.** 1

РЕАЛЬНЫЙ РОМАНЪ ВО ФРАНЦІИ. (Три публичныя чтенія П. Д. Боборыкина). Чтеніе второе. *Братья Гонкуръ.* — Характеръ ихъ сотрудничества.—Особенности манеры и языка.—Взглядъ на общее содержаніе ихъ реалистическихъ произведеній. — Анализъ романовъ «Сестра Филомена», «Жерминй Ласертё» и «Госпожа Жервезэ». — Судьба французской женщины изъ народа. — *Дрозъ* и его «Баболенъ». — *Альфонсъ Додэ.*— Его литературные дебюты. — Своеобразный реализмъ Додэ въ романѣ: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій». — Чтеніе третье. *Эмиль Золà.* — Личная его судьба, по автобіографическому очерку. — Первая манера его реализма: «Тереза Ракенъ». — Вліяніе политическихъ событій на замыслы романиста. — Эпопея «Ругоны-Макаръ».—Характеристика выдающихся качествъ и слабыхъ сторонъ Золà. — Общій взглядъ на мотивы французскаго реальнаго романа.—Картина литературнаго труда въ школѣ французскихъ реалистовъ.—Плодотворность ихъ изученія въ связи съ движеніемъ нашей беллетристики 38

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Законъ о высшемъ образованіи и его значеніе для клерикаловъ. — Пренія по поводу законопроекта Ваддингтона въ палатѣ депутатовъ, съ 1-го по 7-е іюня.—Расколъ между бонапартистами. — Принятіе закона палатою до сенатскаго утвержденія. — II. Необходимость отсрочки реформъ для спасенія положенія.—Нападенія Накэ на поземельный кредитъ.—Неловкости Тиссандье и Лезана.—Два раздѣленія республиканскаго большинства.—Сенатская интрига: выборъ Бюффѐ въ пожизненные сенаторы (16-го іюня). — Сторонники реакціи и отстраненіе отъ голосованія Сиссэ. — Отвѣтъ министерства на сенатскій вызовъ. — Противуклерикальное направленіе палаты, подтвержденное докладами Тюркэ и Гюишара.—

СТРАН.

крытіе преній по поводу муниципальнаго закона.— Опозиція Гамбетты приводитъ къ окончательному заявленію де-Марсэра. — Отклоненіе предложенія Гамбетты и непримиримыхъ. — Отмѣна закона де-Брольи.—Отклоненіе возвращенія къ закону 1871 г., предложеннаго роялистами, и избраніе мэровъ прямою подачею голосовъ въ общинахъ, предложенное бонапартистами.—Обличеніе лже-либерализма враговъ республики. — Предоставленіе правительству назначенія кантональныхъ мэровъ.—Принятіе правительствомъ общихъ выборовъ для обновленія состава муниципальныхъ совѣтовъ. — Неуспѣхъ сторонниковъ конфликтовъ. — Нація и окружающіе маршала. — Запросъ Луи-Блана о восточныхъ дѣлахъ.—Непризнаніе выбора де-Мёна. — Несостоявшійся запросъ объ отношеніи церкви къ государству.—Сенатскія пренія по законопроекту Ваддингтона съ 1-го по 21-е іюля.—Рѣчь Шалемелля-Лакура.—Рѣчи Валлона, Дюпанлу и Жюля Симона.— Рѣшительная измѣна Лабулэ.—Появленіе на сценѣ герцога де-Брольи.—Слабость Дюфора.—Конфликтъ съ 5 ю голосами большинства.—Первое заявленіе недовольства палаты депутатовъ: Гамбетта и очередной порядокъ 22-го іюля. — Противуклерикальное прославленіе памяти Поля-Луи Курье. **Людовика**. . . 165

XIII. — ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г. И ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ. **А. Головачова** 193

XIV. — ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ. (Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія).—IV. 220

XV. — БОСНІЯ И ГЕРЦЕГОВИНА ВО ВРЕМЯ ВОЗСТАНІЯ. 241

XVI. — ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА . 287

Объявленія о выходѣ августовской книжки «Русской Старины» и отъ книжнаго магазина Е. Мелье.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1876 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., *съ доставкою:* 16 р. сер., *съ пересылкою:* 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: *Въ Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **исключительно** *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ, ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

8 томовъ (35 пьесъ). Цѣна за всѣ томы 12 р., на пересылку за 10 ф.

№ 14, внутри Гостинаго Двора (входъ съ Невскаго, въ ворота), въ С.-Петербургѣ, у В. П. Печаткина, новое полное изданіе

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) **6 руб., вѣс. за 6 ф.**

Отдѣльно: часть VI — **1 р. 50 к.**; части IV и V по **2 р.**

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Литейная, 38) за пересылку ничего не прилагаютъ.

А. Краевскій.

Ш/83-707 „П"

Отеч. записки
1876
т. 227 № 8.